

Сеит Каскабасов
ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ
«ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ДИАЛОГ» (Алматы, 2008)

Казахская словесность, имена виднейших казахских писателей органически вписаны в историю мировой культуры. Период независимости открыл новые горизонты и создал наиболее благоприятные условия для развития международных литературных и культурных связей Республики Казахстан. В изменившихся исторических реалиях настало время разработки новых методологических проблем, связанных с переосмыслением историко-литературных аспектов диалога культур, определением места казахской литературы в мировом художественном процессе, выявлением роли и значения литературы в развитии современного национального самосознания в полиэтническом государстве.

Казахстан издревле был вовлечен в мировой культурный процесс. Процессы культурного обмена, уникальные транзитные особенности Казахстана проявились наиболее отчётливо и ярко с открытием Великого шёлкового пути. Уже в средние века мощно развивались тюркская, казахская, античная, арабская и китайская литературы и культуры, они приносили каждая своё и обогащали друг друга. Особенно интенсивно культурные контакты стали развиваться в новое время. Особое географическое расположение – на перекрёстке Востока и Запада, образ жизни и многообразие культур, существовавших на территории Казахстана, определили специфику казахской культуры, её открытость и вселенскую отзывчивость. XIX век принёс в казахскую степь проникновение русской культуры. Творения мировой классики стали знакомы казахскому читателю через русский язык.

Древние культурные связи Руси со Степью прослеживаются на протяжении веков. О. Сулейменов в книге-эссе «Аз и Я» приводит множество тюркских терминов и грамматических конструкций, используемых безвестным автором «Слова о полку Игореве», и высказывает предположение, что написать «Слово...» мог

Нет такого народа, кто не искал бы в своей жизни утверждения национальной гордости.

А.Н. Толстой

и обрусевший кипчак. Связи русских с туранцами закреплены не только этнографически, но и антропологически, «ибо в русских жилах, несомненно, течёт, кроме славянской и угро-финской, и тюркская кровь».

Татищев и Паллас, Левшин и Пушкин, Потанин и Стасов, Веселовский и Тверитин и другие заложили основу многих научных дисциплин. В формировании науки о казахском устно-поэтическом творчестве, берущей начало со второй половины XVIII века и уже в досоветский период сложившейся как научная дисциплина, огромна роль российских учёных-востоковедов, тюркологов и деятелей культуры. На первом этапе становления науки о казахском фольклоре преобладала ознакомительно-описательная работа, носившая порою характер экзотического любования. В этот период, за отдельным исключением, не было подлинно научных исследований о фольклоре и даже специальных текстовых сборников. Отдельные же фольклорные сюжеты давались в пересказе в путевых очерках, дневниках и записях тех, кто бывал в Казахстане.

Первые сведения о хозяйстве, быте и культуре казахов стали известны России и Европе благодаря трудам П. Палласа, Н. Рычкова, И. Георги, Г.Г. Спасского и других. Особенно значительным был трёхтомный труд А. Левшина «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» (1832 г.), высоко оценённый «Литературной газетой», редактором которой был А.С. Пушкин.

Начало освоения казахской литературы связано с именем Пушкина, который записал поразивший его фольклорный шедевр «Козы Корпеш – Баян Сулу», а Тверитин перевёл его на русский язык. Академик Веселовский широко вводил казахский материал в научный оборот. Существенный вклад в становление казахской фольклористики внесли Императорское Русское географическое общество, его отделы и подотделы в Оренбурге, Омске и Семипалатинске. На страницах «Известий ИРГО» и «Записок ИРГО» печатались научные статьи Г. Потанина, П. Семёнова-Тянь-Шанского, В. Вельяминова-Зернова, В. Радлова, а в периодических изданиях – работы И. Алтынсарина, С. Джантурина, Т. Сейдалина, А. Белослюдова и многих других. Особую роль сыграли научные сборники В. Радлова, И. Березина, Я. Лютша, Г. Потанина.

К концу XIX – началу XX столетия казахский фольклор стал исследоваться более глубоко. Это – работы выдающихся русских учёных В.В. Стасова, Вс.Ф. Миллера, А.Н. Веселовского, В.В. Радлова, Г.Н. Потанина. В последней трети XIX и начале XX века стали собирать и исследовать музыкальный фольклор Р.А. Пфенниг, А.Ф. Эйхгорн, М.Г. Готовицкий, В.А. Мошков, Г.И. Гизлер, С.Г. Рыбаков и другие.

Затем Казахстан стал проявлять интерес к России, что сменилось впоследствии взаимным интересом. Свидетельством этого стало каждодневное взаимодействие и взаимообмен. И, конечно же, идеи Трубецкого, Карсавина и других евразийцев нашли благодатную почву в наших странах и в наших литературах.

Диалог Востока и Запада оказывает влияние на литературу и культуру евразийских государств. Немаловажное значение в сохранении межэтнического согласия имеет евразийская ментальность, присущая двум ведущим этносам страны – казахам и русским, от психологического настроения которых многое зависит в политической жизни нашего государства.

В менталитете этих двух наций наличествует много общего, выработанного не только историческими и культурными обстоятельствами, сформированными многовековой их совместной жизнью. Общая для них ментальность является также плодом условий их жизни, протекавшей на огромных просторах Евразийского континента, с его бескрайними степями и лесами, требовавшими от людей невероятных усилий и энергии, чтобы обеспечить себя какой-нибудь достойной жизнью. Именно это сформировало в течение многих тысячелетий т.н. евразийскую ментальность, рудименты (реликты) которой наиболее отчётливо сохранились в психологии, характере и поведении современных казахов и русских.

Для евразийских народов, живущих не в глубинной Европе и Азии, характерны толерантность, открытость и доверчивость. Эти черты характера особенно ярко обнаруживаются в менталитете казахов и русских. Терпимость к чужим религиям, к разноязычным соседям является следствием открытости и доверчивости обоих народов. Конечно, и эти качества имеют свои историко-социальные корни. Ещё в раннем средневековье в Казахстане

мирно уживались люди, проповедовавшие ислам, христианство, буддизм и иудаизм. В нашей стране никогда не было конфликтов, вызванных религиозной нетерпимостью. И в России русское православие не изгоняло людей иной веры. Надо полагать, что такая толерантность также обусловлена огромными просторами Евразийского континента, подарившего своим жителям широту души и открытость, как сами просторы, доверчивость, как сама природа, подлинным детищем которой были евразийские народы. Думается, что такая сформированная веками евразийская ментальность, как характерная черта евразийских наций, выступает в настоящее время одним из главных факторов сохранения межэтнического согласия в нашей стране.

Современный литературный процесс Казахстана, являясь составной частью мирового литературного процесса, наследует традиции предшествующих культурных эпох. Литературная классика, переосмысленная с новых позиций и вовлечённая в диалог культур, наполняется новым содержанием, открывается новыми гранями, ранее не исследованными. Диалогизм предполагает много аспектов (межличностный диалог, диалог текстов, диалог внутри текста, диалог героя и автора и т.д.). Подтверждением того является регулярное проведение международных конференций и издание их материалов: «Россия – Запад: диалог культур» (МГУ им. М.В. Ломоносова), «Восток – Запад: диалог культур» (КазНУ им. Аль-Фараби), издание сборников «Диалог культур» (Барнаул), «Литературная классика в диалоге культур» (Москва) и т.д.

У Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК и Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН установились прочные отношения. В серии «Эпос народов Евразии» вышел том, посвящённый лучшим образцам казахского романтического эпоса «Козы-Корпеш и Баян-сулу. Кыз Жибек» (Москва, 2003). Проведены две совместные международные научные конференции «Духовное наследие и современная культура: текстология, освоение, изучение» (2005) и «Пушкин – Абай и казахская литература» (2006). Участники последней обсуждали проблемы литературной рецепции, особенно характерные для казахско-русских литературных взаимоотношений. Среди участников видные учёные России, Узбекистана и, разумеется, Казахстана:

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЛИ им. А.М.Горького П.В. Палиевский, доктор искусствоведения АН Узбекистана М.А. Хамидова и другие. От нас – известные учёные Ш.Р. Елеукенов, Ж. Исмагулов, С. Абдрахманов, Н.О. Джуанышбеков, А.С. Исмакова, Т.В. Кривошапова, С.В. Ананьева и другие.

Абай и Пушкин – фигуры ренессансного типа, два гения, яркие представители евразийской культуры. Благодаря их творчеству, выступающему примером взаимопонимания и проникновения, русская и казахская литература стали широко известны мировому сообществу. Великий казахский поэт, гениальный мыслитель, талантливый композитор Абай – феноменальное явление не только казахской, но и мировой литературы. Просвещённый ум, тревожная ищущая мысль, удивительная цельность взгляда на мир отличали его поэзию, насыщенную философскими раздумьями о думках и чаяниях родного народа, о гуманистической сущности человеческого бытия. Идеи торжества разума, непреходящей значимости нравственности, неизмеримой ценности знания были определяющими в его многогранном творчестве, а благодаря переводам на русский язык Абай стал достоянием всего человечества.

Поэт Ренессансного типа, степной побратим И.В. Гёте и А.С. Пушкина, он был открыт восприятию культурных ценностей восточной и западной цивилизаций. Обогадив свой поэтический мир народным творчеством, казахский поэт связал прошлое с современностью, создав сплав из всего лучшего, что было в мировых культурах.

В приветственном слове консул Генерального консульства России в Алматы, представитель Росзарубежцентра В.Т. Селиванов отметил, что за прошедшие после распада СССР 15 лет и России, и Казахстану пришлось напряжённо и целенаправленно работать над тем, чтобы сгладить те диспропорции, которые возникли на начальном этапе в государственном строительстве, экономике, науке, образовании, производстве и социальной сфере. Помимо решения сугубо внутренних задач, отмечается устойчивая положительная динамика по всем важнейшим направлениям российско-казахстанских отношений. Воссоздан, в том числе, необходимый

геостратегический баланс нашей внешнеполитической деятельности. Важнейшими его проявлениями являются такие примеры укрепления доверия и взаимопонимания, как ратификация договора о российско-казахстанской государственной границе и официальная передача Президентом России – Президенту Казахстана председательства в Совете глав Содружества независимых государств.

Начало Года Абая в России ознаменовано было открытием памятника выдающемуся сыну казахского народа Абаю Кунанбаеву в центре Москвы, на Чистых прудах. А тот горячий отклик, который получила пушкинская тематика на земле Казахстана, позволяет констатировать, что инициатива наших президентов создала благоприятные условия для дальнейшего обогащения многообразной палитры российско-казахстанских культурных связей.

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН П.В. Палиевский произнёс проникновенные слова о двух гениях российской культуры – Пушкине и Глинке. Почти все подлинные деятели русской культуры, подчеркнул московский учёный, тянутся к высшему совершенству. Но Глинка в этом общем движении – ближе других к Пушкину в приобщении к иным национальным стихиям. Через «вольного горца» с Лезгинкой и садами Черномора в «Руслане» Глинка сразу выводит русское духовное пространство на Восток. Оно расширяется почти мгновенно через Кавказ Рубинштейна в «Демоне», балакиревский «Исламей» и Среднюю Азию Бородина, арабское роскошество «Шехерезады» Римского-Корсакова и многое подобное. В «Иване Сусанине», в польской сцене Глинка создал образ такой красоты и притягательности, перед которым вот уже почти 2 века ничто не может устоять.

Одна уникальная способность Глинки, которую он разделяет с Пушкиным, по мнению П.В. Палиевского, выглядит сейчас наиболее значительно. Это – абсолютная уверенность во благе жизни и классическая ясность её выражения. Личное общение Пушкина и Глинки крайне скупое выдаёт, как его музыка шла шаг за шагом за поэзией Пушкина. Он не числится в кругу друзей Пушкина, подобно Жуковскому, Дельвигу, Плетневу и его сверстнику

Соболевскому. Зато – незаметно для них впитывает и перенимает черты пушкинского гения. Музыка Глинки принимает на себя единую, ещё не разбежавшуюся по сторонам задачу Пушкина. В ней снова виден главный, центральный ориентир, который нельзя в любых обстоятельствах терять. Именно с уходом Пушкина у Глинки ясно проступают черты утраченного рая, о которых сказал Асафьев; поэтические и музыкальные образы Пушкина и Глинки совершенно совпадают.

В рамках последней конференции состоялся «круглый стол» «Литературная классика в диалоге культур». Его участники предприняли попытку осветить процессы, происходящие в мировой литературе и литературе Казахстана, придя к мнению, что каждый из классиков составляет целую эпоху, самостоятельный мир, со своим особым отношением к большим мировым вопросам, которые решаются или заново ставятся с перспективой на будущее. Литература существует и уходит от внутренних идеологических установок, а задачей искусства остаётся самовыражение таланта и гения.

В статьях, представленных на страницах сборника «Литературно-художественный диалог», изучение литературы (особенно рубежа веков) обнаруживает новые аспекты в её развитии. Творчество выдающихся классиков казахской литературы Абая, М. Ауэзова, поэтов С.-М. Торайгырова, М. Жумабаева и их преемников получает новое осмысление и освещение в контексте диалога культур, одной из форм которого выступает литературное взаимодействие. «Смена литературно-эстетической парадигмы, происходившая на наших глазах, коренным образом повлияла на всю систему литературоведческого мышления, его теорию и методологию, включая раздел, изучающий проблемы сравнительно-сопоставительного изучения литератур... Творческое восприятие эстетического опыта других народов, переосмысление и трансформация его, являясь одним из конкретных проявлений общих законов искусства, не вымывают фундамент единичного, национального, созданного всей историей данного народа, а способствуют умножению его духовных богатств новыми ценностями», – пишет Ш.Р. Елеукинов, автор статьи «Пушкин и эпистолярный роман Абая», в которой предлагает считать эпистолярный

роман Абая не как перевод «Евгения Онегина» Пушкина, а как его версию, самостоятельное произведение. Произведение Абая, роман в письмах, – акт свободного творчества. И если назвать роман «Евгений – Татьяна», то это название отвечает национальной традиции («Козы Корпеш – Баян Сулу» и т.д.). У Абая образ Онегина создан по традиции реализма Просвещения, главный герой изображается как образец подражания для казахских джигитов. Роман Абая не укладывается в рамки традиции «назира». К нему не подходят и принятые нормы адекватного перевода. Лирике Абая и его эпистолярному роману, по глубокому убеждению Ш.Р. Елеукунова, принадлежит особая роль в становлении казахского романа.

О гётевской «Ночной песни странника», переложенной Абаем и зазвучавшей по всей казахской степи, размышляет Г. Бельгер в статье «Отзвуки (Шиллер – Лермонтов – Абай)». Это совершенно уникальный факт в истории мировой культуры. Посредником между германским и казахским поэтами оказался русский гений – Михаил Юрьевич Лермонтов. Философская доминанта творчества немецких и русского поэтов оказалась близка, более того – созвучна абаевской музе, он чутко расслышал обертоны чужеземной музыки и переложил, воспроизвел его на свой лад, сделал его понятным, родным казахскому мировосприятию. Явление достойное и гордое. В нём слышится лейтмотив шиллеровской «Оды радости», так ликующе, так страстно воспевавшей родство, единение душ («породнись душа с душой»), призывавшей «к открытию в сердцах», к объединению миллионов.

Абай был удивительным переводчиком, своеобразным интерпретатором. Он, по мнению Г. Бельгера, переводил то, что его волновало, ложилось на его душу, соответствовало его мироощущению, душевному настрою. И при этом он никогда не упускал из виду ту среду, в которой должен был бытовать его перевод, то есть ту национальную почву, в которую он как бы пересаживал иноземное творение, приспособлял к казахской ментальности, адаптировал для казахского слуха. Он словно усыновлял «чужеродное» стихотворение, внедрял его в казахское сознание, делал его своим, кровным, родным. Обряжал в национальную одежду, облакал даже в мелодию, в музыку. И потому в его поэтическом

наследии встречаются разные переводы: точные, вольные, переложения, переделки, подражания. Но на основе шиллеровско-лермонтовской миниатюры, раздвинув её границы, по сути дела казахский поэт создал новое произведение, также лапидарное, афористическое по форме, отмеченное опытом зрелого ума и национальным мировосприятием.

Яркой моделью решения литературной рецепции, восприятия инонационального мира в современной ситуации на примере взаимоотношения русской литературы с литературами Кавказа является статья «Конфликт ценностей или ценность разнообразия? О литературной рецепции инонационального мира» заведующего Отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы РАН, доктора филологических наук, профессора К.К. Султанова. Открытие и познание Кавказа в его реальной и культурно-мифологической ипостасях прямо участвовало, перерастая уровень тематического предпочтения, в формировании духовных приоритетов и ценностных ориентаций русской литературы, в становлении писательских судеб. В русской литературе наблюдалось постепенное смещение точки зрения в сферу изнутри познаваемого горского локуса, кавказского мира как самодостаточной реальности. Познание изнутри означало признание внутренней шкалы ценностей, принципов, на которых кавказский мир неизменно стоял, сохраняя своё лицо вопреки катастрофическим обстоятельствам.

«Назревшая потребность в переходе от описательной историографии русской литературы о Кавказе к историософии художественного открытия Кавказа, от факта к его феноменологии, к выявлению всего состава смысловых интенций кавказского дискурса, – подчёркивает К.К. Султанов, – позволит изменить стратегию прочтения привычного материала, выявляя его парадигмальное ядро. Ценностный центр, этическая сверхзадача или, если хотите, болевая точка исхода на Кавказ не столько в изгнании так называемого варварства под миссионерским флагом неумолимо наступающей цивилизации, сколько в глубинном зондировании идеи сближения и возможного преодоления историко-культурного отчуждения. Этот подход становится прагматически актуальным и в более широком смысле, если не забывать о нынешней

обстановке обвального роста невежественных представлений о Кавказе и, с другой стороны, тотального обесценивания, в том числе самого феномена русской классики, которая в постмодернистском дискурсе нередко представляется как некий «артефакт».

Концептуально важным представляется и другой аспект затронутой проблематики. Трудно переоценить роль и значение русской литературной классики как одного из генераторов (наряду с восточной и арабо-мусульманской традициями) становления наших национальных культур, как носителя и проводника идеи универсализма. Более широкая трактовка коммуникативных функций национальной (нерусской) литературы, испытавшей в своём формировании духовное притяжение русской литературы, позволила бы утвердить в системе представлений о её динамике и гносеологических возможностях понятие «мировая литература» как рабочую категорию и необходимое звено в иерархии взаимосвязанных уровней (национальное – региональное – мировое).

Особую актуальность для литературоведения представляет малоисследованный вопрос о развитии символизма и романтизма в казахской литературе. Особую значимость приобретает исследование эволюции романтизма как явления художественно-литературной системы Казахстана начала столетия. Ведущими тенденциями казахской литературы начала века выступают интенсивное развитие романтизма, символизма, реализма, углубление социальной дифференциации, усиление философского звучания, обогащение психологического анализа, новые, нетрадиционные формы прозы и поэзии.

Художественный процесс исследуемого периода, как отмечает автор статьи «Символизм в казахской литературе» Б.Б. Мамраев, отмечен определяющей ролью фольклорного влияния, просветительно-романтическим симбиозом, слитностью романтического и реалистического художественного мышления. Историко-литературное значение казахского романтизма заключается в том, что он послужил важной и необходимой ступенью дальнейшего развития национальной литературы на её пути к реализму. Поэты романтического и символистского направления, безусловно, внесли новое содержание в центральную тему литературы – тему личности, тему человека, его естественного права на свободу. Они

приблизили поэзию к успешному решению задачи отражения реальной действительности.

Творчеству крупнейших поэтов и писателей начала века С.-М. Торайгырову, М. Жумабаеву, Б. Кулееву присущи гуманистический дух, демократическое чувство, обострённый патриотизм – именно эти черты дают возможность воспринимать казахскую литературу начала столетия как особую эпоху в истории художественной мысли Казахстана.

Ливия Которча, автор статьи «Николай Гоголь и Велимир Хлебников (непрерывность в срыве)», выявляя органическую связь авангарда с Гоголем (провозвестившего и создавшего новую парадигму, которой будет следовать XX век) по линии видения мира и поэтики, обращается к одному из представителей этого движения – Велимиру Хлебникову. Подобно Гоголю, с самого начала своего творческого пути, Хлебников видит себя пророком и медиумом, через которого мир может снова обрести свой первоначальный образ. Более того, проблематика «Украина и украинцы» становится знаковой для мышления и творчества Хлебникова.

Хлебников путешествует по всем островам и землям мира вместе с Гоголем, что блестяще демонстрирует Ливия Которча, приходя к выводу, что «автор “Мёртвых душ” научил Хлебникова, своего “двойника” XX века, что смотреть и исследовать объективный мир нужно именно для того, чтобы превзойти его предметность и превратить “вещь в себе” в субъективную форму духовного опыта. Но Гоголь говорит, что такое чудо возможно осуществить, не отринув очарования и покоя материи, вдыхающих в неё особый вид духовности, приближающих её к абсолюту».

Об ориентализме в творчестве поэтов и графиков Бессарабии пишет Мирослава Метляева. Истоки традиций ориентализма в европейском искусстве исследователь находит ещё в XVII веке у Карпаччо и Рембрандта, копировавших восточные миниатюры. Если в XVIII – первой половине XIX века европейцев пленяла игра причудливого орнамента и красочность китайской и японской живописи, то для импрессионистов больший интерес стало представлять другое искусство, доселе неведомое Западу: лаконичное, но предельно острое по рисунку, монохромное искусство школы чань (дзэн). Любопытным в этом плане считает Мирослава

Метляева творчество молдавского художника и графика – Алексея Колыбняка, особо обращая внимание на соотношение изображения и каллиграфического текста.

Любопытные примеры влияния искусства Японии и Китая прослеживаются и в поэзии Молдовы (Бессарабии). Особый интерес, как считает автор публикуемой в нашем сборнике статьи, вызывала и вызывает средневековая японская поэзия, имеющая продолжение и в новое время. Мирослава Метляева подчёркивает эстетический феномен воздействия живописи и поэзии Китая и Японии, смысл которого скрывается во многих семантических структурах: философских, логико-понятийных, мифопоэтических, нормативно-описательных. Условность пространства и времени, пребывающих в произведениях живописи и поэзии по отношению к бытовому восприятию этих двух параметров, можно уподобить условности языка.

Проанализированные в статье М.Х. Мадановой «Европейские источники по литературному творчеству Мухтара Ауэзова» иностранные публикации позволили выявить и определить некоторые закономерности восприятия творчества Ауэзова за рубежом. По свидетельствам многих зарубежных критиков, эпический роман Мухтара Ауэзова «Путь Абая», ставший энциклопедией жизни казахского народа, признан шедевром мировой литературы. Указывая на контактно-генетические связи, М.Х. Маданова подчёркивает, что наряду с ними, в обширной литературе по зарубежной рецепции творчества Ауэзова существует множество интересных документов, отражающих и уровень типологических литературных связей. В этих статьях и рецензиях иностранных авторов зачастую приводятся новые и неожиданные сравнения и параллели, вызванные чтением произведений Ауэзова, и различные ассоциации с событиями в современной жизни или ассоциации с конкретными личностями, широко известными у себя на родине.

Одним из авторитетных источников восприятия творчества М.О. Ауэзова являются иностранные литературные энциклопедии и справочники. В 80-90-е годы XX столетия имя Мухтара Ауэзова впервые появилось в таких широко известных энциклопедиях, как энциклопедия Брокгауза, энциклопедия мировой

литературы Кренера (Германия), энциклопедия Ларусс, а также всемирный справочник по литературам Ларусс (Франция). Представленные материалы наглядно демонстрируют, что творчество Ауэзова имело исключительное значение в процессе формирования международных литературных связей казахского народа и мирового признания казахской литературы.

Жизнь и творчество А.С. Пушкина, поэта ренессансного типа, по-прежнему приковывают к себе пристальное внимание современных исследователей, в книгах которых давно известные факты и эпизоды получают принципиально новое толкование и объяснение. Исследования Н. Раевского позволяют полнее воссоздать облик Н.Н. Гончаровой, живую картину жизни семьи Гончаровых, Д.Ф. Фикельмон, П. Вяземского, и, конечно же, самого Пушкина. Ценность книги «Портреты заговорили» Н. Раевского, обогатившей мировую пушкиниану, в том, что большое количество иноязычных документов, в том числе выдержки из писем Александра I к юной графине внучке Кутузова Д.Ф. Фикельмон и её матери Е.М. Хитрово, переведены с французского самим Н. Раевским и опубликованы им впервые. Таким образом, благодаря истинно подвижнической деятельности писателя, новые материалы, введённые в научный оборот, становятся достоянием широкой научной и читательской аудиторий.

Для книг Н. Раевского характерно многоуровневое восприятие, зависящее от культурного контекста, вложенного автором, и от уровня читающего. Восприятие происходит при совместном вхождении в текст и попытках уже не анализа, а продолжения. Информация, полученная в процессе чтения, предполагает не конечный результат, каким бы он важным ни был для автора, а именно способ познания как процесс, принципиально не имеющий окончания. Этот постоянно продолжающийся процесс и есть результат чтения. В такой прозе точка зрения смещается, и автор становится своим собственным читателем, а читатель – соавтором, каждый раз заново создающим написанное. Текст уходит в глубину, увлекая читателя. Книги казахстанских пушкинистов Н. Раевского, Н. Гринкевича, Г. Гайворонского, К. Кешина и других введены в научный оборот, их цитируют исследователи творчества поэта.

Схожесть не только в образах, но и в идеях произведений У. Фолкнера и М. Ауэзова отмечает А.К. Тусупова. Это связь между природой и детьми, сходство в стиле авторов, в их манере описывать пейзажи, в одном случае, это степные просторы, сугробы, которые выдерживают вес волка, а в другом – автор говорит о зелёных лесах, доме медведя, где он может исчезнуть или внезапно появиться. Кажется, что природа заодно с хищниками, то есть, против человека.

В статье «Восприятие творческого наследия Абая Кунанбаева за рубежом» А.К. Машаковой представлен процесс перевода произведений Абая на иностранные языки и, соответственно, их рецепции зарубежными читателями, учёными и литературными критиками. Основной особенностью рецепции творческого наследия Абая Кунанбаева за рубежом является тот факт, что наиболее активно произведения Абая стали переводиться на иностранные языки только в период независимости Казахстана. При этом наибольшее количество переведённых на иностранные языки книг с произведениями Абая появилось в 1995 году: сборники с его поэмами и избранными стихотворениями появились в Турции, Иране, Пакистане, Индии, Китае, Монголии. Творения Абая были переведены на французский, корейский языки. В дальнейшем перевод на иностранные языки произведений Абая продолжался. В 2001 году были изданы «Слова назидания» на немецком языке, в 2007 году – на арабском языке.

Таким образом, творчество Абая является объектом пристального внимания и изучения со стороны европейских и восточных профессиональных читателей, которые высоко оценивают великие творения казахского поэта. Литературные критики указывают на важную роль казахского поэта в духовном развитии народа, сравнивая его с выдающимися личностями своей страны и ставя Абая в один ряд с классиками мировой литературы. Поэзия Абая сочетала в себе черты западной и восточной классической поэзии, поэтому его творчество является понятным и близким по духу и западным, и восточным читателям. Они подчёркивают, что произведения Абая, созданные в прошлом столетии, до сих пор не утратили своего общечеловеческого значения и продолжают служить высоким идеалам современного мира.

В современных условиях акцент государственной политики закономерно перемещается от вопросов экономики и политики к проблемам духовности. Происходит осознание того, что именно художественно-эстетическая культура является основой устойчивого духовного развития общества. Литература на современном этапе развивается ярко и интенсивно, включаясь в диалог культур, так как писатели, живущие в разных странах и имеющие различные мировоззрения, участвуют в диалоге как современники, вступают в переключку двух и более культур. Диалог становится всё более явственным, насыщенным и весомым.

Сеит Каскабасов
ПРОФЕССОР Н.С. СМЕРНОВА –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСКОГО
ФОЛЬКЛОРА
(Предисловие к сборнику трудов,
посвящённому 100-летию со дня
рождения)

Российские учёные ещё с XVIII века начали изучать фольклор и этнографию казахского народа. Широкий размах получила эта работа в XIX, особенно в XX столетиях. Заложена Г. Потаниным, В. Радловым, Н. Березиным, Н. Ильминским, А. Диваевым и другими, традиция была продолжена в XX веке группой учёных, приехавших в Казахстан по разным причинам. Это были академик А. Орлов, академик АН КазССР М. Сильченко, член-корреспондент АН КазССР Н. Смирнова, член-корреспондент АН КазССР Е. Лизунова, доктор филологических наук, профессор Е. Костюхин и другие. Среди них особо выделялась Нина Сергеевна Смирнова, посвятившая себя всецело исследованию как практических, так и теоретических проблем казахской фольклористики.

Нина Сергеевна Смирнова родилась в 1908 году в г. Мелекес Самарской области, окончила, как тогда называлось, 2-ое МГУ (позднее МГПИ). Изучением фольклора Нина Сергеевна начала заниматься ещё будучи аспиранткой, в 1936 году, когда стала писать

под руководством Б. и Ю. Соколовых кандидатскую диссертацию «Революционные песни 1905 года в устном репертуаре рабочих».

Приехав в Казахстан и работая в педагогическом институте, она берётся за изучение казахского фольклора, и первые её работы о казахском фольклоре и литературе появляются в печати в 1945-1947 годах. В результате большой собирательской и исследовательской работы Н.С. Смирнова успешно защищает в 1951 году докторскую диссертацию «Очерки казахской литературы XVIII века», в которой разработаны вопросы изменения устной литературной традиции казахов в XVIII в., соотношения традиционного и индивидуального в казахской устной поэзии, проблемы трансформации казахского эпоса, взаимодействия в нём исторического и эпического.

За тридцать с лишним лет работы в области казахской фольклористики профессором Н.С. Смирновой написано более ста работ, которые по своей проблематике могут быть подразделены на 5 групп:

- 1) пути исторического развития казахского устно-поэтического творчества;
- 2) история казахской фольклористики;
- 3) эпос и другие жанры казахского фольклора;
- 4) импровизаторское искусство казахов;
- 5) взаимодействие фольклора и литературы.

Естественно, у Н.С. Смирновой есть и такие работы, которые не укладываются в эту классификацию. Они относятся главным образом к литературе и педагогике. Это работы об Ауэзове-романисте, о романе «Путь Абая», учебники по казахской литературе для средних школ и методические разработки, выполненные ею по линии Министерства просвещения и педагогического института.

При изучении путей исторического развития казахского фольклора член-корреспондент АН КазССР Н.С. Смирнова предлагает следующую периодизацию: а) фольклор периода образования казахской народности; б) казахская народная поэзия XVI-XVIII вв.; в) устное поэтическое творчество XIX-XX в.; г) казахский

советский фольклор [1]. Надо подчеркнуть, что Н.С. Смирнова первая предложила такую периодизацию истории национального фольклора.

В работах по истории казахского фольклора она прослеживает процесс развития фольклорной традиции на протяжении XV-XIX вв. и определяет признаки, наиболее характерные для каждого периода. Например, касаясь первого периода исторического пути казахского фольклора, учёный отмечает, что в фольклоре этой эпохи преобладают общетюркские мотивы и традиции.

Говоря же об устно-поэтическом творчестве XVI-XVIII вв., профессор Н.С. Смирнова подчеркивает следующие признаки: на арену выходят акыны, постепенно вытеснявшие жырау, в более эпическом плане начинает развиваться айтыс, лирические песни вычлняются из обрядовой поэзии, зарождаются исторические песни и поздний героический эпос о деятелях и батырах, отличившихся в боях с джунгарскими калмыками.

В фольклоре XIX и начала XX в. наблюдаются, как полагает учёная, изменения, вызванные новыми явлениями в духовной культуре казахов, возникшими в результате присоединения Казахстана к России. Казахский фольклор этого периода подвергся изменению как по содержанию, так и по составу жанров. Расширяется тематика народной поэзии, в ней начинают появляться социальные мотивы. Обновляются некоторые жанры, особенно эпос в начале XX века, входят в быт всевозможные рукописные сборники и кисса.

Особо подчёркивает исследователь новшества в так называемом фольклоре советского периода. Наряду с трансформацией и обновлением жанров, обогащением тематики и содержания фольклорных произведений советского периода Н.С. Смирнова выделяет две черты, присущие тогдашнему фольклору: частичное обновление традиционного фольклора и зарождение новых произведений. Причём в новых образцах искусно сочетаются традиции и фольклорные, и литературные.

Впервые в казахской филологии Н.С. Смирнова исследовала историю казахской фольклористики [2] (правда, в основном второй половины XIX и начала XX в.). Начало зарождения науки о казахской устной словесности она относит к XVIII в. В XIX в., по

её мнению, казахская фольклористика становится подлинной наукой. Это связано в первую очередь с именами В.В. Радлова, Ч.Ч. Валиханова, а позже Н.И. Березина, Г.Н. Потанина и А.А. Диваева. Характеризуя собирательскую и исследовательскую деятельность каждого из них, она в то же время определяет их методику и методологию, анализирует их концепции. Так, Чокан Валиханов испытал на себе влияние русских демократов, и в фольклоре он видит факты истории своего народа, оценивает фольклор как исторический материал. Поэтому при изучении казахского устно-поэтического творчества Ч. Валиханов придерживался историко-этнографического принципа. В.В. Радлова влекли к изучению казахского фольклора чисто научные интересы. Он исследовал фольклор не как фольклорист, а как лингвист. Поэтому для него важнее были языковые стороны фольклорных произведений. Это и определило максимальную точность его записей. Тем не менее, В.В. Радлов одним из первых, вслед за Ч. Валихановым, осуществил классификацию жанров казахского фольклора. Его классификация несколько отличается от валихановской. Он выделяет три основные группы жанров: дидактика, эпос, лирика.

Таким же образом, подробно, со знанием дела анализирует Н.С. Смирнова фольклористическую деятельность Г.Н. Потанина и А.А. Диваева.

Новым этапом в изучении казахского фольклора называет Н.С. Смирнова советский период казахской фольклористики. В советское время наука о казахском фольклоре поднялась на большую высоту, достигла огромных успехов как в области собирания и издания текстов, так и в области теоретического изучения народно-поэтического творчества.

Ряд исследований профессора Н.С. Смирновой посвящён вопросам жанров, особенно эпоса [3]. В частности, «Алпамыс-батыр», «Камбар-батыр», «Кобланды», «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш и Баян Сулу», «Утеген-батыр» рассмотрены ею в историческом и сравнительном аспектах, с одной стороны, и в плане поэтики – с другой. По мнению исследователя, эпос казахский складывался в течение нескольких столетий. Генетически он восходит к песням и сказаниям родов и племён, живших в западно-тюркском каганате в VI-VIII вв., и, развиваясь, вобрал в себя эпические

спевы кипчаков и огузов (VIII-X вв.), произведения, бытовавшие в эпоху Акорды, Ногайлинского и Узбекского ханств (XII-XVI вв.). Позже, в особенности в XVI-XVIII вв., казахский эпос обретает новое содержание. Происходит циклизация эпоса, в период калмыцкого нашествия все прежние враги вытесняются новыми. Отныне главный эпический враг – калмак. Так она прослеживает историю развития жанра эпоса.

Анализируя как героический, так и романический эпос казахов, Н.С. Смирнова отмечает наличие синкретизма в эпическом жанре, объясняя его синкретическим характером всего казахского фольклора. Сравнительное изучение эпоса казахского и других тюркских народов позволило учёному выявить в нём ряд типологических черт, а также особенное, присущее только эпосу одного народа. В этом смысле её работы по эпосоведению явились новым словом в казахской фольклористике.

Член-корреспондент АН Казахской ССР специально исследовала также вопросы импровизаторской традиции у казахов [4]. Отмечая тесную связь процесса развития казахского фольклора с акыным искусством, она различает два типа импровизатора – создателя и носителя казахского фольклора. Первый и наиболее древний тип – жырау. Его искусство и творчество шире акынского. Жырау сочетал в себе и сказителя, и певца, и музыканта, и вещего прорицателя. Он состоял главным образом при ханской ставке и исполнял функции дружинного певца, был, так сказать, идеологом своего правителя. Начиная с XVIII в., роль жырау в общественно-культурной жизни снижается. На арену выходят акыны.

Акын – импровизатор позднего типа, профессионал. Главное отличие его от жырау – он близок народу, живёт и выходит из среды народа. Акын переносит поэзию из ханской ставки в гущу масс. И репертуар акына составляют произведения, нужные простому люду, – в основном, обрядовые лирические песни, героический эпос.

С акыном тесно связано дальнейшее развитие айтыса. Став профессионалом, акын обращал основное внимание на расширение своего репертуара и совершенствование импровизаторского мастерства.

Профессор Н.С. Смирнова в своих работах об импровизаторской традиции у казахов прослеживает процесс развития этой традиции и в советскую эпоху.

Еще одна проблема, которую разрабатывала Нина Сергеевна Смирнова, это – взаимодействие фольклора и литературы [5]. Причём она изучает этот вопрос в историческом плане: как использовался фольклор казахскими писателями XIX и начала XX в., какова роль фольклора в творчестве писателей советской эпохи. Такой подход помог ей проследить процесс развития письменной литературы и постепенного влияния литературы на фольклор.

Говоря о взаимодействии фольклора и литературы в XIX в., исследователь подробно анализирует фольклорные истоки творчества Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева, показывает их различия в принципах использования фольклора. Например, Ибрай Алтынсарин использовал фольклор в двух направлениях: 1) включал в свои учебные хрестоматии фольклорные произведения почти без изменений; 2) писал оригинальные произведения на фольклорные сюжеты, по-своему интерпретировал фольклорные образы. Он уменьшал в них откровенную сентенцию и придавал им воспитательную целенаправленность.

Большое внимание Н.С. Смирнова уделяет вопросу взаимоотношений фольклора и литературы в советскую эпоху. По мнению учёного, роль фольклора велика в поэзии и драматургии. Она справедливо полагает, что в советское время происходит двуединый процесс: взаимодействуя, фольклор и литература взаимообогащаются. Причём наблюдается более сильное влияние литературы на фольклор, особенно в области поэтики.

Огромная работа проведена Н.С. Смирновой в связи с написанием целых разделов и редактированием коллективных трудов «Очерки казахской народной поэзии советской эпохи» (Алма-Ата, 1955), «Труды Отдела народного творчества Института языка и литературы», выпуск 1 (1955), «Творчество Джамбула» (1956), «История казахской литературы», том 1 (1968).

Как автор и редактор Нина Сергеевна участвовала в составлении и издании ряда научных сборников «Камбар-батыр» (1959), «Алпамыс-батыр» (1961), «Кыз-Жибек» (1963), «Казахская народная поэзия» (1964), «Казахский фольклор в собрании

Г.Н. Потанина» (1972). После её кончины увидели свет начатые ею и завершённые её учениками научные издания: «Казахские сказки о животных», «Козы-Корпеш – Баян-сулу», «Кыз-Жибек» из серии «Эпос народов Евразии» (2003). Наряду с этим Н.С. Смирнова проводила большую педагогическую работу, являлась заведующей кафедрой русской и зарубежной литературы КазПИ им. Абая, читала лекции по русскому фольклору. Она постоянно поддерживала тесную связь с Институтом литературы и искусства им. М.О. Ауэзова НАН РК, участвовала в разработке плановых тем Института.

Много сил вложила Н.С. Смирнова и в дело подготовки научных кадров. Ряд ведущих фольклористов республики прошли аспирантуру под её руководством и успешно защитили диссертации, проявив себя настоящими исследователями.

Надо сказать, что Нина Сергеевна Смирнова как учёная сформировалась в русле советской науки о фольклоре, и всё негативное в советской фольклористике было присуще и её работам. Особенно это ощущается в тех случаях, когда она анализирует фольклорные произведения с позиции идеологических установок советской власти и классовости фольклора. Вполне понятно также и то, что отдельные её выводы и положения относительно истории казахской фольклористики и т.н. советского фольклора явно не согласуются с современными подходами и принципами науки о фольклоре. Тем не менее, следует признать, что многие наблюдения и утверждения Нины Смирновой о специфике и поэтике казахского фольклора до сих пор ценны для науки.

Настоящая публикация, осуществляемая в честь 100-летия со дня её рождения, является данью памяти учёной, которая сыграла заметную роль в развитии фольклористической науки Казахстана. Естественно, в предлагаемый том вошли не все исследования Нины Сергеевны, в нём представлены работы наиболее значимые и интересные для нынешних исследователей национального фольклора и характеризующие методику её анализа текстов и эпических образов, её фольклористическую концепцию об отношении фольклора к действительности, о соотношении эпического и исторического, о жанровом синкретизме и о традиционном и индивидуальном в устном народном творчестве.

К юбилею известного ученого-фольклориста Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК подготовил к изданию однотомник её избранных трудов «Исследования по казахскому фольклору», в который вошли следующие статьи и очерки Н.С. Смирновой: «Фольклористика Казахстана», «Очерк истории казахского фольклора», «Эпос», «Основные версии “Камбара”», «О казахских версиях “Алпамыса”» (в соавторстве с Т. Сыдыкковым), «О версиях “Кыз-Жибек”», «Образы животных в казахском фольклоре», «Фольклор и литература», увидевшие свет ранее в академических изданиях. Исследование Н.С. Смирновой «Козы-Корпеш – Баян-Сулу» публикуется впервые.

Светлана Ананьева КАЗАХСТАНСКАЯ ПУШКИНИАНА¹

Среди многочисленных пушкинистов мира особое место принадлежит казахстанским. В русской литературе Казахстана последней четверти XX века появились серьёзные научные труды, посвящённые необъятной теме – Пушкин. Казахстанскую пушкиниану составляют произведения Н. Раевского, Н. Гринкевича, Е. Гусярова, К. Гайворонского, исследования Дм. Снегина, В. Владимировой, К. Кешина, Н. Джуанышбекова и др. Последние, самые плодотворные годы яркой, насыщенной разнообразными событиями жизни провёл в нашем городе Н. Раевский. Здесь увидели свет его книги «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили». Серьёзное увлечение Пушкиным началось для писателя в 1928 году, когда в руки Николая Алексеевича попал двухтомник пушкинских писем и доктор естественных наук Карлова университета в Праге буквально «заболел» Пушкиным: «Внутри зреет решение всё бросить и отдаться постигшей меня страсти. Что и говорить, симптомы тяжёлого заболевания налицо, и название ему – Пушкин!» [1, с.4].

Писатель прошёл две войны – первую мировую и гражданскую. В конце Великой Отечественной был арестован, провёл три месяца в тюрьме. В 1945 году вновь арест и пять лет тюремного

заклучения. Затем высылка в Сибирь вплоть до реабилитации. Написанные в тридцатые годы XX века и опубликованные в конце столетия произведения Н. Раевского «Добровольцы» и «1918» принадлежат перу молодого поручика, интеллигента, экстерном прошедшего курс обучения в военном училище, и раскрывают трагедию человека, пережившего революцию и гражданскую войну: «Всё кончено, все надежды разбиты, и мы, молодые, здоровые люди, чувствовали себя живыми покойниками. Ничего не хотелось делать... Стыдно было чувствовать себя русскими» [2, с.124].

Публицистический анализ жизненных явлений приобретает особый смысл в соотнесённости с духовной эволюцией главного героя. В дневнике 1922 года встречаем запись: «Увы, колесо вертится только в одну сторону к России новой, России неведомого будущего, а старой, милой России никакая сила не вернёт». Тревожное ощущение катастрофы пронизывает страницы «Дневника галлиполийца» Н. Раевского, в основу которого положена часть дневника автора со дня оставления Крыма войсками Русской армии (1921 г.). К сожалению, утеряна рукопись книги Н. Раевского «Пушкин и война».

Исследованию новых материалов о жизни и творчестве А.С. Пушкина и его эпохи писателем Н. Раевским посвящено несколько произведений. «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили» своеобразны по жанру. «Когда заговорят портреты» увидели свет в 1965 году. Это было предварительное сообщение о пушкиноведческих поисках и находках в дореволюционной Чехословакии. Вышедшая в Алма-Ате в 1974 году 100-тысячным тиражом его книга «Портреты заговорили» разошлась в одно мгновение и, став бестселлером, многие годы считалась рекордсменом читательского спроса. Это не воспоминания современника, хотя, по свидетельству супруги писателя – Н. Раевской, «он был духовно связан с этой средой. А прабабушка его бывала на одних балах с Пушкиным. Рассказывая про то маленькому Коленьке, она говорила: “Вот когда вырастешь...”» [1, с.4]. По стилю книги Н. Раевского «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили» напоминают научные исследования, хотя отдельные очерки содержат «литературные портреты» Пушкина, Долли Фикельмон, Натальи Гончаровой. «Портреты заговорили» были изданы и в 1976 году. В это издание

автор включил новые материалы, результаты архивных изысканий, был учтён опыт и знания ленинградских и московских учёных, членов Пушкинской комиссии АН СССР Н.В. Измайлова и Т.Г. Цявловской, литературоведов Н.М. Каухчишвили (Милан), С. Островской (Прага) и А.М. Игумновой (Братислава).

Конечно же, Н.Раевский знал, что Пушкин был в Казахстане, в Уральске. И именно в Казахстане оказался востребованным писательский и исследовательский дар самого Н. Раевского. В Алма-Ате «благодаря председателю Госкомиздата Ш.Р. Елеукину ему дали квартиру», – вспоминала его супруга Надежда Бабусенкова [3, с. 18]. Но не сразу всё складывалось так гладко. Познакомившись с рукописью «Портреты заговорили» и с её автором, Н.М. Бабусенкова стала прилагать все свои силы, чтобы рукопись опубликовали. «Противников у неё оказалось очень много: от завредакцией, главного редактора издательства до секретаря Союза писателей. Я добилаь того, чтобы рукопись прочитал сам Кунаев и дал добро на включение её в план. Книга вышла, но после этого мне пришлось уйти из издательства. Я стала литературным секретарём у Николая Алексеевича», – пишет далее Надежда Михайловна [3, с. 18]. А сам Н. Раевский продолжал работать в Институте хирургии у Сызганова, занимался переводами медицинских работ, выпуском журнала «История хирургии в Казахстане», созданием музея медицины. И так до 82 лет, только потом он стал заниматься исключительно литературным трудом. Сейчас 11 его произведений находятся в архивах Москвы и Праги.

В русском литературоведении М.М. Бахтин выделил в особую группу такие жанры, как исповедь, дневник, описание путешествий, биографию, письмо и некоторые другие. Наряду с тем, отмечал известный учёный, что они могут определять форму романа как целого (например, роман-исповедь, роман-дневник, роман в письмах и т.д.), «каждый из этих жанров обладает своими словесно-смысловыми формами овладения различными сторонами действительности» [4, с. 134]. Следуя концепции М.М. Бахтина, обосновывающего жанры диалогической природой слова, которое «хочет быть услышанным» [5, с.306], обозначим адресованность как одну из существенных составляющих мемуарной литературы.

Проблема автора, как бы он ни был завуалирован и как бы ни были скрыты его взгляды и отношения к изображаемым событиям,

остаётся центральной в литературоведении, так как без образа автора художественный текст становится, по образному выражению В.Н. Топорова, «насквозь механическим» или низводится до «игры случайностей» [6, с.28].

В мировом литературоведении, рассматривающем проблему автора как одно из ключевых понятий науки о литературе, выделяются две основные тенденции. Согласно первой, автор биографический – творческая личность во внехудожественной реальности, а согласно второй – автор рассматривается во внутритекстовом, художественном воплощении. «Отношения автора, – отмечает В.В. Прозоров в статье “Автор”, – находящегося вне текста, и автора, запечатлённого в тексте, отражаются в трудно поддающихся исчерпывающему описанию представлениях о субъективной и всеведущей авторской роли, авторском замысле, авторской концепции (идея, воля), обнаруживаемых в каждой “клеточке” повествования, в каждой сюжетно-композиционной единице произведения, в каждой составляющей текста и в художественном целом произведения» [7, с.14]. Личность автора определяет выбор дневниковых записей, комментарии к ним.

Диалогическую природу мемуарного творчества отметил В.С. Непомнящий, подчеркнув: «“Мой Пушкин” – не просто мой взгляд, моё мнение, или научная концепция, или отражение моих специфических интересов и частных пристрастий. “Мой Пушкин” – это ворота в мой духовный мир, это моя вера. И все сколько-нибудь серьезные споры на пушкинские темы суть в конечном счёте споры аксиологические, противостояние разных образов мира, жизненных позиций и вер» [8, с.32].

Появление Пушкина в русской литературе «означает образование центра, куда стягиваются приобретения и откуда набирают силу, ориентируются новые начала» [9, с.68], поэтому интерес к его творчеству неослабеваем. «Философом был Чаадаев, мыслителями – Киреевский и Хомяков, деятельным мыслителем Белинский (а потом и Достоевский) и т.д. Задача Пушкина была иной: самому стать мыслью и смыслом, средоточием и предметом духовных исканий, предложить реальный идеал – что само по себе как понятие было несовместимо. Зато оно было необходимо для ищущего своей основы народного самосознания. И Пушкин стал такой основой, обобщив историю» [9, с.95].

В изучении пушкинской эпохи Н. Раевский ориентируется на мемуарную литературу о Пушкине, в частности, на мемуары Анны Петровны Керн (Марковой-Виноградской). Обозначим наиболее значимые черты мемуаров А.П. Керн. «Воспоминания о Пушкине» написаны в конце 1850-х годов, вскоре после переезда А.П. и А.В. Марковых-Виноградских в Петербург. Идея их написания возникла, скорее всего, под впечатлением от труда П.А. Анненкова «Материалы для биографии А.С. Пушкина», который позже после некоторой доработки передал её для опубликования своему приятелю и единомышленнику, редактору «Библиотеки для чтения» А.В. Дружинину.

Для «Воспоминаний» А.П. Керн характерна последовательность, стремление воспроизвести события в хронологическом порядке, так, как они происходили на самом деле, в действительности; она не переписывает заново историю. С первых страниц фиксируется литературная и общественная жизнь России начала XIX века. По избранному материалу, его достоверности и отсутствию вымысла мемуары близки исторической прозе, научным биографиям, документально-историческим очеркам. Так, Керн подчёркивает, что в январе – начале февраля 1819 г. в доме Олениных (во время первой встречи с Пушкиным) она просто не заметила Пушкина, поскольку в тот вечер блистал Крылов, читающий по просьбе публики свои басни. «И я никогда не забуду, – пишет А.П. Керн, – как он был хорош, читая своего Осла! И теперь ещё мне слышится его голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнес: “Осёл был самых честных правил!”» [10, с.28].

Точность воспроизводимых событий важна для Керн, и она сама не раз подчёркивает это следующими оговорками: «...далее не помню, а неверно цитировать не хочу» [10, с.30]. Вновь они встретились через 6 лет, в июне 1825 года. Уже написаны «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Разбойники» и первая глава «Евгения Онегина». «Воспоминания» А.П. Керн приобретают ценность подлинного исторического документа, выполняют функцию достоверного источника информации, передают колорит эпохи, их страницы насыщены реальными историческими событиями.

Бесценны и письма А.П. Керн к А.С. Пушкину и А.С. Пушкина к А.П. Керн. В этом контексте заслуживает внимания высказывание

А.И. Герцена, который чуть позже, в 1857 году, в обозрении «Западные книги» утверждал, что современная литература – это «исповедь современного человека под прозрачной маской романа или просто в форме воспоминаний, переписки».

Воспоминания А.П. Керн – это её исповедь, обращенная к потомкам. Искренность автора, чувство такта очаровывают и стимулируют интерес к последующему чтению. Автор, безусловно, личность неординарная, на долю которой выпало немало испытаний. Как человек, много переживший, она сострадательно относится к тем, о ком вспоминает. Интересны мысли и чувства самой А.П. Керн, её отношение к тому, свидетелем чего она была. Не следует упускать из виду и следующий факт: подлинность и достоверность содержания, хроникальность и фактографичность изложения, поскольку в XIX веке, по мнению современных исследователей, центральным персонажем «литературного процесса стало не произведение, подчиненное канону, а его создатель, центральной категорией поэтики – не стиль или жанр, а автор» [11, с.33].

Трудность быстрого сближения с Пушкиным крылась в особенностях его характера: «Он был очень неровен в общении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, – и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту» [10, с.32]. И далее: «Он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописуемо хорош, когда что-нибудь приятное волновало его...» [10, с.32]. Речь поэта увлекательна, остра и блестяща.

Первая и вторая встречи с поэтом невольно сопоставляются. На первой читал свои басни И.А. Крылов, на второй – Пушкин читает поэму «Цыгане». И как читает! Первая встреча прошла в чаду поэтического очарования Крыловым, что и помешало автору «Воспоминаний» обратить внимание на поэта. Всё внимание присутствующих было приковано к Крылову, «виновнику поэтического наслаждения». Теперь, спустя шесть лет, в центре внимания – Пушкин. «Я была в упоении, – пишет А.П. Керн, – как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаявала от наслаждения: он имел голос певучий, мелодический и, как он говорит про Овидия в своих “Цыганах”: “И голос, шуму вод подобный”» [10, с.33].

Таким образом, жанрообразующим элементом в мемуарах является автор, его точка зрения на происходящее, причём автор, изменяющийся во времени. Поэтому текст мемуаров двупланов, он сопрягает существующее одновременно в двух временных измерениях. Так, в ткань повествования вплетаются обобщения более позднего времени, появляется ретроспекция [12].

Следует подчеркнуть, что в «Воспоминаниях о Пушкине» А.П. Керн приводит и высказывания Пушкина о ней, причём письма поэта к Олениной цитируются в оригинале (на французском языке), лишь затем даётся перевод на русский: «Хотите знать, что такое г-жа Керн? Она изящна; она всё понимает; легко огорчается и так же легко утешается; у неё робкие манеры и смелые поступки, – но при этом она чудо как привлекательна» [10, с.35].

Стиль «Воспоминаний» Керн иногда отступает от строгого и сухого, присущего документу. Таково, например, описание поездки в Михайловское: «Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тётушка с сыном в одном; сестра, Пушкин и я – в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно весёлым и любезным...» [10, с.33]. «Лирическое настроение» ощущается в описании сада: «Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад. “Приют задумчивых дриад”, с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать» [10, с.33].

О характере отношений Пушкина и Керн нет однозначности в пушкиноведении. Сохранилось свидетельство самого поэта об этих двух встречах: «Ваш приезд в Тригорское произвёл на меня впечатление гораздо живее и тягостнее, чем некогда наша встреча у Олениных» [10, с.271]. Письма Пушкина остроумны, блестящи, шутивы, ироничны, что «не позволяет, – считает А. Гордин, – определить меру серьёзности любовных признаний поэта. Можно предполагать, что увлечение его не было особенно глубоким. Однако, вне зависимости от этого, совершенно несомненно, что и для Пушкина, и для его корреспондентки было приятно, интересно, весело поддерживать эту переписку» [13, с.15].

Поэт сам пытается разобраться в чувствах, 21 июля он записывает: «Каждую ночь я гуляю в своём саду и говорю себе: “Здесь была она... камень, о который она споткнулась, лежит на моём столе подле увядшего гелиотропа. Наконец я много пишу стихов. Всё это, если хотите, крепко похоже на любовь, но боюсь вам, что о ней и помину нет. Будь я влюблён, – я бы, кажется, умер в воскресенье от бешеной ревности, – а между тем мне просто было досадно...”» [10, с.37]. Ещё пример: «Я снова берусь за перо, потому что умираю от скуки и могу заниматься только вами» (от 25 июля, с.271), «Я снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я по-прежнему люблю вас, а подчас ненавижу, что третьего дня я рассказывал о вас ужасные вещи, что я целую ваши прекрасные ручки, и снова целую их, в ожидании больших благ, – что положение моё невыносимо, что вы божественны и пр. и пр. и пр.» (от 8 декабря, с.280).

Цитирование пушкинских строк – ещё одна характерная черта «Воспоминаний». Согласно точке зрения А. Гордина, цитата в приведённом выше фрагменте указывает на прямую связь между пейзажем романа «Евгений Онегин» и окружающей Пушкина природой усадьбы в Михайловском [13, с.13]. На наш взгляд, это скорее свидетельствует о том, что современники поэта жили в атмосфере его удивительной поэзии, поэтому любой жизненный факт, любая картина ассоциировались с его поэтическими строками [14]. На следующее утро в принесённом Пушкиным экземпляре 2-ой главы «Евгения Онегина» А.П. Керн обнаружила четверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье...» Так родился один из шедевров любовной лирики поэта.

Согласно представлениям Керн, кстати, не отличающимся от обывательских, ссылка, уединение имеют своеобразное воспитательное значение. Так, размышляя о роли Михайловского в судьбе поэта, Керн подчёркивает, что «император Александр I, заставляя его жить долго в Михайловском, много содействовал к развитию его гения. Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмысливалась» [10, с.39]. И самый главный итог, по мнению автора воспоминаний, в том, что он приехал в Петербург с богатым запасом выработанных мыслей. Но о Пушкине во время следующей (третьей) встречи с поэтом, которая произошла в Петербурге в 1827 году, в доме его родителей, она

замечает осторожно: «Он как будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском» [10, с.46].

С Пушкиным, как показывает Керн, связано игровое, театральное, смеховое начало: его посещения всегда наполняли дом детским смехом, игривой веселостью, шутками и поэтическими разговорами. Друзья поэта Дельвиг и Мицкевич тоже охарактеризованы на страницах «Воспоминаний»: обаятельная прелесть встреч и расставаний с Дельвигом, любезный и приятный, благодушный и занимательный Мицкевич, которого уважали и любили Пушкин и Дельвиг. Слог А.П. Керн лаконичен, она несколькими фразами рисует удивительно точные и живые портреты друзей Пушкина.

Гением добра оказался Пушкин А.П. Керн в трудный момент её жизни – после потери матери: был трогательно внимателен, чуток и красноречив.

Но портретные характеристики Пушкина возникают и далее, в продолжающих эти воспоминания – «Воспоминаниях о Пушкине, Дельвиге, Глинке», написанных в 1859 году в Петербурге [15]. Так, считая Пушкина высшим образцом неистощимого остроумия, Керн видит, что душою кружка даровитых писателей, носившего «на себе характер беспечного, любящего пображничать русского барина», был Дельвиг, любезный и радушный хозяин, симпатичный и великодушный. Сравнение Пушкина с Дельвигом далеко не в пользу великого поэта, беспокойное расположение духа которого чаще всего превращало его шутки в сарказм. А Дельвиг, гостеприимный и деликатный, чаще напоминал мемуаристке Вальтера Скотта.

Особенно ценны свидетельства госпожи Керн о поэте в решающий момент его жизни – перед женитьбой. В этот период он казался совсем другим человеком: серьезным, важным, молчаливым. Размышляя о причинах столь разительных перемен, А.П. Керн предполагает, что «его постоянно проникало сознание великой обязанности счастливить любимое существо, с которым он готовился соединить свою судьбу, и, может быть, предчувствие тех неотвратимых обстоятельств, которые могли родиться в будущем от серьезного и нового его шага в жизни и самой перемены его положения в обществе» [15, с.51]. Так сложно переплетаются в мемуарах временные пласты настоящего и будущего: «Встречая его после женитьбы всегда таким же серьезным, я убедилась,

что в характере поэта произошла глубокая, разительная перемена» [15, с.51].

Письмо и эпистолярная новелла, деловая автобиография и автобиографическая повесть могут быть объектом изучения в сопоставительном плане [16]. Дневник – жанр закрытый (монологический). Письма – открыты, диалогичны, они обращены к адресату.

Своеобразный «роман в письмах» представляет собой переписка А.С. Пушкина и А.П. Керн. «Я имел слабость попросить у вас разрешения вам писать, а вы – легкомыслие или кокетство позволить мне это» [17, с.271]. Эпистолярный стиль был близок А.П. Керн, поскольку писать письма она любила с детства. Лёгкий и изящный слог, неукротимый характер поэтического гения пронизывает каждую строку этой небольшой по объёму переписки. Обращения к А.П. Керн непредсказуемы и не мотивированы. В одном из писем она «милая и прелесть», «божественная», тут же «мерзкая» и вновь – «прекрасная и нежная». Что скрыто за иронией поэта?

Пушкин заботится о молодой красавице, советует наладить отношения с мужем. И тут же зовет в Михайловское, просит писать: «Но только пишите мне, да побольше, и вдоль, и поперёк, и по диагонали... Не правда ли по почте я гораздо любезнее, чем при личном свидании: так вот, если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности – в понедельник я буду весел, во вторник восторжен, в среду нежен, в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем угодно, и всю неделю – у ваших ног» (28 августа 1825 года) [17, с.276].

Невольно возникает параллель с лирическим героем поэмы В. Маяковского «Облако в штанах»:

*Хотите –
Буду от мяса бешеный –
И, как небо, меняя тона –
Хотите –
Буду безукоризненно нежный
Не мужчина, а – облако в штанах!*

Реальный, живой Пушкин, со своими мыслями, мечтами, сомнениями, в окружении друзей предстает со страниц «Воспоминаний»

А.П. Керн и переписки. Несомненно, она понимала поэта, хорошо знала его, сочувствовала ему, не теряла из виду до последних дней жизни. Поэтому так легко и увлекательно читаются страницы мемуарной прозы, характеризующая самого автора как человека, обладающего литературными способностями, обаятельного, образованного, живо интересующегося происходящим, самостоятельного в суждениях, обладающего сформированным литературным вкусом. В этом немалую роль сыграли Пушкин, Дельвиг и литературное окружение.

Мемуары А.П. Керн содержат верные бытовые зарисовки, живописные детали, точные характеристики, что в совокупности придаёт им «цену подлинного исторического документа, позволяющего реально ощутить время» [13, с.21]. Воспоминания, по мнению современных исследователей, самостоятельный метажанр, «объёмное образование, в которое входят мемуарно-биографический роман, повествование (повесть) о детстве, литературный портрет, записки, автобиографическая повесть, автобиография и другие формы» [18, с.127]. Разграничивая литературоведческие термины «воспоминания» и «мемуары», Т.М. Колядич констатирует: воспоминания – калька мемуаров, «поскольку воспоминания создавались по модели, уже встречавшейся во французской литературе, жанр «memoire» образован от французского слова «память» [18, с.127].

Отличие между ними – степень участия автора как повествователя, рассказчика или автобиографического (биографического) героя в тексте, в степени привлечения автодокументов и широте обобщений. В воспоминаниях прозаик идёт от конкретного и единичного к обобщённому. В конце XX столетия дневники, письма, записные книжки, записки, мемуары, литературные портреты стали доминировать в творчестве писателей, причём дневник, пройдя значительный эволюционный путь от частного документа до разновидности мемуарной прозы, остаётся «более независимым образованием» [18, с.135] и легко вычлняется.

В прозе последней четверти XX века прослеживается противоречивая тенденция к синтезированию «публицистических и метафорических форм. Усиление публицистического начала рассматривается в критике как следствие активизации авторской позиции, т.е. стремления автора открыто высказать своё отношение к изображаемому» [19, с.3]. Подобная публицистичность прослеживается

в книге Н. Раевского «Портреты заговорили». Состоящая из очерков «В замке Бродяны», «Фикельмоны», «Переписка друзей», «Д.Ф. Фикельмон в жизни и творчестве Пушкина», «Особняк на Дворцовой набережной», «Д.Ф. Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина», эта книга, как всякое научное исследование, снабжена комментариями [20].

Н. Раевскому, в период его пребывания за границей, удалось завязать ряд знакомств в той среде, в которую попали пушкинские материалы. Писатель в полной мере осознавал свой долг перед русской культурой, перед светлой памятью гения. Ему посчастливилось разыскать и опубликовать много нового, уточнить переводы, отличавшиеся, к сожалению, неточностью как фактологической, так и небрежностью в передаче содержания, которое иногда было изложено весьма приблизительно.

В первом очерке «В замке Бродяны» Н. Раевский развенчивает сложившееся мнение о сестре Натальи Николаевны – Александре. Долгое время считалось, что с её переездом к Пушкиным в большом семействе поубавилось житейских хлопот. Но позже выяснилось, что ни ведением домашнего хозяйства, ни воспитанием детей поэта Александра не занималась. Её волевой и страстный характер сыграл негативную роль в отношениях с великим поэтом. Впервые о далеко не родственных отношениях поэта с любимой свояченицей речь зашла в воспоминаниях «Наталья Николаевна Пушкина-Ланская» А.П. Араповой, дочери Натальи Николаевны от второго брака. Они были опубликованы в иллюстрированном приложении к «Новому времени» в 1907 году.

Пытаясь добраться до замка Бродяны и установить связь с его хозяевами, Н. Раевский высказывает печальное предположение: «Пушкинских рукописей, которые, вероятно, были у Александры Николаевны в Петербурге, в Бродянах почти, наверное, нет. Положение супруги барона Густава, несмотря на давность событий, было деликатным...» [20, с.22]. Но автор избегает категоричности, оставляя проблеск надежды: «почти, наверное, нет». Очень важна его позиция. У Н. Раевского, как и у мемуариста, взгляд со стороны.

Поиски замка Бродяны в Словакии начались из-за его хозяйки – герцогини Лейхтенбергской, дочери Александры Николаевны Гончаровой, о местожительстве которой автор книги узнал случайно от

внучки одного из братьев Натальи Николаевны Гончаровой. Поиски отнимают немало времени. Автор восхищается Национальной библиотекой в Праге, в которой собрана самая богатая в Западной Европе пушкиниана – русская и иностранная. В одном из её фондов хранится четверть миллиона русских книг, в том числе всё, что осталось от знаменитой библиотеки Смирдина, которой пользовался ещё Пушкин. Но все поиски оказались тщетными.

Позже, в очерке «Фикельмоны», Н. Раевский вновь вернётся к богатейшим фондам Национальной библиотеки, в которых он сначала подбирал материалы для диссертации по анатомии насекомых, потом увлёкся пушкиноведением. Диссертация была написана по-французски и блестяще защищена. Но Пушкин стал смыслом жизни доктора естественных наук Карлова университета.

В книге-исследовании Н. Раевского «Портреты заговорили» не только передаётся работа мысли учёного-исследователя, захватывающие перипетии поиска, радость долгожданных открытий или боль разочарований. Время – один из героев повествования. За потоком событий – Время. Современность врывается в неторопливое течение научных поисков.

Тысяча девятьсот тридцать третий год, тридцать четвёртый и тридцать пятый проходят безуспешно. Автор торопится: герцогине около восьмидесяти лет. Реалии современной действительности настораживают: «В Европе после прихода к власти Гитлера очень неспокойно». Автору книги удаётся передать психологию, мироощущение людей того времени, сообщить множество интересных фактов.

И когда совершенно случайно, поздней осенью 1936 года, перелистывая «Русский архив» П.И. Бартенева за 1908 год, Н. Раевский обнаружил упоминание о дочери Александры Николаевны, вышедшей за герцога Ольденбургского, а затем благодаря сотрудникам Французского института имени историка Эрнеста Дени, в котором работал помощником библиотекаря, находит точные данные о ней, пишет сам письмо на официальном бланке: «С глубоким волнением я думаю о том, что, быть может, Вы сами знали свою тётку и что в этом случае, без сомнения, в Вашей памяти остались какие-либо личные воспоминания о ней» [20, с.15], оказывается слишком поздно. Приходит ответ от графа Георга Вельсбурга: «Моя бабушка

всё хотела лично Вас поблагодарить, и сказать, что она очень сожалеет, не имея возможности сообщить Вам сведения о Пушкине, так как её мать никогда не хотела говорить на эту деликатную тему, касающуюся её сестры» [20, с.16]. Переписка велась по-французски.

Автор остро ощущает, как оборвалась «последняя живая связь с тем временем», ему, к сожалению, так и не удалось встретиться с дочерью Александры Николаевны, «любившей сидеть у ног вдовы поэта». Но Н. Раевский решил воспользоваться приглашением графа посетить замок во время пасхальных каникул 1938 года. К визиту он готовился тщательно: перечитал всё, что можно было достать в Праге, об Александре Николаевне, её семье и её отношениях с Пушкиным. Находясь в балканском экспрессе, в первый день поездки, автор очерка перечитывает свой конспект из карманной книжки. Так в ткань повествования включаются сведения о старшей сестре Натальи Николаевны – Александре. Этот своеобразный приём: просмотр собственных записных книжек позволяет расширить диапазон повествования, раздвинуть рамки произведения.

Фактически, Н. Раевский очень подробно рассказывает не только о детстве сестёр, но и о нравах их родителей («любящий, но беспутный дедушка Афанасий Николаевич промотал огромное состояние»), отец «Николай Афанасьевич, одарённый и прекрасно образованный человек, психически ненормален», «матери боятся, но вряд ли её уважают»), об обстановке в семье («тяжёлая»), о домашнем образовании (барышни знали французский, русский, немецкий, брали уроки музыки и рисования).

Посетив поле битвы под Аустерлицем с первым томом «Войны и мира» в руках, Н. Раевский размышляет: «Где-то здесь недалеко лежал раненый князь Андрей...» [20, с.22]. Приём ретроспекции неоднократно используется автором.

Результатом поездки в Бродяны стало точное установление места погребения Александры Николаевны Фогель фон Фризенгоф: фамильный склеп в окрестностях замка. Что касается Бродянского архива, то его обнаружение кажется автору книги маловероятным. Хотя он надеялся найти прижизненные издания произведений Пушкина с его дарственными надписями свояченице в огромной библиотеке замка, но обнаружил лишь посмертное издание с прелестным экслибрисом герцогини и её печатью. Стоит согласиться с

предположением Н. Раевского о том, что «рукописей Пушкина у Ази Гончаровой могло и не быть – поэт дарил их неохотно, но томики с посвящениями, судя по всему, несомненно, были. Остались они где-то в России» [20, с.26]. Архив гость замка так и не увидел, но заинтересовался портретами, рисунками, мемориальными вещами.

В отлично сохранившемся альбоме Александры Николаевны преобладали портреты членов семей Пушкина и Ланских, писателя Ксавье де Местра, князя П.А. Вяземского, князя Н.А. Орлова, графини Ю.П. Строгановой, близкой приятельницы Н.Н. Пушкиной и др. Сравнивая портреты, акварели и фотографии Натальи Николаевны, Н. Раевский подробно описывает дагерротип, на котором запечатлены сёстры в окружении детей. «Прекрасные, тонкие, удивительно правильные черты лица. Милое, приветливое лицо – любящая мать, гордая своими детьми. Невольно вспоминаются задушевные пушкинские письма к жене. На известных до сих пор изображениях Натальи Николаевны, как мне кажется, нигде не передан по-настоящему этот немудрёный, но живой и ласковый взгляд» [20, с.29].

Используя приём противопоставления, автор выделяет в облике старшей сестры «пристальный, умный, но жестковатый взгляд» и приходит к выводу, что в молодости она «была далеко не так красива, как обычно думают» [20, с.29]. Но по натуре смела, как и Наталья, отличная наездница. Брак её, скорее всего, был прочным и спокойным, барон Густав «производит впечатление вдумчивого и корректного человека». Был ли счастливым? На этот вопрос Н. Раевский не даёт ответа. И осторожно передаёт своё впечатление от посещения замка Бродяны: при жизни Александры Николаевны имя Пушкина, скорее всего, было в замке под запретом. Часто ли вспоминала венгерская помещица свои русские корни и своего генерального свояка? – задаётся вопросом Н. Раевский.

И всё-таки расстроенному неудавшимся визитом (архив не найден) Н. Раевскому Владислав Ходасевич пишет в письме, что он нашёл клад. Это иконографические сокровища, альбом, портреты и т.д. Но самое ценное – две вещи, «поистине памятные». Путешественнику довелось увидеть кольцо с бирюзой и цепочку, которые умирающий поэт просил вернуть Александре Николаевне [21]. Об этом упоминает и П.Е. Щёголев, автор монографии об «утаённой

любви Пушкина (Марии Раевской-Волконской)» – «Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы». Книга была написана в Петропавловской крепости, где П.Е. Щёголев провёл без малого три года, осуждённый в 1909 году как издатель-редактор журнала «Былое» за неправильную оценку отдельных исторических эпизодов царствования дома Романовых. П.Е. Щёголев, – пишет Н. Петраков, – получил три года заточения за «так называемую царственную трактовку содержания анонимного пасквиля, присланного Пушкину и приведшего в конце концов к дуэли и гибели поэта. В предисловии к третьему изданию своей книги «Дуэль и смерть Пушкина» (1927 г.) он пишет: «Текст исследования не подвергся изменениям, но новые материалы и новые возможности их разработки, созданные с освобождением от цензурных и условных пут, побудили меня к пересмотру истории дуэли» [22, с.6].

Вот как этот эпизод воспроизводит Н. Раевский: «Графиня Вельсбург, старавшаяся показать мне всё, что могло меня интересовать, сняла с пальца старинное золотое кольцо с продолговатой бирюзой и сказала, что оно перешло к ней от герцогини, а ей досталось от матери». Далее казахстанский пушкинист ссылается на рассказ княгини Веры Фёдоровны Вяземской, жены друга Пушкина: однажды поэт взял у свояченицы кольцо с бирюзой, несколько времени носил его, потом вернул. «А в ящичке с драгоценностями герцогини, – продолжает далее Н. Раевский, – именно в ящичке из простой фанеры (Наталья Густавовна считала, что воры не обратят на него внимания), я увидел потемневшую золотую цепочку от креста, по словам хозяйки замка, тоже принадлежавшую Александре Николаевне» [20, с.30]. Это были самые волнующие из бродяжских реликвий. И вот почему.

Вернёмся к уже упоминавшейся книге П.Е. Щёголева, которому П.И. Бартнев 2 апреля 1911 года сообщал: «Княгиня Вяземская сказала мне, что раз, когда она на минуту осталась одна с умирающим Пушкиным, он отдал ей какую-то цепочку и попросил передать её от него Александре Николаевне. Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот за гробный подарок, вся вспыхнула, что и возбудило в княгине подозрение» [21, с.430]. Читая эти строки Бартнева, автор книги «Портреты заговорили» никогда не думал, что ему будет суждено увидеть кольцо, а тем более цепочку.

Автор очерка высказывает предположения, которые впоследствии сам и опровергает, если обнаруживаются новые факты. Главное для него – научная достоверность, отсутствие домысла. В одном из альбомов де Местра небольшой тщательно отделанный рисунок карандашом взволновал русского исследователя своим сходством с Пушкиным. Но позже выяснилось, что изображен брат поэта, Лев Сергеевич. Много запутанных нитей, пушкинских и околопушкинских, «тянется к замку на берегу Нитры». Часы, проведенные в замке Бродяны, остались в памяти писателя-эрудита незабываемыми, потому что только в замке он увидел многих родных и знакомых поэта «по-новому, как не видел ещё никто из писавших о Пушкине» [20, с.39].

Прошлое и настоящее причудливо переплетаются. Ужин при свечах, богемский хрусталь, массивное серебро, монограмма на вещах «А.Г.», портреты Дантеса, Жуковского. А после ужина рассказ о боях на Карпатах, о прорыве Будённого к Перекопу. И если хозяевам замка рассказ о бурных русских годах интереснее «далёких околопушкинских воспоминаний», то мысли рассказчика не в Галиции и Северной Таврии, о которых он повествует, а в Бродянах: «Вот здесь, в этой комнате, в этих самых креслах, три четверти века тому назад сживали две стареющие женщины – генеральша Ланская и её сестра. О чём они говорили, о чём думали? Опустила ли Наталья Николаевна глаза, увидев портрет Дантеса? Или его убрали на время перед приходом Ланской? Бегут воспоминания о прочитанном, встают один за другим вопросы, а говорю я всё не о том, о чём думаю» [20, с.39].

Парк около замка чем-то напоминает Павловск. Н. Раевский задаётся вопросом: «А не напоминал ли он Александре Николаевне Полотняный завод, родовое имение»? Автор очерка глубоко уверен в том, что в душе графиня «оставалась русской барыней, видимо, тосковавшей по родине. Была, как и многие её современницы того же круга, женщиной русско-французской культуры».

Немногим более суток пробыл Н. Раевский в замке Бродяны. В 1939 году приглашён был снова, но 15 марта в Прагу вошли танки Гитлера. Современность меняет планы исследователя.

Н. Раевский опровергает слухи о том, что в замке Фризенгофов состоялась встреча Натальи Николаевны с Дантесом. Тем самым

он не согласен и с мнением Анны Ахматовой о вероятности подобной встречи, так как дневника Александры Гончаровой она читать не могла.

Н. Раевский вносит ясность в щекотливый вопрос: «Каким образом в замке появился портрет Дантеса?» Его Екатерина Николаевна подарила первой жене Фризенгофа Наталье Ивановне Ксавье де Местр. Всё-таки «Александре Николаевне приходилось постоянно видеть перед собой портрет убийцы когда-то любимого ею поэта, и можно только представить, какие сложные чувства владели ею при виде этого портрета» [20, с.56]. Хотя прошло 15 лет после смерти поэта, когда Александра Николаевна стала хозяйкой замка и встретила с портретом Дантеса, автор допускает, что «её чувства, возможно, утратили свою остроту».

В очерке «Фикельмоны» описан процесс поиска дневника графини Фикельмон и писем Пушкина к ней. «Мелькают передо мной Прага, Венеция, Рим, Вена, Лондон, Париж, дворцы, имения, замки... Стараюсь не упустить ни одного возможного варианта» [20, с.60]. Правнук графини Дарьи Фёдоровны князь Альфонс 22 ноября 1942 года отвечает на письмо Н. Раевского и обещает выслать из Теплица копию письма поэта и текст дневниковой записи прабабушки о дуэли и смерти Пушкина.

Этот день Н. Раевский называет одним из счастливейших дней своей жизни, так как найден архив Фикельмонов, неизвестное письмо Пушкина и существует дневник графини, о котором не знал никто. Но настает и «более счастливый» день, когда исследователю подадут заказной пакет с немецким штемпелем «Теплиц-Шенау»: «С волнением читаю неизвестные строки поэта. Потом принимаюсь за дневниковую запись: «Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина...» Сто пятьдесят строк французского текста. Сразу же вижу, что передо мной документ большой важности: нового в нём мало, но уже известное подтверждает независимая свидетельница, близко знавшая поэта» [20, с.63].

Заинтриговав читателя, Н. Раевский сообщает о переводе дневника на русский язык, о работах профессора А.В. Флоровского, о том, что две тетради дневника Фикельмон хранятся в филиале Государственного архива в городе Дечине (Decin), об изданиях дневника на итальянском языке Ниной Каухчишвили и т.д. И переходит к

подробному ознакомлению с Дарьей Фёдоровной Фикельмон, внучкой Кутузова. Из писем Кутузова к старшей внучке можно сделать вывод о том, что девочки знали французский, немецкий языки и обучались русскому.

Автор книги «Портреты заговорили» не осмеливается брать на себя ответственность за точное и достоверное воспроизведение жизненного пути Дарьи Фикельмон: «Приходится постоянно делать оговорки – “по-видимому”, “вероятно”, “может быть”. Очень многого мы о ней не знаем точно или совсем не знаем. Мало что известно и об её отчине (Н.Ф. Хитрово), но всё же значительно больше, чем об отце (Ф.И. Тизенгаузен)».

Комментируя переезд семьи Хитрово во Флоренцию в связи с назначением в 1815 году генерала Хитрово российским поверенным в делах при великом герцоге Тосканском, Н. Раевский высказывает предположение, что восприимчивость юной графини ко всему прекрасному развилась у неё именно в Тоскане, где искусство «срослось с повседневной жизнью», чуть ли не каждая церковь расписана великими мастерами эпохи Возрождения, а картинные галереи полны творений мирового значения. Личное восприятие города автором книги дополняет описание: «Чудесный город. . . По вечерам золотистый полусвет скрадывает линии старинных зданий, терпко пахнут разогревшиеся за день кипарисы, и от мутной реки Арно тянет влажным теплом. В ноябре Флоренция ещё полна роз, в феврале её сады окутаны розовыми облаками цветущего миндаля».

Лирическое отступление оживляет текст книги, вновь акцентируя внимание на том, что в духовном облике графини Фикельмон навсегда осталось многое от Италии, её любимой страны. Далее отмечается следующий факт: Е.М. Хитрово создала подрастающим дочерям блестящее положение в европейском «большом свете».

Н. Раевский склоняется к мысли, что брак графини с Фикельмоном, бывшим значительно старше её, был счастливым, а переписку замужней графини Долли с российским императором Александром I он характеризует как «большое взаимное увлечение». «Есть такое французское выражение, с трудом передаваемое по-русски – “*amitie amougeuse*” – влюблённая дружба – понятие, равно далёкое и от флирта, и от связи. Оно родилось позднее, но, на мой взгляд, этот очень французский термин лучше всего передает характер тогдашних

отношений Александра I и графини Фикельмон – большое взаимное увлечение» [20, с.104]. Тон писем государя исследователь определяет как серьёзный и искренний, считая, что вряд ли ещё к кому-нибудь из современниц графини были обращены подобные письма.

Конкретно поставленная цель исследования не позволяет автору отклоняться от предмета: «Наше внимание будет сосредоточено на личности графини Фикельмон, её русских литературных связях и – прежде всего – на роли Дарьи Фёдоровны в жизни и творчестве Пушкина» [20, с.111]. Н. Раевский весьма скромно оценивает известные ему факты жизни графини, высказывая уверенность в том, что «научная биография графини Фикельмон – дело будущего». Он лишь уточняет возраст графини в начале её знакомства с Пушкиным – 25 лет, в пору дуэльной драмы – 32.

Доминантой облика графини Н. Раевский считает очарование внешнее и духовное. Сопоставляя все известные ему портреты Долли Фикельмон, Н. Раевский разделяет мнение современников о красоте графини, считающейся одной из самых красивых женщин николаевского Петербурга. Необыкновенно красивые бархатистые глаза; прекрасные волосы; умный, серьёзный и в то же время оживлённый взгляд – таким запечатлел графиню венский художник. Всю жизнь графиня стремилась быть полезной людям, особенно тревожилась она за судьбу талантливых людей.

Анализируя стиль дневника и писем сестёр друг к другу, Н. Раевский делает очень верное замечание: «Дневник – прежде всего светская хроника, письма – душевная беседа с любимой сестрой» [20, с.129]. Причём, немаловажно, что письма были переведены Н. Раевским и опубликованы им впервые в 1965 году. Далее в тексте очерка он вновь возвращается к оценке дневника: «Чем больше в него вчитываешься, тем яснее чувствуешь, что это не “*Journal intime*”, как говорят французы, а длинный ряд большей частью искренних, но всегда хорошо обдуманых записей. Калитку в свой духовный сад Долли Фикельмон только приотворяет». Отношение к великосветскому обществу было двойственное. Она блистала на балах Флоренции, Неаполя, Петербурга, Вены и писала П.А. Вяземскому: «Как я ненавижу это суетное, легкомысленное, несправедливое, равнодушное создание, которое называется обществом!»

Она обладала удивительной интуицией, стройным и точным, логическим умом. «Всегда ясна её мысль (верная или ошибочная – другой вопрос), стройны и точны многочисленные и длинные рассуждения о политических, исторических, литературных и иных вопросах. То же самое надо сказать и об её отлично построенных французских фразах (пражские и венские корректоры журналов местами их порядком исковеркали). Словоупотребление у графини Фикельмон не всегда правильное – сказывается влияние немецкого и итальянского языков, но писать она всё же мастер, и следить за ходом её мысли легко» [20, с.130].

Далее Н. Раевский подчеркивает, что графиню нельзя считать лишь интеллектуальной тенью умного мужа-дипломата, хотя их оценки людей и событий нередко совпадают. Музыка она любила страстно. Отлично рисовала, обладая вполне профессиональным мастерством, любила театр. «Искреннее и сильное чувство красоты и искреннее её – одна из самых привлекательных душевных черт графини».

Нередко в текст книги Н. Раевский включает свои рассуждения, а не следует лишь слепо за строками дневника или воспоминаниями современников. Вот один из примеров: «Император Карл V как-то сказал, что, изучая новый язык, мы приобретаем и новую душу. Мне думается – не новую душу, а ключ к пониманию чужой психики. У графини Долли была целая связка таких ключей. Пользоваться ими она умела. В её писаниях мы находим немало верных и глубоких отзывов о прочитанном, многое из того, что нравилось когда-то Долли Фикельмон, выдержало испытание временем. Читала она большею частью по-французски, но нередко, как мы уже видели, и на других доступных ей европейских языках – немецком, английском и итальянском» [20, с.146].

Из переписки с сестрой и отзывов Долли Фикельмон о французских писателях видно, что графиня обладала верным и тонким литературным вкусом. Более того, она снабжала своих друзей французскими книгами, которые миновали цензуру. И всё же на Россию Долли Фикельмон смотрела глазами вдумчивой иностранки. Натура её была сложна и полна противоречий. Н. Раевский завершает очерк «Фикельмонь» следующим рассуждением: «Она добра, но способна остро ненавидеть тех, кого считает врагами дорогого ей общественного строя. Она умеет наблюдать, но порой не замечает

того, что видят люди гораздо менее наблюдательные. Женщина выдающегося ума, случается, пишет вещи далеко не умные. Патриотка двух отечеств, но прежде всё-таки русская, очень плохо справляется с русским языком. Дама “большого света” вдруг начинает грустно и гневно бранить то общество, в котором её положение так блестяще. Всё у неё, кажется, есть, – большего желать нечего, но недовольна она, мечется, не находит себе покоя... Тесно ей в великосветской оранжерее, в которую Дарья Федоровна сама себя заперла» [20, с.156].

Центральным очерком книги «Портреты заговорили» является, разумеется, очерк «Д.Ф. Фикельмон в жизни и творчестве Пушкина», но его предваряет небольшая по объёму «Переписка друзей», в которой автор анализирует отношения графини и П. Вяземского, исходя из их эпистолярных бесед. Н. Раевский корректирует мнение П. Вяземского о Долли, который приписывал ей «простодушие»: «Было не “простодушие”, а великолепная простота, которая далеко не всем дается...» [20, с.166]. На основе тщательного изучения дневников П.А. Вяземского и Д.Ф. Фикельмон Н. Раевский устанавливает точную дату их знакомства – 14 марта 1830 года. Цитата из дневника Д.Ф. Фикельмон 18 марта 1830 года: «Познакомилась с князем Вяземским – он поэт, светский человек, волокита (homme a bonnes fortunes), некрасивый, остроумный и любезный». 29 марта дополняет: «Князь Вяземский... очень любезен; он говорит умно, приятно и легко, но он так некрасив» [20, с.167].

Н. Раевский скрупулёзно подсчитывает: их «очное» знакомство продолжалось... несколько более четырех лет, а переписка (с очень большими перерывами) – 22 года. В отличие от писем, даты в которых проставлены точно и аккуратно, записки содержат лишь указание на день недели, реже – число и месяц. Исследователь намечает основные темы и извлекает самое существенное. Графиня в переписке искренна, она демонстрирует необычно глубокую и близкую дружбу, от которой недалеко и до любви. Но впоследствии между ними сохранились лишь приятельские отношения. 1829-1831 годы были для графини отчасти годами Вяземского. Начиная со второй половины 1832 года, Петр Андреевич – только один из её многочисленных русских и иностранных друзей. «Два умных, глубоких, разносторонне содержательных человека оказались всё же

людьми очень разными и до конца друг друга не понимали... Кроме того, – отмечает далее Н. Раевский, – как мне кажется, “влюблённая дружба”, своего рода “балансирование на грани любви”, по самой своей природе вообще долго продолжаться не может. Либо она превращается в любовь, либо становится просто дружбой» [20, с.213].

По силе ума и широте интересов мало кто из приятельниц мог сравниться с Долли Фикельмон, но оценка её фигуры в пушкиноведении неоднозначна [23]. Прежде чем перейти к повествованию об отношениях графини и великого поэта, Н. Раевский упоминает роман её матери с Пушкиным, «чтобы яснее представить себе обстановку, в которой началось знакомство Пушкина и Долли Фикельмон». «Конечно, – приводит автор книги высказывание Н.В. Измайлова, – здесь была не только дружба – здесь было и поклонение великому поэту, славе и гордости России, со стороны патристически настроенной наследницы Кутузова, и материнская заботливость о бурном, порывистом, неустоявшемся поэте, бывшем на шестнадцать лет моложе её, и, наконец, – страстная, глубокая, чисто эмоциональная влюблённость в него, как в человека. Последнее – по крайней мере, в первые годы – господствовало над остальным».

Пушкин и Долли Фикельмон познакомились в ноябре 1829 года, о чём позволяет судить запись в дневнике графини, сделанная в начале декабря 1829 года, когда Пушкин уже неоднократно бывал у них: «Пушкин, писатель, ведёт беседу очаровательным образом – без претензий, с увлечением и огнём; невозможно быть более некрасивым – это смесь наружности обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков – в цвете его лица заметна ещё некоторая чернота и есть что-то дикое в его взгляде» [20, с.218]. Н. Раевский уверен, что графиня преувеличила некрасивость поэта и словно в противовес приводит мнение В.И. Анненковой, считающей его «изысканно и очаровательно» некрасивым.

К сожалению, мы не располагаем темами бесед Пушкина на приёмах в доме Фикельмон: «Многое, очень многое могла она сохранить для истории из бесед поэта, встречаясь с ним в течение семи с лишним лет. Могла, но не сохранила...» Салоны Фикельмон и её матери Хитрово играли большое значение в жизни Пушкина, они были главным источником сведений о западноевропейской жизни.

Граф Фикельмон подарил поэту два тома стихотворений запрещённого в России Генриха Гейне.

В очерке «Д.Ф. Фикельмон в жизни и творчестве Пушкина» Н.А. Раевский мастерски объединяет в повествовании письма поэта и графини, а также друзей и знакомых Пушкина, цитирует дневниковые записи героини. Дневник сам по себе представляет ценность, поскольку в нём описаны события текущей жизни. В нём нет той ретроспекции, которая характерна для мемуаров [24, с.14]. Н. Раевский, анализируя стиль писем, сравнивает французский подлинник и русский перевод, подчёркивая при этом, что русский перевод подчас выглядит бледнее, не передает всей гаммы чувств и оттенков.

О близком знакомстве и дружбе Пушкина с Д. Фикельмон свидетельствует следующая цитата из письма: «Позвольте ли Вы сказать Вам, графиня, что Ваши упрёки так же несправедливы, как Ваше письмо прелестно. Поверьте, что я всегда останусь самым искренним поклонником Вашей любезности, столь непринужденной, Вашей беседы, такой приветливой и увлекательной, хотя Вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших знатных дам». Очень ценен и прямой отзыв о Д. Фикельмон как о самой блестящей из дам её круга. Н.А. Раевский считает, и мы разделяем его точку зрения, что в письмах к современницам Пушкин всегда необычайно любезен (эту черту его стиля ярко демонстрирует и переписка с А.П. Керн). Но письмо к Д. Фикельмон «выделяется особой изысканностью выражений» [20, с.228]. Сколько в нём искренности и сколько игры – трудно установить.

Письмо А.С. Пушкина к Д. Фикельмон от 25 апреля 1830 года Н. Раевский считает великолепным образцом французской эпистолярной прозы и высказывает надежду на то, что французский текст станет предметом обстоятельного филологического исследования, поскольку в стилистическом отношении «он написан не только тщательно, но и в высшей степени изысканно. В то же время простые, прекрасно построенные фразы, которые льются с обычной для Пушкина легкостью, далеки от всякой напыщенности, которую так не любила графиня Фикельмон» [20, с.227]. Русский перевод, к сожалению, не передаёт прелести подлинника, хотя и даёт возможность «достаточно точно познакомиться с мыслями и чувствами поэта».

Представляют интерес с научной точки зрения трудности перевода, примеры которых приводит исследователь. Вот один из них: «Поэт говорит, что письмо графини “est seduisante”. Дословно “seduisant” значит “обольстительный”, но сказать “обольстительное письмо” по-русски нельзя. Переводчику пришлось употребить слово “прелестно”, хотя французское прилагательное более выразительно и предполагает желание очаровать» [20, с.230]. Далее поэт подчёркивает великолепную простоту общения, которая даётся только избранным. В Долли Пушкин ценит, прежде всего, достойную собеседницу, всегда приветливую и внимательную, заинтересованно участвующую в беседах. Точно также и графиня ценит в поэте умение вести беседу, блестящее остроумие, ум и способность говорить просто и занимательно. Они нашли друг друга, им было интересно вместе проводить время в светских беседах. После предстоящей женитьбы графиня останется для поэта доброй приятельницей.

В дневниковой записи от 11 августа 1830 года, накануне свадьбы, Долли Фикельмон подчёркивает любезность поэта, оживление и весёлость в разговоре: «Невозможно быть менее притязательным и более умным в манере выражаться». Далее следует комментарий Н. Раевского: «Графиня Долли очень ценила в людях умение вести беседу и, в особенности, способность говорить просто и занимательно. Чувствуется, что именно эта способность Пушкина, оттенявшая его блестящее остроумие и ум, особенно восхищала молодую женщину. А в графине Долли он видит исключительно умную, блестящую собеседницу, не говоря уже об её способности очаровывать и редкой красоте» [20, с.235].

Автор книги переосмысливает личность Натальи Николаевны Гончаровой, снабжая свою книгу прелестной словесной акварелью, которую считает едва ли не лучшим литературным портретом жены поэта. Во втором издании книги «Портреты заговорили» (1976) личность Н.Н. Гончаровой освещена более подробно, так как к этому времени были обнаружены новые материалы, главным образом эпистолярные, которые стали, говоря словами Д. Благого, автора предисловия к книге Н. Раевского, «защитниками тени жены поэта – и не по принципу “высокой лжи”, а из стремления к подлинной исторической правде» [20, с.6]. В описании Пушкина как счастливого влюблённого Долли расходится с ранее цитировавшимися

«Воспоминаниями» А.П. Керн, отмечавшей грусть и озабоченность поэта. В решающий момент его жизни – перед женитьбой – он казался Керн совсем другим человеком – серьёзным, важным, молчаливым.

Ценность эскизного портрета Н.Н. Гончаровой в том, что она запечатлена здесь, спустя несколько месяцев после замужества, большинство её «портретов», как известно, относится ко времени её вдовства или второго замужества. Так, в дневниковой записи от 21 мая 1831 г. появляется отсылка к Мадонне; возможно, цитата из самого Пушкина: «...это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая – лицо Мадонны, чрезвычайно бледное, с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, взгляд не то чтобы косящий, но неопределённый, тонкие черты, красивые чёрные волосы. Он очень в неё влюблён, рядом с ней его уродливость ещё более поразительна, но, когда он говорит, забываешь о том, чего ему не достаёт, чтобы быть красивым, – он так хорошо говорит, его разговор так интересен, сверкающий умом без всякого педантизма» [20, с.235].

Но через четыре дня в письме к Вяземскому от 25 мая графиня Фикельмон обнаруживает свой дар предвидения: «Жена его прекрасное создание: но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие... несчастья у такой молодой особы. Физиономии мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем» [20, с.237]. Продолжение этого в записи от 12 ноября 1831 г., после бала у председателя Государственного Совета Кочубея: «Поэтическая красота г-жи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всём её облике – эта женщина не будет счастлива, я в этом уверена! Она носит на челе печать страдания!...» И замыкает всё это фраза, обронённая в письме опять-таки к Вяземскому от 12 декабря: «Пушкин у вас в Москве, жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение её лба заставляет меня трепетать за её будущность» [20, с.239].

Задумавшись над обликом Натальи Николаевны, о её роли в судьбе поэта, Н.А. Раевский основательно прочитывает и анализирует всю литературу о ней, отмечая атмосферу напряжённого и не всегда благожелательного внимания к супруге Пушкина. Пытаясь высветить подлинный духовный облик горячо любимой Пушкиным

женщины, автор книги подробно останавливается на её родословной. Он обращает внимание на чисто внешние черты, о которых пишет в своих «Воспоминаниях» Еропкина: необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении; цитирует письма поэта. Он изучает источники и письма сестёр Гончаровых к брату Дмитрию и приходит к выводу, что сестры были мало подготовлены к вступлению в большой петербургский свет. Нелегко приходилось ей в роли жены первого поэта России, «который для одних был гордостью страны, а для других весьма неприятным, неуживчивым человеком, обладавшим острым и язвительным языком». Зависть рождала злословие. Блистательная красавица жила в тягостной атмосфере напряжённого и не всегда благожелательного внимания.

Н.А. Раевский не соглашается с трактовкой характера Н.Н. Гончаровой как обычной представительницы своего круга, развенчивает «ложные представления о скудости её ума и духовного облика». К работам, без предвзятости рисующим духовный облик супруги поэта, он относит исследования М. Яшина, И. Ободовской и М. Дементьева [25]. К ним можно отнести и книги самого Н. Раевского «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили», сочетающие черты документально-исторического очерка с превосходным анализом дневниковых записей, писем и воспоминаний современников поэта.

Чувство такта, интеллигентность не позволяют автору книги вступать в полемику с Анной Ахматовой, но он не может не прореагировать на некоторые её соображения. Отдавая дань тонкому ценителю слова, отмечая ряд её глубоких мыслей (в частности, Анной Ахматовой впервые был поставлен вопрос о том, почему «злосчастный диплом был разослан друзьям Пушкина, а не его врагам, что было бы более логичным»), писатель находит много спорных и необоснованных предположений, отвергая категорически как ничем необоснованное чрезвычайно необъективное (по его выражению: даже враждебное) отношение к Н.Н. Гончаровой. Более того, он считает все умозрительные построения А. Ахматовой искусственными и потому не требующими опровержения. Сопоставляя многочисленные источники, разрозненные факты из свидетельств современников, писем Пушкина к жене, писем самой Натальи Николаевны к брату Дмитрию, Н.А. Раевский с уверенностью утверждает, что эфемерный

образ Пушкиной как «блестательной и легкомысленной красавицы, сущность которой проявлялась единственно в её страсти к светским развлечениям, распадается. Это была очень деловая женщина, чрезвычайно деликатная в отношениях с людьми, хорошая хозяйка, заботливая жена, мать и сестра, справляющаяся со всеми заботами по дому и воспитанию детей. В мае 1836 года Наталья Николаевна фактически исполняла обязанности секретаря редакции “Современник”».

В то же время автор книги категорически против идеализации Н.Н. Гончаровой. Она была живым человеком, со своими достоинствами и недостатками и «всё же оставалась на земле. Оторваться от неё, приблизиться к тем духовным вершинам, где царил её гениальный муж», ей было трудно. Н. Раевский не прощает трагическую ошибку – согласие на роковое свидание с Дантесом. «Не могла она не понимать, скажем, вернее, не имела права не понимать, к каким последствиям может привести это свидание при столь крайне напряжённых и непримиримых отношениях её мужа и её поклонника» [20, с.259], – звучит взволнованный голос писателя.

Размышляя о роли графини Фикельмон в судьбе Пушкина, Н. Раевский высказывает предположение о её достаточно близком знакомстве с поэтом, поддерживая гипотезу некоторых пушкинистов о том, что черты характера графини воплощены в облике замужней Татьяны в романе «Евгений Онегин» и в героине незаконченного произведения «Египетские ночи». «Пиковая дама», с его точки зрения, тоже имеет к ней самое прямое отношение. Несомненно для Н. Раевского то, что Дарья Фёдоровна Фикельмон сыграла в жизни Пушкина гораздо более важную роль, чем ту, о которой было известно ранее. Д.Ф. Фикельмон, обладающая силой ума и широтой интересов, литературной культурой и владеющая пером, – несомненно, яркая личность, свидетельством чему являются её дневник и письма, органично включённые Н. Раевским в ткань повествования книги «Портреты заговорили».

И символичен в связи с этим следующий факт: о дуэли и смерти Пушкина содержатся сведения в дневнике графини Фикельмон, передал который Раевскому дальний потомок Кутузова Альфонс Кляри-и-Альдринген. Об этом – в очерке «Д.Ф. Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина», в котором автор отводит себе скромную роль

комментатора дневниковой записи, но, оставаясь верен самому себе, даёт краткую справку о действующих лицах трагедии.

В мировой литературе широко представлены дневники путешествия («Дневные записки плавания А.И. Бутакова на шхуне “Константин” для исследования Аральского моря в 1848-1849 гг.» и др.), дневники дипломатических миссий («Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, ведённые советником этого посольства А.Е. Соколовым» и др.), путевые научные дневники («Западный край Китайской империи и город Кульджа» (1856) и «Кашгарский дневник» (1858-1859). В XIX веке, что особенно ценно, дневник стал «средством удовлетворения нравственно-интеллектуальных запросов личности» [26].

В последние годы интерес к мемуарной литературе обострился. Московский литературовед О.Г. Егоров в своих исследованиях «Русский литературный дневник XIX века» [26], «Дневники русских писателей XIX века» [27] освещает такие проблемы, как время и пространство в дневнике, образ человека, метод и стиль, вопросы сюжетной организации. Некоторые аспекты дневниковой прозы стали объектом изучения в кандидатских диссертациях Донченко Н.Ю. [28], Кулаковой Н.И. [29], Поляк Д.М. [30]. Акцент в них делается на изучение поэтики дневникового текста.

Дневник изначально несёт в себе установку на искренность, включает в свою структуру исповедальные мотивы, обращён к читателям-потомкам. Авторская позиция в дневнике своеобразна, в ней превалирует личностное начало. «Сколько-либо значительно разрыва по времени между описываемыми явлениями и описанием их в дневнике нет. Поэтому в дневниках искажений и ошибок памяти встречается сравнительно с мемуарами немного» [31, с.355].

Запись Фикельмон состоит из трёх частей, написанных в разное время, разных по объёму. Н.А. Раевский отмечает общий чрезвычайно сдержанный тон, как всегда, ровный и чёткий почерк. О дуэли и кончине поэта Фикельмон пишет, – считает писатель-исследователь, – «со слов Жуковского», но её искреннее сочувствие ощущается на протяжении всей записи. Её записи о поэте и его жене «умны, достоверны и ценны» [20, с.361]. Не случайно, Н.М. Карамзин писал о том, что «творец всегда изображается в творении и часто против воли своей» [32, с.60].

Итак, Дантес по крови больше немец, чем француз. Такой вывод делает исследователь на основании тщательного и подробного изучения его биографии, приводя следующую деталь: «Через много лет после петербургской драмы Проспер Мериме... отметил немецкий акцент барона». Но сам Дантес и окружающие считали его французом. Бароном восхищались женщины всех возрастов и положений. По отзывам современников и на основе портретных зарисовок Дантес выглядит «уверенным в себе, несколько высокомерным человеком». Скорее всего, его успех у женщин объяснялся не столько его красотой, приходит к выводу писатель, сколько способностью нравиться. Сколько-нибудь основательной военной выучки быть у него не могло. По достоверным семейным воспоминаниям, образование его тоже было посредственным, даже французский литературный язык давался ему не так легко.

Что касается моральных качеств, то главная цель его приезда в Россию – карьера. В Петербурге он был всеобщим любимцем. Остроумного, весёлого кавалергарда принимали повсюду (Карамзины, Вяземские и др.). Его оценка своей роли в трагическом убийстве великого русского поэта разнилась, в зависимости от собеседника, к которому он приспосабливался. Отзывы его об этой трагической странице биографии были диаметрально противоположны: от сожаления о случившемся (принуждён к поединку, которого он не желал) до открытой бравады («барон Геккерн, который убил вашего поэта Пушкина»). По свидетельству его внука Метмана, петербургская драма была для деда «лишь одним из приключений молодости», которому он «отводил, однако, незначительное место» [33].

«Совершенно неприличная тяжба» с Гончаровыми, в процессе которой Дантес нарушал интересы жены и детей Пушкина, рисует его «расчётливым и сухим до крайности», выявляя мелочную торгашескую натуру. «Весёлый нрав, общительность и остроумие кавалергарда обманули многих, – подытоживает Н. Раевский. – По видимому, на некоторое время обманули и Пушкина».

Достаточно умный, ловкий и тактичный Дантес был всё же человеком влиятельным и ценным для правящих кругов Франции и имеющим к тому же большие связи. Более того, из «былого красноречивый петербургских гостиных выработался отличный политический оратор». Этот вывод Н. Раевского так же подтверждается свидетельством

П. Мериме. Автор книги «Портреты заговорили» характеризует Дантеса как исполнителя дипломатических поручений, беспринципного и ловкого политика, отличного оратора, местного деятеля, крупного и удачливого предпринимателя.

Композиция последнего очерка анализируемой книги «Д.Ф. Фикельмон о дуэли и смерти Пушкина» строится таким образом, что его автор от довольно подробного и обстоятельного рассказа о Дантесе переходит к комментированию записи о его романе с Н.Н. Пушкиной, подробно воспроизведённом на страницах дневника Д. Фикельмона. Познакомились действующие лица развернувшейся впоследствии драмы не позже осени 1834 года. Н. Раевский, ещё не приступив к комментированию дневниковой записи графини, предварительно сам воссоздает историю развития отношений Пушкина и Геккерна. Он пытается проследить временной промежуток от рокового 4 ноября 1836 года до дня дуэли – 29 января 1837 года. 4 ноября, как известно, сам Пушкин и его друзья получили по почте анонимный диплом-пасквиль. Но первый вызов на дуэль Пушкиным, последовавший в тот же день, сначала, по просьбе посланника Геккерна, был отложен на 24 часа, затем и вовсе был объявлен самим поэтом как «не имевший места». Причина такого решения – объявление 17 ноября на балу у С.В. Салтыкова о свадьбе Дантеса и Екатерины Николаевны Гончаровой, которая состоялась 10 января 1837 года.

Н. Раевский отмечает, что Д. Фикельмон возобновившиеся после свадьбы Дантеса ухаживания за Натальей Николаевной описаны «достоверно и точно» и верно указан непосредственный повод к поединку. Далее события развивались стремительно: 25 января Пушкин отправляет посланнику «предельно грубое и оскорбительное» письмо, 26 января передан вызов Дантеса, 27 января – дуэль. Такова хронологическая канва.

В дневнике Д.Ф. Фикельмон текст записи о дуэли и смерти поэта занимает 11 страниц второй тетради. Сопоставляя русский и французский варианты записи, Н. Раевский вносит изменения и дополнения, которые являлись совершенно необходимыми, и приводит в книге «Портреты заговорили» эту запись в более полном виде. Датирована запись 29 января 1837 года. Обращает на себя внимание самое первое предложение, содержащее личностную оценку

трагической катастрофы: «Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот прекрасный талант, полный творческого духа и силы!» [20, с.354].

И далее прием контраста: «прекрасный, сияющий светоч» и «поэтическая внешность, но заурядный ум и характер» Н.Н. Пушкиной. Д. Фикельмон – одна из тех, кто непосредственно наблюдал за разворачивающейся драмой («Все мы видели, как росла и усиливалась эта гибельная гроза!»). Строго осуждая Наталью Николаевну, которая «совершенно потеряла способность обуздывать этого человека», автор дневника в то же время строго судит и Пушкина, совершившего «большую ошибку, разрешая своей молодой и очень красивой жене выезжать в свет без него». И строго судит свет! Ни одна из дам света не могла осудить госпожу Пушкину, потому что «все мы, – размышляет горестно Д. Фикельмон, – находим удовольствие в том, чтобы нами восхищались и нас любили, – все мы слишком часто бываем неосторожны и играем сердцами в эту ужасную и безрасчётную игру! Мы видели, как эта роковая история начиналась среди нас, подобно стольким другим кокетствам, мы видели, как она росла, увеличивалась, становилась мрачнее, делалась такой горестной, – она должна была стать большим и сильным уроком несчастий, к которым могут привести непоследовательность, легкомыслие, светские толки и неосторожные поступки друзей, но кто бы воспользовался этим уроком? Никогда, напротив, петербургский свет не был так кокетлив, так легкомысленен, так неосторожен в гостиных, как в эту зиму!» [20, с.357].

Вероятнее всего, по мнению Н. Раевского, 29 января дневник был только начат. Гладкие, литературные фразы, ровный и чёткий почерк, тщательно выписанные слова, практическое отсутствие помарок – всё это свидетельствует о том, что текст обработан очень тщательно. Н. Раевский отмечает чрезвычайно сдержанный общий тон записи, ничего личного, никаких следов личных переживаний: «Её мать могла войти в кабинет Пушкина и при всех опуститься на колени перед умирающим гением. Жене австрийского посла пришлось остаться дома. . .» (несмотря на семь с лишним лет знакомства, долгую дружбу и короткое, но всё же увлечение гениальным человеком).

Н. Раевский подчёркивает взволнованное и искреннее начало записи о дуэли и смерти поэта, именно оно было написано сразу

же по получении трагического известия. Основную часть повествования исследователь характеризует как памятную записку о дуэли и смерти Пушкина, предназначенную для потомства, для истории. Он пишет об особой ценности слов Д. Фикельмон, близко знавшей всех участников драмы. Графиня избирает «исторический стиль повествования», но при этом искреннее сочувствие к поэту ощущается на протяжении всей записки, что не мешает ей видеть его житейские ошибки, самая большая из которых – женитьба. Она разделяла мнение матери, П. Вяземского и других друзей поэта о том, что Пушкину не следовало жениться вообще.

Автор книги «Портреты заговорили» не согласен с мнением Д. Фикельмон о Н.Н. Пушкиной, считая его несправедливым. Он придерживается иной точки зрения: «Наталья Николаевна была очень мягка в обращении с людьми, но эта мягкость сочеталась у неё с весьма настойчивым и энергичным характером». В то же время мемуаристка не упоминает вообще об Александре Николаевне Гончаровой, хотя не могла не видеть, что эти отношения в последние преддверные месяцы приняли явно не родственный характер.

Отношение Д. Фикельмон к Екатерине Николаевне Гончаровой автор книги определяет как «насмешливое и слегка презрительное», она была комическим персонажем трагедии. Но это не соответствовало действительности: «Несмотря на свою замечательную наблюдательность и умение разбираться в людях и событиях, умения, граничившего с прозорливостью, на этот раз она сильнейшим образом ошибалась». Н. Раевский не заявляет об этом голословно, он находит веские доказательства этих предположений из переписки старшей из сестёр Гончаровых с братом Дмитрием. По поводу своего замужества не могла счастливая невеста отозваться следующим образом: «... счастье моё уже безвозвратно утеряно, я слишком хорошо уверена, что оно и я никогда не встретимся на этой многострадальной земле...» В письмах к брату – огромный интерес по поводу происходящего в России, в семье и т.д.: «Я в особенности хочу, чтобы ты был глубоко уверен, что всё то, что приходит из России, всегда мне чрезвычайно дорого и что я берегу к ней и ко всем вам самую большую любовь» [20, с.364].

Тонкий психолог и наблюдатель Н. Раевский высказывает следующее предположение: более всего старшую Гончарову «тяготило сознание того, что она нелюбима человеком, которого сама горячо

любит. Свою семью она потеряла, в семью Дантесов вошла как чужая». Жизнь свою она вполне сознательно принесла в жертву. Отсюда – вполне объяснимо желание Н. Раевского обрисовать личность Екатерины Гончаровой, облик которой дополняют письма сестёр к брату Дмитрию и письма из-за границы. Так, Н. Раевский сознательно раздвигает рамки повествования, углубляясь в процесс изучения личности старшей из сестёр Гончаровых, отмечая её остроту, наблюдательность, склонность к тонкой иронии, духовную привлекательность. Она, получившая по преимуществу французское образование, превосходно знала русский язык: «Переписать вполне грамотно такой длинный и сложный текст, как “Горе от ума”, в то время ещё не изданный, не обладая сильно развитым чувством языка, было бы невозможно» [20, с.366]. К такому выводу приходит Н. Раевский. Не менее важно предположение о существовании её дневника, поскольку она обладала ярко выраженными литературными интересами и предпочитала многим утомительным и скучным балам общество у Вяземских и Карамзиных.

Что касается внешних данных Екатерины Гончаровой, то она выглядела умной, но несколько суховатой и «не обладала той душевной щедростью, которой так богато была наделена младшая Гончарова». Наиболее верным Н. Раевский считает мнение сестры поэта О.С. Павлицевой о сестрах Гончаровых: «Они красивы, эти невестки, но ничто в сравнении с Наташей».

Ценны и интересны авторские комментарии к книге Н. Раевского. Казахстанский пушкинист приводит забытые сведения о младшей дочери Екатерины Николаевны и Дантеса – Леони (всего у них было трое дочерей). По словам парижского корреспондента газеты «Новое время», беседовавшего с сыном Дантеса, последний рассказал ему: «Пушкин! Как это имя связано с нашим! Знаете ли, что у меня была сестра, – она давно покойница, умерла душевнобольной. Эта девушка была до мозга костей русской. Здесь, в Париже, живя во французской семье, во французской обстановке, почти не зная русских, она изучила русский язык, говорила и писала порусски полнее многих русских. Она обожала Россию и больше всего на свете Пушкина» [20, с.426].

Восприятие происходящего и оценка окружающих автора людей – характерная черта дневника. Дневник Д.Ф. Фикельмон – и

исторический источник, и эстетическое явление, и свидетельство эпохи, имеющее культурно-историческую ценность. В то же время это и свидетельство её богатого внутреннего мира. В какой-то степени личность автора перемещается на второй план, когда в центр повествования выдвигается личность А.С. Пушкина и его поэтического окружения, друзей и недругов. К Дантесу отношение Д. Фикельмон гораздо более враждебное, чем у других людей её круга. Большая личная антипатия приводит к тому, что она не упоминает о добрых отношениях с ним ранее, хотя, по свидетельству пушкинистов, именно она помогла юному французу войти в русский большой свет.

Н. Раевский обращает внимание читателей на «досадное умолчание» автора записок о роли в трагедии Геккерн-отца. Не содержится в дневнике Д. Фикельмон и её записи об отношении к Геккерну-старшему. «Между тем, – замечает Н. Раевский, – о подлинной роли Геккерн Фикельмон, несомненно, знала многое, а эта роль и до сих пор остается одной из загадок дуэльной драмы» [20, с.369]. Анализируя все отклики, имеющиеся о Геккерне, писатель приходит к следующему выводу: «Судя по всем данным, Геккерн – человек злой, аморальный, но, несомненно, умный. Подлость он сделать мог, вопиющую глупость – нет...».

Комментируя оценку Д. Фикельмон романа Пушкиной и Дантеса, Н. Раевский высказывает предположение о том, что они были влюблены друг в друга, и об этом Д. Фикельмон не знать не могла. Н. Раевский приводит высказывание современницы Пушкина – фрейлины М.К. Мердер («они безумно влюблены друг в друга»), цитирует письма Дантеса к своему приёмному отцу, обнаруженные в архиве Дантеса-Геккерн французским писателем Анри Труайя. Барон пишет о своём искреннем чувстве и об объяснении с Пушкиной, во время которого она выступила в роли Тагьяны-княгини.

Исследователь предполагает, что со временем взгляды пушкинистов на отношения Пушкиной и Дантеса могут измениться: «Дантес, действительно, “тронул и смутил её сердце”, как с оговорками допускала Фикельмон, но и чувства барона Жоржа были гораздо серьезнее, чем считалось до сих пор...» [20, с.374]. Н. Раевский всё более укрепляется во мнении, «что дуэльную историю графиня Долли, к сожалению, излагает очень неоткровенно и местами, кажется, сознательно искажает её ход». Одна из загадочных глав дуэльной

истории заключается в том, что неизвестно, что же в действительности заставило Дантеса жениться на Екатерине Гончаровой. По мнению же Д. Фикельмон, причиной дуэли послужила чья-то непоследовательность, легкомыслие Натальи Николаевны, светские толки и неосторожность друзей Дантеса и Натальи Николаевны.

Дневник Д.Ф. Фикельмон в ряду «Записок об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской, дневников Е. Булгаковой, А. Достоевской и других близких русским поэтам и писателям авторов позволяет представить картину жизни современного ей российского общества, и что самое важное – восстановить картину дуэли А.С. Пушкина. Определяющими признаками дневника являются датированность записей, их синхронность фиксируемому событию, детальность и достоверность (непременные признаки) и установка на исповедальность, лаконизм стиля (факультативные признаки).

Исследования Н. Раевского позволяют полнее воссоздать облик Н.Н. Гончаровой, живую картину жизни семьи Гончаровых, Д.Ф. Фикельмон, П. Вяземского, и, конечно же, самого Пушкина. Ценность книги, обогатившей мировую пушкиниану, в том, что большое количество иноязычных документов, в том числе выдержки из писем Александра I к юной графине внучке Кутузова Д.Ф. Фикельмон и её матери Е.М. Хитрово, переведены с французского самим Н. Раевским и опубликованы им впервые. Таким образом, благодаря истинно подвижнической деятельности писателя, новые материалы, введенные в научный оборот, становятся достоянием широкой научной и читательской аудиторий.

Для книг Н. Раевского характерно многоуровневое восприятие, зависящее от культурного контекста, вложенного автором, и от уровня читающего. «Восприятие происходит при совместном вхождении в текст и попытках уже не анализа, а продолжения. Информация, полученная в процессе чтения, предполагает не конечный результат, каким бы он важным ни был для автора, а именно способ познания как процесс, принципиально не имеющий окончания. Этот постоянно продолжающийся процесс и есть результат чтения. В такой прозе точка зрения смещается и автор становится своим собственным читателем, а читатель – соавтором, каждый раз заново создающим написанное. Текст уходит в глубину, увлекая читателя к невидимой подводной части айсберга» [30, с.205].

В ином ключе написано исследование Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» [35]. Для нас оно представляет интерес в сравнительном плане с книгами Н. Раевского. Если стиль казахстанского автора интеллигентен, выдержан, научен, включает в себя по мере необходимости элементы художественности, то А. Терц нередко «провоцирует» читателя, так и предлагая последнему вступить в спор. Разговорный стиль в некоторых местах удивляет и обескураживает, его мнение не соответствует общепринятому. Вот один из примеров: «Строфа у Пушкина влетает в одно – вылетает в другое ухо: при всей изысканности она достаточно ординарна и вертится бесом, не брезгуя ради темпа ни примелькавшимся плагиатом, ни падкими на сочинителей рифмами» [35, с.99].

А. Терц, высказывая парадоксальные мысли, иногда приходит к интересным выводам. В их ряду: светскость Пушкина родственна его страсти к кочевничеству. Пространственный вектор поэзии Пушкина тоже попадает в центр внимания автора «Прогулок...», очерчен он уже и в самом названии. «Образ легко и вольно пересекаемого пространства, наполненного пёстрым смешением лиц, одежд, наречий, состояний, по которым скользит, вальсируя, снисходительный взгляд поэта, озаряющий минутным вниманием то ту, то иную картину, – вот его творчество в общих контурах» [35, с.83]. Подчёркивая энциклопедичность романа в стихах «Евгений Онегин», А. Терц выдвигает оригинальную гипотезу о близости сочинения Пушкина с адрес-календарём, с телефонной книгой: «Блестящее и поверхностное царскосельское образование, широкий круг знакомств и человеческих интересов помогли ему составить универсальный указатель, включающий всё, что Пушкин видал или читал».

Н. Раевский был не просто писателем-эрудитом, он многое открыл сам, работал в архивах, в библиотеках, в частных коллекциях и т.д. Многие документы впервые ввёл в научный оборот, потому что искренне верил в то, что «чем лучше мы знаем жизнь Пушкина, тем глубже и точнее понимаем смысл его творений» [20, с.7]. А. Терц – исследователь текстов Пушкина и его наследия. В этом заключается принципиальное отличие как этих двух авторов, так и созданных ими сочинений. В то же время история – одно из действующих лиц их исследований. С ней неразрывно связан концепт памяти. «Нивелирующим тенденциям века Пушкин, – пишет

А. Терц, – противопоставил аристократический принцип отсчёта в истории и биографии, предусматривающий участие судьбы в делах человека. История, как и космос, сословна, иерархична и складывается из геральдических знаков, отчеканенных в нашей памяти во славу уходящим теням».

Ещё один аспект, позволяющий проводить параллель между книгами Н. Раевского и А. Терца, – мотив воспоминаний. Мы уже отмечали ранее, что мотив воспоминаний соединяет воедино временные пласты в книге Н. Раевского «Портреты заговорили». Находясь в гостинице замка Бродяны, автор вспоминает события 20-х годов XX века, непосредственным участником которых был сам, и тут же окунается в атмосферу послепушкинской эпохи, изучая документы, письма, рисунки в альбомах, портреты и т.д., так как верит, что в жизни Пушкина малозначительного нет, «мелкая подробность позволяет порой по-новому понять и оценить всем известный стих или строчку пушкинской прозы... Дорогой всем нам вечный образ поэта становится ещё ближе и дороже, когда мы вплотную подходим к поэту и пытливо вглядываемся в его человеческие черты» [20, с.7].

У А.Терца мотив воспоминаний прослежен в поэтическом творчестве русского поэта: «Его герои не так живут, как перебирают прожитое... Итоговое “Вновь я посетил...” сплошь исполнено как ландшафт, погружённый в воспоминания, в том числе – как в давнем прошлом вспоминалось давно прошедшее, уходящее всё глубже в минувшее – “иные берега, иные волны”. Здесь же своё завещание: вспомни! – Пушкин передает потомству» [35, с.107]. Точно также и Н. Раевский как завещание потомкам оставил свои книги, ставшие заметным вкладом в пушкинистику.

Тема любви – общая для исследований Н. Раевского и А. Терца, но если Н. Раевский пытается определить роль женщин, которых любил поэт, которыми восхищался, в его жизни и судьбе, то А. Терц вновь связывает мотив воспоминаний и любовную тематику в творчестве Пушкина. «В воспоминании – в узнавании мира сквозь его удалённый в былое и мелькающий в памяти образ, вдруг проснувшийся, возрождённый – мания и магия Пушкина. Это и есть тот самый, заветный “магический кристалл”. Его лучшие стихи о любви не любви в собственном смысле посвящены, а воспоминаниям по этому поводу. “Я помню чудное мгновенье”. В том и тайна

знаменитого текста, что он уводит в глубь души, замутнённой на поверхности ропотом житейских волнений, и вырывает из забвения брызжущее, потрясающее нас откровение – “ты!” Мы испытываем вслед за поэтом радость свидания с нашим воскресшим и узнанным через века и океаны лицом» [35, с.107].

Таким образом, «возвращённая Пушкиниана» позволяет современному читателю приблизиться к разгадке трёх тайн великого поэта: тайне творчества, тайне духа и тайне личности.

Пушкинская тематика возникает постоянно в воспоминаниях о писателе М. Булгакове и историческом расследовании В.Л. Стронгина «Михаил Булгаков. Писатель и любовь». Именно этот аспект и позволил включить нам исследования казахстанского подвижника, эрудита Н.А. Раевского о пушкинской эпохе в один контекст с книгами о М. Булгакове. Во-первых, сам писатель в соавторстве с В. Вересаевым задумал создать пьесу «Живой Пушкин», думается, определяющим в названии является эпитет «живой». На него драматург делает основной акцент.

Во-вторых, стоит вспомнить и о том эпизоде из жизни М. Булгакова, когда он на литературном диспуте во Владикавказе яростно отстаивал своё понимание и значение роли Пушкина в русской литературе. М. Булгаков считал Пушкина революционером духа.

Между соавторами пьесы вспыхивали разногласия в трактовке образов поэта и Дантеса. Драматург не желал низводить образ последнего к исполнителю воли самодержавия. Главный герой должен быть показан не только гениальным творцом, но и честным, страстным и ранимым человеком. Таким же живым должен быть представлен и Дантес, ему нельзя запретить любить жену Пушкина. По свидетельству Любови Евгеньевны, второй супруги писателя, «в конечном итоге Михаил Афанасьевич “отбился” от нападок Викентия Викентьевича: его талант драматурга, знание и чувство сцены дали ему преимущество в полемике» [36, с.130].

Более того, размышляя о феномене творчества М. Булгакова, в пьесах которого «было какое-то сильное излучение, которое иногда называют неопределённым словом “обаяние”, исходившее, поверх многоголосья лиц, как бы от самой личности автора», В. Лакшин высказывает интересные замечания о повышении роли биографии, складывающейся из прямых авторских признаний,

писем, дневников и воспоминаний. Биография писателя и поэта так же ценна, как и его творческое наследие. И вновь сравнение с образом Пушкина: «...рядом с героями Пушкина и над ними существует в нашем сознании сам увлекающий воображение и возвышающий душу образ поэта и его трагическая судьба – с лицеем, ссылкой, женитьбой на Наталье Николаевне и дуэлью, как будто Пушкиным нам завещан ещё один великий не написанный им роман о себе самом» [37, 8].

В 1921-1925 годах М. Булгаков вёл дневник, позднее у него конфискованный и сожжённый самим писателем по возвращении ему тетрадей. Впоследствии он дневников не вёл, но нередко сам диктовал Елене Сергеевне «фотографически» точные записи. «Не оттого ли, – задаётся вопросом В. Лакшин, – и в прозе Булгакова, где такой простор дерзкой фантазии и вдохновенному вымыслу, так натурален “цвет” и “вкус” времени?» Елена Сергеевна не оставила воспоминаний, но вела с 1932 по 1940 годы дневник, в который включала не только важнейшие факты и подробности происходящего, но и оценки писателем событий и людей. Существенны и полны непосредственных впечатлений воспоминания сестры писателя Н.А. Земской, его первой жены Т.Н. Кисельгоф (Лаппа), записанные биографами, и второй жены – Л.Е. Белозерской.

Сам писатель скептически относился к мемуарному жанру. «Если бы ты знала, – обратился он к сестре, – как я боюсь воспоминаний». Тем не менее, книга «Воспоминаний» о нём издана. Собранные в ней воедино «наброски с натуры и портреты “на дистанции” производят в целом впечатление чего-то неоспоримо достоверного, даже когда детали их неточны, а внешние факты могут быть оспорены. Воспоминания разных лиц вступают между собою в сложные отношения, как свидетели на суде: они дополняют, подтверждают, опровергают, корректируют друг друга. За туманом приближительности, когда одно восприятие накладывается на другое, одна память спорит с другой, неоспоримо высвечивается ядро характера человека и линия судьбы художника» [37, с.36-37]. Более того, с опорой на воспоминания написано историческое расследование «Михаил Булгаков. Писатель и любовь» В.Л. Стронгина [38].

Если сравнить произведение В.Л. Стронгина «Михаил Булгаков. Писатель и любовь» с «Портретами заговорили» Н. Раевского,

то в первую очередь они разнятся по авторскому элементу в текстах. Н. Раевский самостоятельно на протяжении десятилетий своей увлекательной жизни занимался сбором уникальных материалов, касающихся Пушкина и его окружения. Он работал в архивах и библиотеках Европы, имел доступ к частным коллекциям и домашним архивам потомков поэта и родственников, тех, кто знал его. Н. Раевский сам переводил обнаруженные письма, документы, готовил их к публикации, снабжал комментариями, сопоставлял с текстами, увидевшими свет на русском языке ранее, обнаруживал неточности и устранял их. Так рождались его книги «Когда заговoryт портреты» и «Портреты заговорили», стиль которых сочетает элементы научного исследования и художественности.

В.Л. Стронгин – автор интересного исследования о жизни М. Булгакова. Роль автора в создании этого труда огромна, но несколько иного плана. Это беллетризованный рассказ о судьбе писателя и драматурга, его личной жизни, друзьях и недругах, построенный на воспоминаниях, дневниковых записях родных и близких М. Булгакова.

Таким образом, картины жизни героев оживают в литературном произведении именно силой автобиографической памяти. Прошлое возникает как личное воспоминание, в ареоле живописных и конкретных подробностей, воспроизвести которые мог только очевидец. Автор воспоминаний выступает представителем своего народа и эпохи, в которой он жил. В то же время через художественную призму автора и героев его повествования характеризуется сущность времени, далёкого или не столь отдалённого от читателей. Большинство событий в автобиографической прозе показаны как часть лично прожитой и пережитой истории, будь то воспоминания современников Пушкина или Булгакова. Общая история становится предметом автобиографической памяти.

Казахстанская пушкиниана рубежа XX и XXI веков была бы неполной без книг К. Гайворонского «Поговори мне о себе» и «Между Сциллой и Харибдой». В повести «Между Сциллой и Харибдой» тема ограничена взаимоотношениями Пушкина и декабристов, Пушкина и Николая I. К. Гайворонский взял на вооружение методологию Уайлдера, автора романа «Мартовские иды», состоявшего сплошь из документов, рождённых фантазией писателя, за исключением одного, позаимствованного у Светония. «Фальсификация

Уайлдера образует воздух эпохи», – уверен К. Гайворонский [39, с.7]. Казахстанский автор предлагает новое прочтение давно известного, основывая свою точку зрения, в некоторой степени отличную от общепринятых и распространённых взглядов, на документах, письмах, дневниках, свидетельствах современников. К. Гайворонский вступает в диалог с теми, кто неверно или тенденциозно цитировал документы, умалчивал о тех или иных фактах, был неточен. Автор открыто провозглашает свои задачи, во Вступлении к книге, озаглавленном «Вместо предисловия», звучит авторская речь: «Я буду показывать, как препарируют фразы, вытаскивая их из контекста, меняя смысл того или иного документа» [39, с.8].

В композицию «Между Сциллой и Харибдой» включена переписка Пушкина с Вяземским, Бенкендорфом, Бенкендорфа с Пушкиным, записки Вигеля и др. К. Гайворонский цитирует И. Новикова «Пушкин в Михайловском», Н.Я. Эйдельмана «Секретная аудиенция» и «Большой Жанно», отмечая, что последнее произведение построено на подлинных мемуарах Пуштина, словно их продолжение; Н. Раевского «Портреты заговорили» и др. Но главное для нас, что писатель спорит со своими предшественниками, дополняет обнаруженные и зафиксированные ими сведения, уточняет их, пытается добраться до сути, восстановить картину происходящего.

Василия Андреевича Жуковского он характеризует как человека «добрейшей души, бескорыстного, независтливого», который ходатайствовал перед царственными особами за всех, кто к нему обращался. Цитируя записки Вигеля, К. Гайворонский тут же даёт сведения о нём: крупный чиновник, в 1862 году бессарабский губернатор, дослужился до тайного советника..., знаком с Пушкиным по литературному обществу «Арзамас», литератор.

Прямая авторская речь нередко становится одним из существенных компонентов повествования. Приемы её включения могут быть самыми разнообразными: от ремарок («Движения души подчас невозможно объяснить», «Письменная речь интимнее устной...», «Самое сложное в жизни – человеческие отношения» и т.д.) до развёрнутого лирического отступления. Один из ярких примеров: «В судьбе есть обратный механизм. Порою случай, первоначально влекущий нас к неприятностям, неожиданно разворачивается и, подобно дикому жеребцу, взламывает изгородь, сколоченную из

жердей политического и социального свойства. Вчера ещё череда событий влекла кого-то к гибели, но сработала тайная пружина – и вы на коне. Раздумывая о случившемся, человек с удивлением обнаруживает, что вывернуться из тисков обстоятельств ему помогло действие, совершать которое ему вроде бы и не следовало» [39, с.43].

К. Гайворонский не согласен с утверждением Н. Раевского, высказанным им в книге «Портреты заговорили», о том, что Пушкин не любил Николая I, но с симпатией относился к императрице. К. Гайворонский предпринимает попытки установить, как на самом деле относились друг к другу Пушкин и императрица Александра Фёдоровна: симпатия их была обоюдная, о чём свидетельствуют записи в Дневнике поэта («Я ужасно люблю царицу...», «Государыня очень похорошела») и свидетельство Нащокина, записанное Бартеневым («Императрица удивительно как ему нравилась; он благоговел перед нею, даже имел к ней какое-то чувственное влечение»).

Теме «утаённой» любви поэта посвящена книга О.И. Видовой ««Души неясный идеал...» Идеал А.С. Пушкина и проблема “утаённой” любви поэта в пушкиноведении», автор которой приходит к интересному выводу: «Под “утаённой” любовью подразумевается идеал, какой сложился у Пушкина под влиянием царственно прекрасных особ: императриц Елизаветы Алексеевны, Александры Фёдоровны, княгини Евдокии Ивановны Голицыной, фрейлины Екатерины Павловны Бакуниной, озаривших небесным светом воображение юного поэта. Наталья Николаевна явилась в жизни Пушкина своеобразной его материализацией» [40, с.75].

Пытается автор повести-эссе «Между Сциллой и Харибдой» разобраться и в сложностях отношений поэта и императора Николая Павловича, человека энергичного, требовательного, властного, неутомимого. В частной переписке поэт отзывался об императоре с глубокой симпатией. Именно этот факт пушкиноведы игнорируют, так как он не поддаётся привычной интерпретации.

Диалог Пушкина с Николаем I смонтирован К. Гайворонским из воспоминаний Хомутовой, Струтыньского, Н.И. Лорера («Записки моего времени»), Грота, Вителя, Н.К. Шильдера («Император Николай I, его жизнь и царствование») и мемуаров В.В. Вересаева («Пушкин в жизни»). С целью восстановления более полной картины отношений поэта и государя цитируется письмо А. Бенкендорфа –

А. Пушкину, где примечательны следующие строки: «Сочинений Ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой цензуры: Государь Император сам будет и первым ценителем произведений Ваших, и цензором. Объявляя Вам сию монаршую волю, честь имею присовокупить, что как сочинения Ваши, так и письма можете для представления Его Величеству доставлять ко мне; но, впрочем, от Вас зависит и прямо адресовать на Высочайшее имя» [39, с.61].

Об отношении императора к поэту свидетельствует и фраза из письма П.В. Нащокину (июль 1831 года): «Царь со мною очень милостив и любезен. Того гляди, попаду во временщики». Хорошим отношением к себе со стороны Николая I воспользовался Пушкин для того, чтобы издать в 1835 году мистерию В. Кюхельбекера «Ижорский» в типографии III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, в Санкт-Петербурге. «Мог ли помыслить, – восклицает автор книги, – государственный преступник Кюхельбекер о том, что его мистерию издадут в лучшей типографии России?!» [39, с.177].

К. Гайворонский ставит под сомнение мнение литературоведов (в частности, Б.С. Мейлаха) о влиянии членов тайных обществ на Пушкина, о том, что ему принадлежит авторство слова «декабристы». Среди будущих декабристов у Пушкина, по мнению К. Гайворонского, всего два друга: Пущин и Кюхельбекер, остальные – знакомые. Ссылаясь на мнение Вяземского, автор книги резюмирует: соображение и расчёт, а не желание спасти Пушкина доминировало в отношениях декабристов к Пушкину.

Исторические документы, письма, свидетельства современников – вот источник, на основании которого переосмысливается деятельность декабристов. Более подробно даны характеристики Рылееву («Он был искренен, желая добра родной земле, свободы соотечественникам. Это желание было столь огромно, что поглотило его»), Пестелю («По неистовому желанию, взяв власть, принести добро Отчизне рядом с Рылеевым стоит Пестель»).

По отношению к сосланному в Сибирь декабристу Николаю Павлович не проявлял мелочной мстительности. Один из примеров, приведённый в книге «Между Сциллой и Харибдой»: государственному преступнику Вольфу было дано разрешение врачевать. Более того, приводится свидетельство Бенкендорфа: «По воле

государя были даны самые строгие и подробные приказания о хорошем содержании и охране здоровья арестованных; с другой – прилагалось неусыпное старание тотчас освобождать тех немногих, которые были задержаны по ошибке, или которых вина оказалась слишком маловажною».

Таким образом, К. Гайворонский предпринимает попытку на основе свидетельств историков (Н.К. Шильдера и др.), самих участников тех исторических событий (Бенкендорфа, А.О. Смирновой-Россет и др.), переписки (Бенкендорфа с Уваровой и др.) установить более точную картину происходящего, выявить действительные отношения Пушкина к декабристам и декабристов к поэту. К. Гайворонский ставит в вину создателям художественного фильма «Звезда пленительного счастья» (режиссеру В. Мотылю и др.) сумбурность и лживость второй серии фильма, одну из сцен которой он называет постыдной. Речь идет о венчании Анненкова и француженки Полины Гёбль, когда из-под венца героя уводят двое стражников и избивают в присутствии молодой жены, а генерал Лепарский, комендант Петровского Завода, ухмыляется в усы. На самом деле, генерал, человек высокообразованный и благородный, в котором декабристы души не чаяли, был посаженным отцом на свадьбе. Это исторический факт.

Истинную картину происходящего казахстанский автор восстанавливает из мемуаров Н.И. Лорера «Записки моего времени», отбывавшего ссылку вместе с Анненковым. Генерал Лепарский – сослуживец императора, пользовавшийся его доверием. Именно ему император вручил особую инструкцию, с которой никто не был знаком. Декабристы жаловались на однообразное питание: грибы, рыба, дичь, щи, каша с куском говядины. Наиболее состоятельные из них выписывали поваров. В распоряжении декабристов были рояль (его прислала Лунина сестра – генеральша Екатерина Уварова), скрипки, виолончели. Хором дирижировал декабрист Свистунов.

На одной из дневниковых записей поэта основан эпизод пьесы М.А. Булгакова «Последние дни». Жуковский и Николай I беседуют о Пушкине: «Злодей истории не имеет. У него (Пушкина) вообще странное пристрастие к Пугачёву». Но интерпретация этого эпизода дана неверно, как неверно расставлены акценты и в диалоге.

К. Гайворонский восстанавливает суть происходящего на основании дневниковой записи от 28.02.1834: «Государь позволил мне печатать “Пугачёва”; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал; он говорил очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения». 6 марта 1834 года Пушкин фиксирует в дневнике следующий факт: «Царь дал мне взаймы 20 000 на печатание Пугачёва. Спасибо».

Из-за подобных перекосов в оценке фактов вполне объясним отказ известного писателя В.В. Вересаева, автора фундаментального собрания документов «Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников» быть соавтором пьесы «Последние дни». М. Булгаков в пьесе следовал концепции, принять которую В. Вересаев просто не мог. Авторский комментарий на страницах повести К. Гайворонского строг и выдержан. Автор понимает, что М. Булгаков чувствовал правоту В. Вересаева, но и М. Булгакова тоже можно понять: «Материальное положение – хуже некуда. Вещи, написанные им, завязли в редакциях, как в тряпине. Никакого проблеска. Между тем грядет 1937 год. Каким он станет для страны, Михаил Афанасьевич не мог предполагать, но одно, очень важное обстоятельство он учитывал точно: 1937-й – год столетия со дня смерти Пушкина. Лучшего повода для постановки “Последних дней” нельзя вообразить» [39, с.239].

Так жизнь и творчество А.С. Пушкина, поэта ренессансного типа [41, с.9], по-прежнему приковывают к себе пристальное внимание современных исследователей, в книгах которых давно известные факты и эпизоды получают принципиально новое толкование и объяснение. Сверяет свою жизнь по Пушкину герой произведения И. Щеголихина «Не жалею, не зову, не плачу»: «Я хочу жить по Пушкину и по Пушкину жизнь оценивать» [42, с.150]. Дм. Снегин, освобождавший Михайловское в годы Великой Отечественной войны, завещал нам «Странные сближения».

Исследованию «Скупого рыцаря» и «Каменного гостя» А.С. Пушкина посвящена «Пушкинская тетрадь» К. Кешина [43]. На сегодня это самое последнее из творений казахстанской пушкинистики. Живой стиль повествования, лишённый налёта академичности и

сложных литературоведческих терминов, делает книгу доступной для широкой читательской аудитории. Автор размышляет о загадочности «Скупого рыцаря», ему так и видится усмешка аристократа, с тонкой, просвечивающей сквозь строгость манер, иронией, рассказывающего притчу об отце и сыне, о смене поколений. Он отмечает то упорство, с которым русский поэт пытался заглянуть в душу преступника, нарушителя нравственного уклада. Барон признаётся самому себе в момент своей исповеди во время осмотра накопленных богатств, что понимает убийц («вставляя ключ в замок сундука, он чувствует то же самое, что и душегуб, вонзающий смертоносный нож в тело жертвы»). И в «Моцарте и Сальери» лишь происходит замена: «"целебный нож" – это стакан отравленного вина, выпитый Моцартом» [43, с. 12].

Великого русского поэта тревожило движение власти от нравственного порядка до критического состояния, порывающего со всеми человеческими законами. Власть, по мнению поэта, отнимает у властителя совесть. «Скупой рыцарь» – это горькое повествование о призрачности власти золота, о крушении власти и её несостоятельности, и скупым оказывается не только рыцарь, «скупа сама жизнь, именно она – великий скряга-расточитель» [43, с. 22].

На каждый вызов судьбы достойно отвечает Дон Гуан. Пушкин, по мнению Н.Н. Скатова, «совершил в своём творчестве весь мыслимый человеческий цикл... Мудрый Пушкин не исключил для человека, для себя никаких исходов судьбы, никаких её продолжений, никаких её окончаний. Он, так сказать, представил, "проиграл" самые разнообразные: оптимистические, трагические, спокойные, драматические развязки. Но не исключена и ...смерть... разом, вдруг, внезапно, всякая и во всякий момент – человек должен быть готов. Мудрый Пушкин готов» [44, с. 332-333].

Гонимый изгнанник, по мнению К. Кешина, обладает такими достоинствами, как мужество, храбрость, отвага, пренебрежение к любым опасностям, почтительно-бережное отношение к любимой женщине, уникальный талант любовной страсти и необыкновенный дар слова. Более того, «диалоги с Донной Анной – это вереница крутых поединков на вершине риска с непредсказуемым концом; и ведь Дон Гуан непременно и блистательно выходит победителем» [43, с.57]. Но приход «каменного гостя» – это и кара «за

прошлое героя, и наказание за его внезапное и запоздалое пере рождение, за отсутствие страха погибнуть ради свидания с Донной Анной» [45, с.57].

И ещё один интересный факт: «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина перевёл на испанский язык доктор физико-математических наук, профессор РАН В.Р. Хачатуров. На пресс-конференции «Вселенная Пушкина: итоги и перспективы Года Пушкина в Республике Казахстан» он объяснил это следующими словами: «Стихи Александра Сергеевича с детства имеют для меня особое значение. С ними связана одна история. В 1942 году, во время войны, эвакуировали завод имени Кирова. Наш отец остался защищать город, а мама с тремя детьми, среди которых был и я, находилась на барже, перевозившей оборудование. Баржа была переполнена, людям разрешалось брать с собой только минимум необходимого, и кто-то взял большой том Пушкина, его читали детям, чтобы скоротать время. Тогда я ещё сам читать не мог: маленький был, но запомнил это, и позже, будучи уже взрослым, нашёл такое издание – под редакцией Б. Томашевского» [46, с.8]. Так Пушкин входит в нашу жизнь с детства и сопровождает нас всю жизнь.

Жизнь и творчество А.С. Пушкина, поэта ренессансного типа, по-прежнему приковывают к себе пристальное внимание современных исследователей, в книгах которых давно известные факты и эпизоды получают принципиально новое толкование и объяснение. Книги казахстанских пушкинистов введены в научный оборот, их цитируют исследователи творчества поэта. Приведем один из примеров. В рубрике «Архив» первого выпуска литературно-художественного альманаха «Голоса Сибири» напечатан очерк С. Папкова, В. Сергиенко, А. Темниковой и М. Фаликовой «Древо с могучими корнями» (Памяти Дмитрия Орестовича Тизенгаузена), авторы которого ссылаются на книги известного казахстанского пушкиноведа Николая Раевского «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили», озвучивая его версию о том, что сцена посещения «Пиковой дамы» Германом списана с ночного визита Пушкина к «обворожительной посольше» Долли Фикельмон (Дарье Тизенгаузен, жене австрийского посла в России Шарля Луи Фикельмона), которая любила и была любима поэтом. По этой же версии – визит был первым и последним... [47, с.499].

*Гульнар Жумасеитова*¹
**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ
 КЛАССИКИ НА КАЗАХСКОЙ
 БАЛЕТНОЙ СЦЕНЕ**

Стремительное развитие общества, общественного мировоззрения, психологии и эстетических взглядов каждого конкретного человека накладывает определённый отпечаток на искусство в целом и на балетный театр, в частности, в корне меняя его проблематику и задачу, а вместе с тем его формы, образный строй, средства выразительности, что в конечном итоге способствует рождению новых, ранее неизвестных и нераспространённых жанров, таких, например, как балет-оратория, эпический балет, рок-опера-балет и другие. Здесь же можно отметить интеллектуальное начало в балете, вышедшее в последнее время на первый план, очень часто даже в ущерб художественной ценности спектакля. Современные балетмейстеры стремятся в своих постановках к укрупнению и выделению идеи дисбаланса мира, отсюда и противоречивость внутреннего мира балетных героев, их стремление к философичности, нескончаемым душевным терзаниям.

Одним из достижений казахского балета было реализованное стремление к симфонизации хореографии. В построении хореографической драматургии балетмейстеры исходят из принципов построения музыкальной драматургии, где обязательно наличие лейттемы, основной темы, конфликта и его развития и т.д. Вполне естественно, что и содержание балетов стало более обобщённым, усложнённым многозначностью образов, как и в музыке. Постепенно всё чаще хореографы стали использовать для балетов сложную симфоническую музыку, не предназначенную для танцев. Это также повлекло за собой ряд изменений в образном строе балетов. В первую очередь, нарастание трагического напряжения, броской экспрессии, динамического развития всех составных частей современного балета. Соответственно менялась и пластика балетных героев, их хореографический язык становился отрывистым, резким, подчас некрасивым, изломанным. Большое место в творчестве казахских хореографов начинают занимать постановки на

литературные сюжеты. Здесь для них события, сюжетная коллизия становится чем-то второстепенным, т.е. она служит как бы фоном для заострения внимания зрителей на внутреннем мире героев, их чувствах. Это балеты, где главным становится объективный мир человека, а далее следует современная интерпретация известных классических произведений литературы. Хореографы стараются идти в них не по проторенной дорожке прежних трактовок происходящих действий и событий, известных трактовок образов главных героев, а выразить своё личностное отношение к этому. И это отношение зачастую разрушает все прежние привычные стереотипы известных литературных героев, подвергая сомнению правильность прежних оценок к персонажам.

Таким образом, перебрасывается мостик между прошлым и настоящим, где возникает дуэт между художниками разных эпох. Именно такой дуэт делает спектакль современным, независимо от того, к какой эпохе относится данное литературное произведение, взятое за основу балета. Не напрасно долгое время теоретики балета ломали копыя по этому поводу, считая прерогативой современного спектакля сюжет, где действует только лишь наш современник. Постепенно всё стало на свои места. Сегодня современным называют спектакль, независимо от того, что послужило основой его сюжета – трагедия В. Шекспира или же комедия блистательно П. Бомарше, а может, и поэма А. Пушкина. Главным условием остаётся умение автора взглянуть на прошлое глазами сегодняшними, через современные проблемы, то есть на первый план выходит позиция создателей спектакля, их художественная чуткость.

Балеты современных хореографов рассчитаны на зрителя-интеллектуала, на зрителя знающего, будь то литературный, музыкальный, исторический материал постановки. Если прежде балет старательно стремился к правдоподобию, то теперь, напротив, балетмейстеры стараются сыграть на его условности, что помогает зрителю стать соучастником происходящего на сцене. Балетмейстеры этим приемом будят зрительское воображение, его фантазию, ассоциативное мышление. «Условность хореографического искусства тяготеет к обобщению. Здесь, как нигде, остра проблема контактов нового с каноническим в лексике, драматургической форме, в сюжетной композиции; проблема эта решается не сразу, а

исподволь, от эксперимента к эксперименту, от спектакля к спектаклю. Тут чаще, чем в драматическом театре, возникают “швы” между уже апробированными пластическими приёмами и тем новым, что отвечает духу времени» [1, 107].

Балет «Дама с камелиями» Д. Верди – В. Милова поставлен в конце 90-х годов балетмейстером М. Тлеубаевым. Хореограф задумывается здесь о сущности любви, о поисках в ней прежде всего духовной близости, которые так характерны для любящих друг друга мужчины и женщины. Не роковой обольстительницей, не жрицей свободной любви предстаёт перед зрителями Виолетта, а трагической героиней, сильной и честной натурой по отношению к тем, кого она любит. Характер глубоко индивидуальный, она становится жертвой социальных предрассудков высшего французского света.

Либретто балета написано по мотивам оперного варианта Ф. Пиаве в редакции П. Узакова. Оркестровая транскрипция оперной музыки Д. Верди сделана В. Миловым. Художник-постановщик С. Фесько. Эта постановка знаменательна для казахского балетного театра тем, что в создании балета участвовали единомышленники из нескольких центральноазиатских республик. Идея создания такого балета принадлежала прославленной узбекской балерине Б. Кариевой. Вторая часть работы – либретто и сценография также были выполнены её соотечественниками. Само же хореографическое воплощение на нашей сцене мы увидели в постановке казахского балетмейстера. Разнообразен также был исполнительский состав роли Виолетты в премьерных спектаклях. Первыми исполнительницами стали Б. Кариева, Р. Байсеитова и А. Токомбаева – prima-балерины, ведущие танцовщицы своих театров. Каждая из них нашла свои индивидуально-неповторимые краски в решении этого образа.

В балетной версии знаменитой оперной постановки почти полностью сохранены все сюжетные коллизии и перипетии. Но в данном случае самими постановщиками обозначено, что основой балета явилась не оперная версия, а пьеса А. Дюма-сына. Когда речь идёт о балетном спектакле на тему литературного произведения, стало нормой сопоставлять удачу со степенью раскрытия образов источника и хореографической версии. Как правило, делается вывод, чем дальше отошёл хореограф от прямого следования произведению

писателя, тем вернее выбран путь к решению темы на балетной сцене. Практически речь идёт о путях и системе перевода с языка одного искусства на язык другого. И потому мы ограничимся лишь версией либреттиста.

Обращение балетмейстеров к музыке сочинений, не предназначенных для балетного театра, стало повсеместно приметой балетмейстерского творчества конца XX века. К этой идее их приводит, очевидно, желание оторваться от фабулы, определённо замыкающей творческую фантазию в рамках балетных форм, а также потребность высказаться по поводу того, что осталось за чертой, но тревожило сердце художника, заставляя пристально вглядываться в прошлое и думать о будущем. В данном случае балетмейстер обратился к сочинению, имеющему свою яркую драматургию, пронизанному симфонизмом. И путь подстраивания музыкального материала к хореографическому, выбранный М. Тлеубаевым и композитором В. Миловым, привёл к некоторым потерям, к которым можно отнести купюры в музыкальной ткани, а также несовпадение звукового и зрительного ряда в некоторых моментах. Более гармоничное взаимодействие музыки и хореографии сложилось бы, если балетмейстер принял за данность драматургию, разработанную Д. Верди. Нельзя не отметить работу В. Милова, в новой трактовке музыки есть изумительные остро-драматические места, благодаря которым по-новому воспринимаешь музыку Д. Верди. Заменяв человеческий голос в опере на инструментальный, он выветил музыкальную мысль первоисточника, сделав её стержневой, а не аккомпанирующей, как прежде.

Оформление художника С. Фесько, предстаёт органичным хореографической драматургии. Здесь сценография не замещает балетмейстера, предлагая живую активную сценографию, где «танцуют» занавесы и фантастические атрибуты бутафории, как стало модно в последние десятилетия. В спектакле «Дама с камелиями» художник предстаёт традиционалистом. Его корректное, отмеченное прекрасным вкусом оформление создаёт лишь среду обитания героев, атмосферу салонов высшего света. Всё сдержанно, аскетично. Но лаконизм колорита оборачивается сочной, броской театральностью. Яркой театральности подчинена и хореография балета.

Балет обладает сложной пластической партитурой, что создаётся за счёт хореографического многоголосия. Так, уединенные сцены Виолетты и Альфреда камерны не только по режиссуре, но и в решении хореографии. А их сцены в кругу гостей, на бал-маскараде, напротив, решены в калейдоскопе движений и причудливых мизансцен. Всё внимание постановщика сосредоточено на теме Виолетты, теме незащитности женщины в обществе, где благополучие одних строится на унижении других. А хореографическая лексика построена на полутонах, плавных движениях, в некоторой степени изломанных по форме. У неё нет высоких арабесков, нет бравады вращений, каскадов больших прыжков. Таким задуман хореографический рисунок роли, вызывая взволнованный интерес зрителей к судьбе этой хрупкой, незащищённой женщины. Партия построена на нюансах движений, где важное значение приобретает «партитура рук», удивительно красноречивая в сочетании с мимической игрой.

В балете много дуэтов, выстроенных необычно и каждый раз по-новому. У М. Тлеубаева в этих разных дуэтах раскрываются перипетии фабулы и психологические мотивы. Спектакль не иллюстрирует знаменитую мелодраму, а чисто по-балетному рассказывает о настоящей любви, способной на самопожертвование. Соло Виолетты во II картине – монолог метания чувств – достигает высшей точки по воздействию. Порывы движения взвиваются в непредсказуемом хаосе линий. Виолетта мечется в стремлении выполнить обещание, данное отцу Альфреда и своими истинными чувствами. Запоминается её трио с Альфредом и Бароном во II действии. В нём прочитывается клубок взаимоотношений соперников. «Ноша любви» мечется от одного к другому, но власть рассудка и долга берёт верх над чувствами. Незабываема сцена бала, в которой Альфред швыряет деньги, и купюры, точно зловещие птицы, ложатся вокруг Виолетты. И вновь очерчен замкнутый круг одиночества, незащитности оскорблённого существа.

По-разному рисовали эту главную тему балета три исполнительницы роли Виолетты. Напряжённый драматизм действия, глубина психологической характеристики поставили перед исполнительницами этой партии очень непростые задачи.

Более близко к разрешению этой задачи подошла Б. Кариева. Мы наблюдали не просто предельное погружение в хореографический материал, не просто актерскую наполненность, а умение пропустить партию через духовную субстанцию своего сознания. Танцовщица зримо показывает ту жизненную дистанцию, которую прошла Виолетта Валери, передавая пластикой движения нюансы её психологического состояния. Для каждой паузы, для каждого перехода найдена своя пластика – особый рисунок движений рук, особые повороты корпуса и головы. Невозможно забыть, как Б. Кариева – Виолетта обыгрывала мимикой и пантомимой последнюю сцену. В её выразительной позе и на лице читались все оттенки одновременно – и надежда, и любовь, и крушение мечты, и последний просветлённый миг жизни. Жаль, что в балерине была лишь некоторая техническая инертность, что вполне объяснимо возрастом, это было время её последних сценических выступлений.

Виолетта А. Токомбаевой запомнилась как образ не столько трагический, сколько поэтичная одухотворенная натура. Умение балерины мыслить длительными пластическими построениями удивляло. В её танце особую роль приобретают связующие элементы лексики, которые выполняются на одном дыхании для воплощения непрерывности кантилены, тончайших переливов одного движения в другое.

Р. Байсеитова – в то время ведущая солистка казахского балета, зрелый мастер, соответственно, ей подвластна передача тончайших чувств в нюансах, в той или иной интонации. Её Виолетта не боится быть некрасивой, быть слабой, нуждаться в покровительстве. Её танцевальные стоны искажают стройность фигуры, крушат основы танцевальной поэзии.

Авторам балета удалось создать трогательный красивый балет. Провозглашённый ещё Каарелом Ирдом «театр танцевальной драмы» продолжает свою жизнь на сцене казахского балетного театра. Балет «Дама с камелиями» в постановке М. Тлеубаева современен по хореографическому воплощению и звучанию. Гармония и выразительность постановки, где основой хореографического языка стал классический танец во всём своём многообразии, не требует каких-либо аргументов в современности. Современна и актуальна сама тема, она близка сегодняшнему зрителю своей нравственной проблематикой.

Сегодняшний казахский балет, наравне с другими видами искусства, отражает явления и катаклизмы начала XXI века. Война, кризисы, изменение политических систем и нравственных приоритетов, угроза термоядерной катастрофы – всё это накладывает определённый отпечаток на мироощущение человека. В новых условиях иными становятся отношения человека с окружающим миром, соответственно меняется и проблематика искусства. И казахские хореографы в своих постановках реализуют потребность высказаться по этим животрепещущим вопросам, осмысливая серьёзные проблемы в балетах.

Анар Саимжанкызы Еркебай¹
ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ
СОБЫТИЙ НА СЦЕНЕ КАЗАХСКОГО
ТЕАТРА

Ведущее место в казахской драматургии и в театре с момента их возникновения заняла историческая драма, отражающая героические страницы истории народа.

Национальная история находит отражение во многих видах и жанрах искусства, в том числе и в сценическом произведении. К спектаклям казахского театра, раскрывающим историю нашей страны, можно отнести не только постановки по пьесам и инсценировкам о драматических событиях прошлых лет казахской степи, казахского ханства, революционных лет и периода Великой Отечественной войны, но и спектакли о современных событиях, происходящих в республике, а также историческое прочтение казахской классики. Казахским театром со дня его основания было поставлено много спектаклей исторического жанра, которые в своё время прочно вошли в репертуар и остались в истории театра. Это – «Абай», «Ночные раскаты», «Кара кипчак Кобыланды» М.О. Ауэзова, «Амангельды» Г. Мусрепова, «Намыс гвардиясы» М.О. Ауэзова и А. Абишева, «Майра» А. Тажибаева, «За перевалом» К. Бекхожина, «Клятва» Т. Ахтанова и другие.

За годы независимости казахским театром вместе со всем обществом пройден большой и непростой путь, за этот период

значительно изменился мир, изменилось отношение ко многим проблемам, стало иным общественное сознание, а вместе с ним стал другим и театр, как одна из форм этого сознания.

Надо сразу подчеркнуть одно важное обстоятельство: в такие исторические дали, как это произошло после обретения республикой независимости, казахская драматургия и театр никогда прежде не заглядывали. Эти спектакли укрепили национальное и историческое самосознание казахов. Отсюда и повышенный интерес драматургии и театра к судьбам выдающихся деятелей отечественной истории и культуры. Отсюда и обратная связь – внимание зрителей к жанру исторической драмы, где зритель видел аналоги с современностью. К тому же формирование исторического сознания у большинства людей происходит во многом под влиянием художественных произведений.

Исторические спектакли казахского театра периода независимости по-разному воспринимались общественностью. Были постановки, которые после нескольких показов снимались с репертуара. Но так же были и спектакли, которые вошли в историю казахского театра. Среди них – «Мадонны “Алжира”», «Абай десем...», «Абылай хан», «Последние дни Абылай хана», «Ангел с дьявольским лицом», «Томирис», «Лихая година» и др.

В преддверии 150-летия со дня рождения великого казахского поэта в период театрального сезона 1994-1995 годов был поставлен спектакль на основе стихотворений Абая и «Слов назидания» – «Абай десем...» («Говоря об Абае...»). Режиссер Б. Атабаев совместно с актрисой Бикен Римовой, отталкиваясь от подлинных исторических фактов, с помощью художественной фантазии воспроизвёл важнейшие особенности определённого исторического времени, прибегая к синтезу вымысла и истории, используя отдельные факты, почерпнутые из биографии поэта и его поэтического наследия, нарисовал грани характера, образ жизни, социально-политические взгляды Абая.

Использование в драме большого количества стихотворений Абая придало ей поэтическую окраску и способствовало сильному эмоциональному воздействию произведения. Спектакль отличается чётким композиционным построением, способствующим динамичному развитию событий и конфликтов. Глубоко разрабатывая

массовые сцены, строя лаконичные мизансцены, постановщики стремились как можно полнее выразить гуманистические идеи Абая, сосредоточить внимание как на романтическом, так и на философском осмыслении действительности, глубоком психологизме сценических образов, необыкновенной выразительности художественного слова, присущих самому поэту.

На протяжении многих веков казахский народ был народом кочевым, и психология народа была иной, народ был подобен стаду беспомощных, запуганных баями существ. Не имел права голоса. Об этом очень хорошо сказал словами Абая актёр Мерекенов, игравший Абая-борца: «Народ как стадо баранов: скажешь “Айт!” – встанут, “Шайт!” – лягут». Это и показал режиссёр в спектакле, отмечая бесправие, немощь и темноту народа, рабски следующего приказам своего господина. Даже если иногда народ и пытается восстать, высказать всё наболевшее и волнующее, то этот «всплеск возмущения» быстро проходит, повинувшись кнуту повелителя. Кстати, именно этот кнут является отождествлением власти. И его владелец – превосходно воссозданный на сцене актёром Аралбаевым, безраздельно властвует над народом, навязывая свою волю, желания, мысли. И этот народ не приемлет ничего прекрасного, он отвергает творения Абая. Судьба народа была для Абая далеко не безразличной, если не сказать, одной из ведущих тем в его творчестве. Он сокрушается непросвещённостью своего народа, серостью, отсутствием желания учиться, постигать истину; обращает свой взор к другим народам, во многом преуспевшим в жизни.

Интерес представляет и художественное решение образа самого Абая. Его образ введён в спектакль в трёх лицах. Прежде всего Абай – мыслитель, воплощённый на сцене Ж. Медетбаевым. Это образ человека, прожившего жизнь, умудрённого жизненным опытом; человека, который с высоты прожитых лет наставляет молодое поколение на путь истинный; образ человека, желающего молодым избежать многих ошибок, им самим совершённых.

Следующее лицо Абая – борец. Борец за справедливость, отстаивающий свои взгляды, принципы, идеалы. С. Мерекенов – Абай-борец ещё не стар, он полон сил и энергии, решителен. Доказывает свою правоту, постоянно вступает в полемику с народом, с заблуждающимися. Пытается донести до людей истину.

И, наконец, третье лицо Абая – Абай-влюблённый, которого воплотил на сцене актёр – Б. Кожыков. Абай Кожыкова молод, наивен и доверчив. Ему ещё чуждо разочарование в людях, в жизни, в любви; он горит пылко и страстно.

Этим своеобразным и оригинальным решением образа Абая в трёх лицах режиссёр хотел показать разноплановость и многогранность творческой природы Абая и изменение его взглядов на протяжении этапов жизни: молодость, зрелый период жизни и старость. Это своего рода эволюция жизненных взглядов, принципов, жизненной позиции. Постепенный, долгий и тернистый путь к постижению истины.

Большое количество актёров было задействовано в массовке. Именно массовые сцены играют в данной постановке решающую роль в плане раскрытия режиссёрского замысла.

И в следующем своём спектакле «Ангел с дьявольским лицом» по пьесе Р. Мукановой Б. Атабаев много внимания уделяет массовым сценам. Эта постановка посвящена одной из глобальных мировых проблем – проблеме атомного полигона. В течение сорока двух лет на казахстанской земле шли ядерные испытания, которые закончились только в 1991 году. Только после этого народ начал движение «Семей – Невада», к которому подключились и театры. Казахский театр впервые заговорил на эту тему на сцене казахского ТЮЗа им. Г. Мусрепова постановкой пьесы О. Сулейменова и Б. Мукай «Время конца света...». Следующим шагом на эту закрытую когда-то тему стала постановка Б. Атабаева «Ангел с дьявольским лицом» по пьесе Р. Мукановой. Спектакль был поставлен в 1997 году и до сих пор идёт с аншлагом.

Режиссёрские краски и приёмы Атабаева свойственны только ему одному. Его отличает особая интуиция художника: все спектакли Атабаева поражают удивительно слаженным ансамблем. Этот ансамбль является своего рода интегралом, включающим в себя и музыку, и сценографию, и драматургию воедино. Атабаев подчиняет режиссёрскому замыслу весь арсенал постановочных средств. Всё в спектакле играет, всё несёт определённую нагрузку и выполняет свою функцию. Особенно детали играют в спектакле важную роль и, на доли секунд захватившие внимание зрителей, вызывают глубинные ассоциации философского плана. Невозможно забыть,

как Болтай, – Болтай, у которого нет ног от рождения, – начищает до блеска ботинки, поплёвывая на них и, довольно рассматривая, любуется ими. Ботинки, олицетворяющие мечту Болтая о полноценной здоровой жизни, когда он смог бы ходить, бегать, любить... Но мечте этой никогда не суждено сбыться.

Такими душещипательными деталями, удачно найденными режиссёром, изобилует весь спектакль. Достаточно выделить из общей партитуры спектакля образ нежной, словно точёной, красивой девушки в белоснежном платье, который отождествлён с мечтой главной героини. Этот богоподобный образ танцующего ангела символизирует все мечты и чаяния Ляйли, жаждущей танцевать, быть любимой, выйти замуж... И опять же, все фантазии разбиваются вдребезги: в финальной сцене – словно бабочка, наколотая на иглу, предстаёт распятая на шесте танцовщица-ангел.

Трагедия века показана через образ Ляйли – девушки-инвалида, которая навсегда осталась в детском теле, с невероятно большими руками и ногами. Роль Ляйли сыграла актриса Нуржан Бексултанова. Она не боится явного драматизма в своей игре: Ляйли плачет навзрыд, зловеще смеётся, вопит, говорит шёпотом. Актриса тонко и выразительно обыгрывает белый шифоновый платок, он является связующим звеном между героиней и её воображаемым идеалом ангела-танцовщицы.

Оправданны также и мизансцены в общей партитуре спектакля. Казалось бы, ужасное подземелье, поглотившее «Ангела с дьявольским лицом», не существует в природе. Но и этот чисто театральный приём ведёт к логической развязке, усиливая всю трагичность происходящего.

Спектакль «Мадонны АЛЖИРа» поставлен режиссёром Б. Атабаевым по пьесе журналиста А. Тасыбекова. В основу пьесы положены трагические исторические события 1937 года, когда были арестованы миллионы невинных людей с формулировкой «изменники Родины». Автор раскрывает яркие характеры героинь, их судьбы, отражающие судьбы многих миллионов женщин, которые были арестованы как жёны изменников Родины и провели многие годы в «Акмолинском лагере жён изменников Родины». Этот спектакль стал памятником тем, кто отдал свои жизни во имя будущих поколений. Через отдельные судьбы раскрывается

судьба общенародная, её жертвенный и гуманистический смысл для грядущего времени.

В спектакле затрагиваются сложные проблемы нашей истории. Раскрывая внутренний мир героинь, обобщая конкретно-исторические обстоятельства, повлиявшие на становление их характеров, актрисы и театр создают образы, выражающие эпоху.

Одним из этапных спектаклей на историческую тематику театра стала постановка режиссёра А. Рахимова по произведению М. Ауэзова «Лихая година». Спектакль был приурочен к 100-летию великого казахского писателя и показан на театральном фестивале, посвящённом этой юбилейной дате. Для судьбы и истории казахского народа национально-освободительное движение 1916 года имеет особое значение. Этот исторический отрезок времени и стал главным сюжетом повести. Инсценировку сделал писатель Н. Оразалин. Участники спектакля ставили перед собой задачу показать не результат, а процесс перехода масс от стихийного протеста к осознанной борьбе за свободу. Выражая единство и сплочённость восставшего народа, режиссёр и участники спектакля в то же время индивидуализировали персонажей, раскрывая их психологию. Особое внимание было уделено процессу внутренней эволюции характеров. Автор показывает тяжёлую, беспросветную жизнь народа в тесной связи с историческими событиями.

Среди исторических драм, поставленных казахским театром в эти годы, выделяется «Абылай хан» А. Кекильбаева (1998). Обращаясь к трагическим страницам минувшего, театр выдвигал темы исторической необходимости, правителя и народа. Создатели спектакля раскрывали драматизм судьбы человека, вступающего в противоречие с благородной целью и ложными средствами её достижения. В традиционной по форме пьесе театр пытался достигнуть обобщённого выражения темы роли личности в историческом процессе. Острота и напряжённость действия органично сочетаются с психологическим раскрытием внутреннего мира героев.

Театр создал монументальный спектакль, отмеченный приподнятой поэтической театральностью. Обращаясь к трагическим страницам минувшего, драматург и режиссёр выдвигают тему правителя и народа. Хроникальность, дробность, обилие массовых сцен

со множеством героев – всё это не давало возможности для углубленного раскрытия внутреннего мира героев.

Заметно, что режиссёр спектакля и особенно исполнитель роли Т. Жаманкулов пытаются преодолеть сумбуренность драматургического материала, найти краски, помогающие раскрыть внутреннюю динамику характера в развитии. Актер Т. Жаманкулов в роли Абылая буквально покоряет зрителей. Великая сила разума Абылай хана проявляется в тонкой передаче актёром черт психологии, внутренних противоречий героя, мельчайших деталей его поведения. Строго придерживаясь документализма, сохраняя настоящие имена многих, действительно существовавших людей, Кекильбаев и Атабаев добились правдивого освещения исторических событий.

Пьеса эта отличается свободой композиционного построения, широтой временного охвата, ретроспективной формой развития действия. Освобождая сцену от конкретных бытовых подробностей, режиссёр создаёт своеобразные мизансцены, где отдельные детали, пластика, интонация, музыка, свет создают особую, психологически насыщенную атмосферу спектакля.

В постановке Атабаева многообразие выразительных средств театрального искусства, кинематографа, музыки было направлено на глубокое раскрытие идеи и содержания драматургического произведения. Постановщик добивался в каждой сцене лаконичного, но вместе с тем масштабного и динамичного охвата содержания.

В 2000 году Казахским академическим театром драмы был поставлен спектакль о царице саков Томирис по пьесе Шахимардена режиссером Т. Жаманкуловым. Главная идея спектакля – многовековая борьба за независимость и свободу казахского народа. Режиссёр постановки пытался показать любовь саков к своей родине, их борьбу против угнетателей, чужеземных захватчиков за справедливость, социальное равенство Великого Турана, межродовую борьбу за власть, за трон. Пышные декорации, яркие костюмы, музыка раскрывают особенности той эпохи. Но в то же время тяготение к внешнему показу событий и пренебрежение раскрытием внутреннего мира героев послужило причиной того, что спектакль был лишён эмоционального воздействия.

Порой в монологах присутствует неуместная патетика. В пьесе наблюдаются две линии. Одна – раскрытие внутреннего мира

Томирис, другая – тяготение к патетико-публицистическим нотам, которые избитыми средствами воплощают душевный мир персонажей.

Д. Жусип средствами поэтического театра создаёт образ царицы Томирис. В её игре переплетаются лирика и драматизм. Томирис – Жусип переживает из-за любви к своему врагу, царю Киру, из-за смерти своего сына, мечтает о свободе своего народа. Бремя ответственности перед всем народом – вот что делает поистине драматичной судьбу народного лидера в поворотные моменты истории.

Идейно-художественный опыт казахских пьес, в которых нашли художественное воплощение исторические события, описания эпохи, раскрытие сущности происходящего через авторское восприятие, несомненно, даёт толчок к формированию общественного мышления. Театральное искусство, способствуя укреплению исторической памяти, ставит много острых современных социальных и эстетических проблем. В исторических драмах эстетическое осмысление исторических событий раскрыло новую сферу исторической правды, непосредственно способствуя постижению главных признаков эпохи. В пьесах на сюжеты национальной истории наиболее полно выражены лучшие черты национального характера казахского народа.

Гульнар Елеуменова¹ **ПУБЛИЦИСТИКА МИР-ЯКУБА** **ДУЛАТОВА**



Культура речи определённым образом зафиксировалась в начале XX века на письме. Последовательное накопление повествовательности на протяжении веков даёт возможность сравнительно лёгкому освоению жанров художественной прозы казахскими писателями. При этом развитие получают не только художественные произведения, но и национальная публицистика. Благодаря деятельности казахской демократии развивается общественная мысль, происходит упорядочение и научная классификация жанров художественной литературы и фольклорного творчества, разграничение публицистики и художественной словесности, дальнейшее

дифференцирование поэтических и прозаических жанров, прозы (кара соз) и художественной прозы (коркем соз). Таким образом, происходит и профессиональное предпочтение художниками слова тех или других жанров литературного творчества. Известно, что М. Дулатов и Ж. Аймауытов были сильны в жанре романа. Б. Майлин в жанре малой и средней формы – рассказа и повести. М. Жумабаев, С. Сейфуллин, И. Жансугуров – в поэзии, А. Байтурсынов заложил основы казахского национального языкознания и литературоведения. Отныне художественная литература имеет возможность развиваться как отдельная полноценная отрасль общественного знания.

В связи с углублением дефиниций происходит отграничение художественной литературы от публицистики. Гражданская позиция Мир-Якуба Дулатова нашла дальнейшее выражение в предпочтении автором художественной публицистики другим литературным жанрам.

Предметом рассмотрения и в публицистике, и в художественной литературе являются факты действительной жизни – общественная и частная жизнь человека. Публицистика отображает, исследует общественно значимые явления современной жизни. Публицистика (от *лат.* *publicus*) – это вид литературы и журналистики (причём вторая сфера действия – основная). Писатель-публицист, рассматривая тот или иной общественный вопрос, стремится «проводить свои убеждения», влиять на общественное мнение. В основе способа отображения жизненного факта или явления лежат логические доказательства, мысль автора.

Картины и подробности человеческой жизни, человеческие характеры и судьбы возникают в произведении публицистики как аргументы, почерпнутые в живой, невымышленной жизни, – как повод, как эмоциональная основа суждений автора. Публицист воздействует на читателя и самим фактом и логикой суждения, выразительностью художественного образа: он убеждает читателя, заставляя его понять, почувствовать свою собственную, личную точку зрения. Это прямое воздействие. У публициста нет права на художественный вымысел.

Особенности проявления авторской позиции, выбора языковых средств в произведениях публицистических мы рассмотрим на примере статьи Мир-Якуба Дулатова, который писал на казахском и русском языках.

Одним из национальных бедствий всегда был голод, поэтому обратимся к статье *Caveant, Consules!...* (Угроза бедствия!...). Для наглядности анализа произведения приведём его текст полностью.

«Голод грозит юго-западной полосе Сибири...» – ещё летом раздавались тревожные заявления степных скотоводов. «Жут келеде» (бедствие надвигается) испуганно твердят всё время киргизы своему многочисленному большому и малому начальству.

Чтобы понять эту тревогу, надо знать те ужасные последствия, которыми грозит в Сибири каждый недород трав.

Киргиз живёт для скота, единственного источника своего существования. Все его интересы группируются около стад, как около исключительной причины его материального благосостояния. Поэтому понятно, почему для киргиза охрана скота представляет главную, если не единственную, цель в жизни. Как нельзя более соответствует этому приветствие, с которым, по степному этикету, киргизы обмениваются при встрече: «мал, жан, бала-шаган аман ба?», т.е. как благополучны: скот, душа и семья? В силу этого у киргиза развилась удивительная наблюдательность и чуткость ко всякого рода метеорологическим проявлениям, их малейшим колебаниям. Он не мог не подметить периодичности этих проявлений, их приблизительно точной смены одного другим – словом, некоторую закономерность. Периодичность метеорологических явлений, совершающихся в киргизской степи с известной последовательностью, легла в основание киргизского летоисчисления: оно подразделяется на 12-летние периоды, из которых последний год, «коян-жыл», сопровождается засухами летом, буранами и гололедицами зимой. По киргизскому исчислению, нынешний год должен быть неблагоприятным для произрастания трав, и многие аулы ещё с весны начали принимать меры к сохранению камышовых и тростниковых зарослей, шадилы весной зимние пастбища, а летом старались сделать кое-какие запасы сена. Но, к сожалению, последняя наиболее рациональная мера оказалась невыполнимой: с

одной стороны, наступившая продолжительная засуха окончательно сожгла траву, показавшуюся было после весеннего таяния снега, а с другой – полная беспомощность киргиза-скотовода в отношении необходимых машин для уборки сена. В результате, по частным и официальным данным, юго-восточная и сибирская степи дали ничтожный сбор сена, а на пастбищах совершенно отсутствует подножный корм, так как и летом и осенью не было дождей. Новоселы ещё с августа начали усиленно распродавать скот и лошадей, оставляя самую ничтожную долю рабочего инвентаря, а киргизы наводняют своим худым скотом торжки и ярмарки, отдавая его за бесценок, так как по опыту знают, что зимою скот всё равно погибнет от бескормицы.

С жутким чувством, с сознанием полной безвыходности вступает и киргиз и переселенец в зиму. Кругом безбрежная степь, радующая взоры в хороший урожайный год и жестокая в годы недорода. Бураны, в одну ночь уничтожающие тысячи голов скота, вынужденного всю зиму тебеневать; трескучие тридцатиградусные морозы, уносящие сотни животных; гололедица, сопровождающаяся массовыми выкидышами, низводящими иногда процент приплода до нуля – вот та обстановка, в которой обречены прозябать и туземец, и новосёл. Раньше, когда простор степей позволял скотоводам делать перекочёвки на сотни и тысячи вёрст, «джут» не был так страшен: кочевник-скотовод мог найти участки, более обильные травой. Теперь степь изрезана под наделы для переселенцев, кочевание сведено до радиуса в десятки вёрст, и киргиз лишился единственной, хотя и пассивной, меры борьбы со стихийным бедствием, а вместо неё ничего не получил от начальства.

Правительство, упорно отказывающее Сибири в широком самоуправлении, приняло на себя заботу об окраинах и, надо отдать ему справедливость, тратит на них миллионы народных рублей. Но на что тратит? На содержание окраинной сатрапии, на стражников, на представительство, на катанье чиновников. На проведение же в жизнь окраин более рациональных экономических мероприятий не расходует ни рубля, и всё предоставлено где Николаю Чудотворцу, где – Аллаху. Правда, в департаментах сотнями сочиняются всяческие проекты о «поддержании» и «поднятии» окраинного хозяйства, о превращении окраин в «цветущий сад», в «страну Эльдорадо», но всё это – шалости пера. Окраинные сатрапы иногда также разражаются

каким-либо сногшибательным проектом и с суворовским натиском, получив благословение из Питера, начинают проводить его в жизнь. Так было с пресловутыми сенными запасами. Сколько чернил и бумаги изведено, каких расходов на командировки потребовалось, какого колоссального труда стоила киргизам эта мера!.. А в результате – жалкие сотни пудов плохого сена на район с тысячами голов скота, да и такие запасы растаскивались в конце зимы, а летом совсем не пополнялись. Придёт иногда какому-нибудь администратору в голову мысль проверить «казна-пшинь» (казённое сено, как называли киргизы сенные запасы), и командируют чиновников. Тогда начинается горячка у ордынских властей: нередко тут же на глазах ревизора тащат на склад сено из ближайших аулов с тем, чтобы по отъезде снова водворить его на хозяйском гумне. Обыкновенно случается так, что в голодный год совсем нет сенных запасов: в конце зимы растаскали, а на лето – неурожай.

Не в таких опереточных мероприятиях должна выражаться борьба с джутом. Тут нужны иные, более рациональные меры и прежде всего объективное активное выступление местных сил, оплодотворённых самосознанием и самодеятельностью. А возможно это только при условии местного самоуправления. Только в таком случае и осуществима та организация борьбы с бедствиями, которая имеет место в некоторых земствах, только тогда и киргизы, и переселенцы перестанут смотреть на недород, как на неотвратимое и непобедимое стихийное бедствие.

«Жут келеде», голод надвигается, господа консулы, взявшие на себя попечение о многочисленном народе!..

Статья увидела свет в журнале «Сибирские вопросы» (1910, №37). Под псевдонимом автора – Тургайский. Статьи М. Дулатова всегда полемически заострены. Не стала исключением и статья «Caveant, Consules!...» Эта страстная, эмоциональная защита родного народа и протест против существующего порядка вещей, это живой отклик на важные наболевшие вопросы современности. Использование средств публицистики было для М. Дулатова необходимо: непосредственно обратиться к читателю, привлечь его внимание к серьёзным общественным проблемам, убедить, сделать его своим единомышленником – и, может быть, что-то изменится в читателе, и в этом мире, несовершенство которого так очевидно.

Проблема, которую ставит в публицистическом произведении писатель – всегда общественно значимая проблема. Статью можно рассматривать как исследование социально-общественного явления «Жут келеде» (Бедствие надвигается). Автор подробно раскрывает его последствия для казаха, который в этом случае может лишиться скота – единственного источника его существования. Казалось бы, что это природно-климатическое явление и человек власти тут не при чём. Однако Дулатов соотносит его с непосредственной работой чиновников и попутно выявляется колонизаторский дух российского правительства по отношению к инородцам, для которых скот означает смысл их существования: «Раньше, когда простор степей позволял скотоводам делать перекочевки на сотни тысячи верст, “Джут” не был так страшен: кочевник-скотовод мог найти участки, более обильные травой. Теперь степь изрезана для переселенцев, кочевание сведено до радиуса в десятки вёрст, и киргиз лишился единственной, хотя и пассивной борьбы со стихийным бедствием, а вместо неё ничего не получил от начальства». С этого момента объективная природно-климатическая проблема переходит в политическую, социальную проблему для казахов. М. Дулатов исследует жизненный факт – недорода трав, который стал отправной точкой возникновения статьи. Но рассуждение разворачивается, проступают другие черты колониальной болезни, возникает обобщение: это болезнь сознательного геноцида людей, обмана общества, когда «правительство, упорно отказывающееся Сибири в самоуправлении, приняло на себя заботу об окраинах и тратит на них миллионы народных рублей. Но на что тратит? На содержание охранной саграпии...». Автор выявляет лицемерие местных чиновников и ордынских властей, осуществляющих реформы хозяйства только на бумаге. Все эти «опереточные мероприятия» уродуют душу человека, искажают его представление о добре и зле, когда самые ужасные вещи прикрываются законом. С какой целью написана статья? Почему автор не мог не обратиться к данной проблеме и для решения её выбрал средства публицистики?

Публицистика – это прямое обращение к читателю, обращение от своего имени. И такое обращение предполагает чёткое определение своей позиции и использование открытых средств

воздействия на читателя. Разбудить чувства читателя, воскресить в памяти его собственный жизненный опыт, активизировать те мысли, которые, надо надеяться, возникают у него, но не были «додуманы», заслонились другими жизненными впечатлениями. И здесь важно приобщить читателя к соразмышлению, используя для этого формы прямого обращения. «”Жут келеде”, голод надвигается, господа консулы, взявшие на себя попечение о многочисленном народе!..».

Да, главное в статье – развитие авторской мысли, но её убедительность, сила воздействия неизмеримо возрастает, если мысль согрета живым чувством. Статьи Дулатова отличаются особой силой авторского чувства. В этом случае более точным будет употребление слова «страсть». Страстное желание помочь, страстное отрицание и протест против сложившегося порядка вещей, из-за стремления властей противостоять «самоуправлению», страстное желание – быть услышанным!

Риторические вопросы, риторические восклицания – приёмы, характерные для публицистического стиля – широко представлены в статье. Достаточно характерен для публицистической статьи и композиционный приём: начать с конкретного жизненного факта – тревожного заявления степных скотоводов, «которые раздавались ещё летом: “Жут келеде” испуганно твердят киргизы своему многочисленному большому и малому начальству». Но для автора главное не конкретные тревожные заявления казахов, как было бы в художественном произведении – рассказе или повести. Главное – обосновать своё понимание общественной проблемы, а заявления скотоводов «Жут келеде» становится как бы фактом, аргументом в доказательствах для автора.

Проблема статьи вынесена в заголовке на латинском языке. Дулатов тем самым заостряет эту проблему до общечеловеческого значения. Обращается ко всем думающим, предприимчивым и добросердечным людям, ибо существует единый закон для всего человечества, требующий любви и сострадания к ближнему. В этом видел М. Дулатов свой долг писателя и средствами публицистики пытался решить эту задачу. А проблема нации, её судьба продолжала волновать его...

Гульжахан Орда¹
КОРИФЕЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
НАУКИ



Муслим Базарбаевич Базарбаев родился 15 мая 1927 года в ауле Кекирели Сырдарьинского района Кызылординской области.

В 1948 году был принят в аспирантуру вновь созданного Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР после окончания историко-филологического факультета Казахского государственного университета имени С.М. Кирова. Совмещал учебу в аспирантуре с работой в газете «Лениншіл жас». Позже, вспоминая, учёный напишет про редакцию, где начал свою трудовую деятельность: «Сейчас традиция казахской журналистики укрепилась. Есть и талантливые писатели. Многие из них воспитывались в газете “Лениншіл жас”. Эта газета как “маленький университет” готовила многих юных абитуриентов».

С 1948 года в газетах начали появляться литературно-критические статьи и рецензии М. Базарбаева. Уже в первых из них: рецензии на собрание сочинений Б. Булқышева «Наша эпоха» и статьях «А.П. Чехов», «А.С. Грибоедов», «А.С. Пушкин», «Великий русский демократ», «А.Н. Радищев» учёный-литературовед продемонстрировал широкую эрудицию, знание предмета и яркий талант публициста. В статьях М. Базарбаева «Гордость казахского народа», «Казахский поэт-просветитель» и «О поэтическом мастерстве Джамбула» заметно его глубокое проникновение в природу произведения, умение выделить главное в структуре художественного образа, подчеркнуть своеобразие поэтического дара Абая и Джамбула Джабаева, принёсших казахской литературе мировую известность.

Статьи «О создании учебника казахской литературы», «О необходимости создания качественного учебника истории казахской литературы», опубликованные в 1953 году на страницах газеты «Социалистический Казахстан», позволили молодому журналисту, показавшему свои отличительные поисковые навыки, начать работу над созданием учебников.

В 1954 году по постановлению Президиума Академии наук Казахской ССР под руководством видных ученых М. Ауэзова и С. Муқанова М. Базарбаев (вместе с Е. Лизуновой, А. Нуркатовым, Х. Сайкиевым, С. Сеитовым) был включён в авторский коллектив учебного пособия. Среди молодых литературоведов, которые участвовали в написании учебника, М. Базарбаев один из первых приступил к написанию учебника «Казахская советская литература» для 10 класса, который был издан в 1954 году. Учебник до 1986 года переиздавался 11 раз, что свидетельствует о его соответствии самым строгим требованиям. В 1989 году учебник для 11 класса был дополнен и выдержал несколько изданий вплоть до 1994 года.

М. Базарбаев написал около двадцати крупных монографий и более трёхсот исследовательских статей, посвящённых кардинальным проблемам истории национальной литературы. Труды «Об исследовании литературного наследия» (1959), «Образ человека труда в казахской поэзии» (1961), «Живые традиции» (1962), «Интернациональное единство и национальное своеобразие литератур народов Средней Азии и Казахстана» (в соавторстве, 1962), «Литература грозных дней» (в соавторстве с А. Нарымбетовым, 1968), «Литература и эпоха» (1966), «Национальные традиции и новаторство в казахской поэзии» (1973), «Олен – создін патшасы, соз сарасы» (1973), «Эстетическое богатство нашей литературы» (1976), «Казахская литература в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы» (в соавторстве, 1984), «Советтік шығыс халықтары әдебиетінің шетелдік “сарапшыларына сын”» (1984), «Поэма о героизме и труде» (в соавторстве с А. Нарымбетовым, 1984), «Корікті ойдан – коркем соз» (1994), «Казахская поэзия: художественные искания» (к традициям Абая) (1995), «Замана тудырган әдебиет» (1997) занимают особое место в казахском литературоведении.

М. Базарбаев сделал многое как государственный деятель. В 1970-1976 гг. был министром культуры Казахской ССР, в 1976-1981 гг. – министром иностранных дел. Значителен его вклад как организатора в проведение ряда международных конференций и конгрессов, на которых он выступил докладчиком. В своих докладах «Нынешнее время и искусство» (1972), «Общественное развитие и искусство» (1973), «Общественная функция литературы и искусства» (1974), «Национальное и интернациональное содержание искусства» (1975),

«Советская культура и её иностранные “критики”» (1976) учёный-литературовед глубоко и всесторонне освещал актуальные вопросы культуры и искусства. Принимая активное участие в проведении мировых симпозиумов в Швеции (1971), Индонезии (1972), Дании (1973), ФРГ (1975) от имени Советского Союза, М. Базарбаев прославил на весь мир культуру и искусство нашей страны.

Любознательный журналист, проявивший себя как искусный автор учебников, уверенно стал заниматься литературоведческим трудом. В 1955 году защитил кандидатскую диссертацию «Тема труда в казахской поэзии» в Академии общественных наук при Центральном Комитете КПСС. В 1956 и 1961 гг. М. Базарбаев работал заместителем директора Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, а в 1961-1970 гг. стал директором отдельно созданного Института литературы и искусства при Академии наук Казахской ССР.

Муслим Базарбаев был блестящим организатором, вложившим много сил и энергии в становление и укрепление Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова. Трудовая деятельность учёного, первого директора Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова М. Базарбаева, внесшего огромный вклад в культуру и литературу казахского народа, тесно связана не только с национальной историей. Он совершил очень много благородных дел на благо будущего своей нации, внёс колоссальный вклад в исследование становления и развития казахской советской литературы. Он был не только одним из авторов «Истории казахской литературы», состоящей из 6 книг, но и руководителем (1961-1967) этого коллективного труда, а также непосредственным руководителем всего процесса исследования, создания и опубликования трудов «Казак эдебиеті тарихынын очеркі» на казахском (Алматы, 1958) и «Очерков истории казахской литературы» (Москва, 1960) на русском языках. М. Базарбаев – один из ведущих авторов фундаментального, многотомного исследования «Очерки истории казахской литературы» (1960) и «История многонациональной советской литературы». Особо ценными были его дополнения к книгам «Казак эдебиетінін тарихы» (1948), «Казак совет эдебиеті тарихынын очеркі» (1949), «Казак совет эдебиетінін очеркі» (1958).

После кончины М.О. Ауэзова в честь памяти писателя на заседании отдела общественных наук Академии наук Казахской ССР

(28 июня 1961 г.) М. Базарбаев убедительно выступил с концептуальным докладом, после чего институт был назван именем писателя. Вложивший немало сил в открытие мемориального дома-музея писателя в 1967 году, М. Базарбаев не только написал предисловие к 12-томному собранию сочинений М. Ауэзова, но и был его главным редактором.

В 1971 году М. Базарбаев защищает докторскую диссертацию «Традиция и новаторство в казахской национальной поэзии» в Институте востоковедения (г. Москва). Особо следует упомянуть монографию Муслима Базарбаева «Олен – создін патшасы, соз сарасы», в которой учёный поднимает такие кардинальные проблемы как традиция и новаторство в казахской национальной поэзии. Автор обращает внимание не только на форму и содержание казахской поэзии, но и на взаимосвязь литератур, рассматривая особенности национальной казахской поэзии от лиро-эпического эпоса «Кыз Жибек» до творчества Т. Молдагалиева. Перечисляя достижения казахской поэзии, учёный даёт свою, объективную, оценку.

Среди трудов М. Базарбаева, посвящённых истории казахской литературы, можно выделить коллективные монографии и исследовательские труды самого автора. В научных статьях М. Базарбаева рассматривались основные периоды советской литературы («Казіргі казак эдебиетінін алғашқы кезені», «Замана тудырган эдебиет», «Қаһарлы кундер эдебиеті» (Э. Нарымбетовпен бірге, 1968), «Ерлік пен енбек дастаны» (Э. Нарымбетовпен бірге, 1984), «Замандас жэне қаһарман», «Оскен эдебиет откен жок», «О современнике, о критике»).

М. Базарбаеву принадлежит авторство монографий о жизни и творчестве А. Букейханова, Ш. Кудайбердиева, М. Жумабаева, С. Сейфуллина, Ж. Жабаева, А. Токмаганбетова, М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова, К. Аманжолова, Х. Есенжанова, С. Шаймерденова, Ж. Молдагалиева. Стоит особо отметить труды Муслима Базарбаева о наследии Ш. Кудайбердиева, М. Жумабаева, М. Ауэзова, Ж. Молдагалиева. М. Базарбаев является одним из первых учёных, который занимался исследованием творчества Шакарима. Его труды в шакаримоведении колоссальные. После оправдания Шакарима Кудайбердиева в 1958 году учёный стал уделять особое внимание его наследию. 1966-1969 годах под его руководством были собраны и исследованы произведения Шакарима, а 3 декабря 1969 года они

были рассмотрены на заседании Научно-координационного совета Института. Через 7 дней все решения и постановления этого заседания, сборник и сопроводительное письмо были направлены в секретариат Центрального Комитета, но ответа не последовало. Несмотря на это, учёный посвящает одну главу своей диссертации произведениям Ш. Кудайбердиева и успешно защищает докторскую диссертацию в Москве. Благодаря настойчивости и целеустремленности М. Базарбаева, многогранное наследие Шакарима Кудайбердиева увидело свет. В этом проявились чистота помыслов литературоведа и такие черты его характера как смелость, умение убеждать и доказывать, умение отстаивать свою правоту, широкая образованность и интеллект.

Учёный-литературовед и государственный деятель, используя весь свой авторитет, продуманно и целенаправленно шёл к поставленной благородной цели. В письмах, которые были адресованы Первому секретарю Центрального Комитета Компартии Казахстана Д.А. Кунаеву (от 14 мая 1985 года), заведующему отделом науки и учебных заведений Центрального Комитета, Сабиту Муканову, М. Базарбаев требовал проведения работ по сбору, исследованию и изданию наследия Ш. Кудайбердиева. Он с горечью вспоминает («Корікті ойдан – коркем соз», 54 б.) о том, что при реабилитации Шакарима уже не было Ахата Жаксыбаева (сына акына), который приложил все свои усилия, чтобы довести до народа произведения отца. После того как Ш. Кудайбердиев в 1988 году второй раз был официально реабилитирован, учёные-литературоведы получили возможность исследовать его наследие. М. Базарбаев за 25 лет до этого знаменательного события написал свой труд о произведениях акына. Интерес к поэзии Шакарима проявился у будущего учёного с детства, о чём свидетельствуют его воспоминания. В 1935 году С. Сейфуллин издал книгу с поэмой «Лайли-Мажнун» Шакарима. Будущий учёный эту поэму, имя автора которой в то время было ещё неизвестно, знал наизусть.

Один из основных трудов учёного в области литературоведческой науки – исследование восьмидесятых и девяностых годов. О его страсти к науке в 1981-1986 годы, когда он дважды возглавлял Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова АН КазССР, современник учёного, академик С. Кирабаев писал: «Особо восхищает упорный труд учёного, который долгие годы был руководящим

работником и не имел возможности полностью заниматься наукой. Долгие годы, занимаясь государственной деятельностью, Муслим в свою любимую область литературоведения пришёл истосковавшимся по научному труду». Это было ответственное и непростое время, когда перед литературой стояли сложнейшие задачи реабилитации, возвращения широкому кругу читателей творческого наследия казахской интеллигенции, алаша.

Будучи заведующим отдела современной казахской литературы Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова НАН РК, М. Базарбаев приложил максимум сил для осуществления издания творческого наследия А. Бокейханова, М. Жумабаева, Ж. Аймауытова, С. Садуакасова, К. Кеменгерова и др. Он принимал непосредственное участие в разработке идеи и концепции исследования казахской литературы с новых позиций, в новых исторических условиях суверенитета и независимости Республики Казахстан. Под его руководством сотрудники отдела приступили к исследованию казахской литературы 20-30-х годов XX века. Итогом проведённых научных изысканий явился коллективный труд «Казахская литература 20-30-х годов» (1996). Коллективное исследование «Казахская литература 40-50-60-х годов» (1997) – закономерное продолжение данного труда. Начатое исследование «Казахская литература 70-90-х годов» осталось, к сожалению, незавершённым. По-прежнему в научном обороте монографии М. Базарбаева «Корікті ойдан – коркем соз» (1994), «Казахская поэзия: художественные искания» (1995), «Литература, которую создало время» (1997). В предисловии к книге «Корікті ойдан – коркем соз» учёный считает первостепенной задачей: поставить на свои места ошибочно, опрометчиво сказанные вещи и объективно оценить их.

Поэзия С. Сейфуллиной получила всестороннее и многогранное освещение. М. Базарбаев внёс существенный вклад в исследование произведений Ж. Жабаяева и своих современников М. Ауэзова, Г. Мусрепова, К. Аманжолова, Х. Есенжанова, Ж. Молдагалиева, А. Нуркатова, С. Шаймерденова. Разносторонние факты литературы получили новую трактовку с учётом анализа эстетического богатства и художественного своеобразия казахской литературы, произведений вышеназванных поэтов и писателей. Признанный учёный-литературовед глубоко верил в то, что художественная литература

является не областью интересов политики, а средством разностороннего познания человека.

В соответствии с требованиями времени М. Базарбаев по-новому раскрыл сложные и актуальные вопросы национальной поэзии XIX–XX веков в своей монографии «Казахская поэзия: художественные искания (к традициям Абая)», акцент в которой был сделан на исследовании вопросов традиции и новаторства путём всестороннего анализа произведений казахских поэтов. Рассмотрев и глубоко проанализировав поэзию ученика Абая – Ш. Кудайбердиева, продолжившего его поэтические традиции, и М. Жумабаева, литературовед переходит к анализу современной ему казахской поэзии, произведений А. Токмаганбетова, Ж. Молдагалиева и др. Причём он не только создаёт творческий портрет названных поэтов, но и раскрывает художественное своеобразие их поэм и стихотворений, индивидуальность стиля в широком контексте проблем традиций и новаторства. Восточная традиция казахской поэзии, изучению которой М. Базарбаев уделяет особое внимание, иллюстрируется на основе анализа произведений А. Кунанбаева, Ш. Кудайбердиева и К. Бекхожина.

М. Базарбаев известен и как талантливый переводчик многих произведений русской и зарубежной классики. Он перевёл на казахский язык произведения Аристофана «Лисистрата», «Фесмафорлар мейрамындагы эйелдер» (1981), повести И.С. Тургенева «Первая любовь», «Вешние воды», «Ася», «Постоялый двор», которые вошли в книгу «Алгашкы махаббат» (1960–1968), пьесу «История мезозей» М. Ибрагимбекова (1977). Вместе с М. Алимбаевым переводит «Книгу вожатого» (составители В. Губарев и А. Гусев, 1953 г.).

М. Базарбаев внёс значительный вклад в исследование литературного процесса второй половины XX века. Его научные труды не потеряли своей актуальности и значимости по сей день. История казахской литературы без имени М. Базарбаева не представима.

В новых исторических реалиях были воссозданы творческие портреты видных представителей казахского народа М. Жумабаева и Ш. Кудайбердиева. Исследования М. Базарбаева «Шакарим Кудайбердиев», «Магжан Жумабаев», «Жубан Молдагалиев» включены в 6, 7 и 9 тома 10-томной «Истории казахской литературы» (2004, 2005).

Широко известна научная школа М. Базарбаева, под его научным руководством подготовлено около 10 кандидатов наук.

М. Базарбаев был награждён многими государственными наградами за заслуги в развитии казахской культуры и искусства. Путь общественного и государственного деятеля отмечен славными вехами. В 1971–1985 гг. депутат Верховного Совета Казахской ССР, кандидат в члены Центрального Комитета Компартии Казахстана. С 1965 года член Союза писателей СССР. Неоднократно награждался орденами «Трудового Красного Знамени» и «За трудовое отличие», медалями «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», Почётной грамотой Верховного Совета Президиума Казахской ССР.

Виктор Вайнерман КУЛЬТУРНЫЙ ШОК



Приходилось ли Вам жить в одном гостиничном номере с Достоевским? Уверен, что нет. А мне вот довелось.

Алексей Дмитриевич Достоевский, праправнук великого писателя, был гостем и участником конференции «Достоевский и современность», проходившей в Семипалатинске 10–11 ноября 2003 года. Алексей совсем ещё молодой человек – он родился в 1975 году. Но окладистая рыжеватая борода делает его значительно старше и представительней – происхождение обязывает. На тонкие черты его породистого лица невозможно смотреть без волнения – настолько он похож на великого предка. Когда он сосредоточенно молчит, или когда неторопливо говорит, взвешивая каждое слово, сердце трепещет от суеверного чувства – кажется, что перед тобой САМ Достоевский. А в повседневном общении Алексей живой и очень непосредственный молодой человек. Он рассказывал, что работает вагоновожатым в Петербурге, водит трамвай номер 14. Когда говорит о трамвае, о его истории, глаза загораются. Ему искренне нравится эта работа, и он не собирается её менять. Вагоновождение – семейная традиция. Алексей перенял профессию от отца.

Алексей – почётный гость конференции. На пленарном заседании, проходившем в здании драматического театра, его представили публике и от акимата вручили национальный подарок – неотразимой красоты расшитый золотом вишнёвого цвета шопан и колпак.

Невольно подумалось – Фёдор Михайлович Достоевский дружил с почитаемым ныне в Казахстане Чоканом Валихановым. Говорил, что любит его «не менее чем родного брата». На известной фотографии, где Достоевский сфотографировался с Валихановым, в руке у Валиханова кинжальчик, подаренный Достоевским. Подарки, которые ныне преподнесены Алексею Дмитриевичу – скромные знаки благодарности за ТУ дружбу и ТЕ подарки...

Конференция привлекла внимание многих жителей Семипалатинска – не случайно этот город называют культурной столицей Казахстана. Где бы ни проходили заседания – в театре или в музее Достоевского – в залах, как говорится, яблоку негде упасть. И повсюду хозяйка – Татьяна Какимовна Автушко – молодая энергичная директор музея Ф.М. Достоевского. За недолгий период своего «правления» она сумела навести мосты между администрацией города и музеем, сохранить «старые» кадры, вдохнуть в музей с более чем тридцатилетней историей новую жизнь.

С семипалатинским музеем Ф.М. Достоевского я знаком давно, ведь в этом городе я побывал нынче во второй раз. Впервые я приехал сюда в конце 1970-х годов учиться, как надо делать музейные экспозиции. Теперь изменилось время, изменились и люди. Вот только знакомые с тех пор работники музея работают здесь, как и прежде, отдавая любимому делу все свои силы, весь свой опыт, все свои знания.

Но культурный шок у меня наступил не только и не столько от встречи с Алексеем Достоевским. С его отцом – Дмитрием Андреевичем Достоевским мы часто встречаемся на конференциях в Старой Руссе и Санкт-Петербурге. В шок меня повергло гостеприимство людей на земле Республики Казахстан. Никогда в жизни меня нигде так не принимали, как в Семипалатинске, а потом и в Алматы. Сердечность, радушие, стремление создать максимальные условия для ощущения комфорта у гостя просто поразили меня, привыкшего к сдержанности и даже некоторой суровости сибиряков. В первый день конференции за обедом в здании театра директор музея Достоевского Татьяна Какимовна Автушко представила гостям человека, сидевшего во главе стола:

– Наш спонсор – Адай Зейнолдаевич Азаматов.

Что ж, спонсор, так спонсор, порадуемся за музей. Я смотрел на него и думал, что он похож на моего деда-кузнеца. Такой же плотный,

коренастый, с круглой лысой головой. Умные пронизательные глаза стараются себя не выдать: то и дело их взгляд, сканировав собеседника, гасится о какой-нибудь предмет и приобретает характер обычной доброжелательности. Но вот человек поднялся и стал говорить. Я ожидал услышать, как современные бизнесмены понимают необходимость помощи культуре. Однако Адай Зейнолдаевич стал говорить о самой культуре Семипалатинска, о Достоевском, о музее... С удивлением смотрю на директора музея. Она улыбается и кивает головой. Затем, улучив момент, шепчет мне на ухо, что их «главный спонсор» – начальник управления культуры города. С этого момента Адай («Зовите меня Адыке» – говорит он, радушно улыбаясь) был с нами неразлучно. Слушал доклады, плясал на банкете, заезжал в гостиницу, чтобы узнать, как нам живётся, вёз Алексея Достоевского к кому-то за кумысом, провожал его на вокзал. «Если хоть у одного гостя, – передавала слова своего начальника Татьяна Какимовна, – промелькнет на лице хоть тень недовольства – спрошу строго!» И гостям грех было жаловаться. Профессору В.А. Михнюкевичу, приехавшему из Челябинска, сняли отдельную благоустроенную и полностью меблированную квартиру. А как иначе: человек привёз с собой работу, ему нужно писать отзывы на диссертации и закончить собственную статью. Меня могли поселить отдельно или с кем-нибудь другим, но поселили в люксе вместе с Алексеем Достоевским – с одной стороны, я человек знакомый, солидный и к тому же занимаюсь изучением и пропагандой творчества великого писателя, стало быть, Алексею могу быть интересен; с другой стороны мне, как директору литературного музея, рассказывающего о Достоевском, жить с «самим» Достоевским в одной комнате... Сами понимаете.

Все телекомпании города, все газеты освещали ход работы конференции. Её апофеозом стал спектакль в музее Ф.М. Достоевского «Никто другой не дал бы мне столько счастья». Авторы пьесы – сотрудники музея Л.Ф. Шлихтемайер и Н.Е. Барбарат и актёры драматического театра Инна Семеновна и Андрей Глушков напомнили зрителям о встрече Ф.М. Достоевского с его будущей женой А.Г. Сниткиной. Проникновенная игра актёров, замечательное оформление крохотной сцены заставили переполненный зал волноваться и сопереживать. Прекрасно подобранные костюмы придавали действу особую достоверность.

И вот последние слова благодарности, последние снимки на память. Короткие мгновения счастья в Семипалатинске закончились, оставив неизгладимый след в душе.

Из Семипалатинска мой путь лежал в Алматы...

Культурный шок стал моим постоянным состоянием во всё время моего пребывания в Казахстане. Он приобретал разные оттенки, ощущения качественно менялись. Не было только одного – равнодушия.

Моя главная цель в южной столице Республики – государственный архив. В его фондах я мечтал поработать уже лет пятнадцать, да всё не мог выбраться. И вот, наконец, свершилось.

Первое, что я увидел, когда зашёл в здание Республиканского архива, было объявление: «В связи с электромонтажными работами читальный зал закрыт до 10 декабря 2003 года. Приносим свои извинения за неудобства». Сейчас – 14 ноября... Неужели мне так крупно не повезло?! Предъявляю постовому письму, говорю, что предварительно звонил из Омска – вот номера телефонов – мне сказали, что можно приехать, и вот... Постовой докладывает директору. Мне предлагают пройти в приёмную. Директор архива, Богат Тошибаевич Жанаев – высокий молодой человек с умным интеллигентным лицом, внимательно изучил моё отношение, задал мне несколько вопросов, снял телефонную трубку. Через несколько минут я сидел в рабочем кабинете сотрудников архива, где специально для меня освободили стол. Заведующая читальным залом Сабина Толгатовна Дурмагамбетова во всё время работы точно и аккуратно выполняла мои требования на выдачу описей и дел, и однажды не смогла скрыть своего удивления: «Мы и в лучшие времена, когда читальный зал работает в нормальном режиме, выдаем исследователям не более 10 дел в день. А Вам, по распоряжению директора, принесли сразу вообще все дела, которые Вы заказали». Замечу, что этих дел оказалось более 150...

В пятницу, 28 ноября, завершив работу над документами, я приехал в архив, чтобы поблагодарить директора за радушие и помощь. К сожалению, Богат Тошибаевич заболел. Меня приняла заместитель директора Галина Валентиновна Воротынцева. Я предполагал, что состоится дежурный разговор, в котором я, не имея

удовольствия сказать лично, скажу заместителю директора вежливые слова благодарности и ретируюсь. Вообще, настроение, казалось бы, чемоданное, пора домой. Но, вместо того, чтобы продолжить подготовку к возвращению в «нормальное» состояние, я снова оказываюсь потрясен! Выясняется, что в архиве хранятся ещё как минимум два чрезвычайно интересных огромных фонда, которые мне крайне необходимо посмотреть! Кроме того, Галина Валентиновна рассказала о художнике Сергее Калмыкове и подарила мне свою книгу о нём... Прямо хоть не уезжай никуда! Родилась идея, которую я тут же и высказал Галине Валентиновне – организовать заказ на цикл очерков о коллекциях архива для местной периодической печати, а лучше всего для республиканских «толстых» журналов... Лично я с удовольствием взялся бы за такую работу. На прощание гостеприимная хозяйка провела меня в светлый и просторный читальный зал, где завершался ремонт.

– Вот здесь Вы должны были работать, и здесь будете получать дела, если приедете к нам снова, – говорит она.

... Архив закрывался в шесть часов вечера. Каждый день у меня было время для прогулок по удивительной Алматы, городу, причудливо сочетающему в себе тихое очарование провинции с блеском, помпезностью и размахом столицы. Действительно, среди многочисленных улиц, состоящих из невысоких сереньких домов, всё заметнее широкие проспекты, вдоль которых тянутся к небу «высотки», построенные по оригинальным проектам. Престижные вузы, ухоженные музеи, богатые библиотеки, красивые и всегда востребованные публикой театры, мощные спортивные комплексы, академические институты, – и современные роскошные здания из стекла и бетона с яркими рекламными вывесками: супермаркеты, дорогие бутики, банки, казино, развлекательные центры. Спокойный разговор повсюду, в том числе в общественном транспорте и в магазинах, искренняя вежливость продавцов и официантов... Бросающееся в глаза обилие дорогих иномарок и шустрых «газелей», протяжённость маршрутов из конца в конец города. Дожди, на лету превращающиеся в снег, и вечерний мороз, сменяющий утреннюю слякоть. Постоянные туманы, и как подарок, как праздник, каждый раз неожиданный – едва солнце разгонит тучи, в

синеватой дымке становятся видны заснеженные вершины гор вокруг всего города.

В Алматы меня попросили встретиться со школьниками частной школы «Престиж». Это элитное учебное заведение расположилось в районе Таугуль. Школа – часть образовательного комплекса, в который, кроме неё, входит детский сад, колледж и академия. По замыслу создателя комплекса и его директора Григория Абрамовича Уманова дети могут пройти в комплексе полный образовательный цикл. Залогом успеха непростого замысла является незаурядный талант организатора Г.А. Уманова. Сделать прибыльным бизнес в системе бывшего Союза, предполагавшего исключительно бюджетное финансирование образования – дело сложное. Талант руководителя проявляется в разностороннем и глубоко продуманном маркетинге в сочетании с умелым решением консалтинговых проблем. Кадры, стабильный коллектив со сложившимися многолетними традициями – главное богатство «Престижа». Мне посчастливилось познакомиться с ведущими педагогами школы. Каждый из них – специалист в своём направлении. Но объединяет их всех, как заметила завуч школы Алла Георгиевна Федченко, «стремление показать детям, что интеллектуальное богатство – главное богатство в мире». Я полтора часа рассказывал детям о своих занятиях литературным краеведением. Мне было интересно узнать, какие они, чем интересуются. Замечательные дети учатся в школе «Престиж»! Исключительное удовольствие доставили мне их умные глаза, их заинтересованность, умение слушать и вдумчиво относиться к тому, что им преподносится. Завязался разговор, в результате которого они попросили меня ещё об одной встрече, которая состоялась неделю спустя.

А в Казахском национальном педагогическом университете имени Абая студенты-филологи просто не хотели отпускать меня. Пришлось и к ним придти ещё раз...

Преподаватели школы «Престиж» Алла Георгиевна, Валентина Викторовна, Елена Александровна, алмагинские педагоги, члены Республиканской ассоциации русских школ Республики Казахстан Наталья Васильевна, Людмила Казимировна, вузовские учёные – филологи, кандидаты наук, доценты и ведущие научные сотрудники

Гульшара Газизовна Лукпанова, Алма Кокбаевна Тусупова и Светлана Викторовна Ананьева сделали всё не только для того, чтобы я увидел город, побывал в театрах, но и для того, чтобы город познакомился с новым человеком, приехавшим из Омска, и занимающимся таким необычным делом, как литературное краеведение. Меня окружили вниманием и заботой. Входили в бытовые проблемы, тратили личное время, чтобы показать местные достопримечательности, устраивали неформальные встречи за чашкой чая. Я каждую минуту ощущал на себе совершенно не назойливое, но уважительное, чуткое и заинтересованное внимание.

Преподаватели школы «Престиж» олицетворяли собой русскую диаспору в Казахстане. Здесь люди стараются держаться вместе, помогать друг другу, знать о жизни и проблемах каждого всё, чтобы вовремя придти на помощь.

Отдельную благодарность до сих пор испытываю к Светлане Викторовне Ананьевой. Благодаря ей у меня в Алматы состоялось несколько незабываемых встреч. Например, с директором Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК академиком НАН РК, доктором филологических наук, профессором Сеитом Аскарловичем Каскабасовым.

Вообще, даже само здание Института произвело на меня неизгладимое впечатление. Те же высокие потолки, массивные двери из светлого дерева. И ни с чем не сравнимая атмосфера. Её ощущаешь во всех научных домах – в моей alma mater, в Екатеринбурге, Пушкинском Доме в Петербурге, Томском университете, и вот здесь, в Казахстане...

Светлана Викторовна проводит меня по тихим, но гулким коридорам Института, предупреждает, что хочет познакомить с заместителем директора, Гульнаррой Тазабековной Жумасеитовой.

Вхожу, и оказываюсь поражён несоответствием между моими представлениями о внешности женщины, занимающей столь высокую должность, имеющей столько научных званий с внешностью хозяйки просторного светлого кабинета. Казалось, изящная балерина, совершив немислимое па, совершила фантастический полёт и опустилась не на сцену, а на кожаное начальственное кресло. При этом, оглядевшись, балерина поняла, что обратного пути нет, придётся далее служить искусству здесь, и вот она так же красиво

соответствует новому месту... В разговоре я с удовольствием наблюдал за изысканными манерами, жестами. За тем, как Гульнара Тазабековна совершенно по-театральному поворачивает голову, и очень хотелось подтвердить или опровергнуть мои предположения. На обратном пути Светлана Викторовна рассказала мне, что, действительно, Гульнара Тазабековна – кандидат искусствоведения, автор монографии «Страницы казахского балета», в которой проанализирован репертуар и исполнительское мастерство двух ведущих балетных коллективов Государственного академического театра оперы и балета им. Абая и Государственного академического Ансамбля классического танца под руководством Булата Аюханова. Светлана Викторовна не дала прямого ответа на мой вопрос, но я остался в уверенности, что за хрупкими плечиками очаровательной начальницы – театральное прошлое...

Ещё одна яркая картинка – знакомство с Лилией Калаус, главным редактором уникального журнала «Книголюб». Журнал имеет относительно небольшой тираж. Шестой, последний номер 2007 года, вышел в количестве 850 экземпляров. Выпускать журнал форматом со знаменитую «Юность», вот только толще, прилагая огромные усилия не только для того, чтобы обеспечить его финансирование, но чтобы сделать его интересным для русскоязычных читателей в Республике Казахстан – скажу без преувеличения, в наше время – подвиг. Вместо дальнейшего комментария позволю себе процитировать «Слово редактора» из того же, предновогоднего выпуска «Книголюба» за 2007 год:

«Удивительно то, что в наши не книжные времена есть люди (и их много!), по-прежнему живущие в контексте великой литературы прошлого и настоящего, читающие и думающие, любопытные и деятельные. Удивительно, что поэты и писатели пишут, творят свои миры – даже без особой надежды на известность и гонорары. Удивительно, что малотиражный журнал о книгах оказывается нужен людям, ведь никто не заставляет тебя, читатель, выкладывать денежки из собственно кармана за каждый номер “Книголюба” – ни политика, ни интересы бизнеса, ни даже подковёрные литературные игрища, в которых наше издание традиционно не принимает участия.

Каждый номер “Книголюба” – без ложной скромности – маленький подвиг всех нас. Тех, кто пишет, кто редактирует, тех, кто

верстает и придумывает иллюстрации и тех, кто нас читает. В этом году мы сделали 5 номеров (3-4 сдвоенный), а значит, мы с вами – пятижды герои литературы.

<...> Увы, наша литература пока не вписалась в мировой или хотя бы в русскоязычный (а мы приговорены историей к русскому языку) литературный процесс. Случится ли это вообще? Или русскоязычная литература благополучно вымрет, вытесненная российской книжной попой, а национальная литература благополучно замкнётся в себе, в решении своих внутренних задач и проблем – безо всякой надежды на существование в мировом контексте... Мы ничего об этом не знаем.

Но на пороге нового 2008 года торжественно, как пионеры, клянёмся: мы будем и дальше выполнять эту суровую, неблагодарную, незаметную работу: давать хорошую литературу хорошим читателям. И пусть нас мало – это ничего, большие армии, как свидетельствует история, далеко не всегда выигрывают сражения.

Главное – мы вместе!»

Добавлю от себя, что я неоднократно публиковал в «Книголюбе» не только рецензии на книги разных издательств, но даже рассказы. И каждый раз с удовольствием хотел бы подарить номера друзьям и знакомым, но и один (!) авторский экземпляр всегда добывал с трудом. Почти сразу после выхода каждый номер становится библиографической редкостью...

Навсегда осталась в памяти встреча и с Виктором Владимировичом Бадиковым – известным казахстанским писателем, критиком. В.В. Бадиков – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Казахстана, член Казахского Пен-клуба, автор ряда книг по проблемам современной литературы Казахстана и казахской русскоязычной поэзии, профессор кафедры русской и мировой литературы Казахского национального педагогического университета имени Абая... Я умышленно перечисляю «регалии», которые обычно пишут в визитках и... некрологах. Для этого есть несколько причин. Первая из них – скорбная. Виктор Владимирович трагически погиб в этом году. Вторая заключается в том, что это был человек, который полностью соответствовал всем занятым им высотам. Глубокий и чуткий знаток литературы, он

прекрасно ориентировался в современной конъюнктуре литературной жизни. Его суждения всегда были взвешенными, а речь, при всей научной обоснованности, понятна и проста. Дважды пришлось беседовать с Виктором Владимировичем, каждый раз я задавал вопросы, а он, будучи человеком чрезвычайно компетентным, отвечал, и при этом всё время взглядывал мне в глаза – не говорит ли он слишком резко, не обижает ли собеседника?..

Утром первого декабря, в день отъезда, проснулся от того, что всё вокруг ходило ходуном. Открыл глаза – люстра на потолке раскачивается, и всё в квартире дрожит. Это длилось секунд десять. Землетрясение? Выяснилось, что, действительно, тряхнуло на четыре или даже пять баллов. А я, впервые переживший подобное, подумал – сейчас дом рухнет и никуда я отсюда не уеду, культурный шок завершится летальным исходом... К счастью, мой пессимизм оказался безосновательным. Выглянул в окно – люди преспокойно, как ни в чём не бывало, идут по своим делам. И так же невозмутима и неизменна чуть размытая голубоватая линия, повисшая в отдалении над городом и очерчивающая его со всех сторон...

Прошла неделя, месяц... вот уже пять лет, как я дома, в Омске. Но до сих пор в памяти живые картины, голоса, на душе удивительное тёплое чувство. Разум шепчет мне, что надо сделать скидку на то, что ты был редким гостем, поэтому тебе оказали такое щедрое гостеприимство. Но даже если разделить на два, и отнять то, что требует обычное благоразумие, в остатке останется достаточно много, чтобы снова и снова стремиться в Казахстан. Побывать на Медео, встретиться со школьниками и студентами, поработать в архиве, продолжить знакомство со всеми, кто окружил меня заботой и вниманием в тот приезд.

Странная мысль не покидала меня всё это время: наверное, надо было республикам бывшего СССР расстаться, чтобы потом испытать сильнейшее желание соединиться снова. Пусть совсем на другой основе, в другой форме. Но особняком жить не хочется никому. По-моему, люди давно уже это осознали и прочувствовали...

Омской организации СРП - 15 лет



Нателла Лизаровская
«КАЖДЫЙ ДЫШИТ, КАК ОН
ПИШЕТ»

Омское отделение Союза российских писателей было создано 14 июля 1993 г. усилиями пяти омских литераторов: критика Эдмунда Шика, поэта Евгении Кордзахии, прозаиков Раисы Абубакировой, Михаила Малиновского и Александра Лейфера, возглавившего созданную организацию. В текущем году региональное отделение отметило юбилей.

За 15 лет существования организации в неё вступило 29 писателей, многие из них уже стали частью истории омской литературы. Омская поэзия немыслима без имён Игоря Егорова, Галины Кудрявской, Вероники Шелленберг. Далеко за пределами Омска известна проза Александра Лейфера, Виктора Вайнермана, Георгия Петровича, Евгения Асташкина, Алексея Декельбаума, Натальи Елизаровой, Александра Дегтярёва, Александра Сафронова. А благодаря поэту-переводчику Евгению Фельдману многие герои произведений Р. Бёрнса, Р. Киплинга, Дж. Китса впервые обрели голос на русской земле. Ярko и многообещающе начинают свой творческий путь поэтессы Елена Чач и Дарья Решетникова.

С 1995 г. Омское отделение СРП выпускает альманах «Складчина», на страницах которого омская (и не только) литература получила раскрытие во всём своём жанровом многообразии: поэзия и проза, литературная критика, публицистика, сатира и юмор, документальные исторические материалы, детская литература. От номера к номеру составление и редактирование альманаха становится профессиональнее. Как справедливо было отмечено на заседании Координационного совета СРП в декабре 2007г., альманах – «всё время видоизменяющийся, живой, современный». Иллюстративная книжная выставка, посвящённая выпуску 30 номера «Складчины», прошла в марте нынешнего года в областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина.

Три человека делают с нами, что хотят: парикмахер,
 гробовщик и оратор на юбилейном банкете.

Хораций Сафрин

В 1995 г. под эгидой Омского отделения СРП стартовал областной молодёжный семинар «Я вижу мир через себя», предоставивший возможность начинающим авторам заявить о своём творчестве. Впоследствии его проведение позволило охватить большую часть талантливой молодёжи, способствовало раскрытию их творческого потенциала, и, что немало важно, подарило литературному Омску новые имена. Итогом каждого проведённого конкурса стал выход сборника поэзии и прозы «На первом дыхании», его издание показало, как много одарённых молодых людей проживает на территории региона. Не случайно при Омском отделении СРП было организовано молодёжное литературное объединение, участниками которого стали омские школьники и студенты.

По инициативе Омского отделения СРП в 1997 г. была учреждена областная молодёжная литературная премия им. Ф.М. Достоевского. В разное время её лауреатами становились авторы, чьи книги вызвали неподдельный интерес у читателей – это Алиса Поникаровская, Нина Саранча, Виктор Богданов, супруги Николай и Светлана Пономарёвы.

Своё 15-летие Омское отделение СРП встретило достойно. Самым лучшим подарком городу в преддверии юбилея стал приём в Союз российских писателей известного сибирского прозаика, постоянного автора «Голосов Сибири» Евгения Асташкина. Незабываемым был и литературный вечер, посвящённый круглой дате, который прошёл 14 июля на сцене Дома актёра им. Н.Д. Чонишвили. В программе приняли участие артисты ведущих омских театров и филармонии: заслуженная артистка России Светлана Бородина, актриса Омского академического театра драмы Татьяна Филоненко, заслуженная артистка России Наталья Торопова и др. Благодаря их вдохновению и высокому профессионализму, творчество омских литераторов ожило и расцвело в чарующих звуках романса и ритмах танца.

Внимание к творчеству омичей становится всё более пристальным, о чём свидетельствуют и недавние презентации «Складчины» в Центральном доме литераторов и Булгаковском центре (Москва, декабрь 2007г.).

Литературные премии



Евгений Асташкин
КЕМЕРОВО-ОМСК-ТОМСК
Литературная премия им. П.И.
Макушина вручена автору «Голосов
Сибири» Игорю Петрову

В конце марта с.г. в городе Кемерове состоялось очередное вручение литературной премии имени Петра Ивановича Макушина (одной из немногих, которая имеет статус общественной, т.е. учреждённой не органами власти). Вообще-то обычно она вручалась томичам, но единственный раз её удостоился кемеровский литератор Игорь Фёдорович Петров.

В назначенный день в Кемерове собралась творческая интеллигенция трёх сибирских городов, включая Омск, который представлял автор этих строк. Была организована выставка произведений виновника торжества – более дюжины книг стихов и сказок.

Вела вечер автор «Голосов Сибири», профессор, доктор биологических наук Любовь Начева. Она подробно остановилась на незаурядной личности П.И. Макушина. Это был один из самых крупных деятелей сибирской культуры конца XIX – первой четверти XX века. Блестяще образованный и эрудированный человек, он обосновался в провинциальном Томске, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное». Пётр Иванович организовал целую сеть народных библиотек, всячески помогал одарённым людям. Фигура Макушина равновелика фигурам известных меценатов Морозова и Третьякова, хотя о нём почему-то широкой публике известно меньше. Учреждённая премия имени Макушина призвана поддерживать наиболее яркие литературные события сибирского региона. Её денежный эквивалент составляет десять тысяч рублей.

Все выступающие, друзья и коллеги Игоря Петрова, отмечали его подвижническую деятельность. Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, заведующий отделом

Литература должна быть насущным хлебом.

Александр Александрович Блок

методологических проблем региональной культуры НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, он также организовал книжную серию «Профессорские шалости», в которой выходят стихотворения (выделено на обложке) преподавателей местных вузов. Конечно, и в других городах основывают различные книжные серии, но эта выделяется на общем фоне своей оригинальностью.

Во-первых, здесь участвуют только профессора. Во-вторых, творчество подаётся раскованно и даже порой эпатажно. Сами названия книг обращают на себя внимание; прочтите на обложках и попробуйте не улыбнуться: «Однако здравствуй», «Слухай сюды», «Чё», «Ограниченное издание», «Самоудовлетворение», «Концерт на обочине», «Вольные упражнения», «Поэзия бронзового века». Такой вот «творческий произвол». У кого с юмором всё в порядке, тот вполне оценит. Но не стоит в текстах искать чего-нибудь «этакого», – вполне нормальные стихи, лишённые нудной рефлексии.

За серию «Профессорские шалости» и заслужил И. Петров престижную премию. Всего в этой серии вышло двенадцать книжек. Каждая издана тиражом 120 экземпляров. Двадцать книжек – обязательный рассыл по основным книгохранилищам страны, а остальной тираж делят между собой участники проекта. Получается, прямо скажем, немного. Штучный продукт.

Вручала премию Любовь Михайловна Игнатова, директор Томского дома литературы и искусства. Весь ход торжества снимало для истории Томское телевидение. Специально приглашённый хор исполнил популярные песни разных лет. Следует отметить, что гости расположились не просто на рядах кресел, как это обычно бывает, а более уютно – за длинным столом, где было организовано чаепитие. Стены помещения были оформлены картинами местных художников. Сама обстановка была непринуждённой. Одна из выступавших, переводчица Ирина Маркова, даже в честь юбиляра прочла по памяти на языке оригинала добрый кусок поэмы Байрона «Шильонский узник». Мне было интересно узнать, что кемеровчане замахнулись на

новые переводы сонетов У. Шекспира, некоторые из них опубликованы в «Голосах Сибири».

В выступлениях собравшихся прослеживалась мысль: побольше бы таких меценатов, каким был П.И. Макушин. Ведь не секрет, что многие книги сейчас издаются благодаря пожертвованиям, а типографские расходы растут как на дрожжах. Кстати, член редколлегии альманаха «Голоса Сибири» Виктория Кинг, прочтя в одном из выпусков сказки Игоря Петрова, так восхитилась ими, что пригласила его погостить на своё ранчо в Калифорнии.

Кто-то из собравшихся высказал мысль, что неплохо бы на деле закрепить этот складывающийся триумvirат сибирских городов: «Томск – Кемерово – Омск». Не секрет, что творческие работники этих городов почти ничего не знают друг о друге. Хотелось бы наладить обмен вышедшими книгами, рукописями для взаимного издания. Необходимость и полезность межрегиональных литературных связей очевидна. Посетив Кемерово, ещё раз убедился в правоте Мирзакарима Норбекова, который утверждал: «Когда одни, видя перед собой пропасть, думают о бездне, есть другие, которые думают о том, как построить через неё мост».

Марианна Фаликова О ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЯХ КУЗБАССА

Кемеровское региональное отделение СРП выдвинуло инициативу по совершенствованию условий проведения кузбасских литературных конкурсов. Поводом для обращения писателей в Администрацию Кемеровской области послужил тот факт, что ежегодно в таких конкурсах принимает участие не больше 10 человек. Как выяснилось из опросов рядовых писателей, значительное их число не участвовало в конкурсах из-за недостаточной гибкости и проработанности условий их проведения.

Необходимо отметить, что до 2007г. включительно в официальных Положениях о литературных конкурсах, проводимых

Администрацией Кемеровской области, содержалось условие, что в них имеют право принимать участие исключительно члены *Союза писателей России*. Что касается других Союзов и литературных объединений, в том числе *Союза российских писателей*, то им рассчитывать было не на что, участвовать в конкурсах они никакой возможности не имели. И только после встречи членов СРП с начальником Департамента культуры АКО Л.Т. Зауэрвайн в октябре 2007г. из Положений о конкурсах удалили многонеудобные для СРП уточнения.

Однако, несмотря на ряд позитивных изменений, писателям Кузбасса вплоть до осени с.г. всё же не были обеспечены равные возможности участвовать в литконкурсах. Так, в жюри областных литературных конкурсов из профессиональных писателей входили лишь члены *Союза писателей России*. Для членов СРП, проживающих на территории Кемеровской области, это являлось серьёзным сдерживающим фактором, препятствующим их участию в подобных мероприятиях. Кроме того, по существовавшим положениям, заявки писателей на участие в литературных конкурсах направлялись в государственное учреждение культуры «Дом литераторов Кузбасса», в котором работают только члены *Союза писателей России*, поэтому у членов других литературных объединений, естественно, возникали сомнения: не будут ли результаты конкурсов лоббироваться в интересах одного писательского Союза с ущербом для других.

Члены СРП обращали также внимание на то, что состав жюри кемеровских конкурсов объявлялся уже после того, как поданы заявки писателей на участие в них. И, стало быть, писатель не знал заранее, кто будет выносить решение о присуждении премий.

Члены *Союза российских писателей*, проживающие в Кузбассе, в октябре 2008г. обратились к губернатору Аману Гумировичу Тулееву с просьбой изменить условия проведения литературных конкурсов на более приемлемые и уже получили ответ, что представители СРП будут введены в состав жюри. «Голоса Сибири» удовлетворены уровнем понимания, с которым Администрация области относится к выносимым литературной общественностью предложениям.

Литературный фестиваль в Коктебеле



Мирослава Метляева
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ им. М.А. ВОЛОШИНА

От редколлегии. С 9 по 14 сентября 2008 года в Коктебеле прошёл VI Международный литературный фестиваль им. М.А. Волошина.

Фестиваль проводится ежегодно с 2003 года Домом-музеем М.А. Волошина КРЭИКЗ «Киммерия М.А. Волошина» (Коктебель), Союзом российских писателей (Москва) и журналом «Современная поэзия» (Москва). В нынешнем году на фестивале выступили известные современные литераторы: Михаил Айзенберг (Москва), Владимир Алейников (Москва – Коктебель), Равиль Бухараев (Лондон), Светлана Василенко (Москва), Мария Ватутина (Москва), Геворг Гиланц (Ереван), Лидия Григорьева (Лондон), Ирина Евса (Харьков), Валерий Земских (Санкт-Петербург), Александр Кабанов (Киев), Константин Кедров (Москва), Кирилл Ковальджи (Москва), Юрий Кублановский (Париж – Москва), Вадим Месяц (Нью-Йорк – Москва), Мирослава Метляева (Кишинев), Станислав Минаков (Харьков), Алексей Остудин (Казань), Андрей Поляков (Симферополь), Александр Радашкевич (Париж), Евгений Рейн (Москва), Борис Херсонский (Одесса), Алексей Цветков (Вашингтон), множество молодых литераторов из России, Украины, Молдовы, Армении, Румынии, Великобритании, Франции, Германии, США. Фестивальная программа, по обыкновению, была разнообразной и насыщенной: это мастер-классы по поэзии и прозе; вечера литературных журналов, Коктебельский турнир поэтов, заплыв поэтов на приз журнала «Октябрь», многочисленные поэтические вечера. В рамках Волошинского фестиваля впервые были объявлены лауреаты Международной литературной Волошинской премии и Международного литературного Волошинского конкурса.

Лауреатом Волошинской премии в номинации «Брега Тавриды» стал поэт Андрей Поляков (Симферополь), выдвинутый на премию литературным журналом «Знамя» (Москва). Специальную премию в этой номинации, учрежденную Союзом российских писателей, получила поэт Ирина Евса (Харьков).

Писатель талантлив, если он умеет представить новое привычным, а привычное – новым.

Сэмюэл Джонсон

Лауреатом Волошинской премии в номинации «За вклад в культуру» стал создатель музея М.А. Волошина, автор многих монографий и книг о Волошине, составитель издающегося по сей день полного собрания сочинений Волошина Владимир Петрович Купченко (посмертно). Премия была вручена его жене Р.П. Хрулевой (Санкт-Петербург), много лет работавшей рядом с Купченко и ныне продолжающей его труды.

Участники фестиваля также выступили в Феодосии в рамках фестиваля «Встречи в Зурбагане».

Своими впечатлениями о Волошинском сентябре в Коктебеле делится с читателями «ГС» **Мирослава Метляева**, участница Международного литературного фестиваля и член редколлегии альманаха «ГС», взявшего на себя почётную миссию информационной поддержки этого знаменательного культурного события. Читатели «ГС» смогут найти в этой рубрике и произведения победителей Волошинского конкурса в прозаических номинациях: Яны Дубинянской (Киев), Елены Соловьёвой (Екатеринбург), Евгения Касимова (Екатеринбург), Алексея Салова (Курск), Льва Усыкина (Санкт-Петербург), Александра Барбуха (Москва), Мариш Скрыгиной (Омск-Москва), Валентины Фроловой (Севастополь) и Валентина Макушева (Рязань).



Литературные пейзажи Коктебеля

В древности эту землю называли Киммерией. Называют её так и сейчас. В основном поэты и писатели. «Восточный Крым – особая замкнутая страна, непохожая на все остальные части Крыма», – так писал о киммерийских местах Константин Паустовский.

В уникальности Коктебеля посчастливилось убедиться и мне, автору этих строк.

Как было объявлено весной в Московском литературном клубе «Классики XXI века», в России появилась ещё одна международная литературная премия – Волошинская. С этого года её будут присуждать талантливым литераторам, пишущим по-русски.

Почти восемнадцать часов автобусной тряски из Кишинёва в Коктебель – и вот я со своей помощницей Ириной нахожусь в Доме творчества писателей, расположившимся в одном из

красивейших мест юго-восточного Крыма в единственной парковой зоне региона. На вопрос приветливой администраторши «А море далеко?», она машет рукой: «Да вот оно, за окном... Метров 50 будет». Описать то, что открывается взору в этом легендарном для каждого пишущего месте, наверное, не под силу никому.

Каждого, кто приезжает сюда, ошеломляет первозданность и нетронутая чистота Киммерии, которая безмерно воодушевляла поэта в живописи и живописца в поэзии – легендарного максималиста Волошина. Он писал об этом так:

*Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в своё странствие странствий
Лучшее из наваждений земли.*

«Лучшее из наваждений земли» стало незабываемым пристанищем для многочисленных знаменитостей Серебряного века, собиравшихся в гостеприимном доме радушного и немного чудаковатого хозяина.

Так получилось, что Максимилиан Волошин стал подлинной памятью эпохи, памятью земли и истории русской культуры.

«Лучшее из наваждений земли» стало звеном, связующим ослепительно яркое литературное прошлое России с днями нынешними, полными и трагической растерянности, и смятением творчески мыслящих людей, и отсутствием чётких идеалов, и стремлением заявить о себе и одновременно отстраниться от схватки с обнаглевшей пошлостью.

Но всё это уже было... было... когда-то... И приходит время собирать камни...

Новое русское рассеяние разбросало наших соотечественников по всему миру, и единственное, что нас связывает сегодня – это язык, на котором мы говорим, пишем и читаем.

В день открытия Волошинского фестиваля во дворе Дома-музея М.А. Волошина собрание участников и гостей поразило своей обширной географией. Программа, которую мне вручил симпатичный улыбчивый молодой человек, как я потом узнала – Андрей Коровин, один из инициаторов Волошинского движения, –

была заполнена до предела. Более всего поразили в ней не только и не столько имена знаменитостей – а их было более чем достаточно, – сколько насыщенность настоящей работой. Да-да, работой! За оградой Дома-музея призывно шумело море. Бархатное касание сентябрьского солнца, шум весёлой толпы, дурманящие запахи, доносящиеся из дорогих ресторанов и простых закусовых на набережной, пляжные лежбища, традиционные наборы путешествий – ничто не могло выманить из Волошинского притяжения тех, кто хоть чуть-чуть соприкоснулся с развернувшимся здесь литературным действием. Все веранды-палубы дома-корабля были с утра и до вечера заполнены слушателями мастер-классов. А народ всё прибывал и прибывал...

В саду вели мастер-класс поэзии Кирилл Ковальджи, наш земляк из Молдовы, известный поэт и литературный критик, а также не менее известный Константин Кедров. Надо было посмотреть, с каким вниманием ловили каждое слово «мэтров» слушатели этих уникальных лекций и занятий поэтического мастерства. А ведь это был не комплиментарный процесс! На нелюбимый суд отдавали свои произведения авторы, пытающиеся разобраться в себе и своём творчестве. Насколько всё было непросто, можно было ощутить по мастер-классу, который вели Алексей Цветков, известный поэт, ныне живущий в Вашингтоне, и Ольга Ермолаева, ведающая разделом поэзии в журнале «Знамя». Бои велись за каждое слово, за каждую метафору. Как у Высоцкого: «Поэты режут в кровь свои босые души». И что интересно, это своеобразное «избиение младенцев» привлекало к себе всё большее количество тех, кто пытается выразить себя в слове.

Мастер-классы выявили настоящий голод по литературной критике, по поэтическим урокам со столь необходимой для творчества шкалой оценок.

В глубине двора расположились прозаики. В этом году мастер-класс по прозе вели Светлана Василенко, писательница, ярко заявившая о себе в последнее десятилетие, литератор из Киева Этери Басария и один из самых горячих почитателей альманаха «Голоса Сибири», член нашей редколлегии, омич Александр Лейфер. Разбор произведений молодых авторов вёл внешне несколько спокойней, но, по сути, от некоторых произведений камня

на камне не оставалось. И стоицизм авторов, выставленных на всеобщее обозрение с их произведениями, вызывал у меня невольное восхищение: это были настоящие бойцы, умеющие извлекать уроки даже из поражений; и в этом проглядывала их сила, их упорство идти дальше по тернистому писательскому пути, что не могло не внушать надежды.

«Материк поэзии разбился на острова...»

В перерывах между занятиями мне удалось вырвать пару минут для беседы с Кириллом Ковальджи. «Что значит для меня Коктебель и этот фестиваль? – переспросил он меня. – Огромное значение в Коктебельских волошинских встречах играет общество, творческая среда. И, прежде всего, само место, которое обладает уникальной энергетикой. Это место очень близко мне, поскольку я знаю Коктебель более 50-ти лет. Впервые я оказался здесь в 1957 году. Вначале с молодой женой, потом с маленьким сыном, затем со вторым сыном и т.д. В нынешние времена меня отделил от Коктебеля 15-летний перерыв. После столь внушительного отсутствия я, конечно, Коктебель не узнаю, и меня это печалит. Место это было заповедным, диким, в самом первоначальном смысле слова, где попадался сердолик под ногами, а теперь эти киоски, заборы... Я не сразу смог выйти к морю, даже чуток заблудился. И всё равно здесь замечательно, потому что здесь небо, море и Волошин.

Когда я учился в институте, имя Волошина как-то не звучало. Эта фигура в те времена не числилась в первых рядах, но, как выяснилось позднее, была довольно значительной во всей культуре Серебряного века. Я о нём впервые узнал в 60-х годах. Это было само воплощение благородства и культуры. И как сказал о нём Вознесенский, «Волошин – это больше, чем поэт».

Размышляя о современном литературном процессе, я задумываюсь: с одной стороны, вроде бы очень много поэтов, а с другой – их особого звучания нет.

С моей точки зрения, литературный процесс как таковой не ощущается, потому что материк поэзии разбился на острова, на архипелаги. Какого-то общего течения ещё не ощущается, как и во всём, чувствуется какой-то переходный период. XX век достиг

очень многого в русской поэзии, и сейчас это вызывает некоторое смущение от груза культуры, который навис над нами, как Карадаг, как высокая гора, и, может быть, пока не намечены чёткие ориентиры. Чего нельзя отрицать, так это то, что в нынешние времена есть прекрасные поэты, великолепные мастера. Но после Бродского – пока нет поэтов такого масштаба, по крайней мере, мы не знаем, может быть, он и где-то есть, но ещё в детской коляске. Но для появления такового почва, конечно, имеется. Ведь в творчестве не бывает упорядоченности. Всё происходит волнообразно, как спады, так и подъёмы».

Думая о превратностях писательских судеб и более всего о парадоксах нашего времени, захлестнувшего потребительством все стороны нашей жизни, я споткнулась о «креативную» сторону этого потребительства. Ведь более всего тревожит душу вот эта самая «креативность», заполонившая книжные прилавки, телеэкраны, экраны и экранчики всех родов и видов и навалившаяся всей своей бетонной тяжестью на творчество, пытающееся вырваться из железных объятий одуревшего обывателя, требующего «сделайте нам красиво».

И сбрасывает издательский конвейер «красивое» чтиво – мессиво в народ – нате, ешьте! – и, кажется, – конец, всё, некуда податься. Однако одержимые люди, продирающиеся сквозь все тернии прозаических дел к настоящей литературе, составляют собой тот золотник, который внушает веру, что талант – это и сокровище, и оружие в борьбе за человеческое в человеке.

«Мы сами себе творцы и защитники...»

Светлана Василенко, в перерыве между занятиями с молодежью, поделилась своими мыслями о литературном движении в России и о фестивалях, подобных Волошинскому, и о премии им. Волошина, председателем Оргкомитета которой она была избрана.

«Сам Волошин премий не получал, – усмехнулась Светлана Владимировна, – но это не помешало ему щедро одарить потомков, оставив им наследие не только творческое, но и материальное. Максимилиан Александрович завещал свой знаменитый Дом поэтов в Коктебеле Союзу писателей. Это был едва ли не первый

в мире Дом творчества, который и по сей день магнитом притягивает к себе российских литераторов. Коктебель – место-ловушка: один раз побывал, считай, стал коктебелезависимым.

Изначально был Волошинский конкурс. Потом его расширили до Волошинского фестиваля, и вот сейчас в проведение этого фестиваля включена Волошинская премия, которую мы придумали год назад. Я, честно говоря, четыре года не приезжала сюда. Жанр прозы здесь был не столь популярен, как поэзия, и не так широко представлен. В принципе, вначале конкурс был задуман как поэтический. Мы очень часто общались с Андреем Коровиным, который, несомненно, является душой этого фестиваля и этого конкурса. Это интересный поэт, писатель, сейчас живущий в Москве, а начинал он своё творчество в Туле. Волошинская премия – это его идея и инициатива. Он заразил, как болезнью, всех остальных, в том числе и директора музея Волошина в Коктебеле Наталью Мирошниченко, меня, Александра Кабанова, главного редактора Киевского журнала “Шо” – и вот пошло дело. Жанр прозы здесь не был популярен, как я уже говорила. Но год назад меня так поразили рассказы участников конкурса, что я решила в этом году приехать и посмотреть на молодых писателей, и не разочаровалась. Более того, в этом году мы впервые провели мастер-классы по прозе вместе с киевской писательницей, пишущей на русском языке, Этери Басария (сама она родом из Абхазии). Она выразилась так, что я – судья добрый, а она – суровый. Мы очень дополнили друг друга, главным критерием для нас было единственное желание – стать помощниками для начинающих. Если представленный рассказ был плох, мы пытались отыскать в нём рациональное зерно и рассказать автору, что могло бы получиться из его повествования, если бы он обратил большее внимание на того или иного героя, расширил бы сюжет, композиционно изменил бы какие-то части. Есть некоторые, пытающиеся заявить о себе в литературе, пишущие как бы в состоянии эйфории, и потом сами же не могущие разобраться в своём произведении: гениально это или же совершенно бездарно. Вопрос литературной критики, как никогда, поставлен очень остро. Лучше всё же, если свой брат-писатель подскажет, где и в чём автор ошибается, что следует ему учесть. Доброжелательность на мастер-классах очень нужна.

Поскольку Андрей Коровин в Москве проводит подобные поэтические программы в Булгаковском центре, мы решили провести там мастер-класс и по прозе, но там, к сожалению, в нём приняли участие только москвичи».

С горечью говорила Светлана Владимировна о статусе писателя: «Права писателей совершенно не защищены. Мы сами себе и творцы и защитники. По сути, мы брошены на произвол судьбы и при всей востребованности писательского дара и в кино, и на ТВ, мы не имеем статуса даже простой уборщицы. Мы в социальном плане рассматриваемся как любители. Если бы Бродский жил ныне здесь, то он получал бы минимальную пенсию, как безработный, т.е. считался бы всё тем же бродягой и бомжем. Получается, что мы ещё находимся в том времени, когда поэтический, писательский труд назывался тунеядством. Мы из тех времен ещё не вышли. Поэтому у Союзов писателей существуют чёткие задачи. Во-первых, координировать творческую деятельность, работать над повышением писательского статуса в обществе, особенно в провинции, стимулировать развитие экономического потенциала литфондов, содействовать укреплению связей между писателем и читателем и т.п. Литературные фестивали могут аккумулировать в себе творческую энергию, особенно у молодых, которые не являются членами Союза писателей. Благодаря им мы имеем возможность отслеживать, что творится в глубинке. На основе таких конкурсов, фестивалей и интернет-конкурсов налаживается обширная, быстрая и мобильная связь».

Человек-парус

Одним из ярких событий «Волошинского сентября» стала презентация глянцевого (!) поэтического журнала «Поэтому».

С первой страницы он убеждает: «Поэзия не умерла, да здравствуют её читатели!» Главный редактор журнала Анна Токарева в своём редакторском слове отметила: «Русская поэзия живёт и будет жить, пока существуют люди, говорящие и думающие на русском языке, пока есть влюбленные философы, да просто люди, для кого жизнь не сузилась до картинки в телевизоре, а смысл её не исчерпывается бегом за деньгами».

И я вновь возвращаюсь к Андрею Коровину, который и в этом журнале заявил о себе:

*Я человек парус,
 Меня подгоняет ветер.
 Меня подгоняет женщина.
 Меня подгоняет век.*

*А если никого из них нету –
 Я сам себя подгоняю.
 Я ведь не только парус.
 Я ещё – человек.*

И я решила на беседу с человеком-парусом. Вернее, я записала его монолог о времени и о себе.

«Я всегда любил Коктебель и толчком интереса к этой истории с премией стала любовь к Серебряному веку и, в частности, воспоминания Марины Цветаевой о Волошине “Живое о живом”. Мой интерес к Волошину исходит оттуда. Я довольно долго мечтал хотя бы добраться до Коктебеля, и всё никак не получалось. Впервые я попал сюда в 1996 году, и с тех пор каждый год отдыхаю только здесь. Это моё самое любимое место на Земле. Кому-то покажется, что здесь слишком шумно или что это место слишком светское, но я здесь нахожу для себя то, что мне нужно, т.е. я как бы не воспринимаю этого шума, безумной музыки на набережной. Во мне живёт мой Коктебель, который я люблю и который меня зовёт каждый год сюда. Даже какие-то частные вещи, какие-то детали привязывают меня к Волошинскому дому, ко времени его создания, к людям, связанным с ним своей биографией, с Николаем Гумилёвым, с которым, как известно, стрелялся Волошин. Я Гумилёва очень люблю, с его стихами я знаком был намного раньше, чем с произведениями Волошина. И получилась странная вещь: с одной стороны, любимый Гумилёв, а с другой – не менее любимый Волошин. Мне кажется, что какая-то нелепая случайность и, в частности, их любовь к женщине, развела их по разные стороны баррикад в жизни. На самом же деле, мне кажется, они вполне могли быть единомышленниками и в чём-то ими были.

С самого первого моего посещения Коктебеля у меня возникла идея создания Волошинской премии. Очень хотелось привлечь

внимание к значимым произведениям литературы. Это не нечто совсем оригинальное. Все мы наблюдаем кругом всплеск всяческих премий. Например, Бунинская, которую вдруг вручают Андрею Дементьеву по нелепым стечениям обстоятельств. Что бы сказал Бунин, если бы он об этом узнал?! А ведь человеком он был резким и прямым. Премия должна быть честной и вручаться действительно достойным. Отличие Волошинской премии от остальных в том, что меценатами являются сами поэты и кандидатами выбирают поэты поэтов.

Идея глянцевого поэтического журнала витала в воздухе. Я с друзьями обсуждал её 5 лет. Но у нас всё как-то не складывалось, пока не появилась Анна Токарева. Она с её житейской хваткой смогла организовать сам процесс издания. Она нашла спонсоров, а что это такое, объяснять не надо. И журнал получился. Есть ещё один журнал – “Современная поэзия”, где я являюсь ответственным секретарём. Этот журнал вырос из желания через интернет находить новых интересных людей. Был в своё время застой в толстых журналах, приблизительно лет 7 тому назад, когда печатались одни и те же лица, никаких новых открытий, ничего современного не появлялось. Тогда стали бурно развиваться литературные интернет-сайты, на которых появлялись либо графоманы, либо люди, которые несколько себя недооценивали (таких было немного). И потом, вспомним 90-е годы, когда некоторые бросали писать стихи и окунались в бизнес, чтобы прокормить свои семьи. С появлением этих сайтов они стали размещать свои старые стихи и, видя отклики читателей, стали писать новые и даже выпускать книжки. На нынешний фестиваль сюда приехали несколько таких поэтов, и я этому безмерно рад. Александр Кабанов, Андрей Баранов, Александр Аношкин, Алексей Астудин. Это те люди, у которых было литературное прошлое и которые через интернет снова, ярко заявив о себе, пришли в литературу».

Следует отметить, что, несмотря ни на что, свободный волошинский дух оказывает своё воздействие на всё киммерийское побережье. Литературные традиции не угасают здесь и сегодня и оказывают воздействие на всех, хотя попытки ущемить этот неистребимый дух интеллектуальной вольницы и творческой раскрепощённости предпринимаются и ныне современными

кандидатами в геростраты. И в пику им в Коктебеле, как нигде, много литературных и арт-кафе.

В одном из них, в кафе «Богема», состоялась презентация Кемеровского альманаха «Голоса Сибири», честь открытия которой была предоставлена мне, одному из членов редколлегии «ГС» и автору этих строк.

Честно говоря, я волновалась, так как публика здесь была своя, тёртая в поэтических схватках, молодая и дерзкая, можно сказать, на грани скандала, имеющая свои пристрастия и своих кумиров.

Ириша всячески меня подбадривала, хотя, как потом выяснилось, сдерживала нервную дрожь. Своё выступление я начала с чтения стихотворения Александра Кабанова:

*Жил да был человек настоящий,
Если хочешь, о нём напиши:
Он бродил с головнёю горящей,
Спотыкаясь в потёмках души.
.....
Будет биться на счастье посуда,
И на полках дремать Геродот,
Даже родина будет, покуда –
Человек с головнёю бредёт.*

Этот образ современного Диогена, бредущего днём с огнём в поисках человека, послужил поводом для сравнения, когда я стала рассказывать о тех, кто печатается в альманахе «Голоса Сибири»...

Альманах-мост

Культурный диалог, развёрнутый на страницах «ГС», дал возможность попытке представить литературные процессы, происходящие на обширном русскоговорящем пространстве.

Через «ГС» я, живущая в Молдове, получила возможность завязать контакты и со Светланой Василенко, и со Светланой Анянцовой, замечательным лингвистом из Казахской АН, укрепились литературные связи с Бухарестом, и столько нового было узнано о Сибири, её истории и литературных традициях.

Председатель Омского отделения СРП Александр Лейфер с теплотой говорил о своих сибирских коллегах:

– Когда в Кемерово организовалась ячейка СРП, его руководство в лице Светланы Василенко проявило в этом большое участие. Так появились «Голоса Сибири». Когда все начиналось, мы даже не представляли себе, что там будет и Казахстан, и Молдавия, и Румыния, и Польша. В нынешние времена, на мой взгляд, необходимы издания, служащие объединяющим звеном в диалоге культур.

После презентации у меня состоялась беседа с Юрием Кублановским, известнейшим поэтом, лауреатом Пушкинской премии и премии А. Солженицына, который возглавил жюри Волошинской премии в номинации «Берега Тавриды» (за раскрытие крымской темы в современной поэзии).

«Пока есть мы, фестивалю быть...»

Его также заинтересовал альманах «Голоса Сибири» и одна из последних работ, опубликованных в Сибири – перевод с польского на русский язык книги «Сибирское лихолетье» польского революционера и литератора XIX века Шимона Токажевского. Мы говорили о фестивале, о Коктебеле, о поэзии в целом. Для Ю. Кублановского, как и для любого подлинного поэта, Волошинские места значат очень много.

«Эта встреча, – сказал он, – повод ещё раз побывать в Крыму, именно в том месте, которое связано, во-первых, с русской культурой, с Серебряным веком, во-вторых – с моей молодостью. Я много десятилетий время от времени бываю в Коктебеле и стараюсь держать руку на пульсе этого места. Я очень остро переживаю, что Коктебель становится менее аристократичным в хорошем культурном смысле этого слова и превращается в место развлекательной тусовки. Коктебель утрачивает тот замысел, который вкладывал в него Волошин и его многочисленные гости, неотрывно связанные с культурой и литературой, да и мы все, кто бывал здесь в советское время. Это было место, которое связывало нас с дореволюционной Россией, какой она была до катастрофы. А сейчас это всё превратилось в масс-культуру, шоу-бизнес. Возникают новые развлекательные инфраструктуры, этим самым

портя ландшафт. Волошинский фестиваль – маленький культурный очажок в океане потребительской дикости. Пока существуем мы, кто им дорожит, фестиваль будет существовать. Я и мои коллеги готовы всегда сюда приезжать и поддерживать дирекцию музея и вообще это культурное начинание в целом».

Быть в Коктебеле и не совершить морской прогулки вдоль Кара-Дага – древнего потухшего вулкана? Этого я не могла себе позволить. И вместе с моей помощницей Ириной, добросовестно фиксировавшей всю программу фестиваля, на небольшой яхте под гордым названием «Цезарь» мы отправились в маленькое путешествие по необыкновенной красоте бухтам и лагунам этой части акватории Чёрного моря. И вновь обращаюсь к К. Паустовскому: «... В сотый раз я пожалел, что не родился художником. Надо было в красках передать эту геологическую поэму. В тысячный раз я почувствовал вялость человеческой речи».

И ещё понятнее стало, почему Коктебель так глубоко вошёл в душу Максимилиана Волошина – выдающегося поэта и переводчика, тонкого художника, блестящего мыслителя, оригинального критика и философа, гениального жизнестроителя и творца.

Коктебель стал истинной родиной его духа. Не одно поколение поэтов говорило о влиянии Волошина на их становление. Отныне и Волошинской премии и Волошинскому фестивалю быть и утверждать бессмертие того, чему имя поэзия и свобода творчества.

Яна Дубинянская¹ В ПРОВИНЦИИ У МОРЯ



Мне нравится, – шепнула Мила. Так, чтобы слышал один Игорь.

Но весёлый дедок тоже услышал и, конечно, взял на заметку.

– А тут лоджия, – объявил он, распахивая дверь, затянутую москитной сеткой. – В новых домах таких не бывает. Вот раньше умели строить, чтоб людям жилось!

Лоджия, местами застеклённая, а там, где стёкол не было, закопаченная рамками с сеткой, выпирала из стены дома по меньшей мере на два с половиной метра. Игорь поковырял пальцем

извилистую трещину в штукатурке как раз у основания несущей конструкции.

Зато прямо в стекло стучалась ветка инжира с разлапистыми листьями и смешными зелёными инжиринками. Чуть дальше богатырскими торсами тянулись вверх два близнеца-кипариса, а сразу же за ними, – во всяком случае, так казалось, поскольку местность тут резко уходила вниз, – ярко и близко синело море.

Мила уже высунулась из распахнутых створок: с одной стороны стекло, с другой — москитная сетка. Надо будет всё застеклить, сделал мысленную зарубку Игорь. Больше всего ему, конечно, не нравилась трещина в стене... Впрочем, старый фонд весь в полуаварийном состоянии, а квартира в новостройке им не по карману. Подошёл к Миле, едва протиснувшись мимо огромной, на всю площадь лоджии, кровати. Обнял за плечи.

Мила смотрела как замороженная. Она впервые в жизни видела море.

– Дом крепкий, – заверил дедок, от которого не укрылись сомнения Игоря насчёт трещины. – Раньше умели строить. Только лучше вам тут столик поставить, или детскую кроватку, на свежем воздухе дитё здоровее будет. А этот... аэродром в комнату занесите, а то неровен час, всё-таки третий этаж... Физику знаете? – Игорь удивлённо обернулся и попал на ехидную пошловатую улыбочку. – Резонанс!

Дедок довольно захихикал.

Из глубины единственной, но просторной комнаты послышался детский плач. Мила бросилась туда, задев плечом за шершавый край рамы. На желтоватой коже прочертился белый розовеющий след.

– Вот в таком разрезе, – серьёзно, по-деловому сказал Игорю дедок. – Телефон завтра заработает, это я специально прошу на станции отключать, чтоб курортники не звонили. Газу ещё полбаллона есть, потом закажете, привезут. Вода с шести до восьми утром и вечером три часа, дают регулярно, не жалуюсь. Шестьдесят.

– Вы же говорили – полсотни, – вяло возмутился Игорь.

– С видом на море? С телефоном?! – дедок возмутился куда натуральнее. – Да ты знаешь, сколько я за неё в сезон беру? В сутки?! А тут за целый месяц... пятьдесят пять.

– Хорошо, – вздохнул Игорь.

– Дешевле нигде не найдёшь, – успокоил дедок. – И то, считай, сдаю себе в убыток, за лето я тут намного больше имею. Жалко только, что осень-зиму хата пустая стоит. Сейчас как раз начало сезона, ни за что бы не сдал по дешёвке!.. но вы же, я понял, не отдыхать приехали, вы жить...

– Мы – жить! – радостно подтвердила Мила.

Она смеялась в дверном проеме, и сонная Дашка смеялась у неё на руках.

* * *

– И ты здесь вырос?!

В узких щёлочках Милиных глаз прыгало восхищение. Там, где выросла она, кипарисы и магнолии имели такое же отношение к реальности, как привидения и летающие тарелки.

Коляска подпрыгнула на камне; Игорь взял чуть назад. Пахло можжевельником.

– Не здесь. В глухом-преглухом посёлке в пятнадцати километрах от побережья, вон там, за горами. Я же тебе рассказывал. Летом сушь, зимой слякоть. Чтобы добраться до города – до школы, потом до редакции, – приходилось вставать в полпятого... И вода в артезианской скважине. Кстати, ты воды набрала? Когда мы вернёмся, уже отключат.

– Набрала. В кастрюлю и в тазик. Ну, пятнадцать километров – это не так уж и далеко... А у нас теперь море прямо под окнами!!! Не верится даже.

Они шли уже минут двадцать, виляя по серпантину то в одну, то в другую сторону, и спустились в общей сложности метров на десять вниз по склону. Впрочем, сегодня они никуда не торопились, а лучшую прогулку (с одной стороны от грунтовой дороги причудливое переплетение стволов, ветвей и корней южного леса, с другой – сверкающая чаша моря под обрывом) трудно было себе представить. Особенно если не думать, как потом подниматься наверх.

– Да, летом тут хорошо, – согласился он. – Самый здоровый климат для человека. Правда, зимой начнутся ветра...

– Зимой?

– Представь себе, здесь бывает зима. И отопление, забыл спросить у деда, наверняка отключают.

Мила только презрительно фыркнула. Там, где она родилась, зима была девять месяцев в году. И на улицах экскаваторы прорывали в снегу целые лабиринты открытых тоннелей со стенками в человеческий рост.

Гладкая чёрная шапка Милиных волос ярким бликом сверкала на солнце. Игорь тронул её ладонью: горячо.

– Держись в тени, кому говорю! Заработаешь ещё солнечный удар... Завтра купим тебе шляпу. Соломенную. Будешь похожа на китаянку.

Мила засмеялась, и её глаза совсем исчезли, остались длинные чёрточки, топорщась ресницами. А у Дашки глаза получились большие, широкие, только слегка раскосые и такие же жгуче-чёрные, как у мамы. Сейчас они тоже показывали одни ресницы – спокойными сонными полумесяцами. Игорь поправил верх коляски, ловя убегающую тень.

– Долго ещё? – спросила Мила.

– Сейчас придём, – он сощурился, высматривая дорогу. – Наверняка есть более короткий путь, потом разведем, будете без меня ходить... Только сначала научу тебя плавать.

– Меня?!!

Там, где Мила прожила до семнадцати лет, был океан. Примерно два месяца в году не покрытый коркой льда.

За следующим серпантинным поворотом дорога вдруг стала асфальтовой. Коляска поехала веселее, Игорь прибавил шаг. Угловатая тень от горного склона укорачивалась на глазах, становилось всё жарче. Дорога снова повернула, и асфальт кончился. К морю, уже по-настоящему близкому, под крутым углом спускалось с десятков-другой метров каменной мешанины.

Игорь обернулся к жене:

– Вот так всегда.

– Ничего, – Мила улыбнулась. – Ты сходи окунись, мы подождём. Отдохнём и пойдём обратно, пока не очень жарко. А в следующий раз возьмём Дашку в кенгурушник... Я хотела тебя спросить: почему тут деревья облезают? Болеют?

– Какие деревья?

– Вон.

Он рассмеялся. Привлёк её к себе, взлохматил жёсткие волосы:

– Чукча ты моя. Не облезает, а сбрасывают кору. И называются – бесстыдница.

* * *

Выбираясь из моря по скользким камням, он облизнул солёные губы, по-собачьи вытряхнул воду из ушей и на мгновение проникся: это – счастье.

Но у Милы в конце асфальтовой дороги-никуда был такой жалкий полурасплавленный вид, что ощущение мгновенно улетучилось. Каким надо было быть идиотом, чтобы в первый же день тащить её на солнце – без шляпы?!..

Она улыбнулась:

– Возвращаемся? Припекает уже...

Игорь взялся за коляску. Ручка успела основательно нагреться.

Вверху показался из-за поворота мужчина – пожилой, немного грузный. В одних семейных трусах и с полотенцем через плечо.

– Смотри, как похож на артиста! – зашептала Мила. – Ну, на того, знаменитого... забыла фамилию... комика...

– Савелий Яценко, – подсказал Игорь. Помахал рукой: – Савелий Лаврентьевич! Дядя Сава!

– Это что, он?! И ты его знаешь?!..

Запнулась: артист подошёл уже близко, мог услышать. Но глаза распахнула так, что ещё немного – и они перестали бы быть щёлочками.

– Привет, Игорёха! К нам в отпуск?

– Здравствуйте. Да нет, как бы насовсем. Воронов давно к себе зовёт, ну, я и... Вот, привёз семью...

– Женился? Да ну?! Красавица, шамаханская царица! А там у нас кто? – Яценко сунулся в коляску чуть ли не с головой, седой и буйной, и, вынырнув, провозгласил громовым шёпотом: – Спит! Однако ты герой, Игорёк. Чтобы вот так просто взять, да из столицы...

– Вот так, – сказал Игорь. – А вы до сих пор купаетесь круглый год?

Актёр замахал руками, словно разгонял мошек:

– Какое там!.. только с апреля по ноябрь. Старый уже... Ну, ты того, заходи, если что.

– До свидания, – пионерски звонко сказала Мила.

Савелий Яценко браво запрыгал по прибрежным камням, полотенце отбивало марш на его загорелой спине. Через пару метров обернулся и, указав протянутой рукой куда-то вбок, провозгласил:

– Если по асфальту не сворачивая – выйдешь на остановку. Маршрутку пустили!

– Спасибо! – с искренней благодарностью заорал Игорь.

Существование маршрутки снова убедило его в том, что жизнь налаживается. Они зашагали в указанном направлении. Мила то и дело оглядывалась; седая голова актёра уже мелькала среди волн далеко от берега.

– Он здесь живёт, – пояснил Игорь. – Когда съёмки нет. С тех пор, как вышел на пенсию у себя в театре... давно уже. Любит эти места.

– Вот видишь.

– Так у него же особняк! Десять комнат, автономные коммуникации, и вообще... И потом, он то и дело катается в столицу. Съёмки, фестивали, презентации... короче, это совсем другое.

– А сколько ему лет?

– Ну...

– Вот видишь.

Мила взялась за край ручки коляски и обняла Игоря за пояс. Он отстранился: жарко.

Дашка проснулась и серьёзно разглядывала из коляски небо с незнакомыми деревьями и птицами.

* * *

– Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря... Как сказал поэт.

– Какой поэт?

– Не помню... кажется, Пушкин.

– Сам ты Пушкин. Это кто-то из диссидентов.

Чёрное море сливалось с чёрным небом, чуть-чуть отсвечивая серебристым на линии горизонта. Её заслоняли ещё более чёрные

силуэты двух кипарисов и разлапистой инжировой ветки. В воздухе стояло тоненькое пение mosкитов, которые, видимо, с лёгкостью просачивались сквозь сетку – или просто жили тут, в квартире, всегда.

Огромная кровать оказалась мягкой и очень удобной. Однако, вопреки совету весёлого деда, категорически не проходила в проём балконной двери.

– Но мы-то родились не в империи, – сказала Мила. – Мы живём в демократическом государстве.

– В демократическом государстве люди могут целоваться, когда и где им хочется.

– Игорь!.. Мы же с тобой не...

Почувствовал плечом, как её щека стала чуть горячее. Притянул жену к себе; она, конечно, вывернулась, отстранилась.

– ...и потом, там же правда гуляли дети! Теперь-то, когда у нас Дашка, я понимаю...

– Ты и тогда всё понимала. Все понимали! Это был повод, причём настолько тупой, что в любой нормальной стране...

– Не начинай.

– Не буду.

Пару минут лежали молча. Mosкит щекотнул щеку; Игорь попытался его прихлопнуть и, кажется, попал.

– Завтра пойдёшь к Воронову? – спросила Мила.

– Да, завтра... Сегодня созванивались, он ждёт. Чёрт, жаль, нет телевизора... Надо было хоть из вежливости посмотреть выпуск этих его новостей. Воронов – и телевидение! Смешно даже.

– Не смейся над шефом, – она помолчала. – Игорь? А он не... он точно тебя возьмёт?

– Куда он денется. Я один могу сделать ему нормальную программу, и он это знает.

– А...

– Это его не волнует. Слишком далеко... Тут ведь что – глухая провинция. У моря...

– Давай спать.

– Давай.

* * *

Три бабушки, торговавшие на микроскопическом рынке клубникой, черешней, абрикосами, зеленью, овощами и даже ранними дынями, уже узнавали Милу в лицо, но принимали за отдыхающую. Через месяц-другой они удивятся: надолго приехала! К осени, пожалуй, догадуются... Признаться самой Миле не хотелось: так гораздо интереснее.

То, что, признавшись, она сразу превратится из богатой и праздной чужачки в свою, местную, и сможет покупать у бабушек всё чуть ли не вдвое дешевле, не приходило ей в голову. Тут и так всё было потрясающе дёшево. Хоть уже и начался сезон.

Она подкатила к подъезду коляску, похожую на голландский натюрморт, из пышности которого удивлённо выглядывала Дашка. Подниматься на третий этаж приходилось в три этапа: ребёнок, покупки, коляска.

– Да! – раздавалось из-за двери. – Диктофон взять... Уже!..

Игорь был дома! Мила не знала, радоваться этому или тревожиться. Получалось – радоваться. Она вставила ключ в скважину, и дверь открылась сразу, от одного этого движения.

– Игорь!

– Привет, – муж стоял в прихожей и как раз опустил телефонную трубку. – Ты с базара? Сейчас коляску занесу.

Обогнув жену – мимолётное объятие и чмок в Дашкину щеку, – он побежал вниз по лестнице. Мила на ходу сбросила босоножки, посадила дочку в кроватку и кинулась на кухню. Суп и жаркое – только разогреть. А если у Игоря найдётся хотя бы минут десять, можно организовать потрясающий салат...

На салаты из свежих овощей Мила подседала, как на наркотик. Там, где она выросла, овощи не мыслились отдельно от маринада.

Из прихожей донеслись тяжёлые шаги и победный выдох, с которым Игорь обрушил на колеса грузеную коляску: он-то запросто справлялся с ней в один этап. А затем – запыхавшийся голос:

– Разберёшь сама, хорошо? Я побежал.

– Игорь!..

Мила метнулась к двери:

– Ты же не обедал! Я уже всё разогрела, садись поешь!

– Не могу, Палыч с Максом внизу. Я только за диктофоном заскочил. Съёмка перед самым эфиром, придётся в машине расшифровывать... Симона Петровна опять заболела, так что я сегодня мотаюсь по всему побережью. И ещё дежурю на записи. Буду чёрт-те когда, ты вместе с Дашкой ложись, не жди.

– Игорь...

Его уже не было – только гулкий пересчёт ступенек, через одну, а то и через две. Ещё снизу просигналила машина: два коротких бибиканья и два длинных. Убить мало этих Палыча с Максом. Хотя за что?.. у них такая работа. С кухни потянуло вкусным запахом, громко забулькало жаркое. Мила вздохнула.

Дашка покакала и объявила об этом обиженным контральто. Мила пошла ставить на газ воду из тазика. Воды, как всегда, оставалось в обрез... давно ведь решила, что надо набирать две кастрюли. И опять забыла.

* * *

– Кружок авиамоделлистов, – поморщился Макс-Камерамен. – Розы в ботсаду... Новая премия Ященко... Слушай, ну сколько можно?.. У меня его до фи́га, возьми в архиве. Симона всегда так делает.

– Поехали, – усмехнулся Игорь.

– Тебе хорошо, ты тут без году неделя... Посмотрю, как ты захочешь снимать дядю Саву в сорок седьмой раз. И розы. И детишек с модельками. И... тьфу!.. открытие курортного сезона. И разгар. И закрытие. И подготовку к нему же.

– Почему ж ты не уедешь?

Кличку «Камерамен» Макс, похоже, придумал себе сам. Такой камеры, как у него, Игорь не видел ни разу в жизни, – и, честно говоря, не думал, что такие ещё где-то сохранились. Но здесь она была последним словом техники, а сам Макс – единственным «камераменом» на побережье.

– Смеёшься? В столице же всё по благу, а я самоучка, без диплома...

– Вот и поступал бы на операторское.

– Говорю же, там всё по благу! Я уеду. Только не сейчас, а когда мне будет что показать, кроме этих долбанных сезонов...

Все остальные сотрудники плавно переключались в новости из газеты, которую Воронов редактировал лет двадцать, пока в мэрии не решили, что городу с населением в пятнадцать тысяч человек необходима телекомпания. Сотрудников было в общей сложности пятеро: сам Воронов – ныне местная телезвезда, Макс, водитель Палыч, бухгалтерша Марья Алексевна. Журналистка имела одна, Симона Петровна, дама почтенных лет и слабого здоровья. Впрочем, говорили, что до прибытия Игоря она иногда выезжала на съёмки.

Игорь помнил ещё одного журналиста, Семена Измайловича. Но оказалось, он умер полгода назад.

Сделать с этой командой нормальные новости было невозможно. А Воронов хотел не просто нормальные новости: его сокровенной мечтой был «Костыль-на-бублике» в номинации «Региональная программа года». Впрочем, не настолько сокровенной, чтоб не озадачить ею нового журналиста уже на собеседовании. Тогда Игорь легкомысленно посчитал это шуткой; однако шеф регулярно напоминал ему о сверхзадаче. На полном серьёзе.

А почему бы и нет? — с весёлой злобой думал Игорь, глядя, как за окном «жигуля» калейдоскопно мелькают то скалы, то море: Палыч гасал по серпантину с лихостью гонщика-самоубийцы. В конце концов, ты работал в самих «Горячих вестях», и не сказать, чтоб тебя там совсем не ценили. Взять да и сделать конфетку из дерьма.

Хотя почему – из дерьма? Здесь же действительно хорошо. Тепло. Красиво. Очень красиво и пока тепло...

* * *

– ...действительно чукча?! Не может быть!

– Ты бы видела, Симоночка, как она, эта узкоглазая... С возвращением, Игорь Николаевич! Говорят, вы домой заезжали? Неужели малютка заболела?

– Отснялся? – коллега по цеху, в отличие от бухгалтерши, не считала нужным умильно улыбаться и говорить Игорю «вы». – Между прочим, двадцать минут до эфира.

– Я в курсе, – кратко ответил он. – У меня уже готов текст, только начитать и смонтироваться. Сейчас Максим поднимется, и...

– Давай сюда, начитаю. Тебя Сам искал.

Симона Петровна протянула руку жестом статс-дамы, которой представляют на балу кадета. Вот только целовать её не хотелось – скорее укусить. Вместо этого Игорь вложил в пухлые пальцы черновик текста, искренне жалея о своём разборчивом почерке. Опять получит гонорар, не отрывая задницы от стула, старая стерва.

С улицы, потрясая штативом, ворвался Камерамен; журналистка величественно поднялась и проследовала в монтажку, покачивая упомянутой задницей.

– Сам не в духе, – интимно предупредила Марь-Севна.

– Знаю, – бросил Игорь.

Он действительно знал – с тех пор как звонил на студию из дому. Воронов был не в духе уже тогда. А ближе к эфиру его настроение обычно не поднималось, чтоб не сказать наоборот.

– Что там у тебя? – не оборачиваясь, бросил он.

– Всё нормально, Михаил Степанович, как и планировали. С выставки моделей живой такой сюжетец получился, с детскими блицами. Розы – тут уж Макс постарался, видео очень красивое. Симона Петровна сейчас доделывает. Яценко будет на вечерний выпуск, никак не успевали заехать. Зато эксклюзив, в домашней обстановке...

– Ты хочешь, чтобы я с этим вышел в эфир?

Вороновская спина казалась спокойной. Голос тоже. Казался. Начинается, тоскливо подумал Игорь.

– По-твоему, это новости? Ты считаешь, человек, который включает телевизор узнать, что делается в мире, станет смотреть про игрушечные самолётики? Да он переключит канал на десятой секунде, если не на второй! Молчи, я знаю, что ты скажешь!.. Что здесь ничего не происходит. А ты ищи! На то ты и журналист! Вот признайся: у тебя хватило бы совести явиться с этими розочками к редактору этих твоих... как их... «Горячих вестей»? Хватило бы, а?!.. да неужели! Тогда понятно, почему тебя оттуда погнали. А у меня здесь не богадельня...

На слове «почему» Воронов на мгновение обернулся, взглянул Игорю в лицо. Они друг друга поняли.

– После эфира зайдёшь, – сказал шеф, понемногу успокаиваясь; отпил воды из стакана, полоснул горло. – Подумаем о нормальном контенте, с которым можно будет претендовать на «Региональную программу». У тебя испытательный срок до конца года, мы ведь так договаривались?..

Договаривались они совсем по-другому.

Но это, конечно, не имело ни малейшего значения.

* * *

Вечер был такой тихий, что сюда, на тропинку, доносился снизу шелест моря. А звёзды светили совсем близко, чётко складываясь в созвездия, как в астрономическом атласе. Млечный Путь туда-сюда пересекали стремительные летучие мыши.

– Ничего он тебе не сделает, – сказала Мила. – У него просто мандраж перед эфиром, боязнь камеры, ты же сам рассказывал. А на тёток вообще не обращай внимания, пусть себе интригуют и сплетничают. У них такая жизнь... безрадостная.

Игорь усмехнулся. Придерживая спинку кенгурушника, поудобнее прижал к себе спящую Дашку:

– А у нас?

– Что?

– У нас с тобой какая жизнь?

Мила тихонько рассмеялась. Как будто он удачно и по-доброму над ней подшутил.

Они как раз дошли до асфальтового отрезка дорожки. Прогуляться до конца, и пора поворачивать назад. Поздно уже.

Хорошо всё-таки придумала Мила – гулять перед сном. Последнее время, вернувшись домой после записи утреннего выпуска, он категорически не мог заснуть, ворочался на балконной кровати до тех пор, как этот выпуск шёл в эфир. Сосед со второго этажа, уважая местные новости, обычно врубал ящик на полную громкость.

Но после вечерних прогулок Игорь погружался в сон, будто в морскую глубину, не слыша ни телевизора соседа, ни ночного Дашкиного плача, ни собственных мыслей... безрадостных. Как жизнь Симоны и Марь-Севны.

Он улыбнулся.

– Что это? – вдруг спросила Мила.

– Где?

– Смотри.

Её рука указывала на море. Игорь присмотрелся – и сначала ничего не увидел, сощурился поверх Дашкиной головы, шагнул в направлении ступенчатого обрыва... Этого не могло быть. Показалось. Продолжало казаться...

Там, где молодой месяц дробил тёмное море серебристой дорожкой, вода зыбко вспучилась и заволновалась, забурлила, закручиваясь воронкой. Далеко, почти у самого горизонта. А потому эта воронка, кажущаяся отсюда... да нет, не слишком маленькой... на самом деле была гигантской. Она росла на глазах, расходясь по спирали, и это движение зачаровывало, прищипывало к месту...

– Что это? – уже с тревогой повторила Мила.

Игорь вышел из ступора, но ещё мгновение простоял на месте, лихорадочно принимая решение. Через десяток секунд, не больше, волна ударит в берег, огромная волна!.. неважно, откуда она здесь взялась. Уже не убежать – разве что до следующего витка серпантина, но там грунтовая дорога, камни, это хуже, надо отжаться на асфальте. Они довольно высоко... достаточно высоко... не достанет, не должно достать!..

Мила так ничего и не поняла. Там, где прошло её детство, малышшей пугали снежными буранами, которые поднимают людей в воздух и заносят по крыши трёхэтажные дома.

Игорь рванул её за руку, протащил несколько шагов, повалил на асфальт у самой кромки леса и, подмяв под себя рядом с Дашкой, намертво вцепился в облезающие нижние ветви дерева по имени бесстыдница...

Ничего не даст, успел подумать он. Вырвет с корнем и унесёт... вместе с нами...

На них обрушился водопад.

* * *

Волна разбилась гораздо ниже по склону, сообразил он потом. Им достались только брызги.

У него на груди разрывалась криком Дашка. Игорь сбросил ремни кенгурушки, положил на землю, расстегнул молнию, ощупал дочку дрожащими пальцами. Кажется, ничего не сломала. И не захлебнулась. Только промокла насквозь...

Мила поднялась на колени, вода руками, как слепая; мокрые волосы залепили всё её лицо. Будто утопленница. Без глаз.

И ему наконец стало страшно.

– Идём, – хрипло сказала Мила; встала, резким движением отбросила волосы. – Дашка простудится... в сухое... идём.

* * *

Улица была запружена людьми, мечущимися и перепуганными, полуголыми, растрёпанными, с детьми на руках, в обнимку с кошками и телевизорами. Асфальт сплошным ковром покрывали обломанные ветки кипарисов и инжира вперемешку с давлеными персиками, алычой и штукатуркой. В одном месте дорогу преграждала баррикада из чьей-то рухнувшей изгороди. Игорь попробовал ногой большой камень; тот шатался, но выдержал его тяжесть. Перелез на ту сторону, подал руку Миле.

Воздух гудел на одной истерической ноте: цунами, землетрясение, бомба, война, летающая тарелка... Где-то обрушился дом, кого-то задавило, кого-то смыло в море, – а набережная, а корпуса санаториев?!.. Никто ничего не знал. Мокрая Дашка плакала, не переставая.

– Быстрее, – шептала Мила.

Игорь завернул за угол. И первое, что увидел, была огромная кровать под стеной дома. Целая. Со слегка сбившимся набок пледом. Среди нагромождения обломков рам с драной москитной сеткой, кирпичей и цементного крошева бывших балконов со всех трёх этажей.

Мила посмотрела вверх. Игорь тоже.

– Я поднимусь, – проговорил он, передавая жене Дашку вместе с кенгурушником. – Вынесу что-нибудь тёплое... А вы побудьте здесь, хорошо? Не бойся. Старый фонд крепкий, раньше умели строить, – выдавил кривую улыбку, вспомнив хозяина-дедка. – На пока плед, укройтесь.

Внутри дом выглядел прилично, насколько можно было судить в полнейшей темноте: электричество, естественно, вырубилось. На

ступеньках белели куски извёстки, но сами лестничные проёмы вроде бы держались – а ведь это, припомнил Игорь, самый уязвимый элемент архитектуры... не считая, конечно, балконов. Поднялся на третий этаж, отпер дверь и вошёл в квартиру.

В прихожей на холодильнике он нащупал фонарик, заготовленный для тех нередких вечеров, когда отключали свет. Шагнул в комнату, обвёл комнату бледно-жёлтым кружочком. Штора, завернувшаяся от сквозняка... детская кровать... балконная дверь на одной петле... шкаф... стол... разбитая чашка... Но стены и потолок без трещин, только осыпалась кое-где побелка. Может, Миле с Дашкой всё-таки подняться?..

И вдруг зазвонил телефон.

Игорь даже не успел удивиться. Автоматически поднял трубку:

– Алло?

– Игорёха! – возбуждённо заорал ему в ухо Макс-Камерамен. – Я снял!!! Я снял, представляешь?! Гони на студию, пешком придётся, Палыч в ауте. Но ты ж недалеко живёшь... Беги! Уже!..

– Ты сдурел? – медленно спросил Игорь. – У меня балкон рухнул. У меня жена и дочка...

– Живы?

– Конечно, живы. Но...

– Ну так беги! Ты вообще журналист или кто?.. Жду!!!

Игорь усмехнулся. Повесил трубку и полез в шкаф за тёплыми вещами.

* * *

– А Сам в курсе?

– Я ему звонил, – Макс заряжал кассету в плеер точными осторожными движениями, будто устанавливал мину. – На линии обрыв, и мобила тоже вне зоны. Но он придет.

– С чего ты так решил?

– А ты представь себе: утро, народ валит к телевизорам узнать, что, собственно, случилось, – а мы пускаем наш вчерашний выпуск: в Багдаде всё спокойно, Савелий Лаврентьич новую премию получили. Беседа у камина. Эксклюзив, тьфу! Как, по-твоему, мы будем выглядеть?

– Никак не будем. Электричества нет, наверное, во всём городе.

– А у кого аккумуляторы? Сейчас многие себе позапустили, кто при бабле. У того же дяди Савы, сам же вчера видел, вообще автономная система...

– Уговорил, – усмехнулся Игорь. – Поехали.

Максово видео оказалось лучшего качества, чем ожидал Игорь, принимая во внимание ночь и допотопную камеру. В этом даже что-то было: из полной темноты – гигантская поблёскивающая воронка... спираль... гребень волны... Весь кадр занимал меньше семи секунд, и при монтаже они несколько раз повторили его в рапиде.

Впрочем, Макс отснял целую кассету последствий стихии: переломанные деревья, поехавшие здания, огромную лужу-озеро посреди голой набережной... И людей, испуганных, выдвигающих в микрофон безумные версии случившегося. Вот молодчина Макс, даже блицов набрал. Ему бы в столицу.

Игорь сказал это вслух, и лицо Камерамена вспыхнуло, засветилось красной лампочкой работающей камеры. Теперь – да. Он попробует. Ему есть, что показать.

Они как раз закончили монтироваться, когда на студию ворвался Воронов. Возбуждённый, какой-то даже праздничный. Его правая рука то и дело непроизвольно вскидывалась, сжимаясь в кулак, и Игорь усмехнулся, мысленно дорисовав к ней «Костыль-на-бублике». Однозначно.

– Ты ментам звонил? – набросился на него шеф. – А спасателям? А в скорую? Что они говорят?!

– Пока без комментариев, Михаил Степанович. Трусят, да и правда ни черта не знают. Но к дневному выпуску, думаю, уже будут какие-нибудь данные, цифры...

– Данные-цифры, – беззлобно передразнил Воронов. – Ладно. Молодцы, ребята. Пошли писать эфир, Макс, по-быстрому!

По нему даже не было заметно обычного передкамерного мандража.

Макс взвалил на плечо свой единственный штатив и направился вслед за шефом. По дороге обернулся через плечо и взглянул на Игоря. В его глазах яркими искрами прыгала какая-то новая идея.

* * *

– Очень просто, – горячо втолковывал Макс. – Любой видеоинженер! Я всё сам сделаю, ему останется только принять сигнал и пустить в эфир...

– Смеёшься, – сказал Игорь. – Да его снимут с работы только за то, что он со мной разговаривал. Никому я не позвоню. Да и на черта оно тебе надо? Завтра твоё видео по-любому будут крутить по всем центральным каналам. И даже по заграничным, может быть...

– Ты серьёзно так думаешь?

Игорь усмехнулся:

– Да нет, шучу. Кому там нужны наши волны...

Камерамен вскочил, зашагал туда-сюда по тесной монтажке:

– Ты не понимаешь, Игорь. Или не хочешь понимать. Вот сейчас Сам повёз наш выпуск на утверждение в мэрию... Ты уверен, что они его утвердят?

– Если завернут, доработаем. До утра время ещё есть.

– Если завернут! А если придёт дядя в штатском и потребует мою кассету, тогда что?! А ведь запросто. Мы же не знаем, что это было...

– Как что? Стихийное бед...

Игорь осёкся. Действительно, сколько можно – не хотеть понимать.

Макс вынул и крепко прижал к груди обе кассеты, исходник и мастер, – точь-в-точь как он сам несколько часов назад прижимал к себе Дашку. И заговорил: сбивчиво, нелогично, истово, убедительно:

– Например, ядерные испытания – может такое быть? Вряд ли, всё-таки курортная зона, но может! Или наши доблестные военные не туда пульнули сверхмощной ракетой!.. Или какую-то гадость сбросили в море, а теперь она проржавела и рванула... Или даже НЛО! – а почему бы и нет?! – всё равно ведь засекретят, похерят, замнут для ясности...

– Что ты несёшь, Макс?.. Какое ещё, к чёрту, НЛО...

Он снова думал всё о том же. О тех четырнадцати последних месяцах в столице. Об истоптанных порогах телестудий и редакций.

О Миле с огромным животом и стойкой улыбкой. О стратегических размышлениях над мятой десяткой. О долгожданных и уничительных посылках с севера. И о друзьях, страшно занятых людях с извечно поломанными телефонами и недоступными мобилками...

До Вадика всегда получалось дозвониться. У Вадика всегда можно было перехватить денег до следующей посылки Милиных родителей. Больше он ничем помочь не мог – простой видеоинженер с «Горячих вестей». Который любит, кстати, свою работу... так какого черта?!

И ведь он не откажется.

* * *

– Вадим согласен, – Игорь повесил трубку. – Эфир через сорок минут. Готовь свою систему, Камерамен.

Макс опять зарядил кассету. Забарабанил пальцами по монтажному столу:

– Понимаешь, Игорёха... А если нас отрубят на второй же секунде? И всё псу под хвост. А ведь запросто.

Игорь хмыкнул:

– Разумеется, отрубят. Я вообще не понимаю, на что ты надеешься. Какого черта мы подставляем сами и подставляем Вадика?

– В том то и дело, – Макс облокотился на стол, стиснул виски. – Мы с тобой никто. Я оператор-самоучка из провинции, ты вообще... Сам – тот ни в жизнь на это не пойдёт, да и он тоже не та фигура. Надо, чтобы в эфир вышел человек, которому они не решатся так просто заткнуть глотку! А пока сориентируются, о чём он, будет уже поздно. Понимаешь?..

– Понимаю, – он кивнул. – Дядя Сава.

...В первый момент Игорю показалось, что в студию вломилась целая толпа могучих, громогласных, энергичных людей, – так его было много, этого человека. Гордость страны, всемирно известный комик Савелий Яценко мощным аллюром пронёсся через помещение, и было непонятно, каким образом вся мебель осталась на своих местах. Игорь встретил его в дверях монтажки.

– Здравствуйте, дядя Сава. Не передумали?

– Издеваешься?!

Актёр в запредельном гневе сдвинул на переносице седые брови; Игорь невольно улыбнулся. Яценко был в безупречном костюме, при галстукке с булавкой, аккуратно причёсан и свежесвыбрит. И как ему удалось – в такую-то ночь?

– Ваш дом очень пострадал, дядя Сава?

– Мой? Да нет, слава богу, не достало. Когда выбирал участок под строительство, так и говорил: повыше, повыше... Я, Игорёша, море люблю, да не доверяю. Меньше доверяешь – дольше живёшь, запомните, юноши. Всего в этой жизни касается.

– Садитесь в то кресло, Савелий Лаврентьевич, – Макс балансировался, держа перед камерой лист бумаги. – Сейчас кадр выставлю. Воронова я с этой точки беру, но вы крупнее, надо, наверное, чуть отъехать...

– Да... Когда я ещё молодой был... так, юноша? А то я и сам подвинуться могу... Так вот, у нас на киностудии шутка ходила: мол, Яценко только на широком экране показывать можно, в обычный не влезет...

Он балагурил, жестикулировал, смеялся; листок с Игоревым текстом подводки к сюжету просмотрел пару раз, а затем скомкал и выбросил, – мол, не хватало ещё, как тот генсек, по бумажке читать...

И постепенно, ключьями, словно кора со ствола бесстыдницы, с Игоря слезало напряжение. Начинало казаться, что нет ничего особенного в том, чтобы вот так взять да и выйти в прямой эфир «Горячих вестей». Просто нормальная журналистика... просто он отвык.

– Десять секунд до эфира, – звонко прошептал в наушниках голос Камерамена. – Девять... восемь...

Игорь с силой нажал на зелёную кнопку. По счёту «ноль», учил Макс, её надо отпустить.

* * *

Серел рассвет; асфальт, камни, трава и обломанные ветки инжира покрылись капельками росы. Их с Дашкой свитера – тоже. А несколько росинок угнездились прямо на детской щеке,

похожие на слёзы. Мила осторожно, боясь разбудить дочку, смахнула их. И плотнее завернулась в плед.

Ей было холодно. Она, привыкшая к пятидесятиградусным морозам, – мёрзла, отчаянно мёрзла.

Люди, ночевавшие, как и она, прямо на улице, начали постепенно расплзаться по домам, – будто бы утро уменьшило риск того, что рухнет стена или обвалится потолок. Впрочем, им, наверное, не привыкать. Игорь говорил, что старый фонд весь в аварийном состоянии.

Там, где Мила выросла и закончила школу, – в большом и благополучном городе с вузами, заводами и северной надбавкой к зарплате, – все до единого её одноклассники собирались, получив аттестат, сразу же уехать. На юг. В настоящую жизнь.

Она плакала.

Было можно. Игорь не видел.

* * *

– Йес! – тихо и удивленно сказал Макс.

Мы это сделали, подумал Игорь. Восторга и ликования у него тоже не получилось. Возможно, потому, что наступила реакция: непобедимая, неподъёмная усталость...

Ященко выбрался из-за стола, весьма довольный собой: и было чем гордиться, признал Игорь. Наконец-то дядя Сава сыграл серьёзную, драматическую роль... и как убедительно сыграл! Но теперь он притих, не актёрствовал, не рассказывал киношных историй и, кажется, думал только о том, как бы поскорее отбыть в свой особняк.

Игорь поднял трубку и набрал Вадика:

– Ну как там?

– Игорь? – в голосе видеоинженера слышалось что-то не правильное: то ли неуверенность, то ли вопрос. – Да вроде бы всё тихо. Не должны были засечь... А что у вас случилось? Почему сорвалось?

– Что?..

Макс-Камерамен потрясённо смотрел, как меняется выражение лица журналиста.

– Но как же?.. – выговорил он. – Я понимаю, если бы они пустили глушилку по ходу дела... Но чтоб вообще?!..

Савелий Ященко зачем-то задержался возле монтажного стола. Неторопливо обошёл аппаратуру с торца, плавным жестом поднял могучую руку. Каждое движение актёра было выверенным, точным, магнитом притягивая к себе внимание аудитории. Немногочисленной, усмехнулся Игорь. Он всё ещё не понимал...

Не хотел понимать.

– Вот так, – негромко сказал дядя Сава, вставляя в гнездо тонкий красный проводок. – Потом скажете мне спасибо, юноши. Когда повзрослеете... Забавно с вами было. Ну, заходите, если что.

Его шаги загрохотали по лестнице. Как будто по ней спускалась целая толпа.

* * *

Рыба жила на большой глубине – ниже была только необитаемая бездна, полная сероводорода. Рыба не знала, что в мире бывают рыболовные крючки, сети, люди и солнечный свет.

У неё был свой мир. Она умела в нём жить. Она хорошо знала, кого и чего бояться.

Этого – она не испугалась. Подплыла ближе, потому что на большой глубине не так уж много вещей, способных вызвать рыбе любопытство.

Почувствовала острую боль в жабрах.

Перевернулась кверху брюхом.

* * *

– Гребь, гребь! – радостно командовала Мила, стоя по пояс в воде.

Дашка плыла, сосредоточенно задрав подбородок и высунув от усердия язык.

– Сколько ей уже? – спросил Вадим.

– Через месяц два года, – похвастался Игорь.

– С ума сойти!

– Мы тебя тоже скоро женим, – пообещал дядя Сава. – Самые красивые девушки здесь, на юге!.. спокойно, Игорёша, не

считая крайнего севера. И вообще, красота у нас тут невысказанная... правда, Макс?

– Ага.

– Он знает, что говорит. Он Камерамен, что в переводе означает «мастер камеры»! Такие натурные съёмки сделал в мой последний сериал, что теперь все киностудии за нашего Максимку грызутся... Только он ведь никуда отсюда не уедет. Правда, Макс?

– Ага.

– Вот видишь. И тебя куда-нибудь пристроим, Вадик. Игорёха вон уже местная звезда, новости ведёт. У нас его каждая собака знает в морду лица! Зимой наверняка «Региональную программу года» получит...

– Это вряд ли, дядя Сава, – отозвался Игорь. – За что? У нас же тут ничего не происходит.

– Ничего плохого, он хочет сказать. И он прав. Здесь хорошо... Ведь как сказал поэт?

Савелий Лаврентьевич поднялся, подхватив с гальки полотенце, выпрямился, задрапировался, простёр руку в позе античной статуи...

Но Игорь его опередил:

– Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря...

– Кто это? — заинтересовался Камерамен.

– Не помню. Кто-то из диссидентов.

– Это Овидий! – обиженно провозгласил дядя Сава из древнеримской позы. – Сосланный, как тоже сказал поэт, в Молдавию, в глушу степей... то есть не совсем так...

Вадим смеялся от души. Постепенно забывались длинные месяцы без работы, без денег, без друзей с исправными телефонами... Хорошо, что не побоялся и всё-таки позвонил Игорю. А то ведь думал, что будет ещё хуже... ну и дурак. Здесь действительно хорошо...

– А главное – детям здоровье! – добавил дядя Сава, усаживаясь на полотенце. – Солнце, воздух, море чистейшее... Глади, как ножками бьёт! Вот молодец!

Дашка плыла, запрокинув к небу облупленную пуговку носа.

*Елена Соловьёва*¹
МАРТОВСКИЕ ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ
(все совпадения случайны, а персонажи вымышлены)



Может, кому-то эта история напомнит «Алые паруса». Я не знаю. Да, главными действующими силами здесь получились море и внятный зов судьбы. Но начиналось всё совсем не так мрачно, как у Грина: никакой нищеты и жестоких лавочников, обрекающих на голодную смерть жён рыбаков. Просто жил да был очень далеко от тёплых стран такой Саша Еремеев, и за четыре года до описываемых событий от него ушла жена. И ушла она не просто так, а к человеку редкой профессии. Что-то трескуе и дымное, связанное с фейерверками и спецэффектами в кино. Саша не вдавался.

Но с тех пор всегда испытывал странное беспокойство в те народные праздники, которые имели обыкновение заканчиваться салютом. Что-то оскорбительное лично для себя видел он в глазах разгорячённой толпы, сосущей пиво в ожидании фейерверка. «Будто без него и праздник не праздник», – думал Еремеев, с точки зрения которого зрелище это было едва ли привлекательнее дурацкого леденца на палочке. «Такой же дутый», – сплёвывал он с раздражением на асфальт, и, не доходя до площади, где обычно демонстрировали чудеса пиротехники, поворачивал назад, двигаясь против течения общего «обоза радости», щедро обросшего детьми, собаками, колясками и воздушными шарами. Но между тем, Еремеев внимательно вглядывался в лица сограждан, валом валивших навстречу, будто пытался у них найти ответ на вопрос, что ж такого увидела его жена в хлопушках и глазах своего дебилого пиротехника, и чего он, Еремеев, редактор скромного издательства при университете дать ей не смог?

«Всё-таки, здесь какой-то подлог», – в сотый раз решал он, наблюдая, как медленно пустеет город, по мере концентрации народа на Главной площади, где под сотнями каблуков стонет стекло битых бутылок, ансамбль Военного округа исполняет песни группы «Звери», а электронное табло на проходной завода-гиганта отсчитывает последние минуты до появления в темнеющем небе

огненных цветов. Обычно волны раскатистого «В-а-а-у» настигали Сашу где-нибудь на отдалённой улице, но он только ускорял шаг в том направлении, где город становился с каждым метром тише, нежнее, безлюднее, словом, именно таким, каким и нужно было ему, Еремееву. Он называл это состояние – «уйти поглубже», и даже подозревал в нём что-то не совсем здоровое. Но, руководствуясь именно им, свой очередной отпуск взял не летом, а в конце марта, чем очень порадовал сослуживцев, которые, между тем, не преминули обозвать Еремеева эстетом, сказав, что Коктебель, да ещё в марте, извращение по полной, и Египет, пожалуй, обойдётся дешевле. Саша же отвечал, что вот ему уже почти 34, а он никогда не видел мартовского моря.

* * *

А другую нашу героиню звали Асия, с ударением на последний слог. Дом её бабушки, наполовину караимки (почти исчезнувший крымский народ) стоял в Феодосии на вершине горы, с которой юный Ваня Айвазян любил рисовать корабли в заливе, крепостные башни консульской цитадели и общий вид города. Когда мальчик прославился и стал профессором Айвазовским, он назвал эту гору Митридатом и выстроил на ней Музей древностей. Фашисты музей разбомбили, а вот развалины башни XIV века уцелели. Они теперь тихо порастали бурьяном в центре поселка на улице Большевикской. И Асия, путешествуя взглядом по черепичным крышам бабушкиного Шанхая, любила Круглую башню рассматривать. Потом её глаза стремились дальше – к яркой полоске моря и жёлтым кранам порта. Но чаще – к стенам древней крепости Каффы, которую давным-давно выстроили на их берегах весёлые генуэзцы.

Почему весёлые? Асия хорошо помнила поездку в соседний Судак («Солдайя», – говорил важный экскурсовод с трубочкой) и тамошнюю крепость, которую в XIV веке возвели эти же купцы-путешественники. Но в Солдае они строили на гребне неприступной морской скалы, и крепостная стена с башнями, а также различные сведения о лукавом народе, их построившем, сохранились куда как лучше. Асии показалось забавным уже то, что памятные надписи о себе генуэзцы делали в стихах и как-то неуклюже: «Это

сооружение, – было выбито на памятной плите одного из бастионов, – построено во времена правления отличного и могущественного мужа». То есть, каждая башня обязательно посвящалась кому-то, и профессии эти генуэзцы имели самые презабавные, кто был «консулом», кто «кастеляном», кто «капитаном», кто «всадником».

Кстати, что касается редких профессий, то в памяти Азии с раннего детства сохранились обрывки ещё одной истории, которую любила рассказывать её бабушка. А может быть, это была просто сказка про древнюю мечеть – «Мюск-Джами». «„Мюск“ говорили потому, – вспоминала бабушка, – что при строительстве той “Джами” в раствор добавляли драгоценное благовоние мускус. Оно было таким сильным, что даже по прошествии тысячи лет над развалинами мечети после дождя поднимается чудесный аромат. И тогда туда слетаются бабочки и приходят благочестивые татары, которые еще помнят о старине».

И бабушка даже показывала Асии какие-то покрытые мхом камни, останец стены, и могильные плиты, под которыми давным-давно были похоронены люди уж вовсе необыкновенные: астроном, «виднейший из наместников» и знаменосец – «алемдар». Слова эти, как цветные ракушки на песке – звали куда-то, обещали что-то. Хотя, если вдуматься, куда могут звать полустёршиеся надписи и узоры надгробий?

И можно считать их обаяние отсветом того сказочного мускусного аромата, но самые чуткие (а Асия была такой) непременно уловили бы здесь присутствие других – тёмных сил. Особенно остро двойственное очарование развалин, которых вообще полно в Крыму, давало знать о себе в древней Феодосийской крепости. Её не сделали музеем, как в Судак, а оставили тихо тлеть на окраине города и порта – воплощённую резервацию скорби. Древние камни здесь мирно соседствовали с бараками и сараюшками современности.

Печальное это было место, издавна прозванное Карантином. Так, наверное, мог выглядеть впавший в детство старик царских кровей, который в лохмотьях из парчи и бархата пасёт коз среди репейников и бурой травы. От роскошного дворца Консула (на бастионе – флаг генуэзской республики с серебряным крестом во всю ширь червонного поля), 12 башен и 5 мостов сохранилось

немного: остатки крепостных стен, сбегаящие к морю, канава по улице Рабочей, в очертаниях которой ещё угадывался древний ров, греческая церковь Святого Стефана и крошечное болотце вместо целебного источника, который захирел из-за соседства с одним Онкоцентром, и сразу двумя диспансерами – туберкулезным и кожно-венерическим. Наверное, их построили именно здесь в память о тех временах, когда ещё в XIV веке Хан Джанибек, пытаясь сломить защитников Каффы, забрасывал в крепость катапультной трубой трупы своих же воинов, умерших от вспыхнувшей в лагере чумы. И защитники бежали, разнося на кораблях «чёрную смерть» по всем портам Европы. А потом, вплоть до новых времён, именно в этом месте ставили на карантинный досмотр морские суда, приходившие в Феодосию.

И, коротая медицинский арест, кое-кто, пожалуй, как и Асия, собирал, прогуливаясь по берегу – пальчики аммонитов и ребристые отпечатки доисторических ракушек, щедро «наследивших» в тутошних сланцах.

На горе же, которая замыкала крепость с востока, и которую особенно любили местные козы и живописцы, там и тут в выгоревшей траве попадались провалы: то ли подземные ходы, то ли остатки фортификационных сооружений. Иногда обвалившийся грунт обнажал целые подземные комнатки, а о глубине отдельных колодцев можно было догадаться только по звуку брошенного в темноту камешка. Мальчишки, конечно, предпринимали время от времени попытки разобраться, что к чему, но Асия в экспедициях не участвовала. Её эти «дыры во времени» завораживали по-другому. Попадая в их поле, она внутренне цепенела, как цепенеют певчие птицы у неподвижных озёр, где перед закатом особенно отчётливо слышен зов глубины.

* * *

Еремееву же такое чувство «перенаполненности временем» было знакомо. Напротив, в этом отношении он постоянно испытывал какую-то «вычерпанность» и скудность окружающего его мира. И чувство это на протяжении 34 лет жизни Еремеева какие только формы не принимало. Например, в раннем детсадовском возрасте он мечтал: а) увидеть живьём удода – красивую, крупную птицу с

богатым хохолком и умным взглядом, таким же, как и в его книжке; б) попробовать настоящее эскиммо. Но в их рабочем городке, сердцем которого был завод, а циррозной печени – шахты, водились только воробьи, одуванчики и мороженое в банальных вафельных стаканчиках. Подземных ходов и старинных замков здесь не наблюдалось. Церквей тоже. Словом, не водилось ничего, выходящего хоть как-то за формы и фактуры скудной обыденности.

Досадную ошибку времени и географии Еремеев с приятелями решили исправить самостоятельно, и нашли-таки подземный ход, который вёл из беседки в саду Дворца пионеров к каморке под главной лестницей этого же дворца. И оказался, конечно, каким-то рядовым объектом коммуникации, проложенным то ли под трубы, то ли под кабель. Проникнуть в отверстие его лаза могла разве что не очень полная кошка. Тогда, плюнув на несговорчивость и косность окружающего мира, Саша и компания (а дело происходило в классе шестом) решили «землю обетованную» сочинить себе самостоятельно. И не просто страну, а целую планету со звучным именем Аноида. Место нашли за автостанцией. Неподалеку от захиревшей речки с неприличным в рифму названием в тени тополей укромно прятался пруд, даже не пруд, а очень большая лужа, на дне которой наверняка ничего не водилось, кроме котят-утопленников, строительного мусора и консервных банок. Но берега вокруг весело поросли лопухами в человеческий рост, а пока тебя никто из взрослых не видит, можно вообразить себя кем угодно – даже целым экипажем космического корабля.

Вот и волошинский Коктебель, по крайней мере, то, что Еремеев о нём слышал и как себе представлял, стал очередным воплощением той давней, детской ностальгии.

Страной, созданной одним, отдельно взятым человеком, фантазией, голой грёзой, победившей корявую реальность.

Здесь искры, проскакивающие между полюсами «случайность» и «закономерность» (не сказать бы «неотвратимость»), оставляли после себя осязаемый, светящийся след... Ведь не могла же знать Елена Оттобальдовна, мать поэта, покупая участок морского берега под строительство дома, что скала, замыкающая бухту с правой стороны – абсолютный портрет её сына в профиль, но лет так... через 20? Или духи здешних мест век за веком точили камень,

чтобы вызвать, наконец, пришествие своего Бога, который явит миру их души, сделает слышимыми их голоса? Загадка!

К тому же, для Еремеева Коктебель был воплощением того редкого сценария жизни, которого нынче если кто и придерживался, то очень и очень не часто. И, упаковывая вещи под мартовский снегопад за окном, Саша испытывал что-то сродни давно знакомому чувству, которое возникало, едва он решительно поворачивался спиной к салютам и блестящим жадно глазам его жены, в которых эти салюты отражались.

«Странно, – подумал он, вертя в руках пленочный “Canon”, – было что-то общее в её страсти к фейерверкам и любви заниматься сексом при ярком свете». Сам Еремеев электричество в интимные моменты терпеть не мог. И не потому, что чего-то стеснялся: ему нравились полутона, рассеянный свет, причудливая и невнятная жизнь теней.

«Ещё раз странно, – уставился он на фотоаппарат, который всё ещё держал в руках, – а ведь моя нелюбовь к сексу при свете имеет общий корень с нелюбовью к цифровым фотоаппаратам». В общем, Еремеев специально не покупал такой, так как считал, что чудо пойманной (остановленной) жизни должно происходить в темноте, когда случай и неизбежность имеют равные шансы, а ты вслепую выставляешь силки, чтобы потом в полной мере пережить Мироявление, то есть тот момент, когда, наконец, лицом к лицу сталкиваешься с тобою же созданной реальностью. Саша на всю жизнь запомнил ощущение, когда в ванной комнате, при красном свете фонаря со дна пластмассовой емкости, чуть дрожа от колебаний воды, поднимается чьё-то изображение, или целый город, или солнечный день...

* * *

Асия же фотографией никогда не занималась, «потому что баловство» – как считал её горбоносый и весёлый папа. Его тёмные «масляные» глаза принадлежали – сейчас уже пойдешь узнай – какой народности. Так же как и привычка в любое время года носить каракулеву шапку – пирожок. Ещё папа обладал удивительной особенностью – извлекать копеечную выгоду из квадратного сантиметра буквально любого предмета. О просторном доме

под красной жестяной крышей никто уж и не говорит, всякий его уголок даже в несезон сдавался по самым выгодным ценам. Но коронным номером папы считалось окучивание туристов на трассе. Он подбирал с обочины ничего не подозревающих людей, которым, допустим, позарез хотелось добраться из Феодосии в Судак, усаживал их на полосатые (в «зверино-мексиканском стиле») чехлы своей побитой «копейки», не спеша расправлял малиновую бахрому на лобовом стекле, и на скорости 40 км/ч отправлялся в путь.

Сперва он продавал услуги, путём частой смены дребезжащих кассет пытаясь выяснить, что больше нравится клиенту: Ваня Карат или оркестр Поля Мориа. Потом предлагал за умеренную плату провести – «самую настоящую экскурсию и рассказать всё-всё об этих достопримечательностях». Здесь Асия, если ехала вместе с родителем, обычно краснела, так как прекрасно знала, что папа, может, и найдёт кратчайшую дорогу к крепости, но вот откуда эта крепость взялась – рассказать не сумеет. Легенды, сказки и прочие знания подобного толка, не имеющие прямого утилитарного назначения, никогда в его голове, накрытой каракулевым пирожком, не задерживались, «потому что баловство».

Между тем, папа от экскурсионных услуг без всякого объявления войны переходил к мелкой рознице, расхваливая присмирившему пассажиру солнцезащитные очки, которые не так давно забыл в салоне предыдущий клиент, и которые теперь папа намеревался «втюхать» гривен за 20-30. Вскоре наступала очередь недвижимости. И он безбожно врал, что дом его сына, который тот продает всего за 14 000 долларов, находится на самом берегу моря. Хотя посёлок Весёлое, о хибаре в котором шла речь, отстоял от полосы прибоев ровно в полчаса езды в тряской маршрутке плюс небольшой велосипедный пробег.

Зимой же того года, когда Еремеев собрался в Крым, папа как раз пристроил Асию работать горничной в маленькой, частной гостинице Коктебеля. «Выучиться всегда успеешь, – говорил он ей, – поработай пока». На самом деле, почёсывая жёсткую растительность под пирожком, папа руководствовался геной памятью своих (теперь уж пойдешь догадайся каких) предков, коллективный голос которых привык принимать за собственный здравый смысл.

И голос этот наставлял, что девушке 18-ти лет нужно искать хорошего мужа, а не заниматься всяким баловством типа книжек.

К тому же, раскрутив-таки однажды зазевавшегося москвича-туриста на экскурсию, он привёз его к музею Грина недалеко от феодосийской набережной, и даже, сняв пирожок, сам внимательно выслушал экскурсоводку – пожилую девушку с начёсом. Пока москвич разглядывал канаты и модели парусников, папа внимательно изучал ноги и грудь грустной девушки и слушал её заученный рассказ о том, что писатель, проживавший в этом доме (больше похожем теперь на недорогой кабачок, стилизованный в морском духе), подарил миру удивительную сказку, равной которой и ла-ла-ла. Детали папа, как всегда, забыл, но хорошо уяснил, что речь шла о юной особе, чьё имя было очень созвучно имени его дочери, но главное – особе этой хватило ума, ничего не делая, дождаться настоящего богача, пристроившего, в конце концов, и папу.

«Моей бы дуре так, – решил он, – только пусть Аська его не на берегу дожидается, где голь всякая шалается, а в хорошей гостинице, где как раз такие и останавливаются». Так Асия попала горничной в Коктебель, в место, считавшееся самым дорогим и модным на восточном побережье. Теперь сутки через двое папа доставлял её сюда на своей разбитой копейке, докучая по дороге досужими (как ей казалось) наставлениями. Зато сама гостиница девушке нравилась.

Двухэтажная и компактная, она укромно пряталась среди вечной зелени пыльных кипарисов. Внутри было тихо: на каждом этаже располагалось всего по 5 номеров (три полулюкса и два люкса), на лестничной площадке – островки живых цветов, а на стенах – постеры с акварелей Максимилиана Волошина. Последние занимали Асию больше всего. Не то, что бы она раньше не видела этих работ – «таких воздушных и вместе с тем таких “плотных реальностью”» (как объяснял, качаясь в коридоре как-то вечером, один очень нетрезвый постоялец – другому). В Феодосии ведь имелаась целая галерея, конечно, абсолютно скромная по сравнению с залами маэстро Айвазовского, но всё же; и каждый уважающий себя классный руководитель непременно и не по разу водил туда своих подопечных. Асия же всегда задерживалась

именно у той витринки, где под стеклом хранились миниатюры Волошина. Сперва её больше занимали форма и цвет действительно очень красивых камешков, которыми внутренность этой витринки наивно декорировалась, повзрослев, она начала ощущать между камешками и «картинками» не только очевидное внешнее сходство, но странное внутреннее родство, которое давало знать о себе физически, на манер электрического поля. Асия это чувствовала, но ничего не могла объяснить, а только замирала на какое-то время, отстав от группы, пока учительница не принималась её искать, недосчитавшись в гардеробе «одной головы». Ещё девочку всегда удивляли надписи под акварелями, смысла их она не улавливала, но завораживало само звучание фраз: «Вся тоскою и мглой и туманом повитая Киммерии печальная область», или «Я вижу грустные, торжественные сны – заливы гулкие земли глухой и древней...»

Теперь же Асии представилась возможность сравнивать пейзажи на стенах с пейзажами настоящими, с которых первые, собственно говоря, и писались. Для этого лучше всего было пройти по набережной в левую оконечность Коктебельской бухты, минуя Дом поэта, со всех сторон зажатый причудливым караваном кафешек и диско-залов с кровавыми граффити на стенах: «Улыбнись, ты в Коктебеле!» или «Забудь обо всем».

В той стороне «цивилизация» быстро сходила на нет, уступая место слегка замусоренному с прошлого сезона пляжу, осоке, ручьям-болотцам и останкам недостроенных ещё с советских времён набережных несуществующих здравниц. На их цементных ступенях особенно много валялось осколков от раковин рапанов. «Наверное, – думала Асия, – здесь воронам их удобнее долбить, выковыривая моллюсков».

Конечно, противоположная, правая часть бухты, упирившаяся в дикой красоты скалы Карадага, выглядела куда более заманчиво, но там подходы к морю и проход к горам были осложнены частным и очень дорогим строительством. Гранитные набережные чьих-то личных вилл уходили прямо в прибой, проволочные челости заборов «откусывали» значительные участки берега, и повсюду лаяли на чужих цепные псы. Так что Асия гуляла обычно в левую сторону. Люди ей навстречу почти не попадались, но

там и тут сквозь заколоченные на зиму стеклянные двери кафе можно было рассмотреть груды прошлогодних листьев на танц-полах и смутно белеющие в полумраке залов женские статуи.

А море молочно-бутылочного цвета мерно перебирало гальку знаменитого пляжа, и в ожидании тепла словно затаило все свои запахи. «Припрятало до лучших времен», – думала Асия, присев где-нибудь на парапете и вглядываясь в дальние холмы. Они уже не казались ей просто серыми или голубыми. Глаза девушки, натренированные долгим рассматриванием волошинских акварелей, различали массу оттенков: от охры до коричневого, от синего до стального, от фишашкового до розового и густо фиолетового. Особенно нравился ей один холм в левой оконечности бухты, который напоминал лежащую лицом в небо женщину, крепко спеленатую, на манер младенца или мумии. Асия знала: с высоты сходство это будет усиливаться. Чтобы проверить – достаточно подняться по тропинке, ведущей по склону горы к могиле Волошина.

Она как-то раз туда поднималась: с каждым метром по сторонам раскрывались всё новые и новые пейзажи, а под ногами скрипела галька и ракушки. «Тот же морской пляж, – подумала Асия, – только поставленный на попа». От попытки осознать это у неё начала кружиться голова, и, не доходя до вершины, где на узком гребне могила собственно и располагалась (строгая плита красного гранита, куст, деревце и много-много неба), она присела отдохнуть на скамейку, вырубленную прямо в камне. Отсюда Коктебельская бухта просматривалась как на ладони. Погода стояла безветренная, море тихо искрилось, лёгкая дымка лишала чётких очертаний причудливые скалы Карадага. «Сказочное царство, – подумала Асия, – на которое волшебник или исполин наложил только одному ему понятное заклятие. А на страже секрета с одной стороны – его могила, с другой в скалах древнего вулкана – его профиль». И тут, со всей верой в себя и мир, присущей восемнадцатилетним, а ещё от первого весеннего солнца, высоты и одиночества Асия ясно осознала, что она-то на самом деле и есть самая настоящая наследница этой тайной маленькой страны, никому не открывающей своего подлинного лица. Единственная и полновластная королева.

* * *

Еремеев между тем ехал в поезде. Почему не летел на самолёте? Потому что «погружение», а именно так Саша окрестил свою поездку, должно было происходить медленно и постепенно, ярус за ярусом, как если бы он спускался с горы. Правда, кое-какие меры для своего комфорта Еремеев всё же предпринял. Видимо, в несезон, когда пассажиров было мало, проводники в поездах перебирались в более просторное четырёхместное купе, а свое двухместное продавали по обычным ценам. Еремеев заплатил за обе полки сразу, обеспечив себе тем самым полное одиночество на трое суток пути. Как только вагон тронулся, он бросил вещи на нижний ярус, сам залез наверх и устроился в окно, куда смотрел, не отрываясь и без выражения – почти два часа.

Еремеев размышлял о разном, например, о том, чем в действительности должен заболеть человек, чтобы спокойно чувствовать себя только в поезде? Причём поезд этот становится дорог ему как раз тем, что не оставляет никакой свободы выбора, всё жестко predetermined: лежи, смотри и думай. Хочешь – читай или пей, хочешь – разгадывай кроссворд. Конечно, на худой конец всегда остаётся возможность стоп-крана, но с таким темпераментом лучше летать в самолётах. Ещё Еремеева весьма занимал агрегат для производства кипятка. Его допотопные формы неожиданно стали приобретать какую-то антикварную стильность, за счёт чего этот вечно плюющийся паром старик махом набрал очков 200, перескочив из плоскости непритязательного железнодорожного быта в культурные знаки эпохи, типа телефонной будки, где жил чебурашка, или автомата с газированной водой. И такая метаморфоза почему-то грела, хотя чего хорошего было в те времена, когда не водилось быстроразводимой лапши и мобильных телефонов? – «Зато народ толпами не сходил с ума по фейерверкам, – отвечал сам себе Еремеев, – и Лариска жила со мной».

А рослые проводницы, между тем, с удовольствием гоняли пассажиров по коридору вагона, работая под девизом: «да я таких, как ты бушлатом по зоне». «Эй, – орала одна, – к-к-куда пшли? – (интонация выдавала в ней санитарку психушки со стажем). – Техническая эта остановка – не ясна? Будет вам Сызрань, там те же раки и та же рыба».

А ёлки на второй день пути сменили пирамидальные тополя, и Саша, отдёрнув утром шторку из кожзаменителя, увидел, что снег за окном кончился, растаял, и окрестности какого-то неопознанного, но крупного города абсолютно коричневые. Вернее, серо-бурые, и это – предчувствие весны, потому Еремеев быстренько подсчитал, сколько лишних часов жизни подарит ему пересечение временных поясов, и решил, что настоящие путешествия всегда должны начинаться именно так. Главное, оказаться в стороне, «не в то время и не в том месте», где-нибудь на обочине традиционных маршрутов, без всякой определённой цели. Расслабиться: просто гулять и просто смотреть, не бежать ни за здоровьем, ни на осмотр памятников. НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ, НЕ ПРЕТЕНДОВАТЬ, а тихо ждать, какой тебе ПОДАРОК ВЫЙДЕТ, выпадет, выкатится, без всякого напряжения реальности, по одному Богу известному сценарию. «Дальше всех идёт тот, кто не знает, куда идёт»... Как-то так... Восточная народная мудрость.

* * *

Каждый раз, отвозя Асию на работу по утрам, папа озвучивал ей свой, то есть её, жизненный план. Во-первых, чтобы не быть дурой, она должна познакомиться там у себя с постояльцем побогаче. «Можно и с иностранцем, – мечтал он, – даже лучше. Только не думай с ним сразу в койку сигать, а то решит, что подзаборная. Тебе муж нужен. Веди себя гордо. А сама подмахивай, подмахивай». Асия непроизвольно морщилась, особенно от последнего слова, и никак не могла взять в толк – как можно так удачно совместить две абсолютно разные (на её взгляд, конечно) линии поведения. Хотя, говорят, кое у кого получалось. Например, у их администратора Светланы Абдулаевны. Ещё пару лет назад она была просто Светкой – бойкой горничной в дерзкой мини-юбке. И директор гостиницы, узнав однажды о её шашнях с постояльцами, устроил Светке показательную выволочку на глазах всего персонала.

«В нашем бизнесе, – орал он, – репутация превыше всего. Мы не публичный дом, мы – отель элит-класса, маленький, но гордый». Красная от слёз Светка только фыркала, как необъезженная кобылица, зло косила татарским глазом и, фальшиво всхлипывая,

приговаривала: «А другие, Иван Палыч, по-вашему – чем занимаются? Только берут больше». «Вот когда до их уровня дорастёшь – будешь рассуждать! – кипятился директор. – А пока каждый месяц справку от венеролога мне на стол». Впрочем, в глубине души они понимали друг друга: жизнь есть труд, и деньги просто так никому не даются, особенно хорошие, особенно в валюте.

Поэтому, когда Светка подкатила к крыльцу гостиницы на самостоятельно купленной «Мазде» (подержанной, но всё же), Иван Палыч одобрительно щёлкнул языком, похлопал Светку по крупу и сказал «бизнес-леди», а через месяц назначил администратором.

Так что в каком-то смысле приблизительный план действий для Азии был прописан, но Светкиным трудолюбием и волей к победе она не обладала. Её больше интересовали другие сценарии жизни. Последнее время Асия как бы примеряла вариант за вариантом, но дело это имело мало общего с банальной сменой нарядов. Она рассматривала картинки. То пыталась представить, что чувствует невзрачная тётушка в тёплом платке, которая однажды в ветреный день высаживала анютины глазки у входа в армянскую церковь на Карантине, то воображала себя продавщицей с лотком огромных кремовых лебедей или девочкой с кошкой из павильона «Коньяки-Вина», стоявшего в левой оконечности кокетельского пляжа.

Девочка была румяная, кошка – пятнистая, а вот желающих заняться сравнительным анализом коньяков и вин весной в магазин заглядывало мало. И кошка весь день играла с отражением моря в зеркальной входной двери, а девочка напевала и мечтала о чём-то. «Наверное, – думала Асия, – совсем не о Светкиной карьере». И продолжала размышлять (знал бы папа) о совершенно бесполезных вещах. Например, о том, что священные камни древних армян – хачкары, лежащие у входа в церковь, похожи на выбеленные временем кости и совсем не сочетаются с пестротой старушечьих ковриков и яркими красками бумажных икон, которыми бедный храм убран внутри, что женщина в тёплом платке была права, высаживая около входа анютины глазки, взгляд которых всегда, как казалось Асии, гармонировал с пронзительными красками весеннего моря, да ещё на ветру...

Иногда фантазии заводили девушку баснословно далеко. Она вспоминала зубчатые стены Солдайи, венчавшие на манер короны приморскую скалу, и представляла себя греческой королевой по имени Феодора, которая в 16 лет, ещё до прихода генуэзцев, владела всеми просторами от Судака до Ялты. У неё было прекрасное бледное лицо, и когда она скакала на своём белом коне, ветер раздувал её чёрные волосы. Феодора не любила роскошь, в Солдайю приезжала только по делам, и большую часть времени проводила в уединённом монастыре в горах, потому что верила (так было написано в книжке «Мифы старого Крыма», забытой в номере кем-то из постояльцев): «земная жизнь всего лишь приготовление к жизни вечной». Обручившись с Христом (тут Асия не совсем понимала, но всё равно красиво), Феодора дала обет безбрачия. Она много помогала бедным и больным в своём государстве и преуспела в воинских науках: владела мечом, стреляла из лука, смело управляла конём. Она погибла в битве, сражаясь за свой народ против захватчиков-генуэзцев. И предал её один из братьев-близнецов, который с детства воспитывался вместе с ней в царском дворце – Иракий. Когда-то Феодора отказалась стать его женой, и он открыл чужестранцам ворота крепости – потому что «корысть и месть отравили его сердце». А брат Иракия – Константин, беззаветно преданный королеве, погиб, сражаясь бок о бок с ней. «Я бы на месте Феодоры вышла замуж за Константина», – думала Асия, которая про «обречь себя Христу» решительно ничего не понимала. И сидя за конторкой, ещё не остыв от бесплодных мечтаний, она всматривалась в проходящих мимо постояльцев-мужчин и спокойно думала: «Нет, не тот».

* * *

Поезд Еремеева прибыл на Симферопольский вокзал рано утром. Дождило. В крошечном кафе на перроне, куда Саша зашёл перекусить, он застал маленькое застолье. Сюда слетелись все подавальщицы из соседских забегаловок, немного помятые после ночной смены. Одна раскладывала по тарелкам товаров дымящуюся яичницу, другая, видимо, виновница торжества, разливала по рюмкам бордовый винный напиток, третья гипнотизировала кого-то по мобильнику: «Автандил, – вкрадчиво настаивала

она, – сегодня у Настиного сына день рождения, пусть ей Фуркат зарплату выдаст, нет, не давал...». Окончив разговор, она тихонько сматерилась, и присоединилась к подругам. Между тостами за Настиного отпрыска девушки равнодушно приняли у Еремеева заказ, но сразу оживились, едва в дверь вошёл парень кавказской национальности в щёгольских узконосых ботинках.

Он сел за дальний столик и принялся угрюмо мять синеватое от щетины лицо. «Дамир, – расплылась в улыбке та, что говорила по мобильнику, – иди к нам, выпей за Настиного сына, у него сегодня день рождения». «Нэ пью по утрам», – строго отвечал гордый Дамир, а сам уже таял от снующих вокруг него лебедями белых ручек. Кто пододвигал стул, кто менял тарелку, кто чарку подносил. Принесли и заказанный Еремеевым борщ. Он попробовал опасно – кто ж с первого раза доверяет привокзальным кафе – оказалось вкусно и по-домашнему честно, что там «фаст-фуды» с их свекольной бурдой в пластиковых коробочках. Впрочем, модные нынче, эти забегаловки, чем бы они ни зазывали посетителей, интересовали Еремеева всегда лишь как сеть бесплатных и комфортных туалетов, рассеянных по городу.

Борщ стоил сущие копейки и, расплатившись, Саша отправился на стоянку маршруток: нужно добраться до Коктебеля и скинуть там вещи в какой-нибудь гостинице, лучше небольшой и уютной, в марте постояльцев много быть не должно. Пассажиров тоже было не густо, и водители маршруток налетали на каждого потенциального клиента хищно жестикулирующей стаей. Саша со вздохом оглянулся на кучку троллейбусов, мирно пасущихся на обочине площади. «Наверное, это здорово – ехать по горам на таком усатом, как улитка, – подумал он, позволяя увлечь себя в пропахший бензином салон “газели”, идущей на Феодосию, а, сделав крюк, потом в Коктебель, – но, во-первых, в Киммерию троллейбусы не ездят, только на пижонский ЮБК – южное побережье Крыма, а во вторых – не сопротивляться, так не сопротивляться, пусть кривая или судьба, или кто там – ведет сама». Он поуютнее устроился в кресле, и как только машина выехала за пределы Симферополя, виды которого мало чем отличались от видов сотен других советских городов (вот только забавляли увитые плющом по «самые лампочки» фонарные столбы), жадно

приник к окну, протирая его время от времени платком, чтобы не запотевало.

Начались холмы: светло-зелёные, тёмно-зелёные, с салатовыми заплатами, с заплатами изумрудными, бирюзовыми, охровыми, с тонкими свечками голых ещё пирамидальных тополей и строгой геометрией далёких виноградников. Вблизи виноградники эти больше всего напоминали концлагерь для детей Вакха: за колючей проволокой ровными рядами извивались приземистые чертенята лозы, корявые, словно обугленные от обуреваемых их страстей, завёрнутые в узлы, приземистые габриаки (как-то так, если, конечно, Еремеев ничего не путал, называл Волошин причудливые виноградные корни, выбрасываемые морем)...

Ещё грустнее было смотреть на эти весенние танцы потому, что кто-то невидимый, но всесильный, будто в насмешку выстроил замерших в иступленном движении чертенят по линейке. «С людьми поступают так же, – подумал Еремеев, в который раз опять вспомнив про салюты, – никогда нельзя толком понять, насколько даже самое глубокое чувство, которое ты испытываешь – твоё, а не навязанное модой, традицией, теликом и прочей чешуей. Каким же запасом прочности надо обладать, чтобы не поддаваться, хотя бы отчасти, массовым психозам, совокупность которых плюс минус и есть вся наша мораль? Могут единицы – Волошин, например, или Цветаева, но ведь она, в конце концов, повесилась, а он был – кто? Гений? Демон? Блаженный?» Он вспомнил, как неліцеприятно, точно городского сумасшедшего, живописали Волошина некоторые современники, когда он после революции приезжал в Москву: потрёпанный, провинциальный, неумеренно восторженный, нелепый...

И тут Еремееву невыносимо захотелось, чтобы маршрутка как можно скорее доехала до тех мест, где родился миф, так занимавший его. Оказывается, Саша, как следователь (а вернее, как Фома Неверующий) смутно хотел каких-то ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ. Но маршрутка шла, как шла, то есть ехала неторопливо, и дождевые сумерки сообщали пейзажу за окном удивительную мягкость, а краскам глубину, и он ощущал, как земля эта начинает медленно втягивать его – в глубоком, долгом, обморочном поцелуе, предшествующем грандиозному, в духе гигантов и

Реи совокуплению, и самое странное, что он, Еремеев, по мере погружения, всё меньше и меньше чувствовал себя мужчиной, то есть началом активным, с жалом горячего конца; он распускался, расслаблялся и ждал; «ага, – думал он, почти засыпая, – как у Брэдбери в “Марсианских хрониках”: “они стали гибкими и зелёноглазыми”, то есть марсианами, и мне точно будет “нужен гид-переводчик”, когда я приду в себя». И по закону СООТВЕТСТВИЯ (который независимо от него вывела в детстве Асия, наблюдая волошинские акварели и камушки, но Еремеев про это пока не знал), его глаза начинали постепенно перестраиваться, привыкая к совершенно особым, богатым оттенками, крымским краскам, и параллельно, каким-то чудным образом, вместе с глазами раскрывалась душа, от которой, наконец, отлетела тень Лариски.

Да, она предпочла ему пиротехника, но всё по тому же закону СООТВЕТСТВИЯ... В её душе всегда расцветали стремительно и бурно огненные столбы радости и желания, с какой-то непонятной и даже пугающей Еремеева моторикой. И когда они только познакомились, он чувствовал, как этот огненный столб растёт, на манер смерча, и втягивает его в свою сияющую воронку. Поначалу Саша даже сопротивлялся сближению с Ларисой, так как чувствовал – накал такого уровня и импульсивности... в общем, добром не кончится. А потом, ослеплённый, сдался, а потом привык, но все годы брака в виде компенсации, с тихой надеждой будто выставлял против жены холодное зеркало и ждал, когда оно запотеет от тех испарений её души, которые... Ларисе были, видимо, совершенно чужды. А нужное, может быть, спрятано так глубоко. Взять хотя бы его тоску по странным формам и подземным ходам, сиротскую тоску по наполненности историей и временем: в человеке запросто могут поселиться ощущения никогда им не пережитого, но чего-то очень нужного, и, если следовать этим маячкам, можно дойти до чего-то настоящего, но по закону СООТВЕТСТВИЯ, а не отражений...

«А вообще, всё это похоже на бред», – попыток Еремеев, едва «газель» въехала под вывеску: «Коктебель – Страна коньяков», которая триумфальной аркой вздымалась над весьма скромной асфальтированной дорогой. Ландшафт вокруг резко изменился, и приобрёл, с точки зрения Саши, даже какую-то мрачную загадочность, когда монотонность пологих холмов отделили

напряжённы вздыбленные скалы Карадага. Сама остановка «посёлок Коктебель» показалась Еремееву невзрачной – вокруг маленькие домики на единственной, очень деревенской улице. Под банальным цементным козырьком со скамеечкой никого не было, дождь накрапывал, и Саша начал оглядываться в поисках гостиницы. Тут открылась дверь стоящей рядом побитой «копейки» и горбоносый товарищ в каракулевом пирожке (Еремеев затруднился определить его национальную принадлежность) поманил Сашу к себе: «Есть отличная гостиница, – сказал он, подмигивая, – и недалеко, два шага всего, могу помочь вещи донести». Еремеев кивнул, и, направляясь за своим весёлым гидом, принялся удивляться про себя гостеприимству местного населения...

Евгений Касимов¹
СНЕГОПАД В ЦЕТИНЬЕ

Окно в келье мерцало белым компьютерным светом. За холодным стеклом, как в мониторе, текли бесшумные пряди снега. Впечатление было настолько сильным, что я проснулся окончательно.

Други мои спали, погребённые под ворохом одеял. В келье было холодно, и вчера ночью, когда мы располагались на ночлег, Афиноген стал жаловаться, что сам-то он не боится замёрзнуть, но вот его бедная голова... Он растерянно похлопал себя по лысине маленькой ладошкой. На что Егоров только усмехнулся, растопырил свои усы, прочно укрепил на голове генеральскую папаху и энергично завалился в постель и, как истинно великий полководец, – тут же бесшумно заснул. Афиноген немножко поохал, потом нашёл какую-то лыжную шапочку и тоже умиротворился.

Монастырский дворик был завален снегом. На высоком каменное крыльцо вышел молодой монах, задрав чёрную бороду, посмотрел в небеса и как-то печально ушёл обратно. Мобильный телефон показывал, что сеть пропала. Наверное, экранировали толстые монастырские стены.

Снег был большой, медленный. Исчезли в белой мгле окрестные горы, исчез город, за снежной крупноячеистой пеленой еле угадывались чёрные сосны.

Я оделся и побрёл в монастырский умывальник. Вода была ледяная и бежала тонюсенькой струйкой. Страшно захотелось кофею.

Выйдя на крыльцо, я понял, что пересечь дворик нет никакой возможности: снегу навалило уже около полуметра. В углу стояли широкие железные лопаты и большая метла. Я выбрал себе лопату и стал разгребать дорожку. Раза два на крыльцо выскакивал тот самый молодой монах и что-то весело мне кричал по-сербски. Я в ответ только гугукал и агакал. Хлопья щекотали лицо. Через полчаса я добрался до ворот и оглядел плоды трудов своих. Труды оказались напрасными: траншея, которую я, как бульдозер, пробил в сугробах, исчезала на глазах. Назад дороги не было. Я навалился на дверь, сдвинул сугроб и вышел из монастыря.

Вчерашние переговоры с митрополитом ни к чему не привели. За ужином владыка был осторожен в обещаниях, говорил, что дело непростое, что не надо торопиться, что всё должно решиться само собой. Егоров говорил о государственном значении акции. Владыка кивал головой, трогал бороду, поддакивал. Он хорошо говорил по-русски. Пили монастырскую ракию, закусывали копчёной форелью и квашеной капустой. Владыка рассказывал о своём детстве. Он был из крестьян, родился в большой семье, и мать сама отвела его в горный монастырь Морача. Его недавно закончили восстанавливать. Нет, не после бомбёжки. После коммунистов. Черногорию натовцы тоже бомбили, но не так сильно, как Сербию.

Я шёл наугад, утопая по колено в снегу. Как большой пароход из тумана, из белой пелены выдвинулась бильярдная Негоша. Я свернул направо и пошёл вдоль стены.

Ботинки промокли насквозь, но я терпеливо брёл по пустым улочкам городка. Иногда из снегопада слышались голоса.

Выйдя на маленькую площадь, я огляделся, и обнаружил огромное окно, за которым застыли белые лица, а над окном вывеску «Локанда». Нужно было совершить какое-то усилие, чтобы пересечь площадь, пробиваясь сквозь плотные строчки снега, текущие сверху, сквозь стущённый воздух – под бесстрастным наблюдением из глубины окна. У самой двери я почувствовал, что напряжение воздуха исчезает, пространство поползло, как ветхий

тлю, дверь на пружине поддалась, звякнул колокольчик – и улица с негромким хлопком легко отпустила меня.

Пласты снега медленно сползали с плеч. Я стоял как соляной столб, но никто даже не повернул головы в мою сторону. Только молодой смуглый буфетчик дружелюбно улыбнулся и махнул полотенцем. По телевизору без звука показывали теннисный турнир. По стенам висели афиши, на которых тузом надменно стоял Аристид Бриан и пиковой дамой подмигивала Жанна Авриль. За низкими столиками в плетёных креслах сидели одни мужчины. Все они разрозненно сидели, развернувшись к окну, не обращая внимания ни на теннис, ни друг на друга и вовсе не замечая меня. Все они пристально смотрели в окно.

Я прошёл к стойке и стал взбираться на высокий крутящийся стульчик. Буфетчик улыбался. Кафу, сказал я, утвердившись, наконец, на стульчике. Буфетчик сложил брови домиком и что-то быстро спросил по-сербски. Потом по-английски. Я пожал плечами. Кафу. Црну кафу и киселу воду.

Я выложил на стойку сотовый телефон. Связи не было. Снег за окном валил и валил. В телевизоре беззвучно метались теннисисты. Люди в кафане смотрели в окно.

Ещё вчера в Цетинье была осень. Мы приехали из Подгорицы ночью и тихо радовались ясной погоде после московской морозной слякоти. Митрополит оказался настоящим дипломатом. Он показал нам десницу Крестителя, за ужином рассказал чудесную историю, как апостол Лука привез её из Самарии в Антиохию, как её захватили турки, а потом подарили крестоносцам, а те вывезли святыню на Мальту. В тридцать втором году берлинский епископ Тихон передал её королю Александру Карагеоргиевичу, а во время оккупации Югославии патриарх Гавриил Дожич увёз десницу в Белый Острог, где её в тайных убежищах хранили монахи, пока коммунисты не нашли её и не сокрыли в Цетинском историческом музее. Не так давно мощи вернули церкви, и на их обретение в Цетинскую обитель приезжал сам Алексей II. Потом митрополит вспоминал о своём житье-бытье на Афоне, много шутил. Рассказывал, как восстанавливает древнюю Златицу. И если бы у него были сейчас деньги – немного, тысяча десять долларов – то дела пошли бы гораздо быстрее.

На площадь выехал большой чёрный автомобиль. Он медленно пересекал площадь, раздвигая бампером снег. По бокам широко расходились буруны снега. Автомобиль чёрным призраком проехал мимо окна. Через минуту звякнул колокольчик, в кафану вошёл, громко топая, водитель, бросил на ближайший столик пачку газет. В его кудрях быстро таяли крупные снежинки. Общество неспешно приветствовало его, но в газетах никто рыться не стал, все, быстро угомонившись, опять стали смотреть в окно. Водитель протопал к стойке и тихо заговорил с буфетчиком.

Из аптеки вышел старик с метлой и стал разметать дорожку. Справа в экран окна всплыла высокая женщина в красном пальто. Она тяжело несла зонт с белым мохнатым куполом, как у Робинзона Крузо. Старик замер, поклонился. Женщина остановилась, рука её дрогнула – и снег обвалился. Зонт оказался тоже красным.

Я посмотрел на дисплей телефона. Сети не было.

Вчерашний ужин закончился скандалом. Схимонах Кирилл и генерал Лыжнев, непонятно каким образом попавшие в нашу миссию, сначала сурово гвоздили себя крестными знаменами перед мощами, потом в трапезной, хватанув сливовой ракии, стали ни с того ни с сего поносить церковных иерархов, дескать, истины не ищут, живут не по заповедям и больше животу своему служат. Намекали, что десница святого Иоанна по праву принадлежит России, что мальтийские рыцари добровольно её передали императору Павлу, а исчезновение её из России после октябрьской революции – есть заговор, а не божественный промысел, благодаря коему десница Предтечи вообще уцелела. Митрополит слушал внимательно, трогал бороду своими сильными крестьянскими руками, рассказывал о подвиге Василия Острожского, и скандала за столом не получилось. Афиноген в своём чёрном сюртуке от Версаче, остро поглядывая на Кирилла и Лыжнева, стоя произнёс длинный тост, в котором были и дружба между народами, и сложная геополитическая обстановка, и приближающиеся выборы президента, и наше благородное дело, которое, он уверен, приведёт всех к согласию. Он был строг, изящен в жестах, и в своём чёрном сюртуке напоминал

скорее представителя Ватикана, а не функционера крупнейшей российской партии. Спич был блестящим, но когда Афиноген произнес: «Монтенегро», сидящий рядом со мной монах тихонько поправил: «Черногория». Егоров шепнул мне, что чувствует себя шахматистом, которому предложили сыграть партию, и он, разыгрывая ферзевый гамбит, вдруг обнаружил, что с ним играют в «Чапаева». А генерал, добавил он, похож на каптёра-прапорщика, пересчитывающего портянки. После ужина Егоров показал себя настоящим бойцом: в монастырской галерее он крепкой рукой отодвинул суetyащегося Кирилла и, растопырив усы, сказал, что если генерал будет продолжать в том же духе, то вылетит из миссии в два счёта. И поглубже надвинул свою папаху. И видно, его ведомство было гораздо серьёзней, потому что генерал Лыжнев стушевался, по-военному развернулся и быстро ушёл, осеняя себя по дороге крестом. Причём делал это порывисто и твёрдо, вбивая пальцы, сложенные в щепоть, в свои виртуальные погоны с такой силой, как если бы это были эполеты, на которых вместо бахромы висели маленькие черти. Кирилл попытался возразить, но Егоров навис над ним и только сказал тихо: «Не вякай!». И Кирилл, мотнув рясой, канул чёрной кляксой в темноте галереи. Скандал гасил Зоран из белградского бюро «Балканрос». Сначала он долго разговаривал с митрополитом, потом с генералом в его келье на втором этаже, потом поднялся к нам. Он качал головой, цокал языком, сказал, что ему трудно контролировать ситуацию – митрополит не случайно осторожничает; сказал, чтобы Егоров был более сдержан, а то труды многих месяцев пойдут... Тут он защёлкал пальцами, как бы это сказать... Псу под хвост, мрачно сказал Афиноген. Да, очень хорошо сказано, обрадовался Зоран. И ещё он сказал, что когда встречал нас в белградском аэропорту, то видел там Грофа. Гроф работает на итальянцев. Зоран думает, что и на мальтийцев. Орден просто так это дело не оставит. Они давно ведут переговоры о возврате не только руки святого Йована, но и креста, и Филермской иконы. Они предлагают инвестиции Черногории. Дело миллионное. Может быть, миллиардное.

Буфетчик принёс большую чашку кофе и стакан холодной воды. Он что-то стал мне рассказывать, глядя в моё лицо. Водитель

повернул голову и сказал, подбирая слова, что дорогу в горах завалило снегом. Из Бара и Подгорицы идёт техника. Будут чистить. Он пожал плечами и ткнул большим пальцем в сторону окна. За окном падал снег.

Я перегрузил телефон, долго смотрел на зелёный дисплей, пока не появилась надпись НЕТ СЕТИ.

Вася, наверное, уже встала. Пошлёпала босыми ножками по холодному полу на кухню. Нашла спящую Муську, потащила её к себе, зарылась в тёплую ещё постель, уложив рядом кошку. Та, очумевшая спросонья, не сопротивляется. Лимонное дерево у окна иногда вздрагивает от сквозняка, и легко колеблется огонёк лампадки на комод. За лаковой поверхностью пианино, в чёрной глубине светится зимнее окно, ходят тени от листьев. Мерцает жёлтый огонь подсолнуха на картине. Вася всматривается в картину, прижимается к кошке и скользит взглядом по тропинке, ведущей через огород к потемневшей от времени избе. Там живут её дедушка и бабушка. Бабушка сильно болеет и уже год лежит в постели. В последний раз, когда они с мамой ездили в Каменку, бабушка даже не узнала её. Всё спрашивала, как её зовут. Сейчас бабушка, наверное, спит. А дедушка уже встал и шурудит на кухне. Когда папа вернётся, они все вместе поедут проведать бабушку.

Подошёл буфетчик, вопросительно поднял брови. Сколько с меня, спросил я. Он убрал пустую чашку и что-то сказал. Я ничего не понял и потёр воздух пальцами. Он опять что-то сказал. Я достал из кармана мелочь и протянул ему. Он осторожно стал выбирать на ладони монеты, оставляя без внимания крупные.

На столике лежали влажные газеты. На первой полосе в «PUBLIKE» были напечатаны фотография митрополита и жирный тревожный заголовок.

Старик из аптеки продолжал мести дорожку. Метла моталась как автомобильный дворник. Пробежали школьники с жёлтыми и синими ранцами. Было тихо. Изображение улицы было нечётким. По большому экрану окна сверху вниз текли белые матричные иероглифы, и афиши на стенах кафаны, начертанные твёрдой рукой Лотрека, были исполнены абсолютной реальности.

Алексей Салов¹
СЕМЬ ДНЕЙ СОТВОРЕНИЯ

Марине

...после 24.00 пражский трамвай ходит
 с интервалом до сорока минут.
 («Полезная информация для туриста»)

В моей голове тысяча голосов. Они бодры и красивы, будто львы, играющие в «догони» на закате. Они заполняют весь мир, выпрыгивая в полуприкрытые окна. В моих глазах прозрачные тени Праги, очерченные кляксой огней. Моё тело штормит – это неутомный трамвай набегаёт на финиш чуждой остановки. Я стою один, потрясённый, невидимый, и только болтливая чешка, глотающая смех и «Будвайзер», могла бы вдруг вскинуть глаза и прочесть по моим грядущим слёзам. С чего бы? Я и сам не знаю причины...

Механический голос динамика объявляет: «Прийти заставка – Дринополо». Всё это правда один раз за целую жизнь – в полночь 29 мая. Если ты стоишь выше по склону, и трамвай 57 ночной линии города Прага катится к твоим ногам, прошу тебя, дождись, пока я сойду: возможно, в грохоте слов на чужих языках я нашёл ответы, которыми смогу поделиться...

Теперь-то я верю в угозованность нашей встречи. Но тогда, в самом начале пути, лёжа на верхней боковой полке плацкарта и зачем-то подмигивая твоим робким взглядам из-под простыни, ей-богу, я больше интересовался томиком Сарояна в руках, чем твоим бормотанием, или твоим заботливым братом, или даже превосходным плюшевым зайцем подле твоей маленькой головы. Конечно, это лукавство, но мне ведь и вправду понадобилось преодолеть весь европейский маршрут, чтобы оценить серьёзность нашей встречи. И, кто знает, не будь тебя, я бы, возможно, так и не узнал, с чего начинаются волшебные путешествия. Это не очень трудно для твоих пяти лет? О, прости, я думаю, что нетрудно. Ради такой вот гримаски, что ты кокетливо соорудила для меня, я

и нагородил столько слов. Взрослые почему-то любят всё усложнять, дорогая.

Бывают разные воспоминания, Настя. Мои – без сюжета. Напрасно искать в них хоть одну запятую, нарисованную для других. Это память сердца, а сердце моё плохо хранит названия и облики зданий, и геометрию улиц, где порой так приятно потерять читателя. Оно плохо угождает глазам, бегущим вприпрыжку, сметая абзацы в жажде праздника моего европейского приключения. Но оно бережно хранит каждого человека, которого я узнал. И тебя, разумеется, тоже с неизменным плюшевым зайцем и забавной верой в мою доброту. Ни сейчас, когда ты загораешь в Молдавии, ни годы спустя – никогда уже тебе не прочесть эту историю. Пусть за тебя это сделают другие – всё больше дяди да тети. Позволь им, ведь и ты такая добрая, правда?

Настя, я помню, что ты ни разу ещё не летала. Но уж, конечно, ты знаешь, где живут самолёты. Один такой дом называется Внуково. Поздней ночью я съел там вкусное печенье, выпил кофе для бодрости и подумал, как завтра покажется мне другой, маленький домик для самолётов в чешском Пардубице. И как я поеду в Прагу, и как воскресенье окончится, и наутро часы в моём телефоне объявят понедельник, 26 мая. И почему я всегда веду счёт с понедельника, что за дурная привычка, не знаешь?..

...Что рассказать тебе о столице прекрасной страны? Прага кажется мне стеклянной вазой улиц и зданий, расколовшейся на многие века вглубь европейской истории, но так искусно склеенной, что не разгадать швов и сомнителен точный возраст каждого скола. Средневековые часовни, готические замки, костёлы, домики, крытые неизменной черепицей всех оттенков красного и серого; улицы, мощённые древней брусчаткой, по каменным мозолям которой катятся современные шины; широкие спины мостов, знававшие рыцарей и висящие скорее над рекою Времени, чем над пенистой изумрудной Влтавой; магазинчики и новострой, заштрихованные разноцветной латиницей граффити; кафе, пабы, ресторанчики с летней террасой, подъёмы и спуски, надиктованные холмистой географией Чехии; змеистая параллельность трамвайных путей – всё это под хор тысячи голосов в голове моей порождает острое ощущение Праги, сказочной, как легенды о пиве, и

настоящей под моим прикосновением. Эти голоса, дробясь и набирая силу слияния, шепчут мне живую молитву города, пролившего кровь религиозных войн, и молитва эта – о человеке, каждом из ныне живущих, о любви и дружбе, о радости миллионного, но общего на всех города-порога, убаюканного качелями эпох.

Может, поэтому стояли в моих глазах слёзы в трамвае 57, где нации объединились и вдруг заиграла гитара, где всем было понастоящему хорошо, так что я безоглядно поверил: нерастраченная любовь к ближнему копится не в жерле трамвая, но в нас самих. Пражский трамвай только высвобождает энергию. В этом смысле он – метафора всей чешской столицы, иная реальность плавильного котла народов, когда все непохожи, но именно этим интересны друг другу: шотландцы в клетчатых юбках и южноафриканцы в «Lacoste», юные немки, напоминающие принцесс, или ирландцы, угостившие меня пивом в шикарном пабе, канадские молодожёны из Квебека или пожилые английские леди, затянувшие под вечер в уютном ресторанчике «Кластер» народные песни, а я-то думал, что это русская традиция...

И, конечно, жители Праги. Пражская молодежь полюбила меня свободным английским и заразной жадностью общения. Не веришь, спроси у Питера. Знал ли я, что слово за слово мы проговорим с ним, скрываясь под навесом кафе от первого за всё моё путешествие и какого-то игрушечного дождя, почти полчаса? Знал ли, что пивовар в Детенице стоило посетить ради случайной встречи с танцовщицей Яной, а вовсе не ради знаменитого «живого» пива? Чехия, как телескоп невероятной силы, укрупняет далёкие точки, заставляя их оживать, и в этих точках я разглядываю пунктиры своей судьбы, мимолётные, но очень важные. Гораздо более нужные, чем созерцание мёртвых красот средневековья...

По удалённости от центра Прага условно разделена на шесть округов. Мы остановились в самом дальнем, в отеле «Вильгельм» на улице Hostalkova. Там различимо с пригорка почти всё, что радует глаз в чужих городах. Лишь остановка трамвая «Дринополо» вне поля видимости. Нам достался тихий район, большая конфета за щекой городской карты.

В первый же вечер я устроил себе прогулку. Таковую, когда смотришь по сторонам, стараясь ничего не выпустить из виду. Но

Пражский Град никак нельзя пропустить. Два гигантских шпиля различимы почти отовсюду, они пропадают за ширмой листвы, чтобы на открытом пространстве снова выпрямиться в небо каменным величием. И так на протяжении всего пути от отеля. Когда попадаешь на территорию Града – главную площадь Градчан и официальную резиденцию чешского президента – ввысь и вширь, по всей геометрии зрения навстречу встаёт Кафедральный собор святого Вита. Снаружи это лучшая иллюстрация для книги о фантастическом замке Горменгаст, которую написал в преддверии безумия англичанин Мервин Пик. Собор нависал надо мной, как Горменгаст, «главной глыбой изначального камня...». Собор звучал музыкой невероятной архитектуры, она трепетала в каменном созвездии колонн, контрфорсов и фресок, в золотом пламени ночного освещения. Я был заворожён. Прямоугольная площадь как будто ушла из-под ног, растаяли фонари, фонтаны, скамейки и всё, что было вокруг. Мы были вдвоём и глядели друг на друга сквозь воздух времён. Собор был твердыней, но в этот момент я понимал его больше, чем дано мне понять многих живых...

И вот ещё странное свойство Пражского Града: покидая его, обязательно оборачиваешься, как будто хочешь проверить, не растаял ли он, не показался ли, чтобы тут же исчезнуть. Но позади всё неизменно: шпили ищут во тьме низкое небо и свет десятков прожекторов налетает на каменный панцирь собора...

Я возвращался в отель упоённый, и вдруг – редкий случай – два трамвая, идущие в разных направлениях, разминулись на моих глазах и умчались вверх и вниз по склону. Я посмотрел на опустевшие пути с любопытством туриста: они показались мне единственно честной на планете дорогой. Я знал, что стоит мне пойти по ним, я смогу добраться до края вселенной, до мест, где скрывается правда обо всём. Первый час ночи. Я засёк «до сорока минут» и пошёл...

Утром 28 мая мы ехали в Дрезден... Декорации мира мчались по сторонам, жмурясь от неба и солнца. Ты спала на моём плече, я думал о ценности каждой секунды жизни, которой когда-то лишили маленький город Дрезден. Мы были здесь и сейчас. Внезапное озарение: твои губы тревожно блестят, и, склоняясь, я целую пейзаж, пролетающий в розовом зеркале губ...

Англо-американская авиация уничтожила Флоренцию на Эльбе 13 февраля 1945 года. В бессмысленной войне сгорело больше невинных, чем в Хиросиме. Мы ехали туда, где 63 года назад темнело руинами самое страшное кладбище военной Европы. Мы ехали в Дрезден, отстроенный заново, укрытый молодой зеленью, с прудом около автобусной стоянки. В живой воде плавают утки... Камни Дрездена наполовину черны, они помнят о пламени твёрже людей, потому что не сгорают дотла. В туристической программке город называют «одной из жемчужин Германии». Времени, словно нарочно, только на осмотр исторического центра. Небо над ним – жемчужного цвета. Воздух пахнет катастрофой налёта...

Я стоял на мосту через реку и видел себя в прицеле английского летчика. Я был маленьким, а река подо мной – большой и невинной. Всякая вода кипит, но редкая горит так, как горела эта. Стрелок кладёт палец на гашетку, затвор щёлкает, я убит. Сфотографирован.

В галерее «Старые мастера» собраны тысячи шедевров мировой живописи. Мы бродим по коридорам, выкрашенным в однотон, я ищу глазами не картину – снимок, которого здесь не может быть. На нём маленький ребенок у гаража, опрокинутый трёхколесный велосипед и тень грозовой тучи на голых холмах. Гениальная работа Гэри Уиногранда «Нью-Мексико, 1957». Я ничего не понимаю в живописи, я думаю, если полетят самолеты, как я смогу тебя защитить...

Потом мы выходим на залитую ярким солнцем площадку перед галереями и занимаем скамейку возле фонтана. Нарочно так, чтобы брызги нас миновали. Мы говорим, мы ближе узнаём друг друга. Капли, как жемчуг, взлетают, осыпая гранит...

...И вдруг фонтан дотянулся ледяными осколками влаги до наших лиц и одежд, и тотчас ощущение катастрофы, которым неизлечимо болен воздух Дрездена, сгнуло навсегда. Я прислушался, чтобы проверить: фонтан хлюпал носом, посвистывал и опадал, и в упругих толчках его воды, разбитой на струи, не было воя воздушной тревоги и оханья бомб, падающих с высоты, будто огромные чёрные хлопья в адское рождество... Я держал твою руку и смотрел, как ты улыбалась...

Вернувшись из Германии, мы отправились на светомузыкальные Крижиковы фонтаны. Помнишь бар, в котором коротали время до десяти, пока не пошёл по небу пятнами мглы настоящий вечер? Монашек, которыми залюбовался на трибуне Слава? Как шутили о чём-то, несли ерунду и молчали, глядя на танец воды? В нём был шум нашего счастья, в нём говорила цветущая Прага и молчал далёкий Дрезден. Я гадаю, как нарисовать для тебя этот праздник, но бросаю, едва начав. В глубине наших глаз его цвета не требуют объяснения...

А помнишь Карловы Вары? Вафли с разной начинкой, мы никак не могли сосчитать, сколько коробок увезти в подарок друзьям. Помнишь, мы бегали взад-вперед, покупая вафли и сувениры? Какие же мы были неутомимые. И счастливые. И даже в автобусе на обратном пути армия из картонных коробок не давала покоя, каждая норовила бомбой вылететь из отсека хранения и ухнуть на пол. И одна всё-таки ухнула. Конечно, сон не шёл ко мне, потому что рядом была ты. Но и вафли сыграли свою маленькую тревожную роль. Это так смешно, если подумать.

Помнишь Чешский Штернберк, готический замок с немыслимым количеством внутренних помещений? Каким серьёзным он выглядел, каким неприступным! А потом мы попали в просторную залу, и Слава очень смешно сказал: «Вот так мы собираемся жить!» Ты добавила: «Временами...» Честное слово, это незабываемо! Да что там – отличное было время, правда?..

Мы столько раз покидали Прагу и возвращались к её Пороховым воротам, и каждый раз чешская столица дарила нам вечер и первый осколок ночи, чтобы, наконец, узнать ближе её саму. И теперь в стуке клавиш я снова чувствую игрушечный город: веет поздней прохладой, свет фонарей кивает петляющим улицам, век переходит в век, веки сжимаются и распахивают глаза, заставляя их верить в происходящее чудо... Не правда ли, нам были отпущены те же семь дней сотворения, счастливое время, когда в полночь закрывают ворота в Пражском Граде и пустеют все скамейки, кроме одной... Прага, которая подарена только нам и неизвестна никому больше, выросла по волшебству и осталась жить вечно в той майской неделе. Это разрешает

мне думать, что у старого города нет окончания. В смысле вечности, а не топографии. В наших сердцах наверняка ему нет никакого предела...

...Дорога домой всегда стремительнее, это правило без исключений. Ибо по-настоящему прощаться мы начинаем, когда ощущение близости становится непреодолимым. В этот момент, сколько бы дней ни ходить нам ещё по тесным улочкам Чехии, глядя на grimасы городских пейзажей, мы готовимся к воспоминаниям. И обратный путь не хочется растягивать понапрасну: чем скорее мы окажемся дома, тем быстрее вернёмся во сне на эти тесные улочки...

В вагоне №1 украинского поезда моей соседкой оказалась девочка лет пяти. Но я был так увлечён саундтреком из «Ямакаси», что даже не спросил её имя. Мы посматривали друг на друга в смущении. Потом она смеялась. Французский рэп от Busta Flex, Joey Starr и DJ Spank заглушал смех, оставляя мне лишь забавную мимику... Я уснул под рокот колёс, воображая, какая первоклассная чечётка им удаётся. Ей-богу, не знаю, что сочиняла она...

Я открыл глаза в три часа ночи, покинул верхнюю полку и уставился в окно, считая назад последние километры. Моя соседка, сжимавшая крокодила, улыбалась во сне, её игрушка качалась в такт вагону №1, как будто кивала приветливо моему одиночеству. Я робко кивнул в ответ... Я вспомнил твой взгляд из-под шляпки (пятьдесят семь километров)... таянье губ в улыбке (пятьдесят шесть километров)... и подумал об озарениях, которые мы воплощаем. Пятьдесят пять... четыре, три, два и один...

так завершается великое путешествие: плюшевый крокодил сменяет зайца в изголовье маленькой девочки, хор умолкает, и мой собственный голос выдаёт в подражанье динамику радостное и печальное соло: «Пришти заставка – Курск»

*и что-то вроде:
обещаю тебе,
обещаю*

Лев Усыскин¹ ВЕЧЕРОМ В АЗИИ

её детям

1

 Собственно, только рельсы – и всё... лишь они одни... те же самые тысяча пятьсот двадцать миллиметров поперек – и такие же чёрные, и блестят, где разъезжены, – солнышко наше некапризное отражается в них... Потом идут семафоры и всякая такая дребедень – стрелки, станции, флажки разноцветные там разные, пожарный спецсостав на запасном пути – молчит себе, красный – фальцет маневровых тепловозиков, леденящие душу надписи: «опасно. серная кислота» либо – «срочный возврат, станция Кондопога окт. ж.д.» – белым, по борту отогнанного полгода назад в тупик вагона, – и та же самая травка торчит меж коричневой от ржавчины гальки, та же, что и на перегоне Брянск Льговск. — Брянск Харьковск., и так же выкорчёвывают её изредка, преодолая лень.

Жизнь тяготеет к этим невзрачным полутора метрам пространства – отсюда являются деньги, газеты, начальники, сюда однажды приехал передвижной цирк со зверями и толстым фокусником – виртуозом цветных шаров, сюда же провожают гуртом дважды в год новобранцев, и сюда же возвращаются они потом по одному, украшенные немислимыми знаками различия и пьяные и – после – ступают уже отсюда на землю, разминая парализованные трёхдневным путешествием в плацкартном вагоне ноги, вспоминают родную речь... Собственно, только это – две не слишком ровные ленты стального проката марки Р-65 либо Р-55, а то и Р-43 где-нибудь даже – и можно думать о расстояниях, о связи пространств и движений в них людей, и лишь удастся вообразить себе отсутствие этих лент – и тут же распадается всё, и больше ничто нас не связывает. Вот и всё. Чаю хочешь?

2

– Всё здесь просто. Это Восток. Вещь есть вещь, и только она одна. Вот дорога, у дороги – дорожный знак. Дом – это четыре

стены. Еда – это мясо, рис, овощи... Чай – это чай, зелёный чай: другого здесь не знают. И всё. Цветов тоже немного, и потому так застревает в глазу эта сумасшедшая лазурь: все эти пресловутые орнаменты – суть нагромождение очень простых элементов; религии здесь тоже любят простые – потому буддизм здесь и не прижился когда-то... Зато каждому ясно – когда молиться. И сколько. Собственно, всё здесь склонно к повторению, и это человеколюбиво: любой сколько-нибудь стоящий сюжет о европейце на Востоке кончается смертью этого европейца, ибо смерть – сугубо европейская штука: её не впишешь в орнамент. Никак. Принято считать, что люди здесь чертовски хитры — это не так, конечно. Просто они молчат. Не отвечают на твой вопрос потому, что – не нужно: любой вопрос уже задавали когда-то раньше и, стало быть, ответ известен уже. Зачем же сотрясать воздух – жарко...

Мы сидим на террасе, пахнет глиной, зреющими виноградными гирляндами, переваривающимися в сладостный терпкий сок впитанное за день солнце – само же солнце где-то на той стороне земли: сейчас его замещает не по-здешнему дрожащий сорокавечерный свет, в котором уже час как бьётся какое-то крупное ночное насекомое...

– Чудно получилось: вот ты здесь, у меня, дыню кушаешь, – вчера тебя как бы и не было вовсе – и так же не будет тебя после... Мы подобны тряпичным куклам из пыльного сундука провинциального кукловода – мы существуем, лишь пока идёт представление...

3

Он сидит передо мною своим телом – поджарый, крепкий, чистый. Свежая сорочка, улыбка, загар – редкий для постоянно живущих здесь русских – и какая-то внутренняя готовность к прыжку постоянно: готовность воина, одного в поле.

– ...мы здесь давно: отца перевели сюда в сорок третьем, партгорком комбината, когда я родился, он был главным инженером, потом ещё кем-то – так всю жизнь на комбинате и простоял, даром что лёгкие порченые. После войны здесь народу прибавилось: кто из эвакуации раздумал возвращаться, кого наоборот – по указу... целые народы появились, каких не знали... такой зоопарк... <...>

Дело в том, что все здесь всех ненавидят, и это нормально. В общем, приучаются с детства относиться к чужим терпимо – потому, что чужих много, но в душе ненавидят – и это подпитывает жизнь и не даёт пропасть. Рассеяться. У каждого народа здесь аура некая в глазах прочих – если ты пришлый, тебе расскажут, конечно – за столом там или в машине. А местным не будут: этикет. Кто нарушит – вдруг неприятности посыплются, самые загадочные – отовсюду. На работе, в магазине, где у тебя знакомый завсклада, в больнице – ты как зачумленный ходишь, и не понимаешь ни черта...

Каракалпаки... Это такая страна, Каракалпакия – там ничего не растёт, только дыни. Да и те теперь растут плохо – соль гонит с Арала: эрозия почв. Мы в Тахиаташ ездили с друзьями побираться по молодости. Там как: если хоть гвоздь умеешь вбить – ты человек, кушай себе кашу с жирным мясом – Руслан там жил ещё в девяносто третьем – потом в Кропоткин, к родным перебрался, все отсюда бегут, что ж сделаешь – так вот, не подступишься... А так — кто точку какую держал, потом передавали своим же: армяне – армянам, узбеки – узбекам, – благодать, одним словом...

4

Он рассказывает про Нукус – нелепый город с плохой водою, где в местном музее томится первоклассная коллекция Савицкого, приютившая работы русских художников, спасавшихся на Востоке от *иконоборчества* тридцатых – впрочем, видел-то я её в Москве... Я тоже помню этот город с его августовскими звёздными ночами в разорённом ботаническом саду местной академии – где некогда тоже была коллекция, а ныне – одни чинары, едва дающие тень земле и приют – песочного цвета субтильным горлинкам, столь непохожим на наших раздавленных северных голубчиков! И лишь изредка забредает в него какая-нибудь шальная коза в тщетных поисках чего-либо травянистого – хоть бы и арбузной корки...

Помню оттенки серого и жёлтого – пыль и глину дороги на Ходжайли, переправу через Амударью, границу с Туркменией – когда вдруг оживают чахлые каракалпакские сады и вместо приземистых, удручённых аборигенок взгляд вдруг начинает останавливаться

помимо воли на стройных, величаво ступающих туркменских женщинах в однотонных, пастельных оттенков шёлковых платьях – несколько веков набегов за сладостной добычей обеспечили завидный генофонд народу и сейчас, в оседлом настоящем... Я могу рассказать и про Тахиаташ, где мы прожили неделю в доме пожилого узбека-двоежёнца, *не знавшего грамоте*, но при этом уверявшего, что ведёт свой род от арабов, живших при дворе хорезмшаха Мухаммеда... Я помню всё это – по-своему...

5

Будучи упомянут случайно, хлопок срывает разговор горькой усмешкой: хлопок ненавидим. Он приходит в каждый дом с регулярностью урожая и снимает свой оброк трудовой повинности. Студенты проводят в поле месяца по три в году, прочие – меньше, однако случалось, когда в жертву ему приносились и пассажиры рейсовых автобусов, останавливаемых чуткими к нуждам сельского хозяйства работниками автоинспекции. Такова фарсовая сторона дела – иная же сторона, трагическая, многолика: здесь и высохший в солёный мазут Арал, и переселённые во времена Хрущёва в Ферганскую долину жители Памирского высокогорья – за тысячелетия обособленного существования в разреженной, богатой ультрафиолетом атмосфере, утратившие большую часть присущего жителям низин иммунитета, они гибли тысячами от пневмоний и туберкулеза, и лишь немногие вернулись потом в родные кишлаки... Хлопок выпил их кровь, как выпил воду рек, перед тем отравив её дефолиантами – с конца августа вода в арыках непригодна даже чтоб вымыться...

– Братишка мой чуть не загнулся однажды на хлопке, – мой собеседник слегка шурит глаз в высохшую, как майский ручей в пустыне, усмешку. – Дело давнее: в семнадцать лет сдал экзамены в ТашМИ, студенческий билет в руки и айда – колхоз им. Имомали Худайбердыева... «Подарим цветущему Узбекистану один миллион тонн хлопка сверх плана!» – на двух языках, белым по красному, рубленой кириллицей... транспарант, значит... Ну так вот, всё бы хорошо, да гепатит – вещь обыкновенная в наших местах, даже среди студентов ТашМИ... Никуда не денешься... И, знаешь ли, очень трудно дать родной республике этот самый дополнительный

миллион, когда у тебя печень размером с дыню... Ага, тут начинается эта самая комсомольская бодяга – сразу объявляется тьма энтузиастов, особенно среди девушек ненаглядных – ибо дело беспроектное, клеймят, указуют перстами, вон из комсомола, из института, из Узбекистана, словом – расстрелять, эксгумировать и снова расстрелять... слышишь... в общем, если бы отец не приехал (он тогда ещё в силе был, разъезжал на чёрной «Волге» и всё такое) да не покрутил пальцем у виска («что ж вы, идиоты, вас же теперь под карантин всех, а ещё – медики!..»), худо бы пришлось Сашке... Вот как оно случалось иногда при прежней власти, забавно, не находишь?..

...Ночью становится прохладно. С трудом вырвав себя из анестезии разговора, нащупываю в темноте свитер:

– И присно, и во веки веков – аминь...

6

Война стыдливо скрывалась выцветшим брезентом, ночным гулом моторов транспортной авиации – никто не понял, когда же всё началось: дрожь природного незнания тонула, убаюканная, в саже газетной лжи...

Всё так же оживала весенними маками пустыня, так же, как прежде, цвёл гранат и одновременно плодоносил на той же ветке... едва ли что-то могло измениться от всегдашнего распорядка – чуть больше стало на дорогах прожорливых до бензина грузовиков «Урал», позже упали в цене наркотики, да нахлынувшие с севера перекупщики рыскали, жадные, в поисках ненужных в здешнем климате крашенных афганских дублёнок.

Гарик Цуцумия, тянувший в те годы действительную в десанте, рассказывал, как тогда, в семьдесят девятом, их подняли внезапно по тревоге (прежде внезапных тревог они не знали от первых месяцев службы), загнали в самолёт и продержали там без малого сутки. Четыре раза запускали турбины. Дважды сменяли стоянку – словно бы сдавливая распиравшую турбины мощь, брюхатый Ил-76 пыльным навозником скользил по рулёмке – куда? зачем? Потом всех выгрузили и вернули в казармы. Только неделями спустя, из дошедших газет и программы «Время», Гарик смутно почувствовал, что избежал чего-то не слишком, по-видимому, полезного для здоровья.

Другие не избежали. Друг Игоря Колесникова, смешливый Серёга Гороховецкий, следуя в колонне через Саланг, рухнул вниз вместе со своим ГАЗ-66 (отказ бензонасоса) на глазах у другого уроженца Бендер, Кольки Мальцева, который и рассказал всё это до странности равнодушным голосом матери Гороха потом, год спустя, когда сам вернулся домой с простреленной лодыжкой...

...Всё больше становилось раненых – теперь они попадали не только в окружные госпитали, но и в гражданские клиники сколько-нибудь больших городов – туда, где имелись хотя бы маломальски приличные хирурги; впрочем, их всё равно забирали потом долечиваться – иных же отправляли дальше: в Москву, Ленинград – и язык не повернётся сказать, что им повезло...

...

«...Кабул был своего рода заповедником», – рассказывал мне Мишка Страхов, восемнадцатилетним младшим лейтенантом отправленный в сороковую армию с порога полторагодичных курсов военных переводчиков, – «в городе царил порядок: работала толкучка, чеки Внешпосылторга шли за афгани по хорошему курсу, доллары шли ещё лучше, да только их не было ни у кого...»

«...вокруг стояли наши, плотным кольцом... считалось, что в город мышь не проползёт – дороги контролировались и т.д., – он едва заметно улыбается, – ...в действительности всё было не так, конечно... духи сновали туда-сюда почти беспрепятственно... с оружием и без... я встречал иных из тех, кого допрашивали с моей помощью где-нибудь в провинции месяца за два до этого... они узнавали меня, здоровались, заводили разговор... вполне дружелюбно... там я был враг, здесь – сосед... не более того...»

«...вышвырнуть нас всех из Кабула, устроить в городе ад крошечный – не составляло труда... бдительность тех, кто нас охранял, рассеялась полностью в перегар и в сладковатый конопляный дымок – впрочем, правила игры понимались и принимались всеми абсолютно – всех это устраивало, status quo позволял жить беззаботно: тешил удельных царьков удельной властью, подпитывал военными поставками и гуманитарной помощью, делёж каковой слыл единственной достойной причиной дослать патрон в патронник...»

«...это тянулось бы вечно...», – продолжает он со спокойной рассудительностью, без сожалений и восторга – как, впрочем, и подобает мужчине рассуждать о деталях своей биографии, – «...Горбачев спутал все карты... едва ли кто-то мог ожидать, что он решится на это – не только там, но и в Москве тоже, я думаю...»

Мишка вернулся в Москву невредимым. Окончил университет, работает в банке. Женится, потом развёлся. Когда разговор касается планов на будущее, почти всегда молчит, лишь слушает собеседника.

7-8

Родственники важней всего. Они являются перед глазами какой-нибудь свадьбой, какой-нибудь давнишней сумасшедшей свадьбой – прямо так, как они сидели там за столом – живые попеременно с умершими, трезвые с пьяными, богатые с бедными; внимание их поглощено салатом оливье и шёпотным разговором: они словно бы не замечают тех, кому предстоит вступить теперь в их невнятный клуб, и лишь изредка бросают через стол презрительно-экзаменующие взгляды...

Потом всё встаёт на свои места. Обнаруживаются связи. Берутся займы деньги. Подгоняются под общий знаменатель мнения. И начинается жизнь – тягучая и просторная, как буро-красное айвовое варенье...

Родственники помнят всё. Несколько смешных, уязвимых слов, сказанных тобой в бессознательном ещё детстве, пару рискованных поступков в девичестве (если ты женщина), первые ляпсусы семейной жизни – тебе будут вспоминать всё это невзначай, лет до сорока пяти, когда, сменив объект участия, они займутся твоими детьми...

Родственники помогут, случись чего: дадут в долг, найдут работу, врача, жену, решат проблемы с милицией и пропиской, отправят в другой город, если вынудят обстоятельства. Они будут качать головой, назидательно вздымать указательный палец над столом, говорить: «Вот видишь!» и «Я же предупреждал, помнишь?», и ты проглотишь эту пытку, как неотъемлемое дополнение свалившейся на тебя беды... и в голову не придёт, что может быть по-иному...

И, право, должно случиться нечто немислимое, нечто неотвратимо-эпическое, когда железным шрамом разводят людей линии фронтов либо государственные границы, когда соседка-смерть вдруг глянет в лицо привычно-понимающим взглядом, и никто ей не изумится – тогда только мысль о родственниках окрасится вдруг золотой аурой роскоши потерянного покоя; и, зацепившись за неё, мозг начнёт мало-помалу выволакивать из тьмы небытия иные атрибуты прежней бесхитростно-невозвратной жизни: жасмин во дворе, дом, детство...

...

– Ташкент среди всего – особняком. Есть две вещи: есть Ташкент, и есть всё остальное... Можно было прожить в нём лет двадцать, не выезжая, – и, отъехав, наконец, километров на сто, впервые открыть для себя, например, четырёхэтажную районную больницу без водопровода и канализации, с удобствами на улице... или ещё что-нибудь в том же духе...

В самом же городе жизнь текла благопристойно, вопросы решались вскользь, избегая выпуклостей. Можно было говорить по-русски. Можно было общаться: ещё живы были люди, помнившие Анну Ахматову. Случались симфонические концерты – однажды, говорят, приезжал сам Иегуди Менухин...

Десятибалльное землетрясение шестьдесят шестого года, так или иначе коснувшееся каждого, пошло только на пользу – город наводнили деньгами, началось строительство – монументально-претенциозное издалека, халтурно-нелепое вблизи. Мне показывали здание с неправильно приваренной солнцезащитой (с точностью до наоборот: в полдень солнечный свет беспрепятственно раскаляет комнаты, тогда как утром и вечером приходится включать электричество). Архитектор, осуществлявший авторский надзор, пытался остановить, переделать – его не поняли: зачем? Зачем суетиться задним числом?.. Всё уже сделано...

И рядом с этим со всем жил своей жизнью Старый Город – несколько кварталов немислимой планировки, начинавшихся сразу же за медресе Кукельдаш – и об эти кварталы разбивался вдребезги демон советского учёта и контроля... Никто не мог сказать с определённой ясностью, каково его население, чем оно занято и на что живёт; куда проведён водопровод и куда электричество – с

каждым годом махалля дробилась новыми и новыми глинобитными стенами, возводимыми всё умножающимися в числе жителями, работали запрещённые частные шашлычные, и вечный чигирик лениво черпал из утратившего первоначальное назначение арыка поливную воду...

9. Бабур-Наме

Выдержки по изданию АН УзССР, Ташкент, 1958 год.

«...в месяце рамазане года восемьсот девяносто девятого я стал государем области Ферганы на двенадцатом году жизни.

Фергана – область в пятом климате, находится на границе возделанных земель. На востоке от неё – Кашгар, на западе – Самарканд, на юге – горы Бадахшанской границы; на севере, хотя раньше и были такие города, как Алмалык, Алматы и Янги, название которого пишут в книгах Отрар, но теперь, из-за нашествий монголов и узбеков, они разрушены, и там совсем не осталось населённых мест...»

«...В Самаркандском арке Тимур-бек воздвиг большое строение в четыре яруса, Кок-Сараем называется. Ещё близ ворот Аханин, внутри крепости он поставил соборную мечеть, каменную. Больше всего там работало каменотёсов, привезённых из Хиндустана. На переднем своде мечети выведен стих Корана “И вот воздвигает Ибрагим основы...”»

«...Другая высокая постройка Улуг-бек мирзы – обсерватория у подножья холма Кухак, где находится инструмент для составления звёздных таблиц. В ней три яруса. Улуг-бек мирза написал в этой обсерватории “Тургановы таблицы”, которыми теперь пользуются во всём мире. Другие таблицы употребляют редко. Раньше пользовались “Ильхановыми таблицами”, которые составил Ходжа Насир-и Туси во времена Хулагу-хана в Мараге. Хулагу-хан – это тот, которого называют также Ильханом.

По-видимому, во (всём) мире было построено не больше семи или восьми обсерваторий. Из них одну обсерваторию устроил халиф Ма’мун, в ней написали “Ма’муновы таблицы”. Битлимус тоже (когда-то) построил обсерваторию; другую обсерваторию построили в Хиндустане, во времена раджи Бикрамаджита Хинду, в Удджайне и Дхаре, то есть в государстве Малава; которое ныне

называется Манду. Этими таблицами пользуются теперь индийцы в Хиндустане. Со времени постройки этой обсерватории прошло тысяча пятьсот восемьдесят четыре года. В сравнении с вышеупомянутыми таблицами таблицы (Бикрамаджита) менее совершенны...»

«...Бухара – прекрасный город. Плоды там изобильны и превосходны, очень хороши дыни. Нигде в Мавераннахре не бывает так много дынь и таких отличных, как в Бухаре. Хотя в области Ферганы, в Ахси, есть сорт дынь, называемый мир-и тимури, которые слаще и нежнее бухарских, но в Бухаре много дынь всяких сортов, и они хороши. Бухарские сливы тоже знамениты; таких слив, как бухарские, нет нигде. Их очищают от кожицы, сушат и вывозят в качестве подарка...»

«...Среди моголов установления Чингизхана до сих пор таковы, как их учредил Чингизхан. Бойцы правого крыла стоят на правом крыле, левого крыла – на левом крыле, середины – в середине; все из рода в род стоят на местах, указанных в ярлыке Чингизхана. Относительно правого крыла постоянно происходили раздоры между родами Чарас и Бекчик из-за того, кому выходить на край...»

«...В этой битве (особенно) хорошо рубились два йигита: с нашей стороны – один из братьев Ибрахима Сару по имени Самад, с их стороны – хисарский могол по имени Шахсувар. Они встречаются лицом к лицу: Шахсувар так сильно рубит, что пробивает клинком шлем Самада и глубоко всаживает ему лезвие в голову; несмотря на подобную рану Самад так бьёт, что сносит Шахсувару саблей с головы кусок кости величиной в ладонь руки. На Шахсуваре не было шлема; ему лечили голову, и он поправился. Лечить голову Самаду было некому; через три-четыре дня он умер от этой раны...»

«...вдоль северного берега реки Ходженда шёл Султан Макшуд-хан. Он пришёл и осадил Ахси. Джехангир мирза был там. Из беков в Ахси находились: Али Дервиш-бек, Мирза Кули кукель-таш, Мухаммед Бакир-бек и Мейх Абд Аллах Ишик-ага; Ваис Лагари и Мир Гияс Тагай тоже были там. Опасаясь беков, они ушли в Касан – область, управлявшуюся Ваис Лагари. Ваис Лагари был воспитателем Насир Мирзы, по этой причине Насир Мирза и находился в Касане. Когда Султан Махмуд-хан достиг

окрестностей Ахси, эти беки предались хану и отдали ему Касан. Мир Гияс остался на службе у хана, Ваис Лагари отвёз Насир Мирзу к Султан Ахмет Мирзе: царевича поручили Мухаммед Мазид тархану...»

«...Когда мы находились в одном курухе от Аб-и Истаде, то видели удивительную вещь: между небом и водой то и дело появлялось и снова исчезало что-то ярко-красное, как вечерняя заря. Это продолжалось до тех пор, пока мы не приблизились к реке; подойдя близко, мы поняли, что это дикие гуси: не то десять тысяч, не то двадцать тысяч, очень много диких гусей. Когда множество диких гусей на лету машет крыльями, то их красные перья то виднеются, то скрываются. Там оказались не только эти птицы; на берегах водится бесчисленное, несметное количество всяких других птиц.

На берегу оказалось много птичьих яиц. Двое афганцев, которые пришли на берег собирать эти яйца, увидев нас, бросились в воду. Несколько человек проплыли за ними с полкуруха и привели их. Они доложили, что вода всю дорогу одинаково мелкая и доходит коням по брюхо. Река там, по-видимому, неглубока вследствие ровности дна.

Придя к руслу потока, идущего по степи Катта-Ваза и впадающего в Аб-и Истаде, мы стали там лагерем. Это русло сухое, и вода обычно никогда там не течёт; сколько раз мы проходили мимо, мы никогда не видели в этом русле текущей воды. Но на этот раз из-за весенних дождей в русло прибыло столько воды, что мы нигде не могли найти переправы. Хотя русло и не слишком широкое, оно очень глубокое. Коней и верблюдов всех переправили вплавь, а некоторые вещи и пожитки связали веревками и перетаскивали волоком на ту сторону.

Перейдя это русло, мы миновали Кухна-Нани и плотину Сар-и Дех и пришли в Газни. Джехангир-мирза день-два оказывал нам гостеприимство, предлагая угощение и поднося подарки...»

«...Хасан Якуб-бек, человек недалёкий, но весёлый, расторопный и деятельный. Ему принадлежит такой стих:

*Вернись, о Хума, так как без попугая твоего пушка
Ворон скоро унесёт мои кости.*

Он был смел, метко пускал стрелы, прекрасно играл чавганом и хорошо прыгал при игре в чехарду. После гибели Омар Шейх мирзы полновластным вельможей при моих дверях был именно этот бек. Это был тёмный, несдержанный человек и большой смутьян».

«...Я сочинил тогда одно рубаи; у меня были сомнения относительно употребленной в нём рифмы: к тому времени я не особенно глубоко изучил правила стихотворства. Хан был одарённый человек и сочинял стихи, хотя законченных газелей у него было немного. Прочитав Хану это рубаи, я сообщил ему о своих сомнениях, но не получил ясного ответа, могущего успокоить сердце; видимо, Хан тоже уделял немного внимания правилам стихотворства. Позднее я узнал, что в тюркских словах в случае необходимости буквы та и даль, а также гайн, каф и кяф могут заменять друг друга».

10

Дороги безобразны. Узкие, пыльные, почти игрушечные – они петляют среди Туркменских Каракумов и хлопковых полей Ферганы, обрастают газовыми факелами где-нибудь в Газли и Мубареке, обрываются обмелевшей лентой Амударьи в Чарджоу, где хозяйничает неуклюжая паромная пара, и, наконец, упираются под Красноводском в солёный Каспий... Помнят ли они что-нибудь? Сочувствуют ли кому? Нищим калантарам, ступавшим по ним во имя Аллаха задубевшими ногами, или, быть может, столетия спустя счастливому и хмельному греку-археологу, открывателю золота бактрийских царей? Как носился он, подымая пыль, в своём разболтанном автомобиле с иностранными номерными знаками? Шут их знает, эти дороги: должно быть, хранят они нас от чего-то – иначе зачем им входить в наши сны; и, будучи нервом сна, простираются они прочь, за его пределы – и вот, как бы слегка прищурившись, вижу я себя двадцатилетним, и асфальтовая лента слева от меня, едва не плаваясь от солнца, уходит за горизонт...

На спине у меня выцветший обвислый рюкзак, давно не мытые и не стриженные волосы почти что касаются плеч – шаг мой верен и твёрд: я не имею понятия, где встретит меня ночь, но ночь ещё не скоро, в самом деле...

Нет нужды останавливать автомобили: даже с затылка водители опознают чужеземца и, повинувшись всё прошибающему любопытству, жмут на тормоз:

– Здорово, брат...

Русский язык, выученный в армии, приходит дюжиной первоочередных слов:

– Куда идёшь, брат?..

И уже в кабине, после получаса разговоров, не выпуская из рук обвязанный хранящим от бед верблюжьим шнурком руль, он скажет, наконец, сакраментальное:

– Послушай, брат, зачем тебе в Бухару сегодня?.. Поедешь в Бухару завтра... или послезавтра... какая разница... Послушай, поехали сейчас ко мне, поедим плов, выпьем чаю... а?..

Храни его Бог. Стояло лето восемьдесят восьмого – чуть больше года оставалось до начала двухлетия погромов и массовых беспорядков, стальным обручем страха и безысходности охвативших Узбекистан... Храни его Бог, этого Джамадурды или Улугбека – где он сейчас? Чему научился я от него, или, быть может, он от меня тогда? Что изменила в нашей жизни эта дорога, ведь не напрасно же свела она нас, хоть бы и на миг в сравнении с её собственной жизнью, – без начала и без конца, без ненависти и без сожалений... мать наша – пыльная дорога, она вбирает нас всех с потрохами, подобно серой реке весной, и после, не оборачиваясь и не замедляя хода, бежит себе дальше и дальше, должно быть – к нашим детям.

Александр Барбук¹ **ЧЁРНАЯ АПТЕКА** **Рассказ**

М. Л. М.

Всё, что я буду описывать, происходило в тех самых девяностых. И всё это правда. Я числился в университете студентом-словесником последнего курса, хотя уже год не ходил на занятия, взяв по болезни академ.

Моя болезнь была странного происхождения. С двадцатилетними юношами, подверженными самообману и рефлексии, такая

беда иногда случается. Болело всё: спина, шея, голова, ломило руки, кололо в сердце. При волнении я начинал задыхаться, и в носу возникала непроходимость, как это бывает у наркоманов. Самым неприятным, постоянно мучившим было ощущение давившей тяжести в груди, будто между рёбер посередине забили тупой деревянный кол. По вечерам при первом загоравшемся в окне фонаре откуда-то сверху слетал на меня вполне осязаемый, почти что вещественный страх, приводивший в оцепенение. Жить становилось страшно, жить не хотелось. Я лечился, но как выяснилось позже, средством, лишь усилившим моё недомогание: это были книги, много книг. Сутками безвылазно, иногда в каком-то полусне, я проглатывал одну за другой, не помня потом ни сюжета, ни персонажей. Взглядом, обращённым только в себя, только внутрь, проскальзывая десятки страниц чужой яркой жизни, полной героических усилий и чудесных стран, я сидел сгорбившимся иноком в своей комнатке на шестом этаже и показывался из дому лишь для того, чтобы выгулять единственного друга – ротвейлера Дойча.

Проходя вдоль обрыва над утренним городом после ночи бдения у настольной лампы, я мечтал, что когда-нибудь брошу любимые места, уеду с юга в холодную Москву, где найдутся для меня, одинокого, такие же одинокие друзья, с которыми уже много лет вёл я во время прогулок мысленные беседы.

На горизонте среди рассветных холмов и тёмных плоскогорий маячило двугорбое надгробие Чатырдага.

С ближних полей пахло цветущей лавандой – запах для меня кладбищенский, почему – скажу позже.

Первый высохший лист платана отваливался от ветви, слетал на бетонную дорожку и, поднявшись на закруглившиеся кончики своей пятерни, полз, подгоняемый сквозняком, мне навстречу.

Возвращаясь сюда ненадолго из Москвы, я буду показывать своим друзьям всё это, многое другое.

Они, как и я, поллюбят бродить вдоль реки во время половодья. Уже палит солнце, а в горах ещё снег, и этот вчерашний снег яйлы шумным потоком проносится мимо нас.

Мы будем шататься по Старому городу, в пыли, по кривым, узким каменным улочкам, среди ароматов городской гнили и

разложения. В серых облупившихся строениях нет удобств, здесь плохо жить, если ты привык только жить и ничего более. Однако лишь в этих кварталах можно видеть художников со своими мольбертами, только они во всём городе незаметно для нас переносятся на холсты.

Я хотел уехать в Москву, потому что мне нужна была свобода, нужно было вырваться из житейского болота, названного мною «системой». Эта «система», существование которой большинством людей или не замечалось, или приветствовалось, страшила меня больше всего на свете. «Система», заданность, несвобода была во всем, – в общем и в мелочах. С детства я знал основные вехи «системы»: школа, университет, женитьба, работа, пенсия, кончина. Каждый этап этой главной «системы» напоминал мне всегда о завершении, о смерти, и однажды встретив в стихах Блейка выражение «свадебные катафалки», я был поражён, насколько точно соответствовало оно моим представлениям. «Ваших свадеб, торжеств, похорон», – писал уже другой, русский поэт Блок о той же самой «системе». Сама мысль о конце жизни разбивала в моей голове стройность и нужность созданной людьми и поддерживаемой «системы». Если есть *это*, если *она* близко, если *она* существует, то что-то нужно делать, как-то нужно жить по-другому, иначе. Нельзя оставаться спокойным, делать вид, что ничего не происходит, когда минута за минутой, час за часом с катастрофической скоростью мы приближаемся к тому, чтобы всё оборвалось. Глупо, сознавая это, не быть безумцем, не пытаться всё, хотя бы в своей собственной жизни, изменить. В своём городе я так и не встретил достойных людей, которые бы были вне «системы». Вне «системы» оказывались отбросы общества, люди малопривлекательные, а главное, неразвитые и не признававшие само существование «системы».

В добавок к основной, меня всегда приводило в уныние бесчисленное количество других, мелких, но таких же устрашающих «систем». Чтобы соответствовать им и не чувствовать себя изгоем, нужно было подчиняться «системам». Нужно было знать и любить современную музыку, это самое «тум-тум-тум, там-там-там», а я не любил. Нужно было заниматься спортом и наращивать мышцы, а я не умел. Нужно было жить весело, с попойками,

с приключениями, но перепробовав всё это, я увидел только скуку и однообразие. Нужно было зарабатывать деньги, а для этого отказаться от книг, от свободного времени. Нужно было быть сильным, а я был слабым, нужно было быть грубым, а я был чувствительным, нужно было быть человеком уравновешенным, а я был рождён с оголёнными нервами. Нужно было не выделяться, не обособливаться, а жить как-то так системно, чтобы никто не сказал, что ты другой.

Чтобы не попасть в «систему» я был согласен на нищету, одиночество и даже унижения, однако с каждым годом я видел, что, живя в маленьком южном городке, среди жителей, целиком отдавшим себя большой и малым «системам», я бы просто погиб.

С самого детства я делал попытки избежать «системы», вырвать из перечня необходимых жизненных этапов хотя бы одно звено, разорвать эту проклятую цепь. В последний год детского сада перед школой, в шесть лет, я заболел и вместо того, чтобы идти в свою подготовительную группу, остался дома. Мама приготовила мне борщ, в обед я сам его разогревал. Мне было хорошо одному, хотя я болел. Немного поправившись, я стал выходить на улицу. У меня был свой ключ. Поправившись окончательно, я спросил маму: нельзя ли мне не ходить в детский сад и остаться дома? Я буду также сам себе разогревать борщ, так определять время, когда мне выходить на прогулку, ложиться днём спать, смотреть телевизор, рассматривать книжки. Главное же, я хотел всерьёз отдалиться своему любимому делу – рисованию географических карт выдуманных мною стран. И мама неожиданно согласилась. И вот последний год перед школой я просидел дома один, занимаясь не тем, к чему меня принуждали воспитатели, а тем, что я по-настоящему любил. И этот, описываемый мною и подходивший к концу период моего академа, очень напоминал мне тот далёкий год перед школой, когда я впервые захотел быть свободным.

Но как попасть в Москву? Этого я не знал. У меня не было там ни родственников, ни знакомых, с чужими людьми сходилась я тяжело. К тому же после распада государства я жил теперь в другой стране. Со временем потребуются новые документы, возможно, визы. Что я буду делать?

Но самое главное было в другом. Я не мог уехать просто так, бросить маму, отца, бабушку, заявив, что уезжаю из дому только потому, что мне стало невыносимо душно, и я решил окончательно покончить со всеми жизненными «системами».

А ещё в тот год я любил. И хотя любовь доставляла мне много мучений, и я не верил, что она приведёт к чему-нибудь путному, и даже боялся этого, но всё-таки я не мог сам бросить свою девушку, которая на тот момент уже несколько раз меня бросала и снова возвращалась.

Я понимал: единственная возможность уехать – если только мой город откажется от меня, если только моя девушка меня бросит.

И это, тайно ожидаемое мною предательство, совершилось.

* * *

Я сказал, что читал много книг. Да, в университете. Но признаюсь, что до поступления я не смог прочесть до конца ни одной. Много раз в школьные годы я пытался читать, но без толку. Тогда, раньше, меня манило то, что было за окном, в жизни. Я убежал из дому, от книг, от стола, чтобы ловить в парке спичечным коробком шмелей, мастерить из обыкновенной бельевой прищепки спичкострел, жечь на пустыре костры из старых деревянных ящиков. Мы играли в ножички, было много игр: «земли», «заказной», «козёл». Мы делали из проволоки и венгерки рогатки, и шпильками стреляли из них друг в друга. Книг же я не понимал. Те немногие, доступные мне, вызвали желание взять ручку, достать тетрадь, начать что-то похожее, но своё. Так испытал я в детстве и юности множество тетрадей, пытаясь написать собственный роман. Однако терпения довести дело хотя бы до середины мне никогда не хватало.

Я был нетерпелив – вот моя основная черта. Я всегда всюду спешил, чувствуя, что не успеваю, и уже в минуту начала начинаю упрекать себя за то, что уже почти опоздал. Нетерпение приобрело чудовищные формы. В магазине я мечтал поскорей достать до конца очереди и бежать на троллейбусную остановку. На остановке расхаживал, пытаясь поторопить приход троллейбуса. По дороге в троллейбусе я мечтал добраться побыстрее домой,

где меня ждал мой молчаливый пёс и мои книги. Но уже за книгой я начинал заглядывать в конец рассказа, пытаясь узнать, через сколько страниц окончание. Даже в постели, засыпая, я торопился побыстрее заснуть, чувствуя вину за то, что уже так поздно и я никак не могу уснуть.

Может быть, именно из-за нетерпеливости жизнь казалась мне такой быстрой, такой скоротечной, и я часто думал о смерти.

Людей, одержимых смертью, представляют иногда мрачными, нелюдимыми существами. Но среди моих приятелей я считался весельчаком, любителем дерзких розыгрышей, насмешником, и почти что пустым человеком, – такое я производил впечатление. Если предположить невероятное, что кто-нибудь из моих однокурсников-словесников после окончания университета ещё продолжает читать книжки, и ему на глаза попался этот мой рассказ, то я уверен, они подумают, будто рассказ написан совсем другим человеком. Мы помним этого мальчика. Эти мысли, эти страхи, эти сомнения никогда не могли прийти в голову тому пустоватому болтуну.

Но так или иначе я думал о ней, и ещё с детства, ещё до кончины бабушки видел различные её *лики* из окна своей старой квартиры.

Как вдруг посреди двора, оживляя тишину, прорезаются первые звуки оркестра.

И фигуры в шляпах или военных фуражках несут по двору обитую красной дерюгой страшную-престрашную лодку.

На дне этой посуды, торжественно убранной, как на праздник, нарядной, засыпанной цветами и оттого похожий на какое-то блюдо с невиданным кушаньем, на подношение неизвестному божееству, лежит очередной путешественник, очередной первооткрыватель.

Многие из моих дворовых приятелей похоронили бабушек и дедушек. И я, наблюдая много лет за тем, как мучается от болезней моя бабушка, прошедшая войну и жизненные невзгоды, с ужасом привык ждать, что когда-нибудь и сам окажусь на улице перед домом у её гроба.

Я думал, что в этот день, который всё равно когда-нибудь наступит, я сойду с ума. Я всегда удивлялся, что мои приятели после

похорон дедушек и бабушек, немного всплакнув, уже через несколько часов также весело, как и всегда, играли во дворе в привычные игры.

Но когда из нашего подъезда вынесли гроб, а в нём мою бабушку, – это случилось за год до моего академа, на третьем курсе, – я удивился, что ужаса, настоящего ужаса от происходящего почти что не было – всё напоминало какой-то сон. Единственным чувством оставалось что-то вроде неловкости. Оттого, что нужно на виду у всех стоять среди родственников у подъезда. Оттого, что бабушка, которую за любовь к домашним делам и неприязнь к дворовым посиделкам и сплетням соседи называли неодобрительно затворницей, вдруг оказалась здесь, среди этой толпы, на публике, и все на неё уставились.

– Как будто какая-то чужая старушка, – сказала мама, стоявшая рядом со мной, – будто и не она.

Это было так. А я в эту минуту наблюдал за дедушкиной сестрой, тётёй Аней, успевшей добраться из далёкого украинского села. Много раз до этого она приезжала к нам гостить и всегда, чтобы получить место на проходивший мимо их райцентра забитый до отказа львовский поезд, шла к знакомому телеграфисту и покупала у него фальшивую телеграмму о смерти крымского родственника. И вот теперь первый раз она приехала с телеграммой настоящей.

Я подумал тогда, наблюдая похороны и ещё острее, чем обычно, наблюдая за самим собою, за тем, как я это всё наблюдаю и что чувствую, я подумал тогда, что я бесчувственный, холодный, злой человек, который, даже прощаясь с бабушкой, не может полностью забыть и просто плакать. Но я был не один такой «бесчувственный». Таким же спокойным казался и мой дедушка, деловито распоряжавшийся церемонией. И мама, заметив это, проговорила:

– Так и должно быть, что он не плачет. Самое страшное начнётся позже.

И она оказалась права.

У нас дома была книга, написанная одним из его фронтовых друзей. В ней описывалось, как бесстрашно сражался он во время войны. Он не знал страха, был бесчувственен в ту минуту,

когда над ним пролетали пули и где-то неподалеку разрывались снаряды. Но всегда после боёв ему нужно было время, чтобы прийти в себя, выздороветь. Все ужасы, все страхи – всё в нём откладывалось на потом, и отложилось вплоть до старости – он ничего не забыл, прошлое всегда было с ним. Как-то однажды он признался, что помнит названия всех деревень, всех до единого населённых пунктов, которые прошёл в войну от Ленинграда до Праги. Я не поверил. Мы взяли подробные карты России, Украины, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Он безошибочно называл города и сёла, даже те, которых не оказалось на карте, даже самые труднопроизносимые румынские и венгерские топонимы. Это такой характер – жить после того, как ты уже это прожил, переживать прожитое второй, третий, сотый раз, усугубляя накопленное. И в этом мы с бабушкой оказались похожи.

Целый год после похорон каждую субботу мы шли с ним на кладбище. Свежее кладбище на северной окраине с татарским именем Абдал. С детства я слышал: «Абдал», «когда меня отвезут на Абдал», «раньше времени отвезли на Абдал» – это слово казалось естественной заменой слову «кладбище». Лишь повзрослев, я понял, что есть в каждом городе слова, названия кладбищ, психиатрических больниц и тюрем, известные только местным жителям.

Ещё недавно здесь, на Абдале, рядами росла лаванда пригородного совхоза. Вторая половина поля, пока ещё не засеянная могилами, как и окрестные сиренево-синие холмы, тоже оставалась под лавандой. Вот почему этот запах стал для меня навсегда запахом кладбища.

Мы стояли у продолговатого холмика, на ветру. Вдалеке шумела новая автострада. Неподалёку от нас, возле такого же холмика, разложив принесённую снедь, пиравало немногочисленное семейство. И вот он, мой дедушка, частенько ссорившийся со своей женой, проживший с ней вовсе не так уж счастливо, обращался к холмику со словами, похожими на молитву, и, не стесняясь моего присутствия, горько плакал.

Потом мы возвращались к нему в квартиру. Он готовил обед. После обеда открывал очередную найденную им банку домашнего консервирования. Меня воротило. Нелегко заставить себя выпить

кружку абрикосового компота, ещё недавно приготовленного руками, которые теперь, сложенные на груди, лежали в тёмном ящике в тёмной яме, забросанной бурой землёй, – особенно если у этой ямы ты сегодня стоял.

За год до её смерти был хороший урожай. И она много трудилась, чтобы заготовить впрок консервы. Дедушка находил бабушкины дары в самых неожиданных местах – и казалось, что они никогда не кончатся.

Он находил их на балконе, в шкафу с медицинскими книгами бабушки, под кроватью, в чулане, где хранились его холсты и давно уже высохшие краски, – ведь когда-то, ещё до войны, дедушка мечтал стать художником. Но война и военная служба распорядились по-другому.

– Хорошее дело – быть художником, – говорил он иногда, – сиди дома, пиши картину, никуда не нужно ехать.

Ему, повидавшему во времена его офицерства дальние гарнизоны до самого Японского моря, хорошо была известна цена спокойствия и уюта.

В тридцать пять лет он уже был полковником. И в последние годы службы ему часто грозила генеральская должность и соответственно скорое произведение в генералы где-нибудь на Камчатке или Дальнем Востоке. Но дедушка использовал все свои связи и добился того, чтобы выйти в отставку простым полковником в тёплом и родном к тому времени Крыму, где в августе на балконе созревал виноград и окрестные парки, любимые им, так хорошо были знакомые с расписанием его воскресных прогулок.

Но теперь он сменил свой еженедельный маршрут. И от этого тоже мои нервы начинали постепенно расшатываться. К тому времени как раз и относится обострение болезни и решение взять академ.

Мама, заметив моё состояние после походов на кладбище, уговорила дедушку не брать меня с собой.

И он стал ходить молиться родной могиле уже в одиночку, без меня.

Но накопившегося во мне прошлого уже хватало на приличную депрессию. Книги и моя отъединённость от людей помогли её развитию.

Я сидел по вечерам дома и бесконечно вспоминал. Недавнее прошлое, но уже всё-таки прошлое, начинало меня подтачивать. Бесконечно прокручивал я тот момент, когда в последний раз уходил от бабушки, а она лежала в постели и, не желая меня задерживать, ласково сказала: «Иди, кисанька, иди». Уже тогда я понял, что это напутствие будет последними словами, обращёнными ко мне. Так и вышло.

За полгода до смерти она подарила мне часы, сказав вдруг: «Будешь меня вспоминать» – а она никогда бы так не сказала, если б не знала. Но она знала, потому что была врач. И как мне стыдно было за эти часы! Несколько дней назад купил я точно такие же, только циферблат другого цвета. Показывая новые часы бабушке, я проронил: там были другие, коричневые, очень некрасивые. А в её серванте уже лежали эти «некрасивые», приготовленные на мой день рождения. И вручая их, она добавила: «Я знаю, что тебе не понравится, но всё же возьми».

Я не мог забыть и её последнюю больницу. Без сознания, с исколотыми синими руками, под капельницей, она лежала в постели, когда я пришёл прощаться.

Я сказал: «Бабуля!.. бабуля!..» – немного стыдясь при медсестре, как я всегда стыдился при чужих людях этого нашего семейного душевного «бабуля» и «дедуля», вместо «бабушка» и «дедушка».

В забытии она услышала меня, открыла наполовину глаза, узнала и радостно охнула. Глаза её снова медленно стали закатываться.

Меня попросили выйти. Её нужно было перевернуть.

Медсестра, чтобы она очнулась, стала громко кричать на неё. Я знал уже, что с больными иногда, чтобы они поняли, что от них требуется, надо разговаривать так громко, почти криком. Но всё равно внутренне я весь негодовал.

«Как вы смеее! – думал я, – вы, грубая женщина, так разговаривать с моей бабушкой! Да знаете ли вы, что когда она была начмедом второй городской больницы и все, кроме главврача, подчинялись ей, она никогда, никогда ни на кого не повысила голоса, и все её любили!».

Но сестра продолжала кричать, чтобы бабушка очнулась. И я вышел.

Стоя в коридоре, я слышал, как ей делали больно. Бабушка уже вполне очнулась, но меня рядом не было. Временами я слышал доносившийся крик: «Мамочки!.. мамочки!..».

Это была первая моя смерть в ряду последовавших после. Один и тот же сон снился мне с тех пор. Как будто я иду в больницу, а по дороге кто-нибудь говорит мне: «Она не умерла, она жива». Или же сам покойник вдруг оживает, чтобы сказать: «Я не умер, я жив».

Разглядывая старые фотографии, на которых бабуля была молода и красива, я часто ловил себя на странной мысли: зачем было всё это? Зачем она тратила время на новую причёску, если теперь её волосы слиплись на дне могилы? Зачем они с дедушкой в Гурзуфе, на море, на фоне Аю-Дага, если море есть, Аю-Даг остался, а бабушки нет, только фотографии? Зачем всё это? Почему она жила так спокойно? Почему она не безумствовала? Почему она не восстала против «системы»? Ради того, чтобы заботиться обо мне? Но и моя жизнь пройдёт также быстро. И я также быстро последую за ней. Я тоже буду о ком-нибудь заботиться, но если жизнь поколений превратится только в эту череду заботы покойников о покойниках, то в чём же тогда её смысл, зачем она, почему бы не прервать этот порочный и бессмысленный круг?

Иногда я рассказывал об этом почти в тех же неосторожно откровенных выражениях девушке, которую любил.

Я не знал, что девушкам не следует говорить об этом.

В те майские дни я встречал её с английского. Уроки проходили в сыром подвале того же самого дома, где жил дедушка. Мне было стыдно перед ним, что я не заходил к нему, сидевшему в одиночестве в опустевшей квартире, но я не мог сознаться ему, что люблю девушку, и приехал сюда с другого конца города только ради неё, а не ради него. Он не знал, что я рядом, недалеко и ждал меня только на следующей неделе.

Я стоял под дверью класса и слышал, как преподаватель – совсем ещё молодой человек – диктует своим ученикам бесполезные, пустые, как мне казалось, английские слова и выражения.

Я думал: зачем это, учить английский, тратить время, а потом забыть? Всё бессмысленно, всё быстро проходит. Ведь день проходит как секунда, месяц как день, год как неделя. Почему никто, кроме меня, этого не замечает?

Она выходила, мы шли с нею по тёмному проулку вдоль стены из жёлтого ракушечника, а за нами следом раздавались одинокие шаги её преподавателя.

Поначалу со времени нашего знакомства зимой прошлого года она слушала меня спокойно и не возражала. Но уже через некоторое время мои разговоры стали ей надоедать. Она призывала радоваться жизни, ловить секунды, забыть обо всём грустном и просто наслаждаться.

В общежитии, где она жила, девушка из степного посёлка, мы влезали в тёплую постель и самозабвенно занимались любовью. А потом мне нужно было возвращаться домой, – я не мог остаться до утра, потому что не мог сознаться маме, что ночую у женщины, мне было стыдно.

Когда впервые, в марте, её длинные светлые волосы коснулись моего обнаженного тела, я подумал, что мои мысли и мои мрачные настроения закончатся. Однако это было не так.

Более того, во время любовной схватки, когда её глаза закатывались от страсти и она начинала стонать, плакать или смеяться, я всегда вспоминал закатанные глаза бабушки, её стоны перед смертью.

Мне казалось, что рядом с нами, третьим участником нашей битвы, незримо присутствует та, чьё существование уже много лет отравляло мою жизнь.

Невероятно красивая, чистой, ангельской, картинной красотой, моя девушка дарила мне множество своих фотографий. Она любила фотографироваться. У неё было много друзей-фотографов, к которым я тайно её ревновал. Вот она в купальнике на берегу моря. Вот, раздетая по пояс, в студии, при свете ламп. Вот в парке обнимает дерево. Целый ящик моего письменного стола, который я всегда запираю, был наполнен этими фотографиями. Но опасаясь лишних вопросов со стороны родителей, которым я ничего не говорил о своей связи, я не смел повесить у себя в комнате её изображение. Вместо этого я вырезал из журнала женский портрет работы Алессандро Ди Мариано Филиппи, больше известного как Сандро Боттичелли. Это была в точности она. Венера-родительница с картины «Аллегория весны». Ещё несколько лиц с других картин. Боттичелиевский тип красоты. Говорили,

что прообразом для этого типа послужила красавица Симонетта. Так про себя я и называл мою любимую – моя Симонетта.

В отличие от моей сомнительной болезни, она страдала настоящей, неизлечимой болезнью крови. Из-за этой болезни большую часть времени, так любившая танцы, музыку и веселье, она проводила среди больничной вони. От своего недуга она могла скончаться в любое время. Как-то раз при мне её увезли из общежития на «скорой», и я позвонил маме, чтобы она нашла врача. Этот врач спас моей Симонетте жизнь. Именно в тот день моя мама узнала, что у меня есть девушка. Я навещал её в больнице, снова видел любимые серые глазки, она брала меня за руку и спрашивала тихо: «Ты же не бросишь меня, правда?». Она хотела в жизни совсем немногого – семейного тепла и уюта. И мечтала о ребёнке. Но я, так боявшийся «системы» и всего, что было с ней связано, чувствовал, что эта любовь может навсегда похоронить меня среди людей «системы», среди той жизни, которую я считал ненастоящей. Уже в то время моя Симонетта стала водить меня в «Детский мир» смотреть коляски и детскую одежду. Она буквально кружилась среди игрушек, рассуждая о том, как лучше воспитать ребёнка и чему лучше его учить. Я смотрел на неё в эти минуты с любовью и жалостью. Ведь я уже знал: своего ребенка она никогда не сможет иметь. С её диагнозом – пурпура тромбоцитопеническая – о котором предупредил мою маму тот самый знакомый врач, спасший ей жизнь, она никогда не сможет иметь детей.

У меня с мамой вышел по этому поводу серьёзный разговор. Её можно понять, своему единственному сыну она желала только добра.

– Пусть не будет детей, – говорила мама и плакала, – в конце концов, ребёнка можно усыновить. Но всегда, всегда она будет лежать в больницах! Большую часть своей жизни она проведёт в больницах! Ты превратишься в сиделку, тебе придётся отказаться от своей мечты!

– Какой мечты, мама? – спрашивал я, утирая слёзы, я тоже плакал, разговор выходил тяжёлый. – Разве я говорил тебе о своей мечте?

– А разве это секрет? Мы с папой давно знаем. Ты хочешь уехать в Москву, ты хочешь заниматься литературой.

Странным образом все мои секреты всегда были известны моим родителям.

Но мою Симонетту я не бросил. Я любил её, я продолжал с нею встречаться.

Я не говорил маме, куда уйду из дому, а она не спрашивала, только провожала долгим взглядом. Как-то у двери она вдруг сказала:

– Идёшь к ней? Иди. И прости за тот разговор. Я погорячилась. Кто знает, что будет завтра со всеми нами? Я не имела права всего этого тебе говорить. Иди. И будь счастлив.

Но счастья нам с моей красавицей уже не было. Всё чаще возникали ссоры, накапливалась усталость. К тому времени, как я уже сказал, она несколько раз меня бросала. Постепенно всё шло к этому. И она бросила меня в очередной раз.

По вечерам я шёл один по тёмному проулку вдоль стены из голого ракушечника, провожая взглядом идущую парочку. Это была она. И он, её учитель английского языка.

Я молчал. И при сильных порывах ветра слышал доносившиеся до меня английские фразы. Он объяснял по дороге правописание каких-то глаголов. Мои речи о близости смерти и выходе из «системы» были ей не нужны. Я понимал это. Английский – вот жизнь, это правильно.

Несколько раз я встречал их в городе. Щёголь с аккуратной причёской и начищенными ботинками больше соответствовал её представлению о настоящем мужчине. Он ходил в костюме, был подтянут, излучал бодрость и оптимизм, а главное, никогда не пытался читать молодой девушке Екклизиаста.

Потом она бросила и его, познакомившись с бывшим десанником из Севастополя.

Я не знал, что делать, как быть. Я надеялся, что, поиграв со своим десанником, она снова вернётся ко мне.

Иногда, когда я ещё был с ней, я начинал сомневаться в своих чувствах. Но теперь, когда всё кончилось и стало прошлым, мои чувства, мои живые воспоминания стали моей настоящей жизнью. Я погибал.

Она, как и я, любила ходить пешком. Пешком мы облазили все уголки нашего города. Я показывал ей самые узкие улицы

Старого города, самые любимые мною дворики и подворотни, мы забирались по тропам Петровских скал на самый край обрыва. У неё, оказывается, тоже было, что показать. Некоторое время до учёбы в университете она жила в каменном домике возле вокзала у своего любовника. И с тех пор очень полюбила этот район, где тоже было немало живописных подворотен.

Но с её уходом весь город, все наши заветные места превратились для меня в какую-то одну незаживающую рану. Я замкнулся. Я не мог больше видеть всё это и никуда не выезжал из своего района, находившегося на горе над всем городом и названного Верхнее Плато.

Здесь я всё ближе сближался с такими же, как я, собачниками, людьми в сущности скучными, но безобидными. Их «система» с разговорами о случках, течках, кормах и прививках казалась мне не такой опасной. И я старался забыть во время прогулок по окрестным лесам и полям.

Эти поля постепенно занимались возвращавшимися из Средней Азии татарами. Целый народ на наших глазах, словно подтверждая мои чувства о быстротечности времени, переселялся и обустроивался на земле своих предков. Вначале татары занимали поле, разбив его на равные участки и поставив на каждом из них небольшое строение из ракушечника. Потом возводились ограды, пристройки, дома. Так под нашими окнами, где во времена переезда ещё ходили комбайны, убиравшие хлеб, возникла настоящая татарская деревня. Из моего окна был виден дом, а возле дома паслась корова. Татарский мальчик Рифат каждый день приносил нам домой свежее молоко от коровы, за которой мы иногда наблюдали с балкона.

Беззаботные собачники научили меня делать из гитарной струны петлю и ставить её на заячьей тропе, и уже в мае мы с Дойчем обнаружили в нашей ловушке первого попавшегося зайца.

Я делал всё, чтобы забыть её, но не мог. Мысли о ней постоянно меня мучили, и я был готов на всё, чтобы вернуть мою Симонетту.

В то время я писал не то, чтобы стихи, а что-то вроде черновиков, прозаических набросков будущих стихов, откладывая само написание на потом. Ни один из набросков такого нетерпеливого человека, как я, не стал впоследствии настоящим стихотворением.

Вспоминая наши ночи и мои ощущения от её закатанных глаз, я написал тогда заготовку под названием «Ансельм и Анна».

Выдуманный мною средневековый рыцарь Ансельм, вернувшись из дальнего похода, заболевает странной душевной болезнью и не притрагивается больше к своей Анне. Анна пытается понять причину. Ансельм уклончиво отвечает, что видел слишком много крови, что потерял многих друзей, что хочет всё это забыть. Однако Анна настаивает, она говорит, что знает: во время походов воин неистово дерётся, неистово пирует и любит каждую встречную поселянку. Уж не заболел ли Ансельм какой-нибудь дурной болезнью? В ответ Ансельм неожиданно начинает вести наступление:

Я тоже знаю, Анна, что любовь к ушедшему воину так сильно волнует женщину, что часто она сама изменяет ему. И говорят, эти измены – самые сладкие измены на свете.

Анна:

Напрасно ты пытаешься упрекать меня в том, чего нет, Ансельм. Я люблю тебя. И каждый день вспоминала только тебя. И хранила тебе верность.

Ансельм:

Именно тогда, когда ждёшь сильнее всего, сильнее всего попадаешь в руки страсти.

Анна:

Не понимаю тебя, Ансельм. Я ждала тебя. Хорошо, я отвечу тебе. Я знаю немало таких женщин. Но я была тебе верна. Расскажи-ка и ты о своей верности.

Ансельм:

Именно тогда, когда смерть с косой в руке косит нас как траву, и среди бегущих воинов и коней на скаку в толпе крошащих друг друга молодцев ты вдруг различаешь костлявую старуху в поношенном платье. Её белое рядом мелькает в просветах лошадиных ног. И думаешь, что делает она здесь, среди воинов? Ведь она похожа на тех старух, что стоят у храмов и просят воздаяние.

Анна:

Ты видел эту старуху собственными глазами?

Ансельм:

Да, Анна, и много раз, как вижу теперь тебя. Иногда я подпускал её слишком близко, и край ветхого старухино облачения касался крупа моего коня. Несмотря на старость, она была удивительно гибка и проворна. Она скользила по полям между воинами, как блудница. С тех пор, Анна, женщины, самые красивые, гибкие и чистые, напоминают мне эту гибкую старуху. И перед боем, и во время затишья, в своей палатке, на узкой походной кровати, я никогда не желал видеть белого женского тела, и только в этом моя дурная болезнь. Я всегда был верен тебе.

Анна:

Хорошо, но почему же теперь, после похода, ты ещё ни разу не прикоснулся ко мне, и я продолжаю жить так, будто ты ещё в походе? Одна, в пустой половине замка?

Ансельм:

А вот об этом, Анна, я не могу тебе говорить. Ты вряд ли меня поймёшь и, скорее всего, подумаешь, что твой Ансельм тронулся умом.

Анна:

Неужели и я, твоя любимая Анна, твоя единственная женщина, в белом ночном сарафане напоминаю ничтожную старуху, от которой ты заперся в своей комнате и молишься с утра до вечера?

Ансельм:

Не надо, прошу тебя, Анна. Ничтожная старуха!.. Да что ты знаешь о ней!

Анна:

Ты её защищаешь? Ты как будто в неё влюблен?

Переписав красивым почерком этот романтический бред на лист плотной бумаги, я не выдержал и решил отнести этот лист моей Симонетте. Я думал наивно, что, может быть, мой талант как-то изменит её отношение ко мне.

Поздно вечером я пришёл к знакомому общежитию. Была суббота. У входа несколько арабских и грузинских юношей моего возраста сидели в новеньких автомобилях, поджидая своих русских подруг, чтобы вести их в рестораны, бары, на дискотеки.

Я же со своим недоделанным стихотворением, то ли верлибром, то ли прозаическим отрывком из пьесы, поднялся на второй этаж и робко приблизился к знакомой двери, на которой была приклеена её рукой картонная коробочка, служившая почтовым ящиком.

В щели тускло горел свет. Она у себя. Я чувствовал это. Я хотел уже было постучать, как вдруг услышал за дверью скрип пружин, глуховатый мужской стон, а также её обычный, знакомый мне смех. Занимаясь любовью, не помня себя, иногда она хохотала.

Я быстро сунул свой опус в картонную коробочку и сбежал по лестнице вниз.

В эту секунду мне не было больно – эту боль я тоже, как всегда, отложил на потом.

Вспоминая девяностые, скажу, что таких времён, может быть, никогда больше не будет. За несколько лет на нас обрушились книги, которые годами копились в запретных запасниках хранилищ, которые были написаны за рубежом и стали известны только в последнее время. Мы читали Набокова, Ходасевича, так, как будто это было написано только вчера – это было очень здорово.

Но в то же время это было время, когда весь мир как будто сошёл с ума, и всё встало с ног на голову. Примеры были на каждом шагу.

Моя учительница музыки, полная мясистая брюнетка, сделала операцию и стала мужчиной. Она принимала гормоны, и у неё на лице выросли настоящие усы и даже борода, хотя не очень густая.

Соседи продали квартиру, и ушли с детьми жить в секту, которая располагалась в бывших армейских казармах. Эти сектанты

верили в предсказание одного ясновидящего, назначившего конец света и назвавшего точное число. На моей памяти за несколько лет было три или четыре конца света.

Родители моего приятеля, лишившись работы, открыли в себе дар экстрасенсов и ходили по домам, лечили доверчивых обывателей. Они не зарабатывали этим. Они искренне верили в свой дар – и это было ещё хуже. Как-то встретив меня на улице с собакой и узнав о моих болях, глава семейства дал мне такой совет: «Пойди утром в лес, обними дуб и скажи: дуб, дуб, дай мне здоровья – и увидишь, всё быстро пройдёт, природа сама лечит!»

В это время всё можно было купить за деньги. Помню, как ходил по району юноша, предлагавший любой пистолет, автомат, ружьё, и кое-кто у него покупал.

А один наш знакомый еврей, служивший в конторе по эмиграции, предлагал любому желающему всего за 150 долларов стать евреем и уехать в Израиль.

В нашем доме жил неприметный человек по фамилии Баранов. Раньше он работал приёмщиком в пункте стеклотары. С наступлением нового времени кто-то доверил ему собирать дань с окрестных частных магазинчиков. Возле подъезда Баранова стояло несколько недорогих иномарок, и мальчишки из его «бригады» с утра до вечера чинили эти машины. Город был беден, и рядовой городской бандит вроде Баранова тоже жил небогато и буднично. Многие знали, что если кто-нибудь обидел их дочь или сына, можно было обратиться к Баранову, тот разрешал споры, и даже, говорят, справедливо. Однажды рано утром я гулял с Дойчем в лесу. Зайдя по тропинке в глубь дубовой рощи, я увидел, что на одной из ветвей висит повешенный на верёвке вниз головой опухший труп немолодого полного человека в шортах. Внизу, на земле, под трупом, было мокро. По лицу бешено скакали чёрные мухи. Я узнал его. Это был он, Баранов, бывший приёмщик пивных и молочных бутылок, а также банок из-под сметаны и майонеза.

Может быть, именно так и представляли себе выход из «системы» эти наивные люди. Я не знаю. Но каждый раз с выходом из системы они попадали в новую. И новая их «система» была ловушкой.

Что касается меня, то единственная «система», которой я отдался добровольно, была церковь. Путь был долог, и я не буду о нём рассказывать. Расскажу только о том, как крестился.

Случай представился совершенно неожиданно: наш знакомый профессор Р. решил креститься сам и крестить своего сына. Крёстной позвали мою маму. И меня тоже согласились крестить.

Я помню, что пришёл в квартиру к профессору заранее, уселся в кресло и, достав из кармана листок с молитвой «Отче наш», стал её повторять.

Эту молитву профессор Р. собственноручно отпечатал под копирку на своей «Эрике» и раздал заранее мне и своему сыну, сказав, что её нужно будет знать наизусть. Раньше на той же печатной машинке он изготавливал и распространял копии запрещённых стихов Гумилёва и Мандельштама.

Вскоре в квартиру прямо в рясе, что было необычно, явился священник – отец Николай. В университете на курс истории религий к нам приходил молодой священник, – это было уже в годы перемен, последние годы, – но тот священник являлся в обычных джинсах, в кабинете перед лекцией переодевался.

Отец Николай был раньше художником-авангардистом, подражал Кандинскому, устраивал безумные перформансы, путешествовал автостопом, курил узбекскую анашу, слушал «Секс пистолз» и «Дип Перпл», но прихотливые жизненные пути привели его в церковь.

– Дисциплина у нас, как в армии, – говорил он о своём новом поприще, тучный коротконогий поп с рыжеватыми выющимися волосами, собранными сзади конским хвостом, – всё строго по расписанию. Ослушался – выговор. Второй раз – наказание. Трудно привыкал после прежнего-то.

Он был ещё как будто не совсем священник, он ещё немного играл, актёрствовал, гордился своей новой заглавной ролью, но у меня это его качество не вызывало отторжения.

«Он придёт, – думал я, глядя на то, как он готовится к обряду крещения, – придёт к настоящему, сольётся, по нему это видно, он из тех, в ком актёрство становится затем второй натурой и со временем его бородёнка не будет выглядеть, как наклеенная».

Я уже почти всё позабыл, как происходил сам обряд.

Помню только свои чувства. Происходящее казалось мне на то время каким-то чуждым мистическим действием, как будто бы я участвовал в Елевксинских таинствах или древнеегипетском обряде.

Я долго до этого ходил вокруг церкви, не решаясь войти в неё, но мне очень хотелось. Самые быстрые уже давно вошли, давно били поклоны, но я как-то стыдился, хотя знал, что рано или поздно войду в неё. Почему? Потому что мне хотелось какой-то основы, чего-то старого, древнего, связи с этим, основы. У нас из всего семейства только тётя Аня, приезжая из деревни, всегда во все времена ходила в церковь к священнику, который служил когда-то у дедушки в части рядовым солдатом. Её можно было понять – она жила в селе, где всё было пропитано. Я бывал у неё только один раз, но этот странный мистический дух был во всём, и когда мы с отцом вышли из автобуса в её селе и спросили, как нам найти Анну Афанасьевну, убогая женщина ответила:

– Ганна Барбушка? Биля крынычки, проты каплычки.

И мы пошли искать тогда каплычку, капище, напротив которой и нашли её дом.

Она была упрямая, стойкая. Во время войны её увезли на работы в Германию, однако по дороге в Германию, в Польшу, она прыгнула с поезда и, пробиваясь ночью польскими деревнями, как ей посоветовали знающие люди, просила милостыню во имя Матки Божьей. И добралась обратно в родное село.

И я тоже чувствовал, что хочу... быть. Я думаю, что во мне было это изначально, и если бы никто не выучил меня молиться, я бы сам, наверное, дошёл до этого. Такое было уже со мной в детстве. Мне часто снились страшные сны, и чтобы избавиться от них, всегда перед сном я произносил, обращаясь к страшным снам как к чему-то живому, что-то вроде просьбы или молитвы. Я просил их о том, чтобы в эту ночь они не приходили и оставили меня в покое. И это помогало.

После того, как нас поочерёдно – профессора Р., его сына и меня искупали в ванной, мы уселись за стол.

В то время, как мы ели, две женщины – моя мама и жена Р. вычерпывали ведрами ванную с крестильной водой и выносили её из квартиры: выяснилось, что эту воду нельзя спускать в канализацию, и нельзя делать это тем, кто только что крестился.

Поэтому две женщины вёдрами вычерпали всю воду и выносили её из подъезда и выливали под деревья. Шёл дождь, и соседи, выглядывая из окна, удивлялись, зачем они поливают деревья и носят с седьмого этажа вёдрами воду. Стоит добавить, что лифт в тот вечер был сломан.

В начале лета я узнал, что моя Симонетта распрощалась со своим десанником.

Несколько раз я ходил к ней в общежитие, но не заставал.

Она позвонила мне уже тогда, когда я срочно уехал в Киев. Об этом мне сказала мама.

А поездка в Киев была для меня очень важна.

Началось всё с того, что мне позвонил знакомый преподаватель из университета и предложил зайти к нему домой по делу.

В просторной комнате, служившей библиотекой, среди книг по истории литературы, редких сборников по фольклору, старинных фолиантов и незавершённых рукописей моего знакомого доцента в кресле рядом с самим доцентом, скромно бочком примостившемся на стульчике, сидел зловещего вида человек с лицом, исчерченным шрамами.

Когда незнакомец улыбнулся и стал говорить, я увидел, что во рту у него – целое состояние из тридцати двух золотых зубов.

Суть дела заключалась в том, что нужно было срочно ехать в Киев и написать сочинение по русской литературе. Родной брат этого золоторотого бандита из Бахчисарайского района был милиционер, и они с братом очень даже неплохо жили в своём районе, составляя что-то вроде законодательной и исполнительной власти в пределах одной семьи. Этот брат-милиционер по фамилии Гриценко уже третий год пытался поступить в академию МВД Украины, но каждый раз проваливался именно на сочинении. Это был единственный письменный экзамен, и договариваться с нужными людьми в академии по поводу экзамена, после которого оставалась такая явная улика, было трудно. Нужен был специалист. Мне предстояло поехать в Киев и написать за него сочинение.

Я рассматривал моего преподавателя, уговаривавшего меня, его комнату, где я не раз бывал, и где он рассказывал мне о беломорских старинах из собрания Маркова, об Аграфене Матвеевне

Крюковой из села Нижняя Зимняя Золотица, а потом читал на память записанные от неё прекрасные старинные стихи:

*Иише был Никитушка, не славилсэ,
Да не славилсэ Никитушка, состарилсэ,
Да состарилсэ Никитушка, представилсэ.
Оставалась у Никитушки люба семья,
Да люба-та семья да молода жена;
Оставалось у Микитушки цядо милоё,
Иише милоё цядушко, любимое...*

И мне становилось страшно.

Ведь часто я думал, что, может быть, не стоит уезжать из города, а остаться здесь, стать преподавателем литературы.

Наш факультет располагался в прекрасном парке рядом с усадьбой графа Воронцова. В хорошую погоду я бы смог, как некоторые наши педагоги, вести свои занятия прямо в парке, на его роскошных аллеях. Воображение много раз рисовало картины прекрасного будущего, тем более, что несколько преподавателей настойчиво звали меня в аспирантуру. Но всякий раз я сталкивался с мерзостями жизни, с обратной её стороной, и понимал, что быть свободным, оставаться вне «системы», здесь, в своём городе, я не смогу. Что рано или поздно мне придётся брать в подарок за зачёты и экзамены продукты от сельских жителей, как это делал наш декан. Что рано или поздно мне придётся, чтобы заработать на хлеб, как некоторые из преподавателей, либо уйти в политику, либо заняться одновременно мелким бизнесом, либо начать якшаться с подобными мерзкими личностями, с которыми жизнь вынуждала общаться и моего доцента. Нищета – это тоже «система», тоже несвобода и смерть любых юношеских идеалов.

А мы все тогда за редким исключением жили этими идеалами. И Россия, коренная Русь, которую я, а также некоторые мои приятели знали по рассказам Лескова, по романам Достоевского, по деревенской прозе, была для нас, южан, почти что иностранцев, чем-то вроде земли обетованной. Мы мечтали о ней, мы грезили, мы тайно обожествляли и любили её всю.

Другую Россию видели студенты, возвращавшиеся из строительных отрядов откуда-нибудь из Рязанской области, побывавшие в армии где-нибудь в ракетных войсках под городом Кировом.

Но слушая их рассказы, я всё равно верил, что когда-нибудь, уехав, я найду, отыщу, оставлю самое главное, самое важное, то, что не увидели, проглядели они в этих людях, в этой земле.

Ведь не могла же безграмотная Аграфена Матвеевна Крюкова, помнившая наизусть сотни страниц чудесных песен, остаться совсем без наследников.

Самолёт вылетал в Киев на следующий день. Гриценко-старший заехал за мной на своём «Мерседесе».

Перед вылетом в пустой парикмахерской аэропорта лысый человек с ножницами в руке, рассказывавший еврейские анекдоты, отрезал мои длинные волосы и бросил их на каменный пол. Мне сделали короткую причёску. По приезде в Киев я увидел, что капитан Гриценко – совершенно лысый человек, ниже меня почти что в два раза, с приличным брюхом и улыбавшимися сальными глазками.

– Божечки, – сказал он, посмотрев на мою худобу, и совсем по-бабьи всплеснув руками, – где ж мы форму на тебя отыщем?

И действительно, среди поселившихся в общежитии милиционеров, с которыми был знаком Гриценко и которые не писали в назначенный день сочинения, формы нужного размера для меня не оказалось.

– Значит, так, – сказал он, – пойдёшь в своей белой рубашке, а если кто спросит, почему без формы, ответишь: «Я з криминального пошуку» – «Я из уголовного розыска».

Вечером я обложился книгами и стал повторять давно забытые школьные темы. И неожиданно для себя понял, что научился писать обычное школьное сочинение. Прочувшись четыре года в университете, я смог бы за несколько часов наваять трактат о славянофилах и западниках, оспорить некоторые положения философии экзистенциалистов и провести сравнительный анализ какого-нибудь отрывка из Достоевского и его поздних эпигонов. Но написать нечто под названием «Страдания русского народа в поэмах Некрасова» или «Евгений Онегин как

образец реалистического романа» – это было уже невозможно, эту стадию школярского идиотизма я уже прошёл, и смог бы написать только что-то вроде пародии. А именно эти темы и должны были быть завтра на сочинении, об этом мне доложил сам Гриценко.

– Ты не волнуйся, – говорил он, – сведения точные, Павел Иванович мне сегодня лично их озвучил.

Этот Павел Иванович, тёзка Чичикова, был каким-то важным человеком в приёмной комиссии. Именно с ним обо всём и договаривался капитан Гриценко. Он рассказал, что отправил Павлу Ивановичу прямо на дом несколько ящиков персиков, несколько мешков кабачков и перца, буженину, окорока и многое другое. Окончательный расчёт должен был последовать после поступления Гриценко в академию, и состоял уже в долларах, а не в продуктах.

– Павел Иванович знает, что буду не я, а другой человек. Поэтому просто пиши. Но будь осторожен. Никто другой, кроме него не знает. И если тебя поймают, говори, что ты просто попал с улицы, моего имени не упоминай, а главное, забудь про Павла Ивановича – это большой секрет.

Рано утром мы пошли на Соломенскую площадь. Один только вид громоздкого казённого строения с колоннадой мог бы привести в трепет кого угодно. На удивление, я оставался спокоен, чувствуя что-то вроде упоения перед боем. Такое всегда бывало со мной прямо перед экзаменом в университете, особенно если я плохо подготовился, и мне нечего было терять.

Вокруг колонн толпились растерянные милиционеры со шпательками, такие же капитаны, мечтавшие перешагнуть непреодолимый барьер, поступить в академию и стать потом майорами и полковниками.

Гриценко отдал мне своё удостоверение. На входе стоял офицер, проверявший документы. Издали я показал ему красную корочку с фотографией широколицего совершенно лысого и не похожего на меня Гриценко, а затем поднялся по мраморной лестнице на второй этаж, чтобы разыскать свой класс.

В аудитории все до единого были одеты в форму. Я вошёл, не стеснясь, как офицер, чинно поздоровался и уже по студенческой привычке пошёл на самую последнюю парту.

За минуту до звонка в аудиторию быстро вбежал ещё один человек из «крымынального пошуку», также одетый в штатское. Привычным взглядом следователя он молниеносно оглядел всех присутствующих и остановился на мне.

– Ты, – сказал он уверенно, с сильным ударением на «ты», подходя ко мне и плюхаясь на стул рядом со мной, — ты будешь мне подсказывать.

Прозвенел звонок, такой же, как в школе. Зашли преподаватели – двое мужчин в форме и неприятного вида женщина с очень въедливым взглядом, которая мне сразу же не понравилась. Всем раздали проштампованные тетради и огласили темы, сначала для тех, кто писал по-украински, затем для тех, кто писал по-русски. Павел Иванович не соврал. Некрасов и «Евгений Онегин». Третья была свободная. Её я и выбрал. Что-то о совести и чести современного милиционера и гражданина, тема вполне подходящая для подсадного абитуриента вроде меня.

Часа полтора я писал спокойно, подбирая по памяти цитаты из классиков и выстраивая стройный рассказ от лица честного служителя закона.

Но вскоре мой сосед заёрзал на стуле и стал требовать подробностей биографии Некрасова.

Я плохо знал эти подробности, но так как терять мне было нечего, то совершенно спокойно на ходу лгал ему что-то вроде: «Родился в таком-то году, — и называл довольно приблизительно год, но уверенным тоном... – Был внебрачным сыном помещика Тютчева и пленной турчанки...». Человек, раскрывший не одно преступление и так легко вычисливший моё настоящее призвание, довольно легковерно записывал за мной все бредовые сведения. «В молодости Некрасов был бурлаком на Волге, что отразилось в его поздних живописных работах, ведь он ко всему прочему был ещё и выдающимся художником...» Ни один мускул не дрогнул на мужественном лице моего соседа, когда я продолжал приблизительно в таком духе: «Именно после ссылки и каторги пришло к Некрасову величайшее прозрение, и по горячим следам унижений и снесённых обид пишет он терцинами свои знаменитые “Записки из мёртвого дома”».

– «Записки из мёртвого дома» – это поэма? – спросил он, не отрываясь от тетради.

– Да, это поэма, – подтвердил я, – обширная, развёрнутая, с комментариями Лотмана в духе позднего структурализма.

– Это нужно? Про Лотмана, и структуро...?

– Ну, если хотите проявить эрудицию.

– Нет, не буду, – сказал он, подумав, – всего в меру, догадаются, не поверят.

Когда сочинение про Некрасова было дописано, я стал заканчивать свою сагу о совести. Мне оставалось всего-то минут пять или десять. Но тут я заметил неладное.

Женщина с въедливым взглядом как-то пристально и недобро рассматривала меня со своего места, кивая сидевшему за столом майору.

Я понял, что под подозрением. Однако ещё надеялся на магическую силу Павла Ивановича, незримое присутствие которого всё это время чувствовал рядом с собой.

Когда, наконец, я дописал, женщина с въедливым взглядом и майор подошли ко мне.

– Скажите, это ваша подпись? – спросила она, указывая мне на подпись капитана Гриценко в какой-то бумажке.

Подпись была очень не похожа на ту, которую я проставил в экзаменационном листе.

– Да, моя, – уверенно ответил я.

Тогда она достала пухлую папку с личным делом капитана Гриценко. Оттуда был извлечён лист, весь испещренный милицейскими каракулями.

– Скажите, – подслащённым голосом, предвкушая расправу, снова спросила женщина с въедливым взглядом, – этот рапорт написан вашей рукой?

– Да, моей, – уже не так бодро проговорил я, видя, что почерк рапорта и почерк лежащего передо мной опуса о совести и чести сильно отличались друг от друга не только формой, но даже наклоном букв. Гриценко писал с наклоном вперёд, как нас учили в школе, я же выводил строчки с сильным наклоном в обратную сторону.

Тогда она открыла главную страницу личного дела, где красовалась фотография моего лысого и сильно распухшего на службе «двойника».

– Это ваша фотография? – победоносно смотрела она на меня.

Я понял, что лгать бесполезно, и надо что-то делать, чтобы не оказаться сегодня за решёткой академического карцера, где из меня будут выбивать имена Гриценко и, главное, запретное имя Павла Ивановича.

Как всегда в минуту опасности, я проявил неожиданное для себя хладнокровие. Я медленно встал, всматриваясь в фотографию Гриценко, посмотрел дерзко и прямо в глаза въедливой женщины и спокойным уверенным голосом сказал:

– Здесь что-то не так.

Майор, стоявший рядом, вопросительно посмотрел на женщину.

Я взглянул и ему в глаза.

– Подождите, – сказал я, почти что внушая, почти что гипнотизируя эту парочку, и снова посмотрел в глаза женщине. – Никуда не уходите. Будьте здесь. Я сейчас приду.

С этими словами, без спешки, несколько раз обернувшись к ним и повторяя «подождите, я сейчас приду», я прошагал весь проход до двери, вышел и уже только после этого помчался во весь опор из страшного здания, вниз по лестнице, мимо дежурного, под колоннами, к перекрёстку, где переминался с ноги на ногу мой бедный капитан Гриценко.

– Как же так! Где справедливость?! – почти что плакал он, возвращаясь со мной в милицейское общежитие. – А буженина! А виноград! А персики! Павел Иванович, Павел Иванович!..

Вечером мы выпили с Гриценко на посошок. Он немного успокоился, но всё равно повторял:

– Брат меня убьёт! Он меня убьёт!

Может быть, в академии МВД Украины, что на Соломенской площади, ещё помнят бледного юношу, писавшего сочинение вместо капитана Гриценко и гипнотическим взглядом поставившим в тупик двух служителей академии. Знайте, это я. Моя настоящая фамилия стоит в начале рассказа. Я приветствую вас, женщина с въедливым взглядом, вас, незнакомый майор без всяких признаков личности, кроме двух полос и единственной звезды на погонах, и вас, Павел Иванович, поклонник древнего культа буженины! Может быть, не забыл меня и

мой сосед по парте из уголовного розыска. Вам я тоже передаю привет.

После расставания с моим неудачливым капитаном, я не уехал из Киева, а, поселившись в дешёвой гостинице на Левом Берегу, ожидал возвращения из командировки давнишнего знакомого нашей семьи – доктора Доломанова. Он обещал осмотреть меня в своём институте травматологии и ортопедии и поставить точный диагноз.

Три дня бродил я по городу, сравнивая Киев с Москвой. Порою мне удавалось за день пройти по его улочкам, паркам и магистралям до сорока километров. Сравнение было не в пользу Москвы. Промозглая, серая, равнодушная Москва – и весёлый, приветливый, жизнелюбивый Киев.

Но я понимал, что жить в таком счастливом городе не смогу. Мне нужен был холод, я хотел полного равнодушия, изображённого в небе и на лицах людей. Я чувствовал, что в сытом, довольном Киеве «система» ещё страшней, ещё тотальней, чем в моём родном городе. А я мечтал в Москву, в город, где можно было жить без всякой «системы».

В эти дни я много раз звонил домой и спрашивал у мамы: не появлялась ли моя Симонетта. Мама обрадовалась, сказав, что она в Крыму, но только уехала на некоторое время в санаторий. Я надеялся, что к моему возвращению мы снова встретимся.

Доломанов приехал, мы встретились, и в тот же день мне сделали рентген и кое-какие анализы.

– Подозрение на Бехтерева, – сказал он, рассматривая снимок. – Писателя Островского, «Как закалялась сталь» проходил? Похоже, тот же диагноз.

– Значит, на всю жизнь прикован к постели? – больше удивился, чем испугался я. — Когда?

– Может, скоро. Может, нескоро, – равнодушно говорил Доломанов, провожая меня в палату. – Может, вообще никогда. Это же медицина, наука неточная, гипотетическая, такое же до сих пор шаманство. Полежишь у нас, проверим. Но только в другом отделении, а то наши умники тебя сразу же начнут гормонами пичкать.

И Долманов доставил меня в палату, в отделение сложного хирургического протезирования.

Через несколько дней, пожив в этой палате, я стал невольно стыдиться, что у меня, в отличие от других её обитателей, были на месте обе руки и обе ноги и каждый раз, возвращаясь откуда-нибудь, невольно прижимал руки к телу и прятал ноги под одеяло в кровати. Здесь лежали только калеки, многие из них ожидали операцию.

В углу на койке под картиной с изображением ночного Днепра обитал уже несколько месяцев майор Груздев, подбитый в танке возле Тирасполя. У него не было обеих ног и одной руки, у единственной же оставшейся была оторвана ладонь. Вместе с ним в больнице жила его жена, преподавательница фортепьяно. Эта самоотверженная культурная женщина ухаживала за ним, как за ребенком, и только поздно вечером уходила в женскую палату, где была приготовлена для неё койка. Она его кормила, поила и читала вслух книги, которые он очень любил. Груздев был офицер старой закалки, педантичный, сухой, очень спокойный. Похоже, он единственный среди всех калек палаты не был подвержен унынию и совершенно спокойно слушал строки из «Илиады» про битвы греческих воинов – образованная офицерская жена читала ему только классику.

Бывшие солдаты, также покалеченные в Приднестровье, брали костыли и уходили из палаты, когда она начинала чтение.

Моя койка располагалась между койкой Шмуревича – крестьянского парня из Киевской области с малоразвитым лицом, испещрённым оспой, и совсем юного мальчика Серёжи, подорвавшегося в лесу на mine времён Второй мировой войны.

Шмуревич несколько лет назад после гангрены отрезали голень, но рана не заживала и гнила. И через какое-то время ему сделали повторную операцию, а потом операции стали регулярными. Хирурги поднимались всё выше к колену, потом отрезали выше колена, и теперь ему предстояла новая операция – ему снова должны были отрезать часть ноги. Казалось, что Шмуревич не догадывается о том, что ему предстояло. Он лишь тосковал по дому и ждал, что снова вернётся в деревню и сядет на своего любимого жеребца по кличке Воронок.

Мальчик Серёжа был любимец всего отделения. Ему носили подарки врачи и медсёстры, а шведские благотворители, опекавшие институт, подарили компьютер, стоявший в кабинете начальника отделения. Это был мальчик нервный, умный и уже развращённый всеобщим вниманием и заботой. Иногда по ночам он плакал в подушку и говорил: «Кому я буду нужен, когда вырасту?». Несмотря на свой возраст – что-то около семи лет – он был серьёзно влюблен в медсестру Таню, и ревновал её к одному больному.

Здесь, в больнице, дух любви и даже разврата царил во всём.

Я видел, как по вечерам застенчивые парочки на инвалидных колясках въезжали в широкие двери душевых и запирались, чтобы заниматься любовью.

За ними уже выстраивалась очередь – и своей очереди ждали другие колясочники.

Всё это видел и Серёжа, влюблённый в красивую Таню, чем-то напоминавшую мне мою Симонетту.

Несколько дней мне делали анализы и водили из кабинета в кабинет, показывая разным врачам.

Врачи набрасывались на меня с радостью, и каждый из них ставил новый диагноз, в зависимости оттого, на какую тему писал в молодости диссертацию.

Меня раздевали до трусов, просили повернуться, наклониться, потом какое-нибудь светило говорило Долманову, сопровождавшему меня:

– Обратите внимание: волосяной покров в области поясницы. Явный признак системного остеохондроза.

– Но может быть, просто волосяной покров, наследственность? – осторожно интересовался Долманов, не смея перечить коллеге, только что вернувшемуся с американской конференции по костным болезням.

– Нет, это явный признак, – заверял его профессор и писал что-то размашистым почерком в моей медицинской карточке.

Долманов не спорил. В те дни ему было не до этого: он ходил с небольшой книжечкой, чем-то вроде словарика, куда постоянно заглядывал, повторяя про себя слова. На днях у них в институте должен был пройти экзамен по знанию украинских терминов –

институт переводили на украинскую терминологию, и многие термины, которых не существовало в природе, были выдуманы совсем недавно и звучали комично.

– Знаешь, как по-украински: мужской половой орган? – негодовал Доломанов. – Прутик!.. Может, у кого-нибудь и прутик. Или даже тростинка. Но только не у меня!

Все эти дни, наблюдая медсестру Таню и вспоминая по ней, как я вспоминал по своей картинке над столом свою Симонетту, её больницы, которые она проходила, я писал ей письма, много писем, а потом шёл на почту их отправлять и выбирал самые красивые марки.

Я мечтал, что, вернувшись, я снова приду к двери её комнаты с картонным почтовым ящиком, и что она, уже прочитав мою недоделанную поэму об Ансельме и Анне, изменит своё решение, и мы снова будем вместе.

Я знал, что если мы снова будем вместе, я не поеду в Москву никогда. Я понимал, что мама права: мне придётся стать сиделкой любимого человека. Я не увижу новые города, не смогу путешествовать, не узнаю новых людей, не прочту новые книги, – и всё это ради серых глазок, ради носика, ради нескольких детских звуков, которые она обычно издавала, прижимаясь ко мне. Но тут я невольно восставал уже против «системы», созданной мною самим, которая вынуждала меня путешествовать, узнавать новых людей, читать новые книги – зачем мне всё это? Ведь это тоже «система»! А я не хотел никаких «систем», даже своих собственных! Мне хотелось одного – свободы, воли, вырваться!

Две недели спустя меня выписали, и я помчался на поезде домой.

Худшие опасения не подтвердились, и мне записали полиартрит и ещё кое-что в довесок, предупредив, правда, что диагноз не точный.

В городе её не оказалось. Подруга сообщила, что сразу же после санатория она уехала куда-то со своим дядей. И я стал её ждать.

Эти наступившие летние дни проводил я довольно празднично, не ожидая, что мне предстоит впереди.

Единственным серьёзным занятием были велосипедные прогулки, на которых я гонял по несколько километров Дойча. Осенью

ему предстояла выставка, нужно было получить высокий балл, чтобы надеяться на очередную случку.

Иногда, не часто, я выбирался на море в ближайшее приморское село, где среди сотен вялившихся на солнце тел находил небольшое место для своего полотенца, а затем шёл в воду и плавал, плескался почти до вечера, не выходя на сушу.

В то время, размягчённый от жары, я мало читал, лишь просматривая новые книги. Отец купил мне за 600 тысяч новых карбованцев знаменитый тридцатитомник Достоевского в зелёной обложке, о котором я давно мечтал. Не хватало только одного дополнительного тома. Я обегал все букинистические магазины, пока не встретил в одном из них нужный мне том за странную цену 4 карбованца – ведь в то время даже самая дешёвая газета стоила 100 карбованцев.

Те последние дни моего жительства в родном городе запомнились мне землетрясением. Было несколько толчков, сильно напугавших местных жителей. Уже давно ходили слухи о катастрофе, говорили, что чуть ли не весь Крым должен уйти под воду. А на следующий день после толчков по радио передали предсказание болгарской гадалки о том, что в ночь с субботы на воскресенье город будет разрушен от страшного подземного удара. Мама, как всегда, посмеялась над подобными слухами, однако на всякий случай собрала в пакет документы и Дойча. Я же остался дежурить на ночь, читая свободолюбивые прибалтийские газеты, привезённые отцу его приятелем из Риги. Поставив на столе рядом с собой тесно прижатые бокалы, которые в случае толчков известили бы меня своим звоном, я достал толстую тетрадь, в которой вёл свой дневник, и стал записывать события последних недель. С наступлением темноты я вдруг услышал, нет, не звон бокалов, я услышал, как из нашего дома с вещами через дорогу в поле потянулись соседи. К полуночи вся свободная от татарской деревни часть поля была занята людьми, поверившими болгарской предсказательнице. Свет фонариков, костры, разговоры и смех – всё это была жизнь, и всё это были люди, принадлежавшие одной древней, как мир, «системе» страхов и надежд, предчувствий и томлений.

Годы просвещения, советских школ, материализма и прогресса мало повлияли на человека, который всегда жил, живёт и будет

жить первобытным ужасом от непостижимости того, что такое землетрясение, болезнь, смерть.

Каждые полгода какой-нибудь непальский астролог предсказывал с точностью до минуты конец света, и всё это, вместе с гороскопами и выступлениями очередных экстрасенсов, заряжавших воду или лечивших устным внушением, передавали по телевизору и радио.

Нельзя сказать, что даже мама при её здравом смысле не верила ни во что чудесное. Она верила в сны, вместе с соседкой гадала на воске и постоянно искала в своей жизни какие-то тайные знаки, хотя никогда не боялась лишний раз иронизировать по этому поводу и над собой, и над своими знакомыми.

Но некоторые случаи из её жизни заставляли относиться ко всему этому значительно серьёзней.

Как раз через неделю после несостоявшегося землетрясения ей приснился огромный бык с рогами. Утром она озабоченно сказала:

– К несчастью.

И на следующий же день умерла её любимая тётка, причём с этой смертью связалась одна полумистическая история. Поехав тут же в дом к покойной тётке, мама узнала, что родственники не смогли дожидаться «скорой», «скорая» опоздала. Мама подошла к лежавшей тёте Вале, заговорила с покойной, и в этот момент неожиданно – этому есть свидетели – бледно-жёлтое лицо покойной озарилось каким-то светом, стало розоветь и неожиданно оживилось. Мама выбежала на улицу, чтобы добежать до автомата и позвонить в скорую. Узнав, в чём дело, дежурная на телефоне отказалась приезжать, сказав, что факт смерти уже зафиксирован той самой опоздавшей бригадой. Однако мама стала грозить им и нашла слова, после которых «скорая», опоздавшая в прошлый раз, примчалась к их дому через три минуты. Врачи пожимали плечами: действительно, цвет лица для покойника странный, небывалый, щупали её, слушали, но пульса нет, ничего нет, никаких признаков жизни.

Наконец, в конце июня моя Симонетта вернулась из Москвы и, позвонив мне домой, тут же назначила свидание.

Мы должны были встретиться, как тогда, первый раз, на углу, возле Чёрной аптеки.

В половине седьмого, за полчаса до назначенного времени, успев купить на цветочном рынке букет свежих роз, я стал её ждать.

Из дверей аптеки то и дело выходили полуживые старики. Я ждал и вспомнил, как когда-то в детстве видел в этой аптеке старуху с пиявками на руке – то ли купленными прямо здесь, то ли зачем-то принесёнными. Она сидела за столиком под пальмой, росшей в кадке у окна, с открытой рукой, и на дряблой старушечьей руке деловито шевелились цвета сырого мяса гадкие и бездушные создания. У кого бы я ни спрашивал – никто не знал, почему эту всем известную в городе аптеку прозвали Чёрной.

Она подскочила ко мне откуда-то сбоку, обняла и выхватила из рук букет. Я хотел её поцеловать, но она отстранилась.

– Только что от зубного, – сказала она, – сняли мышьяк.

Целый вечер мы гуляли по берегу реки, дошли до автовокзала, потом до общежития.

– Я уезжаю, – сказала она, – в Москву. Хочешь, поехали?

– Хочу, – сказал я.

– Буду жить у дяди. Ты бы смог поселиться где-нибудь недалеко. Мы бы виделись. Москва – это так здорово! Там столько развлечений! Это настоящий праздник!

– Наверное, я так и сделаю, поселюсь рядом с тобой. А что за дядя? Ты ничего не говорила о нём.

– Мой дядя, – сказала она гордо, – академик, очень большой человек.

– Сколько ему лет?

– Пятьдесят пять. Мы встретились в санатории. Я и не знала, что это он. Останешься у меня? – Она посмотрела в сторону окна.

– Я думал, у тебя кто-то есть.

– Нет, со всем покончено, – сказала она. – Пойдём.

Я оставил на вахте в залог свой паспорт, мы поднялись на третий этаж, к той самой двери с картонным почтовым ящиком. Она достала ключ.

Всю ночь и целое утро мы целовались, не вставая с постели. Потом, выпив вина, пошли на остановку и поехали на троллейбусе через горы в Ялту.

В небольшой гостинице с окнами в тёмный переулок мы остановились на ночь и встали из постели только к вечеру следующего дня.

Весь день мы бродили по Ялте. Она каталась на аттракционах, фотографировалась у ослика, накрытого ковром, вообще была счастлива и легка, а потом повела меня в ресторан.

– Зачем в ресторан? – не понимал я. – У нас нет денег.

– Я плачу! – говорила она весело. – Мы будем сегодня транжирить!

– Откуда деньги? Я не хочу шиковать на твои деньги!

– Не важно! Пошли!

Я не мог понять, что случилось, и несколько дней, пока гуляли по городу, пили и танцевали в ресторанах, ездили в ботанический сад смотреть на секвойю, поднимались на канатной дороге в горы, не задавал ей никаких вопросов. Она заговорила о нашем прошлом сама:

– Помнишь того учителя, англичанина?

– Помню.

– Представь, – весело смеялась она, – он увидел меня однажды на улице с Колей, и на следующий же день явился требовать все подарки обратно.

– И ты отдала?

– Я его выгнала с позором!

– Правильно!

– Но у него был ключ. Мы с Колей уехали в Севастополь, а он пришёл и всё забрал: телевизор, магнитофон, даже кипарисовую шкатулку. Помнишь мою кипарисовую шкатулку?

– Так это он тебе подарил?

– Ну-ну, не ревнуй! Всё в прошлом! Жизнь – такая путаница. И Коля тоже в прошлом. Мы расстались.

– Это тот огромный, бывший десантник? Я очень тушевался, видя его.

– Представь, однажды он тоже видел тебя в городе, и потом говорит: какой же всё-таки этот твой бывший красавец, не то, что я. Странные вы мужчины! Слушай, дядя устроит меня на работу, я поживу у него какое-то время, а потом мы смогли бы жить вместе. Согласен?

– Да.

– А потом... – она мечтательно посмотрела в потолок... – я бы родила тебе сына. Или лучше дочку. Кого ты хочешь?

– Не знаю, – сказал я, опуская глаза и стыдясь того, что знаю о неосуществимости её мечты.

– Лучше дочку. Она будет похожа и на тебя, и на меня.

И мы с моей Симонеттой начинали перебирать самые красивые имена для девочек.

Я был счастлив. Мне казалось, что она навсегда возвращается ко мне. Что теперь, испытав все, она поймёт, что нет лучше ничего наших тихих вечеров, наших разговоров и прочего. Мы были с ней дети. Это нас роднило. Я хотел бы иметь такую сестру. И, наверное, она бы хотела иметь такого брата, как я. В детстве у неё был брат. Его тоже звали Саша. И он погиб, катаясь на велосипеде. Быть может, поэтому всякий раз после очередного загула она возвращалась ко мне, потому что я был для неё родной человек.

Однажды перед самым её отъездом в Москву мы забрались на Чатырдаг. Мы шли от Ангарского перевала через Кутузовское озеро, и, пройдя буковый лес, вышли на плато. По холмистому плато, поднимаясь всё выше и выше, мы дошли, наконец, до точки, с которой было видно одновременно и море, оставшееся на юге и поднимавшееся до самого горизонта, и наш город. От радости я болтал чепуху, снова что-то о своём, но она меня перебила.

– Ты много говоришь: «система»... – сказала она несколько недовольно и наморщив свой носик. – То – «система»... Это – «система»... Что такое «система»?

– «Система», – ответил я, не задумываясь, – это то, оберегая нас и обещая нам счастье, на самом деле самым жестоким образом нас истребляет.

Вскоре она уехала к матери в посёлок, оттуда поездом прямо в Москву.

Я в те дни блаженствовал от счастья, представляя наше будущее и пытаюсь придумать, что скажу маме, отцу и бабушке, когда выяснится, что я уезжаю навсегда.

Я не подозревал ещё о новых неприятностях и о том, что никаких слов мне искать не придётся.

В самом конце месяца мне позвонили мои однокурсники и пригласили на выпускной. Я пришёл в актовЫй зал университета. На

передних рядах сидели все девочки из моей группы IV-Р-Г, теперь это была группа V-Р-Г. Это обозначало то, что они уже на пятом курсе, русского отделения, четвертая, «Г», группа. Я смотрел на то, как седой декан вручает им дипломы. Это были последние советские дипломы. С нового года обещали, что дипломы будут уже украинские. Я смотрел и думал, что не напрасно всё-таки оставил университет. Я всегда хотел отсрочить, всё отсрочить, и я отсрочил. Ведь теперь им предстоит взрослая жизнь, а я до сих пор ещё считаю студентом. Потом мы пошли в парк. Кто-то достал «Зенит», мы стали фотографироваться. Глядя на однокурсников, я думал по своей обычной привычке, что большинство из них вижу в последний раз. Я всегда почему-то так думал о людях, которые мне были дороги. В конце мы пошли в кафе и напились.

Вернувшись домой почти что в полночь, я узнал, что мне пришла из военкомата повестка. Меня призывали в армию. В военкомате не знали, что целый год я был в академе. Поэтому решили, будто вместе со всеми я тоже окончил университет и меня можно призвать.

Я решил, не восстанавливаясь в университете, сходить на медкомиссию и получить, наконец, освобождение, тем более, что теперь у меня была законная справка – с моим диагнозом я не мог служить.

В большом здании областного военкомата снова напомнила о себе «система». Нас, призывников, раздели до трусов и пустили в длинный коридор, где под каждой дверью с очередным врачом стояла небольшая очередь. Я встал к терапевту. Впереди меня были только двое: внушительных размеров толстяк, весь от живота до плечей заросший тёмной шерстью, и его приятель, которого толстяк почему-то рабски слушался. Этот толстяк своим обезьяньим видом привлекал всеобщее внимание, над ним посмеивались в других очередях, и тогда его приятель, заметив это, скомандовал:

– Мехась, покажи Кинг-Конга!

Толстяк развернулся лицом к публике, изобразил свирепую физиономию и стал бить себя кулаками в грудь и рычать, как герой известного фильма.

Очередь дошла до меня. Я вошёл к терапевту и рассказал о своей болезни.

– Нагнитесь, – сказал он. – Попрыгайте. И что, они считают, что вы больны?

– Я могу нагнуться и попрыгать, недолго. Но я, например, не могу добежать до автобусной остановки – кол в груди начинает шевелиться.

– Какой ещё кол? – Он посмотрел на меня с интересом, как на помешанного.

– Кол, деревянный, – стал я объяснять ему, в очередной раз забыв, что людям не всегда понятен мой образный язык. – Понимаете? Как будто между рёбер мне забили тупой деревянный кол. А ещё у меня всё болит. И волнуясь, я задыхаюсь, понимаете? Как наркоман. У меня есть рентгеновские снимки. У меня полиартрит.

– Обойдите всех врачей, – недоверчиво сказал он, разглядывая мои киевские справки. – Потом возвращайтесь. Направим в госпиталь, если так.

Мама отговаривала меня лечиться в военный госпиталь. Она считала, что нужно просто пойти и восстановиться в университете. Но я не хотел, считая, что лучше сразу получить белый билет, освободиться окончательно, поэтому через неделю лёг в госпиталь.

Вместо моей одежды мне выдали коричневого цвета потёртый длинный халат и белые уничижительного вида хлопчатобумажные кальсоны, доходившие лишь до колена.

Военные врачи осмотрели все мои бумаги, посочувствовали, снова послали на рентген.

В пустом кабинете рентгенолога повсюду были развешаны и сушились чёрные снимки зловещего вида черепов, рёбер, хребтов.

Рентгенолог, загадочный, странноватый и похожий на колдуну, осмотрев ещё не просохшее изображение моего искривленного позвоночника, честно признался:

– Да, с таким позвоночником служить невозможно.

Я думал, что всё решится само, и мирно проводил дни в прогулках по госпитальному дворику, чем-то напоминавшему внутренний двор тюрьмы.

Солдаты, лечившиеся здесь, мыли и чинили автомобили врачей. Офицеры мирно расхаживали в тени каштана или читали спортивные газеты. В то время шёл чемпионат мира по футболу. По вечерам и солдаты, и офицеры, и призывники, собравшись у старого телевизора марки «Крым», наблюдали за тем, как по чёрно-белому полю перемещаются чёрно-белые фигурки футболистов. Я же после очередного дня, не понимая, почему никто мною не занимается и не ведёт меня на анализы, сидел в углу на своей кровати и, разглядывая из зарешеченных окон тихую улицу Жуковского, вспоминал своё детство. Я жил здесь недалеко, в двух шагах. И часто по этой улице ходил в центр за молоком и хлебом. Однажды, когда я шёл мимо, окно госпиталя отворилось, и солдат точно в таком же коричневом халате подозвал меня. Он дал мне рубль и попросил купить конвертов и тетрадь – написать письмо домой. Когда я выполнил его поручение, он подарил мне сплетённого из капельниц чёртика – обычную госпитальную игрушку. Этот чёртик до сих пор хранился у меня дома. Солдат, которого я вспоминал и который, может быть, спал на той же самой койке, на которой я сплю сейчас, кажется мне до сих пор взрослым и большим, в то время как я до сих пор ещё кажусь себе тем самым мальчиком – всё было как будто вчера: обычное чувство человека, чувствующего, что жизнь коротка.

После этих грустных воспоминаний я выходил во двор, чтобы отдаться воспоминаниям ещё более грустным.

Отсюда, со двора, хорошо были видны крыши соседних домов, и одну из крыш я узнавал – это была крыша того самого дома на Гоголя, 23.

Дом, в котором мы жили с родителями до моего шестого класса, тот самый, в котором я первый раз осознал «систему» и попросил маму не водить меня больше в детский сад.

Тот самый дом, где единственный раз в жизни, в семь или в восемь лет, я пытался покончить жизнь самоубийством.

Мне не хватило тогда элементарных знаний восьмиклассника. Знаний в области физики. У нас за шкафом была сломанная розетка, и после нескольких дней детской депрессии, пытаюсь умереть, я схватил рукой два оголённых провода. Меня отбросило в сторону шкафа, на голову сверху посыпались книги из серии

«Литературные памятники» – помню, что там был папин Геродот и ещё что-то из древних. Но я не умер. Я остался жив. Только потому, что не знал: для верности моего предприятия прежде, чем хвататься за провода, мне нужно было бы встать ногами в таз с водой. Тогда бы стал проводником. И тогда бы всё получилось. Как раз такой таз у нас в доме был, алюминиевый.

Как-то вечером, уже на третий или четвёртый день моего сидения в госпитале, я стоял во дворе в длинной очереди к телефону-автомату. Я хотел дозвониться на вахту и оставить записку соседке моей Симонетты, которая созванивалась с ней. Но пока какой-то солдат-таджик говорил на непонятном языке, мешая таджикские слова с русскими ругательствами, я наблюдал, как другой солдат сбивает с железных ворот красную пятиконечную звезду, а его напарник на место сбитой звезды привинчивает жёлтый трезубец – символ нового государства.

Вдруг ко мне откуда ни возьмись подходит офицер в чине майора и, назвав мою фамилию, даёт мне совет, как лучше и быстрее выйти из госпиталя с нужными документами.

Он был сильно пьян, и я не мог понять, шутит ли он, или говорит правду. Я разглядывал его лицо, удивительно схожее с лицом капитана Гриценко и вообще всех людей «системы» – было что-то общее в их маслянистом взгляде.

– Пятьсот долларов начальнику госпиталя, и мне за совет бутылку коньяку, – сказал он, – а дальше: дело в шляпе.

Я сказал об этом маме, когда она пришла на следующий день. Она отнеслась к этому серьёзно, но я, уверенный в собственной правоте и болезни, запретил ей занимать деньги. Главное, уж очень всё это было противно. Самая противная «система» – платить. Как-то, помню, несколько лет назад меня послали к известному в городе врачу. И в конце после консультации мне нужно было отдать ему бутылку с коньяком и конфеты. Когда консультация подошла к концу, я весь, дрожа от страха, и представляя, что этот благородный, бескорыстный человек рассердится на меня и просто вышвырнет меня сейчас, когда я предложу ему эту взятку. Но на удивление, никто меня не вышвырнул. Коньяк и конфеты – всё было принято легко и просто. Это у меня дрожали коленки. От непривычки к «системе».

На следующее утро после визита мамы мне объявили, что нужно идти сдавать анализы в корпус госпиталя, который находился в соседнем квартале. Я сказал, что в таких комичных кальсонах идти по городу не стану, пусть мне выдадут другие, моего роста. Но никому не было дела до моего позора. В составе нескольких таких же, как я, меня повели по улице. По этой дороге несколько лет я ходил в школу, я знал здесь каждое дерево, каждое окно дома. И вот теперь мне, как посмешищу, приходилось идти в этих коротких кальсонах. Мне казалось, что все должны будут смотреть на меня. Но никто на меня не смотрел. Мы дошли до здания, где нам предстояло сдавать анализы. Возле входа стояло несколько негров и арабов в форме советской армии – это были курсанты военного училища для иностранцев, расположенного в горной местности, недалеко от Чатырдага.

После анализов нас повели обратно, а меня уже ждала мама и я попросил её принести мне мои джинсы белого цвета, которые я сам лично вываривал в кастрюле с хлоркой, чтобы из бирюзовых они стали совершенно белыми.

На следующий день она принесла. Я пошёл переоделся. И как только я оказался в джинсах, хотя они не сильно отличались по цвету и виду от стандартных кальсон, к нам с мамой тотчас же подошёл невысокий вздорного вида с совершенно ничтожнейшим лицом человек и стал кричать на меня при маме, чтобы я немедленно шёл передеваться в свои кальсоны. Я не выдержал и в ответ, как будто его не было рядом, сказал маме:

– Вот такие идиоты здесь везде.

Человек в белом халате опешил.

– Кто вы такой?! Ваше звание!

– А кто вы такой, что так на меня кричите?

– Я? Я – начальник госпиталя! – И тут только разглядел я три крупные звезды на погонах его кителя, прикрытых белым врачебным халатом. – Ваше звание!

– У меня нет звания, – сказал я, – я не из вашей «системы»! Я призывник, обычный человек, и не надо на меня кричать.

Но услышав, что перед ним призывник, а не младший офицер, как он думал, полковник Пинчук схватил меня за руку и решительно повёл в кабинет. Разговор со мной при матери напоминал,

скорее, допрос. Он потребовал у помощника моё дело. Ему принесли. Он пролистнул бумажки:

– Всё – липа!.. Все болезни нарисованы!.. Собираем врачей – и в армию! В самое расчудесное место тебя отправлю! Будешь в Чернобыле радиационную пыль сгребать, сам пылью станешь! Я научу вас, скотов гражданских, как разговаривать с офицерами!

Через день назначили мою выписку. Мама переживала и искала знакомых, которые бы могли урегулировать дело.

В маленьком городе, где сильна «система», всегда можно найти знакомых и договориться.

И действительно, за день до выписки она отыскала жену Пинчука, с которой, оказывается, работала в одном месте.

Я почувствовал это уже перед выпиской. Пинчук сам подошёл ко мне, похлопал по плечу. Он как будто простил мою дерзость. Меня отвели в комнату. За столом сидело несколько офицеров. Стали рассматривать моё дело.

– Какие будут мнения. Где рентген?

Рентгенолог-колдун достал мой снимок.

– На рентгене ничего особенного, – сказал он, – здоров.

Выступил следующий врач. Они снова перелистнули мои справки.

– Ну-ка присядь, теперь наклонись, – сказал мне Пинчук, – достань руками пол.

Я честно исполнил всё, что он потребовал и достал руками пол. Все переглянулись.

– Здоров, – сказал Пинчук, – судя по всему, здоров.

Пинчук сам вывел меня из кабинета.

– Ты бы хоть не до конца пригнулся. Что же ты такой честный? А так что я могу сделать? Вчера приходила твоя мать. Ну-ка пойдём ко мне в кабинет.

Мы пошли к нему в кабинет по внутреннему коридору. В приёмной, где ещё в начале госпитального срока висели портреты советских руководителей, теперь были развешаны портреты украинских гетманов. А в углу на самом видном месте красовался портрет самого Сагайдачного. Я знал об этом гетмане только то, что его именем назван в Севастополе главный корабль украинского флота. Недавно этот корабль посещал президент, и пришвартованный

левым боком, в спешке он был к приезду руководства покрашен только с одной, парадной стороны. Вот и всё, что я знал и хотел знать о гетмане Сагайдачном, потому что, только взглянув на его портрет, сразу же понял, что он, как и все они, кто хотел меня послать в Чернобыль сгребать радиационную пыль, кто хотел получить с меня 500 долларов, все они жалкие в своей силе и власти люди «системы», которую я так ненавидел.

Пинчук завёл меня к себе в кабинет.

– Все эти анализы ничего не стоят, – сказал он. – Традиционная медицина мертва. Поверь мне. У меня есть свой прибор. Сейчас по биотокам всё быстренько определим.

Он достал из потайного шкафчика деревянную дощечку, всю утыканную тупыми иглами. По виду прибор напоминал обыкновенную щётку для вычесывания собак – такой щёткой я и сам вычесывал Дойчу отросший за зиму подшерсток.

– Приложи ладонь, – сказал полковник Пинчук с очень серьёзным видом, придав своему простоватому и гадливому лицу выражение научного работника. – Вот так, просто приложи.

Тут я заметил, что это была не просто щётка. В боку у щётки было отверстие, из которого тянулось несколько проводков, прямо к прибору со стрелкой.

– Думаешь, я здесь просто сижу? – горделиво говорил полковник, настраивая свой чувствительный прибор. – Хренушки! Наука! Пятнадцать лет угробил на это изобретение. Надо мною смеялись, не верили, говорили, чушь, закрывали дорогу на научные конференции. Ничего, Копернику тоже закрывали. Так. Смотри. Видишь, дёрнулась!

Я взглянул на стрелку. Она действительно задрожала и отклонилась в сторону.

– Какие же болезни она определяет? – спросил я.

– Все, – ответил Пинчук, – все сразу. И очень точно.

Стрелка ещё немного подёргалась. Всё это время полковник записывал её показания на бумагу, сверяясь с часами. Видимо, биотоки нужно было определять за какие-то отрезки времени. Потом уселся за стол и, придвинув калькулятор, стал что-то подсчитывать. Над головой у него вместо портрета Ленина, который наверняка ещё недавно висел именно здесь, был теперь портрет

поэта Тараса Шевченко. Какое отношение имел этот забритый в солдаты мученик к продолжателям делу его мучителей, к таким вот, как этот полковник, я не знал. Пинчук заканчивал чертить таблицу, снова развернул выписки и, наконец, после десяти минут сложнейших математических подсчётов, исчеркав несколько листов бумаги, повернувшись ко мне, произнес:

– Ты здоров, братец. Ты абсолютно здоров!

Я спросил:

– Но анализы крови? Аутоиммунное воспаление? Полиартрит? Остеохондроз?

– Пускай всё остаётся на бумаге, – подмигнул мне полковник. – С твоей мамой мы уже говорили. Она, кажется, неглупая женщина, и поняла, что нужно делать. Но тебе скажу по секрету: ты здоров. Мои поздравления.

Потом он свернул проводки и снова спрятал свой прибор в потайной шкафчик.

В тот же день я был выписан из госпиталя, и уже дома обо всём рассказывал. Мама, послушав об этом и обо всём, что происходило со мной в госпитале, спросила:

– Значит, пятьсот долларов и бутылку коньяка?

– Мама, – сказал я, – прошу тебя. Ни копейки! Да и где мы возьмём? Ты сама сказала, что его жена работает с тобой вместе. И жена тоже сказала: ни копейки ему не давайте.

– Она-то сказала, – подтвердила мама, – да только ты его оскорбил. Понимаешь? И он не простит. Помнишь, что говорил о Чернобыльской зоне?

И она оказалась права. Через некоторое время, не дождавшись ничего от моей мамы, полковник Пинчук отправил документы в военкомат, и мне пришла повестка.

На сборный пункт я не явился. Тогда к нам домой пришёл участковый. К тому времени я уже скрывался в квартире у дедушки.

После переживаний у меня снова всё болело: шея, голова, спина, а деревянный кол входил в грудь всё глубже и глубже. Я чувствовал себя глубоким стариком, близким к смерти. Я хотел только одного: чтобы меня оставили в покое. Но они нашли меня и у дедушки, вручив повестку и заставив расписаться. Эта «система»

работала чётко. Я позвонил в Москву. Моя Симонетта закричала в трубку:

– Приезжай!.. Немедленно приезжай!

На следующий день я купил плацкартный билет до Москвы.

Сборы были короткие и быстрые. Перед отъездом в коридоре я обнял единственного друга за мохнатую шею. Я расцеловал его в мокрую морду с остатками ячневой каши и чуть не расплакался.

На вокзале меня ждали мама, отец, дедушка.

– Нелёгкий ты выбрал себе хлеб, – сказал мне дедушка на прощание.

– О чём ты? – спросил я и посмотрел на маму, но она улыбнулась, давая понять, что моя мечта давно уже известна даже дедушке.

– Это почти то же самое, что художник, – сказал я ему, – сидишь дома, рисуешь, только словами. Никуда ехать не нужно.

Я забрался в вагон, открыл окно. Грянули первые звуки «Прощания славянки», традиционно исполнявшиеся при отправлении на Москву. С советским паспортом, бережёнными от штампа с трезубцем, я уезжал в далёкий северный город.

В Москве меня ждало всё то, о чём до этого я читал в своих самых любимых книжках: холод, голод, ночлеги в подъездах чужих домов, новое одиночество и новые унижения, а главное, измена, её измена. Неожиданное и горькое открытие: пятидесятилетний «дядя» был её новым любовником. Она объявила мне об этом уже в первый день, на Курском. Там же, коротко переговорив в привокзальном буфете, мы расстались. И больше я никогда не видел её.

Я искал её после, много раз, но следы затерялись. Я не знаю, что с ней, жива она или нет. Мою Венеру-родительницу, мечтавшую о материнстве с диагнозом пурпура тромбоцитопеническая, я ни в чём не винил. Она никогда не была корыстной женщиной. Деньги нужны были на лекарства, хорошее питание, больницы, врачей, санатории. Я знал: без денег она погибнет. Как погибну я, если в этом страшном городе не найду себе тихий угол, где смогу написать свои первые рассказы.

И ещё. Я много думал в те московские дни, наступившие за разлукой с моей Симонеттой, что любовь – это тоже «система».

Может быть, самая лживая, самая бессовестная. И что только тот, кто найдёт силы навсегда отказаться, отречься от любви, сможет стать, наконец, свободным.

Мария Скрягина¹ ТАЙНА СПЯЩЕЙ ЦАРЕВНЫ



Туманы, туманы, волглые травы... Их вкус она знала с детства, может, с самого рождения, вкус горьковатый, немного тревожный, осенний. Скотоводы нашли её тогда в траве. Маленький свёрток, укутанный в мех, неизвестно, сколько пролежавший на холодной земле. Травы и небо – огромное, глазастое, дрожащее, так и остались её жизнью, её настоящей жизнью.

Девочку обнаружили на рассвете, и маленькое лицо было в каплях от тумана. Лошадь с наездником, шедшая ровным шагом, уткнулась тёплым влажноватым носом во что-то беззвучное, но живое. Лошадиный запах она тоже запомнит на всю жизнь. Запах добрый и беззлобный. Лошадь облизала ей лицо, странное лицо – белое, с нездешними чертами, заржала призывно, словно нашла жеребёнка. Наездник спустился, взглянул – белолицый человечек с раскрытыми синими глазами. Удивился. Брёл сквозь утреннюю пелену и наткнулся на ребёнка. Чужого, ребёнка чужаков, это он сразу увидел, почувал. Но комочек беззащитный взял.

Тогда же, на рассвете, в их дом пришла старуха-шаманка. Развернула свёрток, долго рассматривала девочку, потом велела всем выйти и они сквозь шкуры слышали её бормотание, причудливые звуки и пение. Шаманка сказала, что ребёнок – дар духов, велела его беречь, потом усмехнулась сама себе: «Хотя, если до сих пор не пропала, то и потом выживет». «Только знайте, это не ваш ребёнок. Это ребенок духов», – повторила она строго, оставила на шее у девочки амулет из бусин и ушла.

Приёмная мать сначала боялась, что девочка немая, она не плакала, не издавала звуков, лежала, вытаращив синие глаза. Потом захныкала, смешно, недовольно, и Кыдым поспешила согреть молока, чтобы накормить ребёнка. Младший сын, едва научившийся ходить, уцепился за её юбку. Старший смотрел со стороны, не

совсем понимая, что происходит, пока Кертек, положив руку ему на плечо, не сказал: «Чего боишься? Это твоя сестра».

Девочка оказалась слабенькой, и Кыдым старательно выхаживала её. Ничем она не отличалась от её собственных детей, разве что белой кожей да синими глазами, также тянула к ней ручки, также любила спать, уткнувшись матери в плечо, также забавно что-то бормотала по-детски, также училась ходить. Шли дни, и Кыдым уже казалось, что это её настоящая дочь, что не было никакого свёртка в тумане, что просто пришёл день, и девочка родилась. «Как назовём её, Кертек?» «Назовем Алай».

Была осень. Алай жила с пастухами уже восемь лет. Кертек и Кыдым были людьми тихими, добрыми, много трудились. Отец мастерил ей игрушки, сочинял сказки, вместе они возились с лошадьми. Почему он так любил эту синеглазую девочку, Кертек не знал. Он до сих пор помнил то странное, смешанное чувство умиления, обретения и непонимания, когда нашёл её в траве. Что это было? Знак свыше, подарок богов, знак ему оттуда, с небесных пастбищ, может, от сестры, маленькой девочкой упавшей с обрыва, может, от матери, умершей при родах? Дар этих смертей, так поразивших его в детстве. Всё бродил он, всё сидел у ночных поднебесных костров, всё надеялся, что родные отзовутся с неба, дадут знак, не оставят его. Но время шло, шла его жизнь, неспешная, неторопливая, однообразная, приходили и уходили лошади, появилась молчаливая Кыдым, родившая ему двоих сыновей. Росли дети, приходили и уходили лошади, зажигались и гасли костры, а Кертек ждал чего-то, грызя соломинки и поглядывая наверх, пока однажды не нашёл Алай у себя под ногами.

Он был уверен, что это ответ на его ожидания, пускай странный, но знак. Он часто разглядывал её, наблюдал, замечал всё необычное, думал, чем порадовать. Алай была тёплой, радостной, иногда уходила в себя, подолгу молчала, но заключалось в этой тишине такое спокойствие, такая доброта, что даже молчать приятно было рядом с ней.

Кертек иногда брал её с собой на пастбища, и Алай это нравилось больше всего. Травы, небо и лошади. Алай могла обнять кобылу за ноги и стоять так долго-долго, словно слушая безмолвный

лошадиный рассказ. А лошадь уткнётся ей носом в голову и лишь прядёт ушами. Отец только умилялся, не зря прозвал её Жеребёнком ещё с того дня, как услышал удивлённое ржание во мгле.

Однажды на пастбище под утро, сквозь сон Кертек услышал навязчивый повторяющийся звук, звук лошадиной тревоги. Лошади боялись, и он даже знал, кого. Где-то поблизости бродил злой и опасный зверь. Кертек огляделся, а дочери не было. Выскочил из шалаша и отпрянул – Алай стояла рядом с волками, пятеро серых, очерившихся морд, десять внимательных рубиновых глаз. А она стояла и будто не пускала их, Кертек бросился к ней, и в ту же секунду волки развернулись и ушли. И он даже не понял – на самом ли деле это были звери или ему почудились их зловещие тени в утреннем, сизом тумане.

Потом он вспоминал, как однажды свежевал овцу, как, сосредоточившись на работе, не услышал шагов за спиной, не заметил, как подошла Алай и стала смотреть на кровавое месиво у него под руками, где шкуры, кишки, мясо, недавно ещё живое, тихое, смиренное создание. Он оглянулся, с ножом в испачканной кровью руке и увидел, что Алай рвёт. Сердце улетело куда-то вниз, так нехорошо ему стало, что он, как разъярённый зверь стал звать Кыдым и ругать её последними словами: «Ты что, спишь? Чем занимаешься? А ну, забери ребёнка!» Быстрым шагом пришла испуганная жена, увела Алай. Уже уходя, дочь обернулась, и в её глазах Кертек увидел неподдельный ужас. Она была маленькая, пяти лет и он не смог ей ничего объяснить, даже не знал, как.

А ещё она была с ним на своей первой охоте. Этого ни он, ни она не забудут никогда.

Пронзённой стрелой, существо трепыхалось от боли, билось, кричало всем своим нутром, молило о жизни, задыхаясь, захлебываясь кровью. Всё это вдруг навалилось на Алай, накатило внезапно, словно она сама вылетела вместе со стрелой, разорвала чужую плоть, а потом слилась с ней. В глазах у Алай потемнело, она стала быстро проваливаться куда-то, едва успев позвать, прошептать: «Папа!» Отец оглянулся, не зная, что его зовут, и увидел,

как дочь, выпустив поводья, заваливается набок и падает с лошади. Он развернул коня и испуганный, помчался к ней.

Алай была без сознания, совсем бледная, из носа текла тонкой струйкой кровь. «Девочка моя! Ты что? Что с тобой!» Он стал отирать ей лицо холодным снегом, а она лежала, то ли живая, то ли уходящая в мир иной, белая, тихая, хрупкая девочка его, жеребёночек из тумана. Отец не знал, что делать, тряс её, звал и когда уже решил, что она умерла, Алай открыла глаза, взглянула на него и заплакала взахлёб. Отец прижал её к себе, стал укачивать, как маленького ребёнка, говорить что-то ласковое и пытаться удержать своё сильно бьющееся, испуганное сердце. Алай плакала и дрожала, перед глазами мелькали видения, яркие, чёткие, Алай-стрела, Алай-птица, красные капли на белом, и Алай, полувек-полуптица, в перьях, в крови, скрючившись, на снегу. Тело дрожало, трепетало, звенело, тело пело тетивой и пело оно от боли и страха, и Алай изо всех желала, чтобы оно замолчало. Отец, крепко подхватив девочку, посадил её с собой на коня, позвал лошадь Алай и отправился домой. Убитая птица так и осталась лежать на снегу.

Алай проспала весь день до вечера. Потом сидела молча у костра, разглядывая что-то в его пламени. Отец зашёл неслышно и наблюдал за ней. Его поразило, как осунулось у дочери лицо, стало какое-то взрослое, сосредоточенное, с некрасивой морщиной между бровей. Он всё бы отдал, чтобы эта морщина испарилась, разгладилась, чтобы синие глаза засияли, как прежде, чтобы девочка улыбнулась. Сердце его сжалось при мысли о словах шаманки, он вдруг ощутил всю тяжесть камня, что таскал на душе с того дня. Рано или поздно Алай отберут у него, у девочки из тумана своя судьба, неясно какая, но ему, он знал точно, придётся вернуться в туман уже одному.

Он присел рядом, обнял дочь. «Жеребёночек, напугала ты меня. Что с тобой, миленькая? Что случилось?» Она подняла на него свои синие глаза, и лицо её искажилось от боли: «Папа, я убила живое...» Сказала и уткнулась ему в грудь. Он почувствовал, что она плачет. «Ничего страшного, жеребёночек, ничего, это бывает. Так устроена жизнь, так устроена. Если хочешь, больше не будешь ходить на охоту. Будешь дома, не плачь, маленькая моя, только

не плачь». Он уложил её спать и вышел наружу. «Надо же – “убила живое”». Он догадывался, что утром был не просто случай на охоте, там было что-то, чего он не мог понять. Белое лицо с красной извилистой ниточкой всё ещё стояло у него перед глазами. Он отёр лицо снегом и ушёл в ночь, к лошадям.

«Папа!» – она тихо позвала его. «Папа, не ходи на охоту. Медведь убьёт тебя». Кертек остановился. Он не был трусом и даже зная, что это правда, всё равно пошёл бы. Но он хотел понять, наконец, что такое заключено в этой девочке, которая разговаривает с волками и которая умирает вместе с убитой птицей. «Откуда тебе это известно, доченька?» – спросил он мягко. «Я видела». Он всё же собрался уйти, как вдруг Алай мёртвой хваткой вцепилась ему в руку: «Не ходи». Она посмотрела на него строго и зло, и ему так захотелось спать, что подогнулись ноги. Кертек уснул у порога, а с охоты не вернулся его соплеменник.

После он уже не ломал голову, он всё понял. У него не будет дочери. Потому что у шаманов нет ни отцов, ни матерей, ведь они сами – и отец, и мать своему племени. Оставалось только смириться.

В тот день шаманка Янар сама нашла Алай. Она была очень старой, на её веку родилось и умерло множество людей, сменялись вожди, а к ней смерть всё не приходила. Она ещё держалась благодаря необычайной внутренней силе, которую черпала будто из другого мира.

– Ты ведь хочешь спросить меня о чём-то? – сказала она строго, и Алай смутилась.

– А я даже знаю, о чём. – Старуха усмехнулась. – Ты была ещё очень маленькой, но я уже видела в тебе зерно. И смотрю, это зерно прорастает и не даёт тебе покоя.

Чего же ты желаешь? Тебя манит тайна? Сила? Но что ты понимаешь в этом? Ты чувствуешь в себе волшебство, и думаешь, что владеть им легко, что оно будет на службе у тебя? Какое заблуждение...

Ты только в начале пути, и ещё можно отступить, поверь мне, можно. Ты считаешь себя неповторимой, единственной, гордишься

этим, но исключительность означает одиночество. Ты одинока в своих видениях, ты одинока, когда лечишь, когда отправляешься в мир духов, когда разговариваешь с ними и просишь помощи, ты одна на один со своим даром. И то ли он тебе награда, то ли проклятие. Ты не можешь быть как все, у тебя особое положение, нельзя быть слабой, трусливой и безответственной, нельзя делать то, что хочешь, а лишь то, чего ждут от тебя. Днём ли, ночью – вставай, иди по первому зову. Нравится тебе такая судьба?

Шаман – это душа племени, его корень. И ты должна осознать себя не просто человеком, ты должна осознать себя корнем племени, который держит его на этой земле, который связывает его с небесами. Ты не есть просто Алай, ты больше, чем она. Нужно быть доброй – будешь доброй, понадобится твоя жестокость – будешь жестока. Ты готова к этому? Выдержишь?

Мне было столько же лет, сколько тебе, когда я тяжело заболела. Все думали, что умру. Меня била лихорадка, я не могла ни есть, ни спать, лежала в беспамятстве, в сплошной черноте. Потом меня стали мучить видения. Кто-то настойчиво звал меня. Он кричал то громко, казалось, лопнут барабанные перепонки, то шептал тихо, но от этих звуков хотелось бежать на край света. Так однажды я очнулась в лесу, не помню даже, как туда забрела. Увидела костер и пошла на его свет, хотя ноги едва держали меня.

Возле костра сидели духи – страшные, причудливые животные, которые уже ждали свою жертву. Они схватили меня и стали рвать в клочья, содрали кожу, перебрали кости, вынули все внутренности. Боль была жуткая, но они не останавливались... Потом духи дали мне новое сердце, и я стала шаманкой.

– Ты рассказываешь ужасное...

– Подумай-подумай, – говорила старуха, разглядывая белое лицо с глазами цвета весеннего неба. Она знала, что всё уже решено, что не пройдет и месяца, как у племени будет новая шаманка, но ведь нужно было сказать о главном, о том, что духи не скажут никогда?

Почему она была такой, откуда появился этот необъяснимый дар, то слабо мерцающий в ней, спокойный, изливающий серебряное лунное сияние, иногда зеленоватое свечение или

охватывающий её как болезненный жар, как огонь, Алай не знала. Сколько она себя помнила, странное ощущение незамкнутости собственного существа уже было. Были и странные вопросы, едва научившись говорить, а, может быть, и мыслить, она спрашивала себя: «Кто я? Откуда? Зачем я здесь?».

Мать и отец отвечали что-то, но это было не то, глыба громадного звёздного неба скрывала иные ответы, и Алай тянула вверх шею, чтобы заглянуть за неё, чтобы преодолеть этот порог неизвестности, пока однажды ей это не удалось, и чернота не разверзлась, пока не открылась Земля. Алай словно вспорола небесный шов и через небо увидела землю. А Земля была огромна – Алай чувствовала это сквозь расстояния и восхищалась. Стоило внутренне замереть, сосредоточиться, как начинали проступать страны и племена, города и народы, и Алай захлёбывалась в восторге от этих впечатлений. Ей, тоненькому подростку с плато, удалось видеть то, что не мог видеть никто. Для этого не нужны были снадобья, зелья, духи и обряды, у Алай был дар, он был заключён внутри неё и над ним никто не был властен.

Алай чувствовала болезни и умела лечить руками, она знала всё о пропажах и ворах, она возвращала из страны мёртвых и разрешала споры, она сочиняла песни о своих чудесных видениях, она предсказывала погоду. И главное, она знала будущее. Народов, племени и любого человека. Кроме девушки по имени Алай.

Что уготовано для неё, ей было неизвестно. Сколько времени отпущено, неясно. Что-то нужно было успеть сделать для племени, возможно, спасти кому-то жизнь, что-то изобрести, изменить. Неслучайно же она появилась в этом высокогорном уголке. Алай искала в своих видениях ключ, смысл собственного существования, но не могла найти. Возможно, она была ещё слишком далеко, а возможно, ей не дано было знать. Алай думала о своей смерти, пыталась представить её, но всё было сокрыто тёмной тишиной, только обрывок, что-то жёлтое, непонятное, расплывчатое, не пускающее взгляд дальше, словно кто-то ладонью закрывает глаза, словно оберегает от того нехорошего, что можно увидеть. Алай обречённо качала головой: «Не вижу, не вижу», и внутри у неё холодело. Она боялась смерти.

– Госпожа Алай, у нас ягнёнок должен родиться, – звали её, и она шла танцевать шаманскую пляску для одного-единственного ягнёнка, танцевать, помогать вставать на слабенькие ещё ножки, первый раз глотнуть материнского молока.

– Госпожа Алай, мы выводим овец на новое пастбище, – и Алай пела и плясала для высокогорных трав, стелющихся низким ковром, и травы внимали ей.

– Госпожа Алай, – говорил кто-то сквозь слёзы, и она шла петь погребальные песни.

– Госпожа Алай, – она отзывалась и думала: «Неужели настанет время, когда человек перестанет беречь всё это, когда станет без надобности убивать тысячами животных, вырубать леса, иссушать реки, вытаскивать мёртвых из их усыпальниц и могил, когда перестанет бояться богов и духов, потому что просто перестанет верить в них?»

Её названный брат Улагаш был красив – грубые, мужественные черты лица и добрые, доверчивые глаза, похожие на глаза оленя, украшенные по-женски длинными ресницами. Он был высок, хорошо сложен. Ещё подросток, но уже мужчина. Ради Алай он был готов на любой подвиг, на любую жертву. Чуткий, искренний, заботливый, и удивительно тёплый. Это тепло, это мягкое свечение шло от него к Алай и согревало её, берегло от одиночества, окутывало нежным туманом. И Алай в свои четырнадцать не знала, что этот туман, на который так сладко отзывалось её сердце, это и есть любовь.

*Тысячи зёрен невидимых вдруг всколыхнулись,
Дрогнули, как одно и начали во мне прорастать.
Ростки зелёные, такие нежные, множатся внутри,
Словно я степь, и вот уже травами, травами звенящими,
Окутана я, я шелест их, я зелень их, я шёлк их.*

Травы заглушали всё, они стелились в ней мягким зелёным ковром, и не было ничего, кроме бурлящих соков, хрупкого шелеста, такого приятного, окутывающего, обволакивающего. Алай поддавалась, купалась, нежилась в зелёной реке, пока вдруг не

осознала, что ослепла. Нет, глаза её не подводили, но то, другое, большое, сквозь время и расстояния, того не было. Зелёная река баюкала её в своих травах, накрывая её с головой, и вот уже нет Алай.

Алай лежала среди трав под звёздным небом, звёзды смотрели ей прямо в глаза, вопрошающе, призывно, с надеждой. Они не могли быть немymi, они хотели, чтобы их слышали. Шелестели травы, едва слышно, укрывая свои тайны в корнях. Там, в долине, жили люди, с которыми она была связана непонятным ей образом. Вокруг был мир, нити к которому были у неё в руках. И там же, в долине, был человек, один-единственный, который стоял всех нитей, всех путей, всех пространств. Она прижала руки к груди. Что ты делаешь, Алай? Что делаешь?

Небо нависло над ней, почти соприкасаясь с землей, Алай была словно чудесная жемчужина в раковине, сокрытая от всех. Здесь и сейчас она должна родиться заново, единожды и навсегда. Девушка закрыла глаза. Ей почудилась песня, такая тихая, что, казалось, звучит в унисон стоявшей вокруг тишине. Голос был ласковый, слов не разобрать, они просто сливались в напевные звуки. Алай почувствовала что-то родное в этом голосе, в непонятных словах. Она любила этот голос, эту песню, она не хотела с ней расставаться.

«Пой», – сказала она в неизвестность. Такой красивой песни не слышала она никогда, в ней сплетались падающие звезды, горные вершины и холодные ручьи, щебет птиц, шёпот травы, распускающиеся цветы по весне, хруст снега и кружева снежинки, ягнёнок, прижимающийся к матери, мяуканье рысят, эта песня обнимала собой весь мир, не забывая никакой мелочи. Алай напрягала слух, чтобы услышать хоть слово, ей так хотелось запомнить, о чём поётся, не забыть бы, не забыть. И вдруг до неё донеслось ясно:

*Там, где нет мира, была соткана песня
И отпущена на свободу,
Она была ветром, она была птицей,
Она искала одну-единственную дорогу:
Она искала сердце, из которого литься.*

*Там, где мир спрятан горами,
Между травами и небесами,
Она нашла уста,
В которых стала словами.*

*Ты, моя песня, данная свыше,
Ты началась, когда меня не было.
Ты закончишься, когда меня не будет.
Ты звучишь из сердца моего,
Ты поводырь между землёй и небом,
Ты отводишь беды,
Ты спасаешь от смерти,
Ты зовёшь за собой и знаешь ответ,
Как рождаются звезды, травы и люди.
Ты оберег земли моей, людей моих.
Сердце будет оплакивать жертву мою,
Но я тебя слышу и отныне пою.*

«Мой голос», – она улыбнулась. «Мой голос и моя песня».

Как предать любимого человека, как солгать и быть жестокой? Внезапно Алай пронзила сильная боль, от которой хотелось согнуться, лечь на траву и лежать, не вставая. Страдания её брата, её собственная тоска и отчаяние слились воедино. Что ж, Алай, пришло время жертвоприношений. Вымолить бесчувствие, когда твоя способность – чувствовать. «Я бы никогда не предала тебя, я бы любила тебя вечно, я...»

Но губы должны вымолвить иное, то, что навсегда изменит их жизнь.

– Я хочу подарить тебе амулет, – она протянула ему золотую фигурку оленя с головой грифона. – Где бы ты ни был, он убережёт тебя в самые трудные минуты. – Улагаш шагнул к ней, хотел обнять, но Алай сказала властно и холодно:

– Прежде выслушай меня. Сегодня духи говорили со мной, тебе предстоит долгая дорога. Ты не можешь остаться с племенем, ты должен уйти. Твой путь лежит на запад, в войска скифского князя.

– Что ты говоришь, Алай? Любимая моя, почему ты отсылаешь меня?

– Это воля духов, я не в силах что-либо изменить.

– Если так, пойдём со мною, Алай. Мы не можем разлучиться. – Он ещё до конца не верил, что всё происходит всерьёз.

– Ты уйдешь один. А я останусь. Я принадлежу духам и племени, моя судьба – служить им.

– Что за твари эти духи? Где они? Я не вижу их!

– Прощай, Улагаш.

– Где они, скажи? Почему они имеют такую власть над тобою?

– Духи повсюду. Они говорят мне, чтобы ты уходил. Твоя жизнь не здесь. Не я – твоя жизнь. – В её руках был холод, почти лёд. Она вложила ещё немного ненависти в его сердце и почувствовала, что всё кончено. Он не простит. Никогда.

– Тогда оставайся с духами, ведьма. – Он развернулся, чтобы уйти. И бросил в темноту:

– Я не думал, что ты предашь меня. Лучше бы подарила мне смерть...

Когда Улагаш ушёл, она заплакала. Одиночество отныне будет её вечной участью. Больше никто из людей не подойдёт ближе, чем он. Никто. Алай плакала, размазывая синюю ритуальную краску по щекам. Потом закричала в небо злые слова, но небо не отозвалось, духи безмолвствовали. Люди грелись вокруг костров, с любимыми, с семьями, разговаривали, смеялись и только Алай, молодая шаманка, сидела одна посреди плато, раскачивалась и пела заклинания, заклинания о себе самой, которым не суждено было подействовать. «Мы ещё будем вместе», – всхлипывала Алай, но это не утешало её, знающую всё наперед. Такого будущего она не хотела, но лавина жизни не спрашивала о её желаниях, всё для неё было предуготовлено, только Алай не знала, кем и когда.

К двадцати годам она почиталась как сильнейшая шаманка среди окружающих племён. Её авторитет был непререкаем – она знала и умела то, что другим шаманам было не под силу. Вожди одаривали её самыми красивыми одеждами и украшениями, ей жертвовали самых лучших ягнят и лошадей, а весной двадцать

первого года её жизни Алай была татуирована. Обе руки, от плеч до кистей, украсили изображения удивительных животных.

Олень с клювом грифона, рогами оленя и козерога – на левом плече. Ниже – баран с закинутой назад головой, у его ног – пятнистый барс с длинным закрученным хвостом. Под барсом – зверь с когтистыми лапами, хвостом тигра, туловищем оленя и головой грифона. Возможно, то были именно духи, пришедшие когда-то за прежней шаманкой племени и поменявшие ей обычное человеческое сердце на железное. Алай не знала – она никогда не видела их, но сейчас таинственные существа из другого мира были призваны ей в помощь. И это должен был видеть каждый.

И всё же, несмотря на оказанные ей почести и уважение соплеменников, Алай понимала – она не всемогуща и не всеведуща, её знаниям были положены пределы, и как ни стремилась она преступить их, ничего не получалось.

«Человек так мал в размерах не то, что Вселенной, он мелок для планеты, для её масштабов, её истории. Что значит человеческая жизнь, в чём её суть? Для чего люди рождаются и умирают? Песчинки, песчинки и ничего более, так кажется иногда. Чем уникален каждый из нас, старуха Болган или младенец Уюль?»

Алай часто исподтишка разглядывала людей своего племени, прогуливаясь, проходя мимо, сидя около жилищ, она знала про них многое, но в то же время они были загадочны как ничто иное в мире. Они родились в это время, в этом месте. У них была определённая внешность и черты характера. Судьбы их переплетались самым странным образом – если бы Кертек выбрал не Кыдым, не родился бы Улагаш, да и сама Алай, была бы она найдена под копытами коня?

Или животные. Алай брала в руки маленькое существо, которое послушно замирало в её руках, только сквозь шкурку чувствовалось неистовое биение сердца. В этом сердечке, крохотном, дрожащем и была самая большая тайна. «Кто завёл его? Для чего оно бьётся? Как осознаёт себя это создание? Что у него за мысли и есть ли душа? Непонятно было и тяготение животных к человеку, например, лошадей. Что им человек? Почему они живут рядом, даже

если люди бывают жестоки по отношению к ним? Приручены, но что это значит? Почему любят эти руки? Жизнь, жизнь, она такая разная и такая хрупкая».

Их племя жило в красивом месте – на высокогорном плато, в междуречье двух рек, в небольшой долине с прижатыми к земле травами и кустарником. Странное сочетание – горы и степь. Словно земля подняла ладонь к небу, чтобы оттуда кто-то мог лучше видеть своё творение. Иногда Алай казалось, что она дышит здесь не воздухом, а вечностью, тем, что не имеет ни начала, ни конца.

Быстрокрылые птицы небесные поднимались ввысь, и Алай часто устремлялась за ними в бездонную синеву и сама становилась птицей. Холодный ветер, чувство разрывающей на части свободы, и там внизу – земля, её земля, белоснежная, изумрудная, цветущая, медно-золочёная, увядающая, но всегда прекрасная. Тогда сердце Алай преисполнялось нежности, и она давала клятву то ли себе, то ли небу:

– Никогда не предавай свою землю. Что бы ни было – защищай, бейся, умирай, но не сдавайся, не оставляй то, что дороже всего.

Какая-то весть летела издалека, весть важная именно для неё, Алай. Она возвращается. Все эти годы Алай хранила Улагаша от смерти, посылала ему вещие сны и добрые знаки. А ещё поддерживала в нём огонек обиды, который тлел, жёл и не давал ему вернуться. Но потом огонь погас. Человек умеет прощать. И в своём прощении может быть сильным и великодушным, как никто. Алай уже не смогла пробиться к чужому сердцу, заставить его обижаться или ненавидеть, потому что сердце стало твёрдым в своей любви и доброте.

Там, за многие дни пути, у спешащего человека билась в голове только одна мысль. Улагаш, несведущий в предсказаниях, лучше её самой знал, что вернётся к ней, отберёт её у духов, отнимет силой. Он не боится. Всё его существо было подчинено одной цели, как когда-то сбежать от неё, так теперь во что бы то ни стало вернуться. К Алай, к Жеребёночку из тумана. Он сжимал в руках амулет с щербинкой у оленя в подбрюшье, и эта щербинка была ему дороже всего на свете.

Когда утром её позвали в посёлок, она ничего не предчувствовала. Не уловила странного во взгляде девушки, что пришла за ней. И только когда увидела знакомый дом, сердце дрогнуло и покатилося вниз. Отец лежал на войлочной подкладке, укрытый мехом. Мать стояла рядом, печальная и потерянная.

– Жеребёночек, отец умирает... – Нет, ни за что. Этого не могло быть, потому что не могло быть. Это сон, дурной сон, одно из её видений. Алай подошла к постели, перед ней лежал совсем седой, старый человек. Сердце её сжалось на мгновение так сильно, как будто его и вовсе не было.

– Ничего не случится, мама, – она взяла Кертека за руку. Рука была холодная и слабая. Алай села на край постели, пытаясь понять, что случилось, чем болен её отец, как она может помочь ему. Она согревала его руки, она подгоняла кровь, уговаривая уставшее сердце биться, не останавливаться, не предавать отца.

– Отпусти меня, Жеребёночек. Просто моё время пришло. Ты сама это знаешь. Теперь моя дорога – туда. Не кори себя, ведь не ты придумала старость.

– Папа, я смогу, я сумею. Тебе только кажется, что ты умираешь. Надо прогнать болезнь и всё будет как раньше, ты будешь сильным и молодым, будешь пасти лошадей и играть с внуками. У тебя ещё много времени, не поддавайся.

– Моё время пришло, Алай. Будет час, когда ты поймешь, как это бывает. А сейчас отпусти меня, не трать зря силы. Прощай. – Кертек закрыл глаза, и Кыдым в слезах бросилась оплакивать его.

Алай встала с постели. Вот как это бывает. Вот как это бывает. Одна фраза вертелась у неё в мозгу, как веретено, закручивая всё её существо в воронку. Просто умер, ушёл. Вот как это бывает. Боль о других бывала сильной, но сейчас ничто не могло сравниться с тем горем, которое охватило Алай. Завыть, как бродячий, раненный пес, выть как волчица, потерявшая волчат, и чтобы от плача рушились горы, небо падало вниз, а звёзды уплывали по реке, сжигая всё вокруг. Завыть. Заплакать. Папа!

Всю ночь в долине бушевал ураган. Ливень был злой и холодный. Алай сидела в своём убежище, смотря на пламя костра, и

тихие слёзы текли по её лицу. Она не понимала, кто и для чего так устроил мир.

В ту ночь ей был сон, страшный и правдивый. Будто вечером далёкий голос звал её, и она вышла на пустынное плато. Серебристо-синий воздух неслышно висел вокруг. Далёкий голос умолк. И в то же мгновение ветер сорвал сумерки с земли и унёс в небо, где они закружились, как в пыльной буре, невообразимый грохот, как будто горы сталкивались между собой, заложил уши, ничто не стояло на месте, всё двигалось, гудело, неслось, и лишь посреди плато стояла Алай, тоненькая, маленькая фигурка. Ураган рвал её одежду на части, ураган пытался унести её, но не мог, потому что Алай держала корень, уходивший глубоко в землю, и, что бы ни случилось, земля держала её крепче крепкого, как мать дитя. Потом ветер стих, и Алай услышала голос прямо у себя за спиной.

– Я здесь, – сказал голос, и от него пошли мурашки по телу, и задрожали руки, но когда Алай собралась повернуться и ответить, она проснулась. «Значит, вот как это будет». Неотвратимое надвигалось, и оставалось совсем мало времени.

Человек выступил из тьмы неслышно, появился из ниоткуда, словно вырос из границы между светом от костра и окружающей ночью. Алай ждала его прихода, но всё же вздрогнула.

– Приветствую тебя, госпожа Алай! Знаешь ли ты, зачем я здесь?

– Да, вождь.

– И что же ты мне ответишь?

– Это мой народ, и хочешь ли ты того или нет, я не отдам его тебе. Там, откуда ты пришёл, всё можно решить силой, не так ли? Вас взрастили как воинов, и вы не знаете другой жизни, кроме войны. Но мой народ не таков, это племя жизни, для нас главное – жизнь, даже умирая, мы просто переправляемся на небесные пастбища. И чего же ты хочешь? Прийти, убить, подчинить? Лишить свободы?

– Ты очень высокомерна. Даже для шаманки.

– Я знаю цену своему высокомерию. Ты хочешь эту землю, но не знаешь, как подступиться. Твой злой голос говорит тебе:

«Убивай, грабь, хватай, властвуй!». Но другой голос, у тебя в голове, шепчет: «Не трогай». Это мой голос. Я никогда не пущу тебя сюда, пока ты не сменишь намерения, пока ты не поймёшь, что нам нужен только мир.

– Думаешь, что сильна? Слишком дерзко говоришь. Я бывал в таких битвах, где оружие плавилось от ярости, я был так изранен, что живого места не оставалось на теле, но видишь, я жив. А ты хочешь напугать меня шаманскими рассказами! На всякое оружие найдётся другое оружие. – Он поднял глаза, и в них засверкала тьма. – Берегись, ведьма!

– Убирайся прочь! – Сноп искр взвился в воздух и окатил чужака. Тот даже не шевельнулся. Медленно встал, и, уходя в черноту, бросил:

– Ещё не встанет солнце, а всё здесь будет моим.

Вождь пришёл немедленно. Он сел к костру, суровый, сосредоточенный человек, старше Алай всего на несколько лет. В его лице, озаряемом огнём, перед Алай промелькнули сотни лиц вождей племени, прошлых и будущих. Потом они исчезли, и осталось только одно лицо, с упрямо сомкнутыми губами.

Алай на мгновение залюбовалась. Она восхищалась им, как воином, восхищалась тем, чего ей не было дано – ни силы, ни мужественности, ни жестокости, ни умения владеть боевым мечом, ни отчаянной храбрости при встрече с врагом. Перед ней же был мужчина, который защитит свой народ ценою жизни.

– Эркат, сегодня ночью я должна буду одолеть врага, с которым ещё никогда не сталкивалась. Он обладает редкостной силой и очень жесток. Не знаю, сумею ли справиться. Но что бы ни случилось, ты, Эркат, должен будешь убить вождя. Духи будут благоволить тебе. Тогда его брат станет во главе чужеземцев. Он человек с холодным сердцем, расчётливый, спокойный, он не станет воевать, вы сумеете договориться. Не жалею золота во искупление смерти старшего. Ты понял меня?

– Зачем тебе сражаться с ним? Я сам убью его.

– Так нужно, Эркат. – «Так нужно, потому что если я не одолею его, он зальёт здесь всё кровью. И первым, кого он убьёт, будешь ты, молодой вождь».

Алай проводила князя. Приближалась середина ночи, и нужно было собираться в мир между небом и землёй, мир, куда не дано попасть простому смертному, где живут духи и бродят шаманы. Главным было не думать о предстоящем, иначе можно испугаться и всё сорвать.

Алай постояла несколько минут под созвездиями, такими яркими и громадными ранней весной, вдохнула холодный воздух. Она плохо видела будущее, всё было непонятными обрывками: мать держит в руках жёлтую ткань, рассыпавшаяся синяя краска, бронзовое зеркало, ржание лошадей, тихое пение. И запах сухой травы, приятный, горько-сладкий, родной. «Всё будет хорошо!» – выкрикнула она в небо, улыбаясь кому-то далёкому. Алай вернулась к себе, легла на кровать, укрытую мягкими шкурами, и погружилась в сон.

Проснувшись, она обнаружила себя свернувшейся в клубок на пожухшей осенней листве. Это был чужой незнакомый лес. Было тихо, пустынно и от того тревожно. Потом раздался рык зверя и звук приближающегося большого животного, шуршали листья, трещали ветки, сжималось сердце. «Почему духи не дали мне другого – железного, которое бы не боялось?» – успела подумать Алай и схватила медведя за передние лапы. Медведь попытался вырваться, но хватка Алай была сильна, в этом мире она могла побороть такого зверя. Он был большим, но и она превратилась в великаншу. Медведь ревел и обливался слюной, от него пахло густым животным запахом. Алай не давала ему вырваться. Они так и стояли – громадный, почти чёрный медведь и высокая женская фигура. «Прочь!» – закричала она ему и оттолкнула. Медведь отошёл назад, но тут же напустился снова.

Он увеличился в размерах, и рычание его громыхало по всему лесу. Алай знала, что силы ещё есть и она тоже может расти. Вновь схватка, вновь медвежьи лапы в замке девичьих рук с надувшимися жилами. Вдруг медведь дёрнулся и опрокинул её на землю. Алай почувствовала сильную боль во всём теле и, особенно, удар головой. Она судорожно вдохнула воздух, пахло прелым листом. Медведь висел над ней чёрной тушей, и ей казалось, что он усмехается. Слюна из его пасти капала ей на лоб. Нужно было подрасти, ещё чуть-чуть, чтобы отбросить его. Алай собрала последние силы,

она уже едва могла двигаться и дышать. Потом сделала рывок, медведь скатился с неё, Алай сжала руками его толстую шею. Раздался хруст. Девушка с плато всё-таки победила медведя. В следующую секунду её охватила небывалая слабость, она почувствовала, как сейчас внутри разорвётся сердце, переполненное кровью.

«Может, я просто хотела жить. Но возможно ли это – просто жить? Даже обладая многими знаниями, имея в руках бесчисленные нити, ведущие к разгадкам, я не сумела ничего понять. Я была включена в мироздание, как бывает включена в него гора, я была чем-то, но не знала, с какой целью. Я чувствовала что-то нездешнее, высшее, я бывала почти рядом, но всегда какая-то грань не давала мне идти дальше. Вот и сейчас, не знаю, что будет дальше. Конец ли это?»

«Не я тебя родила, но я тебя хороню, я отправляю тебя на небесные пастбища, я обряжаю тебя как невесту, спи, Жеребёночек, ты проснёшься уже там, на небе, и встретишь своего отца, которого так любила», – Кыдым пришла к умершей дочери, когда тело уже было подготовлено к погребению.

Следуя похоронному обряду, из тела шаманки вынули внутренности и заполнили его сухой травой, корешками, овечьей шерстью, лошадиным волосом и земляной смесью. Кожу покрыли снадобьем из ртути. Теперь её тело могло сохраняться длительное время, и Алай была не страшна долгая дорога до небесных пастбищ.

Эркат вспоминал, как рано утром пришёл к ней в дом, чтобы сказать о смерти вождя чужаков. Он смотрел на светлолицую спящую женщину, пока не понял, что она умерла. Он всё ещё не верил, думал, что она очнётся, даже позвал её:

– Госпожа Алай! Госпожа Алай! – потом дотронулся до ледяной руки и заплакал.

Он сам выбрал лошадей, с которыми шаманке следовало отправиться в путешествие. Это были самые лучшие и надёжные кони, и он знал – они не подведут. Шестеро коней были убиты и уложены на дно могильной ямы. Туда же Кыдым поставила посуду с пищей и кувшины с водой. В последний раз взглянула на Алай.

Вот она лежит тихая, недвижимая, в нарядной жёлтой рубашке из шёлка, в красно-белой юбке из тончайшей шерсти, в золотых серьгах и украшениях, в амулетах, одетая, словно на праздник. На обритой голове – высокое, замысловатое украшение из её собственных волос, конского волоса, войлока, шерсти и дерева, с фигурками золотых оленей и золочёных птиц. Птицы, знающие тайные пути, скоро взмахнут крыльями и укажут верное направление своей госпоже. «Доброй дороги тебе, Алай!»

Её останки были обнаружены в деревянном срубе из лиственницы на дне могильной ямы, заполненной льдом. Женщина лежала в позе спящей на правом боку, со слегка согнутыми в коленях ногами и скрещенными на животе руками. Она была укрыта меховым покрывалом с узорами из золотой фольги.

Археологи из Северо-Азиатской экспедиции не могли поверить своим глазам – тело молодой женщины было в прекрасном состоянии, хотя пролежало во льду две с половиной тысячи лет. Возможно, могила женщины сохранилась благодаря тому, что над основным погребением в деревянном гробу располагались останки мужчины.

В его могиле был найден боевой чекан и золотой амулет в виде оленя с головой грифона. Там же были захоронены три коня. Видимо, верхнее погребение было ограблено, а усыпальница женщины уцелела. Мумия «алтайской принцессы» была одной из важнейших находок экспедиции, проводившей в 1995 году исследования на высокогорном плато Укок, расположенном в пограничной зоне с Китаем, Монголией и Казахстаном. Долгое время тело спящей царевны выставлялось в разных музеях мира вместе с экспозицией, посвящённой истории и этнографии Сибири, после чего было отправлено в Новосибирск.

*Моя одинокая песня,
Совсем одинокая,
Меня не было,
Когда она началась,
Меня не будет,
Когда она закончится.
Только один голос,*

*Знающий всё,
Такой нежный,
Такой грубый,
Такой ласковый,
Такой яростный,
Голос моей жизни...*

Валентина Фролова¹
ТРИ ФИНАЛА И ОДИН ЭПИЛОГ

После университета я работала в газете военных моряков Черноморского флота «Флаг Родины». В те времена на проспекте Нахимова можно было увидеть ветхонького старичка в адмиральской форме с аккуратнейшей папкой с бумагами, направляющегося в Морскую библиотеку. Там, в Морской, и состоялось знакомство с Немитцем Александром Васильевичем, командующим Черноморским флотом с августа 1917 года, а с февраля 1920 года – командующим морскими силами Республики, человеком фантастической биографии. Одна из страниц этой биографии – приглашение в свой вагон, вагон «коморси», командующего морскими силами (было же время таких уродливых сокращений!), Николая Гумилёва. И молниеносное, наступательно-неотвратимое издание в Севастополе сборника стихов поэта – «Шатёр». Впоследствии оказалось, что книга, изданная флотом, – последняя книга, которую Гумилев успел подержать в руках. Спустя два месяца его не стало.

Вторая страница биографии Немитца – его причастность к одному из эпизодов жизни Максимилиана Волошина.

В то время, в свои постуниверситетские годы, я мало что знала об Анне Ахматовой, хотя по необъяснимому везению сборничек стихов 1914 года «Чётки» у меня был. Ещё меньше знала о Гумилёве. Лишь то, что в Постановлении ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» да в путаных, невнятных суждениях наших преподавателей об акмеизме и акмеистах, называвших Гумилёва то «знаменосцем безыдейности», то, напротив, «идеологическим знаменосцем империалистической войны», в творчестве которого «нашли наиболее полное своё выражение агрессивные

устремления столыпинско-черносотенного блока». А оба они вместе, Гумилёв и Ахматова, «почувствовали и выразили в своей поэзии идеологический “скрип”, которым сопровождалась столыпинско-буржуазная ломка России».

Имени Волошина в постановлении не было.

Его не трогали.

На слуху были другие имена.

Ни о последнем путешествии Гумилёва в вагоне командующего, ни об издании книги в Севастополе я в то время ничего не знала. Но слышала, что человек-легенда, Немитц, ещё и поэт. И что у него очень неплохие стихи.

Старичок оказался почти глухим. Разговаривать с ним в читальном зале – кричать на ухо – было совершенно невозможно. Спасибо старшему библиографу Морской незабвенной Евгении Матвеевне Шварц, освободившей для нас свой кабинет. Разумеется, ни о Гумилёве, ни о Волошине разговора не было и быть не могло. Говорили о революции пятого года, о революциях семнадцатого, о том, как молодой флот республики вытеснял флот белых с Азовского моря, с Чёрного. Но о стихах говорили. О том, что у бывшего комфлота крепко сделанные стихи, сказал мне наш редактор Андрей Александрович Дивавин, журналист высокого класса, человек с отменным литературным вкусом.

Я всё пыталась повернуть собеседника именно к этому разговору, видела, что ему не претит такой поворот. Но что-то его удерживает в рамках, им же заданных: революция пятого года, революции семнадцатого, битвы красных и белых на море.

Передо мной сидел старичок столь сухонький, что плечи его казались уже его адмиральских погон. На погонах – две большие звезды, – вице-адмирал. Удивлял, даже восхищал голос. Молодой, с богатством интонаций, с той выразительностью, которая частенько бывает у людей, одарённых воображением. Но это ещё был и командный голос, голос кадета, мичмана, командира миноносца... Голосовые связки всю жизнь использовались во всю полноту данных им природных сил.

Поражали и глаза. Светлые глаза цвета белёсого балтийского неба, но, несмотря на возраст, живые, полные мыслей, ход которых опять-таки продиктован жизнью в морской среде. Адмирал

был почти глух, а глаза видели. Он взял со стола книжицу-брошюрку издательства «Таврия» поэта, печатавшегося в нашей газете. Автор где-то когда-то служил. Стихи были не просоленными морскими ветрами, а пересоленными ими. «Мальстремы», «мели», «брасы», «гика-шкоты», «винт» в рифму с «бейдевинд», «бейфут» – в каждой строчке. Немитц повернул книжку к свету, прочёл – без очков! – название. Сказал:

– Плохой моряк, – видимо, читал его стихи во «Флаге». – Или плохо служил. Или плохо знает морское дело.

Полистав ещё:

– Морской язык – точный язык. Моряк выбирает единственно точное слово, ставит его в единственно возможном месте.

Очки он всё-таки надел. Остановился на одной странице:

– Ну, что это за команда? «Два больше! Четыре влево!»? Как командует артиллерист? «Четыре влево, два больше!». Сначала – направление, потом – уточнение дистанции. И это не пустяк! Это выигрыш долей секунды. Приказ подготовить орудие к развороту в нужном направлении. В том направлении и придётся искать цель. А иначе – рысканье глаз слева направо, справа налево в ожидании поиска цели. Военный человек живёт в соседстве со смертью. Доля секунды – и либо ты врага, либо враг тебя. А если моряк гибнет, то большей частью со всем кораблём.

Добрый урок для писателя: «Единственно возможное слово в единственно возможном месте».

Но от разговора о своих стихах он опять уклонился.

Видимо, коморси был мастером манёвра.

Михаил Васильевич Макареев, капитан I ранга в отставке, ныне заведует научной библиотекой в музее ЧФ. В те годы, о которых идёт речь, был лейтенантом, политработником, комсоргом «Узла связи». Рассказывает, что тоже пригласил раз Немитца на встречу со связистами. Связисты – элита флота. Среди них подчас и матрос с высшим образованием. Адмирал согласился охотно. Уговаривать не пришлось. Видно, на старости лет тосковал в одиночестве. В особенности от глухоты, отрезавшей его от мира. В красном уголке не будешь кричать глухонькому адмиралу в ухо. Немитц сказал лейтенанту: «Вы мне пишите вопросы. А я буду отвечать».

Тему разговора ограничил теми же рамками: революции, гражданская война.

Макареев – автор музейной разработки по биографии Немитца.

Что же делал в шквальные годы революции Немитц?

В звании мичмана был вахтенным начальником на минном заградителе «Буг», потом на эскадренном миноносце «Чесма». Уже в ту пору преподавал в минном классе.

1905 год. Немитц – артиллерийский офицер 1 разряда.

На «Потёмкине» – красное знамя.

Контрминоносцу «Стремительный» отдан приказ потопить мятежный броненосец. Команда – (за исключением машинной команды) вся из офицеров-добровольцев. В составе экипажа и лейтенант Немитц. Но «Стремительный», следуя по пятам за «Потёмкиным», ни разу не вошёл с ним в соприкосновение. В Констанце команда «Потёмкина» сдалась румынским властям. Немитц участвовал в операции по возвращению покинутого командой броненосца в Севастополь.

А позже, во время суда над восставшими, он отказался участвовать в расстреле четырёх матросов с минного транспорта «Прут». Более того, по просьбе матросов взял на себя защиту подсудимых. Не имея юридического образования, защиту провёл блестяще. (Всё, что делал, делал с блеском). Спас от смертного приговора четверых. Сумел смягчить участь ещё почти двухсот моряков.

На всё это требовалась смелость.

После подавления восстания – служба в Морском генеральном штабе, учёба в Николаевской морской академии.

Затем – Первая мировая война.

Немитц – человек патологической храбрости. Со штабной службы в Ставке царя добровольно уходит в действующую армию – на Черноморский флот. Командует канонерской лодкой «Донец». За участие в морских сражениях – ордена Святого Станислава и Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени.

Стремительное восхождение по служебной лестнице. В шестнадцатом году он уже начальник 5-го дивизиона миноносцев, в том же году – начальник 1-го дивизиона эсминцев типа «новик» (новейших).

А в семнадцатом, уже после февраля, – командующий под брейд-вымпелом Минной бригады. Участвует в совместных действиях Батумского отряда судов с Приморским отрядом Кавказского фронта, в десантных операциях в районе Ризе и Трапезунда, в борьбе за коммуникации противника и набеговых операциях на Анатолийское побережье Турции.

Ранения.

Возвращения в строй.

Награждение Георгиевским оружием.

Мечами к ордену Святой Анны и Святого Владимира.

Производство в капитаны 1 ранга.

Создаёт и возглавляет севастопольский «Союз офицеров-републиканцев».

21 июля (3 августа) 1917 г.г. Немитц Временным правительством производится в контр-адмиралы и назначается командующим Черноморским флотом.

Принять Февральскую революцию было легко.

Октябрьскую – труднее.

Но в конце концов принял и Октябрьскую.

Добровольно вступил в Красный флот. В 1919-м.

Издание книги Гумилёва, встречи с Волошиным относятся к этому времени.

...Ну а мы между тем сидели в отделе библиографии и разговаривали. Старичок не спешил уходить – намолчался в одиночестве. А я была рада такой журналистской удаче, встрече с человеком, за спиной которого история флота. Хозяйка кабинета, библиограф, поначалу не мешала нам. А потом присоединилась к разговору. Заметки Евгении Матвеевны часто появлялись в «Славе Севастополя». Не исключено, что была заметка и об этой встрече.

Об одном эпизоде своей жизни не обмолвился адмирал.

Итак, год 1917-й.

Потом год 1919-й.

А куда подевался 1918-й?

В семнадцатом, назначая Немитца командующим, Керенский надеется пригасить тот «открытый бунт», в результате которого был смещён Колчак. Немитц – сторонник республики, человек

демократических взглядов, признан судовыми комитетами. Но делает он то же, что делал его предшественник Колчак: изо всех сил поддерживает дисциплину, печётся о боевой подготовке. Делать это было всё труднее: был приказ того же Керенского об отмене чинов, отмене приветствий. Никто никому подчиняться не хочет.

С победой Октября – полное «равенство».

Севастополь заполнили анархисты.

Грабёж винных погребов.

Пьянство и мародерство.

Центрофлот железной рукой наводит порядок. Приказ: всё спиртное – в море. Бутылки разбить. Трое суток памятник Затопленным кораблям тонул в винных волнах.

«Сухой закон».

Под угрозой расстрела на месте.

Но всё время угрозой расстрелов дисциплину не удержать.

Свой последний выход в море в должности Главного командира Чёрного моря и портов Немитц совершил в 1917-м. Ещё Колчак, которого даже английская пресса называла минёром №1, совершил невиданное. Перегородил выход из Босфора шестью линиями минных заграждений. Запер немецко-турецкий флот в проливе. Под угрозой наведённых на береговые укрепления дул корабельных орудий оберегал эти линии. Сделал Чёрное море в военное время мирным. Города сняли светомаскировку. Сияли огнями, не боясь разбойничьих набегов мощнейших и быстроходнейших кораблей противника – «Гебена» и «Бреслау».

Немитц вывел флот к проливам. Флаг держал на эсминце «Гневный». В пятидневном более чем тысячемильном плавании участвовало 12 кораблей, в их числе дредноуты: «Екатерина Великая» (после февраля – «Свободная Россия»), «Император Александр III» (после февраля – «Воля»). Подошли к заграждениям. Показали противнику: революция революцией, а флот есть. Флот грозен.

Поход был насыщен сложнейшим маневрированием, продемонстрировал высокое штурманское искусство, боеготовность личного состава. Этот поход был последним походом Черноморского флота дооктябрьской России.

Возвращаться в Севастополь не хотелось.

Бремя демократии оказалось тяжким.

В Севастополе ревкомы, рескомы.

Начальство самое разношёрстное – от старых адмиралов в старых центрах управления до солдата-дезертира, ставшего во главе чего-то. Все рвутся к власти – все рвут власть в клочья.

По всем параллелям и меридианам разлом, разгон, разгром. Фантазмагория разрушения. Как после извержения гигантского вулкана, сдвиг в земной коре. Матрос больше воевать не хотел. Не нужно было ему то, что нужно Николаю II: ключей от храма Айя-София. Не нужно ему было то, что нужно Керенскому и Антанте: диктата над проливами, над Босфором. Ему нужна была земля в России, свобода в России, своя власть в России. Разрывы, разломы шли по живому.

В Севастополе Немитц убедился: флота нет. Выходов в море больше нет. Никакой реальной власти у него, комфлота, нет. Надо думать не о том, как воевать, а о том, что делать с этой самой войной, которая перестала быть противостоянием двух враждующих сторон.

Оповещение по флоту от 26 (13) декабря 1917 года:

«Отбывая по телеграмме Управляющего Морским Министерством в Петрограде по делам службы, временно сдаю должность начальнику штаба контр-адмиралу Саблину».

Убыл.

И... скрылся.

Его возвращения ждали.

Не дождались.

Приказом Центрофлота от 16 января 1918 года он объявляется находящимся в «безвестной отлучке». А приказом от 30 января по флоту и морскому ведомству оповещалось об «увольнении контр-адмирала Немитца от службы и отдаче в суд за неисполнение приказаний Верховной Морской коллегии явиться для отчёта о делах Черноморского флота».

До марта 1919 года, когда Немитц добровольно вступает в Красный флот, почти полтора года.

Позже в автобиографии Немитц напишет, что весь 1918 год «жил частным лицом» сначала в Киеве, потом в Одессе.

Почему – в Одессе?

Да потому, что тот, кто собирался бежать от большевиков, эмигрировал не только через порты Крыма, но и через Одессу.

Можно себе представить, что творилось в душе Немитца, потомка древнего германского рыцарского рода фон Биберштейнов, раз и навсегда выбравшего служение России, дворян, владевших собственностью в Котюжанах Хотинского уезда Бессарабской губернии!

Да, конечно, вопрос, бежать или не бежать, стоял.

Прошлое осталось в прошлом.

А там было немало любопытного.

Дуэль из-за женщины – по сведениям историка Музея флота М. Макареева. В более поздние годы – женитьба. Разумеется, по любви. Разумеется, с той нотой долга и неперемного служения добру, звучание которой было так сильно в сердцах морского офицера в начале прошлого века. Женился же Пётр Петрович Шмидт ради спасения невинной души на проститутке. Женился – себе на несчастье. У Немитца всё несравненно чище и гораздо благополучнее. По сведениям того же Макареева, Немитц женился на женщине, имевшей шесть дочерей. Была она, по сведениям Макареева, сестрой Врубеля. Девочки полюбили отчима, считали родным отцом.

Что было в жизни контр-адмирала, заочно приговорённого к суду в тот 1918 год?

«Разлом земной коры», как по эпицентру, прошёл по его сердцу.

На глазах бежали из России добрые знакомые, товарищи по Морскому корпусу, по академии, сослуживцы. Он не затерялся в пёстрой одесской толпе того года – не тот масштаб личности, чтобы затеряться. Пост «морского министра Украинской державы» ему предлагало правительство гетмана Скоропадского. Добровольческая армия Деникина делала соответствующее предложение со своей стороны. Немитц обдумывал свой выбор.

С марта 1919 года он – начальник военно-морской части Одесского военного округа. С августа – начальник штаба Южной

группы войск 12-й армии, отрезанной от Москвы войсками Деникина и Петлюры. Разрабатывает план прорыва, утверждённый позже командующим группы И.Э. Якиром. За 21 сутки непрерывных боёв эти войска прошли более 100 вёрст, соединившись под Уманью с 58-й дивизией И.Ф. Редько. Немитц всё время в авангарде. В бою под Песчаной – ранение в ногу. Остаётся в строю. Продолжает руководить штабом. До самого выхода из окружения у Бердичева. За этот героический переход через тылы противника Александр Васильевич получает свою первую советскую награду. Приказом РВСР от 29 октября 1919 года – награждение орденом Красного Знамени.

Выбор был сделан.

...А до стихов мы так-таки договорились. У состарившегося коморси лицо светлело, когда он, пусть неохотно, но говорил о стихах. Видно, книги, чтение были ему последним утешением в одиночестве. И сегодня помню его тугой, словно полный ветра парус, голос, когда он прочитал:

*Для того, чтобы стать человеком,
Нужен внезапный ветер,
Выгнутый белый парус,
Шипенье холодной пены
И бешеный блеск воды.*

Я схватилась за ручку, чтобы записать. Не всё запомнила. И вдруг взгляд, поразивший нас со Шварц (позже в разговорах мы с ней возвращались к этому). В нём был запрет: «Не смей!». Не смей записывать... Я поняла тот взгляд по-своему: не хочет адмирал, чтобы стихи появились на страницах флотской газеты. Командующий, насыщенная событиями биография, и вдруг – мальчишечьи стихи. Чистой воды романтика.

Поспешно успокаиваю:

– Нет, нет! Во «Флаге» стихов не будет!

Минута внутренней борьбы. Взял себя в руки. Стихи продиктовал.

Долгие годы я думала, что это и есть его стихи.

Мне лично они понравились.

Финал первый

С трепетом листаю сборничек, напечатанный на плохонькой грубой бумаге. Даже не газетной. Хуже. Какой-то шершавой. С занозами древесины. Обращает на себя внимание обложка. Она получше, поплотнее, поглаже. Но явно не типографская. Бумага была взята с флотских складов. В такую до революции заворачивали купеческие сахарные головы едва не полуметровой высоты.

Шатер Стихи

Издание цеха поэтов. 1921

Раритеты не дают в руки знакомым.

Доверяют.

Мне доверил сборничек Валерий Андреевич Милодан, президент национально-культурных обществ Севастополя, страстный собиратель редких изданий. Книга Гумилёва была выпущена тиражом в 300 экземпляров. Гумилёв подарил какое-то количество издателям и друзьям. Остальной тираж увёз в Петербург.

И вот надо же – один экземпляр застрял в Севастополе.

В выходных данных – дыхание эпохи.

*Издание цеха поэтов. 1921
Государственная Типография
Севастопольск. Полиграфотдела*

*Памяти
моего товарища
в африканских странствиях
Николая Леонидовича Сверчкова.*

Это сегодня опубликована каждая строчка Гумилёва. Тогда, в 21-м, африканские стихи были собраны впервые под одной обложкой: «Вступление», «Красное море», «Египет», «Сахара», «Судан», «Абиссиния», «Галла», «Сомали», «Готтентотская космогония», «Дагомея», «Либерия», «Экваториальный лес».

В конце сборника:

Издания цеха поэтов

«Дракон». Сборник первый. Петроград.
 «Дракон». Сборник второй. Петроград.
 Н. Гумилев. «Шатер». Севастополь.
 О. Мандельштам. «Стихи». Готовится.
 Георгий Иванов. «Стихи». Готовится.
 Николай Оцуп. «Стихи». Готовится.
 Ирина Одоевцева. «Стихи». Готовится.
 Сергей Нельдихен. «Стихи». Готовится.
 Вл. Павлов. «Стихи». Готовится.

Как занесло Николая Степановича в пору, когда были ещё недобиты махновские банды, когда Крым ещё продолжали делить белые и красные, в Севастополь?

Прочтите последнюю строчку готовящихся к изданию стихов: «Вл. Павлов».

Владимир Александрович Павлов – флаг-секретарь Немитца. Он, познакомившись с Гумилёвым через Мандельштама, предложил Николаю Степановичу, страстному любителю путешествий, поездку в Крым в вагоне коморси. Какими они были – командующий и флаг-секретарь? Вот повесть «Салажонок» хорошего моряка Сергея Колбасьева.

Азов.

Война между белыми и красными.

Это сегодня, спустя десятилетия, мы поумнели. Говорим о примирении, о единении. А тогда – кровавое противостояние. Ставка в споре велика. Кому-то, как после революции 1905 года, висеть на фонарных столбах, кому-то бежать из страны, которую считал родной.

Из Москвы прибывает начальство.

«На истребитель (корабль красных) упал штормтрап, и по нему на палубу спустились двое: высокий, весь в чёрной коже, с резким лицом под командирской фуражкой, и низенький, в сером, ничем не примечательный». Салажонок Васька думает, что командующий – высокий, в коже. Но ошибается.

Словом, высокий, в коже, – флаг-секретарь. А коморси – «низенький, в сером, ничем не примечательный». Таков Немитц.

Ещё о Немитце.

«Коморси – командующий морскими силами республики – действительно прибыл из Москвы специальным поездом и действительно обладал стремительным характером. Благодаря штабным писарям он был отлично известен на судах флотилии».

Как воевал коморси?

Каким был в бою?

Судёнышки красных, маломощные, тихоходные, поставили минные заграждения. Пора возвращаться в порт, в Камышеватый. Но возможна встреча с противником.

Вечерет.

Заря во всё небо.

«Командующий (он на борту “Будённого”) пил чай на крыле мостика. Комиссар флотилии расхаживал взад и вперёд, заложив руки за спину. Весь день по радио переговаривались чужие голоса. Белые ходили где-то рядом, и на флагманском корабле красных было неспокойно.

– Так, – сказал командующий, – так, – и поставил свою кружку на ящик для штурманских карт.

– Чего вола крутить? Вели бы баржи прямо к берегу? – говорит комиссар.

– Нет, – покачал головой командующий. – Настигнут – нам сквозь их строй не пройти... Да и баржи следует беречь.

С этим спорить не приходилось. Транспортный отряд был собран из последних плавучих средств красного Азовского моря. Их, конечно, следовало беречь. Комиссар повернулся и зашагал дальше.

– Свету осталось часа на два, – негромко сказал Ситников (опытный моряк), и командующий с мостика кивнул ему головой. Только два часа были опасными. Ночью белые могли ходить, сколько им нравилось. Ночью всё равно много не высмотришь.

– Два часа, – повторил командующий. Ему хотелось думать, что неприятель опоздает. Но белые не могли не знать о положении красных и должны были прийти. Флотилия была не готова к серьёзному бою.

С рулевой рубки по трапу сбежал красный флаг-секретарь (Павлов).

– Сигнал на “Знамени”! Дым на норд-весте.

– Так, – заметил командующий и запил своё замечание остывшим чаем.

Дым становился всё чернее и выше. Потом за дымом встала тонкая мачта, а за мачтой постепенно поднялся весь корабль – высокий, с длинной трубой – определённо канонерская лодка.

Командующий сидел неподвижно, не выпуская кружки из рук. Над ним стоял такой же неподвижный комиссар.

– Прохлаждается комфлот, – прошептал Суслов, но стоявший рядом с ним Ситников не обернулся. Он, не отрываясь, смотрел на появившиеся за кормой неприятельской канлодки новые дымы. Их было пять штук.

– Товарищ флаг, – сказал командующий, – поднимите: “Сниматься с якоря”. И прикажите зарядить чайник кипятком.

– Есть, – ответил флаг-секретарь, пятясь к трапу.

– Так всё прочайничаем, – продолжал шептать Суслов, но Ситников положил ему руку на плечо:

– Ступай к носовым! – и сразу же скомандовал:

– Отдать концы!

Флотилия снялась и построилась в боевой порядок: кильватерная колонна канлодок, с её нестреляющего борта – дивизион сторожевиков и истребители. Теперь белые суда были отчётливы: одна канлодка, за ней – ещё четыре, а за ними длинный и низкий корпус с четырьмя трубами.

– Это кто у них в хвосте? – не понял Васька.

Безенцов, офицер из «прежних», усмехнулся:

– Миноносец. Наворачивает узлов двадцать пять и, когда хочет, стреляет минами.

О самодвижущихся минах Васька наслышался. Это были стальные рыбы с шестипудовым зарядом тротила. Такая стукнет – ничего не останется.

– У наших красавцев парадный ход четыре узла, – продолжал Безенцов. – Мы – отличная мишень для стрельбы минами. Попасть проще, чем промазать.

– Рано пугаете, – отозвался Ситников. – До атаки далеко. Да и мы тоже молчать не будем, крыть будем.

Безенцов пожал плечами и поднял бинокль.

Теперь белая колонна сомкнулась и имела очень внушительный вид: большие тяжёлые корабли и точная дистанция между ними. Они заметно приближались.

– Не понимаю комфлота, – забеспокоился Безенцов. – Разве можно с нашим бараклом идти на сближение? Ведь разобьют!

– Сволочь, – еле слышно пробормотал Скаржинский, глядя на Безенцова. – Бывший. Панику нагоняет.

– Комфлот такой же бывший, – ответил Суслов. – Верно, что нельзя лезть.

Он был смертельно напуган. Даже губы его посерели.

Ваську охватил холод. Может, верно, что комфлотом – бывший офицер и ведёт на гибель? Кому верить, если своих командиров нет?

Наступила тишина.

Было слышно, как на канлодках (судах белых) свистали боевую тревогу. С “Будённого” передали семафором: “Прицел семьдесят восемь”. Длинные тела орудий развернулись и поднялись вверх. Флотилия приготовилась отвечать.

– Сейчас начнётся, – сказал Безенцов.

– Запросто, – ответил Ситников, оглядел притихшую команду и добавил: – Между прочим, товарищи, наша “Революция”, вспомните, всего баржа, а вчера одного такого отшила.

– Не сдадим, – поддержал Совчук и вдруг оживился.

– Гляньте, братки, они на закат вылезли. Нас от них еле видеть, а они нам – что твоя картинка. В два счёта раздолбаем!

– Как миленьких! – обрадовался Савша.

Противник чёрными силуэтами стоял на золотом небе, а противоположная сторона горизонта была серой и тусклой. Лучше и придумать нельзя было, но “Будённый” неожиданно увалился влево.

– Куда поворачиваем? – возмутился Безенцов. – Сближаться надо, а он удирает... Что комфлота делает?

– Продаёт! – закричал Суслов, чтобы пересилить свой испуг.

– Сиди, – остановил его Ситников. – Завтра наговоришься. Командующий должен верно поступать.

– Должен! – не унимался Суслов. – А если продаёт?

– За тем смотрит комиссар. Ещё будешь кричать – пристрелю.
Снова наступила тишина. На головном неприятеле поднялся какой-то сигнал. В бинокль отчётливо были видны чёрные квадраты и треугольники флагов. Потом весь отряд повернул и пошёл на пересечку курса красным.

– Что же будет? – тихо спросил Совчук, и, точно отвечая ему, “Будённый” повернул флотилию обратно на Камышеватый.

“Почему?” – про себя удивился Васька. Командующий должен был поступать правильно – значит, вслух спрашивать не приходилось. Но всё-таки почему?

Командующий в самом деле был прав. Заря в небе держалась не больше двадцати минут, а за этот срок слабым огнём флотилии едва ли удалось бы причинить врагу тяжёлые повреждения. Прямо над красными восходила луна – следовательно, с темнотой условия освещения становились как раз обратными. Белые, оставаясь невидимыми, могли видеть силуэты на лунной полосе. В такой обстановке ночной бой был совершенно безнадёжным.

Чтобы не погубить флотилию, командующий выбрал момент, когда солнечный свет стал слишком слабым, а луна ещё не начала светить по-настоящему, и лёг на обратный курс. Белые прошли где-то за кормой флотилии и окончательно потеряли её из виду».

Так под бдительным оком не верящего «спецам» комиссара хладнокровно попивающий чаёк, принимающий единственно верное решение, воевал Немитц сначала на Азовском, потом на Чёрном море.

Какой была та поездка летом 1921 года в Крым? Вероятно, замечательно памятной для всех троих, оказавшихся под крышей вагона коморси в спецпоезде: самого коморси Немитца, его флаг-секретаря Павлова, Николая Гумилёва; трёх поэтов.

Гумилёв свято верил в то, что он поэт выдающийся. Немитц и Павлов верили в это тоже.

Какими стихами на воюющих кораблях красных приходилось довольствоваться Немитцу?

Обратимся опять к летописцу флота времён гражданской войны Сергею Колбасьеву.

Рассказ «Хороший командующий».

Воевали, не только обменивались залпами из бортовых, но и радиопосланиями. Комфлота вызывает к себе на борт командира дивизиона канонерских лодок Сейберта², в голове у которого одна забота: раздобыть позарез нужный ему брезент.

Сейберт прибывает.

Обстановка на море тревожная.

«Наверху громыкает штуртрос, а под ногами медленно пульсировали винты. Нет хуже тишины на идущем корабле.

– Сейберт, – сказал командующий, – вы, кажется, умеете сочинять стихи.

– Стихи? Какие стихи?

– Всякие, – объяснил командующий, – с рифмами.

– Почему стихи? Допустим, что умею, но зачем?

– Для передачи по радио, – ответил комиссар и, взглянув на лицо Сейберта, расхохотался. Он никогда не смеялся так долго и громко, и за ним засмеялась вся кают-компания.

– Слушайте, Сейберт, и вникайте, – продолжал командующий.

– Мы собираемся по радио послать привет белым. Начинается так:

*Господа офицера,
Не пора ли вам, пора
От баронова двора...*

– Понимаете? А что дальше – неизвестно.

– Простите, товарищ командующий, вы для *этого* меня вызвали?

Командующий молча кивнул головой, и Сейберт долго думал, что ему сказать. Наконец, наклонился вперёд и начал:

– На “Знамени социализма” нам крайне нужен...

– Брезент? – перебил его командующий. – Знаю. И знаю, для чего он нужен, десять раз слышал. Если хорошо сочините – получите.

– Так, – подумав, сказал Сейберт. – В таком случае... пишите, – и единым духом выговорил:

*А не то на Перекопе
Накладём мы вам по шляпе.*

(Как ты понимаешь, дорогой читатель, «Перекопе» и «шляпе» плохо рифмуется. Куда лучше с одной неудобнопроизносимой частью тела. Отдадим должное изворотливости редакторов «Советского писателя». Ну какой цензор запротестует против слова «шляпе»? Хотя военные моряки, и белые, и красные, в шляпах не ходили. Не мушкетёры же.)

Командующий записал продиктованное Сейбергом и, скосив голову, взглянул на написанное. Он прочёл его про себя не меньше двух раз, отбивая ритм указательным пальцем по столу, а потом поднял голову и сказал:

– Брезент получите.»

И вот после такой «поэзии» в вагоне коморси – стихи Гумилева

*Оглушённая рёвом и топотом,
Облечённая в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шёпотом
В небесах говорят Серафимы.*

Читает свои стихи Павлов. Читает свои стихи коморси. Хорошо, верно, им было, всем троим. Пир души. Взрыв вдохновения.

А в Севастополе знакомство Гумилёва с Сергеем Колбасьевым. И сразу волна родства душ.

Это Колбасьеву пришла мысль издать сборник стихов Гумилёва. Раз есть неопубликованная рукопись – надо опубликовать! Условий для издания никаких.

В Севастополе голод, нехватка всего и вся. Производства стоят.

Бумаги нет.

Колбасьев отыскал бумагу для обложек во флотских складах – обёртку с сахарных голов. По былым временам – жуть, а не обложка, по революционным – роскошь.

Разумеется, без вмешательства коморси эту бумагу со складов не вывезти бы.

Типография у флота одна. По утверждению севастопольского писателя Л. Сомова, наборщиком был опытный специалист В.И. Бекерский, единственный в штате редакции. Но время-то какое было, штормовое. Обвалы приказов, громовых распоряжений, неотложных указаний. Надо было, чтобы Бекерский все заказы отставил. Взялся за книгу поэта. Сборник стихов Гумилёва пустили в производство.

Наборщик сам по себе на такое не решится.

Здесь нужна была воля коморси, его «стремительный характер».

Тем временем в ожидании выхода книги Гумилёв поневоле жил жизнью флота.

*Лейтенант, водивший канонерки
Под огнём неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
«Мои читатели».*

Вот это уж точно о Колбасьеве, командире дивизиона канонерских лодок. В этом не сомневается дочь Колбасьева, Галина Сергеевна.

Прибыв в Севастополь, коморси проводит инспекцию оставшегося после ухода белых имущества флота.

Проходит по всем портам Крыма.

Доходит до Феодосии.

И с ним Гумилёв.

Здесь происходит последняя встреча Николая Степановича с Волошиным.

Из дневника М.А. Волошина:

«Мы не видались с Гумилёвым с момента нашей дуэли, когда я, после его двойного выстрела, когда секунданты объявили дуэль оконченной, тем не менее, отказался подать ему руку. Я давно думал о том, что мне нужно будет сказать ему, если мы с ним

встретимся. Поэтому я сказал: “Николай Степанович, со времени нашей дуэли прошло слишком много разных событий такой важности, что теперь мы можем, не вспоминая о прошлом, подать друг другу руки”. Он нечленораздельно пробормотал мне что-то в ответ, и мы пожали друг другу руки. Я почувствовал совершенно неуместную потребность договорить то, что не было сказано в момент оскорбления:

“Если я счёл тогда нужным прибегнуть к такой крайней мере, как оскорбление личности, то не потому, что сомневался в правде ваших слов, но потому, что вы сочли об этом возможным говорить вообще”.

“Но я не говорил. Вы поверили словам той сумасшедшей женщины³... Впрочем... если вы не удовлетворены, то я могу отвечать за свои слова, как тогда...”

Это были последние слова, сказанные между нами. В это время кто-то ворвался в комнату и крикнул ему: “Адмирал вас ждёт, миноносец сейчас отваливает”. Это был посланный Наркомси Немитцем, с которым Гумилёв в то лето делал прогулку вдоль берегов Крыма.

Я на другой день уехал в Коктебель и там слёг в постель...»

Спустя два месяца, 21 августа 21 года, Гумилёв был расстрелян.

Финал второй

После расстрела Гумилёва Колбасьев решил, что судьбу лучше не дразнить.

Подав в отставку.

Со службы ушёл.

...Сергей Колбасьев...

Высокий красавец со статью гардемарина. Горячие чёрные, «итальянские» глаза. Бабушка была итальянка. Точнее, мальтийка. С острова Мальта. Фамилия её была Каруана. От неё внук унаследовал южный темперамент, лёгкую возбудимость, смелость, вспыльчивость, вдохновенность. Любил розыгрыши, смех, шутки.

Расстрел Гумилёва отрезвил.

Остудил.

Бдительные чекисты везде искали врагов.

Кто ищет – находит.

Гумилёву не зачили двух Георгиевских крестов – свидетельств личной храбрости и ценимой всеми государствами мира верности присяге. Колбасьеву, командиру дивизиона канонерских лодок, не зачтут добровольного перехода на сторону революции, боёв в составе Красного флота на Балтике, потом в Астрахано-Каспийской флотилии, опять на Балтике, потом – на Азовском и Чёрном морях.

Гумилёв до последнего дня расстрела не верил, что его расстреляют. Говорил: «Я слишком знаменит, меня не посмеют тронуть». Пуля, свалившая его в расстрельный ров, развеяла иллюзии.

Колбасьев решил – подальше от политики, подальше от службы. Дела сугубо мирные. Что может быть более безопасным, чем писательский труд? Когда тебе есть что рассказать. Когда твоё перо честно-преданно служит родному флоту, рассказывает о его становлении, о делах героических. А героев в среде революционных моряков было не счесть. Писать всё со страстью, с верой в правое дело. И всегда сквозь призму своего восприятия жизни, полного оптимизма и умения во всём увидеть её забавную, смешную сторону.

В тридцатые годы Колбасьев был куда более знаменит, чем Гумилёв.

Гумилёва знали в богемном кругу «Бродячей собаки». После революции – в «Цехе поэтов», в кружке «Дома искусств». Повестями Колбасьева «Салажонок», «Поворот все вдруг», другими зачитывались миллионы. Страна – после безграмотности лапотной России – рванула к всеобщей грамотности, к индустриализации, к строительству нового флота, который позже победил в кровавых сражениях Великой Отечественной. Юность бредила морем; бредила и книгами Колбасьева.

Но было и другое.

К концу тридцатых годов было покончено с Мандельштамом, с Мейерхольдом... Мало ли с кем было покончено?

Колбасьев писал, изобретал, конструировал. Собрал радиоприёмник. Сделал свой проигрыватель для пластинок. Даже пы-

тался создать телевизор. Стал первым пропагандистом джаза. Всё делал со свойственной ему горячностью; страстно, темпераментно.

Что может быть безопаснее музыки, танцевальной, ритмической, возбуждающей каждую клеточку тела?

Жил на Моховой, 18, в квартире 6.

В доме любили детей, любили друзей.

Вот сюда, на Моховую, за ним и пришли в 1937 году, в ночь с 10 на 11 апреля.

Из записок дочери, Галины Сергеевны:

«...Один из них открыл дверь, вошёл в мою комнату.

А я решила, что это папин знакомый военный, которого я звала “Жирафик”. Я сказала: “Жирафик, уходи, не мешай мне спать”. Он тут же вышел.

Хотя у них был ордер на обыск, они ничего не искали. Они забрали только коллекцию грампластинок».

(Вот улика-то, обличающая врага!)

Колбасьев был страстным коллекционером. Его коллекция джазовых пластинок была уникальной. То ли он был расстрелян в том же тридцать седьмом, то ли гнил в лагерях, дотянув до сорок второго... До того напряжённого сорок второго, когда флоту позарез были нужны смелые, грамотные, умеющие воевать командиры.

Финал третий

Волошина не расстреляли.

Не сгноили в лагерях.

...Когда пришла революция, Волошин, не принявший ни красных, ни белых (а своя правда была и у тех, и у других), тяжело больной, пытался как-то вписаться в новые условия существования. Предпринимал титанические усилия, чтобы, как сказали бы сейчас, уберечь от расхищения, разворовывания, разбазаривания культурных ценностей. Требовал охраны музеев, частных коллекций, библиотек. Участвовал в диспутах (в частности, и в Севастополе). Его взгляды не принимали ни красные, ни белые. Но он упорно ходил на эти диспуты, упорно поднимался на трибуну; хотя только его имя упорно замалчивала пресса в отчётах на газетных полосах.

Начало подтаивать дарованное природой восторженное восприятие жизни. Он пишет:

«Поэту в государстве места нет».

При новых правовых отношениях Максимилиан Александрович отчаянно пытался сохранить уклад жизни своего дома – Дома Поэта. Решил подарить дом Союзу писателей.

Но дважды в одну реку не входят.

Из Москвы, из Союза писателей, прибыл некто Островер Леон Исаакович. С семьёй.

На удивлённый вопрос:

– Вы кто?

Удивление.

И ответ:

– Ну, знаете, если вам назовут 20 русских писателей, вы, конечно, встретите моё имя.

(М.С. Волошина. «О Максе, о Коктебеле, о себе»).

Имя писателя из «обоймы первых писателей России» только потому и оставило «след» в истории литературы, что не был забыт эпизод, как Островер нагло вломился в чужую и чуждую ему жизнь. Сел на шею Волошиным. Бросил на руки Марии Степановны тифозную жену...

Максимилиана Волошина, «Путника Вселенной», не расстреляли – расстреляли веру в разумность Вселенной.

Не приговорили к сроку в лагерях – приговорили к бессрочному умиранию.

– Не хочу жить, – говорил Волошин в последний год жене.

Умирал долго, терпеливо, смиренно.

Эпилог

А Немитц жил долго, до 88 лет.

...1919 год был для Волошина началом того разлома, который адмирал, «человек стремительный», по определению Колбасьева, пережил за 1918-й. Нет ни одного тектонического распада в

земной коре, который бы после землетрясения, после космогонического извержения вулкана, повторял бы другой. И здесь трещины прошли: одна – через сердце адмирала, другая – через сердце поэта. Последствия подвижки были разными. Волошину, чтобы осознать происшедшее, понадобилась вся оставшаяся жизнь.

Год 1919-й. Волошин в Одессе встречается с Буниным:

«Был Волошин. Помочь ему удрать в Крым хотят через “морского комиссара и командующего Черноморским флотом Немитца, который, кстати сказать, поэт, ‘особенно хорошо пишущий рондо и триолеты’”. Выдумывают какую-то тайную “миссию” в Севастополь. Беда только в том, что её не на чем послать: весь флот Немитца состоит из одного парусного дубка, а его не во всякую погоду пошлешь...»

И. Бунин. «Окаянные дни».

Спишем «рондо и триолеты» на язвительность Бунина. Для всех современников Анна Ахматова была красавицей. А для Бунина –

*Доска.
И два соска.*

Так уж устроен глаз человеческий. Люди смотрят на одно и то же (на одного и того же), а видят разное. Бунин с первого дня рождения советской власти возненавидел её смертно. И что мог писать красный адмирал? Конечно, паркетно-жеманные «рондо и триолеты». Лучших розог для отщепенца-адмирала не придумать. С флотом из одного парусного дубка посложнее. И канонерские лодки, и катера-истребители, и эсминцы в Красном флоте, конечно, были. Да, потрёпанные, с латаными дырами от снарядов в бортах, но были. Но море было и белым, и красным. А ещё с кораблями французов, немцев, турок. Трезво мыслящий адмирал понимал: посылать Волошина на эсминце – вовлекать корабль (не исключено!) в бой. «Парусный дубок» – совсем иное. Снабдить поэта всяческими бумагами – и от белых, и от красных,

«выдумать какую-то “тайную миссию” в Севастополе» – дело иное. Есть реальный шанс на благополучный исход операции.

А погода... что ж, подходящей погоды лучше подождать.

«Весь вечер сидел Волошин. Очень хвалил этого морского комиссара, – “он видит и верит, что идёт объединение и строительство России”».

«Русская литература развращена за последние десятилетия необыкновенно. В ней теперь только “гении”. Изумительный урожай! Гений Брюсов, гений Горький, гений Игорь Северянин, Блок, Белый... Как тут быть спокойным, когда так легко и быстро можно выскочить в гении? И всякий норовит плечом пробиться вперёд, ошеломить, обратить на себя внимание.

Вот и Волошин. Позавчера он звал на Россию “Ангела Мщения”, который должен был “в сердце девушки вложить восторг убийства и в душу детскую кровавые мечты”. А вчера он был белогвардейцем, а нынче готов петь большевиков. Мне он пытался за последние дни вдолбить следующее: чем хуже, тем лучше, ибо есть девять серафимов, которые сходят на землю и входят в нас, дабы принять с нами распятие и горение, из коего возникают новые, прокалённые, просветлённые лики. Я ему посоветовал выбрать для этих бесед кого-нибудь поглупее».

Между тем после зимы море всё не успокаивалось и не успокаивалось. И хочешь не хочешь, приходилось ждать у моря погоды.

...Одесса занята большевиками. Волошин принимает в этом самое горячее участие. Выдумал, что у нас будет «Художественная неореалистическая школа». Бегаёт за разрешением на открытие этой школы, в пять минут написал для неё замысловатую вывеску.

Одесские художники, стараясь спастись, организуются в профессиональный союз вместе с малярами. Мысль о малярах подал, конечно, Волошин. Говорит с восторгом: «Надо возвращаться к средневековым цехам!»

Заседание (в Художественном кружке) журналистов, писателей, поэтов и поэтесс тоже «по организации профессионального союза». Оченьлюдно, много публики и всяких пишущих,

«старых» и молодых. Волошин бегаёт, сияет, хочет говорить о том, что нужно и пишущим объединиться в цех. Потом, в своей накидке и с висящей за плечом шляпой, – её шнур прицеплен к крючку накидки, – быстро и грациозно, мелкими шажками выходит на эстраду: «Товарищи!» Но тут тотчас же поднимается дикий крик и свист: буйно начинает скандалить орава молодых поэтов, занявших всю заднюю часть эстрады: «Долой! К чёрту старых, обветшалых писак! Клянемся умереть за Советскую власть!» Особенно бесчинствуют Катаев, Багрицкий, Олеша. Затем вся орава «в знак протеста» покидает зал. Волошин бежит за ними: «Они нас не понимают, надо объясниться!»

Объяснялся. Его не понимали.

«Вчера долго сидел у нас Волошин. Нарвался он с предложением своих услуг (“по украшению города к первому мая”) ужасно. Я его предупреждал: не бегайте к ним, это не только низко, но и глупо, они ведь отлично знают, кто вы были ещё вчера. Нёс в ответ чепуху: “Искусство вне времени, вне политики, я буду участвовать в украшении только как поэт и как художник”. В украшении чего? Виселицы, да ещё и собственной? Всё-таки побежал. – А на другой день в “Известиях”: “К нам лез Волошин, всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам...” Теперь Волошин хочет писать “письмо в редакцию”, полное благородного негодования. Ещё глупей».

«Об одесской чрезвычайке. Там теперь новая манера пристреливать – над клозетной чашкой.

А у председателя этой чрезвычайки Северного (Юзефовича) “кристальная душа”, по словам Волошина. А познакомился с ним Волошин – всего несколько дней назад – “в гостинной одной хорошенькой женщины”».

Именно он, Северный, помог ускорить уход Волошина из Одессы. Снабдил надёжными бумагами.

«Если считать по новому стилю, он уехал из Одессы (на том самом дубке) в начале мая. Провожать его было всё-таки грустно. Одет он был уже по-дорожному – матроска, берет. В карманах держал

немало разных спасительных бумажек на все случаи: на случай большевистского обыска при выходе из одесского порта, на случай встречи в море с французами или добровольцами – до большевиков у него были в Одессе знакомства и во французских командных кругах, и в добровольческих. Всё же все мы, в том числе и он сам, были в этот вечер далеко не спокойны: бог знает, как-то сойдёт это плавание на дубке до Крыма».

(И. Бунин. Дневник.)

Всё прошло на удивление благополучно. Открытка Максимилиана Александровича, посланная с дороги:

«Мы благополучно добрались до Евпатории и второй день ждём поезда. Мы пробыли день на Кинбурнской косе, день в Очакове, ожидая ветра, были дважды останавливаемы французским миноносцем, болтались ночь без ветра, во время мёртвой зыби, были обстреляны пулемётным огнём под Ак-Мечетью... Всё идёт не скоро, но благополучно».

Смерть Блока, гибель Гумилёва потрясли.

Памяти А. Блока и Н. Гумилёва

*С каждым днем всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит.
Не позвать, не крикнуть, не помочь.
Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.
Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца – Русь,
И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.
Доконает голод или злоба,*

*Но судьбы не избираю иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.*

«В эту глухую призрачную ночь из глубины души подымалось огромное бесформенное неопределённое чувство. И это чувство была Россия. Это была одна бескрайняя тусклая снежная равнина, побиваемая ветром...» *(Из дневника Волошина.)*

Александр Васильевич Немитц пережил всех – Гумилёва, Колбасьева, Волошина.

В 1920 году он уже командующий Военно-Морскими Силами республики. Его инициативные наступательные действия обеспечили победу Красного флота Азербайджана на Каспии и в Энзелийской операции. Вершина деятельности – личное участие в руководстве обороной Черноморского побережья и боевые действия на Азовском море при разгроме Врангеля.

Противники тут – Немитц и Врангель – столкнулись достойные.

После окончания гражданской войны, в декабре двадцать первого, Немитц просит освободить его от должности командующего. Перенапряжение сил во время боевых действий, ранения сказались на здоровье. Его освобождают. Но оставляют при председателе РВС ССР «для особо важных поручений». Далее – преподавательская работа в академии. Множество наград. В том числе – орден Ленина.

В отставку ушёл в 1947-м. Ему было тогда 68 лет.

И ещё двадцать лет жизни после отставки.

Он был деятелен – до последних дней жизни, но тих.

Верно, жизнь заставила усвоить «народную мудрость»: «Против лома нет приёма».

Стихи?.. Что – стихи? Писать их, скорее всего, перестал. За стихи поэты платят жизнью.

Гумилев во рву общей могилы.

Колбасьев где-то сгнил в лагерях.

Волошин угас. Не дожив своего.

Павлов – тот самый «флаг-секретарь» в чёрной блестящей коже» – кожу с себя снял. Но всё равно был арестован вместе с

Гумилёвым. Этапирован в Харьков. Выпущен. Следы затерялись. Ни когда умер, ни где умер, неизвестно.

Наверное, и расстрел Гумилёва, и остальные потери потрясли адмирала не меньше, чем в своё время Волошина. Флот может быть белым, флот может быть красным, служение культуре – вечно. Поблагодарим адмирала за то, что, пользуясь своей властью, он в фантастически короткий срок издал книгу Гумилёва. Вторая жена Николая Степановича Анна Энгельгард – Анна Вторая – несчастная и далеко не из тех, кто поразил бы умом, не сохранила даже записок мужа, посылавшихся из тюрьмы. Не исключено, не сохранила бы и африканских стихов 1918 года, вошедших в сборник «Шатёр». И пришлось бы их тогда искать литературоведам по строчкам, по обрывкам. Всё ли нашлось бы? А «Шатёр» издан. Сборник раритетный. Но он есть. Он – достояние литературы.

Поблагодарим и за Волошина, переправленного из Одессы в Крым. Адмирал выждал погоду, дал надёжного кормчего, сильных матросов. Как знать, не ему ли мы обязаны тем, что Максимилиан Александрович прожил ещё тринадцать лет, что им было так много написано.

После выхода в отставку Немитц жил некоторое время с семьёй в Ялте, где был у них частный дом. (Собственность жены?)

Жена умерла. Адмирал, прощаясь, положил ей на грудь свой портрет. Просил, когда будет уходить, чтобы ему на грудь положили её портрет.

Неизвестно, была или не была исполнена просьба.

Сведения, какие есть у меня, разнятся с теми, какие есть у историков Музея флота.

Михаил Васильевич Манареев утверждает, что «девочки всей душой полюбили отчима». Мои сведения иные. А, может быть, верны и те, и другие, но просто относятся к разным периодам жизни семьи. Мать умерла. Повзрослевшим дочерям стал в тягость отставной адмирал. Квартирный вопрос не одних москвичей портил.

Флот не оставил адмирала.

Адмирал не оставил флота.
 Переехал в Севастополь. Получил квартиру. В центре. На холме. Работал какое-то время в музее ЧФ. Потом – в гидрографии. И писал, писал, писал. В числе его трудов «Прикладная стратегия», «Стратегический обзор Первой мировой войны на море», «Служба штаба во флоте», «Стратегия на море», другие. Вот тогда-то и можно было видеть ветхонького адмирала на проспекте Нахимова идущим в Морскую библиотеку. Всегда в форме. И зимой и летом, и весной и осенью. Почему так было? В этом – тоже преданность флоту? Или просто ничего другого у адмирала не было?

Пока служил, его обмундированием занимались баталеры – кому положено было, тот и занимался. К хождению по магазинам был не приучен. Так не менять же привычки на исходе жизни?

– Не было похоже, что у него много денег, – говорит историк Генриетта Васильевна Парамонова.

– Но у него же адмиральская пенсия! – возражаю.

Генриетта Васильевна не знает, что сказать.

Видно, было на что тратить деньги.

Может, на книги?

– Зброшенный был старик, – соглашается Макареев. – Видели, какой был козырёк фуражки?..

Зброшенный...

Я по штатской слепоте не обратила тогда внимания на козырёк форменной фуражки с золотым дубком.

Тогда, в те годы, и состоялась наша встреча с Александром Васильевичем в Морской библиотеке, в кабинете старшего библиографа. Тогда он прочитал стихи и так взглянул на меня, когда я стала их записывать, что этот взгляд запомнился и мне, и библиографу Шварц. В нём была команда: «Не смей!» Не смей записывать...

Мы ложно истолковали взгляд.

Поняла я всё годы спустя. В девяностые стало издаваться многое из того, что прежде было запретно. Стали издаваться и книги Сергея Колбасьева. Оказалось, стихи, прочитанные Немитцем, принятые мною за его собственные, были стихами Сергея Колбасьева. Во взгляде адмирала была команда: «Не смей записывать!»

Тебе стихи ничего не говорят об авторе? Не знаешь автора? И не знай. Незнание спасительно.

*Для того, чтобы стать человеком,
 Нужен внезапный ветер,
 Выгнутый белый парус,
 Шипенье холодной пены
 И бешеный блеск воды.*

Сергей Колбасьев. 1926 г.

Если стихи нельзя писать, это не значит, что их нельзя любить.

А историки наши ищут стихи адмирала Немитца.

Возможно, найдут.

Может быть, пылятся на чердаке обветшалого дома в Ялте. Или при переезде перевезены куда-нибудь. Дочерей в Музее флота не видали. А вот внук из Москвы приезжал. Заходил в музей. Интересовался тем, что осталось от деда.

Похоронен Александр Васильевич Немитц на кладбище Коммунаров. Там, где нашли упокоение самые знаменитые из севастопольцев, оставившие приметный след в истории города.

Валентин Макушев¹ **ВОЗВРАТА НЕ ЖЕЛАЮ** **Рассказ**

1

Кажется, в самую глушь рязанской Мещеры забились когда-то небольшая деревенька Ивашкино.

Единственная торная дорога, ведущая к ближайшему населённому пункту – селу Павлово, расположенному в двадцати трёх километрах, являлась далеко не большаком. Выходя из деревни, она резко поднималась на песчаный бугор, поросший невысоким сосняком, затем сразу уходила вправо, опускаясь всё ниже и ниже к большому болоту, вгрызалась в него, местами заливаясь болотной водой. Потом, как бы опомнившись, вдруг резко поворачивала влево и, выскочив из болота в дремучий

сосново-еловый бор, петляла по нему километров пять, чтобы вновь войти в следующее болото... И так – почти до Павлова.

Несомненно, можно было бы сделать дорогу гораздо прямее, с обходом гиблых мест, однако, как следует из глубоких преданий, так дорога была проложена умышленно. А сделано было это вот почему.

Саму деревню основал в давние времена беглый каторжник Ивашка, который, сбежав от местного заводчика Баташова, долго блуждал по лесу, боясь погони, пока силы к полуночи не покинули его, и он, упав на землю, крепко уснул. Проснувшись на рассвете, каторжник был сильно очарован красотой природы этого места, куда нечаянно забрёл: большая поляна упиралась одной стороной в песчаный холм, поросший хвойным мелколесьем; другой – в величественный сосновый бор, переходящий справа в смешанный лес, который, местами раскрываясь, выпускал и прятал обратно небольшую тихую лесную речушку. Слева возвышался осинник, плавно спускавшийся вниз, уходя в болото.

Вот где жить бы да поживать!

Сам Ивашка был из крестьян, потому и трудолюбием его Бог не обидел. Перед побегом он специально украл топор и верёвку – без них в лесу не проживёшь.

Обошёл каторжник окрестность, удивился ещё больше: у подножья холма родник янтарной водой звенит, в реке рыба плещется, и утки плавают, в бору каких только грибов нету, а возле болота – и черника, и брусника, и ежевика...

В этот же день приступил Ивашка к строительству дома.

Казалось, что так азартно он не работал никогда. И появился вскоре на поляне дом.

Однако понимал Ивашка, что не обустроить ему здесь жизнь одному. Постоянная мысль о том, чтобы привести сюда приятелей по каторге и крепостных женщин для продолжения рода человеческого, собрала его вскоре в путь. Разыскал он Баташовский завод, установил тайный контакт с каторжниками и тёмной ночью увёл в лес более двух десятков мужиков и женщин. На этот раз каждый прихватил с собой всё, что мог для будущего хозяйства.

Стали расти дома на поляне, а вскоре и детишки закричали.

Однако хочешь не хочешь, а в деревни и сёла ходить надо было, лес-то многое даёт, да не всё для жизни. Боялись беглые, как бы за ними слежку не устроили, да обратно на каторгу не отправили.

Собрал всех как-то Ивашка и сказал:

– Дорогу надо обозначить, да так, чтобы по ней окромя нас никто не мог пройти.

Из соображений скрытности так дорога и была проложена. Правда, сначала это была неширокая тропинка. Но со временем в округе стали забывать про беглых каторжников, потому и опала на них прошла, у тех, соответственно, боязнь в лесах появляться пропала, а тут и лошади в деревне появились. Поэтому дорогу расширять пришлось, её болотистые места, где раньше только со слегами проходили, загатили. Только сам дорожный путь остался прежним.

Выросла деревня в своё время до восемнадцати дворов. Так уж поставил здесь жизнь Ивашка, что жители всегда помогали друг другу, а коли работать вместе – всегда дело спорится. Богато стали все жить в деревне: тут и дома, что терема, скотина и птица разные, закрома – всегда полные...

Умер состарившийся Ивашка, следом – другие основатели деревни. Бразды правления взяло новое поколение, за ним – следующее... Однако законы жизни, заложенные здесь зачинателем, продолжали выполняться беспрекословно.

Только ведь жизненный прогресс всегда бурно вперёд идёт.

Потянулась вскоре необразованная молодежь в города: к учёбе и цивилизованной жизни.

Шли годы, и начало Ивашкино хиреть помаленьку: разве ж могли пожилые люди, которых и осталось-то немного, прежнюю работу одни выполнять.

Чахли без ремонта дома, придворные постройки, резко уменьшались скот и птица...

Та же участь ждала деревню, как и многие другие деревни Мещеры – вымирание и исчезновение.

Иван Михеевич Ивашкин жил на краю деревни, состоящей теперь всего из пяти домов. Его дом стоял на том самом месте,

где когда-то его прапрадед Ивашка построил себе первое жилище. В свои семьдесят два года Михеевич, несмотря на обильную седину и шаркающую походку, был, как говорится, человеком в силе. Не отнять было у него и храбрости. Какие только перипетии с ним не случались: и трёх напавших на него волков как-то одним ножом порешил, и в болоте дважды тонул – без посторонней помощи спасся, и рысь, прыгнувшую на него сверху, голыми руками придушил... Много и других крайне опасных случаев было с ним, разве все вспомнишь, только всегда, в любой ситуации он выходил победителем.

Обычно малоразговорчивый, Михеевич после выпитой рюмки мог чуть прихвастнуть о своих подвигах: «Закваска-то чья? Ивашкина. Тот заводчика Баташова за нос не раз водил...»

В других четырёх домах остались доживать свой век только старухи такого же возраста. Видно, душой и сердцем приросли они к родным местам, потому никакие уговоры детей и внуков на переезд в город ими не принимались.

Соберутся порой жители деревни вместе, да начинают молодость вспоминать, как они весело и хорошо раньше жили.

«Да, – как обычно в заключение кричат дед. – А теперь вот остались в курятнике впятером: я – петух, да вы – четыре курицы...»

Какие-либо новости редко доходили до Ивашкина. Даже о жизни страны здесь знали крайне мало.

Вся информация черпалась из уст лесника Феде, который иногда заезжал сюда на мотоцикле с основной целью: подлечиться самогоном на лечебных ягодах. Однако, как правило, он принимал такую дозу лечебного зелья, что уезжал обратно только на другой день, подлечившись вновь с утра и облобызав всех жителей.

«Ну будет, Федя, будет, – обычно хмурился дед. – Для жены оставь...»

«И... и... ей хватит», – громко икая, отвечал лесник, заводил свой мотоцикл и, горланя на весь лес песни, ехал домой.

С его слов Михеевич знал, что везде творится перестройка, хотя что перестраивают и как, он представить не мог. Лишь иногда в голове появлялась радостная мысль: «А вдруг приедут сюда

строители, построят новые дома, вернуться люди, и жизнь Ивашкина войдёт в прежнюю колею? Вот будет радостно!»

В очередной раз подвыпивший Фёдор сказал, что в стране началась полная расташиловка. Все тащат, сколько можно. Начали и землю растаскивать. Якобы из-за границы вернулся праправнук Баташова, который уже купил землю, принадлежавшую раньше предку, и метит ещё кое-что прихватить.

Не всегда верил дед пьяной болтовне лесника. Не поверил он и в этот раз.

– Не может быть, чтобы Баташов опять стал хозяином, а остальные – крепостными да каторжными? Советская власть не позволит...

– Какая советская власть? Ты, вижу, дед, совсем тут закис. Её давно уже нет. Ликвидировали. Капитализм опять в стране наступил... А ты – советская власть... – перебил его удивлённый Фёдор. – Так что скоро и на вашу землю хозяин найдётся, вы будете грибы и ягоды ему собирать, а нет – вытряхнет он вас отсюда, до смерти не даст дожить...

После этих слов лесник взял бутылку и налил себе опять полный стакан самогона.

Прищурившись, дед внимательно разглядывал Феде: «Пока ещё не слишком пьяный, а такое нагородил. Неужто, это правда? Выходит, и жизнь дожить спокойно не дадут? Да нет, соврал стервец. Не может такого быть...»

Вслух произнес:

– Пей, пей, да поспи маленько. Глядишь, к утру и голова поспежит, бредовые мысли уйдут.

– Коль не веришь, как знаешь, – сказал лесник и выпил содержимое стакана до дна. Крякнул.

Закусив, еле послушным языком добавил:

– Сам скоро всё увидишь...

3

Осень в этом году подарила долгое бабье лето. Уж и Покров прошёл, а тёплая погода и не собиралась уходить.

– Ты глянь-ка, Ваня, – сказала Михеевичу однажды соседка. – Видно, зимы на этот раз совсем не будет...

Дед внимательно огляделся вокруг, поглядел на небо и медленно произнёс:

– Будет и скоро. Тепло теплом, а вон, птицы-то, на юг тянутся. Они приближение холода ох как чувствуют...

...Захлодало через два дня.

Как-то резко налетел обжигающий ветер, начал рвать с деревьев оставшуюся жёлтую и красную листву. Потом брызнул дождь, с обеда перешедший в снег. К вечеру снег валил уже такими хлопьями, что в трёх шагах ничего не было видно.

– Да, – буркнул дед, поглядев в окно. – Вот тебе и зимы не будет...

Накинув телогрейку и шапку, он вышел на крыльцо.

Снег валил, не стихая. И стояла такая тишина, что начало даже звенеть в ушах.

«А кто теперь будет шуметь? – подумал Михеевич. – Все перелётные: журавли, гуси, утки и другие улетели. Сороки и вороны спрятались... Да, шуметь-то некому...»

Минут пятнадцать он молча стоял на крыльце.

Постепенно в его слух стал вливаться какой-то гул. Он то усиливался, то совсем затихал.

«Что такое? – дед указательными пальцами покрутил в ушах. – Нет, не пропадает».

Теперь уже явно слышался гул автомобильного двигателя.

«Машина идёт сюда. Зачем? По нашей дороге может проехать только знающий человек, да и то в хорошую погоду. Три болота на пути, и если съедешь с гати, считай – пропало: машину засосёт в трясину, и люди могут погибнуть. Фёдор вон вроде давно дорогу знает и то раз мотоцикл утопил по пьяному делу, а сам еле вылез».

В этот момент автомобильный мотор, хорошо слышимый и работающий ранее равномерно, вдруг заревел, как раненный зверь. Так он ревел минуты три, пока совсем не затих. Опять наступила гнетущая тишина.

«Так, – крутилась мысль. – Хорошо, если просто заглох, а если залетел в болото? Тогда всё...»

Матвеевич зашёл в дом, быстро оделся, повесил на плечо ружьё, сунул в карман фонарь и опять вышел из дома.

– Что там, Ваня? – с вопросом подошли две соседки.

– Сам никак не пойму. Пойду, погляжу. Только что-то на душе беспокойно, как будто машина к нам ехала, да в болоте завязла...

– Что ей тут надо, машине-то? – испуганно выговорила одна из женщин.

– Приду, расскажу, – буркнул дед и скрылся за белой пеленой.

Невзирая на сильный снегопад, Михеевич шёл довольно быстро, поскольку дорогу он знал, как свои пять пальцев, и мог по ней пройти даже с закрытыми глазами.

Стояла полная тишина, такая, что деду вдруг пришло в голову, что ранее слышимый ему гул мотора просто пригрезился. Однако, чуть подумав, он отбросил эту мысль: «Соседки-то мои тоже слышали...»

Минут через пятнадцать он подошёл к первому болоту. Остановился. «Кого могло занести сюда в такую погоду? Тут не то, что дорогу, болото не разглядишь...»

В этот момент его слух уловил тихий стон.

Михеевич по старой привычке покрутил в ушах указательными пальцами. «Показалось».

Однако через минуту стон повторился, и уж теперь дед явно расслышал: «По-мо-ги-те...»

Зов о помощи донёсся со стороны болота.

«Та-ак... Кого-то туда занесло. Надо выручать».

Он без труда нашёл за деревом слегу, специально приготовленную для перехода болота в плохую погоду, и медленно тронулся по болотной дороге, постоянно прощупывая её слегой. Стон о помощи вскоре повторился, но уже ближе и отчётливее.

– Держись! Иду на помощь! – крикнул дед и ускорил шаг.

Вскоре прямо перед собой он разглядел двух лежащих людей. По налипшей на них болотной жиже определил, что они угодили в трясину, откуда всё-таки смогли выбраться, очевидно, исчерпав при этом полностью свои силы.

Михеевич включил фонарь и в первом человеке сразу узнал лесника Фёдю. Второй был ему незнаком.

– Какой чёрт вас сюда занёс, Фёдор? – обратился к леснику дед.

Тот, подняв голову, пролепетал:

– Спаси нас, дядь Вань... Не то помрём...

– Для того я сюда и пришёл, – ответил Михеевич, потом командным голосом добавил: – А ну, скидывайте оба верхнюю одежду, в ней вам не дойти, а мой дом тут совсем рядом...

...Женщины встретили их на краю деревни. Было видно, что Иван Михеевич, помогавший идти незванным гостям, сам от усталости еле держался на ногах.

С трудом затащили всех в дом деда.

– Давайте немедленно хлопотать, бабы, – тяжело выговорил хозяин.

Однако те и без указания Михеевича знали, что им делать: одна растапливала баню, другие раздевали мужчин и растирали их самогоном, предварительно влив его в рот каждому граммов по двести.

– Добре, добре... – начал кряхтеть дед. – Чую, как силы опять вливаются. Ну-ка, Маня, подай еще лафетничек...

4

Утром дед с гостями сидел за столом, на котором величественно стоял, чуть пыхтя паром, большой медный самовар. Рядом горкой были наложены свежеспечённые пироги – соседки постарались.

Женщин со словами «Тут должен состояться мужской разговор...» Михеевич выпроводил из дома.

– Так, – нарушил первым молчание дед. – Теперича давайте поговорим. Интересно, с какой целью ты, Фёдор, решил приехать к нам в такую погоду, да ещё с чужим человеком?

Лесник бросил пугливый взгляд на молчащего напарника, как бы спрашивая его, отвечать ему на вопросы Михеевича или нет?

Внимательный дед уловил этот взгляд и перевёл свой на незнакомца. Опять в голове застолбилась мысль. «Почему же мне не нравится эта оплывшая жиром, самодовольная физиономия? Большая залысина, тонкие усики... Как будто, я его где-то уже видел... Точно видел, только где – не помню».

– Расскажи всё, как было и как есть, – наконец вяло бросил незнакомец, наливая себе очередной стакан чая из самовара.

Михеевичу показалось, что Фёдор после этих слов сделал вдох полной грудью.

– Перед тобой, дед, сидит не простой человек, – начал лесник, – а сам Баташов, прародитель которого владел в своё время здесь и заводами и землей.

После сказанного Фёдор сделал лакейскую ухмылку и склонил голову перед Баташовым.

«Вот в чём дело! – удивлённо подумал Михеевич, ещё раз посмотрев на незваного гостя. – Фотография его предка осталась от Ивашки, совсем одно лицо».

– Так, – произнёс он вслух. – Продолжай, Федя.

– Я тебе как-то уже говорил, Иван Михеевич, что господин Баташов Иннокентий Давыдович купил земли, принадлежавшие ранее его прапрадеду. А сейчас решил посмотреть округу...

После этих слов лесник смутился, покраснел и заёрзал на стуле.

– Тебе не гвоздь ли в заднее место воткнулся? – строго спросил его хозяин дома. – Что-то ты больно резко переменялся...

С горечью подумал: «Вот опять и господа вернулись».

– Продолжай, – небрежно буркнул Баташов.

Фёдор рукой вытер пот со лба.

– Подъехал вчера Иннокентий Давыдович ко мне на своём джипе и сказал, чтобы я показал ему дорогу в Ивашкино. Мы и поехали, хотя я предупреждал его, что дорога гиблая, тем более при плохой погоде. Он ответил, что его водитель – ас, а машина вездеход, поэтому бояться не надо...

– Как, – перебил его Михеевич. – С вами ещё и водитель был?

– Да, – нехотя произнес лесник. – Утонул он в трясине вместе с машиной. А нам вот Бог помог в живых остаться.

– Бог да дед Ивашкин, – поправил его дед.

– Ну а ты, мил человек, уж поведай мне, какая нужда затиюла тебя в Ивашкино? – обратился он к Баташову.

– Во-первых, не ты, а вы, во-вторых, я не люблю, когда мне задают вопросы подобным тоном, – брезгливо ответил тот.

– Вот оно что, – сердито сказал дед. – Я человек лесной, городских, а тем паче заморских обычаев не знаю, потому за свою

жизнь никого не называл на вы и господином, кстати, и до смерти называть не собираюсь. А если разговор будет в том же духе продолжаться, то сейчас вы оба пойдёте пешком обратно. Мой предок-то не заводчиком был, а матёрым каторжником. Я весь в него вышел. Так я говорю, Федор?

– Да, да, – залепетал лесник. – Я вас прошу, Иннокентий Давыдович, сделать милость... Иван Михеевич уж больно горячий человек.

Баташов хмуро посмотрел на хозяина дома, однако, напорвшись на угрожающий взгляд деда, сразу отвёл глаза в сторону.

– Насколько мне стало известно, – начал разговор Баташов уже более примирительным тоном, – твои предки, дед, были каторжниками и крепостными, принадлежавшими моему благородному предку, царство ему небесное. Они не выкупили свободу, не заработали её честным трудом, а, напав на охрану, сбежали сюда, переступив все законы... Мы помним, что после была советская власть, поддержавшая таких закононепослушников и даже сделавшая их своей опорой. Только ведь не бывает в жизни такого, чтобы рабы правили своими господами. Поиграли, как говорится, в коммунизм и хватит. Возвратились прежние времена. Мне сейчас крайне приятно, что я вновь стал владельцем того, что должно было принадлежать мне по наследству. Только нынешние законы пошли ещё дальше: они разрешают мне купить другие земли, в том числе и эту, на которой прижились когда-то преступившие закон люди.

Баташов замолчал, очевидно, давая деду возможность переварить сказанное им. Если бы в это время он поглядел на Михеевича, то непременно бы ужаснулся: дедовы глаза горели, как у рассвирепевшего быка.

Однако дед молчал, с нетерпением ожидая продолжения монолога новоиспечённого хозяина.

– Вот я и решил, – наконец заговорил опять Баташов, – поглядеть здешние места и скажу честно, что они мне нравятся. Потому сразу к делу, я покупаю эту землю. Тебя, дед, обижать ни в коем случае не собираюсь. Ты будешь здесь смотрителем, чтобы беречь эту природу, охранять её, не пускать

никого сюда. А управляющим сюда на правах хозяина в моё отсутствие поставлю Фёдора. Построю ему хороший коттедж, прилежной службой рассчитается...

– Премного благодарен, – перебил его лесник и согнулся в поклоне.

Михеевич вдруг резко поднял правый кулак и так же резко опустил его на согнувшуюся спину Фёдора. Тот со стоном рухнул на пол.

– Не юродствуй в моём доме, Федя! – гневно сказал дед и перевёл взгляд на Баташова.

– План ты составил хороший. Опять, значит, господа и рабы, наказание непослушных и другое. Только вот мой-то предок своей смертью помер, а твой, как мне известно, убит был. Вдруг история повторится? И места у нас тут гиблые. Вон, вишь твой шофёр с машиной вместе в болоте утонул, Федя раз мотоцикл утопил, сам еле спасся. А мог бы ведь тоже утонуть...

– Прошлое прошло, дед. Не будем его вспоминать. А грозить мне бесполезно: все законы на моей стороне, – спокойно возразил землевладелец.

Издали послышался гул мотора и вскоре напротив дома остановился большой джип.

– Вот тебе, дед, и продолжение разговора. Приехали за мной мои люди, а за хорошие деньги кто-то указал им дорогу сюда. Так что сегодня деньги решают всё. А разница между нами в том, что у меня их много, даже очень много, а у тебя – нет совсем.

Открылась дверь, в комнату вошли двое верзил в камуфляжной форме.

– Что случилось, Иннокентий Давыдович? – пробасил один из них.

– В трясины заехали, машина с водителем утонули, мы с лесником спаслись. Правда, дед помог нам. Хочу его отблагодарить, отказывается. Ну да Бог ему судья.

Обернувшись к Михеевичу, Баташов добавил:

– Документы на владение этой землёй я получу через два дня. Сегодня – вторник, в пятницу утром жди в гости. Моё предложение относительно смотрителя остаётся в силе. Подумай.

Ну а старухам посоветуй побыстрее на тот свет уйти, чтобы не поганили этот райский уголок.

Ошарашенный происшедшим, Иван Михеевич не мог сдвинуться с места. В голове крутились непонятные мысли, одна страшнее другой. Внезапно ему представился каторжный рудник, где он, с цепями на ногах, рубит руду. Откуда-то доносится громкий раздражающий смех. Он не видит смеющегося, но по голосу определяет – Баташов. Картина видения вдруг меняется: рядом с его домом высится огромный особняк, из которого выходит Фёдор. Женщины кланяются ему в пояс, а он бьёт их по спинам плеткой...

– Ваня, что с тобой? Опомнись... – слышит он вдруг голос и приходит в себя.

Рядом стоят деревенские женщины и удивлённо смотрят на него.

– А где гости? – с недоумением спрашивает Михеевич.

– Уехали, уж минут двадцать как...

– Пусть едут. А я немного отдохну.

После этих слов дед лёг на постель и повернулся к стене.

5

– Итак, бабы, я вам всё рассказал. Видно, не дадут нам умереть своей смертью, – дед замолчал.

Тишину нарушили вначале женские всхлипы, затем – громкий плач.

– Цыц! Слезами горю не поможешь! – строго сказал Михеевич. – Наши предки в худших условиях были, однако выжили. Давайте думать, что будем делать.

– Глядишь, всё хорошо будет, зря мы только тужим?.. – высказалась одна.

– Нет, – перебила её другая. – Ты видела, какой он сердитый: и дома наши снесёт, и нас на тот свет отправит.

– Чтoб им в болоте утонуть, иродам, – сказала третья.

– В болоте утонуть? – вдруг переспросил Иван Михеевич и задумался. Через некоторое время добавил: – Грех-то большой, да, видно, деваться нам некуда. Будем, бабы, гать разбирать в болоте, если сунутся – пусть тонут.

... Утром все пятеро были на болоте.

– Вот здесь их машина сорвалась с гати и ушла в трясину. Но это не самое гиблое место. Разбирать надо за изгибом, там, где мы постоянно кладём новые бревна. Вот там топь страшная.

Топоры, багры, верёвки... – всё было с собой. Издавна гать прокладывали все жители от мала до велика, в том числе и женщины.

Поэтому каждая команда Ивашкина понималась, как говорится, с полуслова и быстро выполнялась.

Однако возраст работников, а, соответственно, и силы, были уже далеко не те.

Часто отдыхали, после чего вновь принимались за работу.

– Ничего, – подбадривал Иван Михеевич, – ломать – не делать. Метра четыре надо разобрать, иначе проскочат на скорости.

На другой день с утра работа была продолжена. И опять целый день один старик и четыре старухи вытаскивали из трясинны бревна, соблюдая меры предосторожности, чтобы самим не попасть в зловещую топь.

– Поднажмём, бабоньки! Сегодня надо завершить. Завтра утром приедут, – поторапливал дед.

... Стемнело, когда Ивашкин, разогнувшись, наконец, сказал:

– Всё. Хватит. Собираем инструмент и уходим. Чтобы ещё снежок выпал...

Утром следующего дня Михеевич, одевшись по погоде, с ружьём на плече стоял за деревом у края болота. С удовлетворением в душе отметил, что снег ночью прошёл хороший. Под утро разошлись тучи, и придавил морозец.

Над верхушками сосен вставало солнце. Небо было совершенно чистым. Свежий снег сверкал, искрился, слепил глаза. Над головой, прыгая с ветки на ветку, свистели синички.

Дед до того залюбовался ими, что и не услышал автомобильного шума. Он просто нечаянно бросил взгляд на то место, где дорога входила в болото, и чуть не ахнул, увидев джип. Часто застучало сердце.

Михеевич спрятался за дерево. «А вдруг в биноклю меня увидят?»

Машина остановилась. Из неё вышли трое, о чём-то разговаривая. Расстояние до гостей было достаточно большим, однако Фёдора дед разглядел.

Вскоре опять все сели в машину, причём лесник – на переднее сидение, и она тронулась вперёд.

«Указывает дорогу», – подумал Ивашкин.

По мере приближения машины к разобранной дороге деду становилось всё больше не по себе. Его бросало то в жар, то в холод, тряслись руки, сердце колотилось всё сильнее, шумело в голове.

Вот они ближе, ещё ближе, совсем рядом...

Джип вдруг нырнул передом в тёмную жижу и стал медленно тонуть.

Распахнулись дверцы, раздались душераздирающие крики. Утопающие пытались залезть на крышу машины...

Иван Михеевич перекрестился и, выйдя из укрытия, быстрым шагом направился к ним.

Скоро он остановился на краю трясиной ловушки. Машины уже не было видно, как и её пассажиров. Только Баташов, ухватившись за оставленное при разборке бревно, будучи по грудь в жиже, ещё барахтался, пытаясь победить болотную топь.

Он вдруг увидел Ивашкина, и в его глазах вспыхнула надежда:

– Дед, быстрее бросай веревку!

– Зачем? – спокойно ответил Михеевич.

Видно, только теперь Иннокентий Давыдович понял своё положение. Он истерически зарыдал, причитая:

– Иван Михеевич, дорогой вы мой, спасите меня... Озолочу, век благодарить буду...

– Ну вот, пришло время и меня на вы назвать, – хмуро произнёс дед. – Нет, Баташов, не хочу я быть твоим рабом. Возврата прошлого не желаю...

Он повернулся и, не спеша, пошёл в деревню. Слух резало истошное рыдание Иннокентия Давыдовича.

Ещё через пару минут над трясиной повисла вековая тишина.

*Продолжение публикации произведений
лауреатов и дипломантов Волошинского
конкурса см. в следующем номере*

Возврата не желаю

Возвышенное и земное



Николае Русу
ДИО ЛУЛУДИА

Ожерелье островов возникает вдали на горизонте, и многочисленные виллы на побережье напоминают серебристые, совершенной чистоты и белизны раковины, рождённые бескрайним морем, отшлифованные волнами и выброшенные на древние берега из античного камня, почерневшего ныне от неистовства и напористости всё тех же морских волн.

Поглощённый воспоминаниями, Трандафир вздрагивает, очарованный этим зрелищем, отдаляется от своих мыслей, отвлёкшись на время необыкновенными красотами, развёрнутыми перед ним щедрым и ласковым Эгейским морем.

Он специально выбрал для себя это место на верхней палубе теплохода, чтобы увидеть побольше и подальше. Бог знает, доведётся ли ему когда-нибудь ещё совершить подобное путешествие... свояченица предупредила, что это первый и последний раз, когда она взяла на себя ответственность за каких-то недотёп. Он с досадой вздыхает, что его вновь одолевают всё те же мысли, резко встряхивает головой и облизывает пересохшие от солёного морского ветра губы. Бокальчик пива был бы в самый раз, – думает он, – но не двигается с места, предпочитая любоваться цепочкой островов, которой, кажется, нет конца и края. Как раз сейчас они проплывают мимо выцветшего, без единой травинки острова, однако на самой его вершине виднеется миниатюрный красочный домик, к которому ведёт лёгкая изящная лестница, появившиеся будто из волшебной сказки.

– Ну... уж эти греки... восхищённо зацокал языком Трандафир... недаром они древние...

И вспомнил он, что в сельской школе они проходили историю древнего мира, и больше всего в учебнике было написано о Греции, о каких-то там войнах, о Спартаке, потом что-то связанное с Гераклом... подробности как-то забылись... Собственно говоря, особо он и не напрягался...

Когда он только-только перешёл в третий или четвёртый класс, дед Петря так его наставлял: «Фируцэ, катится русская власть к чёртовой матери... всё, так и знай, недалёк день, когда мне вернут

Возвышенный человек, видя возвышенное, становится свободным, уверенным, широким, спокойным, радостным, но совершенно прекрасное потрясает его своим видом и сшибает с ног: перед ним он отрицает самого себя.

Фридрих Ницше

мою землю, запихнутую в колхоз... вот уже сорок лет как минуло... Фируцэ, учись тому, что должен знать каждый хозяин, но не очень-то заносись... не отрывайся от своей земли... кому, эй ты, оставлю я в наследство мои гектары?... ведь остальные внуки вырвались в интеллигенты, свили гнезда в городах, одного даже заманила голубая даль прямо к мериканцам... Слышь, четырнадцать часов лёту! А если поездом? И месяца не хватит. А на подводе? Ого-го, сколько же это корма для лошадей понадобится?

С другой стороны, не добраться туда ни поездом, ни шарабаном, потому что ещё и океан пересечь надо, так что остаётся только самолётом... Хорошее это дело – самолёты, ей Богу, если б не они, точно наш Штефэнел не смог бы приехать, когда... вы меня будете провожать... упаси, Господь, а ты, Фируцэ, гляди с этой школой... будь себе на уме...»

И Трандафир, обрадованный, что советы деда совпадали с его устремлениями к иному рода занятиям, чем чтение, рассчитал всё заранее, и после семи классов, зная, что поддержка деда ему обеспечена, с порога заявил родителям, которые к тому времени уже определились в отношении его высшего образования, что он хочет учиться в профтехучилище. Однажды, в конце весны, когда его одноклассники страдали от бессонницы, готовясь к бакалавриату, так как его сельская школа получила статус лицея, Трандафир вернулся домой свежеепеченным специалистом по электрооборудованию и двигателям внутреннего сгорания. Целый год он проработал в тракторной бригаде бывшего колхоза, называемого теперь «Акционерным обществом», и в котором остались только бывший председатель и несколько верных его соратников.

На стареньком тракторе, который ему выделили в бригаде, он работал на полях «Акционерного общества», а ночью, или в выходные, – также и на шести гектарах его родителей и деда, которые предпочли забрать назад свою землю из колхоза, что им и разрешалось по новому закону. А потом с десятков односельчан объединились, и сообща купили гусеничный трактор, довольно подержанный. У одного из членов новой ассоциации, Костаке Огора, была дочка, которая вот уже год как приехала домой после окончания медицинского колледжа в Кишинёве, приехала в отпуск на месяц и должна была вернуться в город, где нашла себе

работу в одной из аптек, но не сошлось у Сынзяны, так звали девушку, как хотелось, а вышло по-другому: всё перевернулось из-за Трандафира, потерявшего из-за неё покой и сон.

Чтобы наконец-то успокоиться, в одну из ночей пригласил он её к себе домой, убеждая, что в прежние времена таким образом «красавицы» невест. «Хорошо, Фируцэ, но я-то не невеста», – мило улыбнулась девушка. «Будешь, Сынзяна!» – нежно прошептал он ей. «Когда?» – спросила она.

Он что-то мысленно просчитал и твёрдо сказал: «Через пять недель».

На второй день состоялась помолвка, а через пять недель сыграли свадьбу.

Его тесть, кроме Сынзяны, младшей, имел ещё трёх дочерей – две из них, самые старшие, давно уже были замужем, жили в городе, имели детей, приличную работу, а третья оказалась, что называется, ещё той штучкой, что признавал и её отец. Лиза, или, как её обзывали школьные мальчишки, Джоконда, была существом взбалмошным, с бесстыдным липким взглядом, с прекрасным телом, которое она несла так, что редкий мужчина мог устоять перед искушением и не оглянуться ей вслед. Ещё в десятом классе у неё была любовная история с молодым учителем математики, и бедный влюблённый был вынужден сменить место работы и уехать в другой конец республики.

Потом Лиза, как ни в чём не бывало, стала студенткой химфака в университете, где в тот год был самый маленький конкурс. Однако на третьем курсе бросила учебу, объявив родным, что уезжает за границу на международный конкурс моделей. Была она или нет на этом конкурсе, никому не известно, даже Сынзяне, но Лизу всё реже видели дома. Однако каждый раз, когда она приезжала, у калитки останавливался лимузин белого цвета, а водители всегда были в перчатках под цвет автомобиля. Сынзяна, разумеется, пригласила её на свадьбу, однако не была уверена, что Лиза удосужится приехать. Года четыре тому назад она устроилась в какую-то греческую туристическую фирму и, судя по её разговорам, дела её шли блестяще. «Как только заключу контракт, домой приеду миллионершей», – писала она им изредка, раз в полгода.

На свадьбе она появилась неожиданно, далеко за полночь, с бесчисленными подарками, когда веселье уже было в самом разгаре, и подняла большую кутерьму, обнимаясь почти со всеми гостями, а Грандафиру впиалась в губы таким крепким и долгим поцелуем, что некоторые шутники стали считать: один... два... три... четыре. Не успела она отщипнуть от обилия яств на столе, как тут же опомнилась, что у неё утренний рейс, которым она должна вернуться в свою Грецию, и поспешила объявить сидевшим за столом, что дарит сударыне-невесте и сударю-женуху «медовый месяц» на Платамонесе, самом красивом и живописном острове Греции. В доказательство, что это не шутка, вручила она Сынзяне конверт с долларами на дорожные расходы. Идея «медового месяца» на одном из греческих островов была достаточно заманчивой, Грандафир было уже согласился, ну не совсем на месяц, а так, дня на три-четыре, потому что приближалась осень и наступала пора, как говорится, цыплят подсчитывать, но, ко всеобщему удивлению, заартачилась Сынзяна. «Ты представляешь себе, Фируца, во сколько это нам обойдётся?! – убеждала она его. – А у нас столько дел! Только на дом нам нужно... ой, ой... откуда мы возьмём столько?» Он с ней согласился, и Платамонас был предан забвению, но Лиза о них не забыла. Она буквально заваливала их письмами и телеграммами каждую неделю, но они согласились принять приглашение на лето лишь спустя три месяца, когда она написала им, что нашла для Сынзяны очень хорошее местечко, где та сможет в течение трёх месяцев заработать столько «зелени», сколько получит их старшая сестра Нинела за три года в своём министерстве финансов.

В связи с этим Сынзяна подготовила все документы для получения визы, на всякий случай и для мужа, если вдруг подвернётся работёнка и для него, и в середине июня Грандафир проводил её в аэропорт. Естественно, что в душе Грандафир был против расставания со своей молодой и горячо любимой женой, хоть всего и на четыре месяца, как было оговорено, и не потому, что она может изменить ему с каким-то там греком, а потому, что ему придётся выносить насмешки и двусмысленные шуточки односельчан.

Не прошло и нескольких дней, как один из них, которого он считал своим другом, после нескольких прозрачных намёков насчёт тех, кто тянется за длинным рублём в Россию, Турцию, Грецию и другие страны, еле ноги унёс от разъярённого Грандафира.

Почти каждый день он получал письма от Сынзяны и знал, что устроилась она на работу в ресторане, где её сестра работала в труппе варьете и где Сынзяна с её медицинским образованием мыла посуду и ножи-вилки.

Он решил съездить на неделю в гости только тогда, когда Сынзяна написала ему, что хозяин, будучи в хороших отношениях с Лизой, покроет его дорожные расходы. Он тут же подумал, что следует позаботиться о билете на самолет и не упустить такого шанса.

Несколько дней перед отъездом пролетели, как сон, и Грандафир проснулся только в аэропорту в Афинах в жгучих объятиях Лизы, которая страстно протянула ему свои чувственные, густо накрашенные губы, и от которой веяло какими-то экзотическими духами, впрочем, довольно приятными. Он быстро чмокнул её в щеку и наклонился над сумкой, притворившись, что что-то ищет. Затем отступил шага на два и, в то время, как Лиза представляла ему своего спутника, – хорошо сложенного, полноватого толстогубого мужчину с копной седых волос, лет пятидесяти-шестидесяти, с внушительным носом и красными, то ли от бессонницы, то ли от пьянки, глазами, – Грандафир смерил глазами свою свояченицу. Лиза была почти голой, на ней был какой-то лоскут ткани на бретельках, как бы прикрывавший грудь, а юбка скорей всего напоминала детский фартучек, один – спереди, другой – сзади, медные ляжки были обнажены, причёска была довольно странной – с бритым затылком, и взъерошенными волосами на лбу, – и чирикала она без конца со своим спутником на каком-то языке, непонятном для Грандафира ни на йоту. От аэропорта они направились на лимузине грека, имя которого было не то Макис, не то Лакис, и через два часа оказались вместе, – с лимузином! – на трёхпалубном, то есть трёхэтажном пассажирском теплоходе, точно таком, на каком он сейчас возвращался домой.

Свояченица вместе с греком занимала каюту первого класса, а Трандафиду, несмотря на его нежелание, отвели другую, отдельную, хотя он предпочитал находиться на верхней палубе и наблюдать прекрасные виды Эгейского моря.

Вдали, у горизонта возникали цепочки островов, и многочисленные виллы на побережье походили на серебристые, необыкновенной чистоты и белизны раковины, рождённые необъятным морем, отполированные его волнами и выброшенные на древние берега из античного камня, почерневшего ныне от неистовства и напористости всё тех же морских волн.

В портовой гавани острова Платамонасы они пришвартовались около полуночи. Несмотря на ночь, феерия света от сотен других теплоходов, лодок, яхт до горных вершин убеждала, что этот портовый город – место, благословленное самим Богом. Трандафир надеялся увидеть на пристани Сынзяну, но свояченица с непонятной усмешкой объяснила ему, что та именно сейчас находится при исполнении обязанностей, и только через час у неё будет перерыв. «И сколько он продлится?» – поинтересовался Трандафир. «Три-четыре часа... но по такому случаю... думается, что она примет смену только лишь завтра вечером... так что...» – она понимающе подмигнула ему и похотливо рассмеялась, потом о чём-то перебросилась со своим греком несколькими словами на том же непонятном языке. Лишь спустя несколько дней он узнал, что грек и вовсе не был греком, а албанцем, и говорили они, естественно, по-албански, и что этот тип не был её любовником, а хозяином какой-то киностудии, а Лиза якобы должна была получить там какую-то роль...

«Она себе на уме, трепло, – сплюнул он сквозь губы в лазурную волну, что плескалась внизу, как бы намереваясь куснуть водный след парохода, – кроме английского, итальянского, испанского и французского она ещё знает и греческий, и албанский... но что с того... хороша голова, да дуре досталась». Шли они тогда в столь поздний час по ярко освещённому городу, пока не оказались у здания сплошь из стекла, на фасаде которого мигали многоцветные надписи, изображения птиц, кругов и стрел. Трандафиду удалось разобрать слова «казино», «отель» и «ресторан», из чего он понял, что здесь кончается его путешествие.

Он почувствовал, как от волнения сердце его застучало в висках, и вспотели ладони.

Как робот, на одеревеневших ногах он последовал за мужчиной, сохраняя в памяти лишь бесчисленные двери, ярко освещённые коридоры, каких-то длинноногих девиц, рождённых будто одной матерью, с небольшими подносами в руках, и усатых молодых в белых колпаках.

Когда чья-то ладонь коснулась его груди, он понял, что они пришли. Лиза сказала ему, что она бежит предупредить Сэнзи... (почему Сэнзи?! Ему и в голову не пришло, что речь идет о Сынзяне), потом что-то прочирикала своему спутнику, вытерла рот о его губы и в несколько игривых подскоков исчезла за дверью... Мужчина хотел ещё что-то напомнить ей и закричал вслед: «Лайза!»... (Почему Лайза?! имя напомнило ему сучку Лайку, гордость деда Петри... умная собака...), но Лиза-Лайза притворилась, что не слышит.

Оставшись один, Трандафир с любопытством огляделся – он находился в просторной, что в длину, что в высоту, комнате, похожей на аквариум, так как всё было из стекла: и стены, и потолок, и полы. Сверху свисала роскошная люстра, наверное, хрустальная, которая излучала голубоватый свет, вернее, успокаивающий полумрак. На стенах он заметил две картины с совершенно голыми женщинами и несколько страшноватых масок то ли из дерева, то ли из чёрного пластика. В центре комнаты располагалась огромная кровать, на которой можно было развернуться целой подвое, с кучей подушек, больших и маленьких, а по обеим сторонам – два светильника: один вроде тюльпана, другой – в виде грозди сирени.

«Два светильника, и ни один не горит», – удивился Трандафир, ощупывая стену, в поисках выключателя, но в удивлении отметил, что в комнате не было ни одного выключателя и ни одной розетки. В недоумении он попытался ещё раз осмотреть стены, но в этот момент дверь бесшумно отворилась и в комнату влетела Сынзяна. Она была в белом комбинезоне, в котором, по видимому, работала («Бедняжка, даже не успела переодеться», – подумал тогда он), волосы выбились из-под шарфика, которым она поспешно повязала голову, лицо её пылало, и глаза горели

страстью. Они рванулись друг другу навстречу и застыли в тесном объятии посреди комнаты в неутолимой жажде друг друга.

«Транда-а-а! Фируцэ... Я думала, что сойду без тебя с ума...», тихо прошептала она, охватив нежными руками его шею, когда он поднял её на руки, как ребёнка.

«А я днем и ночью...», – попытался ответить ей Трандафир, – но она закрыла ему рот губами, горящими от желания, однако он всё-таки успел добавить то, что считал самым важным – «знай, что я больше никогда не позволю тебе покидать родной дом», а она напомнила ему, как безумно ей нравятся его губы, и все слова, которые он собирался ей сказать, развеялись в пламени жгучего поцелуя.

Не помня себя, они сорвали друг с друга одежды и предались любви со всей страстью, будто хотели возместить все три месяца разлуки. Бог знает когда, очнулись они полностью обессиленные и, постепенно приходя в чувство, она, вздрогнув, вдруг спросила: «Дверь закрыта?». «Не знаю». «Ну-ка, взгляни». «Зачем?». «Мне показалось, что кто-то наблюдает за нами...» Трандафир приблизился к двери, приоткрыл её и посмотрел вглубь коридора. Никого. Плотнo прикрыл её, повернув какое-то кольцо, затем дёрнул за рычажок и убедился, что дверь закрыта. Вернулся к огромной, как стадион, кровати, где ждала его Сынзьяна, его неукротимый вулкан, страстный, нежный рай, необжитой ещё никем, ни Адамом, ни Евой, ни единой человеческой душой, только он и она, Трандафир и Сынзьяна, два цветка...

Странно, только на другой день свояченица, а затем и все вокруг, когда видели их вместе, приветствовали их словами «*diu luludia*», то есть «два цветка». Наверное, Лиза объяснила здешним, что означают их имена: Трандафир – роза, Сынзьяна – подмаренник. Сынзьяна узнала от неё, что комната, которую им предоставили, одна из спален хозяина, у которого их чуть ли не с десяток. Она же призналась под большим секретом, что через неделю, когда Дафи... Почему Дафи?... будет возвращаться домой, хозяин намерен сделать им сюрприз...

Как во сне пролетели третий, четвёртый, пятый день... К концу этого отпуска или медовой недели, как ни называй, это была настоящая сказка, Лайза... тьфу, Лиза организовала им экскурсию по острову. Они путешествовали на лимузине хозяина, а в одной

древней крепости, в которой теперь размещался музей охраны окружающей среды, свояченица вручила им по какой-то бумаге, на которой они – он и Сынзьяна – расписались, в подтверждение, что и они поддерживают международное движение в защиту природы. Что правда, текст был написан на греческом, и они ничего не разобрали, но свояченица поклялась, что речь идет об участии в этом международном движении, которое ни к чему не обязывает, и в доказательство она тоже подписала какую-то бумагу, вручив все три, непонятно зачем, своему губастому албанцу, который вёл машину. В последний вечер, когда Сынзьяна была занята на своём посудомоечном конвейере, Трандафир заглянул в ресторанный зал как раз во время представления варьете, в котором участвовала и свояченица. То, что он там увидел, заставило его броситься к двери, но в полной растерянности, пошёл не туда и, поняв, что заблудился в огромном зале, тихо прислонился к стене, пока это сумасшествие не завершилось. «Знала бы моя теща, что из тебя получится, она бы тебя не родила, это уж точно»... – бормотал он, выбравшись из ярко освещённого ресторана и возвращаясь в комнату, в которой они с Сынзьяной провели неделю... А в последнюю их ночь на Платамонасе Сынзьяна призналась, что она не пользовалась контрацептивами и уверена, что забеременела, потому что давно мечтает о девочке или о мальчике, и обязательно или он, или она будет носить имя цветка, чтобы им не говорили «два цветка», а три... Трандафиру понравилась эта мысль, и он сразу решил: «Если будет мальчик, назовем его Гиочел – Подснежник, а если девочка – Брэндуша – Шафран...», от чего счастливая Сынзьяна страстно обняла его, и они до самозабвения любили друг друга, пока их, утомлённых, не охватил сон.

При отъезде, когда машина должна была отвезти его в аэропорт, патрон, высокий сухощавый грек с узкими губами, бросил на него стальной взгляд и с неким подобием улыбки вручил конверт. Его сюрприз представлял собой зарплату Сынзьяны за четыре месяца, включая и следующий месяц, который она должна была отработать, на общую сумму три тысячи долларов, которую растроганный Трандафир спрятал в карманчик своего широкого солдатского ремня. С высокого мостика парохода он помахал рукой в последний раз двум сёстрам на пристани, крикнув Сынзьяне, глаза

которой были залиты слезами: «Через месяц... всего через четыре недели...». Срок её контракта действительно истекал через двадцать семь дней.

Потом пароход медленно отчалил и через четверть часа Платамонас превратился в маленький островок, потом стал ещё меньше, а разбросанные по бесконечному морскому побережью многочисленные виллы напоминали серебристые, необыкновенной чистоты и белизны раковины, рождённые необъятным морем, отполированные его волнами и выброшенные на древние берега из античного камня, почерневшего ныне от неистовства и напористости всё тех же морских волн.

Вместе с патроном явилась и Лиза-Лайза, но на этот раз она не пожелала проводить Грандафира до Афин. На прощание она окинула презрительным взглядом Грандафира и Сынзяну, которые никак не могли расстаться, потом кокетливо помахала ручкой, иронически улыбаясь: «Доброго пути и... больших успехов в сельском хозяйстве... лопушок!». «Ну да, если б не было нас... пахарей, что бы вы жрали, завсегдатаи ресторанные?... – мысленно ответил он ей. – Случаем, не эти ли камни... почерневшие от древности?»

...Он ощупал ремень, любовно пройдясь пальцами по месту, где, он знал, спрятаны деньги, и облизнул сухие обветренные губы. Он выпил бы сейчас пива с превеликим удовольствием, но ему неловко обратиться к бармену внизу, на второй палубе, потому что кроме «дио лулудиа» он не понимает ни словечка по-гречески.

Он бы попросил две бутылки, но ему не хватает мелочи, а те, крупные, не хотелось бы разменивать здесь. Лучше он после того, как рассчитается с водителем автобуса, на сдачу купит себе только пива, на всю дорогу.

На этот раз, чтобы не тратить слишком много денег, решили – он и жена – возвращаться назад не самолётом, а автобусом, потому что так будет вдвое дешевле.

Лиза была знакома с одним водителем из Бухареста и объяснила ему, как его найти – сразу, как только он окажется в Афинах, в порту, взять налево, и между двумя зданиями с белыми колоннами он найдёт голубой автобус, набирающий пассажиров, а сидящий за рулём брюнетик с голубыми глазами откликнется на имя Джелу.

Из Бухареста он поедет поездом и, приехав в село, в первую очередь, добьётся участка для строительства дома, закупит камень в Криково, а в Кишинёве один знакомый предложил ему дерево, доски, черепицу, бетон...

Он всё купит и привезёт к отцу на хранение. Потом, конечно, он купит себе маленький трактор, какие имеются здесь, в Греции, – маленький, как игрушечка, но к которому можно прицепить столько приспособлений, что делай, что угодно, даже сено убирай прямо в стога! Головастые эти греки! Эге, если бы мы, молдаване, были б как они...

Сглотнув вязкую слюну, он закрывает глаза, потом, набравшись смелости, встаёт со скамьи, на которой столько просидел, и решительным шагом направляется к ступенькам, ведущим на вторую палубу, где, когда он сел в Платамонасе, заметил бар. Однако, приблизившись к пустой стойке, так как большинство клиентов устроились за столами и лениво потягивают из пивных кружек или курят от скуки, он теряет весь свой кураж и делает попытку незаметно выбраться отсюда, однако бармен, сухощавый тип с живыми белыми глазами, вскакивает со своего места и подзывает его к себе дружеским жестом, как старого знакомого:

– Виски, пиво, тоник?

– Пиво, пиво, – отвечает, усмехнувшись, Грандафир, и показывает на пальцах: уна, айн, один...

Бармен ловко откупоривает бутылку и выбирает несколько драхм из мелочи, которую протягивает ему в ладони Грандафир. Грандафир берёт бутылку и пакетик арахиса, который бесплатно полагается каждому клиенту, и намеревается дать дёру, но бармен хватается за руку и показывает целую полку с видеокассетами:

– Эротика... дио лулудиа... файн... шарман...

– Нет, нет, спасибо, меня это не интересует, – противится он, вздрогнув от неожиданности, что и этот проныра-бармен знает о его греческом прозвище.

– Это есть новый, свежий... прекрасна... – радуется неизвестно чему бармен и вытаскивает кассету из пластиковой коробки, вводя её в узкий рот видеомангофона.

– Да ладно, знаю я вас, – одергивает руку Грандафир, быстро удаляясь от барной стойки, – пока не всучите человеку ваше свинство, никак не успокойтесь.

И тут на экране появляется парень с сумкой через плечо, в комнате с огромной кроватью посередине, с множеством подушек, а по обеим сторонам – светильники в форме цветов: тюльпана и грозди сирени. Лицо молодого человека трудно различить, так как съёмки велись сверху, с потолка, но на секунду возникают глаза Трандафира, как взрыв радости, потом на него набрасывается девчонка, которая, охватив его шею, шепчет так громко, что всем слышно: «Транда-а-а! – фируцэ... я думала, что...» – после чего голоса этих двоих перекрываются голосом переводчика.

Но всю эту «эротiku» Трандафир не видит и не слышит, охваченный там, на верхней палубе, странным чувством нетерпения – скоро, совсем скоро, через час пароход прибудет в Афины, а оттуда – домой!... Только от этого магического слова – домой! – ему кажется, что у него распахивается грудная клетка, а руки превращаются в крылья, как у чаек, которые носятся вокруг с насмешливыми криками и молнией мелькают у его плеча, пытаясь выхватить из рук пакетик с жареным арахисом. Потягивая пиво мелкими глотками, Трандафиру кажется, что тоска по дому немного поутихла, и он зачарованно следит за новой цепочкой островов на горизонте, с бесчисленными виллами на побережье, виллами, которые напоминают серебристые, совершенной чистоты и белизны раковины, рождённые бескрайним морем, отполированные волнами и выброшенные на древний берег из античного камня, почерневшего ныне от неистовства и напористости всё тех же морских волн.

Перевод с румынского Мирославы Метляевой

Станислав Радзиевский
СЕРОЕ НЕБО ДОЖДЯМИ
РАСКОЛОТО...

* * *

Оказаться б ночью средь степи широкой,
Я завыл бы песню волком одиноким...
Избегая драки, будоража темень,
Взлаяли б собаки по ночной деревне!

Серое небо дождями расколото...

Мужики б по хатам, сетуя на стужу
Одевались с матом, заряжая ружья...
Я скользну вдоль тына тенью серовой,
Выбрав путь не длинный до ближайшей хаты.
Нежному ягнёнку, лишь зубами «Щёлк»!
Вырывает глотку наизнанку волк.
На пути не стойте! Хищник я по нраву.
Зол, хитёр: готовьте на меня облаву!

* * *

Серое небо дождями расколото,
Тундра в пурпуре, багрянце и золоте.
Стай перелётных смятенье великое
Эхо тревожит гусиными кликами.
До горизонта расцветки роскошные
Сопок черничных, распадков морошковых
Мхами пушистыми, белыми, чистыми
Стадо проходит с рогами ветвистыми.
А по ночам голубым изваянием
В небе мороз проступает сиянием...

* * *

Хлорки запах стойкий,
В тесноте палат
На больничной койке
Умирал Талант.
В пламенной горячке
Спешны и плохи,
Торопясь и плача
Он хрипел стихи.
Отзвучали тосты,
Отгремела медь,
Медленно и просто
Подходила Смерть.
В изголовье села,
Как в немом кино.

Станислав Радзиевский

«Что хрипишь без дела?
Заждалась давно.
Петь хотел красивой,
И охрип! Глупец!
Мы с тобой в России,
Здесь ты не жилец!»

* * *

Я возьму разноцветие красок,
В кипень свежий холст загрунтую,
На одном дыхании, разом
Для тебя рассвет нарисую!
Если я цветов не сумею
Раздобыть декабрём студёным,
Белый холст под рукой мою
Расцветёт июнем зелёным.
Если, может быть, ты неожиданно
Вдруг захочешь во сне хотя бы
Увидать далёкие страны –
Нарисую тебе корабль.
Ну а если душа в смятении
Затоскует, в вере померкнув,
Для спокойствия и спасения
Для тебя нарисую церковь!

* * *

Вой оборвется одинокий.
В себе перемолчу беду,
И по расхлябанной дороге
Я псом побитым побреду...,
Допью из грязного стакана,
Ногтём, как вошь прищелкну грусть,
Икну, заулыбаюсь пьяно,
И от пощёчины утрюсь...

Судьбы почувствую тревожно
Под сердцем лезвие ножа.
Нелепо, глупо, безнадежно
От самого себя бежать.

Игорь Егоров **МОСТ ИСКУШЕНИЙ**

Я могу устоять против всего, кроме
искушения.

Оскар Уайльд

1

Я неслышно вошёл в комнату. Инга спала. Она спала от сильной дозы обезболивающего. Эти чутко подрагивающие веки, губы, точно в реакции сна... Неужели через несколько дней!.. Это казалось невозможным, нереальным...

А солнце в прогале штор уже падало прямо на её лицо. И горячий, но блуждающий румянец иногда вспыхивал на этих милых, почему-то уже совсем детских щеках. Никогда раньше так близко я не видел подкрадывающейся смерти, и вот её настойчивое дунновение неизъяснимо ранящим холодом пробегает по раскрытой книге, постели, столу... На миг мне почудилось, что я вижу ещё живое лицо жены в зловещей торжественности гроба, в обрамлении ярких помертвевших цветов. Но я сразу же стряхнул с себя это наваждение.

Изо дня в день – толпы родственников! Зачем они её раньше времени хоронят?! Ещё эта парализованная звонит чуть не каждый час, а я должен отвечать уклончиво: «Сложно...», потому что может услышать Инга. Что-то в этих настойчивых звонках было нечистое и подлое.

Инга проснулась от боли.

– Жень! – позвала она. – Когда ты мне делал укол?

– Часа три назад, – вздрогнув, соврал я. – Я ещё поставлю, шприц прокипячён.

Я уже привычно ставил уколы. Этому меня недавно научил мой друг Игорь Лобачёв. А обучение искусству ставить уколы

происходило на кухне. Я никак не мог решиться воткнуть шприц в Игорёшино тело, а он нервничал и ругался и готов был подставить под неумелую иглу не только свои худые ягодицы, но и всего себя ради жены друга, лишь бы я научился.

И я научился, и теперь делал уколы быстро и совершенно безболезненно, рука у меня оказалась лёгкой. Наверное, я мог бы стать неплохим, даже великолепным врачом, а вот закончил за чем-то политехнический. Но тогда, в конце 60-х, закрутилась эпоха «физиков и лириков», многие школьники старших классов с увлечением думали и рассуждали о теории относительности, пьянели до умопомрачения от музыки «Битлз», которая глушилась безбожно в приёмниках, бредили физикой и математикой и одновременно ночами сочиняли стихи... Я даже, помню, повесил у себя в комнате портрет Альберта Эйнштейна, а в 9-м классе написал чудной математический трактат о пространствах пустоты... А ещё увлёкся Лермонтовым и Гейне и даже ранним Маяковским, и попробовал себя в поэзии, но тогда для меня это было не главным, мне хотелось стать учёным, как Тулин или Крылов из фильма «Иду на грозу»...

И вот я – студент политехнического, сессии сдаю на отлично, считаюсь чуть ли не лучшим математиком на курсе, и вдруг всем нутром понимаю, что попал-то я не туда, не в тот институт, а бросить страшно – враз «загребут» в армию, никто не будет разбираться, что ты там себе нафантазировал в школе. А потом, после окончания политехнического, была работа в НИИ, где я окончательно убедился, что выбор в жизни сделал неправильный, но начинать всё сначала было уже чёртовски сложно, время было упущено. Да я уже был и женат, и у меня родилась дочь, так что я и думать забыл о поисках и начинаниях. И всё-таки в жизни можно найти отдушину, и я её нашёл: переводил с английского для своих коллег научные статьи американских учёных-теплофизиков, хотя такое выпадало не часто, а ещё я стал подмечать интересные ситуации и словечки и записывать их в записную книжку, которую часто носил с собой. Так у меня накопилось несколько записных книжек, и когда я прочитал их все сразу, мне показалось всё записанное каким-то бредом, самой настоящей абракадаброй. И всё-таки я этого не бросил и продолжал заполнять записные книжки. И это было началом

чего-то важного в моей жизни, гораздо более важного, чем все ошибки и сожаления, и, значит, обретало огромный смысл. Я будто опять стал школьником и ударился писать стихи, самые разные, чуть ли не футуристические, точно ещё не переболел всеми поэтами. Пусть это было похоже на какое-то запутанное искушение беспокойной души, и всё-таки это было нужно. А потом стал писать короткие стихи и рассказы, которые вдруг даже начали печатать в газетах, но издательство их отвергло. Тогда я написал приключенческую повесть для детей...

– Женьча, я скоро умру! – прошептала Инга.

– Нет, нет! Что ты! Ты выздоровеешь, даже и не думай об этом! Вон ты какая розовенькая, как поросёночек, – попытался я пошутить.

Инга улыбнулась:

– Смешной, – и тут же напряглась всем телом и прикрыла глаза от приступа боли.

Я прильнул к ней и поцеловал в горячие воспалённые губы. Я не знал, как ей помочь, и сказал совершенную глупость:

– Я соскучился по тебе!

– Тебе, наверное, противен запах моего тела? – отозвалась вдруг Инга.

– Ин, зачем ты так?! Я же тебя люблю! – как-то по-юношески воскликнул я.

И вдруг слёзы выступили у неё на глазах. За много времени я увидел у неё на глазах слёзы, но это были слёзы благодарности.

– Прости меня, я глупая!

Мы легли вместе, но я не мог причинить ей ещё одну боль, и только мягко целовал её веки, лоб, губы. В этих поцелуях был крик прощания с любимой женщиной, с которой я прожил 16 лет. А ведь это целая жизнь! И сколько в ней было хоть и островков, но островков настоящего счастья. И только они теперь и помнились мне. И мне вдруг стало невыразимо страшно остаться одному, без Инги, как ребёнку без матери. И я ещё ближе прильнул к ней.

*Помнишь,
Мы читали эту книгу вдвоём?
Ты сидела у окна*



*И вдруг – легко посмотрела
На дальние деревья...*

Прочитал я и внезапно увидел, как на мои слова отозвалась бесконечная, полная безмолвных жалоб и ужаса, глубина любимых глаз.

– Это стихотворение из твоего будущего сборника. Зачем ты его прочитал? – спросила Инга, будто всё хорошо, и не было только что всего этого ужаса в её глазах.

– Сам не знаю, просто это о нас... – задумавшись, отозвался я, – тогда ты училась ещё...

– И читали с тобой «Дон Жуана» Байрона...

– Да, точно, а я и забыл, тогда нужно было тебе по программе... Совершенно незаконченное произведение, сплошной разврат, хотя и считается жутко гениальным...

– Всё довольно сложно. Нет, это, наверное, не «Дон Жуан» был, а что-то другое, может быть, Тютчев. А то состояние ты, наверное, передал своими строчками, хотя и такими незамысловатыми...

«После таких слов хочется писать! Иннушка, ты великий человек, тебе ведь так плохо, а ты со мной еще говоришь о поэзии!» – воскликнул в душе я, целуя почти с трепетом её лоб.

В последние месяцы Инга особенно чутко меня чувствовала, сумела помочь мне с моей детской повестью. Никак не удавалось связать в единый сюжетный узел все главки, и вот толчок – просто гениальная догадка Инги, и всё пошло, как по маслу, книжку мою даже включили в план издательства.

«Чудовище! – сжал я себе до боли кулак. – Жена умирает, а ты думаешь о стихах и повестях!.. Славы захотелось?!»

Но через несколько дней Инга стала безучастна ко всему, это было приближение того таинственного и непонятного, что почти невозможно произнести вслух... Я пытался ей читать книгу, но глаза её были холодны. Теперь она будто жила иной жизнью, жизнью неземной, а я оставался здесь, на Земле... И она уходила от меня в свои, уже неземные бездны, где всё реальное почти теряет свой обычный смысл и обретает оболочку мелкого и суетного.



«Если бы меня вдруг не стало, – думал я, глядя на Ингу, – то самое важное было бы, наверное, что написано мной, а всё остальное было бы уже малозначающим и непонятным в той неземной и даже земной жизни».

Жизнь Инги мучительно и быстро угасала на глазах. Прошло несколько дней, и она потеряла сознание. Я по инерции ещё ходил для неё за лекарствами в аптеку, которые были уже совсем не нужны. Всё это было, как в сомнамбулизме. Почему я отрешённо смотрел на то, как мать Инги снимала с неё, с умирающей, дрожащими руками серёжки... Одна серёжка не вынималась, на это было мучительно смотреть, и я хотел закричать, что ей же больно, но промолчал. Почему я молчал, я сам не мог понять. Может быть, от бессмысленности всего происходящего? Видел, как мать Инги положила медный крестик ей под подушку. Во всём этом было какое-то жуткое приуготовление. К горлу подступали слёзы, и я уходил из дома, чтобы выплакаться где-нибудь в пустынном переулке. Казалось, было легче видеть первый летящий снег, погрузиться хотя бы на миг от горя в эту непроницаемую для всего чужого тишину и бормотать почти забытое:

*Да правда ли, что умереть – уснуть,
Когда вся жизнь – мираж и сновиденье,
Лишь радостью минутной тешит грудь?*

Перед смертью Инга пришла в сознание, я ушёл в другую комнату. Я уже не мог видеть, как она озирается, словно не понимая, где она, не мог видеть её агонии. С Ингой остались моя и её мать.

2

Зачем я ушёл в другую комнату от неё?! Зачем стал переодеваться во всё чистое, а у неё началась агония, и я слышал эти хрипы и стоны агонии и стоял, как парализованный, в незастёгнутой белой рубашке. А она там умирала! А я был здесь, в этой комнате. Может, мне было страшно, я просто струсил? А потом я увидел её открытые глаза, устремлённые ввысь, и обнажённое

тело. Как она была изумляюще прекрасна! Она будто была ещё жива, только что-то возвышенно-неземное уже коснулось её. И если бы никого не было, я бы, наверное, сильно, сильно бы сжал Ингу в своих объятиях и содрогнулся бы в последней ласке любви к ней! И было невыносимо видеть, как материнские руки (моей и её матери) обмывают её тело! Всё это происходило как будто бы не со мной: я не мог поверить тому, что видел. Что это было: сон или тяжкий бред? И не то и не другое, это были две стороны жизни: жизнь и смерть – бездна между жизнью и смертью. И я оказался на краю этой бездны, я вглядывался в её глубину, в её неизъяснимые, неясные скалистые уступы, в недостижимый для разума тёмный провал вечности.

А ведь многое – ложь, всё было не так человечно, как хотелось бы мне. Отчуждённость Инги, ещё до болезни, злила меня, и я не находил себе места, это было мучительно. Мне казалось, что она надо мной в душе издевается, ей нравятся эти садистские штучки – что это было: наступление разрыва или всё-таки я ошибался – и это было приближение болезни, смерти?.. И тогда я – подлый эгоист, приписывающий ей жестокость!.. Она была так добра ко мне перед смертью, к моим литературным исканиям! И всё это у неё было по-настоящему, от души!

Теперь мне было страшно даже с дочкой в пустой квартире. Ночью как будто слышались шаги в комнате, где умерла жена. И тогда я допоздна читал дочке Мольера «Мещанин во дворянстве», её любимую книгу. И Танюшка, дрожа и прижимаясь ко мне всем худеньким телом, слушала внимательно, как бы на миг забывая нашу беду, – сквозь напряжённую задумчивость улыбаясь на несусветную глупость господина Журдена. Так было легче нам обоим.

Дни шли, но боль была настолько сильна, что я и думать не хотел ни о каких делёжках денег и наследстве, всё это было до такой степени противно, что я в сердцах чуть не вышвырнул тестя за дверь. Он ушёл взбешённый и злой, а я долго стоял у двери и не мог понять, что происходит, ведь он же отец Инги, а доказывает мне какую-то чудовищную чертовщину: сейчас

появятся у меня любовницы и вытянут все деньги в постели... Несчастье явно не делает иных людей умнее, скорее наоборот...

Теперь мне было понятно, куда делись золотые украшения из шкатулок после похорон, но мне было всё равно.

«Почему так, – думал я, – тебя нет и никогда уже не будет, а вещи, простые вещи: недописанное письмо, книга с заложным листком бумаги, закатившаяся под стол таблетка лекарства – внезапно вернут тебя, и опять глаза жжёт слеза! Больше никто уже не позовёт меня, как ты. Ты ушла от нас навсегда, тихо, без жалоб и крика. Но так уходят из жизни только очень сильные люди! “Молчи, скрывайся и таи...” Помнишь “Silentium” Тютчева? (Ведь это ты мне открыла Тютчева!) Да, ты молчала, чтобы не делать нам больно, но твоё лицо... Уходя в другую комнату ненадолго от тебя, я неслышно плакал, понимая, что происходит непоправимое. Потом шёл в ванную. Умывался и с самым беспечным видом возвращался к тебе, и даже раздражался от пустяков, будто ничего не происходило. А происходила самая страшная, непоправимая беда».

«Молчи, скрывайся и таи...» Иногда я включал телевизор, где чихвостили прежних вождей на все лады, мороз продирали по коже от их чудовищных искушений и преступлений, перестройка набирала обороты. И мы, простые люди, ещё ничего не знали о будущем, а в настоящем уже таились ростки новых дьявольских искушений. Я помню, ты всем живо интересовалась раньше, запоем мы читали «Архипелаг ГУЛАГ», но теперь я видел: тебе была тягостна вся эта суетливость вокруг архивов, всё это по сравнению с тем, что происходило с тобой, казалось чем-то страшно далёким.

Прошло немало времени с тех пор, и теперь я ловил себя на той мысли, что мне хочется замкнуться в себе. Я стал читать те книги, которые ты любила читать, и через них с тобой говорить. В этих книгах есть и твоя душа, они тоже её создавали. Разве я знал, как тебя люблю! Когда я включаю «Песню Сольвейг» Грига, мне легко и больно, я вижу тебя!.. Ты никогда больше не услышишь свою любимую мелодию. Но душа твоя слышит её – душа твоя посылает свой свет моей душе!

Я не мог поверить в то, что тебя нет, Инга! Мне всё время казалось, что ты сейчас войдёшь и я скажу: «Здравствуй!» Ведь ты не ушла от меня навсегда?!

Так думал я, но время шло и несло с собой новые испытания. Много впереди было и нешуточных искушений...

Всё чаще я осознаю, что жизнь человеческая подобна какому-то фантастическому мосту над бездной, на котором искушения подстерегают на каждом шагу и тянут в эту немыслимую бездну, и человек борется с этими искушениями, с бездной, чудовищем, и испытывает горечь падения, вдруг срываясь в искушения. И всё-таки он идёт по этому мосту, который называется жизнью! Иначе не быть человеку человеком в полном смысле слова, не поняв самого себя в поступках и собственной судьбе...

Игорь Егоров
ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЕНА»

* * *

Когда же всё это было?
Как будто я и не жил.
Ты мне сквозь годы звонила,
А я тебе не открыл!
А может ли жизнь присниться
И время катиться вспять?
И вдруг такое открыться,
Что только звонком унять?!

* * *

Внутри меня такой трам-тарарам
От двух твоих последних телеграмм!
Послать письмо? Сказать, что скоро буду?
Хочу и не могу поверить чуду!

* * *

Нелепица подсознания?
Нет, это совсем другое.
Я слышу твоё молчанье,
Во мне звенящее болью!..

* * *

Смеяться и укорять,
Но думать, что не всерьёз.
И вдруг глазами обнять
И память задеть до слёз!..

* * *

Нежданно-негаданно:
Вот так встреча!
А, вроде, накатана
Колея моя вечная...

* * *

Какие повороты!
А ведь не знаю – кто ты?
Как лёгкая вода
Сквозь наледь и года...

* * *

«Какие пустяки,
Что мы с тобой близки!..» –
Ответила смеясь,
В разбитое взглядысь...

* * *

На дорожке вмятинка от каблочки.
И подумалось мне: «Как походка твоя легка!..»
Шелестит, шелестит дождь туманной листвою.
О, куда же ты, счастье моё, постой!..

* * *

Наши руки рядом на перилах...
Если б души были так близки!
Даже поцелуй вдруг подарила,
Но слова твои пусты и далеки!..

* * *

Скажи мне, какие стены
Возникли вдруг между нами?
Какие перемены
Лгут прежними словами?..

* * *

Околесицу сгоряча
Мы несли с тобой не шутя.
А любовь – родное дитя –
Постигало взгляд палача!..

* * *

Сколько раз встречались мы тогда!
Грохотали годы-поезда.
А теперь вот несколько минут
Навсегда с тобой нас разведут!..

* * *

А ветер осени так чуток!
Он наполняет мир собой –
И словно дивный промежуток
Между надеждой и судьбой!..

* * *

Не надо, не надо громко.
Тихо меня позови!
Чувствуешь: дрожит кромка
Рассвета в реке любви?!

Любовь Начева МОЙ ДРУГ

Приезд Валери перед самым новым годом был совершенно неожиданным. Его появление оказалось приятным и волнующим. Ирэн была счастлива и лучшего подарка и пожелать бы не могла. Они прекрасно провели праздники. Новый 1984 год встречали дома при свечах, царил загадочная атмосфера. Первого января ужинали в ресторане, где играл маленький эстрадный оркестр. Второго января гуляли по городу, а вечером слушали и смотрели лазерное шоу вокально-инструментальной группы «Диалог» в филармонии. Что за замечательные дни!

Валери уехал. Расставание было трогательным и немного грустным. Прошло больше месяца... Ирэн получила от него письмо.

MON AMIE

Из размышлений
о мадам Ирэн.

*Наверное, я нашёл единственный способ заполнить пустоту,
которая возникла с твоим отсутствием. Может быть, это*

письмо окажется для меня тем средством, что поможет отчаявшемуся человеку в утешении.

Ну, вот! Стоило мне взять ручку, как почувствовал, что рядом ты. Повеял приятный ветерок. Не удивительно – в тебе всегда таились все соблазны человеческого существования. Тебе не понять, как мне не хватает тебя. А мне кажется, что я потерял ощущение божественного и этим письмом стараюсь вернуть то, что утратил. Жизнь сложная штука, но один вывод из неё я вывел: мне нельзя надолго расставаться с тобой.

Почти неделю я дома, и, хотя дел по горло, места себе не нахожу. Помню, как ты говорила мне, что я буду «биться головой об стену». И только сейчас я понял – ты была права. Мне казалось, что я очень стойкий. По крайней мере, я так считал, когда впервые увидел тебя: *J'étais sûr que tu seras ma femme...* Я был уверен, что ты будешь моей женщиной.

Но теперь понимаю – всё не так. Я, оказывается, только силится не обращать на тебя внимания... ну, что поделатъ, я тоже как все. И потому хочу описать тебе свои ощущения при нашей первой встрече:

«Соблазнить? Именно этого хочет она, глядя на меня, охваченная желанием покорить мужчину, и это придаёт кошатчью привлекательность коварным женским глазам. И я чувствовал: когда она смотрит на меня, то взглядом притягивает и пытается овладеть мной... Это был краткий поединок, беззвучный, ожесточенный вечный бой двух зверей – самца и самки в человеческом облике, бой, во время которого самец всегда терпит поражение. Ну и что же! Я не считаю себя поверженным. Я не просто сдался, я всего лишь погрузился в ласковый и желанный мир...»

Порой мне хочется всё бросить и приехать к тебе, начать работать в ваших краях, чтобы почаще видеть тебя. Но меня сковывает твоё положение в обществе и вечное опасение, не посчитала бы ты меня окончательно «сдавшимся на милость»...

Если я кажусь тебе меланхоличным, а понять стремлений моей души ты не смогла – что же, передай привет от меня моей знакомой официантке из ресторана «Томь».

В моём состоянии, похоже, до сумасшествия мне недолго, и я вновь и вновь перечитываю стихи Гранели, к которым обращаюсь всегда, когда мне мерещится небытие.

LA FLEUR DU SILENCE

L'ouragan du matin emporte mes pensées.

Je suis le promeneur à la démarche lente.

L'espace sans espoir dont l'âme s'est glissé,

Un vent de regrets naît du piano qui chante.

Encore un bruissement, c'est un souffle de cygnes

J'ai vécu ton départ et je préfère me taire.

Je ne veux accueillir que mes jours solitaires,

Je ne veux qu'un silence et l'absence des sons.

Un ami quelque part peut être se rappelle

Cet homme que je fûs, consumé par la nuit,

Je gis dans le cercueil ou mon coeur se repose.

La procession telle un satellite me suit.

Près des tombes croissent des roses pour chacun,

Comme autant de larmes d'une madonna pleureuse.

Vois, le ciel est profond et la lune silencieuse,

Et l'aurore s'avance ainsi qu'un baldaquin.

...Конечно, это не письмо, это просто отчёт о том, что со мною происходит без тебя. Но эти разрозненные слова помогают мне забыть про расстояние, которое уже достигло четырёхзначной цифры, так что не суди меня слишком строго.

Вот уж близится новый день, и я снова начну искать про свет, который бы внёс покой в мою душу.

Au revoir, mon amie

Ton Valeri

P.S. Прошла ещё неделя. Всё повторяется вновь и вновь. Новый день, конечно, наступил, но я не нашёл в себе сил купить конверт, чтобы послать тебе весть о том, что я ещё дышу...

Возможно, почтовый ящик поможет мне найти сам Господь Бог...

Ирэн всё перечитывала и перечитывала письмо, пока однажды не спрятала его в дальний ящик своего секретера...

Эпилог

Время и расстояние расставило всё по местам. Спустя столько лет Ирэн не понимала, почему они расстались.

Как-то вечером она потянулась к секретеру и вновь прочла забытое письмо. Вспомнила последнюю встречу с Валери. Трепетная волна пробежала по каждой клетке. Она сидела в кресле в полной тишине и держала в руках пожелтевшие листки некогда столь дорогого её сердцу письма. Глубоко вздохнув, тихо прошептала слова любимой песни: «...есть только миг, за него и держись...». И, как бы пытаясь исправить ошибку, принялась переводить с французского стихотворение Гранели:

ЦВЕТОК МОЛЧАНИЯ

*Как утренний туман развеялись мечты.
Я тот, что медленно бредёт
Сквозь безнадежность, вкрадывуюся в душу.
Рояль доносит вздохи сожаленья
И в шорохе листвы дыханье лебедей.
Переживая твой отъезд, я предпочёл молчанье.
Лишь одиночество я стану вспоминать,
Лишь тишины хочу и никаких примет.
Возможно, где-нибудь кто-либо из друзей
Припомнит, кем я был до ночи, что меня испепелила.
Но вот уж я в гробу, где сердце хочет мира,
И шествует процессия за мной как сателлит.
И на могилах хватит роз для всех,
Как слёз у плачущей мадонны,
А небеса так глубоки, луна так молчалива,
Но купол золотой рассвета мглу рассеет...*

Сергей Стрельников МЕЛЬКАЮТ СОБЫТИЯ, ЛИЦА...

* * *

Как странно... Не чувствую боли.
Как будто меня вовсе нет.
Нет даже осознанной воли
Почувствовать солнечный свет.
Мелькают события, лица,
Туманные сны ни о ком...
И время по коже струится
Бесстрастным холодным песком.
Лишь чудится, всё это было:
Вода, небеса и земля,
И облаком белым уплыло
В далёкого детства края.

09.09.08

В СТАРОЙ КВАРТИРЕ

В квартире пахло луком и рассадой,
Слонялся неоконченный ремонт,
Под тишь мифологии Эллады
Покоился потрёпанный Бальмонт.
На зеркале начертано помадой:
«Встречаемся у Вальки вечером...»
Карниз молила жалобно: «Не падай!»
Большая ваза с высохшим цветком.
Здесь запах чьей-то юности остался,
Всё тот же домовой в шкафу живёт...
А в мёрзлое окно уже стучался
Две тысячи девятый Новый год.

06.06.08

БАРДЫ

Накурено, сумрачно, тесно.
 Диван до пружин протёрт.
 Негромкая грустная песня,
 Пронзительный степаккорд.
 Глаза с поволокой ночи
 В шагреновом сне луны,
 Где каждый – кумир и зодчий
 Невыдуманной страны
 Бродяг-менестрелей, вагантов,
 И истины, самой простой,
 И первой струны дисканта,
 И баса струны шестой.

11.02.08

Станислав Долгов
ДУРАЧОК

С очень добрыми глазами,
 С ликом светлым дурачок
 Что-то ищет на вокзале,
 Зажимает в кулачок.
 Что здесь ищет бедолага?
 Материнскую любовь?
 У дверей ждёт друг – дворняга,
 Друга защитить готов.
 Дурачок с терпеньем божьим,
 Разжимая кулачок,
 Предлагает всем прохожим
 Найденный им пяточок.

Цветы усопшим



Ксения Тилло
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ ОСИПА
МАНДЕЛЬШТАМА

В сентябре с.г. руководство Союза российских писателей приняло участие в мероприятиях, посвящённых открытию в Воронеже памятника великому поэту и гражданину Осипу Мандельштаму. Именно в этом городе состоялось выездное заседание Правления СРП.

Первый секретарь СРП Светлана Василенко отметила, что Воронеж – один из самых «продвинутых» в культурном отношении городов России: «Я поразилась количеству памятников литераторам на небольшом пространстве. Воронежский опыт стоит перенимать другим городам, где нет ни одного памятника писателям, поэтам, литературным героям».¹

Как отмечали воронежские СМИ со ссылкой на Светлану Владимировну, «поначалу, когда (член Правления СРП, председатель Правления Воронежского отделения Союза российских писателей) Галина Митрофановна (Умывакина) предложила установить памятник поэту в Воронеже, идею эту в Правлении СРП восприняли не только как нереальную, но даже как “немножко сумасшедшую”». Но, «зная... Галину Митрофановну... мы поняли: раз уже железные интонации в голосе появились – значит, памятник, видимо, будет».

Задуманное осуществилось как нельзя лучше. И памятник установили, и серию книг, приуроченных к годовщине гибели поэта, выпустили. Сопредседатель Правления СРП, лауреат премии им. А.И. Солженицына Юрий Кублановский в беседе с журналистом Анной Жидких очень верно объяснил, почему Союз российских писателей придаёт такое внимание этой воронежской акции. «Присвоить имя Мандельштама одной из воронежских улиц, – считает Ю. Кублановский, – было бы тоже совершенно естественно. Если вдруг всё ещё действуют соображения высшего порядка, исходя из которых переулков Швейников нельзя переименовать в улицу Мандельштама, то переименуйте его хотя бы

События и люди, когда мы от них удаляемся, постепенно увеличиваются в нашем воображении, точно скалы во мгле.

В. Гюго

обратно во Вторую Линейную. Верните мандельштамовской яме её топонимическую аутентичность. Мандельштам в Воронеже – это не кутила и не щеголь, а трагическая фигура. Воронеж не был для него раем, сколько бы мы ни напирали на то, что тут написаны просветленнейшие стихи. Да, они написаны, но – не благодаря, а вопреки. Если кто-то и постоял за честь Воронежа – то это Наталья Евгеньевна Штемпель, “ясная Наташа”. Вокруг неё сгруппировались поэты и читатели, была надышана атмосфера интеллигентности и любви к стихам. Очень важная и трудная задача – эту атмосферу сберечь. Мы живём в эпоху с колоссальным профицитом бескультурья. Интеллигенция как сословие само по себе больше не воспроизводится. И медленно вымирает, уходит на дно, как Атлантида. Памятник Мандельштаму – один из островков того будущего архипелага, на которых она уцелеет. Сюда, к памятнику, будут приходить самые разные люди: воронежцы и приезжие, мамы с колясками и алкаши, студенты-слависты и, может, невежды-вандалы. Так давайте беречь его с самого начала – не дадим его проворонить...».

Продолжая мысль Юрия Кублановского, сопредседатель Правления СРП Михаил Кураев делится своими воспоминаниями как студенческих семидесятых, так и не совсем давних пор: «Помню, ещё в студенческие времена прочёл на машинке отпечатанные стихи “Я вернулся в свой город, знакомый до слёз”. И помню, какой это был для меня шок, потрясение. И вдруг в 70-е годы пошла мода на Мандельштама. И книжка вышла, и спекулянты вокруг этого стали делать свои дела. И вдруг я слышу: вальсок с пританцовочкой “Я вернулась в свой город...”. Пугачёва пела. Ощущение – мороз по коже: вальсок сделать из реквиема... Я уже говорил...: поставив этот памятник, город (Воронеж) берёт на себя высокие обязательства. Потому что необходима защита от разного рода пошлости, от приложения культуры к какому-либо рекламному бренду, от каких-то предпринимательских затей – это сейчас сплошь и рядом происходит. Причём это у нас, быть может, национальная традиция. Ведь

когда открывался памятник Гоголю в Москве к 100-летию со дня его рождения, то и конфеты выпускались с Гоголем, и аптечные товары с профилем Гоголя... Я говорю о вопросах вкуса, такта и меры... В Англии, например, рядом с Тауэром, сохранился дебаркадер, где, по преданию, Диккенс встретился с Оливером Твистом. Теперь это ресторан, трактир скорее. Там прекрасно иллюстрированное – с персонажами Диккенса – меню, антураж выдержан в старом трактирном стиле. И меню соответственное. В этом есть игра, есть что-то достойное и умеренное... Когда же выпускаются конфеты с профилем Гоголя...».²

Но профиль Гоголя на конфетных обёртках и вальсок на мотив «Я вернулся в свой город, знакомый до слёз» – это, по крайней мере, дань «бренду», на которую способно, поднатужив мозги, невежество. А что бы вы сказали, уважаемый читатель, узнав, что имя не только Мандельштама, но и Льва Николаевича Толстого сегодня в Сибири даже «брендом» не считается. Настолько, что в одном из октябрьских номеров новокузнецкой газеты «Презент» (2008, №40) за подписью некоего местного писателя и некоей корреспондентки газеты «Известия», появилась статья под заголовком «Толстовство. Сектанство. Мракобесие», в которой авторы назвали мировоззрение Толстого «мракобесием», хотя простоудушно и честно признались, что дочитать «Войну и мир» у них терпения не хватило, а что до «Анны Карениной» – роман этот они не читали вовсе.

Л.Н. Толстой в сибирских краях, где укрывались в тяжёлые годы его последователи-коммунары, никогда не жил. Но именно там надолго сохранились его идеи и убеждения, за которые толстовцы, случалось, делили участь своего столь известного современника Осипа Мандельштама, и погибали в репрессиях. Почему бы не поселиться в тех краях памятнику Льву Николаевичу? Несмотря на его мировоззрение, возмущающее живучую пошлость, которой всё ни по чёму, в отличие от «интеллигенции как сословия», что медленно вымирает, как метко заметил поэт Юрий Кублановский?

Воронежу повезло – памятник Мандельштаму – одна из тех опор, что поможет выжить человеческому разуму и литературным талантам в войне с бескультурьем, бесцеремонностью и невежеством, что и было отмечено на выездном заседании Правления СРП в этом городе.

Как, однако, помогли бы аналогичные памятники затеплиться огоньку интеллигентности и в наших краях...

*г. Кемерово,
октябрь 2008г.*

Пётр Кузнецов
ИЗ СБОРНИКА «IN ALIS TEMPORIS»

Мандельштама читаю в ночи.
Он сидит со мною... Молчи!

И пронзает звезды игла
Голубую порфиру стекла!

В нём мелькает кометы хвост,
Видит Бог – все мы дети звёзд...

И божественная стрела
От него до меня дошла!

Вот и всё! Я уснуть готов,
Укрываясь саваном снов...

6-7.07.1997

Свет лампы



Константин Кеяну
ВЛЮБЛЁННЫЙ ФЮРЕР

20 апреля, год 1945, день рождения Адольфа Гитлера.

Бункер под Рейхсканцелярией, в котором фюрер вместе со всем своим штабом находится четвёртый месяц.

Одна из двух закреплённых за Гитлером комнат: рабочий стол, портрет Фридриха Великого в овальной раме. На столе фотография Клары Гитлер, матери фюрера, патефон и телефонный аппарат. Радиоприемник. На стене – пейзаж фламандской школы.

По радио звучит бравурный марш.

Голос по радио: Сегодня, 20 апреля 1945 года, немецкий народ отмечает самый важный национальный праздник – день рождения своего любимого фюрера, Адольфа Гитлера!

В эти тяжкие минуты, когда большевизм наносит жесточайшие удары по столице нашего великого Рейха, Адольф Гитлер как никогда верит в способность немцев отбить варварские атаки врага и победить.

С большим воодушевлением мы восприняли поздравление от генерала Германа Нехова, смелого коменданта крепости Бреслау, который сообщил нам, что в честь дня рождения фюрера каждый солдат получил шоколад!

Наша победа близка!

С днём рождения, любимый фюрер!

Голос Гитлера по радио. Всякий раз, когда мы встречаемся, когда мы вместе, мы составляем единое целое. Не все из вас могут меня видеть, и я не имею возможности видеть каждого из вас, но я ощущаю вас точно так же, как и вы чувствуете меня. В этом заключена вера в наш народ, который из малых сделал нас великими, из бедных – богатыми, из трусливых – смелыми. Эта вера слила нас воедино, и теперь мы великая, объединённая Германия!

Гитлер входит с подносом, на котором несколько пирожных, ставит его на стол и слушает свой голос по радио, тихо повторяя речь.

Скучен театр, когда на сцене видишь не людей, а актёров.

Василий Осипович Ключевский

Если Германия должна выжить, тогда каждый немец должен осознать, что такое быть немцем, и обязан защищать родину ценой собственной жизни.

Один Бог, один Народ, одна Вера!
Да здравствует Германия! (*трижды*)
Визг и крики «Хайль Гитлер!»

Выключает радио и ставит пластинку на патефон. Звучит одна из сонат Бетховена. Гитлер смотрит на портрет матери...
Из-за дверей, доносится шум.

Гитлер (*Фотографии матери*): Слышишь? Подслушивают... Стоит мне уединиться и они уже надеются, что застрелюсь!.. (*Кричит*) Убирайтесь, ко всем чертям! (*за дверью слышны удаляющиеся шаги*) Мерзавцы! Не можете никак дождаться, чтобы я наложил на себя руки?! Как бы не так!.. (*Берёт пирожное и откусывает кусочек.*) Те же пирожные, мама, помнишь?.. Как в мой первый день рождения... И ты даришь мне украдкой, чтобы не узнала эта скотина, мой отец, мои первые кисточки, первые настоящие краски!.. «Ади, мама знает, что ты станешь настоящим художником. Знаменитым художником. Потому что ты необыкновенный ребёнок. Ты самый лучший и самый талантливый ребёнок в мире... И у мамочки нет никого дороже на свете...» И тут твои глаза наполняются слезами... (*плача*) Мамочка... Дорогая моя мамочка...

(*бросая пирожное на поднос*) Почему же ты смиряешься со скотиной рядом с собой, с моим отцом, с этой свиньей? С этим бесчувственным животным?! Почему?.. Его мерзкий голос... тупые шутки в мой адрес... грубый хохот!..

(*подражая отцу*) «Или ты станешь служащим, как отец, или я тебя прикончу, урод! Чтобы я не видел ни одной кисточки в доме, иначе я засуну тебе её в задницу!»

...Он ищет меня полдня по всему городку, у всех родственников... Орёт на весь двор: «Убью его, искалечу идиота этого, ко всем чертям!..» Боже, где мне спрятаться?... Я взбираюсь по лестнице на чердак, он хочет последовать за мной, но ты, мама, с силой, которой я и не подозревал в тебе, сталкиваешь его и подни-

маешься вслед за мной... «Ади, – зовёшь меня, – не бойся, это мама... Он ничего тебе не сделает, с тобой мама!...» И стискаешь меня в объятиях, а он бросается на нас и пытается меня ударить, а ты подставляешь себя, мама, и он ударяет тебя, как зверь! как зверь!... Всё твоё тело сотрясается от каждого удара, я слышу звук твоих содрогающихся лёгких, потом сыплются удары в голову... Господи, как безжалостно бьёт он тебя по голове... по голове!... по голове...! И ты не издаешь ни единого слова, ни единого стоны!... дорогая моя... любимая моя... тебе больно?... тебе больно?...

«Скотина, я вопьюсь зубами в твоё горло и перегрызу его! Я исцарапаю тебя, скотина, выколю глаза, искромсаю губы!»

Мама, я не хочу жить, пусть он убьёт меня, разве ты не видишь, что он этого хочет, он хочет моей смерти!... Я недоразвитый, неполноценный слабак, у меня нет одного яичка, мама, я не заслуживаю жизни, пусть он убьёт меня!!

...Знаешь, что я сделал после присоединения Австрии! Я приказал уничтожить всё – дом, пристройки – стёр с лица земли все следы Алоиза Шикльгрубера, и построил на том месте военный полигон!...

Гитлер слушает музыку.

Как случилось так, мама, что именно ты, простая и необразованная женщина, служанка в доме Алоиза Шикльгрубера, обладаешь деликатностью настоящей дамы, и так хорошо понимаешь меня... Ты разрешаешь мне пропускать школу, только чтобы я посещал уроки рисунка. Записываешь на занятия игры на фортепиано, за что Алоиз Шикльгрубер, если бы узнал, избил бы тебя до смерти...

Прямо под носом у зверя у нас с тобой свой мир, мир, в котором я обладаю свободой делать всё, что захочется, и, в первую очередь, играть столько, сколько мне вздумается.

Я предводитель белых, Сорви-голова, тот самый, из романов Карла Мая. И так как ни один идиот из нашего квартала не прочитал и не прочитает его никогда, все мне подчиняются. «Будем атаковать “краснокожих”. Ты, ты и вы трое будете “краснокожими”, мы будем белыми... Вы будете “краснокожими”, потому что

так хочу я!... ты хочешь быть белым? Ты – белым?... Ты читал хотя бы одну книжку Карла Мая? Я тебе ясно сказал, кем ты должен быть, будешь “краснокожим”, ясно? Всё равно будешь! (*кричит*) Вонючка, ты должен заслужить быть белым! Посмотри на себя, ничтожество!... Или ты будешь “краснокожим”, или ты не играешь вообще, понял?... Предатель! Ребята, в нашем лагере предатель!» И того объявляют предателем, он получает от всех по пинку и мы избавляемся от него! «Кто-нибудь ещё хочет быть белым?...»

После чего мы убиваем всех «краснокожих» и снимаем с них скальпы!...

Даже здесь в бункере у меня есть одна из книжек Карла Мая о Сорви-голове...

(*взрывается*) Почему же ты предаёшь меня, мама! К чему все эти слова о любви, все клятвы верности, если в твоём чреве зарождается плод скотины Алоиза Шикльгрубера!... Будущего моего брата! Больше не верю ни единому твоему слову! Как может, мама, какой-то враг, какой-то Шикльгрубер врываться в наш мир, мой и твой?! Мне казалось, что ты существо необыкновенное, существо из другого мира, но на самом деле ты принадлежишь тому же мерзкому миру, что и Алоиз Шикльгрубер!

...Господи, сделай что-нибудь, чтобы он не родился, сделай, чтобы чрево матери рассосалось, сделай, чтобы он родился мёртвым!... Мама, я не хочу его, я буду его ненавидеть, я буду бить его!... Мама, если он родится, я убью себя!... Слышишь, убью себя!!

Так поклянись же, слышишь, клянись, иначе я с собой что-нибудь сделаю! На коленях клянись! Говори: «Клянусь, что я никогда его не полюблю! Клянусь любить только моего Ади!» Скажи три раза «Клянусь! Клянусь! Клянусь!»

Гитлер слушает музыку.

...Ладно, мама, я прощаю тебя, вернись в наш мир, теперь, когда маленький Шикльгрубер вознёсся на небеса, вместе с последовавшим за ним чудовищем, которое произвело его на свет! Нас теперь только двое, как мне этого всегда хотелось... Не плачь,

мамочка, не бойся за мою жизнь!... И что с того, что ни один из твоих остальных четверых детей не выжил!...

Я не могу умереть, мама, потому что на меня возложена миссия. Я избранник!...

Мы с мамой строим планы... Я буду священником, стану аббатом, буду вести пышные церемонии и тысячи верующих будут внимать моим словам!...

Хочешь, чтобы я стал аббатом?... Хотя нет, лучше художником, ведь учитель говорит, что я такой талантливый мальчик. Решено, я отправлюсь в Вену и поступлю в Академию искусств. Мы оба знаем, что для преподавателей Академии я буду настоящим открытием. А затем я стану самым известным художником своего времени... История искусств, от Микеланджело и Рафаэля до Рембрандта и Рубенса, пополнится ещё одним славным именем – Гитлер!...

Страшные взрывы, от которых содрогается бункер.

Что происходит? Русские так близко? Как так? Мне докладывали, что они в 20 километрах от Берлина!... Подлецы, как они могут стрелять по Рейхсканцелярии, находясь отсюда в 20 километрах? Вы обманули меня!! Меня предали! Штайнер не начал наступления!! Меня предали! Предательство!! (*набирает телефонный номер*) Генрих, приказываю немедленно повесить всех командующих Люфтваффе! Сию минуту!! Понятно? Приказываю казнить всё высшее командование Люфтваффе! В течение часа жду твоего отчёта! (*отключает телефон*) Немедленно созвать Военный Совет!... Сейчас, в сей момент!! Хочу созыва Военного Совета!!!

22 апреля, последний Военный Совет.

Господа, неделю назад я приказал начать наступление подразделений под командованием генерала Штайнера! Что происходит с этим наступлением? (*молчание*) Это наступление было принято?... (*ударяя кулаком по столу*) Измена! Кретины чёртовы! Саботаж! Теперь, когда Германия на краю могилы, вы меня предаёте, мерзавцы! Канальи, дегенераты!!! Вы прочитали хоть одну

книгу в своей жизни! Хотя бы по военному искусству? Вы ни черта не владеете своим ремеслом! Вот почему мы находимся в этой ситуации, потому что мои приказы постоянно саботировались какими-то недоумками. Вот почему Германия идёт к гибели! На моей могиле будет написано: «Жертва своих генералов!» Эта Германия, Германия генералов-предателей, не заслуживает выживания! Вы не заслуживаете жизни, слышите меня, тупые и трусливые идиоты! Немцы были не в состоянии подняться до высот движения, руководимого мной!

Если они не были способны победить в войне, они не заслуживают жизни! Я умру, но утяну за собой всю Германию! Эта страна, эта нация недостойна выживания!..

(другим тоном) Генералы, я хочу сообщить вам решение, которое я принял. Берлин падёт. Генеральный штаб под командованием генерала Генриха Гиммлера перебрасывается отсюда в Бертехсгаден. Без меня. *(кричит, предупреждая протесты генералов)* Да, без меня!! Я никуда не еду! Я остаюсь здесь! Из-за вас! С этого момента я беру руководство обороной Берлина на себя. Потому что никчёмные генералы не способны защитить свою столицу! Клянусь остаться в городе до конца! Нет и ещё раз нет! Никуда не уеду! Не задерживайте здесь ни одного самолёта для моего отъезда! Самолёты нужны на Южном фронте!... Я останусь здесь и разделю судьбу моих солдат! Я не покину город ни при каких обстоятельствах! Чтоб ни один самолёт не ждал меня! Победа или смерть!...

(усаживаясь, тоном Христа на Тайной вечере). Генералы... братья мои, наступил момент, когда ваша любовь к фюреру будет подвержена тяжким испытаниям. Именно теперь станет ясно, любите ли вы меня по-настоящему... Знаю, что меня предадут... как со мной не раз уже бывало... но не надейтесь, что это вас спасёт. Теперь или никогда! Вам предоставляется шанс доказать вашу преданность и самопожертвование... Вот клятва, которую я оглашаю перед вами, теми, кто в сей тяжкий час пребывают рядом со мной, так же, как это происходило на протяжении всех последних 20 лет...

Я клянусь остаться здесь до моего последнего вздоха! Клянусь застрелиться! *(резко вставая).* Нет! Я отклоняю любой протест!

Да! Я застрелюсь! Выбор сделан! Я не вижу другого выхода! Не притворяйтесь, вы все этого ждёте! Мечтаете об этом днём и ночью! Клянусь перед лицом германского народа и истории застрелиться! Я выбрал дату, когда это произойдёт – 5 мая, в день смерти великого Наполеона! Я хочу, чтобы по радио было передано официальное сообщение, что фюрер остаётся рядом со своими солдатами до последней минуты и в случае неблагоприятного стечения обстоятельств покончит собой. Я приказываю, чтобы такое сообщение было передано по радио! Я всё сказал!...

(отойдя, затем вернувшись). По правде говоря, генералы, я ожидал от вас такой же клятвы...

Звучит одна из сонат Бетховена для фортепиано.

Голос по радио! Жители Берлина! К вам обращается ваш гауляйтер – доктор Йозеф Геббельс. Я призываю вас к защите вашего города! Сражайтесь с любым оружием, которое есть под рукой, ради спасения ваших жизней и жизни ваших детей, ваших матерей и родителей. Ваше оружие спасёт всё, что нам так дорого и защитит поколения, которые придут вслед за нами. Будьте гордыми и смелыми! Будьте хитры! Ваш гауляйтер рядом с вами! Он и его соратники останутся среди вас до победного конца. Его жена и дети также будут здесь. Битва за Берлин должна стать тем сигналом, который подымет на бой всю нацию!

Хайль Гитлер!

Слушает музыку.

(К дверям) Снова подслушиваете, каналы? Убирайтесь! Не вам определять мне час смерти!... Гюнше, приказываю никому не позволять приближаться к моей двери!!

За дверью слышен удаляющийся шум.

(глядя на портрет матери) Нет, ничего не происходит, мама. Просто мне приснился неприятный сон... Будто бы я нахожусь в каком-то укрытии вместе со своими сотрудниками и будто бы враг

бомбит это убежище, а генералы вроде бы меня предали... Ничего страшного, мама, это только сон...

...Мама, как же так?! Как ты можешь оставить меня одного-единёшенького на этом свете? Ведь ты прекрасно знаешь, что без тебя я пропаду! Что я без тебя, мама?...

Отчего позволяешь болезни пожирать себя, почему моя дорогая мама, моя самая лучшая и любящая мама на свете превращается в мумию, в мешок с червями!... Почему я должен видеть всё это, мама?...

Господи, сделайте что-нибудь, умоляю, помогите маме!... Моя мать умирает!

(падая на колени). Господи, не забирай её у меня, господи, заклинаю тебя, не забирай её! Я клянусь, если ты пощадишь её, я стану священником!...

Плачет, катаясь по полу.

Мама, заведи меня с собой, не покидай меня!... Мама, я не хочу больше жить!

Скажи, скажи, что мне делать, дай мне совет! Научи, как тебя спасти... Я ничего не умею кроме игры на фортепьяно... что тебе сыграть, мама?... Нет, я тебя нарисую!... В моих рисунках ты никогда не умрёшь!

Мама!!!

...Потом уже, в Венской Академии искусств я показываю рисунки с твоим страдающим ликом, и знаешь, мама, что говорит мне господин профессор: «Вы, молодой человек, не знаете анатомии...»

Гитлер слушает музыку.

...Без музыки и театра, я бы, наверное, покончил с собой...

Знаешь, мама, это как колдовство, я не успеваю заметить, как полностью оказываюсь во власти происходящего на сцене, а в груди сердце бьётся как колокол... Не понимаю, как могут остальные

оставаться на спектаклях холодными и безучастными, переговариваться, аплодировать!... Я настолько поглощён всем происходящим на сцене, я переживаю и плачу, как ребёнок... всё меня ранит или возвышает... Я часами не могу прийти в себя после спектакля... Только в театре я живу своими мечтами и фантазиями!...

Быть актёром!... Заставить столько людей жить тем, чем живёшь ты, переживать вместе с тобой, плакать, приходиться в экстаз! Что может быть прекрасней?! Я хожу на некоторые спектакли, мама, по пять... по десять раз! Я знаю их наизусть...

(исполняет монолог Ричарда III из одноимённой трагедии Шекспира)

*Но я не создан для забав любовных,
Для нежного гляденья в зеркала;
Я груб; величья не хватает мне,
Чтоб важничать пред нимфою распутной.
Меня природа лживая согнула
И обделила красотой и ростом.
Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой; я недоделан, –
Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают.
Чем в этот мирный и тщедушный век
Мне наслаждаться? Разве что глядеть
На тень мою, что солнце удлиняет,
Да толковать мне о своём уродстве?
Раз не дано любовными речами
Мне занимать болтливый пышный век,
Решился стать я подлецом и проклял
Ленивые забавы мирных дней.¹*

И всех в зале пробирает дрожь, все содрогаются!!
А в Опере дают «Риенци» великого Вагнера!...

Звучит музыка из «Риенци».

Экстаз, нескончаемый экстаз от начала и до конца спектакля!... Целыми днями я не могу придти в себя... В один из дней я зову нескольких своих приятелей за город, взбираюсь там на холм и провозглашаю, так же, как герой из оперы: *(напевая)* «Я – избранник! Я поведу вас верным путем и подарю свободу! Следуйте за мной, и вы будете спасены!»

А они, мама, принимают это за шутку, за фарс! И начинают ржать... «Не смей скалить зубы, ничтожества, вы не имеете права смеяться!» Я вооружаюсь палкой и гонюсь за ними до города! «Убью-ю-ю!...»

Звучит фрагмент из «Риенци».

Только в таком напряжении стоит жить, мама! Только так, на пределе, я чувствую, что живу по-настоящему! Вот истинный Адольф Гитлер, а не тот, что бродит по улицам Вены, прибитый и голодный, ютящийся в ночлежках для нищих! И столько потрясающих образов и видений неистовствуют во мне, мама!... Чем ничтожнее жизнь, которую я веду, тем неистовей моё воображение! И что с того, что я провалил экзамены в Академию искусств, значит, так должно было быть, значит моё призвание иное!

Я зависим от музыки и театра! От книг! Я зависим от своих мечтаний! Там моя жизнь, не здесь, где я являюсь всего лишь тенью!

Что делать мне с этим океаном мечтаний и чувств, который переполняет, подавляет меня и которому я не могу противостоять?!!

...Война!... Вот ответ, мама!

Война!!!

«Германия объявила войну России!»

«Германия объявила войну Англии и Франции!»

Чувствую, как меня охватывает дрожь, как у меня вырастают крылья!

Хочу, чтобы Германия объявила войну Америке, Австралии, Африке, всему миру! Война всем! Тотальная война!

Долой вялую и безвкусную жизнь! Вот когда моё сердце стало биться так же сильно, как в театре!

Это моя война!

И всё вдруг стало понятным, всё резко проясняется, нет места недомолвкам! Всё разрывается надвое: на любовь и ненависть, на добро и зло! Германия – это любовь и добро, всё, что против Германии, означает ненависть и зло! Долой обман и притворство, перед лицом смерти не существует полумер!

Пришёл мой час!

«Первая рота, в штыки, готовься к наступлению! Занять боевую позицию!»

Сердце стучит, как колокол. Здесь – мы, там – противник!... «Краснокожие»! Вот настоящая жизнь!

Вперёд, в атаку!

Урр-раа!!!

Бей!... Бей!... Бей! Это моя война, это моя настоящая жизнь! Тот, кто в мирной жизни слыл безликим и праздным мечтателем, на войне оказался храбрецом среди храбрецов!

Война, мама, ни на минуту не разочаровывает меня, она дарит мне всё, чего я ожидаю от неё, и ещё чуточку больше! Мир стал огромной сценой, на которой проживаются безумные страсти, где по-настоящему умирают, кровь – настоящая, страдание непритворно!...

Вот что сильнее театра!

Я трижды ранен, мама, но ничто не может остановить меня, а смерть ничто иное, как героический финал в потрясающем спектакле!

«Капрал Адольф Гитлер, ты награждаешься Железным крестом!» «Служу Германии!»

Вот победа, мама! Она висит на моей груди!

«Капрал Адольф Гитлер, Германия капитулирует...»

Вот она...

Что?...

Германия капитулирует?...

Как капитулирует? Какая Германия? Та, за которую я воюю, никогда не будет капитулировать!...

Мама, я в больнице... После газовой атаки англичан я совсем ослеп! И голос, которого я не вижу, говорит мне: «Радуйся, солдат! Война окончилась! Германия подписала перемирие...»

Как хорошо, что мои глаза не видят, мои глаза могут только плакать! Если бы ты знала, мама, сколько повязок я наполнил слезами!... Я плакал столько только после твоей смерти!...

(плача). Мама, Германия капитулирует, и мне предстоит приумножить вереницу ветеранов-инвалидов; несчастный слепой, постукивающий палкой по булыжным мостовым Мюнхена. Вот расплата за мою жертву!!

Ваша война кончилась! Моя только начинается! И будет продолжаться до победного конца!..

...Какой-то врач... Я его не вижу, но уже узнаю голос. Я слышу его уже несколько недель, голос, который проникает до мозга костей... Интересно, как выглядит человек, обладающий таким голосом... Этот врач возвращает мне больше, чем зрение...

«Слушай меня внимательно, солдат. Обычный человек в твоём положении точно остался бы слепым. Но только не человек – избранник судьбы. Он может совершить чудо. А ты – избранник судьбы. Повторяй за мной: “Я избранник судьбы!...” Громко: “Я избранник судьбы! Я могу совершить чудо! Я могу изменить свою участь!... Я могу изменить судьбы других людей! Я смогу видеть”. Повторяй: “Я буду видеть!” Ещё раз: “Я буду видеть!!!” Ещё раз: “Я буду видеть!!!”»

Да, доктор, дааа! Я открою глаза!

Не знаю... доктор... но... здесь что-то другое... нет света...

Держа перед собой зажженную спичку, потом – вторую, третью.

Дааа... Германия нуждается в людях.

Я верю в себя (трижды)

Дааа... я готов ко всему... для меня нет пределов... да... вся сила сосредоточена в одном кулаке... и... несёт... тут что-то другое, доктор... туман... темно...

Доктор, темно, чернота, это ад!

Да! Германия может возродиться!

Мама, моя дорогая мама, помоги мне!...

Не знаю, мама, может быть, он так внушает всем больным, но на меня это производит огромный эффект, я ему верю, страстно верю, так, как верил тебе, когда ты мне говорила, что я стану знаменитым художником!!

Мамаааа...

Я вижу (плачет)

Ви-и-ижу!

Ви-и-и-ижу!

Музыкальные аккорды.

Лучше бы я остался слепым!

Знаешь, что дано увидеть моим прозревшим глазам, мама?... Униженную и оплётанную Германию! Германия, мама, стала служанкой Европы, она обслуживает всех, подтирая им задницу, платит репарации после войны! Ну и что, что нам нечего есть, мы должны отрывать от собственного рта последние крохи и отдавать французам и англичанам!

Американский доллар становится иконой! Ты знаешь, какое соотношение с нашей маркой? 4 миллиарда марок за один доллар!...

Ваша война окончилась! Моя только начинается! И будет длиться до победного конца!...

Ах, как легко и просто всё решалось на войне!...

Но вместо того, чтобы бежать с оружием в руках к вражеским окопам, я оказываюсь перед 25 членами какой-то лилипутской партии, называющей себя «рабочей»... Партия, в которой не больше 500 членов и которую я, мама, сделаю самой мощной партией в Германии!...

Но это позднее, а пока я нахожусь перед этими 25 идиотами и не могу раскрыть рта... Такой мандраж... Как это у актёров получается играть перед сотнями... тысячами людей?... Может, продекламировать им один из монологов, которые я выучил из спектаклей?...

«Господи, помоги мне... Мама, оттуда, где ты находишься, протяни мне руку помощи!»

И ты помогаешь мне, мама!.. Внезапно я вижу тебя на смертном одре!.. Кем является ныне моя Германия, если не матерью моей на ложе страданий?!...

«Вы ничтожная партия!» – для начала говорю я им.

И если вы хотите остаться тем, что вы есть, продолжайте делать то, что вы делали до сих пор!

Чувствую, что они готовы наброситься на меня...

«Вы говорите, что хотите добиться прав для трудящихся? От кого же вы ждёте этих прав? От Германии? От какой такой Германии, я вас спрашиваю – от Германии слабой, битой, униженной, преданной? Такая Германия ничего не может вам предложить!

Не за рабочих, или крестьян, или сапожников должны мы бороться! Мы за Германию должны бороться!

Немцы дали миру самых блестящих военачальников, самых знаменитых композиторов, самых выдающихся мастеров и писателей! И если мы самые лучшие, разве преступление – считать, что мы заслуживаем самого лучшего? Разве ребёнок, который учится в школе лучше остальных своих одноклассников, заслуживает той же оценки, что и те, которые не выполняют домашних заданий? Почему же тогда Германия, которая лучше всех, должна быть больше всех унижена? Где справедливость?...»

...Мама, откуда берутся эти слова, которых я никогда не произносил? Кто поставил мне интонации, кто движет моими руками, телом! Мама, я больше очарован происходящим, чем те, кто мне внимают!...

«...Я спрашиваю вас, сколько ещё мы будем выносить унижительные последствия Версальского договора? Сколько мы будем терпеть это издевательство?

Сколько мы ещё будем выносить еврейский грабёж? Евреи, эти паразиты, которые вообще не достойны носить германское гражданство!... Евреи, которые в войну нас предали! Евреи, которые изобрели марксистскую отраву!...

Смотрите на меня! Я был на передовой все четыре года войны! Я трижды ранен. За что, спрашиваю я вас, я проливал свою кровь? Чтобы сегодня быть униженным и оскорблённым теми, кто даже пороха не нюхал?

Мы не можем больше мириться с ситуацией, когда миллионы немцев проживают в разных странах! Все немцы должны объединиться в единое, великое и могучее государство! Только тогда Германия станет сильной! И только тогда Германия сможет гарантировать права трудящимся!»

Какая опускается тишина... После которой всё взрывается!... Бред, сумасшествие!... Аплодировали не 25 человек, аплодировали сотни людей!...

Скоро к ним присоединятся миллионы!...

Музыкальные аккорды.

Гели...

Мама, почему я не понимаю женщин?... В толпе, на митингах они великолепны... Там без них я не могу обойтись, моему успеху на митингах я в подавляющей мере обязан им... Благодаря им вся толпа обретает женские качества. Потому что толпа живёт эмоциями, а не идеями...

Отдельно с каждой из них я не умею обращаться, я полностью теряюсь... Я перестану быть сильным мужчиной, и превращаюсь в 10-12-летнего мальчика, теряющего речь рядом с девушкой...

Я идеализирую их, представляю какими-то богинями, какими-то необыкновенными существами... Единственное, что вызывает во мне сексуальное возбуждение, это мгновения, когда я подглядываю, как они мочатся.

Партия наняла великолепный дом для меня в Зальцберге и понадобилась надёжная горничная. Моя сводная сестра приняла предложение. Вскоре она переехала сюда из Вены. И привела с собой свою дочь Гели...

Гели... Гели...

Она...

Рядом с ней я полностью избавляюсь от моей стеснительности и неловкости...

Никогда в моей жизни я не чувствовал себя так легко и свободно. Только рядом с ней я по-настоящему расслабляюсь...

Мама, она ангел... Ребёнок и одновременно женщина... Богиня птиц. Знаешь, что она делает? Она открывает окно нашего дома в Оберзальцберге, свистит как-то по-особому... (*свистит*) и через несколько минут множество галчат с шумом влетают в окно. И какой у неё кристальный голос, как замечательно она поёт... Она хочет поступить в Музыкальную Академию в Вене, и я ей помогу...

И она любит нравиться мужчинам... Такая невинная и – курва... Она чем-то похожа на тебя, мама...

Я знаю, как легко её могут испортить мужчины, если она попадётся им в руки, ведь она такая доверчивая... Я оберегаю её, мама, и не допущу, чтобы она попала в плохие руки...

Как необыкновенно я чувствую себя рядом с ней... Как я в ней нуждаюсь, в этом раскрепощении, которое может доставить мне только она. Ни с кем, ни перед кем я не раскрываюсь так, как перед ней, никому я не говорю столько, сколько говорю ей... И если кто-то знал меня когда-нибудь по-настоящему, так это она. Возле неё я могу себе позволить быть слабым, незащищённым, быть ребёнком и хотеть ласки, как я хотел её когда-то от тебя...

Она стоит на полу в детской рубашонке. Я снимаю рубашу, штаны... Только перед ней я полностью обнажаюсь, мама, она – единственное создание, которое видит меня таким, каким ты меня родила...

Теперь она раскроет мою жгучую тайну...

Она прыскает со смеху, но совсем беззлобно...

Играет с моим единственным яичком, как с игрушкой... потом поглаживает его как самый дорогой клад...

Неожиданно восклицает: «Дядюшка Ади, ты совсем не такой, как все, ты особенный!... Поэтому у тебя только одно...»

Чего только не вытворяет со мной этот наивный ребенок, мама! Я даже не подозревал в себе этого... Самая извращённая женщина из борделей времён войны не могла докопаться до моих глубин так, как умел этот ангелочек...

«Дай мне тоже посмотреть на твою птичку, Гели, может и она особенная...» Она прыскает со смеху... «Она такая же, как и у других девчонок!»

И мы вдвоём смотрим на её птичку... «Видишь, во мне нет ничего особенного?... Я не могу оторвать взора... Мне хочется выйти туда полностью... «Тебе плохо, дядюшка?»...

Прошу тебя, Гели... Прошу... Гели, помоги мне... помоги мне... Пописай на дядюшку Ади, умоляю тебя... Я возьму тебя завтра в театр, Гели... Сейчас, Гели!... Я тебя побью! Побью тебя, идиотка!!! Не на пол, а на дядюшку Ади, умоляю!... Гели, не так!! Стань надо мной, раздвинь ноги!... Сделай это!... На лицо, умоляю... На

лицо (*плача*) Прошу... Прошу, Гели... Прошу Гели... Так. Да!... Да!... Да!!!

Звучит соната Бетховена.

Плачешь, дурочка?.. После того как ты осчастливила своего дядюшку... Гели... Я сделаю тебя самой счастливой женщиной в мире. Всё, чего я добьюсь с сегодняшнего дня, я посвящу тебе... Все мои успехи, все мои победы, в первую очередь, будут твоими...

Но, Гели, ты должна прекратить кокетничать с другими мужчинами... Мужчины коварны... Ты невинно им улыбаешься, принимаешь их комплименты, а они считают тебя подстилкой... Ты хочешь нравиться всем мужчинам. Ты имеешь всё, что желаешь, я предоставил всё к твоим услугам – прекрасную квартиру, машину, шофёра; ты можешь купить себе всё, что хочешь. Я ташу деньги для тебя даже из партийной кассы...

Она предаёт меня на каждом шагу, улыбаясь смазливому мужчинам...

Мама, она изменяет мне с моим шофёром!!

Боже, я должен избавиться от неё, эта девчонка сведёт меня с ума, она доведёт меня до гибели!

Но вместо того, чтобы бежать от неё, я забросил партию, и мы с ней уединяемся в горах...

Прощай, политика, прощай, партия! Я ничего не хочу больше от жизни, только бы проводить все дни рядом с этим ангелом! Моим ангелом!

Трижды, мама, мои товарищи по партии отрывали меня от неё и трижды я возвращался в её объятия!

Чёртова потаскуха, чем больше я тебя люблю, тем бесчувственней и паршивей ты становишься!... Что ты улыбаешься, брось улыбаться, ты должна бояться меня, негодяйка! Я тебя избью! Я тебя искалечу!... Гели, я убью тебя, знай, убью! (*Ударяет её по лицу, серия пощечин*). На тебе пистолет, на, убей меня!!!

Гели, знай, пистолет – твой, когда захочешь, можешь меня застрелить. Потому что без твоей любви я жить не хочу! На, убей меня хоть сейчас!

Плачь, дурочка... плачь, ничего, всё пройдёт.

Надо... надо... я тебя закрою, я тебя никуда не пушу, другого выхода я просто не вижу. Если я этого не сделаю, я всё погублю – и дело, и партию, и себя самого! «Ты будешь здесь находиться до моего возвращения, никуда не уходи, никаких Академий музыки! (обращается, как к ребёнку) Запомни, дядюшка Ади тебя застрелит... Я сделаю... пиф-паф!»...

Повторяю последний раз, ты не уедешь в Вену! Гели, посмотри мне в глаза, я не шучу.

«Ты никуда не поедешь, – вот моё последнее слово!»

«Ты пожалеешь!»

Вечером она застрелилась...

Гели, дорогая моя, что ты натворила, детка?...

Убирайтесь ко всем чертям, негодяи! Вон! Вы убили её, черви!... Вы не стоите даже её мизинца!... Я вас всех ненавижу и сру на вашу партию... Вон!.. Почему вы все не сдохли, почему должна была умереть она?!!

Ничтожества!!

Гели, дорогая моя!...

Твоя смерть станет смертью миллионов людей!

Ну, вставай же, Гели, просыпайся (*грубо бьёт её по лицу*), ты издеваешься надо мной? (*обнимает её*). Прошу, давай пойдём в кино, нам покажут нового «Кинг Конга», совсем нового! Ты так хотела посмотреть «Кинг Конга»!...

Гели... смотри, я тебе обещаю... я возвращаюсь в политику... да... ради тебя... и ты снова будешь гордиться своим дядюшкой... как прежде...

Гели... давай (*целует её всю*) брось свои шутки, давай поднимемся, смотри... бери и... кури, если хочешь, ... бери и... танцуй... хочешь, потанцуем?

Не хочешь...

Ммм... давай поиграем в поезд, смотри, я туннель (*переступает её под рок-н-ролл*), Гели... (*подражая уткам, лошадям, коровам*)

...Знаешь? Я принял, наконец, решение, ты так хотела, теперь и я... убеждён... хочу ребёнка... что скажешь? Ангелочек мой... дитя моё... Умоляю тебя!... Нет... нам следовало бы убежать отсюда... да... убежать... спрятаться, я должен тебя защитить... Чтобы ты не попала в руки злых людей (*носится с ней на руках в поисках*

надёжного места, где он мог бы её спрятать, потухает свет на фоне музыки, включённой на самую большую громкость).

Всё, Гели... Всё... до сих пор было... Дальше всё идёт ко дну, на митингах я уже не тот, который когда-то блистал, в партии мои дела идут всё хуже и хуже, но хуже всего осознание того, что тебя нет! Я, я никогда уже не буду тем, кем был, тот Адольф Гитлер умер... Того мертвеца я ношу в себе до сих пор...

Женщины!!

Женщины любят героев, разве не так? Я женат... да... моя супруга – Германия!

Германия – моя единственная жена, которой я буду верен вечно!

Женщины??? Я в вас не нуждаюсь... нет... так или иначе, мне так и не удалось познать, что такое любовь... возможно, это чувство отвлекло бы меня от самого себя... и... может, и я...

Вот... я могу вас обнять... (*плачет*)

Вот... и... всё... и никуда не денешься... не знаю, что мне делать... я до сих пор не могу поцеловать женщину... не могу... я никогда не ощущал удовольствия... удовлетворения... я не представляю себе, что это такое...

Я могу затащить в постель любую из вас... но остаюсь холодным... и всё внимание сосредоточено только на мне... что делать? Мне страшно, я всегда боялся сделать предложение, по-человечески, которое я ощущал каждой клеточкой своего тела.

Женщины... Дамы...

Почему вы не спасли меня... вы... хотя бы одна! Хотя одна нашлась бы!

Любопытные слуги ежедневно тайком переворачивали мою постель... все искали следы, пятна... ко всем чертям... у меня нет личной жизни... нет...

Моя жена – Германия...

Знаешь, мама? После твоей смерти... ммм... с женщинами... мне было очень сложно, я единственный на фронте не получал писем ни от кого, ты знаешь, как это больно...? Будто я запоздал в своём развитии как мужчина... и ощущал вечный дискомфорт, постоянно... может, как раз это было одной из причин... из-за которой я не был способен охватить взором весь мир... ненавижу всех с утра до вечера... всех.

...В конце концов, мама, жизнь состоит из двух вещей: из ненависти и не-ненависти. И это всё! Всё! Ненависть толкает жизнь вперед, не-ненависть ведет её к деградации.

Слышишь взрывы? Русские у ворот Берлина. Знаешь, что привело их сюда? Ненависть! Ненависть к немцам, ненависть ко мне!.. Попросту говоря, их ненависть в определённый момент стала сильнее нашей, поэтому они победят!..

Только полная ненависти страна может победить! Я умею ненавидеть так, как ни один из смертных до меня, но моя ненависть ничего не значит. Я должен создать страну ненависти.

Вот почему, когда я бросаю в толпу речи, полные ненависти, я ничего не ощущаю, я начинаю ощущать только тогда, когда начинает чувствовать толпа.

Я стал Адольфом Гитлером не тогда, когда стал ненавидеть, я стал Адольфом Гитлером, когда научил других ненавидеть!

Это старое ремесло, забытое, похороненное в пещерах наших предков, гуннов! Я выкапываю его оттуда. Человечество постарело и утратило эту способность. Я вновь обучаю немцев настоящей ненависти, ненависти беспощадной, ненависти чёрной...

Как ни странно, это не требует слишком больших усилий, потому что они носят её в себе, только она закопана слишком глубоко. Никто не добрался до её истоков, а мне это удалось!

Можно создать нацию, которая будет ненавидеть день, месяц, год. Мои немцы будут ненавидеть годами до окончательной победы. Бесперывно! Со всевозрастающей ненавистью. Я забираюсь в самые чёрные глубины скрытой ненависти вашего существа и демонстрирую вам, что из этой купели ненависти можно выйти только окрепшим.

(загораясь) Да, мамочка, но чтобы ненавидеть глубоко и сильно, чтобы ненавидеть длительный период, необходимо найти достойный предмет ненависти... И это не что-то скрытое, что-то отдалённое... Знаешь, что происходит? Оно находится под рукой у каждого, на виду у всех и именно поэтому никто его не видит!...

Да, оно действительно повсюду: и в Библии, и в истории, и в жилых кварталах и предместьях каждого из нас, в каждом втором банковском служащем, в каждой лавчонке – и никто этого не видел!

Конечно, мама, евреи!!

Евреи!!!

Видишь, и ты разобралась?

Вначале я не обращал на них никакого внимания, ты же помнишь, сколько еврейских детей было у нас во дворе... Знаешь, кто представил меня к награде Железным Крестом во время войны? Офицер еврей! Меня даже раздражали антисемиты, они мне казались дураками и какими-то примитивами...

А потом...

Я обнаруживаю в евреях то, чего никто до меня не открывал!... Вот идеальный источник ненависти, ненависти без границ! Это золотая жила! Неиссякаемый родник!

Есть вещи, которые могут вызывать ненависть у простых людей, и есть другие, которые вызывают ненависть у элиты. Знаешь, почему евреи идеальны? Потому что их, мама, могут ненавидеть все!

Потому что евреи паразиты, лгуны, грязные, хитрые, лицемерные, жулики, ловкачи, лишённые какой-либо основательной культуры, подлизы, без стыда и совести, чудовища, чужаки, скупцы, опасные, кровожадные, настоящие черви, вечные кровососы, какие-то разрушители арийского сообщества, смертельные враги арийского мира!

Видишь, мама, они идеальны!

Я раскрываю евреев по-новому! Могу сказать, что даже воссоздаю их! До меня евреи были не больше, чем опереточные и водевильные персонажи, я творю из них трагедийные образы...

Все боятся ненависти. Все боятся ненавидеть больше дня, месяца, года! Но лишь на пятый год ненависти человеческая энергия пускается в ход, это я уж точно знаю, мама!

Я желаю грандиозной ненависти, универсальной ненависти, проникающей в каждую клеточку каждого немца.

Нате вам ненависть, сколько угодно!!!

Никогда ни один немец не был столь любим своим народом, как я! Никогда!

(другим тоном) Но, мама, на свете существовала всего лишь одна единственная Клара Гитлер, которая родила единственного Адольфа Гитлера! А Германия нуждалась в 60 миллионах Адольфов

Гитлеров! На этом свете, к сожалению, есть ещё и матери, рождающие предателей...

На моей могиле будет написано так: «Жертва собственных генералов»!.. Предательство!!... Предательство, мама, повсюду, я дошёл до того, что боюсь предательства даже с моей стороны... Единственный, в которого я верю до конца, – это добрый Генрих Гиммлер... Он, знаю, будет следовать за мной до конца, враг найдёт нас мёртвыми рядом...

Да, мамочка, мне следует это сделать... Попасть живым в их руки было бы для них незаслуженным подарком... Мама, прекрати, что ты понимаешь?! Оставь меня в покое, я тебя прошу!... Я тебе говорю, что поступлю так, как считаю нужным, и прошу тебя не лезть со своими идиотскими советами! Заткнись! Достаточно, что мне приходится бороться с тупицами-генералами!...

Видишь, ты ведь можешь быть благоразумной матерью!.. Но для моей смерти должен быть и подходящий день... 5 мая... День смерти великого Наполеона Бонапарта... Жаль, что я не знаю и часа... Это день, в который умирают великие люди... Самые великие!...

Гитлер встаёт, останавливает музыку, наполняет стакан водой, берёт пригоршню таблеток... Вытягивается на кровати...

Спокойной ночи, мама, знаешь, я решил... Ни одна женщина не заслуживала больше, чем она, она посвятила мне всю свою жизнь... Я решил, женюсь на ней... Думаю, что ты можешь гордиться такой невесткой, как Ева... Она не хотела спастись, пришла сюда, в бункер, почти неделю назад, представляешь?... Под взрывы, бомбёжку...

Когда она вошла сюда, она была так красива, так свежа... Меня даже оскорбила эта её свежесть...

«Ты знаешь, какая прекрасная весна на улице! – сказала она мне. – Всё зазеленело, деревья начинают цвести...» Она не видела руин, следов взрывов, она видела только весну... И вручила букетик подснежников... Теперь этот бункер полон запахами её духов... Сказала ещё, что видела в какой-то витрине старинную итальянскую статуэтку, очень милую...

«Когда война закончится, ты мне её купишь?» – спросила она... Спокойной ночи, мама...

Собачий скулёж.

Что такое, Блонди, моя хорошая Блонди, плачешь, ты осталась без своих щенят?... Хватит, радость моя, не грусти, детки Геббельса играют с ними, они тебе их вернут, они ничего с ними не сделают. *(раздаётся лай щенков и весёлый визг детей)*

Слышишь, как будто детский сад... После ухода моих генералов дети и щенки стали хозяевами всего бункера... Никто их не ругает, ничего не запрещает, делают, что хотят... Они даже не обращают на меня внимания... Но вижу, что и остальные не смущаются моим присутствием. Я запретил здесь курить и потреблять алкогольные напитки, но они и курят, и пьют... Шушукуются повсюду, смеются... Когда они видят, что я приближаюсь, то даже не встают для приветствия...

Только ты, Блонди, глядишь на меня такими же добрыми и преданными глазами... С тех пор, как ты стала мамой, глядишь на меня по-матерински, как и на своих щенков... *(детский визг и лай щенят)*. Со щенками и детишками приятней иметь дело, чем с генералами...

(прислушивается к голосам детей и лаю щенков) Шестеро детей и шесть щенков, каждому по одному... Что может быть прекраснее на свете, чем шестеро невинных немецких детей, играющих с шестью маленькими немецкими овчарками?...

После своих диких вражеских атак враги нагрянут сюда и что они найдут – шестерых детей и шесть щенков!... Вот с кем вы воюете! Сталин бросил два с половиной миллиона солдат на штурм Берлина! Два с половиной миллиона солдат против шестерых детей и шести щенят!...

Как победить страну, которая использует людей, как снаряды?.. Вот кто будет править миром!.. К чему какая-то военная тактика... Бросаешь миллионы людей – вот и вся тактика!...

Обложили меня со всех сторон – и с Запада, и с Востока, и с Севера, и с Юга! Теперь они сильны, теперь они теснят меня миллионами солдат! А где была ваша отвага в сороковом, когда

вы продавали друг друга за две копейки?! Где была тогда ваша смелость? Дрожали все от страха передо мной! Только так вы храбрецы, стаей, как шакалы!...

Не меня вы хотите уничтожить, вы хотите отмыться от вашего позора! Я вам показал всю вашу слабость и убожество, вы увидели, что не стоите и гроша, и не можете простить мне этого!

Вы убьёте Гитлера, но никогда не уничтожите эти пятнадцать лет германского триумфа!

В этом бункере умирает только Гитлер, но в его чреве зарождается новый мир. Может быть, через сто лет какой-то другой гений проснётся и доведёт до победного конца то, чего не добился я!...

Боже... чувствую, что схожу с ума... ноги... руки опять дрожат...

Берёт несколько таблеток... ничего... всё в порядке... Я будто сам не свой... Мне страшно... Мне очень страшно...

Подожди... почему? Я никогда никого не убивал... и даже не присутствовал...

Миллионы... миллионы... невинных людей... Мне страшно...

Да... я очень признателен всем солдатам, которые сражались бок о бок под моим командованием... и погибли... но... нет... не могу смотреть на них... их много... они везде... эти трупы... они будто преследуют меня постоянно... эти невинные дети...

Мне больно... да... было и время...

Я боюсь, я очень боюсь смерти...

Ищет таблетки по всем карманам, состояние, близкое к истерике, считает удары пульса.

Чёрт бы их побрал... где они... мне... так они нужны!

Я погибаю... это неприятное ощущение... этот идиот доктор, каждая часть моего тела зависит от него и от его таблеток. Смотри... витамины, это – гормональные, эти – от Паркинсона, эти – от депрессии... эти – успокоительные, а эти... Я уже не знаю от чего. Я будто теряю равновесие... проснись! Знаю... чувствую, что у меня рак горла, у меня болезнь Паркинсона, базедова болезнь, а этот медик-кретин скрывает от меня... зачем?

Господи... мои... зубы все шатаются, чувствую, что я их теряю...

Морель... доктор! Где ты, друг...

Морель!

Сука... убью тебя, Морель... что ты сделал из меня, человеке?...

На стул... садись... смотри... видишь, что можешь...

Плачет. Ади... Ади... ты постарел (*раздеваясь*) ты отвратителен...

Ади... (*протягивая вперед руки, будто бы желая задушить кого-то*).

Убийца... (*срывая с себя одежду*) сколько миллионов... ответь, сколько человек... сколько детей убил? Всё будущее Германии! По какому праву?

Успокаивающие... где они?

Мама... где ты... не могу больше... выносить этот хаос... не хочу больше. Те же симптомы... опять... больше не вынесу... вы хотите снова меня усыпить! Вон... чтоб я больше здесь не видел ни одного врача... вы способны на любое свинство, эти наркотики... опять... этот хаос... эта тишина... опять ночь – это день... и день – это ночь... мне страшно... предательство...

28 апреля, предательство Гимmlера

Голос по радио. Передаём важное известие. Было перехвачено сообщение, переданное одной из британских радиостанций. В соответствии с ним, Генрих Гимmlер, только что назначенный фюрером на пост главнокомандующего германским генеральным штабом, предположительно начал переговоры с неприятелем по поводу подписания акта о капитуляции. Чёткого ответа по этому поводу не было получено...

Гитлер издаёт дикий рёв. Катается по полу.

Каналья!!! Он меня предал! Каналья!!! Повесить его!!! Разорвать на куски!!! Приказ уничтожить гадину!!! Я не успокоюсь, пока его не прикончат! Раздавить гадюку!! Каналья! Он был единственным, к которому я ещё питал доверие!

Гимmlер – паршивая тварь, ты убил меня! Собственной рукой я пустил бы в тебя сотню пуль!!

Чего мне ещё ждать от вас, канальи, если он предал меня!?... Давайте, говорите, что вы там задумали? Хотите продать меня врагу?!? Проститутки, вы даже не владеете собственной профессией, чёрт знает, чего мне ещё от вас ожидать!

Вы постоянно лжёте мне, приходите с цифрами... которыми вы можете убедить лишь ребёнка, и ещё у вас хватает наглости шушукаться за моей спиной по поводу уровня моего интеллекта... сучьи дети! Что мне с вами делать? смотрите, до чего вы дошли, изменники! Все... вы уже не подчиняетесь, да? Чихал я на вас... И не гавкайте в моём присутствии... и здесь не курят...

Переходя от смеха к хохоту... аплодируя...

Мои поздравления... Вы необыкновенны... браво! Проиграли войну, да? Изменники! Если мне суждено умереть, тогда пусть вместе со мной исчезнет и вся Германия, и если война проиграна, пусть погибнет весь народ... Немецкий народ слаб... это правда... его будущее принадлежит другому, намного более сильному народу... и если кто-нибудь ещё выживет после этой войны... так это предатели... потому что достойных давно нет в живых! В заключение... занимайтесь политикой вы... умники... *(улыбаясь)* Когда я умру, тогда вы займётесь... не сейчас... кретины... наберитесь терпения... мало осталось...

Ха! Паршивец дал мне яд, сказал, что он очень эффективен!... Обманул меня! Это не отравка, это подделка! Хочет, чтобы я остался жив и попался русским!... Гюнше, дай яд Блонди!...

Что ты сказала, Ева?... Гюнше, дай ампулу и спаниелю Евы!...

Монке, сколько ты ещё можешь защищать Рейхсканцелярию?... До 5 мая это возможно?... Нет?... Ско-о-о-олько?... День... самое большее два?... Сегодня 28 апреля... Значит, не более, чем до 30 апреля... *(воет)*

Приказываю привести служащего из департамента Гражданского состояния... Немедленно! Как, на чём его доставить?... На танке!!! Похороните Блонди в той же могиле, в которой похоронят и меня!...

Сцена

29 апреля, 1 час пополуночи. Свадьба.

Дамы, господа... Друзья... Так как в течение многих лет я не... я решил, что не могу принять на себя ответственность ведения семейной жизни, потому что я полностью посвятил всю свою

жизнь борьбе... сегодня... перед концом моей земной карьеры я принял решение взять в жёны эту девушку... Она, после многолетней верной дружбы, решила, по собственному желанию, разделить со мной свою судьбу. По её собственному желанию она, как жена, последует за мной в небытие. Это компенсация для нас двоих после того, как я столько потерял на протяжении моей карьеры на службе народа.

Благодарю, что сегодня, в этот особый момент, вы находитесь рядом с нами... Мне очень жаль... долгое время вы не сможете избавиться от меня... вам будет меня не хватать... я знаю это...

...Ничего, я буду сопровождать вас в течение всей жизни... каждого из вас... поколение за поколением...

Что поделаешь... я не довёл свою миссию до доброго конца...

И всё-таки я люблю вас... такими, как вы есть... изменники... трусы, подлецы...

Простите меня...

Тишина

Почему нет музыки?...

(Звучит танго «о красных, как кровь, розах»...)

Мама, она счастлива!... Мы обмениваемся кольцами и она, радостная, показывает палец с обручалкой одной из здешних секретарш, своей приятельнице... Та её поздравляет, и она кажется восторженной.

Дамы, господа, приятного времяпрепровождения... Фрау Траудл, у нас дела...

29 апреля, 3 часа утра. Политическое завещание. Стук печатной машинки.

(диктуя) «Прошло более 30 лет с тех пор, когда, в 1914 году, я внёс свой скромный вклад, записавшись добровольцем в Первую мировую войну, навязанную Рейху. В течение этих трёх десятилетий я действовал, исходя исключительно из любви и веры в мой народ. Это давало мне силы принимать самые трудные решения, когда-либо стоявшие перед лицом простого смертного.

Неправда, что я или кто-то другой в Германии хотел войны в 1939. Этого хотели и спровоцировали именно те государственные

деятели других стран еврейского происхождения, которые действовали в интересах евреев.

Я выдвигал слишком много предложений, касающихся сокращения вооружений и контроля над ними, чтобы этот факт был проигнорирован будущими поколениями, когда будет поставлен вопрос о моей вине в развязывании войны. Пройдут века и из руин наших городов и памятников подымется ненависть к тем, которые, в последней инстанции, несут на себе всю вину и которых мы должны благодарить за всё, – к мировому еврейству и его приспешникам.

Я умираю с лёгким сердцем, осознавая величайший героизм наших солдат на фронте, наших женщин в тылу, героизм наших крестьян и рабочих, а также беспрецедентный вклад в историю нашей молодежи, носящей моё имя.

Из жертвы наших солдат и моего единства с ними до самой смерти в истории несомненно взойдут светлые ростки возрождения национал-социалистического движения и свершится подлинное объединение нации».

Фрау Траудл, дайте мне подписать...

Подписывает политическое завещание.

Голос по радио. «Италия, наша верная союзница, разгромлена и капитулировала. Бенито Муссолини вместе со своей возлюбленной Кларой Петаччи были схвачены итальянскими партизанами и расстреляны, после чего их трупы были повешены вниз головой, и каждый мог оскорблять их, проклинать и оплёвывать».

Я не позволю издеваться над моим трупом!... Знаю, как за ним охотится Сталин, хочет сделать из него чучело, чтобы хранить в каком-то паноптикуме...

Ещё чего!... Гюнше, раздобудь канистры с бензином. После нашей смерти приказываю сжечь наши тела!...

30 апреля, утро.

Дамы, господа, верные друзья, настал момент расставания...

О чём я больше всего сожалею, так это о том, что не... что я уже не смогу вознаградить вас за исключительную преданность, которую вы выказываете даже в эти последние минуты...

Мне всегда нравилось, уважаемые дамы, о чём вы хорошо знаете, делать вам подарки. Сегодня же я не могу предложить вам ничего, кроме одной из этих ампул, зловещих, не так ли, которые через несколько часов будут очень нам кстати... мне и моей доброй жене...

И которые в очень тяжёлые минуты, с чем вам безусловно придётся столкнуться, могли бы стать самым ценным подарком... Смотрите, их здесь достаточно, кто желает, может взять... Вы можете предложить их и тем, кто не смог придти на эту последнюю нашу встречу... К сожалению, сказать почти не о чём... Если существует другой мир, я бы пожелал себе и там иметь вас в компаньонах... И в радости, и в горе, как говорится...

Я убежден, что ваши имена будут вписаны в историю золотыми буквами... вы были рядом с фюрером до последней минуты...

От имени немецкого народа я благодарю вас за службу и жертвенность, которую вы сумели доказать...

Ева подарила свою шубку приятельнице-секретарше со словами: «Мне всегда нравились хорошо одетые женщины...»

30 апреля, 15.10

Что ты говоришь? Самолёт готов?... Заправлен на 11 тысяч километров? Интересно, что находится на дистанции 11 тысяч километров отсюда... Благодарю, хороший мой Бауер, спасайся сам... Прими в дар от меня этот портрет Фридриха Великого в знак огромной признательности...

Мама, Ева зовёт меня выйти из бункера посмотреть в последний раз на весну, на солнце... У меня нет желания, но это одна из немногих просьб моей жены, и я сделаю так, как ей хочется...

Сильные взрывы.

Гюнше, скажи ей, что нет смысла выходить, мы можем погибнуть от разрыва снаряда...

30 апреля, 15.20.

Сквозь грохот взрывов слышны звуки танго о кроваво-красных розах.

Только мы зашли сюда, как они пустили музыку... Слышишь, ликуют!... Вероятно, танцуют... Радуются, они всё время этого ждали – избавиться от меня... Шайка предателей!...

Как ты прекрасна в этом шёлковом платье...

Что делать?... (*садится на софу, повторяя слова Евы*) «Ади, мой волчонок, мой любимый фюрер, ты должен быть сильным, каким был всегда... Теперь настала минута подлинной славы... Наконец, мы никогда больше не расстанемся, мы будем навеки вместе... Там ты увидишь истинную любовь твоей Евы, потому что моя земная любовь, мой дорогой, является лишь тенью любви настоящей... завтра мы позавтракаем в ином мире... Там ты выиграешь войну... Там с нас двоих начнётся рождение нового мира, всё начнётся с Адольфа и Евы...

Будь сильным, мой дорогой!... Будь сильным!... Нас ожидает самый прекрасный медовый месяц. Наше свадебное путешествие начинается...

Делай, как твоя Ева... Зажми ампулу зубами... Когда ты прокусишь её, ты ощутишь настоящий нектар, Ади, вот увидишь, это настоящий эликсир... И яркий и тёплый свет охватит нас двоих, и какое придёт облегчение... Мой волчонок, мой любимый фюрер! Ты увидишь, как легко тебе будет выстрелить... Ты даже не услышишь выстрела...»

Гитлер берет ампулу в зубы и направляет пистолет к виску.

Лампа, освещающая помещение, постепенно накаляется до максимальной мощности и лопается. Темнота.

Мама, наконец...

Откуда-то, из очень глубокой дали слышится слабое эхо выстрела.

Конец.

Перевод с румынского Мирославы Метляевой

От межи, от сохи, от покоса...



Галина Кудрявская
И ПЛАКАЛИ ПТИЦЫ...
(Продолжение. Начало см. «ГС»
№№ 4-7)

Пришлые люди

Так получалось, что дом наш всегда был полон пришлыми людьми. И мне в детстве казалось, что все люди – одна большая семья, все – родня. Просто дом наш маленький, всех сразу не вмещает, поэтому одни уходят, другие приходят. А там, снаружи, ещё много людей, которые тоже родня, и когда-нибудь появятся. И я всех ждала и готовилась встречать и любить.

Какое-то время у нас живут две женщины, немки. Это я сейчас знаю, что они немки, а тогда мне было просто странно, что они взрослые, а многие слова выговаривают неправильно. Эмилия Ивановна и Лида. Эмилия Ивановна спит за шифоньером, которым перегородили комнату, а Лида у обогревателя, самое тёплое место в доме. Мы с Юркой вечерами любим сидеть на её кровати, и она рассказывает нам страшные истории. Про Русалочку, про Золушку, про Герду с Каем и Снежную Королеву. Потом мы узнаем, что это сказки, и кто их написал. А тут мы, замерев, у обогревателя заворожённо слушаем и верим, что Лида нам рассказывает то, что видела сама.

– ...И фтрук окно распахнулось и оттуда тохнуло холотом и фетром, и флетела острая снешинка и попала ф клас Каю и проникла в сердце.

За окном метель, на столе керосиновая лампа, я вижу, как трепещется её фитиль от ветра из распахнутого окна, я с напряжённым вниманием вглядываюсь в темноту ночи, и возникает прекрасное злое лицо Снежной Королевы.

Бабушка гремит посудой, расставляя на столе тарелки с кашей, и видение исчезает. После ужина я пристаю к бабушке. Она переселилась на сундук, а в ноги подставляет стулья. Я прошусь на её место.

– Ну, хоть один разик!

– Дак ведь я-то на твоей кровати не помещаюсь, – возражает Анна Ивановна. – Ну, ладно, пробуй, на печку переберусь.

И вот я на сундуке. Мне стульев в ноги не надо, я и так помещаюсь. Только вот что-то давит прямо в ребро, залажу рукой под

Города нужно строить в деревне, где воздух гораздо лучше.

Анри Мурье

полушубок, подстеленный под меня. Ага, догадываюсь, это же обивка от сундука. Как же бабушка тут спит? Пробираюсь в темноте к ней на кухню, трогаю свисающую с печки пятку.

– Баб, там у меня ребра болят от этих железяк.

– Я ж тебе говорила, спи на своей кровати, это у меня бока лужёные, ничё не чувят, а у тебя ещё тело нежное, не гнупое, не калёное, – ворчит бабушка, осторожно спускаясь с печи.

– Как это? – удивляюсь я.

– А так это, поживёшь – узнаешь... Жизнь, она и согнёт и закалит, терпеть научит.

– И железяк не чувствовать? – уточняю я.

– И железяк, – подтверждает бабушка, провожая меня до кровати, – спи, полуношница, весь дом подынешь.

Я лежу тихонько, прислушиваюсь к дыханию мамы, папы, Юрки. Вот бабушка в другой комнате ворочается на своём сундуке. Он кряхтит и постанывает под её тяжестью.

Сквозь закрытые ставни просачивается луна, и лунный луч ложится полоской на Юркино одеяло, разрезая его пополам. Под полом ощущается какая-то возня, это Мурка ловит мышей. Дом живёт своей тайной ночной жизнью. Тишина наполнена вздохами, почти неслышными звуками, шорохами, вот скрипнула половица, хотя никто не ходит, вот чуть шевельнулась ставня. Но мне не страшно, мне сладко, тепло и покойно.

Утром Эмилия Ивановна начинает шить для меня платье снежинки. Скоро Новый год. Машинка старая, ещё бабы Тасина из Волчанки. «Сингер» – говорит Эмилия Ивановна, и я удивляюсь, что и у машинок бывает имена.

– Это имя или фамилия? – переспрашиваю я.

– Фамилия, – Эмилия Ивановна откусывает зубами нитку, и у неё получается смешно – «вамилия».

– А как её зовут?

– Кофо?

Эмилия Ивановна строчит быстро, как только пальцы под иголку не попадают. Я стою рядом и каждый раз замираю от ужаса, когда её пальцы вместе с марлей приближаются к иголке. Но она всегда успевает их убрать.

– Ну, у машинки фамилия Сингер, а имя?

– А имя у неё, как у тебя, Каля Сингер, – весело отвечает женщина.

– Так не бывает, – не верю я, – у них не бывает таких имен, как у человека.

– Растефайся, путем примерять.

В доме ещё холодно, я стаскиваю нехотя свои семь одежек, зябко поводя голыми плечами. Платье мне не нравится. Марлевого, тонкое, на ляпочках оно некрасиво обвисло на мне, и сквозь него просвечивают мои толстые шаровары.

– Потожти, – смеётся Эмилия Ивановна, видя моё расстроенное лицо. – Фечером ратоватса путешь, платье тфое фечером красифое путет.

К вечеру платье, накрахмаленное, отутноженное с подшитым подъюбником, с крылышками, осыпанное блёстками из слюды и отороченное ватой, превращается в наряд Золушки для бала. Я, обняв Эмилию Ивановну, шепчу ей в ухо:

– Вы фея?

– Ну, какая же я фея, я шфея, фитишь, фот, просто портниха и фсе. Фот ты смешная тefочка!

Но я не верю ей и жду ещё карету, лошадей и принца.

А потом они с Лидой исчезают из нашей жизни. Им можно возвратиться домой, и они уезжают. Прощаются. Плачут. Они-то знают, что навсегда, но для меня ещё сокрыто значение этого слова.

– На будущий год, – говорю я, – я уже вырасту из снежинки и ты сошьёшь мне новую.

– Латно, – вытирает слёзы Эмилия Ивановна, – я тепе ещё на сфатьпу сошью.

* * *

Неожиданно в доме появляется Ерофеич, маленький, сухой, смешно картавящий старичок.

Он пришёл к папе в контору наниматься на работу. Узнав, что старик бездомный, и ночевать ему негде, папа привёл его домой. Мама вздохнула, опять тесниться.

– Он валенки умеет чинить, – оправдывался папа.

Опять бабушка перешла с кровати на сундук, а Ерофеича устроили на месте Лиды у обогревателя. Валенки он умел чинить, но де-

лал это долго, неторопливо, прерывая работу на разговоры. Сидит целыми днями на кухне возле печки на маленькой скамейке. В одной руке валенок, в другой огромная игла с дратвой. Руку с иглой подымет и замрёт, увлечённый рассказом. Мы с братом главные слушатели. Да ещё бабушка, Анна Ивановна. А баба Тася Ерофеича недолюбливает. Она как раз гостит у нас. Спит на той кровати, где недавно обитала Эмилия Ивановна. У неё развивается катаракта, по дому она помощница никакая, а тут ещё Ерофеич ей, как укор. Даже этому пришлому дело нашлось, а ей уж теперь ничего не поручи.

– Один мусор теперь от меня, помирать пора.

Я прижимаюсь к ней, чтобы она не думала, что никому не нужна, а ещё мне хочется увидеть, где же этот мусор.

Ерофеич с застывшей в воздухе рукой продолжает, словно перекачивает в горле горошинку:

– Вот поверрлишь, кака-така оказия приключилась... Козёл, поверрлишь, себя в окошке увидал. Ну, думат, соперник. Отступат, поверрлишь, для рразбегу, а тот-то в окне, тоже отступат. Осеррчал козёл, поверрлишь, рразбежался, да в окно. Сам-то цел. А стекло, поверрлишь, вдрребезги. Хозяйка рревёт, где стекло взять. С горря его, дуррака, заррезала, чтоб дрругие окна не побил. А лето, приишлось, поверрлишь, мясо по соседям рраздавать. Ни козла, ни стекла, поверрлишь.

Анна Ивановна сочувственно хлопает себя по ляжкам. Козла жалко и стекла, а пуще всего хозяйку. Мы с Юркой заливаемся смехом, по очереди изображая глупого козла. Но баба Тася из комнаты произносит ехидным голоском:

– Козлы-то, поди, не дурнее которых людей.

Но Ерофеича этим не проймёшь.

– Ты слухай, слухай репродуктор. Можя чаво наслухаешь. Кака-така политика международная, – дерзит он.

У бабы Таси теперь одна отрада – радио, этим и колет её Ерофеич, ощущая своё важное в доме место.

Анна Ивановна, вечная миротворица, обрывая перепалку, зовёт всех к столу. Подаёт, ухаживает, а сама на локоточках в конце стола, словно ей слаще не есть, а на других глядеть. Ерофеичу особое внимание: то кусок хлеба подвинет, то соли предложит. Баба Тася сер-

дится на неё за угодничество перед этим пустомелей, как она выражается.

– Чево, угодница, сама не садишься, ждёшь, когда щи простынут?..

– Да я вместе с кошками, жду своего череду, когда со стола понесут.

Ерофеич ест медленно с наслаждением, поглядывая на бабушек хитрыми глазами. И после каждой ложки рот крестит. Баба Тася не выдерживает.

– Чё рот-то крестишь, чтоб мухи не залетели, так зима на дворе, вот, когда брешешь, тогда и крести.

Мы с Юркой покатываемся со смеху, но Ерофеича жалеем. У него ни кола, ни двора. Вчера он жаловался Анне Ивановне.

– Поверрлишь, Ивановна, ни кола у меня, ни дворра. Нигде крррвинушки рродной. Некому глаза закрыть будет, некому в землю закопать.

Бабушка на слезу легка, глаза фартуком вытирает, шумно сморкается. При бабе Тасе он такого не рассказывает. Она его насквозь видит, хоть и с катарактой.

– Я его насквозь вижу, сочиняльщика, – сердится баба Тася, – чево Нюра с Борисом его пригрели?

И вправду, думаю я, как Ерофеич пригрелся у своего обогревателя.

А папа всё пытается отыскать родных старика, пишет куда-то письма. И вроде уже появилась надежда, но тут у нас произошло событие. Анна Ивановна, доставая картошку, не закрыла вовремя лаз в подпол.

Ерофеич ходит весело, вприпрыжку, да с порога из комнаты так в подпол и улетел. Кричит оттуда на весь дом:

– Ах ты, курица старая, убила, совсем убила!

Анна Ивановна встала на коленки, одну руку ему подаёт, другой на нас машет.

– Не бегайте тут, тоже нырнёте, – пытается вытащить Ерофеича.

– Ты чё же, как Саврас без узды, носишься?!

А баба Тася из комнаты:

– Господь всему место определяет.

Вытащенный Ерофеич стонет, держится за бок, суёт бабе Тасе кукиш под нос.

– Поверрлишь, в жисть не видал такой вредной старрухи.

Анна Ивановна вокруг него бегает, чем-то спину мажет, вину заглаживает.

– Ну, ты, фулюган! – спокойно отводит руку Ерофеича баба Тася.

– Ага! – торжествует он. – Кукиш-то разглядела, робить токо не можешь.

Валенки наши аккуратнo подшитые, красивые, греются на печке. Ерофеич уезжает. Нашлась где-то на Урале дочка сестры. Пришло от неё письмо, зовёт к себе. Муж погиб на фронте, одной с хозяйством и ребятишками не управиться.

Анна Ивановна плачет, баба Тася молчит. Ерофеич хорохорится:

– Сила ей мужска нужна, я ещё какой-никакой рработник...

Нам с Юркой грустно. Ещё один родной человек покидает нас.

– Ты ненадолго?! – спрашиваю я Ерофеича, заглядывая ему в глаза.

– Да нет уж, поверрлишь, к вам привязался, теперича уж навсегда не увидимся.

И я неожиданно плачу от этого «навсегда», вдруг осознав его значение. Все обещали вернуться, а он нет. И только он один оказался прав.

* * *

Эту большую страшную старуху зовут Мария Александровна.

– Она баба Яга, – шепчет мне Юрка.

– У бабы Яги не бывает таких грустных глаз, – не соглашаюсь я.

Глаза у Марии Александровны печальные и добрые. На ней столько одежек... Пока она их снимает и складывает в угол на кухне, не давая маме повесить на вешалку, мы с братом наблюдаем из комнаты. Раздевшись, Мария Александровна почти не уменьшается в размерах. Она худая, но просто крупная, большая, а может, там на ней ещё сто одежек. Она всегда мёрзнет и говорит грубым мужским голосом. Закроешь глаза – мужчина разговаривает, откроешь – Мария Александровна. У ней ни одного зуба, и она курит.

Мария Александровна приходит к нам раз в неделю, такая у них с мамой договорённость. Мама ведёт её в баню, помогает помыться. Потом они возвращаются, обедают. Мария Александровна долго пьёт чай, а мы с Юркой спорим, которую же она чашку пьёт. Потом гостя

просит дать ей хоть какую-нибудь работу и, сидя у печки, неумело чистит картошку.

– Ничё, ничё, – говорит потом Анна Ивановна, собирая толстые очистки, – у нас скотина, всё уйдёт, а человеку надо себя человеком почувствовать.

Юрка играет в комнате, а я тут, льну к госте. И она, прижимая меня к себе, произносит страшные слова:

– Тыщу раз Бога благодарила, что детей мне не дал... Что бы теперь с ними было...

Она рада, что у неё нет детей. Я не понимаю, почему, но что именно за это она благодарит Бога, я понимаю и вечером спрашиваю у мамы:

– Разве это плохо, когда у тебя дети?

– Что это придумала? – удивляется мама.

Она катком катает простыни, обёрнутые на валёк, у неё это ловко получается. Она сейчас такая красивая, косы уложены венчиком на голове, как у королевы.

– Ты же знаешь, – вздыхает мама, когда я напоминаю ей слова Марии Александровны, – она несчастный человек. Если бы у неё были дети, они наверняка погибли бы.

Мама прижимает меня к себе.

– Когда дети есть, это счастье... но в жизни всё не просто...

Анна Ивановна говорит, что Мария Александровна из барынь. Она москвичка. Муж её, видный инженер, расстрелян в тридцать седьмом, а её выслали. Она моложе бабушки, но больная и работать не может. Живёт подаянием. Какая-то сердобольная женщина пустила её в баньку. Мария Александровна ни к кому в дом поселиться не хочет, боится поставить людей под угрозу. Мы с Юркой думаем, что в ней есть что-то опасное для других. Но мама с папой не боятся, значит, и для нас это не страшно. Она хорошая, только несчастная, думаю я. А вот можно ли несчастьем заразиться, я не знаю. Но прихожу к выводу, что если любить и не бояться, то нельзя.

От нас Мария Александровна раз в неделю уносит полные сумки продуктов. Это тряпичные сумки, она связывает их пояском и вешает через плечо, чтобы легче нести. Картошка, морковь, лук, свёкла, кусочек сала, а зимой ещё и кусок мяса или домашней колбасы.

Она ходила к нам семь лет, с моих пяти и до двенадцати, и стала, по сути, членом семьи. И только однажды мне довелось побывать в её убежище.

Как-то она не пришла в назначенный день, и мама забеспокоилась. Но когда Мария Александровна пропустила и следующий раз, мама, кляня себя, что сразу не сбегала, отправилась её разыскивать. Она и адреса не знала, только улицу да имя хозяйки. Но язык дошёл, нашла.

– Боже мой, – плакала мама вечером, рассказывая папе, – от неё за две недели ничего не осталось, сгорела вся.

Наутро она пойдёт в районную больницу и уговорит врачей взять больную в стационар. Прихватив одеяло и большие санки (папа в этот день отсутствовал, а медлить было нельзя), мы с мамой отправляемся за Марией Александровной. Дверь закуржавела и занавешена старым одеялом, чтобы холод сразу не кидался на больную. Тут всё и пространство-то два на два. У стены лежанка, старый истёртый ковер, всё ещё поражающий дивным рисунком. Спиной к коврику Мария Александровна, полусидя, задыхается от кашля. Самодельный столик. И старинная икона в углу, и взгляд Спасителя, от которого я, передвигаясь на крохотном пространстве, не могу спрятаться.

Мама помогает больной одеться, а я то шагну влево – смотрит, то вправо – всё равно взгляд на мне.

– Милые вы мои, – бормочет Мария Александровна, – да как же вы меня повезёте, в такую даль, на саночках...

Она всё время останавливается, скажет два слова, отдышится, потом снова:

– Дай вам Бог, Анна Андреевна, дорогая... вам и вашей семье... как я вам благодарна... за всё... и вашим деточкам...

Мама машет рукой:

– Не говорите, молчите, Марья Александровна, вам и так трудно, ничего я особенного не делаю, разве вы бы для меня не сделали.

День морозный, ветреный, сухой снег, как иголочками, колет лицо. Мы закутываем больную в одеяло, усаживаем на санки и, впрягшись, катим в больницу.

Проболела Марья Александровна месяц. Кроме пневмонии у неё оказался цирроз печени. В больнице она и скончалась. Маме с папой

не отдали её. Хоронили по-казённому как поднадзорную. Не знаю, присутствовала ли я на захоронении, или только воображение нарисовало мне сцену похорон по рассказам папы. Но я отчётливо помню, что хоронили её без гроба, и вижу, как падают в могилу куски мёрзлой земли, и вздрагивает под ударами тело.

Она была последней в своём славном дворянском роду...

Вольдемар Горх **ПАМЯТЬ** **(Из новой книги)**

Истинно велик тот человек, который овладел своим временем.

Гомер



Степанида давно уже перестала считать свои годы. Да и то сказать, троих мужей, брата и троих детей пережила. Изо дня в день молит она Бога, чтобы тот прибрал бы уже и её. Только, видно, решил Он дать ей ещё немного сердечной утехи напоследок – правнукам порадоваться, а, глядишь, – и праправнукам. И годы, и невзгоды высушили её тело, да и видеть стала хуже, но с домашними делами всё ещё справляется сама. Когда-то резвые ноженьки теперь в суставах ноют, но пока ещё ходить можно без ба-тожка, уверенно. Одна беда – плохо стала Степанида спать ночами. Не потому, что боится не проснуться, – просто память долго цепляется за прошлое. Вот и ворочается она с боку на бок, затихая, лишь припомнив особо яркие видения из прожитой жизни. Ей бы уже и забыть всё надо, но и в этом Природа помогла. Всё помнит. До мельчайших подробностей помнит. Всё то, чего уже нет, что было и прошло, чему радовалась и от чего плакала. Но как давно это было...

...Лет, наверное, тринадцать ей стукнуло, когда убили деда прямо во дворе куреня. Смута в это время была на Дону. Кто-то от кого-то убегал, кто-то наступал, а кто-то отступал. Стреляли со всех сторон. В один из таких заполошных дней забежал к ним во двор вооружённый казачок и давай выводить их Буланчика. Перегородил ему дед дорогу с саблей наголо, да тут же и упал от пули под ноги лошади, судорожно сжимая в руках эфес.

Гуторили соседи, что отец якобы разыскал убийцу и застрелил, да только горя от этого в семье не убавилось. Не высохли ещё слёзы по деду, как пришла новая беда – убили под Перекопом её старшего брата. А через месяц привезли домой всего израненного отца. Мать долго отпаивала его всякими отварами, с наговорами, да раны мазала кашицами из разных трав с мёдом и чесноком. Сильна была их любовь друг к другу и к жизни, так что через год отец опять стал основной опорой в пошатнувшемся хозяйстве, и, наверное, в доказательство неиссякаемости казачьего рода – Чуба – произвели они на свет ещё сына.

Память! Дорогой ценой оплачена она!

...Степанида с подружками уже и на игрища бегала, и парни подолгу останавливали свой взгляд на её расцветшей груди, как в дом постучала беда. Беда – особая, не только одной семьи, а горе всенародное: началось «рассказывание». Днём и ночью выли в станице бабы да ухали выстрелы. Восстал против произвола новых властей «царев охранный люд границ», и запольхали станицы. За жизнь и волю бились одни, за дармовой кусок – другие. Много кровушки вобрала в себя донская земля, да и сам Дон вдоволь напитался людскими жизнями и горем.

Сила Советов одолела непокорившихся. И разом превратила всех в крестьян, заодно перераспределив земельные наделы. А особенно строптивых да зажиточных отправили в тюрьмы и в Сибирь.

...Увозят всё дальше и дальше в таёжную глушь десять казачьих семей сибирские ездвые в сопровождении милиционера. До самого вечера везли под вой пурги и стон высоченных сосен. Всё здесь пугало степняков: молчаливые лошадики, еле заметные дороги, снежные сугробы, тёмная тайга...

Деревня показалась неожиданно, вдруг, за очередным поворотом. По дымкам из труб определила Стеша, что село это небольшое и расположено вдоль реки, по берегу которой – сразу лес. Насколько было видно, избы всё добротные, за высокими заборами, с резными наличниками на окнах. Рядом с каждым домом – такие же добротные амбары, скотные дворы, навесы, бани. У некоторых хозяев все постройки объединялись общей крышей. Во всём чувствовалась какая-то особая укладистость жителей.

Наспех распределили всех на ночлег в местном исполкоме и в избе-читальне.

Наутро спозаранку вызвал всех казаков к себе в кабинет председатель Совета и сообщил, что прибыли они под надзор на место ссылки – в деревню Листвянку. Живут здесь, в основном, потомки ссыльных поляков, ещё со времён польского восстания. Блюдут законы своих предков: не воровать, не богохульствовать, жить в ладу с совестью, дружить с соседями, выполнять решения местного схода и работать, работать, работать. За всякое нарушение – отселение в тайгу, а тогда – выживай, как знаешь...

Окинул молодой сельсоветчик взглядом новоприбывших, как бы проверяя, поняли или нет всё сказанное, и, засмотревшись на Стешу, продолжил:

– Все ваши семьи распределим по добрым хозяевам, жить будете на правах работников – за кров, еду, одежду. Каждой семье по количеству едоков выделим землю, определим место усадьбы и отведём лесосеку. На всё устройство даётся два года. Кто за это время с задачей не справится, будет отселён в тайгу.

Ох, и суровый край – Сибирь. И люди здесь с виду суровые. Но если попадёшь в беду, а рвёшься выбиться – поддержат, помогут, без пышных слов и похвалы.

...В часы бессонницы вспоминала Степанида, как в один из мартовских дней в уже построенный дом пришёл со своим отцом сельсоветчик Вольдемар, и началось сватовство. Долго судили и рядили взрослые, каждый на свой лад, пока не получили согласие Стешы. Через две недели сыграли свадьбу, и зажили молодые в своём собственном доме. Любила ли она своего мужа? Степанида и сейчас не знает. Наверное, просто бежала от нищеты и позора к этому умному, работающему мужику, а потом привыкла к его ласке и доброте.

Первенца назвали Яном.

...Слёзы бегут по впалым щекам Степаниды, плачет, причмокивая, как в детстве, губами. Вспомнила тот пожар в жарком июле, когда она с младшеньким побежала попроведывать родителей, а вернулась к пепелищу. Ничего не осталось. Даже косточки мужа и сына с трудом обнаружили в огромной куче золы и угля.

Через год умерли один за другим мама и папа. И начала она хозяйствовать вместе с младшим братом, взвалив всю тяжесть

жизненного бытия на хрупкие плечи юноши, и раненую свою душу тоже не пожалела. На сон урывала Стеша часа четыре, не больше. Всё остальное время работала, работала до ломоты в спине, до головокружения. За постоянными заботами о брате и сыне постепенно поухнула ноющая печаль о погибшем старшеньком и о муже, а через два года и вовсе смирилась с утратой. Даже сны стали сниться с любовными утехами. От этого просыпалась и начинала оплакивать свою вдовью долю в двадцать три года.

...Ворочалась, ворочалась Степанида, но под утро окунулась в крепкий сон. Видится ей, как открылась дверь и в просвете стоит второй её муж – Георгий Злобин с двумя своими детьми на руках. Протягивает ей детей и просит:

– Возьми их, ведь умрут без матери. И меня возьми в мужья, тяжко одному, да и тебе помощник нужен.

Обняла Стеша детей и заплакала.

От своего же рыдания и проснулась, крестясь, присела и проговорила:

– Так оно и было.

Подумала немного, встала, подошла к иконе и принялась причитать:

– Ты уж, Георгий, прости меня за то, что с тобой произошло. А детей я всех вынянчила, вырастила. Только вот Коленька наш с войны не вернулся – погиб под Воронежем. Зато Машенька стала уже бабушкой. Братишка мой тоже погиб где-то, даже похоронка на него не пришла. Меньшая наша доченька – Наталья – уже дважды бабушка. Ты уж, меня, Георгий, больше не беспокой. Скоро там встретимся и обо всём поговорим.

Степанида зажгла у иконы свечу и, глядя в лик святого, задумалась. Вспомнился ей тот день, когда пришёл к ней в дом вдовый Георгий с двумя малолетками и просил выйти за него. До слёз стало жалко ей детей, да и он сам – мужик видный, вот и согласилась. Всего-то два года и прожили в любви и согласии. Дочку родили. В семье появился достаток. Радовались жизни, да только радоваться рановато начали. Как раз в год рождения дочери началась коллективизация. Всю скотину со двора согнали в общий загон. Лошадь забрали. Даже гусей и кур велели отдать. Рассердился Георгий и ночью всю птицу порубил. А через три дня за это арестовали его и отвезли

в районный центр. Через неделю, правда, отпустили, но прежде тумаков надавали, и даже расстрелом пригрозили за саботаж коллективного хозяйствования.

Спешил мужик домой к семье, торопился. Решил срезать путь и пошёл напрямки по уже серому речному льду. В одном месте подтаявший лёд не выдержал, и Георгий по грудь окунулся в ледяную воду. Хоть и был крепок телом, но простуда осилила его. Умер, когда дочери и двух лет не исполнилось.

Заволокло тучами Стешино ясное небо. Десять лет каторжного труда в колхозе, да дети-несмышлёньши подорвали здоровье. Спасибо добрым людям: помогли, детей поддержали и её на ноги поставили.

Ох, и сурова же ты, Сибирь! Даже одежда на каждого нужна особая – по сезонам года, да ещё и зимняя. А где же её взять на всю Стешину семью, когда на трудодень получала крохи? Как ни кроила, ни латала Степанида одежонку и обувь, в школу дети всё равно ходили по очереди – в одних опорках.

Пожалуй, так бы и до суммы дошла Степанида со своим семейством, да неожиданно приехал в село после финской войны старший брат её сторевшего мужа – Людвиг. Много добра привёз ребятишкам этот седовласый, неулыбчивый комкор. И денег дал немало. Воспряла душой Стеша: приделалась, подрумняилась. Даже походка стала более гордой, уверенной. И опять для неё засияли на небе звёзды и ярче засветило солнце. Молодая, красивая вдова приглянулась и пришлась к душе Людвигу. Стал у неё частым гостем. Учил детей, готовил обеды, даже помогал по хозяйству. Стеша такое его внимание к своей семье вначале отнесла за счёт родства, но когда догадалась – обомлела. А он без всяких околичностей и клятв предложил ей руку и сердце. Так и стала она женой Людвига, который был старше её на пятнадцать лет.

Перед тем, как уехать на новое место службы, он в военном комиссариате записал на себя Стешу и всех детей, пообещав выслать ей через месяц вызов. Плакать бы надо Стеше на проводах, а она улыбалась, обнимая его. Так и расстались в мае 1941 года: весёлые, радостные, не ведая, что через месяц грянет война с фашистской Германией и потеряется в этой мясорубке след её мужа.

А она ждала его. Вот уже и похоронка пришла на брата, приёмный сынишка пропал где-то, сын ушёл на фронт, а она всё ждала и ждала...

Если бы её спросили, как она жила в военное время, то ответила бы:

– Как все. Работала от зари до зари за всех ушедших на войну мужиков, недосыпала, недоедала. Прибегу домой уже затемно, похлебаю, что дети приготовили, сяду за стол, чтобы пошить, подлатать детскую одежку, да так и усну с иглой в руках. Единственная радость – письма от сына с фронта.

Степанида хорошо помнит, как радовались победе, радовались всем селом прибытию домой каждого солдата. Брюхатели тут же жёны, а те, кому это уже не суждено было, старели прямо на глазах, горбились не по годам да лили слёзы в подушки. Много выплакали слёз, много...

Вроде бы и вздохнули бабы на селе, надеясь теперь на мужскую силу. Да только вместе с фронтовиками пришла на село ещё и беда – пьянство. Заливали мужики очи свои зельем, разум туманили, чтобы хоть как-то затмить военные воспоминания, череды смертей и вой снарядов. Долго пьянствовали, матерясь и кому-то грозя, пока не пришёл с фронта Степанидин сын Евгений со своим командиром-полковником. Отдохнули два дня, отмылись в бане воины и отправились мужиков воспитывать. Собрали их вечером на берегу реки и такую загнули фронтовую речь, что мозги разом у всех просветлели. Евгения через месяц на общем колхозном собрании избрали председателем колхоза, а полковника (по рекомендации райкома партии) – секретарём парткома. Так и покатались дальше судьбы многих по ухабистым дорогам колхозной жизни.

...Степанида внезапно проснулась в середине ночи от такой непереносимой тоски, что сразу и не поняла, где она находится и почему вместо окон видны тёмные глазницы. Встала, зажгла свет и сразу же увидела в чёрной рамке улыбающегося сына. Вся грудь увешена орденами и медалями. В её памяти высветился тот печальный день, когда хоронили её Женьку. Ему бы жить да жить. И жена хорошая, работающая. Двое детишек-погодков. Уважаем был сельчанами. Председательский свой крест нёс с достоинством. А вот – нет! Приехал в обед с заседания бюро райкома расстроенный чем-то, прилёт на её койку отдохнуть и уснул. Уснуть-то уснул, да не проснулся; шевельнулся фронтовой осколок в груди около сердца, да и ткнул его. Головой билась о землю Степанида и выла:

– Меня, меня схороните вместо него. Меня!..

В этот день впервые совершила она кощунство – Бога прокляла. Видно, с этого дня и он её проклял – не даёт смерти.

Поплавав, Степанида оделась и тихонечко вышла из дома. На кладбище разыскала могилку сына, присела у оградки, да и проговорила с ним до утра с такой безмерной любовью, какая может быть только у матери.

...Вспомнила Степанида, как через год после смерти Сталина приснился ей вещий сын. Видит она идущего ей навстречу мужа Людвиг в оборванной генеральской шинели, лысого, с огромной бородой. Подошёл, обнял её холодными руками и говорит:

– Жив я ещё, Стешенька, а ты меня похоронила. Жив я, жив!

Никому про тот сон Степанида не сказала, но упрёк мужа настолько близко приняла к сердцу, что поверила в него и даже ждать стала Людвиг.

Прошли годы. Сон постепенно забылся. Однако лет через пять разыскал её однополчанин мужа, передал ей личные вещи Людвиг, предсмертные письма к ней и справку о его посмертной реабилитации. Из его рассказа следовало, что сразу же в первый месяц войны попали они в окружение. Три месяца с боями пробивались к своим. А когда всё же пробились, их арестовали, обвинили в предательстве и отправили на Колыму добывать золото и строить фабрики. Кровь стыла в жилах от этих рассказов. Разум отказывался понимать зверство, чинимое там над ними.

После расстрела Берия во всех северных лагерях началась крупномасштабная амнистия. Под неё попали и они с Людвигом. Только не дотянул Стешин генерал до материка – умер дорогой. Похоронили в Сусумане. Вот и выходит, что жив он был в то время, и весточки посылал Степаниде, и наверняка мечтал вернуться в мирный солнечный день, какой был при их расставании.

...Второй день ни с кем не разговаривает Степанида. Обиделась на своих. Отмечали позавчера её восьмидесятилетие. Много народа понаехало. И районное начальство прибыло. По такому случаю Степанида даже заранее зубной щёткой протез почистила. Дарили цветы, много цветов, и речи говорили. Много добрых слов о себе услышала Степанида. Вино пили за её здоровье. Всё было чинно, благородно до той поры, пока «пострел вертлявый», внук

Витька, не привёл свою подругу. Не девица, а страх божий: голова бритая, веки и ресницы чёрной краской наведены до висков, а в носу торчит заклёпка, пуп оголён, а на нём кольцо, и брюки сшиты так, что видны половинки ягодиц.

Не вынесла такого позора Степанида, да как стукнет кулачком по столу! И давай Витьку отчитывать:

– Это как же ты, антихрист, позволяешь человеку такое над собой вытворять? Зачем же так измываться над женской красотой? Это же не девка, а обезьяна! Да с меня бы за такое отец шкуру нагайкой спустил! Совсем стыд и срам потеряли! Вон с глаз моих!

Всем попало от неё: дочерям, снохам, даже внучкам, а заодно и правнучкам. Выговорившись, стукнула ещё раз кулачком по столу и ушла к себе в комнату. Объявила всем бойкот – не разговаривает.

Накричать-то накричала, а когда из зла-то вышла, начала сама себе выговаривать:

– Ты что же это, Стеша, совсем ополоумела? Не видишь разве, что мир перевернулся, и нет уже советской власти, а всё кругом «бизнес». Правнуки твои уже истории своего народа не знают, не говоря о патриотизме. Всё продаётся и покупается. Вон внук твой – Игнатий – уже каким-то «олигарком» стал. На японской машине катается. Он что, заработал всё это? Нет! Наверняка нет! Хапнул, видно, где-то добра, которое ты горбом своим создавала. И дети его наверняка в него пойдут, такие же хапуги. Если, Стеша, нет государства, так ты его задачи за него не решишь. Угомонись, Степанида!

...Присела как-то поздним вечером Степанида на скамеечку в саду и залюбовалась хороводом звёзд на небе. Звёзды жили своей жизнью: зажигались, гасли, а где-то вспыхивали ещё ярче, напоминая ей жизнь человеческую, в память о которой, возможно, и зажигаются эти звёзды после смерти людей на земле.

А если – так, то ради этих звёздочек-памяток можно и умереть. И вспомнились ей некогда вычитанные или услышанные слова:

*Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима...*

Роман с продолжением...



Николай и Светлана Пономаревы
ГОРОД БЕЗ ВОЙНЫ
Роман
(Продолжение. Начало см. «ГС»
№№ 3-7)

17

Уникальный мальчик, – сказал маленький седой старичок, поправляя на Сашке одеяло. – Вы, коллега, можете диссертацию писать. Сколько раз мы его похоронили? Вот они, скрытые резервы человеческого организма. А где, кстати, Катерина Григорьевна?

– В гимназии. Скоро вернётся.

– А Вы, молодой человек, в рубашке родились. Неслыханное везение! Ну и, конечно, Вере Ивановне да Катерине Григорьевне должны всю жизнь благодарны быть.

Сашка наконец-то понял, что лежит у Кати дома, а кроме старичка рядом стоит Катина мама и сам Краев.

– Ну, здравствуй, Саша Ерхов, – сказал он. – Я вижу, теперь ты меня слышишь.

– Здравствуйте, господин офицер.

Старичок галантно поцеловал Катиной маме руку и ушёл, а Краев сел рядом с Сашкой.

– Значит, ты теперь штурмовик?

Сашка хотел ответить, но Краев только махнул рукой.

– Не оправдывайся, ты в бреду тут столько нам рассказал – что надо и что не надо. Такого за три дня наслушались!

– Три дня? – Сашка не мог даже представить, что он провалялся здесь без памяти целых три дня. – Я тут так долго?

– Да, приятель, сегодня уже 24-е октября. Ты себя как чувствуешь?

– Хорошо.

– Повезло тебе – организм молодой, сильный. Такой с чем угодно справится. А помирать тебе, кадет, как ни крути, было рановато, – Краев усмехнулся. – Ну ладно, после поговорим. Когда совсем подлечишься. Надо же думать, куда тебе деваться дальше...

Все мы – герои своих романов.

Мэри Маккарти

Краев снова улыбнулся и вышел, а Сашка стал медленно подниматься. Чувствовалась слабость, но нигде ничего не болело. Сашка подошёл к окну. На улице лежал снег и, наверное, было очень холодно. Тяжёлые шторы по бокам окна мешали свету проходить в комнату. Сашка отодвинул их, с удивлением обнаружив на своих венах синяки и точки от инъекций. Потом приблизился к полкам с книгами, пробежал взглядом по корешкам, наткнулся на старинный том в золочёной обложке, вытащил. «Библия» – было написано на переплёте.

Сашка сел на диван и открыл книгу: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста и тьма над бездною». «Как у нас на развалинах, – подумалось. – Тоже пусто и безвидно». Дальше неведомый Сашке Бог творил твердь и море, растения и животных, солнце, луну и звёзды, человека. «Это он промахнулся. Мог бы уж такую тварь и не придумывать, – Сашка поставил книжку на место и усмехнулся. – Человек произошёл от обезьяны. Никто не мог создать такое недоброе животное по своей воле».

– Саша!

Он удивлённо посмотрел на дверь и увидел радостную Катю. Она быстро подошла к нему, обняла, отошла опять. Он стоял с широко открытыми глазами, ничего не понимая.

– Наконец-то! Мама вчера сказала: или сегодня очнёшься, или точно умрёшь. Знаешь, как я эти дни переживалась: на уроках не могла спокойно сидеть! Приду из гимназии – и сразу к тебе. А у тебя жар, постоянно компрессы менять нужно. А однажды ты задышаться стал, я так напугалась, что плакала. Хорошо, что мама была дома. Ты хоть помнишь, что чуть не умер?

– Я думал, что уже мёртвый, – признался он. – Я даже видел, как меня хоронят.

– А какую чепуху ты нёс всё это время! Тебе каждый день успокоительное кололи.

– Сделаете наркоманом, – проворчал Сашка. Ему было неловко – мало ли что он успел тут наговорить.

– Нет, это не опасные уколы, – пояснила Катя. – К ним не привыкают. А ты красивый... У тебя черты лица правильные.

И зачем ты в штурмовики пошёл? Там же одни убийцы. Тебя вон как избили, до сих пор синяки видно. Не ходи туда больше. Тебя там совсем убьют или станешь наркоманом. Там, говорят, одни наркоманы. А ещё, говорили в гимназии, что там голод был страшный и даже людоедство. Как раз, когда ты ко мне приходил. А ты ничего мне не сказал... Ты ведь голодный совсем был, а я и не знала.

Сашка подавленно слушал эту болтовню. Зачем Катя всё это говорит? Она ведь совсем ничего не знает. Живёт в хорошем месте и невдомёк ей, что места есть другие. Там другие законы и живут по-другому. А судит она об этих местах только по сплетням, да официальным сообщениям, в которых почему-то всегда говорят про жизнь в городе, о том, как всё хорошо, а о развалинах ничего. И если штурмовик, то непременно убийца. Хотя... Он, Сашка, был самым настоящим убийцей.

Кажется, последнее слово Сашка произнёс вслух, потому что Катя вдруг прервала свой восторженно-озабоченный поток слов и внимательно смотрела на него:

– Нет, ты – не убийца... Я так не говорила. Какой же ты убийца: ты добрый и справедливый... Папа о тебе только хорошее говорит.

Сашка раздражённо отвернулся. Когда-то он действительно был добрым, справедливым. Очень давно, и теперь вспоминать об этом не хотелось. Теперь он совсем другой. Ничего хорошего в нём не осталось, от него лишь вред и неудобства.

– А скоро, – донеслось до Сашки, – Кеша придёт, он каждый день ходит. Из кожи вон лезет, чтобы мне понравиться! Только он не в моём вкусе.

– Он хороший, – задумчиво пробормотал Сашка.

– Ну уж не лучше тебя, это точно, – засмеялась Катя. – Он меня вчера до гимназии провожал. Только о ферме какой-то да о деньгах и разговаривал. Будто тем никаких больше нет. С ним скучно. И шлем у него такой дурацкий...

– Кеша мой друг.

– Ладно, ты не обижайся. Ты его, конечно, лучше знаешь... В дверь настойчиво постучали.

– А вот и он, – сказала Катя. – Пойду, открою.

Кеша появился на пороге комнаты бледный и обеспокоенный. И сразу заявил:

– Дурак ты, всё-таки, Сашка! Так всех перепугал. Я вот иду и боюсь, что ты помер.

Сашка пожал плечами:

– Я же не специально. А Хнык там как?

– Сдохнет он, как же... Походил пару дней с соплями, да и всё. Олег тебе, кстати, спасибо передавал. За то, что ты этого шпенька таблетками накормил. Носится со своим Костиком, будто делать ему больше нечего...

– Я пока пойду, – неуверенно сказала Катя, – чайник поставлю. А ты бы, Саша, лёг. Тебе нельзя ещё долго ходить.

Когда Катя вышла, Сашка лёг, а Кеша сел рядом и приглушённым шёпотом сообщил:

– Этот дядька, Катькин отец, классный мужик. Узнал, что ты штурмовик и не выгнал. И тётка здоровская. Сколько я хожу, она меня всегда кормит. Я у неё ложку спереть хотел, да передумал: хорошие люди, неохота им гадости делать...

– Кеша, я, наверное, наболтал тут... Ты не знаешь? Про Лёву, или ещё про что.

– Да не, – Кеша старательно подумал, – ты про Лёву не вспоминал. Только про Илью какого-то. Всё его звал. Но я вообще-то тут не всё время кантовался. Ты лучше у Кати спроси, она возле тебя часто сидела, свечки зачем-то жгла. А ты, дурик, ей даже стихи читал. Только имей в виду, она ни фига не поняла, она этих ваших пустыльников никогда не видела и ни слова по-ихнему не знает...

– Стихи? – Сашка поморщился. – Не помню.

– А-а... А я решил, что у вас с ней любовь. Ты за неё так в бреду цеплялся, как за мать! Ой, прости.

– Кеша, я совсем ничего не помню!

– Так, значит, Катя свободная? Ну, так даже лучше. А то бы отбивать у тебя пришлось. Возни чёрт знает на сколько...

Пришла Катя, принесла чай и печенье, поставила поднос рядом с Сашкой на диван:

– Ну что, поди, о войне говорите?

– О ней, конечно, – согласился Кеша. – О чём ещё мужчины говорить могут? Или о войне или о женщинах, но с Санькой о

женщинах не очень-то поговоришь, он у нас не дорос до таких интересов.

Кеша болтал и болтал, и никак не мог остановиться. Сашка сначала незаметно толкал его локтем, потом перестал – и толкать перестал, и слушать. «Дурак ты, Кеша. Сидишь, лапшу девчонке на уши вешаешь, а зачем? Ну, влюбится она в тебя, и что? Женишься и приведёшь к нам в развалины? Или к бате твоему на ферму? Ей другая жизнь нужна»...

Но Кеша, похоже, этого не понимал. Он просидел у Кати до самого вечера и обещал явиться и завтра. Катя утомлённо вздыхала, старательно не обращала на Кешу внимания, но тот оказался на удивление упрямым. Сашка, ещё слабый после болезни, засыпал и просыпался, а Кеша всё торчал в комнате. Сашке было стыдно за такого болтливого и бестактного приятеля, стыдно за себя, принёсшего, наверное, столько неудобств семье Краева. Вот, валяется тут, Катин диван занимает, а она спит в общей комнате. А если посчитать, сколько на него перевели лекарств... Да он никогда не рассчитается! Надо было скорее уходить в развалины. Правда, он ещё кашлял и, даже добравшись всего лишь до кухни, чувствовал усталость, но ведь лежать можно и в развалинах, никого не стесняя...

На следующий день с утра Катя ушла на занятия, а Краев по делам. Сашка остался с Верой Ивановной. Он полистал книжки из шкафа, но, как ни странно, читать не захотелось: что такого могло оказаться в книгах, что могло бы ему сейчас помочь?! Сашка выглянул в большую комнату, подошёл к фотографии Катиного брата. Поднялся на цыпочки и посмотрел внимательнее, решая, похож парень на Краева, или на его жену. Подумал, что на Краева.

На кухне чуть слышно звякала посуда. Сашка вошёл туда. Вера Ивановна мыла тарелки.

– Вам помочь?

Катина мама обернулась:

– Спасибо, не надо. Сядь, посиди. А, может, ты кушать хочешь?

– Не хочу.

– Совсем ничего не ешь, – покачала она головой. – Так ослабнешь и, чуть что, заболеешь снова. И кто знает, чем это кончится в следующий раз.

– Простите меня, – сказал Сашка, – и я хотел Вам сказать, что мне надо вернуться в бригаду.

– В бригаду? – Вера Ивановна всплеснула руками. – В разбомбленный дом? Ты с ума сошёл? Там нельзя находиться! Вас всех оттуда надо увести в город! Дети с автоматами, какой ужас!

– Я не ребёнок, – Сашка встал. – У меня контракт, я обязан быть там, в бригаде. Собственно, за это мне платят деньги.

– И много? – послышалось с порога.

Сашка обернулся. Краев стоял, опершись о дверной косяк и скрестив на груди руки.

– Тридцать марок в месяц, плюс боёвки.

– Огромная сумма...

– Зачем Вы надо мной смеётесь, господин офицер? – обиделся Сашка. – Конечно, мне не заплатят столько, сколько Вам. Но у меня ведь нет образования, нет звания и, наверное, не будет никогда. У меня даже родственников никаких нет. Что мне остаётся делать?

Краев прошёл к столу, налил себе воды из кувшина, затем поставил кувшин на стол и снова взял.

– Я не смеюсь, – сказал он, наконец, – я хочу, чтобы ты обдумал одну вещь: почему в прекрасном городе, за который ты готов воевать почти бесплатно, человек не может, допустим, поехать в гости в город соседний. Почему ни у кого нет выбора, где находиться, и почему шестнадцатилетнего мальчика, который пытается этот замечательный город покинуть, Контора ищет с помощью вертолётца. А потом подумай, за что друга этого мальчика выгоняют из нормального учебного заведения и просто суют в помойную яму. Где, кстати, уже находится тысяча ему подобных. И так ли уж хорош тогда этот город?

– Вы про нас с Ильёй говорите, – догадался Сашка. – И про наши развалины. Только странно... Вы сами в Корпусе нас учили город любить. И жизнь за него отдать, если надо.

– И ты сейчас город любишь? Вот если совсем честно? Я тебя Конторе не сдам.

Краев смотрел на Сашку и, как тому казалось, ехидно улыбался.

– Да сдавайте, пожалуйста. За меня и плакать не кому. А люблю ли я город, я не думал. Но я ему присягу давал. И не предавал его, как Илья. И не сделаю этого...

– А-а... – Краев вздохнул так, как обычно вздыхал, когда на его занятиях неправильно отвечали на вопросы. – Я думал, ты эту историю, что с нами произошла, обдумал... Ты ведь умный парень.

– Я-то умный, – зло сказал Сашка, – а из-за таких, как Вы, господин офицер, мы до сих пор не победили. Потому что солдат не должен сомневаться. Сами так учили. А выходит, не верите в то, чему учите... А я Вас больше всех уважал.

– Да, я не верю, – согласился Краев. – А сомневаться и солдат имеет право, иначе он не человек, а механизм какой-то...

Они немного помолчали. Потом Сашка встал и сказал:

– Я ухожу в бригаду. Скажите, сколько я вам должен за лечение, я заработаю и принесу.

– Не говори ерунды! Никуда ты не пойдёшь!

– Пойду, – Сашка улыбнулся. – Я понимаю, вы мне жизнь спасли. Но Вы мне всё-таки не отец и теперь уже не учитель. Так что я пойду. Думаю, мне повезёт. Я дослужусь до командора, а может, и до кондора. А другого выхода у меня и нет...

– Выход всегда есть. Просто не нужно торопиться. Нужно ждать и думать. Поторопишься – снова окажешься в таком месте, откуда пришёл к нам... Не лучшее место в городе, верно?

– Господин офицер, – сухо сказал Сашка, – Вы ещё напомните мне, что у нас одни бандиты. Расскажите что-нибудь про вшей или про людоедство. Только я это всё знаю сам. Лучше ответьте, Вы возьмёте меня прямо сейчас в часть, где служите?

– Нет, – Краев, наконец, вспомнил про наполненный стакан, глотнул из него воды, – я не могу этого сделать. Во-первых, для регулярной армии ты маловат, во-вторых, кандидатов к нам проверяет Контора, я и сам там почти незаконно.

– Вот видите... так чего мне ждать?

– Остайся у нас, – сказал Краев, – хотя бы пока холодно, а там будет видно.

Сашка засмеялся:

– У нас в бригаде есть один пацан, который очень хочет, чтобы его усыновили... Только это не я. Я как-нибудь разберусь сам. И с городом, и с собой... Разрешите идти, господин капитан?

Он вышел из кухни и услышал, как Вера Ивановна говорит мужу:

– Гриша, он же ещё ребёнок. Ну зачем такие разговоры?

«Плохой город, хороший город, каждый говорит своё, – думал Сашка. – Но в другом городе я не окажусь. И кто сказал, что там лучше? А здесь у меня друзья, соседи, Катя, вон, в конце концов. Вдруг Бельские войдут в наш город и начнут убивать всех подряд? Кто защитит ту же Катю? Её надо защищать. Её, мать её, других женщин. Пусть мне не нравится Глава, всё равно я солдат. И Краев тоже. Это же так просто. Защищать то, что вокруг тебя...»

Сашка ушёл вечером. Несмотря на возмущённые возгласы Катиной мамы о том, что он ещё кашляет и непременно заболит опять, несмотря на сдержанные попытки Краева поговорить. Говорить, по его мнению, было не о чем. Да и опасался Сашка, что Краев в чём-то прав, а он, Сашка, малолетний дурак и ничего не понимает. Катя отдала Сашке одежду, в которой он пришёл – теперь выстиранную и поглаженную. Сашка порылся в карманах куртки. Слоновий зуб и календарик лежали на своём месте. Рисунок на календарике облез, но числа различить ещё было можно. Разгладив вещичку, Сашка аккуратно положил её обратно.

Краев молча пожал Сашке руку, а Катя вышла вместе с ним во двор.

– Вот, возьми, – протянула она ему небольшой свёрток.

– Что там?

– Понимаешь, там свечки. Настоящие свечки, восковые. Если их зажечь и смотреть на огонь, то можно от любой болезни очиститься. Так один мой знакомый с философского факультета сказал. Я, когда ты болел, зажигала.

– Спасибо, – Сашка сунул свечки в карман. Надо было ещё что-нибудь сказать, но ничего не приходило в голову, и он пошёл к калитке.

– Саша, – позвала вдруг его Катя, – Саша, я давно хотела сказать... Ты мне нравишься. Очень.

– Ты, наверное, самая лучшая девушка на свете, – ответил Сашка, стараясь улыбнуться, – но я тебе нравится не должен. Прости.

Потом он пошёл очень быстро – чтобы не остановила, не сказала что-нибудь ещё. Они не должны были общаться. Они были теперь слишком разными людьми...

Первый, кого Сашка встретил в развалинах, был Хнык: тот сидел на мешках в подъезде, одетый в чёрную форменную куртку, из-под которой выглядывал яркий Сашкин свитер, теперь уже изрядно испачканный, и держал в руках обрез.

– Ой, Саша! Вылечился! А Кеша мне по уху дал. Сказал, что ты от меня заразился.

– Да нет, я сам простыл.

– А меня в бригаду приняли, – гордо сообщил Хнык. – Я теперь вместо Лёвы, у меня даже форма есть! Знаешь, как мне Шакал завидует! Вот скоро бой будет, так я себе денег заработаю. Жвачки куплю, может, даже конфет, и ножик обязательно! Как ты, Саша, думаешь, хватит мне и на хавчик и на ножичек?

– Смотря сколько жрать будешь, – сказал Сашка и пошёл наверх.

Дверь в квартиру была закрыта. Сашка постучался, открыл Шиз.

– Ты, чёрный дух?

– Я, – согласился Сашка.

– Видел белых духов, – сказал Шиз. – Они сказали, что ты не готов. Поэтому ты и жив.

– А мне одна девчонка сказала, что я живой остался, потому что она свечи жгла. Вот такие, – Сашка развернул свёрток.

– Это хорошие свечи, – покивал Шиз. – У тебя целых четыре.

Свечи были насыщенно-жёлтые, тёплые, и ещё они были напоминанием о Кате. «Мы не должны общаться», – вспомнил Сашка.

– Хочешь, командор, такую свечку? – предложил он. – Меняю на пистолет. У тебя ведь есть?

– На пистолет? – Шиз подумал. – Две свечки. – Он пошёл к себе в комнату и вернулся со старым браунингом в руках: – Давай.

«Меняю любовь на ствол», – мелькнула мысль. Сашка улыбнулся.

– У тебя ещё две, что будешь с ними делать?

– Молиться буду этому, как его, который нас сотворил.

– Ты на верном пути, дух, – сказал Шиз. – Я тоже за тебя помолюсь.

Сашка прошёл в свою комнату, лёг на лежанку. После дивана доски казались жёсткими и неудобными. «Где Кеша? Куда этого трепуна унесло?» В мангале горели мелкие угольки. «Можно на них смотреть, тоже огонь. Смотреть и молиться? А как? Шиз просто уставится в одну точку и сидит, а что он при этом думает, никто не знает. Может, он и не молится, а думает, какие мы все козлы и уроды». Сашка смотрел перед собой на край порванного одеяла и понимал, что ему всё-таки очень не хватает Кати. Вспоминалась её забота, её прикосновения. Только продлить эту сказку было нельзя. Сашка вздохнул и принялся разбирать нуждающийся в чистке пистолет...

18

Сашкина очередь дежурить в подъезде подошла 3-го ноября. Он оделся потеплее, взял у Волка обрез и устроился на мешках. Был обычный для местной осени сырой пасмурный день, ребята грелись по квартирам, и мимо него не бегали. От нечего делать он достал из кармана одну из свечек, зажгёт. Огонёк казался маленьким и весёлым, Сашка смотрел на него и с удивлением замечал, что ему действительно становится хорошо. Так, как не было уже давным-давно. Если прищуриться, пламя как будто заполняло собой пространство и отсекало всё, что было вокруг. И, казалось, ничего и нет. Только он, Сашка, и тёплый огонёк у него в руке...

– Колдуешь?

Сашка вздрогнул.

– Я думал, у вас в бригаде один профессиональный шаман, – из угла вышел Пёс без обычной каски. В руках у него была грязная книжонка в газетной обёртке. – Не помешаю?

– Нет, садись, – Сашка задул свечу и сунул обратно в карман. – К университету готовишься? Учебники читаешь?

– Да нет, – Пёс посмотрел на книгу у себя в руках. – Это, Санёк, так сказать, криминальное чтение. Запрещённая литература.

– Разве в нашем городе есть запрещённые книги?

– Конечно, в городе нет, – усмехнулся Пёс. – А на развалинах – есть. У нас тут полиция не шарит, поэтому подлинная демократия и свобода мысли. Правда, здесь книги читать никому. Народ, сам понимаешь, какой. Так что властные структуры в относительной безопасности.

– А откуда она, книга?

– В буквальном смысле от верблюда. Мужик продавал, горбатый. Горб метр на метр, смешно. И просил всего двадцать грошей. Ну, я и взял для самокруток сразу пять экземпляров. Четыре скурил, эта последняя. Хотел тоже скурить, а потом оставил. Написана душевно. Правда, она на языке пустынников. Ты знаешь этот язык?

– Знаю, – сказал Сашка. – Только, Максим, это, наверное, неправильная книга, вредная.

– Да брось, – Максим почти насильно вручил книгу Сашке. – Вредных книг не бывает, только если очень мелкий шрифт, то для глаз вредно. А так набор букв и всё. Тут главное: как книгу понимать, какая у тебя точка зрения. Если ты дурак дураком, то одного «Кодекса штурмовика» на всю жизнь хватит, а все остальные будут вредными казаться. А если в голове мозги, то читать можно всё. Понял?

– А там про Бога есть? – поинтересовался Сашка, открывая первую страницу.

– Если принять идеал за Бога, то да. Почитай, и узнаешь. Тут тебе всё равно делать нечего. Только к вечеру верни в таком же состоянии.

Пёс ушёл, а Сашка удивленно подумал, что испортить эту книгу сильнее никак нельзя. Имя автора на обложке кто-то

зачеркал чёрным карандашом. Сашка вздохнул и, осторожно перелистывая ветхие страницы, стал читать. Это была нелепая и странная повесть о пятнадцатилетнем подростке, который родился в прифронтовом городе на глухой окраине, и никогда не видел ничего, кроме крови и смерти. Правил городом царь, который хотел воевать. На первых страницах были так красочно описаны бомбёжки, от которых пытался спрятаться главный герой, что Сашку передёрнуло. Мальчик из книжки забыл своё имя, почти ничего не слышал и, наверное, умер бы, если бы на улице не познакомился со странным стариком. Старик рассказал ему, что далеко к югу, за Бельском и Степноградом, есть город, где никто никогда не воюет, где нет голода, страха и болезней. Мальчик бежал туда из их военного города с этим стариком. Они долго шли через степь, без еды и воды, прячась от армий воюющих сторон. Старик умер, а мальчик дошёл. Город этот был красив. Он описывался так, будто автор побывал во сне Сашки. В том сне, где он видел белые дома, ровный асфальт, зелёную сочную траву, голубое небо... Люди в городе жили в достатке и были счастливы. Никакой войны они не знали уже сотни лет. Мальчик тоже стал горожанином и выучился на архитектора, чтобы строить красивые белые дома.

Сашка прочитал книжку взахлёб, не отрываясь. Его пугало и завораживало сходство воюющего города и города, где сейчас жил он. «От нас к югу находится Бельск, – вспомнил он занятия по общей географии. – А что там дальше, знает только Контора. Нам это знать не нужно. Да, где-то ещё южнее степь переходит в пустыню, а потом должно быть море. Те, кто рос до войны, ещё хранят старые карты мира, хотя Глава приказал сжечь их, как не отражающие действительность. Конечно, он прав, многие города за время войны были сметены с лица земли, кое-где поселения пустынников выросли в города. За полвека непрерывных боёв мир изменился, но море-то куда не делось! Никуда не исчезла степь и пустыня. Неужели где-то есть не воюющий город, нормальная мирная жизнь? А что такое мирная жизнь?» Сашка не мог себе этого представить. Конечно, в их центре не было боёв, но Сашка рос среди офицеров и сам готовился стать военным. Да и все знакомые пацаны только и

мечтали попасть в гвардию. «А этот их книжный царь так похож на нашего Главу – тоже толстый и в очках» – Сашка улёгся на мешки. Он пытался отогнать от себя другую мысль: как этот мальчик из повести похож на него самого. «Или на Илью? Может, Илья не в Бельск бежал? Зачем ему было бежать в Бельск? Это тоже военный город. Какая разница, где воевать? – Сашку даже пот пробил от неожиданной догадки. – Илья что-то знал, он всегда был недоволен Корпусом и Главой. Может, он хотел бежать туда, гораздо южнее Бельска? Илья, почему ты мне ничего не сказал? Мы ведь были друзьями! Я бы понял, начал бы тебя отговаривать. Ты, Илья, уже был сиротой, а у меня была мама. Я бы никуда с тобой не пошёл, а если бы стали допрашивать – всё рассказал бы. В Конторе умеют допрашивать...» Сашка то вставал, то опять ложился на мешки, от непонятных и неожиданных мыслей кружилась голова. Когда начало темнеть, пришёл Пёс:

– Ну что, не очень сложно?

– Пёс, а ты думаешь, есть такой город? Где совсем не стреляют?

– Не знаю, – Пёс вынул из Сашкиных рук книгу. – Литературное творчество – явление загадочное: или чего не бывает, так опишут, что поверишь, или настоящее так извратят... Что с них возьмёшь, с сочинителей...

Ночью дежурному на мешках спать было нельзя, и раньше Сашка крепился, как мог, но всё равно дремал под утро, а в эту ночь сон не приходил. Сашка смотрел в чёрное зимнее небо и в голову лезли мысли про город без войны, про Катю, про Илью и Кешу... Под утро Сашка услышал снаружи осторожные шаги. Он поднял обрез и лёг за мешки. Было ясно, что нормальные люди в такую пору не ходят.

– Дежурный, не стьеяй! – услышал Сашка через мгновение и расслабился: так картавить мог только Эдик Кролик.

– Заходи смело, я стьеять не собияюсь, – усмехнулся Сашка.

– Дьязнишься, заяза! – догадался Кролик. – Ташусь в вашу дыню съеди ночи, а он ещё пьикаивается.

– Не надо ночью по дьям таскаться!
 – Ядно, я же по дею! Война начаясь, пьятей! Дейжи! Ечь Гьявы, новенькая.

В руках у Сашки оказался листок с заголовком «Боевая газета». Кролик подсветил фонариком и Сашка прочитал:

«Жители нашего славного города! Беда уже на пороге. Полувоенный режим Бельска начал агрессивные действия против наших сил. Значительные стычки произошли недалеко от Южного Форпоста. Наши доблестные силы адекватно ответили бандам из Бельска и их наймитам пустынным. Настала пора начать активную контратакующую операцию, направленную на уничтожение враждебных нам банд агрессора. Весь народ как один выражает негодование, растёт наше единение. Все армейские соединения приведены в полную боевую готовность. Наши победоносные бронетанковые силы при поддержке вертолётов начали наступление. Готовится выступить военизированная служба обороны “Штурм”. Сотни жителей записываются в добровольческие батальоны. Я верю, мы победим. Да здравствует победа!»

У Сашки похолодело в груди: вот оно и началось!

– У нас на юге потейи бойшие, наш кондой скажай, чтобы все утьём бьи в степи, – продолжил Кролик. – Давай, Войка буди: надо быстьё, а то до соинца не успеем!

Сашка схватил обрез и побежал будить Волка. Кролик всю дорогу до четвёртого, Волкова, этажа шёл следом и ворчал о том, что никто на лестнице не убирается. Тем временем Сашка постучал в дверь. Её долго не открывали, прислушивались. Потом раздался испуганный голос Шакала:

– Кто там?

– Откывай, нехьен высьюшивать тут. Свои, – громко сказал Кролик.

Дверь отворилась. На пороге, освещённый Кроликовым фонариком, стоял Шакал в штанах с начёсом и тёплом свитере.

– Все спят, – шепнул он.

– А мне один хьен, – ответил ему Кролик очень громко. – Буди Войка.

Шакал шмыгнул в комнату Волка, а Сашка тем временем осмотрелся. Коридор почти ничем не отличался от их коридора, только в углу, в полутьме, стоял шкаф, в котором лежали книги, наверное, принадлежавшие Псу. Из комнаты, освещая себе путь керосиновой лампой, вышел Волк, а за ним хнычущий Шакал.

– Я, блин, думал, Шакал офигел совсем, шарах его по башке, а оказывается зазря, – улыбаясь, пояснил он.

– Ну что, готов кьёвь пьейивать? – спросил его Кролик.

– Да пошёл ты, со своей кьёвью, – ответил Волк и широко зевнул. – Что, на войну поедем?

– Непьеменно, будет штуйм Южного Фойпоста, – сообщил Кролик. – Нужны все, даже самые зачмоенные.

– На что намекаешь? – грозно спросил Волк.

– Ядно, забудь, – тон Кролика был весьма миролюбивым. – Коёче, чезз пять часов быть в фойме и полной выкьядке на пьацу дья выезда на место дисьёкации. Хойошо взять жьятвы побойше, может затянуться. Поняй?

– Поняй, поняй – иди и не воняй, – заржал Волк.

– Ну-ну, – неодобрительно сказал Кролик. – Пойду Воёнцова пьедупьезу. Пока, не кашьяй.

Кролик пошёл с четвертого этажа на пятый, а Сашка спустился на своё место. «Нас выводят из запаса, – думал он, ложась на холодные мешки. – Скоро бой. В сущности, это моя работа». «Штурмовик должен быть всегда готов к войне», – таковы были слова в «Кодексе штурмовика». «И ещё что-то про честь, храбрость», – думал Сашка. Странно, но он больше не смог вспомнить ни единого слова из кодекса. «Почему так? Наверное, я сильно болел. Говорят, иногда это влияет на память. Вот и повлияло».

Совсем скоро вышел Кролик, а за ним Витька в форме. Командор присел рядом.

– Пока, пьятейи, – на прощание крикнул посыльный кондора.

– Слушай, Витька, почему ты стал командором? – спросил Сашка, когда Кролик скрылся за развалинами.

– Это не имеет никакого значения, – безмятежно глядя на звёздное небо, ответил Витька.

– Ты вообще воевать умеешь? – поинтересовался Сашка. Витька покивал головой и, чуть помолчав, сказал:

– Я умею так же петь песни при жертвоприношениях, но я не хочу больше петь их. Я знаю и волшебные заклинания, но не хочу больше произносить их. Я читал священные книги.

– Библию? – спросил Сашка.

– Не только, – ответил Витька, – я дам потом почитать тебе «Сидхарту» и ты поймёшь меня.

– А я начал читать Библию, только мне она не понравилась, – сказал Сашка. – Не верю я ей. А ты веришь?

Витька не ответил. Он вообще в течение часа ничего не говорил, только смотрел на звёзды. Сашка попробовал тоже на них смотреть, но ему вдруг захотелось спать. Он вышел на улицу, обтёр лицо снегом и, устроившись на мешках, снова задумался о Кате. Когда начало светать, из подъезда вышел Кеша. Позёвывая, он подошёл к Сашке и сообщил:

– Сейчас уже будем уходить, заканчивай дежурство. Я твои вещи собрал.

В квартире был жуткий беспорядок и толкотня. По большой комнате гордо расхаживал Хнык, прикрутивший к воротнику формы истёртый значок в виде пятиконечной звезды с улыбающимся в центре малышом.

– Крутой знак, – с ухмылкой пояснил Кеша. – Ему его как нагрузку дали к полкило махорки. Цена ему пять грошей, а он свистит, будто это старая медаль за отвагу. Фуфлогон.

Олег в штурмовой куртке и ватных штанах, дожёвывая бутерброд, объяснял Женьке, куда примерно их повезут. Только Сашка успел надеть форму, как зашёл Волк в сопровождении Шакала.

– Вперёд, братва. Нужно будет идти быстро. Грузовики могут прийти раньше.

На площади, где когда-то патрон штурмовиков призывал их уничтожать хиппи, сейчас торчало несколько отрядов. Парни мрачно курили и сплёвывали. Оружие им уже выдали, поэтому на каждом висел автомат, граната, фляжка и несколько рожков с патронами. Некоторые, помоложе, пригибались к земле под тяжестью толстенных рюкзаков и тюков с палатками.

– Вовремя мы пришли, – сказал Кеша. – Сейчас стволы получим и тотчас поедем.

Отряду Волка палатки выдали двухместные, но с расчётом, что в каждую поместится ещё и третий. Кеша взялся нести палатку сам. Сашка тащил только одеяло, котелок, пяток банок с консервами и браунинг. Ещё летом он нёс бы эту поклажу сколько угодно, но теперь, после болезни, нести вещи ему было тяжело, и он быстро вспотел. В штабе им выдали стандартное оружие и зимнюю форму: чёрные телогрейки с нашивками «Штурм» на рукавах, шапки-ушанки и даже рукавицы с брезентовым покрытием, которые почему-то пахли плесенью. Вскоре подкатили грузовики. Они были очень старые, скрипящие бортами, но с отличным пологом сверху. Сашка забрался в самый дальний угол, сел на скамью и, привалившись к холодному пологу, почти сразу заснул.

Проснулся он оттого, что его толкал в бок Кеша.

– Вставай, приехали. Тут теперь перевалочный пункт будет, сейчас там наверху поразмыслят, кого куда везти, а мы пока в палатках покойфуюем. Этим, кстати, вообще войнушка может закончиться. Правда, говорят, бельские близко совсем, подвижной корпус прорвался к нам в тыл, а теперь бежит обратно, но ничего, поди, всё обойдётся.

Возле грузовиков со штурмовиками стоял танковый корпус. Это были старые уже танки, некоторые сделанные из тракторов, упакованных в броню, и несколько разведывательных броневиков с лёгкими пулемётами.

– Привет, карлики! – приветствовали штурмовиков высушившиеся из люков танкисты.

– Привет, пылесосы! – отвечали им штурмовики.

– Я тоже мог быть пылесосом, – гордо сказал Кеша. – Мы, когда выезжали за город, то в танках ездили, вон в тех, что из тракторов. В них летом пылищи – не продохнуть.

К лагерю штурмовиков, тем временем, подъехало несколько неплохих джипов. Из одного вылез кондор, худощавый мужчина с крючковатым носом, и несколько парней в новёхонькой униформе со значками отличия. Был среди них и Кролик. Он помахал отряду рукой.

– Тыфу, пейхоть кондоёва, – зло сплюнул Олег.
Группа Шиза расположилась в небольшой балке. Внизу было много снега, поэтому палатки разбили у самого края, где сквозь снег пробивалась жухлая трава. В палатку к Кеше с Сашкой третьим попросился Хнык.

– Не хочу я с Олегом. Он Витьку пустил, а тот на меня смотрит, я боюсь его, – пожаловался он. – Вдруг он ночью меня задушит. У меня вон ноги болят. А он говорит – это к смерти.

Когда они закончили устанавливать палатку, Кеша предложил Сашке с Хныком пойти к танкистам.

– Там свистнуть чего-нибудь можно, а потом своим загнать, – пояснил он.

До обеда было ещё время, поэтому Сашка согласился при условии, что воровать Кеша ничего не будет. Кеша дал слово и они пошли. Оказалось, что многие танкисты, особенно помоложе, Кешу прекрасно помнят. Он тотчас же настрелял много сигарет и, довольный, беседовал с долговязым парнем в таком же, как у Кеша, шлеме о починке двигателей. «Сколько ходим, – ворчал долговязый, – воздухоочистители не меняли. Ты бы видел, какие они засорённые». Что Кеша на это ответил, Сашка уже не расслышал, потому что рядом взревел мотор танка. Сашка немного постоял рядом и направился к своей палатке.

И тут он вдруг услышал, что его окликают по имени и фамилии. Кричал какой-то знакомый и в то же время забытый голос. Сашка повернулся, и увидел сидящих на броневике Вовку Бауэра и Макара Стеценко. Они показывали на него пальцами и смеялись. Нерешительно потоптавшись на месте, Сашка пошёл к бывшим друзьям по Корпусу.

– Я смотрю, опа, вижу, что кто-то знакомый идёт в чёрной форме, – смеясь, пояснил Вовка. – Говорю Макару, смотри, типа это наш Ерхов, а он мне не верит.

– Как ты здесь оказался? – спросил Макар.

– Война ведь, – сказал Сашка, смутившись. Ему совсем не нравилось, что его увидели в форме штурмовика.

– Так чё, из Корпуса всё-таки попёрли? А мы тебе завидовали, думали, повезло: получил по башке и в гвардии остался, –

Вовка достал из кармана зажигалку и сигарету. – Мы сегодня в первый раз по нормальному в степь попали, раньше броневики совсем у стен обкатывали, а сегодня раз – на войну. Куришь?

Сашка отрицательно покачал головой, потом опять посмотрел на ребят:

– А Василь вроде с вами в бронечасте был.

– Был, да сплыл, – Вовка с удовольствием затянулся, выдохнул сизый дым. – Нервишки подкачали.

– Он пить стал, – пояснил Макар, – его и выгнали. Теперь никуда не устроится, разве что грузчиком каким-нибудь. А тебе, Сашка, кроме штурмовой бригады ничего не предлагали?

– Нет.

– Зря ты, Сань, с этим Ясным водился больше всех. Он всегда какой-то подозрительный был, – сказал Вовка.

«Илья подозрительный, – подумал Сашка. – Весёлый си-неглазый Илья, лучший мой друг...»

– Ладно, ребята, я к своим пойду.

– Ну, давай, пешеход, не печалься, – сказал Вовка.

Не печалься... Кто им сказал, что ему плохо? Может, ему повезло больше, чем им. Ездят в этих пыльных жестянках, степь полируют...

Кеша уже наговорился со своими знакомыми. Точнее, знакомые устали от его болтовни и попрятались в танках.

– Пошли отсюда. Куда этот Хнык, задрыга, подевался!

Хнык сидел за одним из броневичков и курил. Увидев Сашку с Кешей, спрятал самокрутку.

– Олегу не говорите. Он совсем озверел: увидит у меня махорку и по морде! Самому-то можно!

– Он потом по полу не валяется и лекарства ему не нужны, – проворчал Кеша. – Но мне-то по фигу, дыми, сокращай продолжительность жизни.

Было видно, что Хнык понял только разрешение курить. Вернувшись, они распаковали рюкзаки, и Кеша деловито открыл банку консервов.

– Говорят, в тушёнку крыс кладут, – сообщил он, с аппетитом уписывая жирное мясо. – А баранину сами жрут. Представляете,

у моего папаша на ферме были бараны. Вот это класс! Я барашков сколько угодно есть готов, особенно с картошкой.

Тушёнка быстро закончилась, Кеша бросил банку на снег и полез в рюкзак за ломтём кукурузной лепёшки. Сашка, поглядев, как Кеша уплетает свой паёк, тоже вытащил лепёшку. Неподалёку показалась нелепая фигура Пса.

– Приколитесь, пацаны, – сказал он, усевшись и бесцеремонно отломив кусок Сашкиной лепёшки. – Наш Шакалина как-то проник на грузовик и приполз в палатку к Волку. Чуть ли не в трусах. Вот шибанутый-то! Если бы моя воля, то я бы никогда сюда не полез. Но что поделаешь, олигофрения даёт о себе знать. Кеша, дай сигаретку, у тебя есть, я видел.

– Тридцать грошей, – ответил Кеша.

– Костян, дай хоть ты махры, – повернулся к Хныку Пёс. – Оставим этого жадного субъекта с его подозрительной шмалью.

Хнык насыпал из кисета немного махорки.

– Гумаги у меня нет, – сообщил он.

– Бумаги, мой недалёкий, это называется бумага, а впрочем... – Пёс вытащил из-за пазухи какую-то книжицу и вырвал листок. Поделив его пополам, протянул часть Хныку.

Скрутив самокрутки, они долго пускали дым с блаженным видом. Большую часть дыма относил в сторону Сашки и он, бросив недоеденную лепёшку в вещмешок, поднялся и отошёл. Повсюду суетились штурмовики. Возле палаток развели костры, вырвав почти весь кустарник и всю сухую траву, проглядывающую сквозь тонкий слой снега. Возле одного из костров что-то праздновали, пели песни и смеялись.

– Мы тут недалеко расположились, – сообщил Пёс. – Там у нас хоть кустарник погуще, не так продувает, а у вас тут голо, как на лысине. Я вообще степь не люблю. Глазу остановиться негде. Нет радующих взгляд развалин.

Из танковой части донёсся рёв. Пёс поднялся, отряхнул снег и усмехнулся, глядя вдаль.

– А броники, кажись, уезжают. Теперь, если что, мы тут оборону держать будем. Между прочим, известно, что штурмовики

– самый дешёвый боевой материал. Вот трактора с пукалками, так называемая бронетехника, она стоит денег, порядка пяти тысяч марок каждая, а мы каждый стоим тридцать марок премии и ни гроша компенсации родным и близким в случае преждевременной кончины.

– Преждевременной чего? – ошалело спросил Хнык.

– Короче, задёшево сдохнем! Лучше махорки отсыпь, я к своим пойду, да не жмоться, – Пёс, покуривая, ушёл.

– Чмошный Псина, – сказал Кеша, обиженный на «жадного субъекта», – да каждый трактор такой можно загнать за шесть тысяч как минимум. Я, когда танк угонять собирался, у меня покупатель был. Он мне трёшку сразу давал. Не люблю я Пса. Не давай ему, Хнык, больше махорки.

Сашка не понял, как можно не любить степь и любить развалины? «Странно, – думал он. – Но в одном Пёс прав: жизнь наша дешёвая. Кондору проще сюда сто пацанов согнать, чем пару танков. Перевалочный пункт называется, ни окопов, ни фига. Если что – только в балку и можно спрятаться». Сашка повернул голову, примеряя глубину балки, и увидел Волка с Шакалом. Шакал смотрелся очень жалко: без шапки, в перевязанных верёвочкой ботинках, огромной ватной куртке, из которой смешно торчала тоненькая шея. Нечёсанные выгоревшие добела волосы сосульками свисали с головы. Он прятал посиневшие от холода руки в рукава и никак не поспевал за Волком.

– Устроились? – спросил Волк у Кеши с Сашкой.

– Ничего, жить можно, – кивнул Кеша. – Долго нам тут загорать?

– Сколько скажут.

Шакал уже уселся около Хныка и лез в его банку с тушёнкой самодельной деревянной ложкой.

– Ну что, нервный, – Волк подмигнул Сашке, – давай, гаси чужих, как своих. Не слабо?

Сашка молча смотрел себе под ноги, но Волк, похоже, и не ждал от него ответа. Он взял Шакала за шиворот, потрянул и сказал:

– Пошли, скот. Врезать бы тебе как следует!

– Не надо, – попросил Шакал. – Я тоже воевать хочу. Против бельских.

– Заметят они такую вшу... – пробурчал Волк, отходя. – Ну, удачи, парни!

– Удачи, – ответил Сашка.

Хнык с Кешей ещё поболтали и отправились по бригадам продавать набранные Кешей у танкистов сигареты. Сашка посмотрел им вслед, и сел чистить автомат – оружие штурмовикам выдавали в жутком состоянии. «А Кешка точно разбогатеет, – думалось лениво. – Мастерскую откроет, женится, детишек нарожает. Если, конечно, нас сегодня-завтра тут не перебьют. А я, наверное, жениться вовсе не стану. Зачем? Ну, родится у меня сын, и что? Вырастет и будет, как я, мучиться, или грохнут его». Сашка поймал себя на том, что думает о семье – никогда с ним такого не было. Потом мысли переключились на Катю. Стало интересно, где её отец. Ведь, наверняка, его часть уже выехала в степь. А может, он уже участвовал в ночном бою. А Катина мама сидит дома, на том самом диване, где Сашка спал несколько ночей, и читает книжку, а строк толком не видит, потому что ждёт мужа... Сашка знал, как это бывает. Помнил, как всегда волновалась за отца его мама. А Катя? Она волнуется за своего отца? А может, она и за него, Сашку, волнуется? Хотелось, чтобы это было так. Чтобы хоть кто-то думал о нём, ждал его...

Кеша с Хныком вернулись уже в сумраке. Кеша пересчитывал марки, Хнык жевал что-то:

– Зря Максим тут гнал, что Кеша жадный, – сказал он Сашке, – вон он мне семечек у ребят обменял. На сигарету – аж кулёк вышел, если с кожурой жрать, так надолго хватит.

– Щедрее Кеши зверя нет, – вздохнул Сашка и кивнул на брезентухи. – Может, спать завалиться, я со вчера не выспался?

Ребята легли, завернулись в одеяла, закрыли полог палатки. На степь наваливалась зимняя ночь.

Продолжение следует...

О малых сих...



Евгений Асташкин
МИНИАТЮРЫ

ЛЮБИМЕЦ

1

Он только что простился с тесным известковым домиком и никак не мог согреться. Это красное лето не заглядывало в полумрак веранды, и пол всегда был прохладным.

Коричневый колобок неуклюже топал по крашеным половицам. Первые его шаги еле слышно отдавались в огромной по сравнению с ним комнате.

«Когда же я перестану зябнуть?» – утёнок повертел головой и забрался на мой тапочек. Пришлось остановиться посреди комнаты и не шевелиться. Отчего-то стало смешно. Утёнок, услышав мой смех, задрал голову и любопытно глянул одним глазом мне в лицо. «Такой высокий!.. Как он только не падает?..» – верно, думал обо мне утёнок, шевелясь на мыске тапочка.

Моего терпения хватило на полчаса, но утёнок не собирался расставаться со мной. Он бродил за мной по пятам. «Верно говорят про наших меньших братьев: кого первым увидят, того и считают матерью. Значит, я ему как мать», – самодовольно думал я. Ничего, скоро настоящая мама покинет гнездо – с новыми чадами...

2

Однако «настоящая» мама всё ещё парила яйца в гнезде. Напрасно ждали её выхода на солнечный двор из тёмного сарая. А пока по двору бегали три белых инкубаторских цыплёнка. Они разгребали щепки и золу, ища что-нибудь удобоваримое. Иногда они подкрадывались к чугунной чашке с мочёным зерном, но куры недовольно поворачивали головы – и цыплята разбежались врассыпную, опасаясь болочих клевков. В конце концов, цыплята собирались у бетонного крыльца, зная, что здесь им всегда что-нибудь перепадёт из добрых хозяйских рук.

«Беги-ка к ним! – высадил я утёнка из горсти. – Знакомься с цыплятами!»

Животных, которых мало, занесли в Красную книгу,
а которых много – в Книгу о вкусной и здоровой пище.

Фаина Раневская

И скоро коричневый комочек и три жёлтых мирно подбирали вкусные крошки у хозяйского порога.

В тот день утёнок бегал за цыплятами, едва за ними успевая, а иногда устало садясь на землю и часто дыша.

Когда сдружившаяся семейка подходила к корытцу напиться, утёнок прыгал в воду, зовя за собой остальных. Но цыплята удивлённо косились на него: они предпочитали купаться в золе.

3

Через неделю «настоящая» мать вышла из сарая. Больше никто не вывелся, яйца оказались болтунами. Старые утки приветствовали её, хлопая крыльями и гортанно крича. Своё чадо утка не признала.

Незримо бежали знойные дни. Утёнок, всеобщий любимец, крепко сдружился с цыплятами. Но они подросли и вскоре стали искать пропитание врозь. Бедный любимец, как называли его хозяева, не знал, за кем из цыплят гоняться.

Любому живому существу требуется родственная душа. Однажды Любимец увидел, как из соседнего двора забрели сюда такие же, как и он, широколапые и ширококлювые существа. Он радостно подбежал к гостям, и они приняли его вполне дружелюбно, как своего. Целый день они бродили вместе, поминутно забираясь в корытце и расплескивая воду.

Вечером гости заспешили домой. Любимец проводил их до самой калитки, а сам направился в свой сарай, где было «многолюдно», но не было родственной души.

4

Так продолжалось несколько дней. Любимец каждый вечер провожал новых друзей и до утренней зари оставался одиноким. В сумерках сарая куры сидели рядом на насесте. Глава всего сарая был огромный пёстрый петух. Он важно восседал на лучшем месте в уголке. До самой луны куры «разговаривали» друг с другом, менялись местами, иногда ссорились. Цыплята «шептались» на отдельном насесте. А взрослые утки побрякивали в углу на соломе. Любимец и не подозревал, что среди них – его родная мать.

Бедный утенок, примостившись у старой колоды, с завистью слушал это ночное многоголосье, и ему не с кем было поговорить. Он старался поскорее уснуть, чтобы утром снова встретиться со своими новыми друзьями.

Вскоре Любимец заметил, что с его друзьями творится что-то неладное. Они на глазах росли и скоро обогнали даже главного петуха. Голоса у них стали громкими и резкими. Иногда они, неожиданно захлопав крыльями, летели через весь двор, звонко трубя. На Любимца они уже смотрели свысока...

5

И снова Любимец остался одинок. Ко мне он уже боялся подходить. Излюбленным местом его прогулок стали кудрявые заросли картошки. Его прежний голос, бархатный и мягкий, постепенно становился таким, как у взрослых птиц. Невесомый пух сменился жёстким опереньем, и вскоре всем стало ясно, что Любимец – уточка. Но «неженское» имя так и осталось за ней.

В августовском зное сидела она, чистая и опрятная, в тени и клювом прилаживала перья. Мимо проходили, переваливаясь с лапы на лапу, старые утки и среди них – её мать, но уточка не присоединялась к ним.

Оголил деревья листопад, порезвились дожди, упал на почерневшую землю первенец-снег, а уточка так и оставалась в гордом одиночестве.

Задуют ветры, принесут пургу, и всё живое станет прятаться от мороза. Сарай уже не будут открывать на день. А зима сгладит различия между обитателями. Все будут есть из одной чашки и уже меньше будут ссориться из-за своей непохожести...

ПОКАЗАЛ ХАРАКТЕР...

Обитатели любого курятника придерживаются строгой иерархии. Если здесь два петуха, вряд ли они останутся друзьями. Один из них непременно будет главенствовать, живя по принципу «Что хочу, то и ворочу».

Такое я наблюдал постоянно, и это было для меня аксиомой. Но однажды я стал свидетелем того, как был сломан незыблемый «уклад» нашего курятника. Здесь было два петуха: белый и чёрный. Белый был грузный, инкубаторский, и он верховодил в сарае. Посыплешь корм, Белый упорно отгоняет от чашки Чёрного. Сам не поест, но зато и Чёрному не даст. Под конец зимы Чёрного ветром качает от постоянной вынужденной диеты.

Раз весной, устав выгонять из огорода ненасытных кур, портящих высаженные овощи, мы решили в наказание ограничить простор птицы и огородили сарай сеткой. Куры сквозь ячейки лупают глазами на сочную зелень огорода, но не могут туда попасть. Чёрный петух после очередной трёпки хозяина-барина умудрился перелететь через сетку. Он стал в одиночестве бродить по двору, худой и жалкий. Подковыляет к крыльцу, словно инвалид, дашь ему лакомый кусочек, чтобы не заносило в сторону от слабости. Так и прописался он во дворе, даже ночевал здесь. Ночью было слышно, как он в определённое время запевал, отбивая время.

Через месяц на Чёрном залоснилось саржевое оперение, зажили боевые раны на гребне, отрос поредевший в трёпках хвост. В один из ненастных дней ветром откинуло калитку, и куры высыпали во двор из своего загочения. Через некоторое время слышим за окнами непонятные звуки. Выходим на улицу и видим дивную метаморфозу: Чёрный мстительно гоняет вокруг дома трусливо улепётывающего и возмущённо бранящегося хозяина курятника. Пробежали мимо уже несколько раз, хоть считай круги, – видно, сильно насолил Белый за зиму собрату в тесном курятнике. Ещё не придя в себя от неожиданной превратности судьбы, Белый залетел на тополь. Сидит на ветке и ругается по-своему, а слезать боится – Чёрный внизу караулит.

Произошла мгновенная смена власти. Белый теперь сам стал ходить по двору в гордом одиночестве, ведь Чёрный при его приближении буквально метал громы и молнии. Вспомнив о былом величии, Белый вскинет клюв, запоёт, но тут же скомкает песню и боязливо оглянется: нет ли где поблизости грозы?..

Пришлось в один прекрасный день вынести беднягу на базар, так как я не представлял, что стало бы с Белым зимой...

ВОТКНЁШЬ ОГЛОБЛЮ – ВЫРАСТЕТ ТАРАНТАС...



Столетник в глиняном горшке сильно разросся и стал клониться набок, словно пьяный. Надо сделать ему подпорку, иначе опрокинется с окна вместе с горшком.

Вышел во двор, стал отыскивать подходящую палочку. Возле баньки увидел кучу тополиных веток. Их дней десять назад сорвало

ветром с дерева, и теперь их сложили в кучу, чтобы использовать на растопку. Подошёл к куче, выбрал самую ровную ветку. Обломал верх, получилась гладкая палочка. Воткнул эту палочку в горшок и подвязал столетник.

Через пару недель мать, сидя на диване с вязаньем, пристально посмотрела на подоконник, где стоял цветок:

– Не пойму, что это за листья непонятные на столетнике?..

Я подошёл к окну и увидел, что тополиная палочка с отломленным верхом распустила вокруг себя светло-зелёные клейкие листочки...

ЛИШНИЙ ЦЫПЛЁНОК



Кот у бабы Гани великан, ростом обогнал даже комнатную собачку Чанку. Зовут его Мурзик. Не так давно этот Мурзик напроказничал. У бабы Гани было десять инкубаторских цыплят, и в один день их не стало – Мурзик всех передалвил. Ох, и досталось же ему от хозяйки!.. Хотела даже отдать его кому-нибудь, но ведь он всё равно вернётся домой. А потом и жалко стало: всё-таки ловит мышей, да и судьба у него довольно драматичная. Привезла его вместе с Чанкой из Сибири. Когда Мурзику было дней десять от роду, его маму разорвали дворовые собаки. Баба Ганя нашла выход: разводила в кружке сухое молоко, набирала в пипетку и кормила котёнка. А тут оценилась Чанка, которая жила в коридоре возле ящика с обувью. В один прекрасный день баба Ганя с удивлением обнаружила Мурзика среди щенят. Он тоже обедал молоком Чанки.

Чанка и Мурзик дружны до сих пор. Когда баба Ганя везла их из Сибири на новое место жительства, многие пассажиры с любопытством заглядывали в купе. И действительно, не всегда увидишь такое: кошка и собака вопреки известной поговорке сидят рядом друг с другом и лакают из одной миски.

Баба Ганя завела новых цыплят – цветных. Получилось это случайно. Была в гостях у соседки, а та пожаловалась: утка-наседка купалась в корыте с водой и, видно, запарила яйца; срок вышел, пришлось их выбросить. Однако утка не может перебороть материнского инстинкта: сидит на пустом гнезде, и не сгонишь. Баба Ганя

похвалила соседских курочек: все они красивые, разноцветные, не то что инкубаторские. Соседка предложила:

– Давай я подложу под уток куриных яичек. Она выведет тебе цыплят вместо тех, что пропали по милости Мурзика. Хоть уже поздно, но до зимы успеют немного подрасти. . .

Баба Ганя согласилась, и через три недели стала обладательницей семи разноцветных цыплят, которых вывела утка. Баба Ганя каждый день высаживала цыплят из коробки на солнечное место под яблоней, здесь стояла их кормушка. А Мурзика на всякий случай закрывала в деревянном сарае.

Раз Мурзик всё же успел выскочить из сарая, едва приоткрыли дверь, и убежал куда-то. Назавтра в полдень баба Ганя глянула в окно и заметила, как по завалинке воровато крадётся Мурзик, а в зубах держит что-то коричневое, пушистое.

– Опять взялся за своё! – всплеснула руками баба Ганя, увидев, что Мурзик подошёл со своей ношей к яблоне. – Небось, задавил цыплёнка. . .

Баба Ганя бросилась к яблоне и принялась пересчитывать цыплят. Мурзик, убоившись быть снова закрытым в сарае, ловко ретировался. Цыплята, как заведённые, перебежали с места на место, гоняясь за мухами. Сколько ни считала баба Ганя, всё выходило восемь, а не семь. Вечером она собрала цыплят в коробку, пересчитала: действительно на одного цыплёнка больше. Выходит, Мурзик принёс откуда-то ещё одного цыплёнка. Стала осматривать цыплят: нет ли у кого следов от кошачьих зубов? Но все цыплята были, как говорится, в прекрасной форме. Значит, Мурзик нёс в зубах чужого цыплёнка очень бережно. Что-то на Мурзика непохоже. Неужели «перевоспитался»?..

Стала баба Ганя спрашивать в округе, не пропал ли у кого пёстро-коричневый цыплёнок такого же возраста, как у её цыплят. Но у всех цыплята оказывались или более ранними, или инкубаторскими бельми.

Лишь гораздо позже баба Ганя узнала, что такие же цветные поздние цыплята были у Замойских, которые живут на краю посёлка у оврага. Мурзик, должно быть, забрёл в ту даль, увидел цветного цыплёнка и решил, что это заблудился цыплёнок бабы Гани. И вот принёс его в зубах к хозяйской яблоне, где резвились другие цыплята. . .

ПРИГРЕЛИСЬ...

Марии Семёновне никогда не доводилось держать подсобное хозяйство. Раньше с мужем она жила в крупном городе, а недавно они переехали в небольшой посёлок, каких немало в целинном крае, на старости лет захотелось быть поближе к природе. На работе стали записывать на инкубаторских цыплят, и Мария Семёновна тоже решила взять десяток. Жить в сельской местности и не держать хозяйство – нонсенс.

В пятницу доставили из инкубатора цыплят. Мария Семёновна принесла домой в картонке из-под обуви крохотные однообразно жёлтые комочки. Включила настольную лампу и поставила под абажур коробку – вот и домашнее солнышко для цыпляток! Они пригрелись и скоро перестали зябко попискивать.

Два выходных дня были полностью посвящены этим крохотным созданиям, которым не исполнилось ещё и недели. Оперение на цыплятах за это время подсохло и стало более пушистым. В углу комнаты настелили газет. Теперь цыплята могли резвиться на свободе.

Марию Семёновну заботило одно: в рабочие дни некому будет присматривать за цыплятками. Муж в столярку уходит рано, сын учится в техникуме и приезжает домой пару раз в месяц. Как быть? Включённую лампу оставлять опасно – ненароком наделаешь пожара. А без неё цыплята будут мёрзнуть, они то и дело подбегают к ней погреться.

Выручили сведущие люди. Подсказали: нагрей чан воды, обвяжи его тряпкой, цыплята будут греться возле этого чана.

Так и сделала Мария Семёновна: рано утром поставила в углу «чан-печку».

На обед домой шла ускоренным шагом – не терпелось посмотреть, как ведут себя цыплятки, догадаются ли отогреваться у чана? На двери веранды висел замок – муж тоже ещё не пришёл на обед, а она как на грех забыла свой ключ на работе. Мария Семёновна стала заглядывать в окно кухни, где «квартировали» цыплята. Солнечный параллелепипед окна косо лежал на полу. В его центре развалилась на боку хозяйская кошка, вольно вытянув лапы, а на кошке сидели цыплята. Пригрелись. . .

ИНДОУТКИ

Этих искусственно выведенных созданий я впервые увидел у приятеля. Сёмка сидел в своей беседке, а на пути к ней стояли два приземистых чернопёрых существа, таких же надутых и неприглядных, как индюки, но с утиными лапами. Эти недружелюбные существа стремились ухватить меня за штанину, когда я проходил мимо. Вдогонку они не устремлялись – слишком неуклюжи, но между делом обязательно тыкнули клювом.

Сёмка пояснил, что это помесь утки и индюка. Летом он гостил на Алтае у родственников и привёз оттуда, со специализированного птичника, индоуток. Селекция придала им такой вот вид уродца и лишила их голоса. Изъяснялись между собой индоутки каким-то едва слышным гульканьем, но больше молчали. Самки были мелкими и походили на диких уток, а селезни щедрее ухватили индошачьих генетов, особенно это выразилось в их ненасытной агрессивности.

Мне тоже захотелось украсить свой двор какой-нибудь экзотикой, и я стал уламывать Сёмку продать мне на разведение несколько индоуток. Сёмка потревоженно ёжился, намекал, что в райцентре больше ни у кого нет такой живности. Я понял, что ему хочется подольше продлить своеобразную «монополию» на этих уродцев, но решил не отступать. Я при любой встрече настойчиво упрасивал приятеля продать хотя бы парочку мелкоты от приплода, называл уже двойную цену. Сёмка уклончиво пообещал посоветоваться с матерью, мол, она хозяйка, хотя индоуток привёз с Алтая сам. Мои условия, видно, всё же подошли, и мать приятеля в очередной мой приход стала нахваливать индоуток:

– Они быстро плодятся, в год два потомства. Очень выгодно. К тому же они мало едят.

– Чем они питаются?

– Тем же самым, что и обыкновенные утки. Зерно, остатки со стола...

Деньги были при мне, и я раскрыл припасённый мешок, сторговав пять утят. Мне только непонятно было, где уточки, а где селезни. Когда они маленькие, трудно определить. Пришлось действовать наугад. Сёмкина мать помогала мне ловить утят и приговаривала:

– Не надо удивляться, если поначалу они ничего не будут есть, они должны привыкнуть к новому месту. Да и вообще они едят гораздо меньше уток...

Обычных уток мы раньше держали. От них много шума. Раскрякаются – хоть уши затыкай. А эти безмолвные, не будут надоедать. Да и похвалиться будет чем гостям: вот, мол, каких чудищ держим...

Когда я в своём дворе вытряхнул мешок на траву, утята встали клювами друг к дружке и монотонно закивали головами, прижимая их почти к земле и быстро взбрасывая вверх. Они не уставали кивать, словно совершали непонятный ритуал. Интересно, подумал я, откуда у них берутся такие привычки? Индюки и утки так не кивают головами. Наверно, это «синтезированные» привычки. Иначе их и не назовёшь, ведь это не то, что передаётся по наследству. И таких привычек я обнаружил у них немало.

Подрастая, утята заметно менялись. Селезни, а их оказалось два, сначала вытягивались в длину, и у них увеличивался нарост на клюве между глаз. Жёлто-коричневый пушок сменялся на чёрное оперение с островками белого пера. Через полгода индоутки совсем пострашнели: вокруг глаз оперение выпало, и обнажилась дряблая пунцовая кожа, выпирающая наружу. Вот уж действительно уродцы!..

Зимой в сарае селезни во всей красе проявили свой свирепый нрав. Кроме кур здесь зимовали ещё десять гусей. Когда утята были маленькие, гуси нещадно щипали их. А теперь оба селезня буквально морили голодом гусей, не давали им подходить к чашке с кормом. Зайдёшь в сарай, вывалишь в чашку парной корм, все обитатели сарая сгрудятся вокруг чашки. Тут уж селезни начинают неукротимо орудовать жуткими клювами, долбая гусей. Совсем их запугали, те постоянно жались в уголочке и оставались голодными. Пришлось их вынести на базар, иначе они совсем бы отошали.

Со своим потомством индоутки тоже вели себя непонятно. Едва вылупятся утята, наседка покидает их. Приходится ухаживать за ними отдельно. Если утята подойдут к общей чашке, старшие сородичи агрессивно отгоняют их прочь. Бросишь лакомый кусочек, даже наседка не поделится им с утятами, тут же сама пролотит. А если кусочек успеет подхватить один из утят, наседка может щипнуть его за это.

Но стоит взять утёнка в руки, и он боязливо запищит, индоутки буквально кидаются на вырочку – начинают атаковать тебя своими

крыльями. Если дворняжка попытается обнюхать утёнка, будет то же самое – схлопочет по носу крыльями.

Агрессивность в будущих селезнях проявляется рано. По этой агрессивности их и можно отличить. Дворовая болонка Муська любит иногда поиграть с утятами. Ткнёт одного носом, тут же из стаи отделяется один утёнок и начинает набрасываться на собачонку. Та ляжет на спину, продолжая игру, а утёнок щипает-щипает её, аж заходится от злости. Отгонишь собачонку и возьмёшь уставшего утёнка в руки, а у него сердечко чуть не выпрыгивает наружу – настолько разошёлся...

У кур всё по-другому. Петух неизменно «галантен», любым лакомством поделится с курами. У селезней напрочь отсутствует обхождение – тут же всё вкусенькое сами сглотают.

Не удалось нам развести индоуток. Перехвалил их приятель Сёмка. Целый месяц сидит наседка на гнезде, надерёт из себя пуха, обложит им яйца. Выведутся утята, штук пятнадцать. Но до зимы доживут не более пяти из них, слишком нежны утята.

За три года прирост индоуток составил всего несколько особей. И мы перестали ждать от них большего, просто смотрели на них как на экзотику. А потом и совсем перестали обращать на них внимание, пока кто-нибудь из гостей не спросит удивлённо: «Что это за непонятные утки? Дикие?..»

Прочно у меня сложилось мнение об индоутках, как о бессердечных существах. Но однажды мой вывод был опровергнут случайным наблюдением.

Летним жарким днём я сидел во дворе на лавочке под тополями. Возле ног прохаживались утята, а их «предки» сидели поодаль в тени акации. Вдруг я услышал необычно надсадное гульканье утки. Оглянулся и увидел следующее. Один утёнок внезапно перевернулся на спину, а старая утка, испуганно подскочив к нему, подныривала под утёнка головой, пытаясь приподнять его. Она словно говорила: «Ну что же ты, вставай!..» Я поднял утёнка, он оказался мёртвым. Они всегда умирали так – внезапно, без видимых причин. Идёт, перевернётся на спину – и готов.

После этого случая мне стало ясно, что и у этих грубых существ, оказывается, есть сердце...

ВОРОН ЯШКА

Лаборантка Нина Ивановна, опасливо убрав с подоконника рабочие пробирки, открыла створку окна и посмотрела на вершину старого клёна, растущего в трёх метрах от ветлечебницы. На одной из кленовых развилок виднелась охапка всевозможных проводов – «урбанизированное» воронье гнездо. Оно пустовало.

– Вторую неделю не видать нашего Яшки, – понятно отозвалась на тайные мысли лаборантки санитарка Тихоновна. Она просматривала книгу вызовов, и от её внимания не ускользнуло озабоченное выглядывание Нины Ивановны. И в самом деле, в этом кабинете сейчас явно чего-то не хватало. Не хватало переполоха, который время от времени устраивал почти ручной ворон, обитавший на этом законном клёне. Сотрудники московской ветлечебницы уже привыкли к визитам надоедливой Яшки, так они окрестили ворона. Едва ли не в самом начале рабочего дня за стеклом обычно раздаётся хлопанье складываемых крыльев, и по подоконнику начинает расхаживать крупная чёрно-угольная птица, заглядывая внутрь; если же окно не раскрыто, птица начинает тарабанить в стекло клювом. Подавай Яшке приготовленный гостинец, да не медли! Принимаю кусочки мяса, не откажусь от колбаски, в крайнем случае, сгодится печенье. Но не суйте мне этот вчерашний хлеб, не то клюну за палец!..

Принимал гостинцы Яшка прямо из рук. Потом усаживался на своё проволочное гнездо и принимался за трапезу. Гостинцев порой бывало с избытком, и Яшка прятал остатки в ямки под деревом, а потом закидывал ямки листьями. Да только ненадёжны были все его схороны. Другие птицы не дремали и, едва Яшка отправлялся полетать по Москве, от его «кладов» не оставалось и следа.

Станным казалось работникам ветлечебницы отсутствие Яшки на его законной территории. Как ревностно он её охранял! Раз залетели сюда другие птицы, так что тут было! Яшка мгновенно собрал своих сородичей, и они черной тучей кинулись на незваных гостей. Выдворили их со своей территории.

Когда весной Яшка в очередной раз становился «папашей», он брал заботу о пропитании птенцов на себя. В ту пору он попрошайничал в лечебнице с утра до вечера. Усядется на подоконнике и начинает набивать зоб поданным. Потом летит к своим птенцам с этим «деликатесом».

Как-то из гнезда выпал один птенец. Санитар Толик, устроившийся здесь работать сразу после школы, решил водворить птенца на место. Едва он приблизился к желторотику, Яшка расвирипел и стал пикировать на Толика, грозя клонуть в голову. Неизвестно, что стало с тем птенцом, но больше он приблизиться к нему не дал. И с тех пор возненавидел Толика. Едва услышит его голос, начинает браниться на своём дереве или сердито пролетать над самой головой молодого санитара.

В последнее время Яшка вовсе расхозяничался и, если бы мог понимать человеческий язык, услышал бы о себе немало интересно-го из уст заведующего ветлечебницей Николая Николаевича. А заведующий строго-настрога запретил сотрудникам поважась Яшку. Ведь Яшка может набедокурить. Например, захочется ему узнать, что находится в пробирках, которые стоят на подоконнике. В пробирках какая-то жидкость. Попробовать бы на вкус, но пробирки такие узкие. Яшка берёт пробирку с жидкостью в клюв, роняет её на асфальт, а потом долго изучает осколки.

В другой раз Яшка покажет себя с ещё лучшей стороны. Вот привезли из зоопарка на лечение павлина, Яшка залетел в комнату и накинулся на этого расфуфыренного чужака. Хорошо вовремя подоспел санитар Толик и прогнал расходившегося ворона. То же самое случилось, когда в лечебнице оставили подлечить цирковую дрессированную ворону. Поэтому Николай Николаевич даже на профсоюзном собрании вскользь напомнил сотрудникам о том, чтобы больше не оставляли окна открытыми и не кормили «этого Яшку». Откуда Николаю Николаевичу знать, что агрессивность Яшки от простой ревности – как можно спокойно смотреть на то, что кормят других птиц да ещё держат их в доме?..

Однако сотрудники ветлечебницы знали основную причину нерасположенности заведующего к Яшке. Однажды случился конфуз. Яшка, приняв из рук лаборантки Нины Ивановны кусок торта, сел на свой клён. В это время под деревом проходил Николай

Николаевич. Тихоновна, глядя на Яшку, грубовато пошутила, как это иногда делают за глаза:

– Не празднует тебя заведующий. Ну-ка, Яшка, брось ему кусок торта на лысину!..

И случилось как в кино. Крем от торта упал Николаю Николаевичу прямо на плешь. Заведующий схватил в кладовке швабру и стал стучать по кленовой развилке, стараясь разорить гнездо. До гнезда не достал, но зато стал всякий раз сгонять Яшку с подоконника.

И вот уже вторую неделю Яшка куда-то запропастился.

...После обеденного перерыва Тихоновна устало опустилась на кушетку, потирая натруженные варикозные ноги. Она с просветлением в голосе сказала Нине Ивановне, которая снова облачалась в белый халат:

– Видела сейчас нашего Яшку. Знаешь где? Проходила мимо столовой, а он сидит себе на подоконнике кухни. На подоконнике полно всяких кусков, а он выбирает что повкуснее. Неплохо пристроился наш Яшка, нигде не пропадёт...

УРАН-ПОЛУВОЛК

С начала школьник Саша Булгаков даже не знал, как называется порода своего четвероногого друга. Об этом то и дело спрашивали знакомые или одноклассники. «Гибрид?» – подыскивал он точное слово. Кутёнка Саша выпросил у знакомых в совхозе «Маяк». Знакомые держали на цепи одомашненную волчицу. Эта волчица зналась с породистой овчаркой, вот и получился... «гибрид».

Этого полуволка назвали Ураном. От родителей в наследство ему достались смешанные признаки. Лаять он, конечно, не умеет, всё равно получается завывание. Рост и хватка тоже отнюдь не собачьи. Такого встретишь на улице – невольно отшатнёшься: величиной чуть ли не с телёнка, лапы широченные.

Днём Урана иногда отпускают с цепи погулять. Он никого не трогает. Если во двор заходит чужой человек, зверина начинает скалить зубы. Но стоит хозяину прикрикнуть на Урана, тот сразу успокаивается.

Уран очень сообразителен. Это позволяет ему избегать верной погибели. Да, да, именно погибели. Ведь обязательно найдётся среди

нас такой человек, которому очень хочется (что поделаешь?) походя разбить магазинную витрину, разрушить ночью предновогодний ледяной городок, «с мясом» вырвать телефонную трубку в будке. Или извести чью-нибудь псину.

Нашлись недоброжелатели и у Урана. Время от времени подбрасывают ему «сюрпризы». Раз даже не пожалели изрядного куса докторской колбасы. Но не тут-то было. Уран из чужих рук никаких угощений не берёт. Он принимает пищу только из хозяйских рук. А в том подброшенном куске колбасы Саша обнаружил добрую дюжину иголок. И лишний раз порадовался, что Уран не падок на чужие гостинцы.

Самое удивительное, что Уран не переносит курильщиков. Саша не раз наблюдал, как Уран реагировал на зажжённую сигарету. Он просто-напросто подпрыгивает и лапой выбивает изо рта курильщика гадкую дымящуюся штуковину.

Раз к Саше пришёл его приятель – шестиклассник Борька. Он вынул из кармана «бычок» и закурил.

– Не кури! – предупредил его Саша. – Уран разозлится!

Приятель не поверил. Он затягивался дымком, испытующе глядя в напряженные зрачки отвязанного Урана. Вдруг Уран подпрыгнул, но промахнулся и попал своей ужасающей лапой по щеке курильщика. Тот пустился наутёк, бросив свой окурочок...

Есть у Урана любимое занятие: прогуливаться по плоской крыше дровяного сарая. Как он там оказывается, трудно сказать: никто не видел, как Урану удаётся преодолеть двухметровую высоту саманной постройки. Может быть, с разбегу по доскам, которые прислонены к боковой стене сарая? Иного способа не придумаешь. Расхаживает по крыше на высоте, всматривается вдаль, как капитан на мостике корабля. Кликнет Саша своего полуволок, и тот радостно спрыгивает с крыши, презрев высоту...

ПРОРОСЛА... СТЕНА



два растаял снег, задумал строить во дворе сарай под уголь. Совхозные друзья, которые всегда выручали, привезли машину шлака. Когда самосвал ссыпал серую кучу у моих ворот, я заметил, что сбоку в золе несчётными бусинками желтеют крупные точки. Оказалось, что это россыпь кукурузных зёрен.

– Возили семена на посевную, осталось в кузове, – пояснили друзья.

Я не стал уподобляться старателю, чтобы выбрать все зёрна из кучи. Это убило бы добрых полдня. Перемешивая в корыте раствор, думал, что цемент не чернозём – не даст зёрнам шалить в шлаколитой стене.

За пару дней я поднял стены на полметра. Потом меня отвлекли другие дела, и целую неделю я не снимал опалубки. Когда я снова вернулся к постройке, я увидел, что сквозь щели в деревянной опалубке тянутся вверх длинные зелёные побеги. Оторвал опалубку и обомлел: так и есть, проросли кукурузные зёрна.

Я не стал пока дальше наращивать стены, ожидая, что солнце высушит эти побеги. Но как назло прошёл дождь, и стены стали лопаться от неукротимо разрастающихся стеблей. Отваливались целые пласты, под ними обнажались набухшие кукурузные зёрна, которым нипочём цемент марки 400. Тут уж стало не до строительства.

Стены продолжали вспучиваться, роняя отваливающиеся куски. Пришлось развалить часть построенной стены, чтобы всё начать сначала. Но теперь я уже тщательно выбрал из шлака все кукурузные зёрна...

КАРМАННАЯ «КВАРТИРА»



На «химии» у старшего мастера ОТК Заварзина появилось неожиданное хобби. Он был обладателем крохотного кабинета на втором этаже столярного цеха и однажды на планёрке шокировал даже видавших виды мужиков. Он сидел за столом, приготовившись к распеканию бригады за некондицию. В этот напряжённый момент из нагрудного кармана его спецовки выглянула мордочка упитанного мышонка, и все услышали ответственный писк этой зверушки. Самое интересное, что мышонок чувствовал себя здесь явно «в своей тарелке» и даже не испугался, когда Заварзин тронул его заскорузлым пальцем за серое нежное ушко. Мышонок только покрутил пипкой носа, потом порывлся в кармане и снова показался на свет.

– Ручной, что ли? – догадался кто-то из мужиков.

Пришлось мастеру поведать столярам, как он «дошёл до такой жизни».

– Месяца два назад я нашёл здесь на полу мышонка. Он был слабый, даже не мог от меня убежать, настолько оголодал. Жалко ведь, пришлось выкормить его с руки. А жил он у меня в кармане. Так привык, что не будет есть из чего попало. Вот смотрите!..

Заварзин посыпал на стол хлебных крошек и подпустил к ним мышонка. Тот отказался обедать. Тогда мастер пересыпал крошки на ладонь, и мышонок тут же принялся трапезничать с руки.

Так и жил мышонок в кармане у Заварзина. Выбегал погулять и снова возвращался к хозяину. Со временем он завёл себе подружку. Из щели в полу вылезала мышь и провожала его. Карманный жилец пищал своей подружке, приглашая в свою матерчатую «квартирку», но мышь замирала в метре от Заварзина, дальше не решаясь приближаться.

Вскоре Заварзин освободился. Он так и не знает, как там остался без него его хвостатый дружок.

С КЕМ ПОВЕДЁШЬСЯ...

Кутёнок, пухлый и толстолапый, сидел прямо в снежной ребристой колее посреди улицы. Мелкая снежная крупа оседала на его спину, а он жался к краю, словно видел в колее берлогу. Любая машина могла задавить кутёнка. Я оглядел ближайшие дворы, но передумал доискиваться до хозяев щенка. Ясно, что все откажутся от него – щенка просто подбросили.

Пришлось взять щенка с собой. Девать его было некуда, и я запустил его в куриный сарай. Когда я давал курам корм, кутёнок суетливо тыкался мордочкой в чашку. Проворные куры таскали из-под его носа всё что повкуснее, щенок сердито рычал, отпугивая кур.

Со временем кутёнок подобно обитателям сарая стал есть и мочённую пшеницу. К курам он привык и даже пытался играть с ними, но они отскакивали от него.

Под конец зимы я стал замечать, что кутёнок перенял у кур ещё одну привычку. Под вечер куры по лестничке забирались на насест. Кутёнок тоже, старательно балансируя, забирался по лестнице и замирал в неловкой позе на верхней ступеньке...

КАРКУША

Подмосковное утро мреюще начинает обозначать окна квартиры. Как на фотобумаге, мутновато прорисовываются верхушки осин, дотянувшихся до пятого этажа. Наталья, вчерашней выпускнице школы, торопиться особенно некуда. Накануне она наконец-то одолела второе пособие, готовясь поступать в медучилище. А теперь можно сделать передышку, подольше понежиться на софе. Но Каркуша опять не даст выспаться. Сквозь сон Наталья ощущает недалёкое присутствие этого беспардонного существа: рядом на специально сшитой подушечке лежит на боку ворона, свесив клюв и похрапывая.

Наталья подобрала эту птицу во дворе, когда та была ещё, если можно так выразиться, в отроческом возрасте. Пошипанная чёрная птица застегано уворачивалась от людских ног, металась по двору без надежды взмыться в небо – не слушалось пербитое крыло. Каркушу сердобольно «прописали» в двадцать девятой квартире, слава богу, баба Валя не встретила в штывки Натальину затею, может быть, сделала поправку на её деревенское происхождение. Наталья приехала из крохотной Ивантеевки, чтобы стать столичной студенткой. В деревеньке Наталья с детства жила в окружении всевозможной живности, которую держали родители. Впрочем, и в самой столице многие в квартирах держат, кто кого горазд. Раз баба Валя даже увидела у знакомых пингвинёнка. Сам надевает тапочки и идёт на балкон «до ветру». Если балконная дверь закрыта, может наделать делов прямо в комнате. В другой раз баба Валя увидела, как один из «господ» искал на улице сбежавшую мартышку, которую привёз из африканской командировки. А есть гады, выгоняют живность на улицу, когда надоест или если не могут прокормить. Не можешь содержать, зачем тогда берёшься?.. Вот и жмутся по заиндевелым подъездам брошенные доги или пекинесы, дрожат – короткая шерсть не греет...

Однако ж у Каркуши неважно с чувством благодарности: упорно сгоняет бабу Валю с единственного кресла – сама любит на нём посидеть.

Каркуша закопошилась на своей подушечке, потом спрыгнула с софы и затопала к торшеру. Сейчас она натренированно дёрнет за шнур – и свет ударит Наталье в глаза. Значит, надо вставать и кормить птицу.

Наталья в одной рубашке встаёт с софы, истомно потягивается. А Каркуша уже топает на кухню – проторенной дорожкой прямо к холодильнику. Наталья открывает дверцу холодильника и обскабливает ножом одну из морковин, которая покрылась пятнами. Отламывает заоранжевевший кусочек и даёт Каркуше. Та придиричиво дегустирует морковь и отбрасывает в сторону. Наталья сама хочет откусить кусочек, но Каркуша внезапно взлетает и выбивает морковку у неё изо рта. Значит, учуяла в ней нитраты и не хочет, чтобы кто-то отравился.

Наталья нехотя разогревает борщ и наливает похлёбку в Каркушину миску. Спать уже расхотелось, можно просто, лёжа под одеялом, посмотреть телепередачи. Наталья включает телевизор, но звук слишком громкий, даже для глуховатой бабы Вали. Вот-вот раздаётся её брань с большой старинной кровати в спальне. Наталья хочет убавить звук, но куда-то задевалась пластмассовая ручка от регулятора, лишь торчит в отверстии панели металлический штырёк, за который не ухватиться пальцами. Опять баловалась Каркуша: прошлый раз она утопила ручку в своей кормушке. Наталья поискала ручку и нашла её под радиатором отопления.

В девять часов встаёт баба Валя и уходит в магазин за хлебом. Наталья тоже начинает одеваться. Едва она просовывает правую руку в рукав красной кофты, Каркуша хватается клювом за другой рукав и начинает сердито тянуть трикотаж в свою сторону. До чего ж она не любит красный цвет! Зато ничего не имеет против жёлтой или зелёной кофты.

За Каркушей нужен глаз да глаз. То она начинает распускать бабкино вязание, то набедокурит на балконе. Там баба Валя посадила помидоры в длинных ящиках. Так вот, когда она высаживала рассаду, что принесла с базара, Каркуша пристально наблюдала за её действиями. А потом уселась на ящик и стала выдёргивать ростки, чтобы рассмотреть корни.

В прихожей раздаётся двойной звонок. Каркуша начинает радостно хлопать крыльями: она научилась различать своих и чужих

по звонкам. Если приходят незнакомые люди, Каркуша прячется или начинает сердито летать по залу. Когда же звонит Наталья, тугоухая баба Валя иногда из своей спальни не слышит мелодичной электронной трели. В этом случае Каркуша начинает нервно теревить бабу Валю, чтобы привлечь её внимание к двери.

Баба Валя кладёт на кухонный стол сетку с тремя буханками. Наталья, отламывая кусочек горбушки, спрашивает у Каркуши: – Кушать хочешь?

Ворона отворачивает голову. Она уже знает, как отвечать на эту фразу.

Снова оживает дверной звонок, теперь уже одиночным всхлипом: кто-то коротко нажал на кнопку. Каркуша забегает за софу и из-за гобеленового уголка выглядывает, кто на этот раз пожаловал. А пришла старая подруга бабы Вали – Анисимовна. Из всех «чужих» Каркуша более-менее привыкла лишь к этой толстухе. Уж больно она смешная. В первый же свой приход Анисимовна сразу заметила Каркушу, которая молниеносно перебежала от торшера к креслу: «Кто это там промелькнул? Не крыса ли к вам пробралась?..» Пришлось выуживать Каркушу из-под кресла. Анисимовна загорелась целью научить Каркушу плясать. И научила-таки.

Вот и сейчас она с ходу стала приплясывать перед вороной: – Тра-та-туси, тра-ля-ля!..

Каркуша, не ломаясь, начинает в такт подпрыгивать, расправив крылья.

Пляшет Каркуша только в паре с Анисимовной. Как ни припевай и ни прихлопывай перед ней, всех других в этом деле она почему-то «игнорирует».

Пора на прогулку. Наталья берёт ворону с собой во двор. В скверике она садится на лавочку и выпускает Каркушу на песочницу. Тут же со всех сторон слетаются другие вороны, планируют на нижние ветки деревьев, каркают, наблюдая, как их неуклюжий собрат пытается взлететь, но долго не может держаться в воздухе. В конце концов, Каркуша испуганно забивается под Натальину юбку. А слетевшиеся вороны не поймут, что делать: то ли клевать Каркушу, то ли наоборот – защищать...

НЕ ПРОВЕДЁШЬ...

Самый крупный инкубаторский цыплёнок на следующий год превратился в тучного неповоротливого петуха с ржавыми пятнами на желтоватой спине. Он всякий раз недовольно взёрошивал перья на шее за гребнем, когда кто-нибудь из двуногих подходил к сараю. А потом взял моду бить крыльями и когтями по ногам всех подряд, кто приблизится к его владениям.

Только насыплю в чашку зерна, как по ноге кто-то остервенело ударит. Оглянусь – рядом невозмутимо стоит петух. Протянешь к нему руку, он не уворачивается, не отпрыгивает. Возьмёшь его, тяжёлого, на руки, потреплешь за гребень, поругаешь. Потом поносишь по двору. Он сидит довольно, словно всю жизнь катался на руках. Закукарекает соседский петух, наш тоже вскинет голову и прямо на руках заворчит оглушительно.

После такого особого обращения с ним петух стал признавать меня, ведь я обязательно похлопаю его по спине или шутя подёргаю за конец крыла. Он в ответ пританцовывает возле меня, утробно издавая особенные умиротворённые звуки, какие я никогда не слышал от других петухов.

С тех пор петух перестал нападать на меня. Но все другие домоладцы продолжали получать от него ни за что ни про что. Раз сестра во дворе присела у тазика с водой, чтобы помыть обувь. Петух внезапно залетел ей прямо на голову и успел пару раз ткнуть клювом.

Сестра решила провести задиру. Надела мои брюки с рубашкой и даже нацепила такие же солнцезащитные очки. Стала дефилировать мимо сарая. Петух скособочил голову, внимательно посмотрел ей в лицо и... как долбанёт за ногу! Тогда сестра надела мой длинный белый полушубок, подняла воротник и вдобавок на самые глаза напялила мою зимнюю вязаную шапочку. Теперь уж точно ни за что не отличишь от меня. Петух опять пригляделся к ней, и снова ей с криком пришлось убежать от его атаки.

– Как он узнаёт тебя? – всё время удивлялась сестра после неоднократных попыток обмануть петуха. – По биополу, что ли?..

...А ещё говорят, что куры глупые создания, не умеющие размышлять!

СПАСИТЕЛЬ

Этот котёнок был типичным невоспитанным беспризорником. Сердобольная молодая семья взяла его, некрасивого и всклокоченного, в свою квартиру – тягостно было слушать, как он душераздирающе пищал на весь подъезд.

Долго придётся приучать подкидыша к хорошим манерам: не впиваться опьянелыми от счастья коготочками в колени, когда тебя гладят, не запрыгивать на обеденный стол, едва за него усядутся хозяева.

Но больше всего молодую семью волновало то, что котёнок проявлял стойкое равнодушие к попугаю. Едва тот начнёт игриво балансировать на своей качельке, котёнок бросается к клетке и начинает просовывать шустрю лапу между прутьями.

– Когда-нибудь он сцапает нашего Попку, – к такому выводу пришли хозяева квартиры и выпускали попугая летать, лишь когда котёнок гулял на улице.

Хорошо хоть аквариумных меченосцев не пыгается ловить, и на том спасибо. Словом, бдили хозяева.

Молодые готовили обед, когда из зала донёсся непонятный всплеск воды. Следом на кухню ошпарено пища забежал котёнок, заглядывая в глаза двуногим родным существам у газплиты. Так пищат не ради кусочка мяса, тут что-то другое. Котёнок вновь отбежал к кухонной двери и оглянулся, продолжая пронзительно верещать на своём языке, словно пытаясь донести какую-то ужасную весть. Он явно звал за собой.

Прозревшие двуногие бросились в зал. На паласе у тумбы с аквариумом бился в спонтанных корчах полуутопленного мокрый попугай. Дверца клетки оказалась раскрытой.

Попугай откашлял воду, поднялся на дрожащих лапках и стал рассеянно прилаживать клювом своё желто-зелёное оперение. Котёнок тоже успокоился, запрыгнул на тумбу, обнюхивая прозрачные стенки аквариума.

Всё стало проясняться. Попугай выпорхнул из растворившейся клетки и вздумал поиграть с рыбками, да попал в чужую стихию. Сам бы он не выбрался из глубокого аквариума.

Значит, котёнок выловил его оттуда...

ПОДОПЫТНАЯ СОВА

В казарме от нечего делать солдатики заводили разную живность. То трёхпалая дворняжка приживётся, то ёжик забредёт, да так и останется здесь ради съедобных подачек, каких он не видывал в лесу.

На этот раз кто-то принёс заморенную сову. Связали ей из алюминиевой проволоки клетку и поставили на тумбочку. Сова оклема-лась и тоже осталась здесь. А что – зимой здесь тепло, кормёжку не надо искать, сама тебя находит...

Но в одном не повезло сове. Если «деды» по замшелой традиции подшучивали над новобранцами со всей изобретательностью, то это не могло не коснуться и совы.

Однажды группа «дедов» решила сфотографироваться вместе с совой. Расселись на некрашеном полу и сову усадили в центре. Фотограф сначала щёлкнул пальцами на изготовку и следом послал ослепительный блиц фотовспышкой. Сова так и грохнулась в обморок от неожиданности. Раскидала замертво крылья на сосновых досках.

Едва сова пришла в себя, у «дедов» проснулся застарелый зуд. Почувствовали свежую казарменную буффонаду. Теперь они щёлкали фотоаппаратом без плёнки, и сова всякий раз падала в обморок от вспышки.

Когда кто-нибудь из соседних барачков заходил сюда разжиться куревом и натыкался на сову, ему непременно стремились продемонстрировать новый «прикол». Кто-нибудь подходил к клетке и щёлкал пальцами, словно перед съёмкой. Бедная сова сразу забивалась в угол клетки и съёживалась, пряча голову. Так она пережидала возможную молнию...

От составителей. *Постоянный автор нашего альманаха Евгений Асташкин в мае 2008г. стал лауреатом омского регионального конкурса на лучшее литературное произведение «О братьях наших меньших».* **Поздравляем!**

В мире сказок



Наталья Елизарова
СКАЗКА: НАУЧНЫЙ ПОДХОД К
ДЕТСКОМУ ЖАНРУ
Заметки о научно-практической
конференции
(Нижний Тагил, 2008)

В каждом городе непременно есть какая-нибудь достопримечательность, про которую местные жители с гордостью говорят «это наше всё», и с воодушевлением демонстрируют её приезжим: в Париже – Эйфелева башня, в Москве – Кремль, на Кургане – клиника доктора Илизарова. Собираясь на конференцию в Нижний Тагил, я, по обыкновению, постаралась навести справки и об этом городе. То, что удалось разузнать, поразило и испугало одновременно. «Достопримечательности? – говорили мои знакомые. – А какие там могут быть достопримечательности? Только тюрьмы и больше ничего». Я, признаться честно, призадумалась и сама себе задала вопрос: действительно ли я хочу отправиться в эту командировку? Показанный по телевизору накануне моей поездки криминальный сюжет про нижнетагильскую банду сутенёров, похищавших среди белого дня прямо на улице несовершеннолетних девочек для сексуального рабства в окрестных притонах, и вовсе не добавил энтузиазма. Мои родственники сокрушённо причитали: «И зачем ты только туда собралась?» А бабушка, немало не стесняясь, добавляла кровожадную присказку – «на свою погибель». У меня мурашки бегали по коже; скажу прямо, хотелось сдать билет в кассу и никуда не ехать. Друзья же, напротив, говорили, что тагильская мафия – это ерунда, так, цветочки, а что, действительно, страшно, так это их экология. Советовали не пить местную воду и не дышать тамошним воздухом, чтобы не стать мутантом. Некоторые ехидно осведомлялись, написала ли я завещание и застрахована ли моя жизнь. Я храбрилась. Говорила, что за пару дней ничего не случится... Провожали меня, как на войну, – без надежды увидеть живой.

Нижний Тагил, вопреки всяким рассказанным про него страшилкам, оказался на редкость гостеприимным городом. Меня он

Сказка – это когда женился на лягушке, а она оказалась царевной. А был – это когда наоборот.

Фаина Раневская

принял очень тепло. Особенно потрясли своим радушием его жители. Будучи хорошими гидами, они познакомили меня с одной из главных достопримечательностей – Лисьей горой – объектом вдохновения местных народных умельцев, художников и фотографов. Лисья гора – особенное место, с него виден весь город. У её подножия расположился старейший металлургический завод, созданный в первой четверти XVIII века знаменитым уральским промышленником А.Н. Демидовым, а ныне являющийся музеем. Глядя на него, мне очень явственно вспоминались рассказы моего любимого писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка: «Рабочие кучками шли по берегу заводского пруда, поднимались на плотину и потом исчезали в закопченных заводской сажеей воротах караульни. Глухой сторож Евтифей выглядывал из окошечка караульни и вечно что-то бормотал, а рабочие спускались по крутой деревянной лесенке вниз, к доменной печи, где в тёмном громадном корпусе всегда теплился весёлый огонёк, и около него толпились рабочие в кожаных фартуках-защитках»¹. Вспоминался «Молох» А.И. Куприна, «Жерминаль» Эмиля Золя, «Спрут» Фрэнка Норриса – все эти гигантские монстры производства, поглотившие бесчисленное количество людских судеб... Тагильское промышленное чудовище, укрощённое своей новой ролью хранителя старины, выглядело присмиревшим и будто погружённым в глубокий сон. Можно только догадываться, какие человеческие драмы навечно похоронены за старыми кирпичными стенами, сколько реализованных и несбыточных желаний – об успешной карьере или куске хлеба – составляют невидимую глазом энергетику, именуемую аурой, которой буквально пропитано всё окружающее пространство.

Вообще, нужно сказать, Нижний Тагил – это тот город, в котором удивительным образом соседствуют и уживаются между собой самые различные пласты культуры, поэтому приезжий никогда не сможет почувствовать себя там чужим. Поклонник шансона, к примеру, из любого нижнетагильского ресторана услышит любимую мелодию, искусствовед сможет воочию насладиться шедевром эпохи Возрождения «Мадонной» Рафаэля², которая экспонируется в музее изобразительных искусств, почитатель сказок П. Бажова разглядит образы любимых героев – Хозяйку

Медной горы, Данилу-мастера, Огневушку-Поскакушку – на картинах, подносах, шкатулках, в ювелирных изделиях...

С этими образами я встретилась на конференции, посвящённой исследованию сказочного жанра³, которая проходила в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Работа конференции была организована таким образом, что её участники смогли не только обсудить какие-то чисто научные вопросы, но и окунуться в полузабытую атмосферу детства. Буквально с порога нас встречал огромный валун с тремя указателями: «налево пойдёшь – к царю попадёшь» – то бишь, к ректору, «прямо пойдёшь – сытым будешь» – это, значит, прямое попадание в столовую, «направо пойдёшь – в сказку придёшь» – иначе говоря, в актовый зал, где было намечено пленарное заседание. До конференц-зала каждого из прибывших провозжали хорошо знакомые персонажи: Василиса Прекрасная, Баба Яга, Иван-царевич и т.д., которые дарили на память приятные пустячки, вовлекали в нехитрые конкурсы, с удовольствием позировали перед объективами фотоаппаратов. Присутствие любимых сказочных героев сразу же внесло эмоциональную разрядку и раскрепостило гостей. Традиционно-скучные институтские аудитории преобразились, благодаря развешанным по стенам красочным детским рисункам и оригами, выставке студенческих поделок, музыкальному оформлению, пробудившему несказанную ностальгию своими песенками про Антошку или мамонтёнка, ищущему по всему свету свою маму... Несмотря на то, что в конференции участвовало немало серьёзных, важных и занятых людей: учёных различных гуманитарных направлений (фольклористов, искусствоведов, филологов, лингвистов, культурологов), писателей, педагогов, библиотечных работников, студентов и аспирантов высших учебных заведений из разных регионов России и стран дальнего зарубежья (Польша, Испания) – они улыбались! Это, на мой взгляд, самое главное. Только искренняя шутка может явиться поводом к сближению, только добрый смех может стать причиной дружеского общения. И какое счастье, что отсутствовали официальные расшаркивания и занудные мудрствования, характерные для мероприятий такого уровня!

Из выступающих на конференции докладчиков наибольшее впечатление произвёл преподаватель Нижнетагильской педагогической академии, кандидат филологических наук А.В. Миронов. Его сообщение⁴, посвящённое анализу русской народной сказки о курочке Рябе, позволило увидеть известную детскую сказку с абсолютно неожиданной стороны. Золотое яичко, которое снесла курочка деду и бабке, было представлено как «мировое яйцо – начало всех начал – символ обновления, плодovitости и жизненной силы», смысл которого притягивает человека. Дед и бабка в данном контексте выступили как носители мужского и женского начала. Попытки разгадать смысл бытия, выраженные в стремлении деда и бабы разбить сферическую оболочку, потерпели крах – «философский голод человека не проникает за скорлупу сверхпрочного золотого яйца», что говорит о тщетности и несовершенстве человеческого разума. В сказке присутствует ещё один персонаж – мышь, которая согласно данной метафизической концепции является воплощением хаоса и суеверия и, в конечном итоге, разрушителем мирового яйца. «Хаос разрушает скорлупу мироздания легко (походя, невзначай) – “хвостиком махнула”». А золотое яйцо, предполагает А.В. Миронов, есть мечта о потерянном Рае и о сверхидеальной форме бытия... Интересная трактовка сказки, не правда ли? Ну а автором этих строк было подготовлено сообщение, посвящённое творчеству пяти омских авторов, пишущих для детей: Нины Саранчи, Эльвиры Рехин, Николая Башкатова, Александра Дегтярёва, Татьяны Стрельцовой, которое было опубликовано в сборнике научных статей⁵. Цель доклада – подчеркнуть значение литературного краеведения в процессе воспитания подрастающего поколения и попытка популяризации произведений региональных писателей.

Незабываемым моментом для меня стало знакомство с уральскими прозаиками Борисом Телковым и Юрием Брилем. На память о встрече с ними остались книги – разные по содержанию, но единые по сути; объединяет их стремление разглядеть око Создателя: в любви и творчестве (у эстетика-гедониста Телкова), в гармонии первозданной алтайской природы (у философа-мистика Бриля). Осталось несколько выпусков нижнетагильского

журнала «Хорошо», редактируемого Б. Телковым, на страницах которого нашли отображение самые разнообразные оттенки человеческого мировосприятия: жизненные наблюдения, исповедь, ностальгия, эпатаж, философские размышления, словом, всё то, чем люди стремятся поделиться друг с другом, и из чего, в конечном счёте, сложилась концепция журнала – для общения. Свободный, непринуждённый диалог авторов с читателями, не сдерживаемый железной редакторской хваткой, является особенностью и изюминкой данного издания.

...Уезжая из Тагила, хотелось по привычке зашвырнуть монетку в какой-нибудь водоём, чтобы вернуться. Увы, не повезло – «сезон фонтанов» тогда ещё не наступил, а местная речушка только начинала освобождаться от сковывающего её льда. Но меня не огорчила эта неудача... нужно приехать ещё раз, чтобы повторить попытку, только и всего!

Дмитрий Бычков¹
СКАЗКА В ПРАЖАНРОВОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ РОМАНА-ЖИТИЯ
С. ВАСИЛЕНКО «ДУРОЧКА»

Роман традиционно определяется как крупная форма эпического рода литературы, которая в усложненной сюжетно-композиционной рамке оказывается способна раскрыть историю человеческой судьбы на протяжении длительного периода времени. Архитектуральный анализ современного романа выявляет исторические перспективы становления феномена жанровой модальности романной формы.

В сложном процессе образования синтетической природы русского классического романа несомненное значение имела богатая агиографическая традиция. В архитектуральном основании жанровой модели романа обнаруживается древнерусский житийный канон, рассредоточенно представленный определённым набором наиболее устойчивых элементов. Антропоцентричность агиографического прославления и сложившийся набор художественных средств постижения образа человека в

житии становится основой для последующего развития романного повествования.

Однако в эпических жанрах (средневековых и новейших) также обнаруживается исток словесного творчества ранних исторических эпох – национальная сказка, проступающая в художественной ткани произведения сквозь сюжет, систему героев и черты пространства как глубинный пласт, схема, подтекст. Устная словесность – основа формирования литературного творчества. По замечанию И.П. Еремина, некоторые древнерусские жития (например, агиографическое сочинение Е. Еразма о Петре и Февронии Муромских) вступали во взаимодействие с фольклором, в частности, со сказкой [1]. Таким образом, в отечественной литературе роман становится продуктом взаимодействия жития с жанрами фольклорной прозы. Выяснение протожанровой функциональности сказки – перспективная задача в области постижения исторической поэтики жития, что позволит выстроить теоретическую модель генезиса жанра романа.

Семиотический подход к жанрам, разрабатывающийся в отечественном литературоведении, при характеристике жанрового своеобразия произведения предполагает особое внимание уделять его опознавательным знакам. Эксперименты писателей-новаторов с древнерусской жанровой традицией оказываются неожиданными для современного читателя и заметно выделяются на уровне внешне-композиционного оформления текста, активизирующего творческое восприятие произведения адресатом.

Знаковые для современной социокультурной реальности сочинения отечественных писателей демонстративно обнажают жанровую платформу произведения, намечая литературные связи с писательской практикой других эпох, выражают творческую попытку «водворения в национально-социальную среду утерянной мифологии бытия» [2]. Так, произведению «Дурочка» его автор С. Василенко приписывает «жанрово-метафорический» подзаголовок «роман-житие», который углубляет смысловую перспективу текста. Произведение является интересным объектом в русле намеченной задачи исследования соотношения сказки и жития в протожанровой основе романа.

Художественный код, в котором на «генетическом» уровне заложена информация о «памяти жанра», вынесен в романе С. Василенко «Дурочка» за рамки основного текста и имеет немаловажное значение для осмысления его содержания. Особым функциональным значением в сфере ассоциативной поэтики оказывается наделён рамочный тест романа – заглавие и жанровый подзаголовок – традиционные элементы внешне-композиционной структуры эпического произведения, которые становятся определённым ключом к целостному осмыслению его художественной концепции.

Жанровый каркас романа образуется нерасторжимым двуединством, актуализирующимся в семантике художественной рамки, предпосланной основному тесту. Заглавие «Дурочка» демонстрирует концептуальную значимость фольклорной культурной традиции, фокусирует ожидаемые читателем атрибуты сказочного жанра. Сказка в этом романе представляет собой одну из читательских точек зрения: в образе главной героини, кажется, отражён архетип Иванушки-дурачка, фольклорного персонажа не от мира сего, становящегося в национальном самосознании предметом вечных насмешек. Однако Ганна – «самостоятельная» литературная героиня, действует в соответствии с прочными нравственными и религиозными установками, в то время как Иванушка-дурачок отражает архаические представления о морали и мире, заключающиеся в ритуальных действиях. Заданная автором в заглавии ассоциативная модель направляет дальнейшее осмысление произведения. Итак, на каких уровнях произведения проявляется сказка как протожанровая основа художественного романа?

Рецептивно ощущаемая сказочная (шире фольклорная) платформа произведения обусловлена необыкновенной лёгкостью сказочного повествования, захватывающей стихией устного слова, обилием разнообразных диалогов между персонажами, вставными фольклорными текстами, мозаичной фрагментарностью композиции при чётко обозначенной линии динамично развивающегося сюжетного действия и т.п. Жанр сказки реализуется и на уровне единства пространственно-временной организации романа. Модель мифопоэтического пространства

в данном произведении обладает некоторыми особенностями по сравнению с тем пространством, в котором совершаются события реалистических романов: в «Дурочке» пространство структурируется вокруг главной героини и может быть определено как эмпирическое пространство, т.е. существует только то пространство, которое окружает героя. Сюжетное действие совершается по неконтролируемому движению главного героя, и то, что лежит вне рамок этого движения, лежит вне рамок повествования [3]. Антропоцентричность, указанная в информативном заглавии, также доказывает соблюдение автором важного эстетического правила фольклорной прозы – единство героя, вокруг которого и складывается система персонажей в романе, что, в целом, не характерно для литературных эпических форм.

Сказка, по-видимому, ассимилятивно представлена в произведении: в тексте отсутствуют устойчивые элементы архаической, или фольклорной, сказки, что обусловлено естественной сменой культурной парадигмы, произошла ассимиляция элементов реликтовых сказок в соответствии с духом нового времени. Сказка в творческом продукте современного писателя безотчётно проявляется как абстрактный жанровый закон. Внимательно изучаемое автором народное представление о юродивом-праведнике не могло не привести в создаваемое произведение устойчивые элементы эстетики фольклорной прозы. Страницы жития Ганны пишутся автором будто на основе собранных им фольклорных материалов о народном святом.

Жанровые границы произведения расширяются творческими установками автора на создание житийного памятника святой героине. Таким образом, формула феномена жанровой природы романного произведения организуется нерасторжимым единством фольклорной сказки и средневекового жития.

Закодированные в рамочном тексте, разностадиальные жанры жития и сказки проявляются на разных уровнях жанровой модели романа, а иногда и на одном структурном уровне, вступая в диалог друг с другом. Поэтому заданность системы жанровых координат в синтезирующей разные традиции форме романа актуализируется на пересечении житийной и сказочной осей. Интересно отметить, например, единичную по частотности

особенность функционирования слова «сказка» в словесной ткани романа [4]: концепт «сказка» в устной речи невоцерковленных персонажей употребляется в отношении текстуально засвидетельствованного Писания. Библейские книги-«сказки», однако, присутствуют в «Дурочке» как парадигмальный образец литературного творчества, тем самым обнаруживая некоторую общность труда современного писателя и древнерусского книжника. Сюжеты библейских притч на уровне сближения узнаваемых мотивов встраиваются в романную сюжетику, представляя надсловесный, надязыковой пласт, формируют ассоциативный фон романа, декодируют поведение житийной героини: «В темноте пошла Ганна на хлюпающий звук. Свинья, громко чавкая, ела из корыта помой. Ганна села рядом. Взяла из корыта корку, начала жевать. Потом выловила картофелину. Съела» [5]. Известный сюжет библейской притчи о блудном сыне проецирует универсальную архетипическую формулу, формирует символическую парадигму «блужданий»: инвариант жития и сказки в форме романа, явленный в книге С. Василенко, – это история возвращения героя после долгих скитаний и испытаний, возвращения уже в новой роли, роли праведника. В этом смысле Ганну можно рассматривать не только как художественный образ, замкнутый в рамках контекста авторского произведения, но и как героиню национального культурно-исторического мифа, актуального в эпохи ожидания Конца Света.

Агиографический статус малолетней героини подтверждается её чудесным появлением перед людьми (значимый мотив дважды повторен на страницах книги):

«– Откуда ты, девочка? Кто родители? Как осиротела?»

– Сирота с рождения она, Петровна, – отвечала тетка Харыта вместо Ганны. – На плоту приплыла, по реке, в колыбельке. На малиновой подушечке, как куколка, лежала» [6]. Очевидно, что концептуальное значение для понимания внутренней структуры образа имеет мифологема «чудесного ребёнка». Тип религиозного персонажа в том варианте, который явлен в «Дурочке», моделируется автором по закону сохранения конститутивных параметров древнерусской агиографии. Так, на страницах жития Ганны автором не демонстрируется словесный портрет

героини, даны лишь общие указания других персонажей на её природную красоту. В эстетике фольклорных жанров красота человеческого лица остаётся за рамками художественных средств характеристик героев, представляющих определённый тип. Но в современном житийном инварианте С. Василенко реализуется не фольклорное, а древнерусское по происхождению представление средневековой эстетики о красоте как дополнительном свидетельстве богоугодности.

Постепенно статус житийной героини прочно фиксируется в сознании других персонажей, и читательское представление о романе «Дурочка» как житийном инварианте закрепляется. Немая от рождения, героиня обладает даром певческого слова:

«– А ты сказала, что она говорить не умеет...»

– Не умеет, – подтвердила тётка Харыта. – Только поёт. Как птица небесная...» [7]. Чистый сильный голос Ганны, которым она поёт народные духовные стихи, способен раздобрить даже невоцерковленных персонажей, которые её окружают. Как и герои древнерусского жития, она обращена к идеалу праведничества и святости, она смиренно несёт свой жизненный крест: «...пела Ганна, глядя с улыбкой на небеса, словно бы увидев там кого-то» [8].

Повествовательная ориентация на древнерусскую литературную традицию выражается в дополнительной символикации пространственных координат: небо (как часто в памятниках) ограничивает верхний пространственный уровень, в пределах которого действуют герои. По наблюдениям Д.С. Лихачева, события в житиях святых – это главным образом перемещения в пространстве. Движение житийных героев в пространстве предполагает чрезвычайно важные переходы «границ», далеко не всегда только географических. Героиня ощущает собственную причастность к дольнему миру, она обладает даром созерцания чудесных видений:

«То ли сон пришёл Ганне, то ли видение.

Увидела Ганна плывущее над землёй светящееся облако. И на том облаке или сугробе стояла женщина с необычайно красивым лицом. Лицо было Ганне знакомо, родное лицо. На иконке у тётки Харыты она это лицо видела.

– Божья Мать... – прошептала Ганна.
Божья Мать слегка кивнула, улыбнулась.
– Ты любимая дочь Господа, – сказала Ганне.
– Я? – удивилась Ганна. – Но почему я?
– Ты страдала, – легко ответила Божья Мать» [9].

Долгожданное устремление героини к Богу, наконец, реализуется в символическом финале романа после череды творимых Ганной чудес как глубинное выражение представления о гармонии, которая реализуется в тексте посредством символизации образа сияющего солнца: «...взлетала всё выше и выше. Её уже не стало видно.

А через несколько минут показалось солнце. Оно рождалось на наших глазах на краю земли и неба, огромное красное солнце <...>

Оно поднималось и поднималось и вдруг, просияв, показало себя всё.

Солнце было совсем другое, чем прежде.

Оно лежало в небе словно младенец в пелёнках и глядело на новый, простирающийся перед ним мир» [10]. Цель прихода праведника на грешную землю оказывается выполненной: страдания слабого телом, но сильного духом человека спасают грешников от ожидаемого наказания.

Роман-житие «Дурочка» становится примером возрождения благородной нормы творчества как магистрально обозначенной программы духовной самореализации человека в условиях новейшего времени [11]. Нравственно нацеленное литературное творчество естественно связано с процессом обращения к богатым традициям древнерусской словесности и национального фольклора, что влечёт к обогащающему литературное искусство диалогу традиций. Роман С. Василенко демонстрирует уникальные возможности жанровых трансформаций жития и сказки на основе слоистой романной модели. Конспективно описанный в статье процесс модификации разностадиальных жанров на структурных уровнях одного произведения (концептуальной модели идеализированного образа главного героя, системы персонажей, художественного хронотопа, стиливого диапазона, языковых ресурсов и др.) свидетельствует о перспективности

отмеченного явления для эстетического и этического развития отечественной литературы в XXI в.

Наталья Елизарова, Ирина Елизарова¹
СКАЗКИ СОВРЕМЕННЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ ОМСКОГО
ПРИИРТЫШЬЯ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ
АСПЕКТ

В процессе формирования личности ребёнка художественной литературе отведено одно из приоритетных мест. Из многообразия литературных жанров сказка является мощнейшим средством эстетического развития. Именно поэтому она так актуальна и активно используется воспитателями и преподавателями начальной школы в работе с детьми.

Говоря о роли мировых и отечественных сказок в педагогике, нельзя не затронуть вопрос о воспитательном значении сказочных произведений местных авторов, которые также несут огромную эстетическую нагрузку. Ребёнка с самого детства необходимо приобщать через печатное и устное слово к культуре родного края. Освоив в детстве литературное краеведение, ребята лучше поймут отечественную и мировую литературу.

Авторов, пишущих для детей, среди современных писателей Омского Прииртышья немного, но это известные в регионе имена; их произведения включены в школьную программу Омска и Омской области.

Творчество детской поэтессы Нины Саранчи ценно как с художественной, так и с педагогической точки зрения. Интересное содержание в органическом единстве с безупречной отточенной формой – его отличительная черта. Ценность поэзии Н. Саранчи заключается в том, что один из её главных действующих лиц – ребёнок. Лейтмотивом стихов поэтессы являются поступки детей, которых не понимают взрослые. Так, в стихотворении «Опять обидели» родители строго наказывают своего маленького сына за испачканную одежду – для них он озорник и неряха, а мальчик всего лишь, подражая гиппопотаму,

пытается копировать его повадки. Н. Саранча позволяет читателю увидеть ребёнка и глазами взрослых, и детским взором: «Опять меня обидели, сурово наказали: в обед лишили сладкого и подзатыльник дали. А я-то был хорошим и не шалил ни грамма. Лежал я в луже по уши – играл в гиппопотамы...» [4].

Аналогичная ситуация встречается и в стихотворении «Творчество»; в нём читатель одновременно может познакомиться и с бездельником, и с творческой личностью, отважно бросившейся на штурм ямбов и хореев: всё зависит от того, под каким углом смотреть на юного мечтателя: «Я лежу на полу, я смотрю в потолок, я, наверное, стану поэтом... Я уроки никак приготовить не смог, потому что был занят сонетом» [4].

Нина Саранча – тонкий психолог, чуткий знаток детской души. Она всем своим творчеством показывает: мир ребёнка – особый, он малопонятен взрослому человеку. Взрослый в нём – чужак, посторонний. Н. Саранча – автор, в котором живёт впечатлительный, ранимый, и в тоже время озорной, жизнерадостный, способный заразить весельем окружающих, ребёнок; благодаря этой особенности поэтессы предстаёт настоящим другом малышей: она для них и равноправный участник игр и развлечений, и мудрый старший товарищ. Её стихам присуща занимательность. Остроумные сюжеты заинтересовывают юного читателя, вызывают у него вопросы, помогают строить собственные суждения, позволяют выразить своё эмоциональное отношение к происходящему, дать оценку поступкам героев. Стилистическая тональность большинства её стихов – мягкая, добрая ирония.

Среди современных писателей региона, пишущих для детей, популярностью пользуется поэтесса Эльвира Рехин. Любое явление может для неё стать толчком к созданию сказочного сюжета: начинка для пирога, капли дождя, ползущие по стеклу, или футбольный мяч. Для её стихов характерны лёгкий игровой ритм, лукавая интонация, подвижность звучания, которые легко запоминаются детьми и заучиваются. Такие стихи – забавные, с хитринкой, воссоздающие живую ребяческую речь, а иногда и лепет, – можно написать только при условии тесного контакта с детьми, наблюдая за их поведением, прислушиваясь к

разговорам, запоминая интонацию. У Эльвиры Рехин богатый опыт общения с детьми: на протяжении многих лет она активно выступает со своими стихами в детских садах и школах.

Художественное мастерство Э. Рехин способствует тому, что сложные для ребёнка темы становятся доступными. Стихотворение «Бакен», например, в непринуждённой, незатейливой манере знакомит малыша с особенностями речной жизни, обогащает детский словарный запас новыми словами: «*А в хрустальном домике Проживают гномики. Вечером на речке Зажигают свечки, Чтобы не было беды Пароходам от воды...*» [3, с. 17].

Через литературные произведения автор знакомит детей с явлениями и событиями, выходящими за пределы их личного опыта. Стихотворение «В Кунгурской пещере» рисует, с одной стороны, фотографически точную картину, благодаря которой можно заочно лицезреть красоты уральской природы, с другой стороны – волшебный, фантастический пейзаж: «*В загадочном местечке Идём впотьмах со свечкой, На стенах бахрома, Хрустальные дома, То деревца из льдинок, То мощные дубы, Как будто поединок – И чудо на дыбы. Здесь сговорились страхи, Живут и всех страшат, Ни ящерики, ни птахи, Ни мух, ни лягушат. Такая здесь природа, Я видела сама, Противная погода, И каждый день зима*» [3, с. 36].

Стихи Э. Рехин осязаемы: краски, звуки, запахи присутствуют в них так реально, что читатель невольно ощущает свою причастность к происходящему. Эльвира Рехин сказочник и натуралист одновременно. На страницах своих произведений поэтесса создала мини-энциклопедию живой природы, благодаря которой можно почерпнуть многие важные сведения: что герань – светолюбивый цветок, почему у ежа на спине иголки, на какую наживку ловить рыбу. Без напыщенной дидактичности и назойливой назидательности поэтесса прививает своему читателю умение замечать и ценить красоту природы и в меру своих сил сохранять её богатства. Воспитательное значение детской поэзии Рехин велико – оно несёт читателям знание.

Детский писатель Николай Башкатов вводит ребёнка в красочный мир богатых художественных образов, способных взбудоражить и расшевелить воображение ребёнка. Так, в

стихотворении «Страна Шарообразия» действие переносится в выдуманное государство; благодаря своей композиционной и стилистической особенности произведение выполняет задачу не только позабавить малыша: сходные эпизоды, повторение реплик сосредотачивают внимание и способствуют запоминанию: «*... В стране Шарообразии Европы нет и Азии. В стране Шарообразии Везде одни шары. И девочки, и мальчики, И взрослые, как мячики, И все-привсе животные: Шары, шары, шары... И дебри непролазные И те – шарообразные, И даже лужи грязные – И те шарами в ряд. И белые и смуглые Здесь ребятами круглые, И круглые-прекруглые Все речи говорят...*» [1, с. 34].

Прозаическая сказка Н. Башкатова «Даритель счастья», повествующая о зайце, попавшем в западню к волку и лисице и чудесным образом спасшемся от гибели, превратившись в солнечного зайчика, учит детей нравственным основам жизни. В ней автор с юными читателями говорит о человеческих пороках: страхе, глупости, хитрости, хвастовстве. Животные в этой сказке имеют «говорящие» имена, в которые заложены характеристики персонажей: трусливого зайца зовут Дрейф, хищного Волка – Острый Клык, изворотливую, лживую лису – Хитрован; звери имеют ярко выраженный характер, повадки, привычки, пристрастия, у каждого своя биография. Сказка Н. Башкатова, прославляя находчивость и смекалку Дрейфа и осуждая вероломство Острого Клыка и Хитрована, учит маленького человека выбору между плохим и хорошим поступком. Но, пожалуй, самая сильная сторона этого произведения заключается в том, что оно содержит чёткую психологическую установку, своеобразное руководство к действию – ни при каких обстоятельствах не падать духом, не отчаиваться, не сдаваться, искать выход из трудной ситуации.

Богатейшие воспитательные возможности содержатся в сказках Александра Дегтярёва, основную черту творчества которого наблюдательно подметил писатель А. Плетнёв: «В мире, тонущем во зле, писатель Александр Дегтярёв в своих произведениях показывает... что доброта в отношении друг к другу и есть самая мощная сила сопротивления любому злу» [2, с. 7]. Произведения Дегтярёва пробуждают эмоциональную отзывчивость

на чужую боль, огорчение или, напротив, радость. Ярким тому подтверждением является сказка «Недотрога», рассказывающая о Снежинке: «... среди мириад узорчатых хлопьев, выделялась своей красотой одна Снежинка. Она была больше других по размеру и наряднее своих подруг. Летала она плавными кругами и светила изнутри загадочным светом. Ей не хотелось падать под ноги прохожим, чтоб не угодить на лопату дворника, и не лежать потом до самой весны в холодном сугробе. Боялась она даже прикоснуться к тёплым ладошкам детворы, потому что знала: сразу превратится в маленькую капельку воды и умрёт. За это и прозвали её подружки недотрогой» [2, с. 82]. Но хрупкая и боязливая Недотрога, не задуываясь, отдаёт жизнь ради того, чтобы укрепить дружбу мальчика и девочки.

Сказка «Любопытный Поршок», описывающая походжения воробья, которого мальчишки раскрасили под попугая, учит маленького читателя доброму, заботливому отношению к братьям нашим меньшим. Несмотря на комичность главного персонажа сказки и некую шутовскую изюминку в изложении, автор устойчиво формирует в юных читателях ощущение необходимости бережного отношения к окружающему миру, закладывает, фигурально выражаясь, основы морального кодекса будущего взрослого человека, который несовместим с эгоизмом, жестокостью, бездушием.

«Тевризские сказки» Татьяны Стрельцовой можно порекомендовать для чтения школьникам. Они относятся к разряду так называемых бытовых сказок. Произведения Стрельцовой передают быт и обстоятельства народной жизни одного из посёлков Омской области – Тевриза. В них нет лихо закрученной интриги, ярко выраженных положительных и отрицательных персонажей, противоборства злых и добрых сил. Автор не стремится потрясти воображение, ослепить читателя блеском художественного вымысла. У него другая задача: донести мудрость благородного и разумного бытия, научить философскому отношению к жизни.

Через систему сказочных образов автором воссоздаются картины реальной действительности, современность мелкими

подробностями быта вплетается в сказочный сюжет и приближает его к читателям. В сказках Т. Стрельцовой героини – обычные деревенские жители – оказываются по соседству с персонажами, которых никогда не встретишь в реальной жизни: лешими, домовыми, колдунами, ведьмами. В отличие от традиционных языческих духов они более уязвимы, часто страдают от людских мыслей и поступков. Так, в сказке «Плач домового», покинутый уехавшими в новый дом хозяевами, домовый горюет из-за того, что его «забыли» при переезде, а сказка «В бане» повествует о том, как дворовые (подчинённые домового, отвечающие за порядок на конюшне и в бане) опечалились оттого, что хозяйка не сказала им спасибо за чистое мытьё. Мифологические существа, если их сравнивать с живыми существами, более человечны. В одной из сказок домовый по-братски делится пшеничной лепёшкой с домовым из соседского дома, заболевшая хозяйка которого не смогла приготовить еду, а соседи, будучи с ней в ссоре, много лет не навещали её. Сказка «Лепёшка для домового» небольшая по объёму, но ёмкая по содержанию: в ней автор поднимает тему духовной изоляции людей, осуждает равнодушие и эмоциональную чуждость. Стоит отметить, что тема одиночества, которую Т. Стрельцова разрабатывает в своих произведениях, нехарактерна для сказочного жанра, – и в этом, пожалуй, состоит новаторство автора. Но она несёт колоссальную смысловую нагрузку и обосновывает психологическую мотивацию поведения персонажей: от одиночества сходят с ума и убегают из дома в тайгу старики и старухи («Зов леса»), одиночество – причина скверного характера и неблагоприятных поступков: в сказке «Расплёсканное счастье» ведьма Галюта превращает собственного внука в щенка.

Сквозной темой «Тевризских сказок» является взаимодействие человека и природы, которая одухотворена, стихийна, полна чарующей таинственности. Любуясь сказочными пейзажами Стрельцовой, невозможно оставаться равнодушным созерцателем: «В то утро я за грибами пошла, – неторопливо и сдержанно ведёт повествование автор в сказке «На солнечной стороне». – Дом сестры от леса недалеко. И сразу грибные места. Вот я брела-брела по лесу, охотилась за грибами. И тут ложбинка на

пути попала, по ней ручеёк течёт. Дальше я ещё никогда не ходила. А тут вдруг решила посмотреть: какой там лес за ручьём? Здесь как раз два камешка в воде, чтоб перейти и ног не вымочить. Перешла по ним и дальше отправилась. А лес сразу какой-то неприветливый стал. Деревья высокие, солнце застыло, шумят что-то недоброе...» [5, с. 9] «Тевризские сказки» источают тёплую, умиротворяющую ауру покоя, раскрывают своеобразие и неповторимость омской глубинки, дают возможность сердцем прикоснуться к красотам сибирской природы.

Татьяна Стрельцова, усвоив колорит народных сказок, следует в своих произведениях особенностям народного описательного стиля: традиционным зачинам («жили-были»), эпитетам («змея подколодная»), вкраплением устаревших слов или диалектов («баушка»). Метафоричный, лишённый какой-либо искусственности, язык её прозы – это путеводная нить, позволяющая приблизиться к изучению народных традиций и культуры прошлого.

Значение литературного краеведения в процессе воспитания подрастающего поколения нельзя недооценивать, поскольку только оно во многом позволяет обрести истинное понимание того, что зовётся «малой родиной», а сказка является одним из наиболее продуктивных по своему воздействию литературных жанров, который успешно справляется с задачей его популяризации на самых ранних этапах развития.

Игорь Петров СКАЗКИ

РЕСНИЧКА



Выпала как-то Ресничка из глаза и упала на щёку.
– Ой! – испугалась Ресничка. – Помогите мне кто-нибудь!

– Сейчас, милая, я тебе помогу, – сказал Нос.

Он глубоко вздохнул... и чихнул. Да так сильно, что бедную Ресничку сдуло со щеки и она, пролетев через всю кухню, упала на пол, прямо возле мышиной норки.

– Надо же! – расстроился Нос. – Похоже, у меня ничего не получилось.

И он снова чихнул, испугав старую Муху.

– Что же мне делать? – заплакала Ресничка. Да так горько, что разбудила серую Мышку.

«Интересно, кто это там плачет? – подумала Мышка. – Неужели старый Таракан вернулся?» И она, потянувшись, выглянула из норки.

Заметив Ресничку, Мышка расстроилась, ведь она надеялась увидеть старого приятеля Таракана, который вот уже месяц, как отправился в гости в соседний дом и куда-то запропастился.

– Ты чего плачешь? – спросила Мышка.

– Я выпала из глаза и потерялась.

– Не велика печаль, – сказала Мышка. – Теперь будешь жить на полу, вместе со мной, Мухой и Тараканом.

Она провела лапкой вокруг, словно демонстрировала свои владения:

– Здесь хорошо – тепло и сытно.

– Не хочу на полу, – ещё сильнее заплакала Ресничка. – Моё место там! – и она показала на девочку, сидящую за столом.

Мышка посмотрела на девочку и покачала головой:

– Нашла где жить. Это же маленький человек! Прости, ничем не могу тебе помочь, – и она спряталась в норке.

– А я, пожалуй, тебе помогу! – села рядом с Ресничкой Муха. – Хватайся за мою лапку, только покрепче! Я тебя вмиг доставлю, куда следует! Ты из какого глаза выпала: из левого или из правого? – поинтересовалась Муха.

– Не знаю, – растерялась Ресничка. – Кажется, из правого...

– Ладно, держись за лапку!

Ресничка вцепилась в мушиную лапку, и та взмыла в воздух. Муха полетела так стремительно, что у бедной Реснички закружилась голова и она едва не разжала руки.

Сделав круг, Муха направилась прямо к лицу девочки и, подлетев к щеке, хотела сесть. Однако Рука была на чеку и, резко взмахнув, прогнала Муху.

– Ладно, – прожужжала Муха, – попробуем ещё раз.

Но история повторилась.

– Извини, – произнесла запыхавшаяся Муха, когда села на пол, – видно, и я не смогу тебе помочь. – Надо придумать что-нибудь другое.

И она стала старательно ощупывать лапками коричневую голову.

Откуда-то сверху послышался радостный голос и со стены свалился Таракан. Он неторопливо поднялся и подполз к Ресничке.

– Кто это?

– Ресничка, – раздался из норы голос Мышки, – не обращай на неё внимания! Она выпала из глаза и потерялась и теперь вот хочет вернуться домой.

Мышка подбежала к Таракану и приятели обнялись.

– Я пыталась ей помочь, но Рука мне не дала, – произнесла обиженно Муха.

Таракан поднял лапку кверху:

– Я всегда вам говорил: бойтесь Рук человеческих!

И перейдя на шёпот, добавил:

– И ног...

Ресничка снова заплакала.

– Что же мне делать? Неужели я останусь здесь, на полу и умру...

Она так громко плакала, что Мышка, Муха и Таракан поспешили спрятаться в щель, чтобы не испытывать судьбу.

– Слышали? – сказал Таракан. – Бедняга думает, что здесь плохо. Кто-нибудь, объясните Ресничке, что тут хорошо!

– Да я уже говорила ей, – махнула лапкой Мышка.

– И что?

– Она и слышать ничего не желает: «Домой хочу!» И всё тут.

Таракан начал нервно покусывать усик.

– Ладно, – нехотя произнёс он, – так и быть, Ресничка, пожалуйста, я тебе помогу. Сегодня я собираюсь навестить девочкину кровать. Она любит есть в постели печенье... А вы ведь знаете, как я не равнодушен к печенью? Так вот, в девочкиной постели всегда полно сдобных крошек, – Таракан облизнулся. – Ты согласна?

– Да, – тихо произнесла Ресничка.

– Тогда до ночи.

– Как ночи? – испугалась Ресничка.

– А ты что хотела, идти днём? Чтобы тебя Рука или Нога встретили... нет уж, извините, – покачал головой Таракан. – И потом, тебе же нужна девочка, а девочка днём в постели не лежит.

Таракан снисходительно похлопал Ресничку по плечу и скрылся в мышинной норке.

Однако в эту ночь Ресничке было не суждено попасть к себе домой. Дело в том, что Таракан и Муха так объелись мёду, что не смогли не то чтобы ползать, а даже шевелиться. Пришлось нашей Ресничке ждать целых три дня, пока Таракан сможет выполнить своё обещание. Но когда, наконец, они отправились в опасное путешествие и по ножке кровати забрались сначала на одеяло, затем на подушку и девочкину щёку, Ресничку ждало разочарование. Пока она отсутствовала, на её месте выросла другая, совсем юная Ресничка...

– И что теперь? – спросил Таракан.

– Не знаю, – растерянно произнесла Ресничка, и на её глазах выступили слёзы.

Таракан взял Ресничку за руку.

– Не расстраивайся, будешь жить на полу, вместе с нами. Только венуку на глаза не попадайся, и всё! Ты пока спускайся, а я сейчас.

И Таракан исчез под одеялом.

Ресничке ничего не оставалось делать, как послушать Таракана и вернуться на кухню. Муха и Мышка очень обрадовались, когда вновь увидели Ресничку и стали наперебой предлагать ей разные вкусности. «А что, – подумала Ресничка, – пожалуй, здесь и впрямь не так уж и плохо». И она впервые за несколько дней спокойно уснула.

ВСТРЕЧА СО СЧАСТЬЕМ



Нашёл как-то Дурень подкову. Повертел в руках и отбросил в сторону.

– Ты что ж это делаешь? – воскликнул его приятель Егорка.

– А чего? – зевнул Дурень. – Зачем мне ржавая железяка?
– Да она тебе счастье принесёт, – произнёс Егорка. – Повесь её над дверью и жди!

– И всё? – не поверил Дурень.

– И всё – кивнул Егорка.

– Надо же, как просто! – почесал затылок Дурень. – А то мне маменька всю плешь проела. Твердит: «Трудись, да трудись, если хочешь, чтоб тебя счастье заметило!»

Обрадовался Дурень такой удаче, взял подкову и домой отправился. Нашёл щепку, воткнул между брёвен над дверью и повесил подкову. Стоит, счастье ждёт. Пять минут стоит, десять минут стоит...

– Эй, подкова, где счастье? – крикнул Дурень. – Давай, носи счастье!

Но счастье не появлялось.

«Небось, обманул меня Егорка, – подумал Дурень. – Решил посмеяться надо мной. Вот я ему задам!»

Выскочил Дурень из дома и так дверью хлопнул, что висевшая на щепке подкова, сорвалась и ударила его по голове. Да так сильно, что у Дурня искры из глаз посыпались.

Упал Дурень на пол, лежит, ничего понять не может. «Неужели, – думает, – мне подкова счастье принесла?.. Выходит, не врал Егорка».

Поднялся Дурень, осмотрелся и ничего не увидел.

– Странно, – произнёс он, – а где же счастье?

Ощупал Дурень голову, а на затылке здоровенная шишка. «Вот те на, – удивился он, – неужели это и есть счастье?!»

Поднял Дурень подкову и к матери отправился. Приходит на скотный двор и кричит:

– Mam! А, мам! Меня счастье заметило! Ты вот говорила, трудись, если хочешь, чтобы тебя счастье заметило. А я вот не трудился, а оно меня всё равно заметило! Вот смотри, – и Дурень, наклонив голову, показал шишку. – Только мне твоё счастье не понравилось. Пусть уж я буду всю жизнь несчастливый ходить, чем счастливым...

Взял Дурень подкову и забросил подальше, чтоб никто больше со счастьем не встретился.

Вместо послесловия



От составителей

Сегодня в «Голосах Сибири» мы представляем череду фотографий с ещё одной весьма знаменательной для литераторов Кузбасса встречи. Как она происходила, и кто на ней присутствовал, сообщает в своём маленьком эссе одна из участниц, Вера Блынская.

Не ищите её имени в списках каких-либо литературных объединений. Она не автор романов, вы не найдёте её имени в сборниках поэзии. Юрист (нотариус), В. Блынская наделена удивительной зоркостью души, выразительностью и меткостью в передаче впечатлений, свойственным, наверное, только свежему детскому восприятию людей и действий. С годами, обычно, этот бесценный дар меркнет и обрастает штампами, которые, – как ракушки стоящий на мели корабль – облепляют разум и чувства.

Не удивляйтесь, читатель, повстречав четверостишия в тексте этого отчёта «не литератора» о литературной встрече в музее Достоевского. Это – не нарочито написанные «на случай» стихи. Это – от того самого, «юного» и яркого восприятия мира, что в человеке, вечно обременённом серьёзнейшими и ответственнейшими документами о человеческой жизни и смерти и осаждённого озабоченными, а то и скорбными посетителями, – ничуть не притушено и постоянно вспыхивает в разговоре метким словечком: раздражается «величальными» стихами – на манер не то «интеллигентной частушки», не то напрочь забытого сейчас французского жанра «bout-rime» («рифмованные окончания»), увлекавшего салоны не только всей Европы, но и России два века назад. Во времена Пушкина для светского человека считалось неприличным не владеть этой способностью «припечатывания» момента.

Вера Блынская этим умением владеет не случайно. С супругом Геннадием Васильевичем нередко общается именно подобными рифмованными диалогами. Случайно ли её дарование? Наверное, нет. Уж больно гены её «громкоговорящие».

Именно её деду Блынскому Георгию Степановичу мы обязаны тем, что в Новокузнецке имеется сейчас прекрасный краеведческий музей (а ведь поначалу музей Достоевского был его филиалом). Об этом мы писали в пятом выпуске «Голосов Сибири».

Культура рождается в провинции, вырождается в столицах и в этой форме возвращается в провинцию.

Хенрик Ворцелл

Зачатки краеведческого музея корнями тянутся в дом Блынского, который он подарил городу в 1927 году, а равно и к уникальной коллекции его друга Дмитрия Тимофеевича Ярославцева.

Блынский тоже был наделён литературным даром. Он влёт к себе людей, был выдающимся шахтостроителем, натуралистом. В Горной Шории его любили и почитали, на похороны Георгия Степановича приехало множество представителей шорского народа, которые скорбели вместе с его семьёй.

Хорошие гены дают хорошие всходы – В. Блынская тому свидетельство.

Именно оттого мы попросили её, не литератора, описать свои впечатления о прошедшей встрече, увиденной как бы «сторонним глазом», – о встрече, которая прежде всего была посвящена главной идее альманаха «Голоса Сибири»: наведению воздушнейших, но и прочнейших мостов культуры меж людьми, странами, народами, что, думается, особенно важно в наш сложный век разладов и упорного «неуслышания» друг друга.

Вера Блынская
«ГОЛОСА СИБИРИ» В ДОМЕ
ДОСТОЕВСКОГО

О памятных уголках литературной провинции



У медалей, монеток и листьев две стороны.

Осень щедро расплачивается за предоставленную ей пору, и в благодарность бросает на землю золотые листья и яркие бусинки ягод.

Красиво. И грустно – оголяются деревья. Опять же – две стороны медали.

У горизонта виднеются вечнозелёные «хвойные» горы и на полях, местами, изумрудятся всходы озимых. Глаз фиксирует бескрайние богатства природы и – убогость промелькнувших деревьев, кое-где утыканных дачами.

Две стороны медали...

Вот какие мысли мелькают, когда мчишься по кузбасской, вполне европейской, трассе.

Сегодня 13 сентября. Еду на творческую встречу из столицы Кузбасса, Кемерово, в свой родной Новокузнецк. Раньше он был – Сталинск. Потом переименован, как северная столица: из Ленинграда вновь – Петербург.

Радостно и тревожно. Для меня навсегда грустью пронизана эта дорога: много лет назад здесь погибли друзья.

...А жизнь продолжается и преподносит сюрпризы. Вот, неожиданно при знакомстве с попутчиками испытала что-то вроде благоговения: такие умы, такие дарования...

Доктора наук, профессора, преподаватели точных наук, и все они – одновременно поэты и прозаики, авторы множества изданных книг, достигшие высот не только в своих профессиях, но и в любимом занятии, которое «для души», и отнюдь не – есть же такое нелепое слово! – «хобби». А ведь порой обыватели навешивают этот ярлык на подлинное творческое увлечение тех, кто, помимо своей непосредственной профессии, способен «воспарить»...

Вдруг подумалось, что услышанное и непонятое в детстве: «главное богатство страны – люди», это не просто расхожая фраза. В нашем же угольном крае почти все лозунги и плакаты связывают понятие «богатства» с добытыми из земли её же недрами. А такие люди, как мои попутчики, – разве не «соль земли»?

Уютный микроавтобус вырывает к центральному универмагу. И тут эмоциональная Тамара Михайловна Хмиловская, самобытная исполнительница народных и современных песен из города Берёзовский, что-то громко говорит о «партии» – удивлённо возмущённо-недоумённо. И даже что-то о «торговле партией».

Столичный или «иноземный» читатель, вы улыбаетесь? Подумаешь, де, доктора наук, профессора...

Не улыбайтесь, из вашего далёка не очень большие «провинциальные» города едва ли просматриваются.

А их множество. И именно в них, не взбаламученные суетным грохотом столиц, «расцветают души», и обретают голос дарования, не боясь высокомерия мэтров. И это – одно из очарований так называемой провинции.

...Прислушиваюсь. Оказывается, на нашем пути, на рекламной растяжке у ЦУМа действительно крупными буквами сообщается:

*ПРОДАЁТСЯ ПАРТИЯ
офисной мебели*

Вот такая «игривость». А ведь ещё относительно недавно за подобную резвость могли и головы полететь. Сейчас, похоже, рекламы подобного «градуса» никого не удивляют. Примелькались.

Когда проезжали мимо цирка, уже уверилась, что дорога не будет скучной, я взяла ручку, и в блокноте появились строчки, которыми сразу же поделилась с Тamarой Михайловной: *С утра была апатия: / Кривая счастья вниз. / Вдруг: «продаётся партия» – / Рекламный мне сюрприз.*

Тамара Михайловна тут же отвечает: *Не продаётся партия, / И не мечтай об этом. / «Единая Россия» – / Ты в сердце у поэта.*

Через какое-то время диалог продолжается: *Сначала было весело, / Потом смешно, хоть плачь, – / Реклама та... о мебели / Для офисов и дач.*

У Тамары Михайловны рождается новая «эпиграмма»: *Висит реклама в городе / На тряпочной растяжке, / Мол, продаётся партия, / Вот-вот её растащат.*

Итожит «перепалку» наш попутчик, мой супруг Геннадий Васильевич, который на ходу перефразирует Маяковского: *Партия – вздор, партия – ноль. / Кто более матери-истории ценен? / Конечно же, человек, / Который себе, а не в партии верит.*

Вы можете себе представить, читатель, такую рекламную «растяжку» в Москве? Или в Питере? О секс-шопе или кружевном белье – можете. Но о партии?

В провинции слова и понятия ещё сохранили свои смыслы и слишком «разыгравшаяся» реклама, глядишь, ещё может людей и «задеть». И люди живо на это реагируют.

Представьте такой рифмованный диалог, что завязался в нашем автобусе где-нибудь в «просвещённых столицах». Или в Бухаресте, Варшаве, Париже.

Вы уже не улыбаетесь, читатель? Вы смеётесь. И вы правы. Свежесть и искренность восприятия всего Божьего мира живы именно в провинции. И да сохраняются в ней.

...Так, за разговорами и шутками промелькнули три часа, и – здравствуй, мой родной Новокузнецк!

Знакомые трубы КМК, неизменно дымящие как гигантские сигары, незнакомые новые здания. А на Левом Берегу перед мостом – два стареньких уцелевших деревянных строения. Они – стражи у моста через Томь. Стражи старины. Они предупреждают: начинается въезд в сердцевину истории Кузнецка.

А за мостом – двухсотлетние топольники.

Помню, в детстве кто-то рассказывал, будто в седую старину перед нашествием врагов у подножия Кузнецкой крепости повтыкали колья. А они проросли. Так ли – не так, однако, спасибо топольникам – удар смога «берут на себя»: дышите, кузнечане, дышите!

Здравствуй, здравствуй, родной старенький Кузнецк! Здравствуй, знаменитый полуторавековой дом Достоевского на Форштадте. И опять же, – сохраниться домам помогли Топольники: защищали от ветров и бурь, первыми принимали половодье...

Тепло и сердечно приветствуют нас служители музея, они же – служители истории. Удивительна судьба этого дома – всего несколько дней прожил в нём великий Достоевский, а память о том навечно запечатлелась в едва ли не уникальном «музее образов». Казалось бы, – давным-давно известная история. Но наш гид Ольга Сергеевна так проникновенно ещё раз преподнесла нам любовную коллизию великого писателя с его избранницей, к которой он сюда приезжал до самого их венчания, что кажется, будто не только наш экскурсовод, но и все мы были рядом с несчастливыми данниками любви, и, стало быть, в этот миг тоже были кузнечанами.

И, значит, для Достоевского на мгновение оказались «гадами и гадинами», как он называл жителей Кузнецка!

Нет, нас он таковыми бы не посчитал. Ведь те, полуторасотлетней давности кузнечане так не милы ему, потому что посягали на Марию Дмитриевну – всё хотели замуж выдать, отнять у него.

А мы... Мы благоговеем перед таинством великой любви писателя, мы ищем её следы в его произведениях, написанных даже через много лет после смерти этой обворожительной и так безумно любимой им женщины.

Однако, всё парно, всё повторяется...

Две стороны медали...

Через сто лет после венчания Достоевского и Исаевой повторилась подобная же история любви. Только – у моих родителей. Именно в Кузнецке, в «достоевском» месте. История простая и пронзительно краткая...

Слушая рассказ о кузнецком отрезке жизни великого писателя, изумлялась: ведь мой отец буквально «по стопам Достоевского» приезжал к моей матери. Она жила на квартире по улице Куликовской, совсем недалеко от музея, – как потом оказалось, у двоюродной сестры отца. Отсюда и знакомство. А отец жил на Левом Берегу.

В 50-е годы прошлого века пассажирский транспорт не баловал кузнецан. И, значит, мой молодой влюблённый будущий отец после работы приходил-прибегал с того берега через мост (романтично), за Топольниками сворачивал на первую улицу Форштадта, что теперь «улица Достоевского» (исторично), и, конечно же, гуляли они с мамой по Старокузнецку, поднимались «на крепость», – местный Арбат! – и мечтали о будущем. Планировали они в ту пору свою любовь – «на веки», но разъехались, когда мне был 1 год.

Достоевский прожил в Кузнецке с женой 2 недели. Мои родители прожили в Кузнецке 2 года.

Аура странного романа Достоевского и Исаевой витает над этим домом, над этой улицей, и, наверное, не раз ещё будет воплощаться во всё новые романтические коллизии, где-то тут, на этой улице, около этого дома. Который чудом уцелел и превратился в музей.

Каких-нибудь тридцать лет тому назад его вдруг объявили затопленным половодьем, чего и в помине не было, а потом чуть было не раскатали по брёвнышку, чтобы в виде некоего макета воспроизвести в задуманной резервации «для памятников старины».

И какие баталии бушевали в газетах и журналах, а также на телевидении.

И вот он – музей.

Столичный наш читатель, не улыбайтесь: подумаешь, деревянный сруб, в котором Достоевский не написал ни одной строчки. Не написал, – но здесь уже в пору его приездов витали образы будущих романских героев, потому что здесь, именно в этом доме вершился въяве великий роман его собственной жизни.

Провинция – бережлива. Она чтит каждый памятный уголок и бурно его отстаивает, потому что памятниками отнюдь не богата.

Провинция – не какой-нибудь райский уголок, где на каждом перекрёстке высятся дворцы и античные скульптуры. Но очарование её – в привязанности к привычным с детства памяткам.

Но всё это, я – так, попутно...

...Итак, после окончания института моя мать вернулась в Кузнецк. Именно в Кузнецк. А я училась в самой известной школе города – в 10-й, и после окончания кемеровского университета тоже намеревалась вернуться в Кузнецк. Однако – «перешёл дорогу» кемеровчанин...

Но это уже совсем другая история...

А «кузнецкая история» в моей жизни и короткая, и бесконечная.

Музей Достоевского раньше был филиалом городского краеведческого музея, который основал отец моего отца – Блынский Георгий Степанович. Мой дед, которого я никогда не видела. Притом родители отца похоронены на Кузнецком кладбище, на крепостной горе. Вечная связь с Кузнецком.

От этого осознания «родства» с музеем я уже не чувствую себя посторонней на этой творческой встрече литераторов и учёных.

Сибирью прирастает культура России. Прославляются умы и таланты предков, когда-то сосланных на каторгу за вольнодумие, за сострадание к народу, за искреннюю любовь, за храбрость. Отголоски их путанных, скорбных, но и величественных жизней звучат в произведениях нынешних авторов, участников этой встречи...

Как добрая хозяйка ведёт встречу Начева Любовь Васильевна, – она один из авторов альманаха «Голоса Сибири», доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой Кемеровской Медакадемии. Меня очень тронул её рассказ «Рассвет в Сухуми» (см. седьмой выпуск «ГС»). Л.В., как профессиональный биолог, видит связь между всеми присутствующими в непрерывном потоке жизни, состоящем из множества биологических и психологических закономерностей.

И так она ловко характеризовала каждого выступающего и связывала в туго сплетённую цепочку происходящего действия!

Непременный атрибут её изысканного туалета – массивная серебряная цепь в два пальца толщиной – как бы каждым звеном иллюстрирующая убеждение: главная формула жизни – неразрывность, и нас всех, в том числе. Только вместе мы – ценность, только вместе можем послужить полезному делу единения. *Биолог и поэт, / Как им ужиться вместе? / В Сухуми ночи нет. / Не верится? – Поверьте...*

Наш омский гость Виктор Соломонович Вайнерман, как и все мы, находится под впечатлением обаятельных манер Любови Васильевны. Всех нас связывают «серебряные цепи» творчества.

Слушая выступление Виктора Соломоновича, я задумалась...

У всех в юности был пронзительный школьный звонок. Он много лет разделял нас на тех, кто вовремя заходит в класс на урок, и тех, кто, случалось, запаздывал. Опоздавшему было худо во всех отношениях – запись в дневнике, вызов родителей к директору школы, «пятно» – в характеристике, упущение какой-либо важной детали урока или нескольких минут общения с друзьями, которых, как теперь оказывается, было не так уж много. В общем, в детстве надо было чаще повиноваться звонку и приходиться вовремя.

А во взрослости – бывает, и вовремя уйти. (Вот они, двусторонние медальки-листки).

Член Союза российских писателей, член редколлегии «Голосов Сибири», заслуженный работник культуры РФ из Омска, Виктор Соломонович Вайнерман остался очень доволен встречей с Новокузнецком, и, как слышно, вернувшись в свой родной город, не скупился на похвалы в адрес её организаторов. Тридцать

лет он возглавлял Омский музей Ф.М. Достоевского. И, как истинный победитель, – подобно олимпийскому чемпиону, – отмеченный всеобщим признанием, ушёл со своего поста вовремя. Не опоздал уйти.

Японцы считают, что надо менять место работы каждые пять лет. Чтобы не было застоя, автоматизма в делах, и не притупилось желание зарекомендовать себя с лучшей стороны, в смысле трудоспособности и старания.

А у нас – по-другому. Если уж что-то делать, то с душой, и как же эту душевность ограничить сроком? Тридцатилетнее преданное служение Вайнермана музею Достоевского в Омске навсегда осталось в экспонатах, в памяти омичей, сибиряков.

Во всём мире Достоевский почитаем, весь мир пытается понять «загадочную русскую душу» через его произведения. Так вот же ещё одна «загадка русской души»: уход с поста директора Виктора Соломоновича Вайнермана, о чём подробнее см. №4 «ГС».

Вайнерман «вышел из класса» вовремя. Не опоздал.

Уверена, новый поворот судьбы даст ему темы для его новых произведений, так честно проецирующих окружающую действительность. *Извечна тайна – Человек, / Не разгадать её вовек. / Хотя стремление сердечно, / Но жизнь сложна и бесконечна.*

Виктор Соломонович – наш омский гость, скромный, обаятельный, – раздарил целую гору своих книг – «Зеркала» и «Записки экс-директора», – и так тактично старался не затмевать гостей-кемеровчан...

Затем слово предоставили члену Союза российских писателей, постоянному автору «Голосов Сибири», доктору фармацевтических наук, профессору, заведующему кафедрой фармацевтической химии Кемеровской государственной медицинской академии, читаемому, почитаемому и любимому в литературных кругах Омска и Кемерово, Петру Васильевичу Кузнецову. Пётр Васильевич с таким запалом выдал «на гора» свои размышления о сонетах, о вечном служении поэзии, что после выступления не смог оставаться в зале, а, что называется, «вылетел», извинившись, на перекур. Его эмоции поражали слушателей. Да и весь он удивительный: богатырская стать, блистательный фейерверк

мысли, роскошные жесты, безудержная искренность и талантище. *Фармацевты лечат тело, / Если тело заболело, / Если душам плохо где-то, / То помогут лишь сонеты.*

Улыбайтесь, читатель! Такой темперамент, такая эрудиция – в сонетах Кузнецова сплошь афоризмы из Марка Аврелия, Шекспира и Георгия Иванова. Так что, листая его книги, почему-то вспоминается передаваемая от дедов и прадедов родовая библиотека в захолустном помещицьем гнезде, изумлявшая лет двести тому назад какого-нибудь заезжего парижанина...

Так что – храни тебя Бог, провинция, и да не коснётся тебя зловещее уханье никаких «новых Вавилонов»...

...И опять «смена лиц». Автор «Голосов Сибири», известный и талантливый писатель из кемеровского сообщества Союза писателей России (не путать с Союзом российских писателей!), доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией культурологии Кемеровского Университета Культуры и Искусств, спокойный, даже несколько флегматичный, но очень уверенный в себе Игорь Фёдорович Петров на этой презентации предложил для продажи, совсем недорого, свои новые сказки, – а они у него «Андерсоновские» (не «вторичны», а проникнуты таким же очарованием), – и очередной выпуск «Профессорских шалостей». *Знают взрослые и дети: / Сказок кратче нет на свете. / Заменяют сладости / «Профессорские шалости».*

Ловлю себя на мысли, что как будто слушаю оркестр. Единая мелодия создаётся звуками очень различных инструментов.

Некоторые звучат громко, некоторые сдержаннее, так что «оркестр» – это только все вместе. Даже без самых тихих звуков не получилось бы того ансамбля, который и завораживает.

Немногословен в «оркестре» этой встречи автор нескольких прозаических сборников, доктор медицинских наук, сексолог Олег Константинович Яценко. Брак Достоевского с Исаевой, соперничество великого писателя с учителем Вергуновым, Олег Константинович рассматривает с позиций сексуальной психологии. Он – известный кузбасский писатель-краевед. Проницательный взгляд чуть исподлобья и слегка ироническая улыбка очень доброго и, наверно, весьма «ядовитого» человека. *Край*

изучать, как секс / Он может бесконечно, / Известным среди светил / Он стал уже навечно.

Около крыльца музея растёт рябинка. Я сорвала две ягодки, одну съела. Сладкая. Рябинка моей родины. «Горькая» – отметил мой спутник. И так везде и всегда, каждому своё: опять двусторонняя медалька.

Поэтесса из города Берёзовского, член СРП Зоя Ивановна Соснина тоже дарит свои книжки. К сожалению, первый раз держу в руках тринадцатилетней давности её «Горечь ягод калины». «Горечь ягод калины на милых устах». Душевно как сказано! Как всё значимо в этом огромном мире. Даже одна ягодка.

Помнится, во времена моего детства в моде был спор о физиках и лириках. Казалось, – несовместимые два мира. А Зоя Ивановна – воплощение и совпадение двух этих миров. Профессия – физик, призвание души – лирик. Она тонко, вернее, трепетно, пишет обо всём, что рядом, ежедневно, ежечасно, обыденно, и, кажется, ничем поразить не может. А вот её – поражает. Тем, что замечает только она. У Сосниной всё вокруг живое: у клёнов и берёз ветки-ресницы, почки деревьев проклёвывают «листочки-птенцы», кланяется весне лиловой головкой кандык. И пробивающийся сквозь асфальт «лепесток солнца» – одуванчик.

Её стихи – гимн неукротимой любви к жизни, каждой её маленькой хрупкой частичке. Толстокожие деловые существа не увидят пользы от её поэзии. И, возможно, поэтому так трудно ей, – как тому же одуванчику, – «пробиваться» в асфальтобетонной системе городов... *Воспеть любовь в стихах – / Не каждого удел. / А без её стихов / Кузбасс бы обеднел.*

Так называемая «провинция» – слаженная инфраструктура. В ней приметен каждый, кто «не как все», и каждый одарённый – драгоценная находка. Равно каждый выбывший – общая потеря...

Если в 60-е годы «лирики» и «физики» спорили, то теперь они «проросли» друг в друга, появилась новая творческая популяция. Они будоражат «уют души» неуёмным темпераментом, талантом, противоречивостью. Подруга Зои Ивановны – Тамара Михайловна Хмиловская, преподаватель математики. По сю пору занимается спортом, одновременно совершенствует своё

вокальное мастерство. Владелец уникального голоса. Зоя Ивановна сочиняет стихи, композитор Николай Иванович Гусев пишет музыку, так рождаются песни, которые Тамара Михайловна «озвучивает». Благодаря Тамаре Михайловне сборники стихов тоже звучат как оркестр, солируя каждой строчкой. Голос певицы удивительно репрезентативный и торжественный. Выступала она на улице, у памятника Достоевскому. Но, кажется, половина Кузнецка могла услышать её концерт. Прохожие останавливались, заглядывали через калитку. В соседнем доме хозяин, видимо, задумал в субботний день почистить трубу бани. Подставил лестницу и стал подниматься на крышу. И в этот момент запела Тамара Михайловна. Так он и простоял полчаса посередине лестницы. *Науке точной в равновесье / У ней есть дар исполнить песню. / Знаток душевных и лиричных тем, / Она – учитель и спортсмен.*

Мы включаем радио и телевизор. Звучит русская песня. Сверкают нарядные костюмы. Мы восхищаемся: ох, Надежда Бабкина! Но ведь сколь всевластен повелитель человеческой жизни – Случай! Был бы Хмиловской предопределён судьбой этот самый чудодейственный «случай», кто знает, каких высот достигла бы она с её могучим, серебром звенящим голосом, с её выдержкой и упорством, которыми она, несомненно, обладает, потому что ничего так не укрепляет в человеке стремление к достижению цели, как спорт, который занял в её жизни немалое место.

Как мы знаем и убеждаемся, читая произведения Достоевского и его рассуждения о самом себе, в жизни великого писателя «господин Случай» играл решающую роль. Это он, Случай, привёл его на сибирскую каторгу, но он же подарил ему «грозное чувство» к Исаевой, а отсюда – красная нить трагической любви, что пронизывает всё его творчество и делает неповторимым по накалу любой его роман. Это Случай водил Достоевского на горе его второй супруге Анне Григорьевне, в игорные залы и погружал в игорный морок, чтобы впоследствии из-под пера несчастливца игрока-Достоевского появился роман «Игрок». И это он же, Случай, позволил скромному деревянному срубу – тайнику скольких страстных и горьких разговоров и общений Достоевского с Марией Дмитриевной, – всё-таки через

все препоны сохраниться на улице его имени и опять же – Случай свёл всех нас вместе сегодня в этом доме, окутанном особой, волшебной аурой.

...Скромно поведал о своих многолетних трудах, о немецком сообществе Кузбасса Вольдемар Александрович Горх. Его труды занимают достойное место в кузбасской литературной летописи. Бывший директор совхоза-техникума не понаслышке знает цену труда на земле. Он немногословен. Представил свои романы-хроники о немцах, сосланных в Сибирь в ходе сталинских депортаций. *Большим талантом наделён, / В романах всем поведал он, / Как трудно на чужой земле, / А на своей трудней вдвойне.*

«Своей» – имеется ввиду та, покинутая отнюдь не по своей воле его родными, та, которой суждено было «перестать быть». Недаром же это немецкое сообщество в Кузбассе называется «Возрождение» («Видергебурт»). Книги В.А. Горха свидетели такого возрождения. Да и он сам, такой, какой есть, – свидетельство необыкновенной «живучести» народа, который в течение двух столетий пребывания в России, к своим редкостным качествам, как то деловитость, «талант любить землю», точность, честность, прирастил всё лучшее, что свойственно было российскому народу в те давние поры.

О связи времён, народов и народностей говорил председатель новокузнецкого отделения Союза писателей России, профессор, заведующий кафедрой новокузнецкого пединститута, виднейший представитель шорского национального движения Косточаков Геннадий Васильевич – ещё одна ведущая скрипка нашего оркестра. Единение духовности, вне расстояний и вне времён, – тема его выступления. Мы все едины по месту жительства – Кузбасс, Сибирь, Россия, и, наконец, Божий мир. И не рознь, а единение нужно людям сейчас. Как никогда. *Зав. кафедрой назначен шорец. / Ох, не из робкого народец! / Таёжный быт терпенья прибавляет, / Талантами Россия прирастает.*

О, этот удивительный шорский народ, который «говорит языком тайги»! Сколько испытаний выпало на его долю, когда, оторванный от лесного промысла, коим жил из поколения в

поколение, волею так называемых «государственных» нужд и планов, очутился в шахтах, в подземелье. И выстоял. И сохранил несравненную поэтику мышления и неожиданность пронзительного и первозданного восприятия окружающего мира и таинственность «чувствований», что так остро ощущается в произведениях шорских авторов...

...В.А. Горх, Г.В. Косточаков – разве не «соль земли»? Они, – которые истинно патриоты своего края. Сейчас слова «патриотизм» многие даже стесняются. Не в провинции, нет. Вот у одного участника встречи, автора «Голосов Сибири», директора новокузнецкой школы №96, в которой преподавание строится по уникальной системе «Школа Л.Н. Толстого», Бориса Ароновича Гросбейна, «пора патриотизма» никогда не тускнела и не обесценивалась.

Наши почтовые ящики, бывает, заваливаются рекламными буклетами и газетами. На рекламные игры денег хватает. А на публикацию бесценных рукописей из музея коммунаров-толстовцев, расположенного в школе Бориса Ароновича – денег нет. Статус музея – временный, «школьный», хотя его уже давно пора повысить до муниципального. К слову сказать, в городе существует кинотеатр «Коммунар» – чем не место для открытия музея коммунаров-толстовцев? *Чем тратит средства на пиар – / Кино бы «Коммунар» / Отдать в музей Гросбейну – / К толстовцам отношусь благоговейно!*

Помощница и сподвижница Бориса Ароновича – краевед, бывший руководитель новокузнецкого музея народного образования Тамара Васильевна Семёнова. У неё удивительно ясное, иконное лицо. Не лицо – лик. Она и вправду святая женщина. Как может, помогает сохранить музей, составила сборник «Кузнецкая школа» (это *моя*, 10-я!). Знает всё о Кузнецке и кузнечанах. Потому что – подвижница она!

Ф.М. Достоевский сказал, что «красота спасёт мир». Наверное, это было созвучно его времени. Мне же думается, что мир спасут подвижники и так называемые «чудаки». Те, что обуреваемы совсем другими предметами и явлениями, нежели то, что можно обнюхать, лизнуть, слотнуть или спрятать в

карман. И то, что является стержнем их жизни, они будут отстаивать с истинно львиным мужеством.

И «произрастают» они, чудачки, – подобно грибам, что скромно ютятся у древесных корней в лесу, подальше от шума, – «произрастают» чудачки в тиши малых городов, в чинной, немного скрытной, но столь уютной и душевной, – если тебе поверят! – провинции. Они, чудачки, и есть некий феномен провинции.

...А ещё выясняется, что с Тamarой Васильевной мы давным-давно знакомы. Она работала помощницей у моей мамы в комбинате «Кузбассшахтострой». Вместе они ездили по Кузбассу, делали геодезическую съёмку для строительства и ремонта шахт и разрезов. В подчинении комбината был трест «Южкузбасслес», занимавшийся поставкой древесины для стоек в шахтах. Здание треста, помнится, было на Форштадте, недалеко от музея Достоевского. Руководил трестом мой дед, Георгий Степанович.

Господи, до чего же всё связано, до чего жизненные звенья неразрывны. А ведь дед мой тоже учился в школе, книгу о которой составила Тамара Васильевна. Безмерна связь с Кузнецком. Через неделю после описываемой встречи мы с мамой приехали в Кузнецк, и они с Семёновой встретились так трогательно, так тепло, и вспоминали молодые свои годы. *Лик святой и непорочный, / Но стоит за этим прочно / Сила духа. Склад ума – / Будто злата закрома.*

Но вернёмся к встрече, вызвавшей столько воспоминаний-связочек. От имени Правления Кемеровского регионального отделения Союза российских писателей выступил его председатель. Он приветствовал участников встречи и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество авторов и организаций из Кемерова, Новокузнецка и Омска, вручил наградные листы.

Конечно же, самая искренняя благодарность и поклон моим землякам – работникам музея, которых объединяет Эмилия Валентиновна Шестакова. Они встречали нас по-семейному: ароматный чай, незатейливые печенюшки-конфетки, простая обстановка, мебель прошло-позапрошлого века. Уютно, по-домашнему. Признаюсь, давно не была на фуршетах без спиртного,

обильных яств. А ведь вкусно покушать можно и дома. Завсегда и питейных фуршетов при виде чая с печеньем обомлели бы. А, дав себе волю, глядишь, и заматерились. Ну что, в самом деле, за мероприятие? Собрались – и без бутылки...

Ох, спасибо им, музейщикам, что хранят память о великом писателе, его удивительной истории любви, о какой тайно и явно мечтают, наверное, все. И спасибо за домашность чаепития с добром и миром в душе... *Их скромный труд оценят позже, / Он не заметен, не для глаз. / Великих признают ведь тоже / Не сразу, не на первый раз.*

«Домашность»... Ею богаты малые города. Так называемая провинция. Ею пронизаны отношения между людьми, разговоры при встречах, презентациях книг и «сходки», подобные описанной выше. И потому только здесь, вдали от «новых Вавилонов», могут возникнуть, наверное, воспоминания-связочки при посещении города, где не бывал годами, и вдруг встретился с ним, как с дорогим родственником.

...А ещё на этой встрече был краевед-исследователь Пилипенко Владимир Семёнович. Энтузиаст, хранитель истории Кузнецка, заместитель председателя объединения краеведов Новокузнецка. Он увлекается фотографией и позже выслал нам в Кемерово снимки. На его визитке – «а/я в почтовом отделении №41». Вот ведь опять «маленькие знаки судьбы», двухсторонние монетки-медальки. Ведь не где-нибудь, а именно в этом отделении связи, у кинотеатра «Сибирь», я недолго работала телеграфистом.

И вот – ещё повторение, снова замкнутый круг: фотографировались мы в комнате со старинным буфетом и настенными часами. А точно такие же достались мне в наследство от деда, создателя первого Кузнецкого музея. Итак – фотография. Стоп! *Затвором щёлкнув, как портфелем, / Мгновенно говорит он «стой». / Он сохранит на фотоплёнке / Историю для нас с тобой.*

Падают медальки-листки. Красиво. Родной город, родной Кузнецк. Радостно и грустно...

*Новокузнецк – Кемерово,
ноябрь 2008г.*

Примечания



Светлана Василенко
СТИХОТВОРЕНИЯ

¹ (с.216) – *Пожежний щит* – в переводе с укр. «Пожарный щит».

Павел Маркин (Ёж)
УСЛЫШАТЬ ВДОХНОВЕНЬЕ ТРУДНО...

¹ (с.250) – *Павел Маркин (Ёж)* родился в 1968 г. в Красноярском крае в г. Канске. Учится в Литературном институте им. А.М. Горького (семинар поэзии И.И. Ростовцевой).

² (с.254) – «*Корова*» – Коровинское шоссе, находится на севере Москвы.

³ (с.254) – «*Ангара*» – Ангарский омут – там же.

⁴ (с.260) – *Чертаново* – район Москвы.

⁵ (с.260) – *Унжа* – река в Костромской области.

⁶ (с.261) – «Приказом Верховного Атамана Великого Братства казачьих войск России и зарубежья В. Коваленко Председателю Правления МГО СП России В.И. Гусеву присвоено звание генерал-майора казачьих войск» (Московский литератор. – № 20. – Октябрь, 2007).

⁷ (с.264) – «*Завойны*», завивы, завихрени – богини войны; а ещё мне кажется, что это совсем не боги, и не богини войны, а совсем наоборот... (*Ёж*).

Светлана Ананьева
НОВАЯ КНИГА О ДОСТОЕВСКОМ

¹ (с.273) – *Светлана Викторовна Ананьева* – кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК.

Константин Кешин
ЯВЛЕНИЕ ДОСТОЙНОЕ И ГОРДОЕ

¹ (с.281) – Впервые напечатано: *Казахстанская Правда*. – 9 августа 2008. – С.6.

Искусство чтения состоит в том, чтобы знать, что пропустить.

Филип Камертон

Наталья Елизарова
РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ
В ПИДЖАКЕ И БЕЗ
(о книге Бориса Телкова «Жизнь одного
пиджака»)

¹ (с.284) – Телков Б.Н. Жизнь одного пиджака: рассказы, панораман. – Нижний Тагил, 2004. – 207с.

² (с.285) – Там же. – С.146.

³ (с.286) – Там же. – С.151–152.

⁴ (с.286) – Там же. – С.108.

⁵ (с.286) – Там же. – С.151.

⁶ (с.287) – Там же. – С.68.

⁷ (с.288) – Там же. – С.121.

⁸ (с.289) – Там же. – С.152.

⁹ (с.289) – Там же. – С.121.

¹⁰ (с.289) – Там же. – С.122.

Ирина Маркова
ТАЛАНТ НЕ УМЕЕТ ЛГАТЬ
О рассказе Л. Начевой «Рассвет в
Сухуми»

¹ (с.292) – Источник: Начева Л. Рассвет в Сухуми // Голоса Сибири: литературный альманах. – Выпуск седьмой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С.1092-1094.

Сергей Папков
ЛЕНИНСКИЙ НЭП В ОБЛИКЕ
ПРОИЗВОЛА
Как коммунисты вводили продналог в
сибирской деревне

¹ (с.299) – ГАОО, ф. 32, оп. 1, д. 77, л. 187.

² (с.299) – Там же, л. 204 об.

³ (с.299) – ГАНО, ф. Р.1072, оп. 1, д. 239, л. 162.

⁴ (с.299) – См.: Савин А.И. Кампания по сбору единого натурального налога 1922-1923 г. в Сибири: «Славгородское дело» // Гуманитарные науки в Сибири. №2. 2006. С. 66.

⁵ (с.300) – Цит. по: Савин А.И. Указ. соч., с. 62.

⁶ (с.301) – В 1921-1925 гг. Славгородский уезд входил в состав Омской губернии и включал более 40 волостей (598 селений) юго-восточной её части. В современный период – это несколько районов Алтайского края и Новосибирской области. Татарский уезд – западная часть нынешней Новосибирской области.

⁷ (с.301) – Уком РКП(б) – уездный комитет большевистской партии.

⁸ (с.302) – *Заготовительная контора* – одно из главных учреждений по реализации советской продовольственной политики в 1920-1923 гг., нижнее звено в структуре губпродкомов, выполнявшее функции по сбору и временному хранению натуральных продуктов, взимаемых с крестьян – продразвёрстки и продналога. Руководители заготконтор принадлежали к числу влиятельных представителей государственной власти на местах.

⁹ (с.304) – *Волкреском* – волостной крестьянский комитет – советская форма крестьянского самоуправления.

¹⁰ (с.305) – *Уездная оперативная тройка по сбору продналога* – чрезвычайный орган, своего рода оперативный штаб при уездном исполнительном комитете (Уисполкоме), наделённый широкими полномочиями (вплоть до массовых арестов крестьян) и руководивший действиями проинспекторов в селах. Председателем Упертрройки являлся председатель уездного исполкома.

¹¹ (с.306) – *КомЧОН* – Коммунистические части особого назначения – специальные вооруженные отряды, составленные из представителей компартии и советских активистов в целях подавления крестьянских мятежей и сбора натуральных повинностей в деревне; в Сибири действовали с 1920 по 1924 гг.

¹² (с.307) – *ГубРКИ* – губернская рабоче-крестьянская инспекция – орган партийно-государственного контроля, подменявший прокурорский и административный надзор в первые годы советской власти.

¹³ (с.307) – Из экономии места указанный акт здесь опущен; автор доклада по существу сам излагает его основное содержание и оценки.

¹⁴ (с.313) – Имеется ввиду кредит доверия крестьянства власти коммунистов.

¹⁵ (с.314) – Полный текст этого приказа опубликован А.И. Савиным в журнале «Гуманитарные науки в Сибири», №2, 2006, с. 63-64.

¹⁶ (с.315) – В этом замечании особенно заметна попытка автора уклониться от выяснения причин массового насилия над крестьянами. Даже после упоминания некоторых преступных приказов сибирских властей (Сибпродкома), ему остаётся сделать вид, что установить «начало этого зла» невозможно, так же как и того, «кто в первую очередь и больше всего должен за это отвечать».

¹⁷ (с.316) – *Многолавка* – разновидность советского сельского магазина периода нэпа, который наряду с обычной торговлей занимался натуральным обменом промышленных товаров на крестьянские продукты.

¹⁸ (с.319) – *Политбюро* – низовое (уездное) отделение ВЧК–ГПУ, включавшее в свой состав заведующего и нескольких агентов; выполняло роль местной политической полиции.

¹⁹ (с.323) – Приводится в значительном сокращении. В первоисточнике этот документ представлен двумя отделными списками, состоящими из 73-х наименований конфискованного у крестьян имущества, включая разную мелкую утварь, вроде вёдер, чугунов, пил, стамесок, прялок, бочек и т.п. *Прим. С.П.*

Шимон Токаржевский В СКИТАНИЯХ Воспоминания изгнанника

¹ (с.335) – Год издания на титуле и в библиотечных формулярах не указан. *Сост.*

² (с.335) – Прошлого столетия. *Прим. польск. изд.*

³ (с.337) – *Политик* на языке каторжан означало «политический преступник». *Прим. авт.*

⁴ (с.337) – *Намазы* – молитва. *Прим. авт.*

⁵ (с.339) – На наречии каторжан *пойти служить к генералу Кукушкину* означало стать бродягой или странником, укрывающимся в лесах. *Прим. авт.*

⁶ (с.342) – Разделительный лист с названием главы (с.15-16 польского оригинала) в библиотечном экземпляре отсутствует. Недостаёт также и страницы с содержанием. *Прим. сост.*

⁷ (с.344) – *Мелкозвонами* на языке каторжников называются кандалы. *Прим. авт.*

⁸ (с.345) – Переселение души. *Прим. пер.*

⁹ (с.349) – Сибиряки Байкал называли морем. *Прим. авт.*

¹⁰ (с.350) – См. «Тернистый путь». *Прим. авт.*

¹¹ (с.354) – *Балаганы* – деревянные сараи. *Прим. авт.*

¹² (с.357) – Шляхтичи в наказание зачислялись в мужики. *Прим. авт.*

¹³ (с.371) – Жена египетского чиновника, пытавшаяся соблазнить, согласно Библии, юного еврея Иосифа. *Прим. пер.*

¹⁴ (с.371) – Такие растут у нас в Краковской и Любельской землях. *Прим. авт.*

¹⁵ (с.372) – *Аймак* – бурятская деревенька. *Прим. авт.*

¹⁶ (с.372) – *Тайдзы* – бурятский князь. *Прим. авт.*

¹⁷ (с.372) – *Шуленги* – старшины племени. *Прим. авт.*

¹⁸ (с.377) – Этот кусок своих воспоминаний Тереза Булгак писала в 1882г. в Гославсчизне. *Прим. авт.*

¹⁹ (с.383) – Ксёндз Людвиг Габриель Трынковский родился 24 марта 1805г. в Виленском воеводстве в деревне Пеленье. Рождённый под деревенской кровлей, он получил высшее образование и быстро поднялся на вершину костельной иерархии; в 1836г. он уже был каноником Виленского капитула. Вследствие заключения в Вильно, он впал в меланхолию, его вывезли в Иркутск, там 24 марта 1849г. он умер и был похоронен на тамошнем кладбище рядом с Марианом Подгороденским и Яцеком Гольнским. Ксёндз Людвиг Габриель Трынковский был знаменитым златоустом и проповедником, а также автором поэзии, философских исследований, напечатанных в собраниях сочинений: «Борута», «Боян» и «Научное обозрение». *Прим. авт.*

²⁰ (с.389) – В имении Мицкевичей в Новогрудском. *Прим. авт.*

²¹ (с.389) – Тереза, урождённая Вьежицкая-Булгак, умерла 11 июня 1891г. в Мицкевичах. *Притиска переписчицы.*

²² (с.389) – См. «Семь лет каторги». *Прим. авт.*

Леонид Лопатин ЖИТЬ ВО ЛЖИ Советское образование и воспитание в пятидесятилетних наблюдениях школьника, студента, учителя, профессора

¹ (с.395) – Журнальный вариант публикуется со значительными сокращениями. *Сост.*

² (с.395) – Мои выступления в СМИ за 1988-1995 гг. вышли отдельной книгой – *Л.Н.Лопатин. Путь от коммунизма... Как это было?* – Кемерово, 1996. – 259 с. (2500 экз.).

³ (с.395) – Выражение шахтеров.

⁴ (с.396) – *Ю. Нагибин. Любовь вождей.* – М., 2004. – С. 42.

⁵ (с.396) – Так условно назовем людей с дипломами вузов, находящихся в структурах управления предприятиями.

⁶ (с.396) – Голосование проходило в партийных организациях несколько дней. Голоса подтасовали. Получилось, что я набрал в округе ровно столько же голосов, сколько никому неизвестный проходчик с шахты «Северная». На собрании в парторганизации шахты «Ягуновская», где мы выступили перед собравшимися, шахтёры прямо ему сказали, чтобы он «не совался и не мешал» мне выступить на съезде с проектом реформ партии.

⁷ (с.396) – В 1978 г. лидер социалистического Китая Дэнсяопин через пленум ЦК КПК провёл установки рыночной реформы. Тогда многие китайские коммунисты возмутились («про себя») таким «оппортунистическим» решением. Но реально сопротивляться реформам уже не могли. Последующие успехи китайской экономики как нельзя лучше свидетельствуют против советских коммунистов, которые «не могли поступиться принципами», «стояли насмерть» против частной собственности и обрекли, тем самым, реформы на самый тяжелый вариант.

⁸ (с.398) – Кстати, эта книга (*Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина. Антилиберализм и либерализм в Кузбассе.* М., 2003, 103 с., 4000 экз.) была издана на средства известного в России демократа Сергея Николаевича Юшенкова, убитого в 2003 г.

⁹ (с.398) – Основная концепция доклада солидаризируется с выводами профессора А. Горянина (Мифы о России и дух нации. – М.: Pantographic, 2002. – 335 с.) и других авторов, отрицающих «теорию» догоняющего характера развития России.

¹⁰ (с.399) – См. *С.В. Максимов. Собрание сочинений.* – Т. 18. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: Трилогия. – СПб., 1908. Ротап rintное издание: Кемерово, 1991. – 349 с.; *А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России во второй половине 19 в.* – М., 1987. – 509 с.

¹¹ (с.400) – *Александр Валентинович Асланиди* – один из самых интеллектуальных лидеров рабочих комитетов Кузбасса. В 1993-1995 гг. прямым голосованием кузбассовцев избирался в Совет Федерации. Создал Центр независимой журналистики Кузбасса,

который до 2001 г. был реальным центром демократического движения в Кузбассе. В политике, видимо, разочаровался. Вернулся на работу в шахту посёлка Малиновка.

¹² (с.404) – Учебная нагрузка для преподавателей кафедр общественных наук была установлена в объёме 550 час. годовых, в то время как на других кафедрах она составляла 650 час.

¹³ (с.405) – Он сказал на Совете, что является преподавателем философии, а не философом.

¹⁴ (с.405) – Себя я идентифицирую не только преподавателем истории, но и историком.

¹⁵ (с.405) – Защита проходила по 40-страничному докладу, составленному по книгам, а не 400-500 страничной диссертации. Такое допускается ВАКом лишь в исключительных случаях (известности книг автора и в стране, и за рубежом).

¹⁶ (с.406) – В 1990 г. проводил собственную избирательную кампанию по выборам в областной совет (победил). На думских выборах 1999 г. возглавлял избирательную кампанию СПС в Кузбассе.

¹⁷ (с.406) – *Летопись села Кузбасса.* – Кемерово, 2001. – 407 с.

¹⁸ (с.406) – Писатель Андрей Платонов в книге «Чевенгур» в аллегорической форме высмеял большевистскую идею строительства социализма в одной стране. Через абсурд коммунизма в отдельно взятой степной станице (городке) Платонов показал утопизм отхода от идеи мирового коммунизма.

¹⁹ (с.407) – По существующим в КГБ правилам, подозреваемому предъявлялось заявление-донос, которое на него написали.

²⁰ (с.408) – Первый секретарь горкома КПСС – высшее городское властное лицо в советской политической системе.

²¹ (с.408) – Во второй половине 90-х годов я записал беседы с видными деятелями Кузбасса: лидерами рабочего движения, хозяйственниками, политиками, журналистами, учёными. Опубликовал их в книге (более 600 стр.) «Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев» (М., 1998). По этим беседам легко составить многоплановые портреты руководителей области. Некоторые из руководителей эти сами давали эти интервью: губернатор М.Б. Кислюк, секретарь Кемеровского обкома В.А. Лебедев, первый секретарь Кемеровского горкома КПСС В.И. Овденко, председатель облисполкома М.И. Найдов, первый зампреда облисполкома А.А. Гребенников.

²² (с.409) – *Ф.А. Хайек*. Дорога к рабству. – М.-СПб., 1992. – С. 109, 116.

²³ (с.409) – В 2005 г. студенты уже легко понимали сущность советской полуправды и полулжи, а также слова булгаковского профессора Преображенского об отрицательном влиянии советских газет на пищеварение: слишком многое вернулось из советской пропаганды.

²⁴ (с.410) – См. беседу с журналистом А.Г. Колпаковым в книге «Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях...». С. 392-410.

²⁵ (с.410) – Тележурналист Кемеровского ТВ А.Г.Колпаков работал искренне, профессионально и очень смело! Он был первым в СССР, кто в своих репортажах о шахтёрской забастовке говорил полную правду. Говорил без оглядки на неизбежные «последствия». С тех репортажей с «площадей несогласия» начиналась свобода слова в СССР. Когда тележурналист Колпаков в июле-августе говорил правду, радио- и газетные журналисты ещё находились в «полуприсядке» к власти. Свободная от контроля обкома КПСС «Наша газета», редактором которой стал Д.М. Шагиахметов, вышла лишь в конце декабря 1989 г., то есть через полгода после свободного слова Колпакова.

²⁶ (с.410) – О событиях того времени мне довелось изложить в книге «История рабочего движения в Кузбассе».

²⁷ (с.410) – Если отойти от догм... Тезисы о партии // Кузбасс, 18 января, 1990.

²⁸ (с.411) – Тогда эта должность формально называлась – Глава Администрации Кемеровской области. Но неофициально эту должность именовали губернаторской уже в 1993 г.

Альберт Ковач **ОПЫТЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЭТИКИ**

¹ (с.415) – Отмечу, что концепт *исторического архитипа* был разработан мною в исследованиях и монографиях, посвящённых творчеству Достоевского, на основе анализа его художественных произведений и с использованием его идей об обиженном, погибающем человеке, о носителях раздвоенного, разорванного и отчуждённого сознания, об антигерое подполья, о женщине, красота которой приносит в жертву, об ищущем, протестующем молодом русский интеллигенте, о лучших людях и положительно прекрасном человеке.

Илья Левяш **ПО ТУ СТОРОНУ «СВЕТЛОГО» И «ТЁМНОГО» ХРИСТИАНСТВА**

¹ (с.478) – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. – Т.5. – М.-Л., 1936. – С. 340.

² (с.479) – Из писем К. Леонтьева В. Розанову.

³ (с.479) – *Струве П.* Православие и культура. – М., 1992. – С. 62.

⁴ (с.479) – *Бердяев Н.* Человек. Микрокосмос и макрокосмос // Русский космизм. Антология философской мысли. – М., 1993. – С. 172.

⁵ (с.480) – *Ключевский В.* Сочинения. – Т.3. – М., 1988. – С. 276.

⁶ (с.480) – *Ключевский В.О.* Краткое пособие по русской истории. – М., 1992. – С. 80, 81.

⁷ (с.481) – *Левяш И.Я.* Культурология. – Изд.5. – М., 2004. Гл. 8; Он же. Цивилизация и культура: логос, топос, хронос // Человек. – М., 1999. – №5.

⁸ (с.481) – *Федотов Г.П.* О святости, интеллигенции и большевизме. – СПб., 1994. – С. 34.

⁹ (с.481) – Русская мысль в век Просвещения. – М., 1991. – С. 36.

¹⁰ (с.481) – *Достоевский Ф.М.* ПСС. – Т. 10. – С. 200.

¹¹ (с.482) – *Фрейд З.* «Я» и «Оно». Труды разных лет. – В 2 кн. – Кн. 2. – Тбилиси, 1991. – С. 109.

¹² (с.482) – *Бауман Э.* Индивидуализированное общество. – М., 2002. – С. 14.

¹³ (с.483) – Будда. Конфуций. Савонарола. – СПб., 1993. – С. 224, 330.

¹⁴ (с.483) – <<http://www.russian-orthodox-church.org.ru/vr10772.htm>>

¹⁵ (с.483) – *Бернардо Антонини.* Что я думаю о прозелитизме // Свет Евангелия. – 2000. – № 37.

¹⁶ (с.484) – *Волошин М.* Избранное. – Мн., 1993 – С. 408.

¹⁷ (с.484) – *Левяш И.Я.* Логос фронтиров христианской Европы // Drogi i rozdroza kulturi chrzescjanskiej Europy. – Czestochowa, 2003.

¹⁸ (с.484) – См. развернуто: *Левяш И.* Логос фронтиров христианской Европы // Drogi i rozdroza kultury chrzescijanskiej Europy. – Czestochowa, 2003.

- ¹⁹ (с.484) – Краткая философская энциклопедия. – М., 1994. – С. 205.
- ²⁰ (с.485) – См.: Патриарх Сергей Страгородский. Есть ли у Христа наместник в Церкви? <<http://unia-vs.narod.ru/material/strag1.html>>
- ²¹ (с.485) – Цит. по: Независимая газета. – М., 4.12.2003.
- ²² (с.485) – Цит. по: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М., 2002. – С. 67.
- ²³ (с.486) – См.: Записки Юлия Цезаря о Галльской войне. – В 2 т. – М., 1991.
- ²⁴ (с.486) – Герои Греции. – М., 1996. – С. 273.
- ²⁵ (с.487) – Ильин И. Наши задачи. – Париж-Москва, 1992. – С. 58.
- ²⁶ (с.488) – Гегель. Философия истории. – СПб., 1993. – С. 422, 428.
- ²⁷ (с.489) – Бауман З. Индивидуализированное... – С. 303.
- ²⁸ (с.490) – Русская мысль в век Просвещения. – М., 1991. – С. 27, 29, 35.
- ²⁹ (с.491) – Православие. – М., 1991. – С. 235, 238.
- ³⁰ (с.492) – Булгаков С. Героизм и подвижничество. – М., 1992. – С. 203.
- ³¹ (с.492) – Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме. – СПб., 1994. – С. 34.
- ³² (с.492) – Русская мысль. – Париж, 20-26.07.2000.
- ³³ (с.492) – Гофф Ж. ле. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992. – С. 61-62.
- ³⁴ (с.493) – Известия. – М., 4.04.1995.
- ³⁵ (с.493) – Левяш И.Я. Культурология. Гл. 10. – М., 2004.
- ³⁶ (с.494) – ВФ. – 1994. – №1. – С. 70-71.
- ³⁷ (с.494) – Звозников А. Гуманизм и христианство. – Мн., 2001. – С. 51.
- ³⁸ (с.494) – Севостьянова Н.Г. Феномен религиозной морали в восточнославянской культурной традиции. – Мн., 2000. – С. 211.
- ³⁹ (с.495) – Кюхельбекер В.К. Избр. произв. – Т.2. – Л., 1967. – С. 296.
- ⁴⁰ (с.495) – Звозников А. Цит. соч. – С. 97.
- ⁴¹ (с.495) – Переписка А.С. Пушкина. – В 2 т. – Т. 1. – М., 1982. – С. 223.
- ⁴² (с.495) – Чернышевский Н.Г. ПСС. – В 15 т. – Т. 3. – М., 1949. – С. 20.

- ⁴³ (с.496) – Цит. по: Звозников А. Цит. соч. – С. 50.
- ⁴⁴ (с.496) – Мережковский Д. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – М., 1991. – С. 384, 398.
- ⁴⁵ (с.496) – Тургенев И.С. ПСС. В 28 т. Письма. В 13 т. – Т.1. – М.-Л., 1961. – С. 448-449.
- ⁴⁶ (с.496) – Чаадаев П. Сочинения в 2 т. – Т.2. – М. 1991. – С. 161, 212.
- ⁴⁷ (с.496) – Ульянов Н.И. «Басманный философ» (мысли о Чаадаеве) // ВФ. – 1990. – № 8. – С. 78.
- ⁴⁸ (с.497) – Соловьев В. Вера, разум и опыт // ВФ. – 1994. – № 6. – С. 122-123.
- ⁴⁹ (с.497) – Новые пророки. – СПб., 1996. – С. 254.
- ⁵⁰ (с.498) – Толстой Л. ПСС. – Т. 23. – С. 334.
- ⁵¹ (с.498) – Цит. соч. – Т. 15. – С. 204-205, 264-265.
- ⁵² (с.498) – Достоевский Ф.М. ПСС. – Т. 30. – С. 228.
- ⁵³ (с.498) – Цит. соч. – Т. 14. – С. 213.
- ⁵⁴ (с.498) – Цит. соч. – Т.10. – С. 193; Т. 15. – С. 32.
- ⁵⁵ (с.498) – Цит. соч. – Т. 10. – С. 198.
- ⁵⁶ (с.499) – Цит. соч. – Т. 27. – С. 80-81, 86.
- ⁵⁷ (с.499) – Цит. соч. – Т. 14. – С. 156, 280; Т. 27. – С. 65.
- ⁵⁸ (с.500) – Кантор В. Фрейд versus Достоевский // ФН. – 2000. – № 3. – С. 149-150.
- ⁵⁹ (с.501) – Из писем К.Н. Леонтьева В.В. Розанову.
- ⁶⁰ (с.501) – Звозников А. – С. 137-138.
- ⁶¹ (с.501) – Чехов А.П. ПСС. В 30 т. – М., 1976-1982. – Т.8. – С. 343.
- ⁶² (с.501) – Цит. соч. – Т.4. – С. 44.
- ⁶³ (с.501) – Цит. по: Звозников А. Цит. соч. – С. 197.
- ⁶⁴ (с.501) – Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. – Т.6. – С. 104.
- ⁶⁵ (с.502) – Белинский В.Г. Избранные статьи. – М., 1965. – С. 350.
- ⁶⁶ (с.502) – НГ. – М., 6.06. 2001.
- ⁶⁷ (с.503) – Barrett D., Kurian G., Johnson T. World Christian Encyclopedia. – N.Y., 2001. – P. 12-15.
- ⁶⁸ (с.503) – Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. – Oxford, 2002. – P. 90.
- ⁶⁹ (с.503) – Достоевский Ф.М. ПСС. – Т.10. – С. 189.
- ⁷⁰ (с.503) – Цит. соч. – С. 189, 94.
- ⁷¹ (с.503) – Розанов В. Мимолётное. – М., 1994. – С. 413.
- ⁷² (с.504) – Звозников А. Цит. соч. – С. 162.

- ⁷³ (с.504) – Данте. Божественная комедия. – Мн., 1987. – С. 233, 250.
- ⁷⁴ (с.505) – Достоевский Ф.М. ПСС. – Т. 27. – С. 65.
- ⁷⁵ (с.507) – Русская мысль. – Париж, 30.11.2000.
- ⁷⁶ (с.507) – Цит. соч. – 27.01.-2.02.2000.
- ⁷⁷ (с.507) – Цит. по: Бауман З. Цит. соч. – С. 229.
- ⁷⁸ (с.508) – НГ. – 14.03.2000.
- ⁷⁹ (с.508) – Цит. по: Лосев А. История античной эстетики. – М., 1992. – С. 535.
- ⁸⁰ (с.508) – Кант И. Религия в пределах только разума: Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 177.
- ⁸¹ (с.508) – Цит. по: Вересаев. Гоголь в жизни. – М., 1990. – С. 529.
- ⁸² (с.509) – Соловьев В. Собр. соч. – Т. 5. – СПб., 1912. – С. 123.
- ⁸³ (с.509) – Цит. по: Звозников... – С. 160.
- ⁸⁴ (с.509) – Розанов В. Религия и культура. – Т.1. – М., 1990. – С. 357.
- ⁸⁵ (с.510) – НГ-Религии. – М., 23.01.1998.
- ⁸⁶ (с.510) – Русская мысль. – Париж, 29.07-4.08.1999.
- ⁸⁷ (с.510) – Московские новости. 2-8.03.2007.
- ⁸⁸ (с.511) – Известия. 9.08.1997.
- ⁸⁹ (с.511) – См.: Социс. – М., 1998. – №6.
- ⁹⁰ (с.512) – Никитин В. От диалога конфессий к диалогу культур // Русская мысль. – Париж, 3.02.2000.
- ⁹¹ (с.512) – Независимая газета. – М., 1.03.2000.
- ⁹² (с.513) – Достоевский Ф.М. – Т. 10. – С. 203.
- ⁹³ (с.513) – ВФ. – М., 2000. – №5. – С. 56.
- ⁹⁴ (с.514) – Гете И.Г. Сочинения. – Т.2. – М., 1976. – С. 165.
- ⁹⁵ (с.514) – Чехов А.П. Цит. соч. – Т.17. – С. 34.
- ⁹⁶ (с.515) – Ницше Ф. Соч. – Т.2. – М., 1990. – С. 61, 336.
- ⁹⁷ (с.515) – Достоевский Ф.М. ПСС. – Т.14. – С. 499.
- ⁹⁸ (с.515) – Чехов А.П. Цит. соч. – Т. 8. – С. 80, 146.
- ⁹⁹ (с.516) – Гете И.Г. Цит. соч. – Т. 2. – С. 33, 482.
- ¹⁰⁰ (с.517) – Цит. соч. – С. 57.
- ¹⁰¹ (с.517) – Бердяев Н. Смысл истории. – М., 1990. – С. 46.
- ¹⁰² (с.517) – Цит. по: Малявин В. Конфуций. – М., 1992. – С. 203.
- ¹⁰³ (с.517) – Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 52.
- ¹⁰⁴ (с.518) – Ницше Ф. Сочинения. – М., 1998. – Т.1. – С. 701.

Ливия Которча
ОТ ФУТУРИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ
(А. Кручёных, «Слово о подвигах
Гоголя»)

1. Из литературного наследия Кручёных / Сост., посл., публ. текстов, коммент. Гурьяновой Н. // Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999, p.267.

2. Наш выход. К истории русского футуризма (воспоминания, материалы, библиография) // Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999; Кручёных А., Хлебников В. Слово как таковое. – М., 1913; Кручёных А. Декларация слова как таковое. – П., 1913; Кручёных А. Декларация заумного языка. – Баку, 1921; Кручёных А. Заумь. – М., 1921; Кручёных А. Фактура слова. – М., 1923; Кручёных А. Сдвигология русского стиха. – М., 1923; Кручёных А. Фонетика театра. – М., 1923.

3. Из литературного наследия Кручёных / Сост., посл., публ. текстов, коммент. Гурьяновой Н. // Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999.

4. Харджиев Н. Полемическое имя // Памир. – 1987. – №2. – С.8.

5. Эпштейн М. Искусство авангарда и религиозное сознание. Поставангард. Сопоставление взглядов // Новый мир. – М., 1989. – №12; Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. – СПб: Невский простор, 2002.

6. Гоголь Н.В. Авторская исповедь. // Гоголь Н.В. Духовная проза. – М., 1992. – С.307.

7. Из литературного наследия Кручёных / Сост., посл., публ. текстов, коммент. Гурьяновой Н. // Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999, pp.288, 289.

8. Там же. – С.291.

9. Там же.

10. Там же. – С.292.

11. Сетницкая О.Ф. Встречи с Алексеем Кручёных // Русский литературный авангард. Материалы и исследования. – Universita di Trento, 1990. – С.159-160.

12. Из литературного наследия Кручёных / Сост., посл., публ. текстов, коммент. Гурьяновой Н. // Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999, p. 432.

13. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений в 7 тт. – Т.5. – М.: Худ. лит., 1978. – С.490.
14. *Гоголь Н.В.* Авторская исповедь // *Гоголь Н.В.* Духовная проза. – М., 1992. – С.113.
15. *Кручёных А.* Муза // *Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999, p. 288.*
16. *Кручёных А.* Слово о подвигах Гоголя // Там же. – С.293.
17. Там же.
18. Там же. – С.294.
19. Там же.
20. Там же. – С.299.
21. Там же. – С.300.
22. Там же. – С.303.
23. Там же. – С.296.
24. *Гоголь Н.В.* Напутствие // *Гоголь Н.В.* Духовная проза. – М., 1992. – С.218.
25. *Гоголь Н.В.* Авторская исповедь // *Гоголь Н.В.* Духовная проза. – М., 1992. – С.312.
26. *Кручёных А.* Слово о подвигах Гоголя // *Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999, pp.295, 296.*
27. *Гоголь Н.В.* Авторская исповедь // *Гоголь Н.В.* Духовная проза. – М., 1992.
28. *Гоголь Н.В.* Светлое воскресенье // *Гоголь Н.В.* Духовная проза. – М., 1992. – С.274.
29. *Кручёных А.* Слово о подвигах Гоголя // *Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999, p.297.*
30. Там же. – С.298.
31. Там же. – С.297.
32. Там же. – С.306.
33. Там же.
34. Там же. – С.308.
35. Там же. – С.304.
36. Там же.
37. Там же. – С.309.
38. Там же. – С.309.
39. Из литературного наследия Кручёных / Сост., посл., публ. текстов, коммент. *Гурьяновой Н.* // *Berkley Slavic Specialties, Seria Modern Russian Literature and Culture Studies and Texts, vol.41, 1999, p.426.*

40. Там же. – С.266.
41. Там же. – С.302.

Анастасия Романова
«ДНЕВНИК» МИРЧИ ЭЛИАДЕ: К
ВОПРОСУ О ХРОНОТОПЕ В МЕМУАРНОЙ
ПРОЗЕ

- ¹ (с.546) – Данная работа написана при финансовой поддержке Румынского института культуры.
- ² (с.551) – См.: Романова 2005.

Литература

1. Jurnalul Portughez I, 2006 – *Eliade M.* Jurnalul Portughez ei alte ecrieri. – Bucuresti, 2006. I, II.
2. Jurnal I, 1993 – *Eliade M.* Jurnal. – Bucuresti, 1993, I.
3. Jurnal II, 2004 – *Eliade M.* Jurnal. – Bucuresti, 2004, II.
4. Memorii 1991 – *Eliade M.* Memorii. – Bucuresti, 1991.
5. Бахтин 1975 – *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
6. Ананьева 2006 – *Ананьева С.* Время – пространство – автор // *Голоса Сибири.* Вып. 4. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006.
7. Романова 2005 – *Романова А.* «Дневник» М. Элиаде: в поисках жанра // В поисках «западного» на Балканах. Балканские чтения 8. – Москва, 22-24 ноября 2005.

Александр Варона
РУССКИЕ-ЛИПОВАНЕ ДОБРУДЖИ В
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ
КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

- ¹ (с.553) – *Бедель* – налог, который были обязаны платить христиане в Османской империи за султанскую защиту

Литература

1. Константин Николаевич Леонтьев, *Дипломатические донесения, письма, записки, отчёты (1865-1872)*, Москва, РОССПЭН, 2003 г., док. №196, 207, стр. 143.
2. *Указ. соч.*, стр. 144.

3. К российскому вице-консулу обращались как *старообрядцы* и *украинцы* (тогда их всё же называли *малороссами*, а они себя считали просто *русскими*), так и болгары, греки, румыны и даже турки и татары, как видно из многих донесений Леонтьева, включённых в указанный сборник документов.

4. *Указ. соч.*, док. К№ 215 (1868), стр. 232.

Сеит Каскабасов
ПРОФЕССОР Н.С. СМИРНОВА –
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСКОГО
ФОЛЬКЛОРА
(Предисловие к сборнику трудов,
посвящённому 100-летию со дня
рождения)

1. См. следующие работы Н.С. Смирновой: Об изменениях устной литературной традиции казахов в XVIII в. // Вестник АН КазССР. – 1947. – №9; Проблема исторического и эпического в казахской литературе XVIII в. // Вестник АН КазССР. – 1948. – №5; Ещё о проблеме исторического и эпического в казахском эпосе XVIII в. – 1951; Очерки истории казахского фольклора // История казахской литературы. – Алма-Ата, 1968. – Т.1.

2. См. её работы: Валиханов и русская фольклористика // Труды I Сессии Отделения общественных наук АН КазССР. – Алма-Ата, 1950; Русская дооктябрьская наука об устно-поэтическом творчестве казахского народа // Труды Отдела народного творчества. – Алма-Ата, 1954. – Вып. I; Казахские просветители и народная поэзия // Труды Отдела народного творчества. – Алма-Ата, 1954. – Вып. I; Диваев – фольклорист // Казахская народная поэзия. – Алма-Ата, 1964; Роль РГО в развитии казахской фольклористики // Вопросы казахской филологии. – Алма-Ата, 1964; Фольклористика Казахстана // История казахской литературы. – Алма-Ата, 1968. – Т.1; Потанин – собиратель и исследователь казахской народной поэзии // Казахский фольклор в собрании Г.Н. Потанина. – Алма-Ата, 1972.

3. См. её работы: Об источниках и вариантах казахского героического и сказочного эпоса // Вестник АН КазССР. – 1953. – №4; О месте «Алпамыса» в казахском героическом эпосе // Тезисы докладов и сообщений на региональном совещании по «Алпамышу». –

Ташкент, 1966; Основные версии «Камбара» // Камбар-батыр. – Алма-Ата, 1959; О казахских версиях «Алпамыса» // Алпамыс-батыр. – Алма-Ата, 1961 (в соавторстве с Т. Сыдыковым); О версиях «Кыз-Жибек» // Кыз Жибек. – Алма-Ата, 1963; Казахская народная поэзия. – Алма-Ата, 1967; Об изменении поэтики социально-бытового эпоса казахов середины XIX и начала XX в. // Известия АН КазССР. Серия филологическая. – 1967. – №3 и др.

4. См. следующие работы Н. Смирновой: Акын // Казахстан. – 1946. – №3; К вопросу о Джамбуле – импровизаторе // Вестник АН КазССР. – 1945. – №7-8; «Бухар-жырау» // История Казахской ССР. – Алма-Ата, 1949. – Ч.1; Айтысы Джамбула // Труды сессии АН КазССР, 1949; Казахские певцы XVIII века – акыны и жырау // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. – М., 1952. – №4 и др.

5. См. её работы: Песни Абая // Известия КазФАН СССР. Серия языка и литературы. – 1945. – №2; Народнопоэтические и литературные традиции в пейзаже Джамбула // Творчество Джамбула. – Алма-Ата, 1950; Фольклор и литература // История казахской литературы. – Алма-Ата, 1968. – Т.1.

Светлана Ананьева
КАЗАХСТАНСКАЯ ПУШКИНИАНА

¹ (с.578) – Статья продолжает пушкинскую тему, начатую Светланой Ананьевой на страницах нашего альманаха в исследовании «Время – пространство – автор» (см. главу «Проблема автора и приём автобиографизма в мемуарной литературе о Пушкине», «ГС» №5, с.543-555). *Сост.*

Список использованной литературы

1. Аргументы и факты. – 1999. – Июнь, №23. – С.4.
2. *Раевский Н.* 1918 год // Простор. – 2002. – Май-июнь.
3. *Баженова И.* Последняя любовь поэта // Караван. – 1994. – 22 июля.
4. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
5. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Художественная литература, 1979.
6. *Топоров В.Н.* Об экзотрическом пространстве поэзии (Поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе. – М., 1993.

7. *Прозоров В.В.* Автор // Введение в литературоведение. – М., 1999. – С.11-21.

8. *Непомнящий В.С.* Феномен Пушкина и исторический жребий России // Россия и современная культура. – М., 1996.

9. *Палиевский П.В.* Русские классики. Опыт общей характеристики. – М.: Художественная литература, 1987. – 239 с.

10. *Керн А.П.* Воспоминания о Пушкине // *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. – М.: Правда. 1989. – С.27-46.

11. *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994.

12. См. о дневнике: *Гинзбург Л.Я.* О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. – 1970. – №7; *Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. – Л., 1979; Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 1999; *Хализев В.Е.* Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002 и др.

13. *Гордин А.* Анна Петровна Керн // *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. – М., 1989.

14. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре; *Франк С.Л.* Этюды о Пушкине. – М., 1999; *Видова О.И.* А.С.Пушкин и русский Ренессанс. – М.: Дрофа, 2004 и др.

15. *Керн А.П.* Воспоминания о Пушкине, Дельвиге, Глинке // *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. – М.: Правда. 1989. – С.47-75.

16. *Николина Н.А.* Поэтика русской автобиографической прозы. – М., 2002.

17. Письма А.П. Керн к Пушкину и Пушкина к А. П. Керн // *Керн А.П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. – М.: Правда. 1989. – С.269-284.

18. *Колядич Т.М.* Особенности современных мемуаров // Русская проза конца XX века /Под ред. *Т.М. Колядич, В.А. Агеносов, Л.А. Трубинина* и др. – М.: Academia, 2005. – С.126-144.

19. *Смирнов А.С.* Публицистические и метафорические формы выражения авторской позиции в прозе 80-х годов // Филологические науки. – 1992. – №3.

20. *Раевский Н.* Портреты заговорили. – Алма-Ата: Жазушы, 1977.

21. Об этих вещах упоминает П.Е Щеголев в книге «Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы». – Изд. третье. – М.-Л., 1928.

22. *Петраков Н.* Цензурированный пушкинист // Литературная газета. – 2-8 августа 2006. – С.6.

23. *Измайлов Н.В.* Пушкин и Хитрово. – В кн.: Письма к Хитрово, с.155; *Л.П. Гроссман.* Устная новелла Пушкина. – В кн.: Этюды о Пушкине. – М.-Л., 1923. – С.81; *Вяземский П.А.* Записные книжки. 1813-1848. – М., 1963 и др.

24. *Козубовская Г.П., Борисова Т.М.* Путешествие на Восток в романе И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада» // Филологический анализ текста. – Вып. V. – Барнаул, 2004.

25. *Яшин М.* Пушкин и Гончаровы // Звезда. – 1964. – №8. – С.184-189; *Яшин М.* Хроника преддуэльных дней // Звезда. – 1963. – №8. – С.159-184; №9. – С.166-187; *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина, 1975.

26. *Егоров О.Г.* Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра: Исследование. – М: Флинта, Наука, 2003.

27. *Егоров О.Г.* Дневники русских писателей XIX века: Исследование. – М.: Флинта, Наука, 2002.

28. *Донченко Н.Ю.* Поэтика антонимии в «Дневниках М. Пришвина». Автореферат канд. филолог. наук. – М., 1999.

29. *Кулакова Н.И.* Мемуарно-автобиографическая проза А.В. Никитенко. Автореф. канд. филолог. наук. – Орёл, 2000.

30. *Поляк Д.М.* Жанр дневника и проблемы его типологии. Автореф. канд. филолог. наук. – Алматы, 2004. – 31 с.

31. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – пер. пол. XIX вв. – М., 1991.

32. *Карамзин Н.М.* Что нужно автору? // *Карамзин Н.М.* Соч.: В 2-х т. – М., 1984. – Т.2.

33. *Полонский Я.* Дантес (неизданные материалы) // Последние новости. – 1930. – 15 мая.

34. *Ермошина Г.* На грани дежа вю // Дружба народов. – 2004. – №1. – С. 202- 210.

35. *Терц Абрам.* Прогулки с Пушкиным // Вопросы литературы. – 1990, октябрь. – С.81-110.

36. Воспоминания о Михаиле Булгакове. – М.: Советский писатель, 1988. – 528 с.

37. *Лакшин В.* Судьба Булгакова: легенда и быль // Воспоминания о Михаиле Булгакове. – М.: Советский писатель, 1988. – С.7-37.

38. *Стронгин В.Л.* Михаил Булгаков. Писатель и любовь. Историческое расследование. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2004. – 272 с.

39. *Гайворонский К.* Между Сциллой и Харибдой. – А.: Раритет, 2001. – 304 с.

40. *Видова О.И.* «Души неясный идеал...» Идеал А. С. Пушкина и проблема «утаённой» любви поэта в пушкиноведении. – М.: Дрофа, 2004. – 80 с.

41. *Видова О.И.* А.С.Пушкин и русский Ренессанс. – М.: Дрофа, 2004. – 208с.

42. *Щеголихин И.* «Не жалею, не зову, не плачу» // Простор. – 1991. – №2.

43. *Кешиш К.* Пушкинская тетрадь. – Алматы: Искандер, 2006. – 58 с.

44. *Скатов Н.Н.* Русский гений. – М., 1987. – 350 с.

45. *Бойко М.Н.* Авторские миры в русской культуре первой половины XIX века. – Санкт-Петербург, 2005. – 376 с.

46. *Бондаренко О.* Пушкин на все времена // Вечерний Алматы. – 24 октября 2006. – С.8.

47. *Папков С., Сергиенко В., Темникова А., Фаликова М.* Дерево с могучими корнями (Памяти Дмитрия Орестовича Тизенгаузена) // Голоса Сибири. – Выпуск первый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С.487-505.

Гульнар Жумасеитова
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ
КЛАССИКИ НА КАЗАХСКОЙ БАЛЕТНОЙ
СЦЕНЕ

¹ (с.626) – *Жумасеитова Г.Т.* – кандидат искусствоведения, доцент, зам. директора по научной работе Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова.

Литература

1. *Чернова Н.* Большой театр и современная тема в 1940-1950-х гг. // Музыка и хореография современного балета. – Л.: Музыка, 1987.

Анар Саимжанкызы Еркебай
ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ
СОБЫТИЙ НА СЦЕНЕ КАЗАХСКОГО
ТЕАТРА

¹ (с.632) – *Анар Саимжанкызы Еркебай* – научный сотрудник отдела театра Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова

Гульнар Елеукенова
ПУБЛИЦИСТИКА МИР-ЯКУБА
ДУЛАТОВА

¹ (с.639) – *Елеукенова Г.Ш.* – в.н.с. ИЛИ им. М.О.Ауэзова (Казахстан)

Гульжахан Орда
КОРИФЕЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

¹ (с.646) – *Гульжахан Жумабердиевна Орда* – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова.

Яна Дубинянская
В ПРОВИНЦИИ У МОРЯ

¹ (с.687) – *Яна Дубинянская* (Киев) – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Заливы гулкие земли глухой и древней» (проза).

Елена Соловьёва
МАРТОВСКИЕ ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ
(все совпадения случайны, а персонажи
вымышлены)

¹ (с.709) – *Елена Соловьёва* (Екатеринбург) – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Заливы гулкие земли глухой и древней» (проза).

Евгений Касимов
СНЕГОПАД В ЦЕТИНЬЕ

¹ (с.726) – *Евгений Касимов* (Екатеринбург) – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Пройти по всей земле горящими ступнями...» (проза).

Алексей Салов
СЕМЬ ДНЕЙ СОТВОРЕНИЯ

¹ (с.732) – *Алексей Салов* – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Пройти по всей земле горящими ступнями...» (проза). Студент Курского государственного университета (магистратура).

Лев Усыскин
ВЕЧЕРОМ В АЗИИ

¹ (с.739) – *Лев Усыскин* (Санкт-Петербург) – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Пройти по всей земле горящими ступнями...» (проза).

Александр Барбух
ЧЁРНАЯ АПТЕКА
Рассказ

¹ (с.751) – *Александр Барбух* (Москва) – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Я не просил иной судьбы у неба...» (проза).

Мария Скрягина
ТАЙНА СПЯЩЕЙ ЦАРЕВНЫ

¹ (с.797) – *Скрягина Мария Александровна* (Омск – Москва) – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Я не просил иной судьбы у неба...» (проза). Родилась в 1977 году в г. Омске. Закончила факультет «Теологии и мировых культур» ОмГУ, училась и работала в сфере информационной и просветительской деятельности в Москве, Минске, Омске, Нюрнберге. Публиковалась в литературных журналах «Пилигрим», «Литературный Омск», «Коростель», «Евроклуб», «Крещатик», «Подъём», «День и Ночь». Автор сборника рассказов, удостоенного в 2005 году поощрительной премии на омском конкурсе имени Ф.М. Достоевского. Рассказ «Тайга» в 2005 году занял первое место на конкурсе Союза писателей России «Русская тема».

Как критик сотрудничает с интернет-журналом «Органон», является автором интернет-рассылки «Рецензии на самые интересные книги».

Валентина Фролова
ТРИ ФИНАЛА И ОДИН ЭПИЛОГ

¹ (с.816) – *Фролова Валентина Сергеевна* (Севастополь) – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Я не просил иной судьбы у неба...» (проза).

² (с.831) – Не исключено, что в какой-то мере прототипом Сейберта был сам Колбасьев, тоже командир дивизиона канонерских лодок, тоже человек, писавший стихи.

³ (с.834) – Е.И. Дмитриева.

Валентин Макушев
ВОЗВРАТА НЕ ЖЕЛАЮ
(рассказ)

¹ (с.845) – *Макушев Валентин Васильевич* (Рязань) – победитель шестого международного литературного волошинского конкурса в номинации «Я не просил иной судьбы у неба...» (проза).

Ксения Тилло
К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ ОСИПА
МАНДЕЛЬШТАМА

¹ (с. 893) – Цит. по: *Лепендин П.* Запоминаются навечно // Воронежский курьер. – 5 сентября 2008. – №100 (2748). – С. 3.

² (с. 895) – *Подгайный Б.* Мандельштамовские дни в Воронеже // Воронежский курьер. – 5 сентября 2008. – №100 (2748). – С.5.

Константин Кеяну
ВЛЮБЛЁННЫЙ ФЮРЕР

¹ (с. 907) – Источник: Ричард III. Перевод *А. Радловой* // *Шекспир У.* Полное собрание сочинений в восьми томах / Под общей ред. *А. Смирнова* и *А. Аникста*. – Т. 1. – М.: Искусство, 1957. – С. 431-579.

Наталья Елизарова
СКАЗКА: НАУЧНЫЙ ПОДХОД К
ДЕТСКОМУ ЖАНРУ

¹ (с. 998) – *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Кормилец // *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Золото: роман; повести и рассказы / Сост. *И. Парина*. – М.: Худ. лит., 1985. – С.494-495.

² (с. 998) – *Рафаэль Санти*. Святое Семейство (Тагильская Мадонна). 1509 г. *Дерево, темпера. 119x89x2,5*

³ (с. 999) – Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Сказка: научный подход к детскому жанру» прошла 24–25 апреля 2008 г. в Нижнем Тагиле, в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

⁴ (с. 1000) – *Миронов А.В.* Жанровый, структурный и мифопоэтический ракурс сказки о курочке Рябе // Сказка: научный подход к детскому жанру: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 апреля 2008 г. В 2-х ч. – Ч. I / отв. ред. *А.Н. Садриева*; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2008. – С. 160-166.

⁵ (с. 1000) – *Елизарова Н.В., Елизарова И.Л.* Сказки современных писателей Омского Прииртышья: воспитательный аспект // Сказка: научный подход к детскому жанру: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 апреля 2008 г. В 2-х ч. – Ч. I / отв. ред. *А.Н. Садриева*; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2008. – С. 22-27.

Дмитрий Бычков
СКАЗКА В ПРАЖАНРОВОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ РОМАНА-ЖИТИЯ
С. ВАСИЛЕНКО «ДУРОЧКА»

¹ (с. 1001) – *Д.М. Бычков* – магистрант филологического факультета Астраханского государственного университета. В измененном варианте статья впервые напечатана в: *Бычков Д.М.* Сказка в пражанровой основе современного житийного инварианта (на примере романа-жития «Дурочка» С. Василенко) // Сказка: научный подход к детскому жанру: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 апреля 2008 г. В 2-х ч. Ч. II / отв. ред. *А.Н. Садриева*; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2008. – С. 19–24.

Литература

1. *Еремин И.П.* Жанры древнерусского литературного творчества / Древнерусская литература. М., 1999. С. 489.

2. *Тайганова Т.* Роман в рубище. О романе С. Василенко «Дурочка» // Дружба народов, 2000. № 6. С. 233.

3. *Пропл В.Я.* Фольклор и действительность // Русский фольклор. М., 2002. С. 485.

4. *Василенко С.* Дурочка // Новый мир. 1998. № 11. С. 9–73. С. 15.

5. Там же. С. 37.

6. Там же. С. 13.

7. Там же. С. 17.

8. Там же. С. 20.

9. Там же. С. 61.

10. Там же. С. 73.

11. *Тайганова Т.* Указ. соч. С. 233.

Наталья Елизарова, Ирина Елизарова
СКАЗКИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ:
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

¹ (с. 1008) – Впервые напечатано: *Елизарова Н.В., Елизарова И.Л.* Сказки современных писателей Омского Прииртышья: воспитательный аспект // Сказка: научный подход к детскому жанру: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 апреля 2008 г. В 2-х ч. Ч. I / отв. ред. *А.Н. Садриева*; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2008. – С. 22–27.

Литература

1. *Башкатов Н.Т.* Великая тайна: стихи и рассказы. Омск: ОмГПУ, 2006. 208 с.

2. *Дегтярёв А.А.* Зазимок: короткие новеллы и сказки. Омск: Наука, 2005. 91 с.

3. *Рехин Э.М.* Дед Пыхто: стихи для детей. 2-е изд., доп. Омск: Литограф, 2003. 64 с.

4. *Саранча Н.* Прочтите детям // Складчина: литературная газета. 2002. июнь. № 2. С. 27.

5. *Стрельцова Т.* Тевризские сказки // Омская правда. 1994. 15 июля. С. 8–9.

Содержание

Слово к читателю	3
Из первых уст	
Елена Сурикова. Борис Дубин: «Большинство голосует за ту жизнь, которая есть»	13
Изящная словесность	
Виктория Кинг. Из нового романа «Мачехи»	29
Александр Аханов. Край земли. Август	41
Виктор Богданов. Лечение сном	46
Наталья Елизарова. Сильфида из троллейбуса	50
Мэри Кушникова. В ночь перед казнью	52
Мирослава Метляева, Роман Аронов. «Привет, миссис Ватсон!»	130
Анастасия Пушкина. Многоточие	144
Борис Телков. Имя от пришельца	160
Ирина Юсупова. Дух леса	169
Между звуком и смыслом	
Уильям Шекспир. Избранные сонеты в новых переводах	213
Светлана Василенко. Стихотворения	216
Никита Данилов. Из сборника «Иной век»	229
Пётр Кузнецов. Из сборника «Галеры времени»	244
Павел Маркин (Ёж). Услышать вдохновенье трудно... ..	250
Зоя Соснина. Я люблю этот мир... ..	265
Софья Петрова. Я шла, на Луну ровняюсь... ..	268
Рецензии	
Светлана Ананьева. Новая книга о Достоевском	273
Ирина Маркова. О народных мифах и символах времени	279
Константин Кешин. Явление достойное и гордое	281
Наталья Елизарова. Русский интеллигент в пиджаке и без	284

Евгений Асташкин. Пытливость ума	290
Ирина Маркова. Талант не умеет лгать	292

Памятки истории

Сергей Папков. Ленинский НЭП в облике произвола	297
Михаил Шмулёв. Балхаш	324

Сибирские воспоминания

Шимон Токаржевский. В скитаниях	335
Леонид Лопатин. Жить во лжи	395

Транскультурный собор

Альберт Ковач. Опыт сравнительной поэтики	415
Илья Левяш. По ту сторону «светлого» и «тёмного» христианства	478
Лео Бутнару. Велимир Хлебников и проблема словотворчества в европейском литературном пространстве	518
Ливия Которча. От футуризма к постмодернизму	526
Анастасия Романова. «Дневник» Мирчи Элиаде	546
Александр Варона. Русские-липоване Добруджи в дипломатической переписке Константина Леонтьева	552

Сибирь – Казахстан

Сеит Каскабасов. Предисловие к сборнику «Литературно-художественный диалог»	557
Сеит Каскабасов. Профессор Н.С. Смирнова – исследователь казахского фольклора	571
Светлана Ананьева. Казахская пушкиниана	578
Гульнар Жумасеитова. Интерпретация литературной классики на казахской балетной сцене ...	626
Анар Саимжанкызы Еркебай. Отражение исторических событий на сцене казахского театра	632
Гульнар Елеукенова. Публицистика Мир-Якуба Дулатова	639
Гульжахан Орда. Корифей филологической науки ...	646
Виктор Вайнерман. Культурный шок	653

Омской организации СПП – 15 лет

Нателла Лизаровская. «Каждый дышит, как он
пишет» 665

Литературные премии

Евгений Асташкин. Кемерово – Омск – Томск 669
Марианна Фаликова. О литературных премиях
Кузбасса 671

Литературный фестиваль в Коктебеле

Мирослава Метляева. Международный
литературный фестиваль им. М.А. Волошина 675
Яна Дубинянская. В провинции у моря 687
Елена Соловьева. Маргзовские виды на будущее 709
Евгений Касимов. Снегопад в Цетинье 726
Алексей Салов. Семь дней сотворения 732
Лев Усыскин. Вечером в Азии 739
Александр Барбух. Чёрная аптека 751
Мария Скрягина. Тайна спящей царевны 797
Валентина Фролова. Три финала и один эпилог 816
Валентин Макушев. Возврата не желаю 845

Возвышенное и земное

Николае Русу. Дио Лулудиа 861
Станислав Радзиевский. Серое небо дождями
расколото... 872
Игорь Егоров. Мост искушений 875
Игорь Егоров. Из цикла «Времена» 882
Любовь Начева. Мой друг 885
Сергей Стрельников. Мелькают события, лица... 889
Станислав Долгов. Дурачок 890

Цветы усопшим

Ксения Тилло. К 70-летию со дня гибели Осипа
Мандельштама 893
Пётр Кузнецов. Из сборника «In alis Temporis» 896

Свет рамы

Константин Кеяну. Влюблённый фюрер 899

От межи, от сохи, от покоса...

Галина Кудрявская. И плакали птицы... 931
Вольдемар Горх. Память 939

Роман с продолжением

Николай и Светлана Пономарёвы. Город без войны 949

О малых сих...

Евгений Асташкин. Миниатюры 973

В мире сказок

Наталья Елизарова. Сказка: научный подход
к детскому жанру 997
Дмитрий Бычков. Сказка в пражанровой
перспективе романа-жития С. Василенко «Дурочка» 1001
Наталья и Ирина Елизаровы. Сказки
современных писателей омского Прииртышья:
воспитательный аспект 1008
Игорь Петров. Сказки 1014

Вместо послесловия

От составителей 1021
Вера Блынская. «Голоса Сибири» в Доме
Достоевского 1022
Примечания 1037

ГОЛОСА СИБИРИ

Выпуск восьмой

Подписано к печати Формат
Бумага офсетная № Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж экз. Заказ №

Издательство «Кузбассвуиздат».
650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. (384-2)-58-34-48
internet: www.kvi.bip.ru e-mail: 582934@rambler.ru